

ВОЙНА 1812 ГОДА: события, судьбы, память

*Международная
научно-практическая конференция*

Витебск 2012

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова»
Главное управление юстиции Витебского областного
исполнительного комитета
Учреждение «Государственный архив Витебской области»

ВОЙНА 1812 года: СОБЫТИЯ, СУДЬБЫ, ПАМЯТЬ

*Материалы международной
научно-практической конференции*

Витебск, 17–18 мая 2012 г.

*Витебск
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
2012*

УДК 94(100)''1812'':94(976)''1812''
ББК 63.3(0)52+63.3(4Бел)47
В61

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 21.03.2012 г.

Редакционная коллегия:

А.П. Косов (*ответственный редактор*),
Г.Н. Яковлева (*заместитель ответственного редактора*),
А.М. Лукашевич, А.Н. Дулов, Е.А. Гребень, В.П. Коханко,
О.А. Любченко, А.В. Мартынюк, П.Н. Подгурский,
Т.М. Свистунова, В.М. Шорец, Д.В. Юрчак

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук, профессор *В.В. Швед*;
кандидат исторических наук, доцент *В.А. Сосно*

Война 1812 года: события, судьбы, память : материалы
В61 международной научно-практической конференции, Витебск,
17–18 мая 2012 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А.П. Косов (отв. ред.)
[и др.]. – Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2012. – 293 с.
ISBN 978-985-517-353-4.

В научном издании содержатся материалы докладов, посвященные событиям войны 1812 года, судьбам ее участников и народной памяти. Может быть полезно исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется историей войны 1812 года.

УДК 94(100)''1812'':94(976)''1812''
ББК 63.3(0)52+63.3(4Бел)47

ISBN 978-985-517-353-4

© УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ЕВРОПА И РОССИЯ В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН. ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ 1812 ГОДА. БЕЛАРУСЬ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

<i>Косов А.П.</i> Франция и Россия: от Тильзита к войне 1812 г.	7
<i>Билевич О.И., Стрелец М.В.</i> Германские евреи в период наполеоновских войн	11
<i>Громакова Н.Ю.</i> Польское оппозиционное движение в контексте французской внешней политики (конец XVIII – начало XIX века)	13
<i>Гребенкин А.Н.</i> «...Корпус кадетский есть рассадник великих людей...»: система отечественного военного образования в конце XVIII – начале XIX в. ..	17
<i>Гладышев В.С.</i> «Польский вопрос» накануне войны 1812 г.	21
<i>Мандрик И.В.</i> Планы возрождения Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского накануне и во время войны 1812 года	23
<i>Цеске Э.О.</i> Антинаполеоновская пропаганда прибалтийских немцев (1806–1815 гг.)	25
<i>Путилова Е.В.</i> Военные реформы А.А. Аракчеева и М.Б. Баркляя де Толли в преддверии 1812 года	29
<i>Заневский С.В.</i> Западные рубежи Российской империи в эпоху наполеоновских войн (по данным Национального исторического архива Беларуси в Гродно)	32

РАЗДЕЛ 2. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЛЕТОМ–ОСЕНЬЮ 1812 ГОДА. ГЕРОИ 1812 ГОДА

<i>Бектинеев Ш.И.</i> Стратегические планы российского командования 1811–1812 гг. и первый этап Отечественной войны 1812 г.	37
<i>Донских С.В.</i> Штрафные батальоны Наполеона в войне 1812 года	43
<i>Лукашевич А.М.</i> Российская тактика «выжженной земли»: планы и применение на белорусских землях летом 1812 г.	47
<i>Салеева М.В.</i> Итальянцы в русской кампании Наполеона	55
<i>Бубала А.Ф.</i> Паўночны напрамак. 1812 год на Дрысеншчыне	57
<i>Ермалёнак В.А.</i> Мёршчына ў вайне 1812 года	62
<i>Самусик А.Ф.</i> Смоленичи и их окрестности в период войны 1812 года	66
<i>Черепица В.Н.</i> Отечественная война 1812 г. в ратной истории частей Гродненского гарнизона (вторая половина XIX – начало XX века)	70
<i>Поляков С.И.</i> Война 1812 года в истории Полоцкой земли	75
<i>Баўтовіч Міхась.</i> Генерал Кульнёў. Тварэнне міфу	79
<i>Чаропка С.А.</i> Героі страчанай Айчыны	83
<i>Баталко Т.И.</i> Генерал от артиллерии А. Ермолов – герой Бородино и проконсул Кавказа	86
<i>Егоров А.М.</i> Фельдмаршал М.И. Кутузов и Псковская губерния в 1812 году	88
<i>Есюнин С.Н.</i> Биографии генералов 10-й пехотной дивизии Чеодаева, Мисевского и де Юнкера – участников войны 1812 года	92
<i>Гапеев Д.С.</i> М.И. Платов: участие в войне 1812 года	96
<i>Власова Н.В.</i> Немцы на службе России: Иоганн Рейнгольд фон Дрейлинг	98
<i>Новожеев Р.В., Потворов И.И.</i> Страницы биографии подпоручика Александра Безобразова: мифы и факты	101

**РАЗДЕЛ 3. ПОЛОЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИЯХ,
ПОДКОНТРОЛЬНЫХ ВЕЛИКОЙ АРМИИ.
ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ**

<i>Бруханчик Е.А.</i> Кредитные учреждения Беларуси в период войны 1812 г. ...	105
<i>Шумейко М.Ф.</i> Война 1812 года в судьбе архивного наследия Великого Княжества Литовского	107
<i>Литвиновская Ю.И.</i> К ситуации в Витебской губернии в 1812 году	111
<i>Петров Д.Н.</i> Французский режим в Могилеве летом – осенью 1812 г.	114
<i>Горидовец В.В.</i> Судьбы православного и униатского духовенства Витебской губернии в контексте событий 1812 года	117
<i>Борисенко М.Г.</i> К вопросу об отношении французской армии к монастырям Москвы	122
<i>Падбярэзкі П.Д.</i> Ідэалагічная барацьба на старонках “Часовай Мінскай газеты”	126
<i>Вилейко С.Л.</i> 1812 год: партизанская и народная война	128
<i>Бережинский В.Г., Горелов В.И.</i> Тактика войсковых партизанских отрядов в Отечественной войне 1812 г.	132
<i>Кутырева О.С.</i> Француз боек – да партизан стоек!	136
<i>Агееў А.Р.</i> Партызанскі рух 1812 года на Магілёўшчыне: анамалія ці заканамернасць?	138

**РАЗДЕЛ 4. ВОЙНА И ОБЩЕСТВО.
ИТОГИ И УРОКИ ВОЙНЫ 1812 ГОДА**

<i>Ludovic Lefebvre.</i> 1812: regard sur une époque quelques remarques et observations	142
<i>Коровин В.В.</i> Участие населения Курской губернии в материальном обеспечении действующей армии (1812–1813 гг.)	148
<i>Иванова Т.П.</i> Тверское ополчение в войне 1812 г.	151
<i>Лейберов А.О.</i> Нежинский пехотный полк земского ополчения в Отечественной войне 1812 года	155
<i>Бережинский В.Г., Лапатыёва Н.В.</i> Украинское ополчение 1812 года	158
<i>Ляпин В.А.</i> Военная промышленность России в 1812–1814 гг.	162
<i>Чуракова О.В.</i> История создания и деятельности Императорского Женского Патриотического общества 1812 года	164
<i>Павлов Н.Е.</i> Отечественная война 1812 года и Русская Православная Церковь	168
<i>Николаева И.В.</i> Гендерные аспекты патриотического движения в истории Отечественной войны 1812 г. и Великой Отечественной войны	171
<i>Николаева Е.В.</i> Подвиг чувашского народа в войне 1812 года	173
<i>Літвіновіч Анатоль.</i> Бітва і пераправа Напалеонаўскай арміі на рацэ Бярэзіна і іх наступствы для французаў і беларусаў: да праблемы беларуска-французскіх узаемадачыненьняў пасля бярэзінскай трагедыі	175
<i>Мосейчук Л.И.</i> «Возобновить работу Главной виленской семинарии не представляется возможным...»: послевоенное разорение 1812 года	178
<i>Елисеев А.Б.</i> «Чрез то беспокойствие большое здешним обывателям делается»: слухи о волнениях в «литовских» губерниях в марте–апреле 1813 г.	181

<i>Цинкевич А.А.</i> Ущерб, нанесенный войной 1812 года Виленской и Гродненской губерниям	184
<i>Янчаускас Т.В.</i> Военный опыт офицеров кавалерии – участников Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг.	187
<i>Войтов М.Ф.</i> «Мы были дети 12-го года»	190

РАЗДЕЛ 5. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ВОЙНЫ 1812 ГОДА. ИСТОЧНИКИ. ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

<i>Михайлов А.А.</i> Военные критики о романе Л.Н. Толстого «Война и мир» и их влияние на историографию Отечественной войны 1812 г.	192
<i>Яковлева Г.Н.</i> Война 1812 года и ее актуализация в советской и современной российской истории	196
<i>Сцебурака А.М.</i> Рукапісы з калекцыі Эміля Брувэ ў зборы Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі	200
<i>Рипянчина В.Ю.</i> Война 1812 года глазами Стендаля	203
<i>Сидоренко Б.И.</i> Битва под Салтановкой 10(22)–11(23) июля 1812 г. в свете статистики потерь русских и французских войск: спорный аспект историографии	205
<i>Белецкий А.И.</i> Бой при Островно в июле 1812 года в российской дореволюционной и советской историографии	208
<i>Ленская В.В.</i> Белорусские земли в годы войны 1812 года в исторических трудах Е.В. Тарле	210
<i>Тихомиров С.А.</i> Провинциальные источники по истории эпохи наполеоновского нашествия (по материалам Государственного архива Вологодской области)	213
<i>Якубова Т.А.</i> Биографии М.И. Кутузова и М.А. Милорадовича по материалам Института рукописей и отдела библиотечных собраний и исторических коллекций Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского	217
<i>Дулов А.Н., Юрчак Д.В.</i> Репрезентации войны 1812 г. в современных учебниках по истории Беларуси для школы и вуза	220
<i>Подлипский А.М.</i> Памятник героям Отечественной войны 1812 года в Витебске	223
<i>Шилало К.В.</i> Память о войне 1812 г. в Витебске как ресурс для развития туризма	230
<i>Півавар М.В.</i> Месцы, звязаныя з 1812 годам, у наваколлях Віцебска	232
<i>Исакович Е.В., Устинова Е.С.</i> Война 1812 г. в легендах и преданиях Витебщины	235
<i>Пушкін І.А.</i> Архірэйска палац у Магілёве і падзеі вайны 1812 г.	237
<i>Одинец Л.С.</i> 1812 год: места боев и память о них на Брестчине	241
<i>Захарова Е.Л.</i> Памятные места войны 1812 года на Полотчине	243
<i>Бароўка В.Ю.</i> Падзеі вайны 1812 года ў інтэрпрэтацыі беларускіх празаікаў	246
<i>Смолік А.І.</i> Адлюстраванне падзей вайны 1812 года на Беларусі ў творчасці Петэра Хеса	250
<i>Чернова О.В.</i> Исторические символы из 1812 года в песнях о Великой Отечественной войне	254

Карпекін К.Р. Адлюстраванне падзей вайны 1812 г. у вуснай народнай творчасці (паводле матэрыялаў Лёзненшчыны)	258
Мишина А.В. Городской пейзаж Москвы первой трети XIX века в изобразительном искусстве и литературе как память и историческое свидетельство о пожаре 1812 года	261
Соколова Н.Д. Портретная миниатюра в России и герои Отечественной войны 1812 года	265
Михайлова И.П. Страницы жизни и творчества поэта, воина В.Ф. Раевского	269
Седельникова О.В. Война 1812 г. в парижских записях путевого дневника А.Н. Майкова 1842–43 годов	272
Лякишева С.И. А.С. Кайсаров в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»	276
Котович Т.В. Структурно-семантический анализ фильма С. Бондарчука «Война и мир» («1812» и «Пьер Безухов»)	281
Виноградов А.А. Знание истории Отечества как одно из проявлений патриотизма (на примере знания студентами истории Отечественной войны 1812 года)	286
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	288

РАЗДЕЛ 1

ЕВРОПА И РОССИЯ

В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ 1812 ГОДА.

БЕЛАРУСЬ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

А.П. Косов

ФРАНЦИЯ И РОССИЯ: ОТ ТИЛЬЗИТА К ВОЙНЕ 1812 г.

Война 1812 г. положила начало конца могуществу наполеоновской Франции в Европе. Однако начинал Париж эту войну в ранге сильнейшей державы Европы. Ниже хотелось бы рассмотреть развитие франко-российских отношений с момента заключения Тильзитского мира 1807 г. и до вторжения Великой армии в пределы Российской империи летом 1812 г.

Как известно, Тильзитский мир подвел итог войне очередной антифранцузской коалиции против Франции. Казалось, Наполеон достиг небывалой вершины могущества: он являлся самодержавным правителем громадной Французской империи, включавшей в себя помимо Франции, Бельгию, западную Германию, Пьемонт, Геную; королем Италии, протектором огромной части германских земель Рейнского союза, к которому теперь присоединилась и Саксония; фактически повелевал Швейцарией, Голландией, Неаполитанским королевством, Вестфальским королевством, Баварией, Ионическими островами. Кроме того, согласно Тильзитскому миру почти вся северная территория Польши была отдана союзнику Франции, саксонскому королю в виде так называемого Великого герцогства Варшавского, созданного 22 июля 1807 г.

Российская империя в это время, наоборот, оказалась в довольно затруднительном положении. Еще до Тильзита в 1807 г. в окружении Александра I сложилось три группировки, имевшие свои взгляды на дальнейшую внешнеполитическую стратегию России в условиях небывалой мощи Франции на континенте. Так называемые «молодые друзья» императора (Новосильцев, Чарторыйский, Строганов) выступали за укрепление союза с Англией. Вдовствующая императрица Мария Федоровна, министр иностранных дел А.Я. Будберг и командующий войсками в Польше Л.Л. Беннигсен выступали за тесный союз с Пруссией. Третья группа (министр коммерции Н.П. Румянцев, посол в Австрии А.Б. Куракин и позднее М.М. Сперанский) выступала за политику «свободы рук», ратовала за более дружественные отношения с Францией и более жесткую линию в отношении Англии. При этом все три группы выступали за как можно скорейшее завершение конфликта с Францией [1, с. 60 – 61]. Пересмотру внешнеполитической линии Александра I способствовала и политика Великобритании, которая, в очередной раз хотела добиться успеха чужими руками. К тому же, расчеты российского правительства от сотрудничества с Англией не оправдались. В итоге, оставшись без союзников после разгрома Пруссии, не получая никакой реальной помощи от Англии, Россия была вынуждена резко изменить внешнюю политику [2, с. 68]. Таким образом, существовали все предпосылки для заключения мира с Францией, что и произошло в Тильзите в июне 1807 г.

В итоге переговоров Наполеону удалось навязать Александру свои требования, главные из которых заключались в признании всех завоеваний Франции и вступлении России с ней в союз, а также в присоединении России к континентальной блокаде. Безусловно, это уязвляло самолюбие российского самодержца и

ударяло по экономическим интересам страны. Правда, Тильзитский договор предоставлял России свободу действий на турецком и шведском направлениях [3, с. 24]. Хотя, на самом деле французы постоянно нарушали это условие, действуя закулисно и устраивая различные провокации Петербургу.

В целом, России в 1807 г. мир с Францией был нужен несколько больше, нежели Парижу, поэтому Наполеону удалось продиктовать Александру I нужные для Франции условия мирного договора. Правда, в Тильзите Россия признала и уступила Франции многое из того, что и так уже было завоевано французами [4, с. 109].

Наполеон преследовал свои цели, идя на подписание тильзитских соглашений. После победы над Пруссией и Россией Наполеон на правах победителя рассчитывал стать полным хозяином в Европе. Германия была практически покорена – Австрия находилась еще в ослабленном состоянии, Пруссия разгромлена, из раздробленных германских государств создан вассальный Рейнский союз; Италия, Голландия и Швейцария завоеваны. Союз с Россией был нужен Наполеону для завершения покорения Европы, в первую очередь на Пиренейском полуострове и для борьбы с Англией. Он понимал, что до тех пор, пока не будет сокрушена Великобритания, его борьба с коалициями будет подобна «борьбе с многоглавой гидрой» [5, с. 114]. Однако покорить Альбион силой оружия Наполеон не мог – для этого нужен был сильный флот, которого он не имел, особенно после победы англичан над франко-испанской эскадрой у мыса Трафальгар в 1805 г. Поэтому император Франции всецело рассчитывал на действенность континентальной блокады Британских островов, декрет о которой был подписан 21 ноября 1806 г. Присоединение Российской империи к континентальной блокаде по условиям Тильзитского мира было большим успехом Наполеона в осуществлении его замысла «экономического удушья» Лондона.

Бесспорно, для Российской империи Тильзитский договор нанес огромный вред. Особенно пострадала внешняя торговля России. Для нее континентальная блокада означала полнейшее торговое разорение [6, с. 25]. Союз с Наполеоном и разрыв с Англией сильно задевали экономические интересы и дворянства и купечества. Исходя из этого, многие в стране были раздражены политикой и действиями правительства. Российский император, поверив обещаниям Наполеона, что, приобретя благодаря франко-русскому союзу со временем часть Османской империи, он успокоит этим шагом придворную, гвардейскую и общедворянскую оппозицию. Однако время шло, а обещания Наполеона так и оставались пустыми словами. Более того, стала появляться информация, будто Франции подстрекает турок к дальнейшему сопротивлению в войне против России, которую вели еще с 1806 г. [7, с. 205]. Дело в том, что после тяжелого поражения русской армии под Аустерлицем в 1805 г. международное положение России в мире значительно ухудшилось. Этим воспользовался Стамбул, который мечтал взять реванш за череду поражений от русских в прошлом. При этом Париж обещал помочь Турции вернуть Крым и присоединить Грузию. Как известно, русско-турецкая война затянулась: турки не смогли захватить Грузию и дунайские княжества, а Россия, в связи с тем, что основная часть русских войск была сосредоточена на западных границах, не имела возможности нанести туркам решительный удар. Такая ситуация всецело отвечала интересам Франции.

Александр I за время, прошедшее между Тильзитом и Эрфуртом, понял, что доверять Наполеону не следует, поскольку он не собирался выполнять своих обещаний, данных в Тильзите. Однако царь боялся французского императора и порывать с ним ни за что не хотел, несмотря на усиливавшуюся оппозицию внутри страны. Более того, по указанию и приглашению Наполеона, желавшего нака-

зять Швецию за ее союз с Англией, Александр еще с февраля 1808 г. вел со Швецией войну, которая завершилась присоединением к России Финляндии. Но даже этим «он не успокоил раздражения и беспокойства русских помещиков, для которых интересы своего кармана стояли бесконечно выше всяких территориальных государственных экспансий на бесплодном севере» [7, с. 207].

Тем не менее, дабы устранить разногласия, возникшие в результате присоединения России к континентальной блокаде, Наполеон осенью 1808 г. пригласил Александра I на личное свидание в Эрфурт. Безусловно, он рассчитывал, что царь будет также уступчив, как и в Тильзите, и что ему удастся окончательно подчинить российскую внешнюю политику интересам Франции. Однако Александр I уже не хотел идти на дальнейшие уступки и занял более твердую позицию. И хотя франко-русский союз формально остался в силе, отныне рассчитывать на него Наполеон не мог [7, с. 208]. Таким образом, хотя Эрфуртское соглашение 1808 г. и разрешило некоторые проблемы, но все-таки не устранило скрытого и глубокого разрыва между Францией и Россией. В итоге оно продлило союз, но отнюдь не упрочило его. Дальнейшие события показали, что оба союзника обманывали друг друга, оба не доверяли друг другу ни в чем, и оба некоторое время нуждались друг в друге [4, с. 124].

Начиная с 1809 г. напряженность в отношениях России и Франции непрерывно нарастала. Этому способствовали и обвинения Наполеона в адрес Александра в невыполнении взятых им на себя обязательств в Тильзите и Эрфурте, и нежелание последнего породниться с Наполеоном. Как известно, отказ выдать замуж за Наполеона великую княгиню Анну был воспринят императором Франции как публичное оскорбление. Именно тогда по всей Европе во всю заговорили о приближающейся резкой размолвке между обоими императорами. А женитьба Наполеона на австрийской эрцгерцогине трактовалась как замена франко-русского союза франко-австрийским альянсом [7, с. 246].

В середине 1810 г. франко-русские противоречия еще более обострились из-за ослабления континентальной блокады со стороны России, а также из-за Балкан, Турции, Персии, где французские дипломаты стремились проводить антирусскую политику. В итоге, готовиться к войне обе стороны начали с февраля-марта 1810 г., причем скрывали свои военные приготовления и обвиняли друг друга в стремлении уничтожить дружбу и мир.

Введенный в России таможенный тариф 1810 г. накладывал высокие пошлины на французские товары. В свою очередь, это вызвало резкое недовольство французской буржуазии. Объявляя таможенную войну Франции, Александр I тем самым фактически заключил экономический союз с Великобританией, что явилось крушением всей континентальной системы и смертельным ударом для французской буржуазии и Наполеона [6, с. 29].

Начиная с 1810 г. у Наполеона росло убеждение, что русский царь его обманывает, что английские товары из России через Пруссию, Австрию, Польшу просачиваются в Европу, и это сводит к нулю континентальную блокаду, т.е. уничтожает единственную надежду «поставить Англию на колени». Он понял, что его стремление подчинить себе внешнюю политику и экономику России путем экономической борьбы не принесет успеха. Поэтому уже с осени 1810 г. Наполеон стал свыкаться с мыслью, что победить англичан он сможет только в Москве [7, с. 242]. Впервые не только размышлять вслух о войне с Россией, но и серьезно изучать этот вопрос Наполеон начал с января 1811 г., когда ознакомился с новым русским таможенным тарифом, который больно ударил по французскому экспорту [7, с. 247].

Таким образом, континентальная блокада породила войну 1812 г., а нагнетаемая международная обстановка ускоряла ее развязывание из-за ряда противоречий между Россией и Францией в политических вопросах. Самым острым из них был польский вопрос. Наполеон создал из польских земель, принадлежавших Пруссии, Великое герцогство Варшавское, которое представляло собой «сильного, но покорного ему вассала на самой русской границе». Последующее присоединение Галиции к герцогству Варшавскому и расширение его территории также расценивалось царским правительством как недружелюбный акт по отношению к России и как подготовка Наполеоном плацдарма на случай войны с ней. Присоединение Наполеоном в 1810 г. к Франции герцогства Ольденбургского и изгнание его правителя, женатого на родной сестре Александра Екатерине Павловне, ущемляло династические интересы царской фамилии.

15 августа 1811 г. на дипломатическом приеме император гневно высказал ряд угроз в адрес России русскому послу в Париже князю Куракину. И после этого эпизода в Европе уже никто не сомневался в близкой войне между Россией и Францией [7, с. 247].

Очень многое для реализации наполеоновских планов зависело от того, удастся ли претенденту на мировое господство сколотить мощную антирусскую коалицию из Австрии, Пруссии, Швеции и Турции. В начале 1812 г. Франция была вынуждена по сути признать крах континентальной системы и крупные военные неудачи в Испании, грозившие полным изгнанием оттуда французских войск. Несмотря на то, что французы заняли основные испанские города, несмотря на то, что испанская королевская фамилия была вывезена во Францию, испанский народ сражался с врагом до последнего, ведя партизанскую войну в масштабах всей страны. Поэтому Наполеон вынужден был держать в Испании крупную группировку отборных войск, которые зачастую терпели существенные неудачи, и конца-края этой войне не было видно. Однако остальная Европа практически вся была готова покорно следовать за Францией.

Становилось очевидным, что Наполеон готовит огромную коалицию против России. С севера должны были ударить шведы, с запада – французы и австрийцы, а с юга – турки. В итоге, Наполеон сумел заключить в декабре 1811 г. военный союз между Францией и Австрией, по которому австрийцы обязались выставить 30 тысяч солдат против России. В феврале 1812 г. Наполеон заключил также союзный договор с Пруссией, которая должна была выставить против России 20 тысяч солдат, а также обеспечить тыловое снабжение французской армии. Но шведы после войны 1707–1708 гг. с Россией больше воевать не хотели, они потеряли всю Финляндию и были бы довольны, если бы Россия не возражала, чтобы к ним отошла Норвегия. Кроме того, занятие в январе 1812 г. французскими войсками Померании и острова Рюген, принадлежавших Швеции, вызвало негодование шведов и толкнуло их на союз с Россией [6, с. 37]. Враждебную России политику французская дипломатия проводила и в Иране, противодействуя присоединению к России Закавказья, и в Турции, которую Наполеон подстрекал к затягиванию войны. Дело в том, что с турками война шла с переменным успехом уже с 1806 г., но когда командующим русскими войсками был назначен М.И. Кутузов, он сумел эту войну закончить и в мае 1812 г. подписал Бухарестский мир – за месяц до наступления Наполеона. Таким образом, турок выбили из этой необъявленной коалиции и в полной мере французский план войны против России не удался. Тем не менее, уже ранней весной 1812 г. дипломатическая подготовка войны с Россией была закончена. Тыл Франции был обеспечен, путь на Россию открыт, военных сил у Наполеона было в несколько раз больше, нежели во всех

предшествующих кампаниях. Кроме того, перед ним был противник, которого он уже несколько раз бил [7, с. 252–254].

Александр I также думал о неизбежности войны и искал союзников. В частности, он вел переговоры со Швецией, которые, как известно, завершились подписанием союзного договора. Весьма важно было для Петербурга заключить союз с Лондоном. В итоге, в июле 1812 г. англо-русский союз был заключен, и Россия официально отказалась от участия в континентальной блокаде. Однако Англия сама находилась в весьма сложном положении: ее финансовую систему тяготила континентальная блокада. Кроме того, готовилась война с США, вспыхнувшая почти одновременно с войной 1812 г.

Проанализировав развитие международной ситуации и франко-русских отношений в рассматриваемый период, можно сделать следующий вывод. Основной и неизменной целью Наполеона было утверждение Франции в ранге ведущей державы Европы. Однако на его пути стояла Англия, которая была труднодоступна благодаря ее островному положению и отсутствию у Наполеона сильного флота, способного обеспечить высадку на Британские острова. Поэтому в лице России, достаточно самостоятельной и крупной державы на континенте, Наполеон видел союзника, однако лишь в том плане, чтобы с ее помощью можно было поддерживать континентальную блокаду против Англии. Идя на союз с Россией, он преследовал конечную цель – победить Англию.

Александр I в свою очередь пошел на союз с Францией вынужденно, оказавшись в довольно затруднительном положении после ряда военных поражений, но при этом, рассчитывая извлечь определенную выгоду для себя. Однако союз двух императоров оказался химерой и в итоге привел к войне 1812 г., которая стала началом конца могущества наполеоновской Франции в Европе.

1. История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). – М.: Международные отношения, 1999. – 448 с.
2. Жилин, П.А. Отечественная война 1812 года / П.А. Жилин. – М.: Наука, 1988. – 495 с.
3. Троицкий, Н.А. 1812. Великий год России / Н.А. Троицкий. – М.: Мысль, 1988. – 348 с.
4. Сироткин, В.Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. / В.Г. Сироткин. – М.: Наука, 1966. – 208 с.
5. Троицкий, Н.А. Александр I и Наполеон / Н.А. Троицкий. – М.: Высшая школа, 1994. – 304 с.
6. Гарнич, Н.Ф. 1812 год / Н.Ф. Гарнич. – М.: Гос. изд-во культурно-просвет. лит., 1952. – 216 с.
7. Тарле, Е.В. Наполеон / Е.В. Тарле. – Минск: Тривиум, 1993. – 429 с.

О.И. Билевич, М.В. Стрелец **ГЕРМАНСКИЕ ЕВРЕИ В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН**

Французская революция привела в 1791 г. к эмансипации евреев во Франции, и Наполеон I внёс этот принцип с Гражданским кодексом в оккупированные и зависимые государства (например, в королевство Вестфалия). В государствах Рейнского союза евреи были сначала равноправны, правда, с некоторыми ограничениями [3, с. 50].

В связи с деятельностью Наполеона I на немецких землях следует особо упомянуть Исраэля Якобсона и Вольфа Брайденбаха. Благодаря их усилиям была отменена еврейская подушная подать в большинстве немецких государств. Якобсон воспользовался случаем, когда 30 мая 1806 г. вышел знаменитый декрет Наполеона, который был посвящён еврейскому вопросу и содержал распоряжения еврейским депутатам, чтобы обратиться к императору с просьбой распространить его действие на евреев других стран и создать единую еврейскую церковно-политическую организацию. Возможно, что эта смелая мысль Якобсона подвигла Наполеона на дальнейшие шаги в еврейском вопросе. Созыв в Париже 9 февраля

1807 г. санхедрина французского еврейства также произвёл сильное впечатление на немецких евреев. Они посылали письма преданности и почитания, а также делегации санхедрину и императору. Успех этого собранного только один раз парламента был в социальном и культурном отношении незначительным для еврейского вопроса. Изданное Наполеоном в 1808 г. консисториальное положение, основы которого более столетия сохраняли силу во Франции и следы которого прослеживались в конституции эльзас-лотарингских и многих рейнских германских общин, содержал ещё много предубеждений против евреев. Нельзя также не упомянуть и о том, что в 1808 г. Наполеон издал так называемый «постыдный декрет», который отменил их свободу передвижения евреев и дозволил им промышленную деятельность только со специальным патентом. Согласно этому декрету, евреев следовало в течение десяти лет так воспитать благодаря определённым мероприятиям, чтобы они «не отличались от других граждан». Настоящий декрет был введён для всех германских департаментов и сохранял силу в Рейнском Гессене и Рейнской Пруссии до 1847 г.

Первым, кто гарантировал действительное равноправие евреев был брат король Жером. Именно благодаря ему евреи Вестфалии с января 1808 г. имели такое положение [2, с. 199].

В королевстве Пруссия после полного поражения в 1806 г. встал вопрос о государственных реформах. С прусским еврейским эдиктом 1812 г. живущие в Пруссии евреи стали гражданами страны и прусскими гражданами. Некоторые стали офицерами в прусской армии. Но эдикт содержал чувствительные ограничения и был, например, в провинции Познань, где жило большинство евреев, недействительным, так что не возникло одинаковое и единое право [1, с. 99].

Благодаря увеличению территории число баденских евреев возросло с 2265 в 1802 г. до 14200 в 1808 г. Карлсруэ и Мангейм образовали еврейские центры. В либеральном Великом герцогстве Баден «конституционный эдикт» от 13 января 1809 г. уравнивал евреев как граждан государства, но упразднил бывшую до сих пор традиционную еврейскую конституцию. Государственная школьная обязанность затронула также школьную обязанность, точно так же как воинскую обязанность, были предписаны наследственные семейные имена [3, с. 66].

В 1816 г. в Баварии вступил в силу принятый за три года до этого еврейский эдикт. С ним евреи в значительной степени уравнивались в правах с христианами. Этот эдикт, будучи вехой в истории эмансипации евреев в Баварии, предусматривал отмену еврейской юрисдикции, разрешал им заниматься землевладением и открыл им доступ во все университеты страны. В «матрикулярных параграфах» регулировал всё же также учёт имеющих право на проживание евреев в охранной грамоте (матрикуле) в регистрах. Тут для каждой местности было установлено предельное число еврейских семей, которое по возможности должно было снижаться, регулированию подлежали не только свобода передвижения евреев, но и возможности евреев создавать семьи [2, с. 98].

В королевстве Саксония правовое положение евреев оставалось неясным почти точно так же долго, как в Ганновере. Уже в 1800 г. было замечено присутствие еврейских купцов среди посетителей лейпцигской ярмарки, прежде всего из Польши. В 1814 г. было дано разрешение на открытие еврейского кладбища в Йоханистале под Лейпцигом [3, с. 53].

К сожалению, Венский конгресс оказался несправедливым по отношению к евреям. Представители Австрии (Меттерних), Пруссии (Харденберг), ганзейских городов, Баварии, Саксонии, Дармштадта и других выступили с требованием вновь лишить их гражданских прав.

На Венском конгрессе в статью 16 союзных актов было включено намерение об улучшении положения евреев и подтверждён Status quo для принятых союзными государствами законов. Это не касалось французских оккупационных регулирований, которые особо затронули ганзейские города. Правовое положение должно было вновь регулироваться и стало весьма неясным [2, с. 121].

После реставрации в 1815 г. многие особые регулирования вновь привели к уничтожению равноправия. Это было также характерно для шведской Померании со Штральзундом, где позднее находились первые купцы семей Вертхайм и Титц. Король Пруссии Фридрих Вильгельм III застыл в консерватизме. Романтическое учение о «христианском государстве», которое разделял Фридрих Вильгельм IV, вновь поставило под вопрос новый статус и не позволило евреям проникнуть во власть. Университетские кафедры также были еврейским учёным, таким как, например, Эдуард Ганс, недоступны. Лишь в 1847 г. был создан единый еврейский закон [3, с. 59].

В 1815 г. в Бадене последовала отмена защитных денег. Конституция 1818 г. вновь ввела существенные ограничения в государственной службе и пассивное избирательное право [2, с. 121].

1. Freund, Ismar. Die Emanzipation der Juden in Preußen unter besonderer Berücksichtigung des Gesetzes vom 11. März 1812. Zweiter Band: Urkunden / Ismar Freund. – Berlin: Dietz, 1912. – 543 S.
2. Gotzmann, Andreas u. a. (Hg.): Juden, Bürger, Deutsche. Zur Geschichte von Vielfalt und Differenz 1800-1933. – Tübingen: Rowolt, 2001. – 231 S.
3. Barkai, Avraham. Jüdisches Leben in seiner Umwelt / Avraham Barkai // Meyer (Hg.): Deutsch-jüdische Geschichte Bd. IV. – Berlin: Dietz, 1982. – S. 50 – 73.

Н.Ю. Громакова
ПОЛЬСКОЕ ОППОЗИЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ
В КОНТЕКСТЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВЕКА)

Польский вопрос занимал важное место в системе международных отношений конца XVIII – начала XIX в. Проблема Польши как фактора европейской внешней политики актуализировалась в ходе разделов Речи Посполитой и сближения России, Австрии и Пруссии. Вместе с тем, польский вопрос (судьба польской государственности, национально-освободительное движение поляков) использовалось и другими европейскими державами, прежде всего Францией, в своих внешнеполитических интересах. Вопрос был настолько сложным и острым, что использовался в различных международных комбинациях в зависимости от исторических обстоятельств на данный момент [10, s. 199]. Тесная связь борьбы за независимость с конкретной международной ситуацией определяла специфику освободительного движения конца XVIII – начала XIX в.

В этих условиях польские шляхетские оппозиционеры большие надежды возлагали на международные комбинации, в которых ведущую роль играла Наполеоновская Франция, что привело к формированию профранцузского направления в польском общественном движении 1790-х – 1810-х гг. Этот период можно условно разделить на два этапа. Первый характеризуется деятельностью польских эмигрантов по созданию национальных легионов, кульминацией которого стало создание военных формирований в 1797 г. Второй этап активности шляхетских оппозиционеров связан с созданием Княжества Варшавского, которое должно было стать фундаментом польской государственности в будущем [12, s. 251].

В течение 1794–1795 гг. в Париж переехали известные польские политические деятели Ф. Барс, К. Прозор, Ю. Выбицкий и др. Террор, усилившийся в польских землях после подавления восстания 1794 г., и раскрытие польских тай-

ных организаций на оккупированных землях, – все это способствовало перемещению центра польского национально-освободительного движения за границу и сосредоточению основных сил на территории Франции [8, s. 177].

В скором времени среди участников польской оппозиции формируются два лагеря – «умеренные» и «якобинцы» («левица»), которые по-разному определяли свои задачи. Умеренные имели широкую организационную структуру (Львовская централизация 1796–1797 гг., парижская Агенция) и стояли у истоков формирования польских легионов. Они стремились реализовать социально-политическую программу, сформулированную патриотически-настроенными деятелями Четырехлетнего сейма (1788–1792 гг.). Эти деятели главное внимание уделяли подготовке вооруженного выступления при поддержке Франции, оставляя решение проблем, связанных с будущим государственным строем Польши, на будущее [6, s. 14].

Представители радикального лагеря – «левица» – сформировали в 1795 г. Депутацию, представлявшую это течение на международной арене. Среди ее самых активных деятелей – Ф. Дмоховский, адъютант Наполеона Й. Сулковский и П. Малешевский, которые осудили польскую шляхту за ее коллаборационизм с оккупационными властями [8, s. 178].

Программа «якобинцев» основывалась на принципах, сформулированных еще в ходе восстания Т. Костюшко, целью которых было становление республиканского строя в Польше и провозглашение буржуазно-демократических прав и свобод. «Якобинцы» предлагали поднять на польских землях восстание, в результате которого будет сформировано новое Польское государство наподобие Франции. Для этого предполагалось воспитывать «патриотизм общества в разнообразных формах» [11, s. 347].

Польские эмигранты склоняли Наполеона к войне с державами-участницами разделов Речи Посполитой с целью полного освобождения бывших польских территорий. В эпоху, когда Европа стала ареной наполеоновских войн, когда возникали новые государственные образования, поляки надеялись на возрождение своего государства с помощью собственного регулярного войска – легионов [9, s. 50]. В 1795 г. Ф. Барсс представил два проекта организации польских военных формирований (легионов) из эмигрантов и поляков-дезертиров из армий противников Франции. Были и другие проекты, мемориалы, в которых возрождение Польши рассматривалось как важное условие восстановления равновесия в Европе [7, с. 16].

Однако правительственные круги Франции не были действительно заинтересованы в решении польского вопроса. Вместе с тем, они использовали поляков в диверсионных целях против Австрии и России либо как способ давления для заключения мира на выгодных для Франции условиях [12, s. 145, 150].

В январе 1797 г. Я. Домбровский подписал соглашение о создании Польского легиона с Ломбардской республикой – искусственного образования, которое опиралось на силу французского оружия. Позже был сформирован второй легион. Известие об организации польских военных формирований имело сильный резонанс не только в среде эмиграции, но достигло территорий бывшей Речи Посполитой. На середину 1797 г. легионы насчитывали свыше 6000 чел. [8, s. 178]. Распространялись слухи, что планируется вступление этих частей на территорию Галичины, поскольку Франция в это время воевала с Австрией. Кроме того, предполагалось, что именно легионы поляков станут ядром восстания против оккупантов с целью возрождения польской государственности [4, л. 870].

Однако французское правительство предпочитало использовать легионы не против захватчиков Польши, а для защиты марионеточных итальянских государств. В 1798 г. правительство Франции передало военные формирования поля-

ков на содержание государства и вскоре на стороне французов воевало около 9000 поляков. Три польских легиона в течение 1799-1800 гг. участвовали в жестоких боях против российских войск А. Суворова и австрийских войск в Италии, где понесли тяжелые потери.

Создание легионов под эгидой революционной Франции теснее привязало польский вопрос к общеевропейским освободительным тенденциям. С другой стороны, судьба легионов показала, какими обманчивыми были надежды на иностранную помощь и как легко европейские правительства использовали патриотический порыв поляков в угоду своим внешнеполитическим интересам. В дальнейшем это привело к разочарованию и отказу от дальнейшей борьбы, размежеванию в среде сторонников профранцузского направления в польском оппозиционном движении конца XVIII – начала XIX в.

Победное продвижение наполеоновской армии по Европе возродило надежды поляков на возрождение национального государства. В 1806 г. Бонапарт использовал польский вопрос для давления на прусского короля. С согласия Наполеона генерал Я. Домбровский и Ю. Выбицкий 3 ноября 1806 г. обратились к полякам с призывом к восстанию, развернув активную деятельность по формированию военных частей на польских территориях. На земли бывшей Речи Посполитой, в т.ч. и на Правобережную Украину, были разосланы эмиссары с соответствующими инструкциями [1, лл. 2,7,7 об.]. Поляки справедливо полагали, что поражение Пруссии создавало исключительно благоприятные возможности для юридического подтверждения их освободительных стремлений, т.е. создания польских органов власти и организации польской армии. Вступление французов на польские территории Пруссии ускорило начало восстания против пруссаков [4, лл. 869–871].

Однако на захваченных польских землях Наполеон не собирался осуществлять фундаментальные государственные реформы. Насаждая польскую администрацию, Бонапарт опирался аристократию и шляхту. Командование сформированным польским войском было поручено князю Ю. Понятовскому. В Правительственной Комиссии, заседавшей в Варшаве, французский император пожелал видеть магнатов – деятелей Великого Сейма [3, лл. 698–700]. Однако основное внимание уделялось Наполеоном организации польского войска как вспомогательных подразделений французской армии [7, с. 39–40].

После подписания Тильзитского мира 7 июля 1807 г. между Россией и Францией было принято решение о создании Варшавского Княжества – политический компромисс, более-менее приемлемый в данных условиях [2, с. 637–642]. Провозглашение Варшавского Княжества означало создание на определенной территории польской национальной администрации, судебной системы, армии, т.е. превращение ее в важный фактор системы международных отношений начала XIX в. [5, лл. 548–551].

Преследуя цель крепче привязать новое польское государственное образование к Франции, Наполеон, способствовал принятию конституции Варшавского Княжества. Конституция определяла основы государственного строя, ограничивала права шляхты как элитного сословия, что, в свою очередь, вызвало недовольство новой властью. Обеспокоенное перспективой демократизации общественного устройства путем внедрения на польских землях принципов французского гражданского кодекса, польское дворянство обратилось к Наполеону с обоснованием нецелесообразности нововведений [7, с. 67].

Во время войны Бонапарта с Австрией польской армии Ю. Понятовского, которую поддерживало и приветствовало население Западной Галичины, удалось за короткое время занять значительную часть польских земель. В октябре 1809 г.

эти земли, согласно Шенбруннскому соглашению, были включены в состав Варшавского Княжества, что практически вдвое увеличило его территорию и укрепило позиции Франции в Восточной Европе.

Однако шляхта Галичины более сдержанно отнеслась к действиям императора Франции, чем население Великопольши. Более того, слухи о тайной российско-французской конвенции, распространяемые российской пропагандой, значительно ослабили позиции профранцузского направления в польском освободительном движении. Буржуазный демократизм общественных преобразований в Варшавском Княжестве вызвал серьезные опасения среди помещиков и аристократии Правобережной Украины относительно своих социальных перспектив, склоняя их к сотрудничеству с российскими властями как гарантии сохранения своего высокого привилегированного положения. И лишь малоземельная и безземельная шляхта с энтузиазмом встретила успехи Наполеона и была готова оказать ему всяческую поддержку [12, с. 251].

Накануне войны с Россией в Варшаве была создана комиссия для составления документа о восстановлении Польши и основании Генеральной конфедерации Королевства Польского. Этот документ был направлен против России и призывал к возрождению Польши в границах 1772 г. Но в этом документе не упоминалось о польских территориях, захваченных тогдашними союзниками Наполеона – Австрией и Пруссией [7, с. 146].

Однако пропаганда польских деятелей, ориентировавшихся на помощь Франции, не дала желаемых результатов, что стало очевидно уже в первые дни оккупации французами Литвы. Наоборот, требования Бонапарта относительно материального обеспечения его армии, мародерство, перспективы отмены крепостного права и барщины сформировали в среде местного дворянства оппозиционные настроения относительно новой власти. Разочарование большинства польской элиты в политике Наполеона способствовало тому, что даже в правительственных кругах Варшавского Княжества император не пользовался былой популярностью. Наоборот, чуждая традиционному общественно-политическому устройству административно-правовая модель нового государственного образования породила требования замены конституции Княжества Конституцией 3 Мая 1791 г. и восстановления Польши в границах 1772 г. Консерваторы сформировали из Конституции 1791 г. образец общественного устройства, ставший на несколько последующих десятилетий символом возрождения польской государственности.

Разгром наполеоновской Франции значительно ослабил позиции польских оппозиционеров, связывавших возрождение Польши с французской внешней политикой. Тем не менее, участники польского освободительного движения конца XVIII – начала XIX в. приобрели новый опыт борьбы за возрождение национального государства, результатом которого стала кристаллизация идеологии и методов деятельности польской оппозиции. Поляки, не имевшие государственности, благодаря победам французского оружия получили те основные условия национального существования, в которых им отказывали державы, принявшие участие в разделах Речи Посполитой. Вследствие этого в польском обществе сформировалось позитивное отношение к Наполеону и наполеоновской Франции, которое кардинально отличалось от позиции большинства европейских стран относительно французской внешней политики. Впоследствии оно повлияло на формирование мифа о Наполеоне как освободителе Польши.

1. Ведомости о польском эмиссаре Олицком, который обвиняется в распространении прокламации ген. Домбровского. – ЦГИАУК (Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве). – Ф. 533. – Оп. 1. – Д. 1076.

2. Внешняя политика России XIX и начала XX в. Серия 1 (1801–1815 гг.). Документы Российского министерства иностранных дел / ред. кол.: А.Л. Нарочницкий (отв. ред.) [и др.]. – Т. 3 (январь 1806 – июль 1807 г.) – М., 1963.
3. Донесение из Варшавы Галицкому губернаторству об организации польских легионов, сооружение французами моста через реку Нарву и их продовольственные затруднения и укрепление русскими своих позиций в районе Пулицска и Зегры и т.д. – ЦГИАУЛ (Центральный государственный исторический архив Украины в г. Львове). – Ф. 146. – Оп. 6. – Д. 2. – Док.120.
4. Донесение Самборского окружного старосты Ридесвальда Галицкому губернаторству о переходе помещиками округа границы с Польшей для участия в инсургенции и о причинах этого (патриотическая любовь и желание возродить Польское княжество и т.д.). – ЦГИАУЛ. – Ф. 146. – Оп. 6. – Д. 3. – Док. 663.
5. Информация Галицкого губернаторства Австрийскому императору в Вену о политической ситуации в Варшавском Княжестве. Тайная организация легионов, создание собственной денежной системы с министром финансов осложняют австрийскую политику в отношении Польши. Концентрация русский войск против Турции и дислокация войск на околицах Вильна, Кобрина и т.п. требуют внимания властей. – ЦГИАУЛ. – Ф. 146. – Оп. «Гегайм». – Д. 443/д.
6. Polska w latach 1795–1864: Wybór tekstów źródłowych do nauczania historii. – Warszawa, 1986.
7. Федосова, Е.И. Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции / Е.И. Федосова. – М., 1980.
8. Gierowski, J. Historia Polski. 1505–1864 / J. Gierowski. – Warszawa, 1978. – Cz. 2.
9. Limanowski, B. Historia demokracji Polskiej w epoce porozbiorowej / B.Limanowski. – Zurich, 1901.
10. Skowronek, J. Antynapoleońskie koncepcje Czartoryskiego / J. Skowronek. – Warszawa, 1969.
11. Skowronek, J. Sprawa Polska / J. Skowronek // Europa i świat w epoce napoleońskiej / Pod red. M. Senkowskiej-Gluk. – Warszawa, 1977. – S. 338–404.
12. Skowronek, J. Z magnackiego gniazda do napoleońskiego wywiadu. Aleksandr Sapiega / J. Skowronek. – Warszawa, 1992.

А.Н. Гребенкин

**«...КОРПУС КАДЕТСКИЙ ЕСТЬ РАССАДНИК ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ...»:
СИСТЕМА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.**

1812 год, «великий год России», стал испытанием не только для русского народа и русской армии, но и для выпускников военно-учебных заведений. Бывших кадет – участников Отечественной войны – можно условно разделить на две больших группы. Первая – те, кто окончил курс до 1800 г. Это свидетели «золотого века» корпусов, руководимых генералами-философами, приверженцами идей эпохи Просвещения. Вторая – офицеры новой формации, прошедшие суровую школу при генералах-«секунах».

Кадеты екатерининского времени к 1812 г. находились уже в полковничьих и даже генеральских чинах. Это были энциклопедически образованные, утонченные люди, в совершенстве владевшие несколькими иностранными языками, способные быть (и бывшие!) не только командирами, но и дипломатами, учеными, писателями. Такими они стали благодаря педагогической парадигме И.И. Бецкого, Ф.-Е. Ангальта и П.И. Мелиссино.

Во второй половине XVIII в. Устав Бецкого предусматривал изучение кадетами Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса логики, красноречия, физики, истории, географии, мифологии, хронологии, механики, права, государственной экономики, астрономии, гравирования, изваяния статуй, музыки и многих других наук и художеств [9, с. 58].

Кроме «морального» и «художественного» воспитания, существовало и гимнастическое. В конце XVIII в. кадет Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса учили вольтижировать, ездить верхом, фехтовать и танцевать [4, л. 88].

Знаменитая «говорящая стена» в саду Сухопутного шляхетного корпуса, свободный доступ к книгам, географическим картам, физическим приборам, просвещенные и гуманные наставники, отсутствие телесных наказаний – все это способствовало формированию самостоятельного мышления, высокому уровню интеллектуального развития кадет, выработке у них понятий о гражданском долге, об обязанностях дворянина перед Отечеством. Из стен корпуса выходили прекрасно образованные, высоконравственные люди, полные благих намерений и горевшие желанием воплотить их в жизнь.

П.И. Мелиссино, занимавший пост директора Артиллерийского и инженерно-го шляхетного корпуса с 1783 г., «в короткое время, по всем частям управления... успел сравнять его с Императорским Шляхетным Кадетским Корпусом, что, по всей справедливости, должно считать заслугою немаловажною, потому что Сухопутный Корпус, в то время, едва ли не был лучшим военно-учебным заведением в целой Европе» [5, с. 70]. Тактика в корпусе преподавалась на немецком и французском языках, артиллерия и фортификация на немецком, естественная история на французском. За успехи в учебе кадеты награждались серебряными позолоченными медалями, дававшими им право бывать без приглашения на собраниях у директора.

Благотворное влияние Мелиссино распространялось и на Гимназию (с 1792 г. – Корпус) чужестранных единоверцев, основанную при Артиллерийском и инженерном шляхетном корпусе в 1775 г. Воспитанники гимназии изучали итальянский, французский, немецкий языки, государственные законы Российской империи, общеобразовательные предметы (историю, географию, геометрию, алгебру, физику, литературу), военные науки и теорию морского дела (артиллерию, фортификацию, кораблестроение, навигацию, устройство корабля и управление им, фехтование и т.п.) [10, с. 99]. Мелиссино придавал большое значение не только умственному, но и нравственному воспитанию гимназистов: «Наиприлежнейшее учение может почестся несовершенным, если нравы останутся неисправными и если при просвещении разума не будет приложено старания о исправлении сердца. Всякое училище, желающее доставить Отечеству граждан полезных, должно их сделать и добродетельными».

Мелиссино для достижения поставленных воспитательных целей рекомендовал педагогам и наставникам-офицерам постоянно проводить «полезное и приятное упражнение воспитанников», считая при этом, что «молодой человек, провождающий время свое в праздности, гораздо менее достоин осуждения, нежели ментор его, который не разумеет обратить его способности к предметам, достойным внимания» [10, с. 100].

Университетский характер носило и образование пажей. В программу Пажецкого корпуса с 1785 г. входили следующие предметы: Закон Божий, русский и иностранный языки, латынь, чистописание, рисование, арифметика, этика, геометрия, история, география, законоведение, а также танцы, верховая езда, и (по желанию) музыка. Предусматривалось преподавание ряда дисциплин на иностранных языках – тех, в которых были сильны учащиеся [1, с. 112].

Частное благотворительное учебное заведение в Шклове, открытое на средства генерала С.Г. Зорича в 1778 г., было рассчитано на 250 детей бедных дворян. Воспитанники изучали полный курс наук, в том числе красноречие, теорию стихосложения, военную и гражданскую архитектуру, артиллерию, занимались фехтованием, танцами, верховой ездой и т.д. Усилиями Зорича в училище была собрана отличная библиотека. Она насчитывала 178 русских, 743 французских, 70 немецких, 12 польских и 27 латинских книг. При подготовке к занятиям использовались такие издания, как «Французские и немецкие разговоры» Крамме-

ра, «Риторика» М.В. Ломоносова, «Геометрия» Г.В. Крафта, «Сферическая тригонометрия» Э. Безу, «Физика» П. Мушенбрука, «Инженерное искусство» Белидора, «Фортификация» С. Вобана и «Гражданская архитектура» А. Палладио [2, с. 62].

Выпускники могли идти как на гражданскую, так и на военную службу. С 1785 г. прямо по выпуску многие из них производились в офицеры. В ноябре 1799 года Шкловское благородное училище было названо кадетским корпусом и переведено вскоре в Гродно [6, с. 33–34].

Безусловно, принципы энциклопедизма и гуманизма, на которых зиждлась система отечественного военного воспитания в последней трети XVIII в., нельзя не признать правильными и полезными. Однако к суровым условиям военной службы питомцы Ангальта и Меллисино не были приспособлены. По словам выпускника Сухопутного шляхетного корпуса Ф.Н. Глинки, «метода Ангальта превращала корпус в какую-то нравственную оранжерею. Отделенные своею стеною от мира гражданского, питомцы науки и теории оставались за этою стеною безвыходно около двух десятилетий... Эти молодые растения слишком разнеживались в их искусственном климате и становились малоспособными к перенесению стужи внешнего быта общества, в которое должны же были, наконец, вступить после долговременного затворничества...».

Нарекания вызывала и чрезмерная «энциклопедичность» учебных курсов. По словам С.Р. Воронцова, «стремление быть универсальным и знать все приводит к тому, что не знают ничего... Офицеры, выходившие из нашего старого кадетского корпуса (50-х гг. XVIII в. – А.Г.), были хорошие военные и только, воспитанные же Бецким, играли комедии, писали стихи, знали, словом, все, кроме того, что должен знать офицер».

Перелом в правительственной политике в отношении системы военного образования, во многом определивший новый облик военных учебных заведений, произошел при Павле I и в первые годы правления Александра I. Решено было сократить учебные программы, изгнав «отвлеченные» дисциплины и оставив лишь практические, а также ужесточить режим.

В 1800 г. Императорский Сухопутный шляхетный кадетский корпус был переименован в Первый кадетский. Тем самым было продекларировано его превращение из «Рыцарской академии» в узкопрофильное училище, готовившее офицеров для войск.

От идеального офицера, по мнению нового директора корпуса, Ф.И. Клингера, требовались владение иностранными языками, некоторые начальные знания, отличная строевая выправка и безукоризненная дисциплина.

Широкая образованность для офицера была нежелательным качеством не только в глазах Клингера, но и в глазах самого императора Александра I. Занятия науками сменились строевыми упражнениями, а телесные наказания стали явлением обыкновенным. Клингер, известный немецкий писатель, знавший по-русски лишь фразу «На турма его», любил приговаривать: «Русских надо менее учить, а более бить».

Второй кадетский корпус (бывший Артиллерийский и инженерный) был перестроен по образу и подобию Первого. На этот раз была скопирована репрессивная система. Директором был назначен А.А. Клейнмихель – мрачный, наводивший ужас на кадет великан.

В 1807 г. при Втором кадетском корпусе было основано новое учебное заведение – Дворянский полк. В первые годы своего существования в нем легче всего было получить чин армейского прапорщика, ибо умственное образование сводилось к обучению русской грамоте и четырем правилам арифметики; большую часть времени дворяне занимались строевой подготовкой. Контингент воспитанников изначально

был откровенно слаб. Прием в Дворянский полк не был ограничен комплектом; принимали в него без экзаменов. На кадетском жаргоне питомцев полка именовали «тюками» – из дальних губерний они прибывали пешком, с котомкой за спиной.

В начале XIX в., когда изменился статус Пажеского корпуса (он был причислен к военным учебным заведениям), изменилась и программа, однако далеко не в лучшую сторону. Образование пажей было поверхностным, преподавание наук велось отрывочно и вообще слабо.

Кадеты александровского времени, почти не читавшие книг, зато слишком хорошо знакомые с розгами, сильно отличались от своих отцов и старших братьев – кадет «золотого века». Далекие от возвышенных идей, они покорно тянули нелегкую свою ляжку и не впадали в отчаяние после знакомства с житейской грязью. Уже на школьной скамье они познавали суровую армейскую жизнь, к которой были предназначены. Грубость и строгость начальства, суровые бытовые условия закаляли кадет. Слабые и изнеженные не выдерживали и уходили, зато оставшиеся были готовы к любым испытаниям. Они стояли ближе к солдатам, лучше понимали их и пользовались в их глазах авторитетом.

Вклад бывших кадет в победу над Наполеоном не оценим. Выпускники кадетских корпусов накануне 1812 г. составляли 68,8% офицерского состава артиллерийских бригад и 20% офицеров пионерных полков. В основном это были бывшие питомцы Второго кадетского корпуса [7, с. 11]. Воспитателем этого же заведения был сам М.И. Кутузов. Среди генералов 1812 г. было 15 выпускников Сухопутного шляхетного – Первого кадетского корпуса, 18 выпускников Артиллерийского инженерного – Второго кадетского корпуса, 14 питомцев Пажеского корпуса, 3 выпускника Корпуса чужестранных единоверцев, 1 выпускник Морского корпуса и еще 1 – Гродненского кадетского корпуса. Дворянский полк в 1807-1811 гг. дал России 2665 прапорщиков, а в 1812 г., сделал 17 (! – А.Г.) выпусков, отправил в действующую армию 1139 офицеров [8, с. 164–165]. Ф.Н. Глинка, прибыв в армию в июле 1812 г. и объехав несколько полков, везде находил своих товарищей по Сухопутному шляхетному корпусу. И утонченные питомцы Ангальта и Мелиссино, и полуграмотные бурбонистые «тюки» с боями прошли от Немана до Москвы, а затем гнали и били французов до самого Парижа.

1. Аурова, Н.Н. Система преподавания в военно-учебных заведениях в XVIII в. / Н.Н. Аурова // Исследования по истории России XVI-XVIII вв. – М., 2000. – С. 105–114.
2. Бригадин, П.И. Военная школа в Беларуси, XVIII – 1-я четверть XIX в. / П.И. Бригадин, А.М. Лукашевич. – Мн.: Изд. центр БГУ, 2004. – 120 с.
3. Глинка, Ф.Н. Мои воспоминания о графе Михаиле Андреевиче Милорадовиче / Ф.Н. Глинка // Москвитянин. – 1841. – Ч. 2. – № 4. – С. 372–384.
4. Мемуары генерал-адъютанта графа Е.Ф. Комаровского (1787–1833) // Государственный архив Орловской области (ГАОО). – Фонд 1001. – Оп. 1. – Д. 1.
5. Глебов, П.Н. Военно-учебные заведения, подведомственные Его Императорскому Высочеству Главному начальнику, в царствование императрицы Екатерины II / П.Н. Глебов // Отечественные записки. – 1845. – Т. 42. – № 10. – С. 60–78.
6. Комаровский, Е.А. К истории российских императорских кадетских корпусов / Е.А. Комаровский, Е.П. Комаровская // Российская цивилизация: история и современность: межвузовский сборник научных трудов. – Выпуск 14. – Воронеж: ГОУ ВГПУ, 2002. – С. 32–56.
7. Крылов, В.М. Воспитанники кадетских корпусов в войне с Наполеоном 1812–1814 гг. / В.М. Крылов // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: материалы научной конференции, 29 апреля 1999 г. – М.; Пятигорск, 1999. – С. 10–15.
8. Крылов, В.М. Воспитанники Дворянского полка на службе Отечеству / В.М. Крылов, Ю.Н. Гуляев // События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губернии. Проблемы изучения. Источники. Памятники. – Малоярославец, 1995. – С. 164–170.
9. Лалаев, М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению / М.С. Лалаев. – Ч. I. – СПб., 1880. – 140 с.
10. Пряхин, Ю.Д. История корпуса чужестранных единоверцев: эпизод балканской политики Екатерины II / Ю.Д. Пряхин // Клио. – 1999. – № 1(7). – С. 98–103.

В.С. Гладышев
«ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» НАКАНУНЕ ВОЙНЫ 1812 г.

До настоящего времени сравнительно мало исследованным остается так называемый «польский вопрос». Наиболее ценный материал по этой проблеме содержится в известных мемуарах французского государственного деятеля и дипломата, маркиза Армана Огюстена Луи де Коленкура [1]. В 2003 г. в результате творческого сотрудничества французского историка Ф. Бокура и белорусского ученого О. А. Яновского впервые был издан в переводе с французского на русский язык рукописный рапорт, поданный в феврале 1812 г. Наполеону начальником контрразведки, польским генералом М. Сокольниковым [2]. Введение в научный оборот этого исторического источника позволяет уяснить стратегические планы польской элиты накануне войны.

«Польский вопрос» в отношениях между Россией и Францией встал на повестку дня в соответствии с условиями Тильзитского договора 1807 г., когда из польских земель, присоединенных Пруссией в результате разделов Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 гг., было образовано Великое герцогство Варшавское под властью саксонского короля. В России этот шаг Наполеона воспринимали как создание плацдарма для нападения на Россию.

Во время Австрийской войны 1809 г. в Галиции произошло первое столкновение между русской армией под командованием князя С. Ф. Голицына и польским войском Варшавского герцогства во главе с князем И. Понятовским, который стал называть себя «главнокомандующим польской армии». Александр I стремился не допустить включения «польских областей» Австрии в состав Варшавского герцогства, т. к. неизбежным следующим шагом стало бы образование королевства Польского с претензиями на восточнославянские земли, входившими в состав Речи Посполитой до первого раздела 1772 г.

В типографиях Великого герцогства Варшавского печатались воззвания ко всем полякам – вооружаться для восстановления отчизны, разорванной в результате преступного сговора трех держав; Россия представляла как враждебное польским интересам империя, и прославлялся Наполеон – великий человек, Герой, посвятивший свой гений и силы для отмщения за Польшу. Граф Н. П. Румянцев говорил послу Франции в Петербурге Коленкуру: «Вы спокойно смотрите, как разгораются политические страсти во всех городах Варшавского герцогства; вы позволяете делать воззвания к жителям прежней Польши; я вам объявляю, г. посол: мы пожертвуем последним человеком, мы продадим последние наши рубашки, а не согласимся на восстановление Польши» [3, с. 384].

После заключения перемирия с Австрией Наполеон написал Александру I письмо, в котором предлагал отправить уполномоченного для ведения совместных переговоров. Российский император отказался от такого предложения: такие дела должен был решать только сам Александр I. «Я, – сказал он Коленкуру, – вручаю интересы моей империи союзнику моему императору Наполеону и совершенно полагаюсь на его решения. Император Наполеон держит теперь в своих руках судьбу Австрии; мое личное желание, чтоб Франция ограничила военные силы этого государства, а не раздробляла его; впрочем, я ограничиваюсь здесь только выражением моего желания. Я выскажусь прямо относительно одного вопроса, в котором ничто не может меня поколебать: я буду против всякой меры, которая поведет к восстановлению Польши. Я не могу пожертвовать своей привязанностью к императору Наполеону интересом и безопасностью своей империи. Пусть император даст мне по этому делу удовлетворительный ответ, и он может

на меня положиться. Он говорит, что мир велик, можно уладиться; император Наполеон ошибается, если дело идет о восстановлении Польши: в этом случае мир не так велик, чтоб мы могли уладиться, ибо я ничего не хочу для себя». Н. П. Румянцев вторил императору. «Как вы хотите иметь союзников, – говорил он Коленкуру, – внушая им страх за собственную безопасность в то время, как они бьются за вас? Я не вижу ничего, что могло бы нарушить великий союз, соединяющий нас против Англии, если император Наполеон не имеет намерения восстановить Польшу. Если герцогство Варшавское получит небольшое приращение, Россия также удовольствуется малым; но если вы возьмете значительную часть Галиции, то мой государь требует двух третей этой страны и только одну треть уступает герцогству» [3, с. 385].

Но Наполеон не внял требованиям России, а распорядился совершенно наоборот: России – Восточную Галицию с 400 тыс. жителей; герцогству Варшавскому – Западную Галицию и округа Кракова и Замосця с 1, 5-миллионным населением. Чтобы смягчить ситуацию, Наполеон сказал российскому дипломату, князю А.Б. Куракину: «Надобно вконец искоренить в ваших областях польскую польскую горячку. Что касается меня, то я никогда не имел видов на Польшу и никогда не буду иметь их; я желаю только вашего спокойствия». В письме французского посланника в Вене Шампаньи к графу Н.П. Румянцеву говорилось, что Наполеон готов согласиться, чтобы слова «Польша», «поляки» исчезли не только из актов, но даже из истории. Вследствие этих заявлений Россия предложила Наполеону конвенцию для определения будущей судьбы герцогства Варшавского. Наполеон согласился. Коленкур получил полномочия, и конвенция была заключена 23 декабря 1809 г. (4 января 1810 г. по н. ст.) и включала в себя статьи: Польское королевство не будет никогда восстановлено; слова «Польша», «поляки» не будут употребляться в публичных актах; Великое герцогство Варшавское не будет более распространяться за счет прежде бывших польских областей. Наполеон в этот период своей жизни разводился со своей женой Жозефиной Богарне и предлагал свою руку сестре императора Александра I Анне Павловне. 25 января (6 февраля 1810 г. по н. ст.) Наполеон получил от Коленкура известие об учтивом отказе со стороны Александра I. В тот же день французский император велел дать знать русскому двору о своем отказе утвердить соглашение о Польше, заявив, что Коленкур превысил свои полномочия. Наполеон указал на невозможность утвердить первую статью, что Польша не будет никогда восстановлена, и предлагал изменить ее так, что Франция обязывается не содействовать ни прямо, ни косвенно восстановлению Польши. Александр I предписал А.Б. Куракину не соглашаться ни на какое изменение конвенции и объявить Наполеону, что отказ утвердить соглашение является доказательством решения со стороны императора французов когда-нибудь восстановить Польшу. Какое значение имел этот отказ для отношений между Россией и Польшей видно из слов Александра I Коленкуру: «Моя уверенность и справедливость моего дела известны; не я нарушу покой Европы; я не нападу ни на кого; но если на меня нападут, то я буду защищаться». «Что значит этот язык? Россия хочет войны!» – сказал Наполеон [3, с. 387– 88]. Так впервые императоры двух государств, говоря об отношениях России и Франции, публично произнесли слово «война».

Представители польской элиты видели в Наполеоне «Героя», который способен решить «польский вопрос», восстановив польское государство. Граф Варшавский М. Сокольникский (1760–1816) в феврале 1812 г. был дивизионным генералом на службе Фридриха Августа I, короля Саксонского и одновременно с 1807 г. герцога Варшавского. М. Сокольникский в своем рапорте не только призывает Наполеона к восстановлению польского государства в «ее этнических границах»,

но и к ликвидации России как центра силы в Европе. В исторической литературе признается аксиомой, что представители польской элиты выступали лишь за восстановление государства в границах Речи Посполитой 1772 г. Но М. Сокольниковский в рапорте Наполеону видит будущую Польшу великой державой, границы которой должны обеспечивать ей безопасность и экономическое процветание. Он пишет, что «Польша не может испрашивать соизволения, чтобы обеспечить себя, по крайней мере, постоянными коммуникациями с такими естественными для нее выходами в Балтику, как Данциг (совр. Гданьск – ВГ), Эльбинг (совр. Эльблонг), Мемель (совр. Клайпеда) и Рига». Граница с Силезией должна проходить по Одеру, для чего левый берег этой реки «мог бы быть частично аннексирован у Моравии, Богемии и Саксонии». Всю Галицию необходимо реинтегрировать в Польшу. Западная граница Польши должна пройти по рекам Западная Двина и Днепр от Смоленска до Сурожа. М. Сокольниковский предлагает Наполеону между Польшей и Россией создать цепь «федеративных герцогств, которые имели бы точно такую же, как в Польше, Конституцию и находились бы под ее непосредственной протекцией (но правительства которых назначал бы Великий Император). Он пишет, что «Волга и Кавказ как естественные границы должны отделить на континенте Империю Света от Империи Тьмы» [2, с. 77–85].

Но Наполеон не имел никакого желания следовать стратегическим замыслам представителей польской элиты. Он разыгрывал «польскую карту» в своих интересах и видел возрожденное польское королевство марионеточным государством. Находясь в Данциге с 7 по 10 мая 1812 г., Наполеон в разговорах с Коленкуром, рассуждая о кандидатурах на польское королевство, говорил, что у неаполитанского короля, маршала Франции Мюрата «нет желания сделаться польским королем». Поэтому Наполеон хотел посадить на престол своего брата Жерома и создать ему «прекрасное королевство» [1, с. 23].

1. Коленкур, А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию / А. Коленкур. – Таллинн; М.: АО «Скиф Алекс», 1994. – 121 с.
2. Сокольниковский, М. «Исполнено по Высочайшему повелению...». Рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михалом Сокольниковским, с рекомендациями «о способах избавления Европы от влияния России...» / М. Сокольниковский. – Минск: БГУ, 2003. – 150 с.
3. Соловьев, С.М. Император Александр I. Политика, дипломатия / С.М. Соловьев // Соловьев, С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 17. Работы разных лет. – Москва: Мысль, 1996. – С. 203–704.

И.В. Мандрик
ПЛАНЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

В конце XVIII – начале XIX вв. значительная часть польских, а также белорусско-литовских политиков, разрабатывала проекты возрождения Речи Посполитой в границах 1772 г. Одни рассчитывали сделать это с участием Российской империи, другие – с опорой на Францию.

Идея построения собственного государства, включая земли Белоруссии и Литвы, опираясь на российское самодержавие, возникла еще при Екатерине II. Особая надежда на такой исход у магнатов и шляхты появилась при Павле I и усилилась при вступлении на царство Александра I. Польские патриоты надеялись, что Александр I, как будущий король Польши, появится с русской армией в Варшаве, коронуется польской короной и подпишет здесь «Оповещение» о создании Польского государства. Затем он, как король Польши, потребует от Австрии и Пруссии возврата той части территории, которую они получили в результате

разделов [1, с. 28]. Этот проект предусматривал решение проблемы мирным путем во благо Польши и России. Однако для большей уверенности в успехе планировалось организовать в Австрии и Пруссии повстанческие отряды.

Александр еще в царствование своей бабки, весной 1796 г., в беседе с Адамом Чарторыйским подавал надежду на благоприятный исход решения польского вопроса. Вступив на престол, он подтверждал свою готовность восстановить польское государство. Однако, надежды на добрую волю Александра I не оправдались.

Создание Наполеоном Великого Герцогства Варшавского усилило профранцузскую ориентацию. Сам Наполеон мало думал о восстановлении самостоятельности Польши. Герцогству Варшавскому он придавал значение стратегического плацдарма для войны с Россией. Он заявлял: «Мне нужен в Польше лагерь, а не форум... Я желаю иметь поляков лишь как дисциплинированную военную силу, чтобы меблировать поле битвы».

В это время Александр I вновь вернулся к идее возрождения элементов польской государственности. С А.Чарторыйским обсуждался вопрос о включении в границы будущей Польши белорусских земель до Западной Двины, Березины и Днепра. Но поездка Чарторыйского в Варшаву для проведения переговоров с варшавскими деятелями о переходе их на сторону России и создании своего государства с либеральной конституцией успеха не имела.

В последующем (конец 1811 г. – начало 1812 г.), белорусско-литовская элита сделала попытку воссоздания Великого Княжества Литовского. Был подготовлен проект восстановления ВКЛ на территории Гродненской, Минской, Виленской, Киевской, Подольской губерний и Белостокской области по образцу Великого Княжества Финляндского. Переговоры по осуществлению этого плана были прерваны вторжением Наполеона в пределы Российской империи. Отдельные историки считают, что проект был отклонен Петербургом.

С началом войны 1812 г. планы польских, белорусских и литовских политиков по созданию Речи Посполитой в границах 1772 г. были окончательно ориентированы на Францию. Идея возрождения Польши считалась ими вполне осуществимой. С этого времени план национально-государственного возрождения ВКЛ при опоре на Францию также стал доминирующим. Наполеон подогрел это настроение своим приказом об организации власти в Литве и в Беларуси. В соответствии с его приказом в Вильне была создана Временная правительственная комиссия ВКЛ. В ее состав вошли известные представители дворянства: С. Солтан, А. Сапега, А. Хаткевич, И. Тышкевич, А. Хрептович, Г. Огинский и др. Власть этой комиссии распространялась на Виленскую, Гродненскую, Минскую губернии и Белостокскую область. Для Витебской и Могилевской губерний было определено особое, так называемое, «польское правление» [2, с. 251].

Естественно, что в своем приказе Наполеон не имел в виду национальное самоопределение Беларуси и Литвы. Он создавал условия, отвечающие интересам Франции. Обязанности по подбору рекрутов, сбору и доставке продовольствия он возложил на комиссию Временного правительства ВКЛ. Работа комиссии была поставлена полностью под контроль наполеоновской администрации. В конце августа 1812 г. председателем этой комиссии стал французский генерал-губернатор, граф П. Гагендорп.

Таким образом, после включения белорусских и литовских земель в состав Российской империи, а другой части Речи Посполитой в состав Австрии и Пруссии, планы о воссоздании польской государственности в границах 1772 г. не сходили с повестки дня. Восстановление государственной самостоятельности было постоянным стремлением элиты разделенной Речи Посполитой. Надежды на по-

лучение независимости или возрождение Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского под российским или французским протекторатом не оправдались. Россия и Франция, хотя и предоставляли автономию отдельным территориям, полного восстановления Речи Посполитой не предусматривали. Создание Княжества Варшавского, организация власти в Литве и Беларуси носили не более как пропагандистский характер. Не были искренними намерения в восстановлении Речи Посполитой и у российских императоров. Скорее, в годы войны это было ответным ходом на обещания Наполеона. Политика царского правительства и наполеоновской Франции не могла удовлетворить польское, белорусское и литовского дворянство.

Все предпринятые накануне и в годы войны 1812 г. попытки по возрождению Речи Посполитой и ВКЛ оказались неудачными. Поиски путей разрешения вопроса о восстановлении польской и белорусской государственности продолжались на протяжении всего XIX и начале XX века.

1. Ігнатоўскі, У. Гісторыя Беларусі у XIX і пачатку XX стагоддзя / У. Ігнатоўскі. – 3-е выд. – Мінск: Беларус. дзярж. выд-ва, 1928. – 252 с.
2. Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі. – Мн.: БелЭн, 1994. – 510 с.

Э.О. Цеске

АНТИНАПОЛЕОНОВСКАЯ ПРОПАГАНДА ПРИБАЛТИЙСКИХ НЕМЦЕВ (1806–1815 гг.)

Территория современной Латвии одной из первых подверглась нападению наполеоновской Великой армии, хотя оккупирована была только западная часть её – Курляндская губерния. Ригу неприятелю захватить не удалось. Латышский народ оказал сильное сопротивление врагу, как сражаясь в партизанских отрядах в оккупированной Курляндии, так и оказывая большое содействие русской армии в обороне Риги. Однако латышской интеллигенции как таковой ещё не существовало. Это объясняет, почему идеологическую сторону антинаполеоновской борьбы взяла на себя просвещенная часть прибалтийско-немецкого бюргерства.

Прибалтийско-немецкий публицист Гарлиб Меркель (*Garlieb Merkel*), приобрел признательность многих поколений латышского народа своей книгой «Латыши», в которой заклеил существование крепостного права на территории современной Латвии. Он являлся также одним из наиболее последовательных немецких патриотов, стремившихся сплотить самые широкие круги населения Германии (а потом и России) на борьбу с великодержавными претензиями Наполеона Бонапарта. С 1796 по 1806 г. он проживал в Германии, с 1800 г. – в основном, в столице Пруссии – Берлине. Здесь с 1803 по 1806 г. он издавал свой журнал «*Der Freimütige*» («Откровенный»). Журнал, основанный как литературный, скоро приобрёл ярко выраженный политический, притом – антинаполеоновский характер. «Чтобы дать существенный отпор наполеоновской пропаганде, Меркель усердно изучал парижские газеты», – пишет современный немецкий литературовед Йирген Хеег. «Особенно он старался популяризировать идею союза между Пруссией и Россией» [3, с. 165]. В 1806 г. Пруссия считалась «последним бастионом существования Германии». К этому времени уже большая часть Западной и Южной Германии была оккупирована французами. Факт того, что книгоиздатель из Нюрнберга И.Ф. Пальм (*Johann Philip Palm*) за издание политической брошюры «Германия в своем нижайшем унижении» («*Deutschland in seiner tiefsten Erniedrigung*») в 1806 г. был расстрелян по личному приказу Наполеона, Меркель

использовал как предлог для призыва немцев к сплочению и, в сущности, – к партизанской войне, аналогичной той, которая в 1808 – 1809 гг. охватила Испанию, а в 1812 г. Россию. Как справедливо заметил публицист: "Наполеон боялся народной войны. Почти повсюду в Германии царило настроение, которое могло стать для него рискованным» [2, с. 183]. И в другом месте: «Позорное французское иго, под которым уже стонала большая часть Германии, произвело возмущение во всех умах» [2, с. 173]. «Было необходимо лишь вдохновение и использование этого настроения [в Германии – Э. Ц.], чтобы победу Наполеона осложнить или сделать бесплодной» [2, с. 187]. Меркель при этом отлично понимал, что его может ожидать участь Пальма, если французам удастся его схватить. Недаром уже во время вторжения наполеоновской армии в Россию в конце июня 1812 г., после захвата Митавы (ныне Елгава), как вспоминает сам Меркель, один отряд неприятеля явился в поместье, где он проживал, чтобы схватить журналиста. Меркеля спасло только то, что он с семьей успел вовремя найти убежище внутри стен Старой Риги.

После сражения при Иене-Ауэрштадте в октябре 1806 г. Меркель должен был оставить Берлин и направиться в Кёнигсберг (ныне Калининград). Его предложение с воззванием обратиться непосредственно к прусскому народу, одновременно вооружая его, повсюду со стороны прусского главнокомандования встречало непонимание и трусость.

«Почему это настроение [народа] не использовалось?» – спрашивает Меркель, и сам отвечает: «По-моему, видеть вооруженными собственные народы – это для министров и генералов было бы чем-то ужасным. Первые тогда не смогли бы их предостеречь от революции, и вторые видели бы гибель всех [своих] привилегий» [5, с. 188]. Единственной персоной среди высокопоставленных особ, разделяющей взгляды Меркеля, была королева Пруссии Луиза, которая в личном письме Меркелю выразила свою благодарность ему как «последнему голосу из Германии».

В конце 1806 г. Гарлиб Меркель прибывает в Ригу, где он намерен продолжить свою неравную борьбу с Наполеоном на страницах основанной им газеты «*Der Zuschauer*» («Обозреватель»). Однако вскоре после заключения Тильзитского мира в июле 1807 г. по «высочайшему распоряжению» Меркель должен был совсем прекратить яростные нападки на императора Франции. Позднее, в 1812 г., генерал-губернатор Риги маркиз Паулуччи заявит, что заставить замолчать Меркеля было «большой глупостью».

Своей наивысшей точки деятельность Меркеля достигла после нападения наполеоновской армии на Россию. Как указывает известный латышский историк и культуровед Андрейс Йохансонс (*Andrejs Johansons*), «Вторжение Великой армии Наполеона в Россию в 1812 году являлось первым военным конфликтом, когда в нашей стране наряду с оружием как средство борьбы стали применять печать» [4, с. 41]. На мысль применить агитацию навело то обстоятельство, что в составе 10-го корпуса под командованием генерала Макдональда, который оккупировал Курляндию и угрожал Риге, находилось 20 000 пруссаков. В боях они не отличались особым рвением и часто искали возможности сближения с прибалтийскими немцами. В кругах верховной администрации Курляндии и Лифляндии, естественно, возникла мысль расширить эти стремления путем применения целенаправленной пропаганды. Именно тогда генерал-губернатор Паулуччи вспомнил о человеке, который наиболее подходил для руководства пропагандистской кампанией. Это был, разумеется, Гарлиб Меркель.

Правда, он включился в борьбу уже раньше, в начале июля 1812 г., когда по распоряжению губернатора г. Риги Дюамеля (*Duhamel*) составил воззвание «Жителям Прибалтийских провинций», в котором акцентировал тесные связи жителей Прибалтики с Россией и призывал их к совместной борьбе за отчизну [1, с. 326].

Большое значение в этой борьбе играла уже упомянутая газета «*Der Zuschauer*». В своих статьях, помещенных в ней, Меркель рассказывал о победах русских войск, о насилиях, творимых французской армией в Германии, о постыдной роли немцев как союзников Наполеона и т. д. Паулуччи организовал сеть агентов, которые тайными путями доставляли газеты к передовым позициям пруссаков. А. Иохансон считает доказанным, что «*Der Zuschauer*» было одним из изданий, пользовавшимся наибольшей популярностью в Пруссии [4, с. 43]. В последние месяцы войны оно существенно повлияло на боеспособность прусского корпуса. Генерал-губернатор Паулуччи впоследствии выразился, что Гарлиб Меркель со своей газетой ему оказал большую помощь, чем 20 000 солдат на поле боя.

Йирген Хеег дал высокую оценку деятельности Меркеля, назвав его «одним из основателей журналистики в Германии» [3, с. 191]. Но картина не будет полной, если не упомянуть ещё одно периодическое издание (вернее – попытку такое создать). Андрейс Иохансонс упоминает интересный эпизод о «первой фронтовой газете в совершенно современном смысле этого слова» [4, с. 44]. Это издание Фридриха Рамбаха (*Friedrich Rambach*) и Андрея Кайсерова.

Ещё в начале лета 1812 г., военный министр России и главнокомандующий 1-ой Западной армией Барклай де Толли (*Barcklay de Tolly*) получил заявление от профессора Дерптского университета Фридриха Рамбаха. В нём тот просил, чтобы его и коллегу Андрея Кайсерова прикомандировали к главному штабу упомянутой армии, где они могли бы издавать газету «для укрепления нации и поднятия боевого духа у армии» [4, с. 45]. 5 июня Барклай де Толли решил вопрос положительно. В письме в Дерптский университет было приказано немедленно освободить Рамбаха и Кайсерова от всех других обязанностей, чтобы они смогли «решать другие определенные задачи». Министр также приказал, что оба профессора должны получить два печатных станка, по комплекту русских и немецких букв, двух переводчиков и четырёх печатников, а кроме того – 10 000 рублей наличными [4, с. 46].

Эти успехи, очевидно, Рамбаху вскружили голову, и он, приехав в Ригу, не только покупал, но и реквизировал печатные станки и другой инвентарь, а также востребовал и увёз с собой персонал из типографии Хеккера. Война к этому времени уже началась, и Рамбах уговорил Рижского цензора Албануса, чтобы тот разрешил другим газетам печатать только такого рода информацию, которая уже появилась в его газете. Албанус согласился. Такое неэтичное поведение Рамбаха очень раздасадовало Меркеля, который мог только мечтать о столь щедрой материальной помощи. От досады он покинул Ригу и направился в Дерпт, где находился до конца октября, когда Паулуччи приказал ему вернуться. Рамбах и Кайсеров вместе со своей типографией присоединились к Западной армии и вместе с ней отступили к Витебску. Именно здесь вышел первый и ... последний номер газеты «Россиянин». Во вступительной статье Рамбах патетически писал: «Враг может победить в отдельных сражениях, но Россию он не победит никогда. Божья сила сокрушит кровожадного, и высокая Власть Его сбережёт тех, кто уповал на Него». Часть статей, помещенных в газете Рамбаха, после появились в Эстонии в виде отдельных прокламаций, но сама газета прекратила свое существование. Андрейс Иохансонс не дает ясного ответа о причинах такого прекращения. Возможно, это было связано с тем, что Барклай де Толли потерял интерес к ней в связи с развитием событий на полях сражений, а может быть, она не оправдала его надежд, т.к. не пользовалась популярностью. Но, несмотря на это, Рамбах после победы над Наполеоном был награждён орденом св. Владимира и денежной премией, а Меркель должен был довольствоваться лишь устными похвалами Паулуччи [4, с. 47–49].

Острая антинаполеоновская критика содержится и в заметках о путешествиях прибалтийской дворянки и поэтессы Элизы фон дер Рекке (*Elisa von der Recke*), которая с 1804 по 1806 г. проезжала через Германию, Швейцарию и Италию, следуя по свежим стопам «фурии войны». Правда, её книга [6] увидела свет лишь в 1815 г., т.е., уже после разгрома Наполеона, и, конечно, в какой-то степени представляет дань политической конъюнктуре, которая образовалась в Европе во время Венского конгресса, но основные положения её колоритны и реалистичны. Так, 30 сентября 1804 г., она записала в своем дневнике: «Фуссина. На обоих берегах Brentы развалины и груды камней на месте прежних дворцов и вилл. Казалось, будто мы читаем печальную страницу истории, которая только слишком часто повторяется: там, где не хватает мудрости и нравственности, должно погибнуть всё великолепное!» [6, с. 57]. Далее описание событий перерастает в обобщающее осуждение варварства и насилия, сопровождающих любую войну: «Наш провожающий указывал на руины и, рыдая, рассказывал, как французы его совершенно ограбили и потом обоих его сыновей – мальчиков пятнадцати и тринадцати лет – убили прямо у него на глазах» [6, с. 158]. [...] «В Дворце Дожей в Венеции все залы были разграблены и пусты; на стенах виднелись пустые места, где когда-то висели картины, которые увезли в Париж» [6, с. 175]. [...] «Французы итальянцам полностью открыли глаза на дарованную ими свободу. Итальянский народ чувствует свои цепи, и многократно возросшие налоги повергли в нищету все сословия» [6, с. 188–189]. Автор оказалась в Риме именно в те дни, когда окрестности священного города начали осаждать французские войска: «14 января 1806. Злая судьба торопится. Неаполитанский двор сбежал. Капуя занята без боя и французы стоят перед Гаэтой. Передние части их расположены вблизи Рима рядом с *Toro del Popolo*. [...] Этой сворой, которая поглощает все плоды мира вокруг себя и, подобно гарпиям, оскверняет то, чего не в силах поглотить, командует Массена» [7, с. 338].

Если Г. Меркеля считают одним из первых журналистов современного образца, то в записках Элизы фон дер Рекке можно заметить зачатки политического репортажа. Личности Наполеона она дает такую оценку: «Печальный исход событий в Модене достаточно ясно показывает, что Бонапарте не достоин никакого другого пьедестала, как только дощатого помоста» [7, с. 344].

Все три выше рассмотренные авторы, включая Элизу фон дер Реке (которая, будучи аристократкой, себя все же причисляла к третьему сословию) представляют прослойку буржуазной интеллигенции, которой в то время было свойственно чувство гражданского долга. Сохраняя приверженность главным принципам Просвещения, они в то же время не поддались наполеоновским соблазнам мнимой, абстрактной свободы и космополитизма, засвидетельствовали новые основы – национального самоутверждения и верности своей стране.

1. Feodālā Rīga. Latvijas PSR Zinātņu akadēmija. Vēstures institūts. Rīga: Zinātne, 1978. – P. 320–326.
2. Garlieb Merkel über Deutschland zur Schiller-Goethe Zeit (1797 bis 1806). Hg. Von Julius Eckardt. Berlin: Verlag von Gebrüder Pötel, 1887. – 208 s.
3. Heeg, J. Die letzte Bastion politischer Publizistik im Kampf gegen Napoleon: die Zeitschriften des Journalisten Garlieb Merkel aus Livland / J. Heeg, // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. – 1996. – 45. Jahrgang, Heft 2. – S. 159 – 191.
4. Johansons, A. Merķelis un pirmais frontes laikraksts / A. Johansons, – Grām.: Vēju mezglī: Daugava. – P. 41–49.
5. Merkel, G. Darstellungen und Charakteristiken aus meinem Leben. Erster Band: aus Liefland. Leipzig: K.F. Koehler, 1839. – 318 S.; Band. Leipzig: K.F. Köhler, 1840. – 382 s.
6. Recke, E. von der. Tagebücher einer Reise durch einen Theil Deutschlands und durch Italien in Jahr 1804 bis 1806. Bd. 1– 5. Berlin, herausgegeben von Hoffrat K. A. Böttiger.
7. Recke, E. von der. Tagebücher und Selbstzeugnisse. Hg. Christina Träger: Leipzig, Koehler & Amelang, 1984. – 475 s.

Е.В. Путилова
ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ А.А. АРАКЧЕЕВА И М.Б. БАРКЛАЯ ДЕ ТОЛЛИ
В ПРЕДДВЕРИИ 1812 ГОДА

В этом году исполняется 200 лет военно-историческому патриотическому событию – победе в Отечественной войне 1812 года. Подвиг предков, нанесших поражение противнику прежде непобедимому, бережно хранится в памяти потомков и, потому, неудивительно, что за два века, минувших с того времени, отечественные и зарубежные историки создали множество исследований, в которых осветили политические, военные, социально-культурные реалии того времени. Со всей детальностью ими была воссоздана многоаспектная и многофакторная картина войны 1812 года.

Однако и этой картине все еще свойственно наличие белых пятен – тем, которым исследователи не уделяют должного внимания и которые, несмотря на всю свою важность, остаются в тени. К числу таковых относится и вопрос о подготовке русской армии к войне 1812 года. Можно предположить, что подобная тенденция проистекает от нашего восприятия таких понятий как «война», «подвиг», «победа» и т.д. Они ассоциируются с внушительными битвами и сражениями, с тонкой дипломатической игрой, с противостоянием разведок, стратегии и тактики. Но в этот блестящий ряд не вписывается долгая рутинная, канцелярская или штабная проектная и подготовительная работа.

Поэтому вспомним слова небезызвестного флорентийца Николло Макиавелли о том, что тот «кто хочет жить в мире, тот должен готовиться к войне» и отдадим должное этому сюжету, обратившись к его изучению. Тем более, что грядущая война, учитывая уровень вооружения и подготовки противника, с которым предстояло столкнуться России, требовала серьезного реформирования армии.

Обновление военного аппарата Российского государства в период с 1808 по 1812 год легло на плечи двух военных министров, чья деятельность на этом посту оказалась незаслуженно забытой. И это несмотря на то, что реформы А. А. Аракчеева и М.Б. Барклая де Толли не только успешно подготовили армию к войне, но и заложили те основы существования военной машины Российской империи, которые действовали вплоть до эпохи Великих реформ третьей четверти XIX века.

Имя Алексея Андреевича Аракчеева до сих пор ассоциируется исключительно с муштрой и военными поселениями, словом, является удобным символом для обозначения возникающих в обществе в результате насилия со стороны властей бесчеловечных отношений и порядков. И на таком фоне забывается тот факт, что в период его двухлетнего (1808–1810) пребывания на посту военного министра было сделано немало полезного.

Во-первых, Аракчеев превратил военное министерство в единый командный центр, в ведении которого теперь находилась императорская военнополоходная канцелярия. Кроме того, военному министру теперь были подчинены главнокомандующие действующих армий. Ранее подобными полномочиями обладал только Император [4, с. 162]. Подобные изменения за счет сосредоточения всей полноты административной и исполнительной власти в руках военного министра на порядок улучшили механизм функционирования военной машины Российского государства.

Во-вторых, был наведен порядок в делопроизводстве: налажена строгая отчетность всех частей министерства и войсковых подразделений, отрегулирована формулярная система, установлено более четкое распределение дел между административными органами, разграничены функции военной коллегии, инспекто-

ра всей артиллерии, инспектора инженерного департамента и др. Также, по инициативе военного министра, был создан «Комитет для изыскания способов к кратчайшему делопроизводству в военной коллегии и ее экспедициях» с целью «направить все к порядочному течению и содержать общую связь» [7, с. 452].

В-третьих, 26 июня 1808 года было издано новое положение о медицинской экспедиции; последняя коренным образом преобразована, благодаря чему в Отечественную войну 1812 года в русской армии, впервые в практике военно-врачебного дела, была применена новая более эффективная лечебно-эвакуационная система, названная впоследствии дренажной. Преобразованию подверглись счетная экспедиция и инженерный департамент.

В-четвертых, под особый контроль было взято расходование министерством денежных средств и довольствия, а именно учреждена должность дежурного генерала при военном министре, на которого была возложена функция осуществления постоянного контроля над интендантской частью. Также были составлены новые более строгие правила приема и браковки провианта и фуража для армии.

В-пятых, содержание и размещение армии (1808 год – 705381 человек, 1809 год – 743713 человек [7, с. 453]) являлось нелегкой задачей. Нередко возникала проблема, когда местное население терпело притеснения от воинских частей, располагавшихся на его территории. Чтобы предупредить подобные случаи, Аракчеев предписал войскам при передвижении внутри империи получать от губернаторов «Акты о благополучном следовании» (своего рода отзыв местной администрации о поведении войск в период их пребывания в данном районе), которые объявлялись в газетах для всеобщего сведения.

В-шестых, учитывая внешнеполитическую ситуацию, особое значение имели такие меры военного министерства как увеличение численности армии: создание учебных частей для подготовки офицерского состава (кадетских корпусов), организация запасных рекрутских депо.

В-седьмых, особое внимание уделялось подготовке «божества войны», как ее называл Наполеон Бонапарт, а именно - артиллерии. Так, 30 апреля 1808 года были введены в действие разработанные Аракчеевым инструкции о порядке проверки и приема артиллерийских орудий и материальной части к ним при передаче из арсенала в боевые подразделения. Кроме того, 25 июня того же года было принято решение о внесении изменений в конструкцию бомб и гранат. Проводились специальные испытания для установления их оптимальных параметров. На подобных испытаниях был впервые в России установлен фиксированный вес заряда и пули в патронах всех видов огнестрельного оружия русской армии [7, с. 455].

Также 14 декабря 1808 года был учрежден Ученый комитет по артиллерийской части, который был предназначен содействовать развитию артиллерийского дела. В его рамках должны были рассматриваться все проекты нововведений в области артиллерии, организовываться соответствующие испытания новых образцов вооружения. При комитете был учрежден «Артиллерийский журнал», «полезный и содержательный для артиллерийских офицеров», основана артиллерийская библиотека «из лучших до военного искусства относящихся книг» [7, с. 456].

Наконец изменения коснулись внешнего, субординативного аспекта в русской армии. В 1809 году военный министр ввел в войсках правило отдания чести, согласно которому офицеры должны были приветствовать друг друга поднятием левой руки к головному убору. При этом младшие по званию обязаны были отдавать честь первыми. Эта мера призвана была способствовать поддержанию в офицерской среде духа дисциплины и атмосферы взаимного уважения.

1 января 1810 года Аракчеев был уволен с поста военного министра и занял пост председателя Военного департамента при Государственном совете. Новым министром стал Михаил Богданович Барклай де Толли до этого пребывавший в должности генерал-губернатора Финляндии. Первым делом новый министр принял во внимание факт неизбежности скорой войны с наполеоновской Францией. Соответственно необходимо было подготовить будущий театр военных действий на западных рубежах страны. В случае продвижения противника вглубь русской территории войскам предстоял отход на заранее подготовленные позиции – к берегам Западной Двины и Днепра. В результате в этом районе были построены новые крепости (Дрисса), предмостные укрепления (Бобруйск, Борисов, Динабург), модернизированы старые фортификации (Киев, Рига) [3, с. 19].

Другой задачей Барклая де Толли стало обеспечение материальной базы для ведения боевых действий. Задача была разрешена путем создания складов и арсеналов, расширения производства оружия и боеприпасов, сбора фуража и продовольствия, амуниции и медикаментов в таких городах как Москва, Псков, Смоленск и Кременчуг, которые по плану Барклая получили наименование «главных баз» и фактически превратились в дальние оборонительные центры страны.

На повестке дня стояла и еще одна не менее важная проблема, а именно – необходимость в увеличении численности войск. В связи с этим в 1810, 1811, 1812 годах было проведено три рекрутских набора, которые в общей сложности образовали контингент в 350 тысяч человек, прошедший подготовку в рекрутских депо. При этом в 1810 году получила закрепление определенная система рекрутирования по количеству числа работников в семье. Одна семья не могла давать более одного рекрута в наборе и более трех рекрутов вообще, полностью освобождались единственные сыновья. При наборе в первую очередь брали холостых и бездетных [5, с. 201].

Военный министр также уделял внимание благоприятному моральному климату в армии. Плодом подобного отношения явился выход 14 января 1811 года его наставления «О смотре в рекрутских депо», которое запрещало «наказывать новобранцев в ученье», призывало офицеров «обходиться с подчиненными кротко и снисходительно, собственным примером побуждая их к ревностной службе».

Была внедрена и более качественная система боевой подготовки рекрут, особенно в области стрелкового дела. Так солдат в 1810–1811 году перевооружили новыми 7-ми линейными ружьями улучшенных баллистических качеств, а обучение прицельной стрельбе производилось с примкнутом штыком и в боевом снаряжении. В результате, по воспоминаниям участников похода Наполеона в Россию, русские солдаты стреляли с высокой точностью и большим процентом попаданий, нанося существенный урон живой силе противника [5, с. 204].

Барклаем де Толли проводились мероприятия и по совершенствованию организации военных подразделений. Была утверждена единообразная структура русской армии, которая, по примеру армии Наполеона, теперь в мирное и военное время делилась на корпуса, дивизии, бригады. А в 1812 году в действие была введена система комплектования дивизии за счет трех родов войск: пехоты, артиллерии, кавалерии [1, с. 203]. Подобно главному штабу армии, учреждались штабные управления при корпусах и дивизиях.

Особое внимание министр уделил и формированию разведывательного аппарата. Впервые учреждались должности военных агентов при русских посольствах. А 27 января 1812 года была создана Высшая воинская полиция при армии, которая стала главным органом управления русской армейской разведкой и контрразведкой [8, с. 17].

Венцом же всей работы Барклай де Толли стало «Учреждение для управления Большой действующей армией», состоявшее из 4-х частей. Фактически этот документ явился новым руководящим армейским уставом. В первой его части обозначались функции главнокомандующего, командиров корпусов и дивизий, вторая определяла состав и функции различных органов управления армией, третья была посвящена интендантскому управлению, четвертая – инженерному и артиллерийскому управлению, канцелярии главнокомандующего. Присутствовали в «Учреждении» и уставы для полевых судопроизводства и почтамта, и положение для временных полевых госпиталей [2, с. 126]. Наконец, при Барклае де Толли было реорганизовано само военное министерство, которое теперь состояло из семи департаментов (артиллерийского, инспекторского, провиантского и медицинского, военно-топографического бюро, типографии и т.д.) [6, с. 177].

Исходя из всего вышеозначенного, можно сделать следующий вывод: Аракчеев, централизовав все отрасли военного ведомства, восстановив дисциплину в армии и усовершенствовал артиллерийское дело, тем самым подготовил базу для последующих улучшений. В свою очередь его инициативу развил Барклай де Толли, который реорганизовал военное министерство, разработал учреждение для армии, увеличил и преобразовал вооруженные силы России, увеличив их численность и улучшив принципы организации и подготовки. В конечном счете, их реформаторская деятельность стала фундаментом, на основе которого была выкована победа в Отечественной войне.

1. Бескровный, Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России / Л.Г. Бескровный. – М.: Наука, 1973. – 616 с.
2. Балязин, В.Н. Фельдмаршал Барклай / В.Н. Балязин. – М.: Просвещение, 1992. – 320 с.
3. Герои 1812 года / сост. В. Левченко. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 608 с.
4. Дженкинс, М. Аракчеев. Реформатор-реакционер / М. Дженкинс. – М.: Центрполиграф, 2004 – 272 с.
5. Керсновский, А.А. История русской армии: в 4 томах / А.А. Керсновский. – М.: Голос, 1999. – Т. 1. – 304 с.
6. Столетие военного министерства: 1802–1902: ист. очерк развития военного управления в России / сост. Н. А. Данилов. – СПб., 1902. – Т. 1.
7. Томсинов, В.А. Аракчеев / В.А. Томсинов. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 427 с.
8. Тофталушин, В.П. М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года / В.П. Тофталушин. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. – 136 с.

С.В. Заневский

ЗАПАДНЫЕ РУБЕЖИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН (ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА БЕЛАРУСИ В ГРОДНО)

С разделом Речи Посполитой на белорусских и украинских землях чётко обозначились признаки раскола среди местного населения. Те, кто не принёс присягу на верность новому правительству, были вынуждены уехать за рубеж, образовав там внушительную по размерам политическую эмиграцию. Они не оставляли надежды на возрождение былой Речи Посполитой и продолжали поддерживать контакты со своей старой родиной, ища поддержку среди местного населения. Понятно, что царское правительство препятствовало подобным контактам и уделяло западной границе государства особое внимание.

Чтобы не допустить влияние в крае идей патриотически настроенной польской эмиграции с помощью паспортной системы для местных жителей был затруднён выезд за границу. О достаточно большом значении мер, которые предпринимало царское правительство по искоренению и недопущению в крае загра-

ничных идей говорит большое количество документов подобного рода, отложившихся в частности в Национальном историческом архиве Беларуси в городе Гродно [3–4, 6–9]. Через этот город, находящийся у самой границы Российской империи ежегодно проходило огромное количество населения. «Молодые люди, получившие образование за границей с обходом паспортных правил, утрачивали право на занятие правительственных должностей в крае, их родителям угрожало привлечение к ответственности» [1, с. 631]. Иногда даже польский дворянин, пойманный при незаконном пересечении границы, мог быть лишён принадлежности к своему сословию [4, л. 12; 7]. Несмотря на подобный риск, побег польских патриотов за границу был широко распространённым явлением. На это жаловался, например, гродненский вице-губернатор Пётр фон Берг: «многое число здешних жителей из дворян... довольно часто переезжают» [5, л. 3]. Справедливости ради, следует отметить, что не всегда меры наказания были настолько жёсткими. В жизни западной границы Российской империи можно выделить следующие периоды:

1. 1801 – 1805 гг. – относительно тихий период, который характеризуется «горячими приступами к реформам».

2. 1805 – 1807 гг. – период первых войн с Наполеоном, во время которых правительство энергично приступает к укреплению своих границ.

3. 1808 – 1812 гг. – этап подготовки обеих сторон к войне, при этом большая роль отводилась сбору информации о противнике.

На первом этапе царскими властями не было предпринято каких-либо жёстких мероприятий по контролю над своей западной границей. Каждый желающий мог без особых трудностей покинуть территорию империи. А политика на присоединённых землях не приобрела ещё таких реакционных форм, какие наблюдались тут позднее. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что согласно «Ведомостям о лицах, проезжающих за границу и в Россию» за 1802–1805 гг. количество последних превосходило показатель выехавших приблизительно на 10 %. Число относительно небольшое, однако стабильность данного показателя из месяца в месяц говорит об авторитете России в глазах чужеземцев [3, л. 55].

В период 1805 – 1807 гг. происходит обострение отношений между Россией и Францией. Император Александр I, озабоченный ходом событий на театре военных действий, активных действий на новоприсоединённых землях не предпринимал. В тоже время наблюдается определённая «остановка жизни» на западной границе. В архиве нет ни одного дела с данными о количестве граждан, выехавших за границу.

Между тем, русская армия в это время потерпела ряд поражений: при Аустерлице, Эйлау, Фридлянде и др. После этого на плоту посреди Немана состоялась встреча двух самых влиятельных людей в Европе. Её следствием стал Тильзитский мирный договор 27 июня 1807 г. [5, л. 2, 42]. Наполеон уступал отобранную у Пруссии Белостокскую область, а из остальных бывших прусских областей создал Герцогство Варшавское. Таким образом, Россия отодвинула свою границу дальше на запад, но обрела в качестве соседа военный аванпост Наполеона.

Александр I оказался в тяжёлом положении: ему пришлось отказаться от восстановления Польши. Это вызвало окончательное разочарование польских патриотов и обращение их взоров в сторону Наполеона. Подполковник И. Дибич писал: «Простой народ уважает Наполеона как будущего избавителя и представляет себе, что им изгнаны будут дворяне, а крестьяне получают свободу, по понятию сих людей, состоящих в беззаконной вольности» [2, с. 19].

Предвоенный период отмечен существенным обострением русско-польских отношений. Обе стороны развернули интенсивную подготовку к войне.

На российской границе был введён более жестокий режим и бдительный надзор за иностранцами. Каждый из них рассматривался потенциальным разведчиком, и не безосновательно. Бдительный надзор помог раскрыть деятельность не одного десятка шпионов – в основном выходцев из бывшей Речи Посполитой.

Высочайший указ Правительственного Сената от 23 августа 1807 г. повелевал: «никто из иностранных, какого бы состояния он ни был, не может быть пропущен в Россию, не получив паспорта от нашего Министерства иностранных дел. Пропуск из России через границу дозволять без затруднения, но не иначе как с паспортами за подписанием МИД... И притом с непременною наблюдением, чтобы всегда известно было куда поселяне сии следовать будут, и чтоб далее назначенного в свидетельствах места следовать они не могли» [6, л. 18]. При этом выдача паспортов за границу Губернским правлениям запрещалась. На земских начальников возлагалась задача бдительного надзора за этими лицами и выдворения их по истечении означенного паспортом срока. Царское правительство столкнулось при этом с достаточно сложной ситуацией, не предполагая того, какой масштаб приобретут дела на границе. Количество приезжающих и уезжающих по сравнению с началом века значительно выросло. МИД попросту не справлялся с неиссякаемым потоком заявлений на обретение паспортов и пропусков. Учитывая это 8 ноября 1807 г. было принято дополнение, позволяющее выдавать «торгующим иностранцам и купцам, желающим приехать в какую-нибудь из пограничных губерний по своим торговым надобностям» пограничным начальникам губерний [6, л. 19]. Однако во внутренние губернии Империи по-прежнему выдавали паспорта лишь представители МИДа.

Принятые мероприятия ситуацию, однако, не исправили. Гродненский вице-губернатор обращает внимание на то, что большое количество указов, правил и дополнений к ним посеяло большую путаницу и неразбериху среди чиновников. Всё это значительно затруднило их работу и заставило действовать сообразно требованиям момента. Вследствие этого многие иностранцы оказались вне поля зрения соответствующих органов и потерялись в просторах России.

Согласно указу от 30 мая 1808 г. устанавливался не более чем трёхмесячный термин нахождения иностранцев в России [6, л. 22]. Одновременно предпринимались меры по нейтрализации вражеской разведывательной сети. 24 марта 1807 года на стол тайного советника Василия Сергеевича Ландского легла докладная записка за № 1401. Некий Иван Элиль из местечка Замбров, находящийся на секретной государевой службе, сообщал: «На сих днях из французской армии отправилось 5 человек поляков, находящихся во французской службе, с паспортами об увольнении в отпуск. Все они предприняли путь к Брест-Литовскому с намерением въехать в границы наши. Корреспондент мой напишет кто именно сии поляки. Но при сём том я обязательно поставляю сообщить об этом вам, милостивый государь, с тем, дабы ваше превосходительство не оставило принять строгих мер к нужной предосторожности» [4, л. 10]. Посылая простое, на первый взгляд, предупреждение о нескольких подозрительных лицах, светский чиновник и не подозревал, что напал на след вражеских лазутчиков. В.С. Ландской, видимо, был уже осведомлён о том, что в ближайшее время через границу попытаются пройти несколько французских шпионов, поскольку предписал таможенному инспектору Богаевскому: «принять строгие меры к нужной предосторожности». Тем не менее, долгое время на след лазутчиков выйти не удавалось. Всякий раз они ловко уходили от преследования. Было ясно, что им удалось проникнуть в пределы Российской империи, поскольку вражеских шпионов видели то под Гродно, то в Дубно и на Волыни [4, л. 12 об, 48 об, 50]. Лишь спустя две недели поисков 5

апреля 1807 г. специальная комиссия под началом генерал Бенигсона задержала в Киеве одного из французских солдат, который имел при себе секретные данные, полученные от таможенного ведомства. Пленный показал, что получил их от унтер-офицера Брестской таможенной заставы Осипа Подчашинского, который «будучи подкуплен французами, изменяет Отечеству» [4, л. 12]. 21 февраля 1807 г. Литовский таможенный инспектор Богаевский сообщал В.С. Ландскому о том, что, исполняя высочайшую волю монарха, он передал специально прибывшему для этого в Гродно генералу от МВД барону Будберху арестованного - бывшего титулярного советника Осипа Подчашинского вместе с найденными при нём бумагами секретного содержания для препровождения в Санкт-Петербург [4, л. 61].

К сожалению, среди архивных дел данных о том, были ли пойманы оставшиеся четыре из пяти французских шпионов, не сохранилось. Последнее упоминание о них содержится в рапорте всё того же литовского таможенного инспектора коллежского советника Богаевского. С пометкой «Секретно» он рассылает «во все таможни и заставы по литовской границе» описание вражеских лазутчиков «для поступления с ними во всё согласно высшему предписанию» [4, л. 2].

Следует отметить, что это далеко не единственный случай появления в пределах Российской империи вражеских шпионов. Ещё в январе 1807 г. появились сведения о трёх высокопоставленных литовских чиновниках, оказавшихся французскими агентами. Согласно секретному рапорту К. Подольского, они нередко «уклонялись во внутрь провинции для разглашения вражеской агитационной прокламации...» [4, л. 21]. Высочайшие действия последовали незамедлительно, через неделю французские эмиссары были обнаружены и арестованы вместе с возмутительным манифестом в Житомире.

Царское самодержавие придавало большое значение состоянию умов среди местного населения. Неоднократно предпринимались меры по выявлению степени благонадёжности жителей литовских провинций, и «открытию неприязненных к России людей» Напуганное частыми случаями появления в пределах Империи вражеских шпионов, министерство полиции выдаёт специальный циркуляр. «Обращая бдительный присмотр к открытию зломыслящих Отечеству нашему, не ограничиваться соблюдением только обыкновенной формы. Постарайтесь действовать любыми другими способами, всеми мерами, какие только внушит собственное ваше благоразумие. Предусмотрительно и осторожно постарайтесь преследовать шпионов, открывая их и беря под стражу» [7, л.1].

Представители части политических кругов белорусских земель не покидали надежду на восстановление Речи Посполитой, о чём заявлял сам Наполеон I. Преследуя этим заявлением совсем иные цели, французский император приобрёл, однако, немалое количество своих сторонников в пределах Российской империи, в том числе и высокопоставленных имперских чиновников польского происхождения. Многие из них готовы были верой и правдой заслужить высочайшее доверие Наполеона, поставляя сведения о расположении русских войск, фураже, переправах и укреплениях, топографическую съёмку местности и прочие важные данные [4, л. 17-18]. «Касательно расположения умов жителей сего края, - писал генерал Отто Инерин, - честь имею донести. Вообще ознакомившись со здешними расположениями нельзя не видеть всемирно уповаемой наклонности к переменам, целью которых есть одна мечтательная вольность, делая неизгладимой ещё из памяти народной прежнее польское правление... Познания мои, образы мыслей здешних, без сомнения уверяют меня, что более сильное имеют влияние на жителей сего края прокламации неприятеля из-за границы рассылаемые, нежели благоденствие, насаждаемое под скипетром России» [4, л. 42–42 об.].

Таким образом, уже в первом десятилетии XIX в. на западной границе Российской империи разворачивалась активная подготовка к будущей войне.

1. Грабенский, В. История польского народа / В. Грабенский. – Минск: МФПЦ, 2006. – 800 с.
2. Лукашэвіч, А. Вывучэнне Беларусі як верагоднага тэатра ваенных дзеянняў (1810–1812 г.) /А. Лукашэвіч // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2006. – № 1.
3. Национальный исторический архив Беларуси в городе Гродно (далее – НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Описание 1. – Ед. хр. 13. – 100 л. Ведомости о лицах, проезжавших за границу и в Россию (1802–1805 гг.)
4. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Описание 1. – Ед. хр.107. – 67 л. Дело о розыске шпионов, перешедших в Россию из-за границ (1807–1809 гг.)
5. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Описание 1. – Ед. хр. 111. Рапорты об объявлении жителям губерний о заключении мира между Россией и Францией (1807 г.)
6. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Описание 1. – Ед. хр. 159. – 60 л. Выписка из указов Сената о порядке пропуска через границу иностранцев и подданных России, и переписка с пограничными заставами по этому вопросу (1807–1809 гг.)
7. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Описание 1. – Ед.хр. 209. – 1 л. Циркуляр Министерства полиции об усилении бдительности за появлением шпионов (1813 г.)
8. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Описание 2. – Ед. хр. 259. Дело о запрещении жителям России выписывать газеты из-за границы
9. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Описание 2. – Ед. хр. 1. – Л. 115–121. Указы Сената. Комиссия для свода запрещённых и разрешённых книг.

РАЗДЕЛ 2

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЛЕТОМ–ОСЕНЬЮ 1812 ГОДА. ГЕРОИ 1812 ГОДА

Ш.И. Бектинеев

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ РОССИЙСКОГО КОМАНДОВАНИЯ 1811–1812 ГГ. И ПЕРВЫЙ ЭТАП ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г.

После поражения союзников в русско-прусско-французской войне 1806–1807 гг., завершившейся Тильзитским миром 25.06 (07.07).1807, распалась антифранцузская коалиция. Россия вынуждена была признать титулы Наполеона I (1804–1814, 1815) и его родственников и присоединиться к континентальной блокаде Англии.

Но вскоре Наполеон начал проявлять недовольство нарушением Россией континентальной блокады, вялым ведением ею русско-турецкой войны 1806–1812 гг., отказом поддерживать марионеточное польское государство Великое Герцогство Варшавское (далее – ВГВ) и пр. Особенно накалилась обстановка после отказа Александра I выдать замуж за «императора французов» свою сестру великую княжну Анну Павловну. Все эти противоречия вынудили обе стороны в 1810 – 1811 гг. начать подготовку к войне.

Весной 1811 г. Наполеон пришел к выводу, что уже в следующем году придется начать войну против России, иначе она опередит Францию, что даст ей стратегическое и военное преимущества. Были мобилизованы не только французские войска, но и воинские части ее сателлитов – Итальянского и Неаполитанского королевств, Рейнского союза, ВГВ, Австрии, Пруссии, Дании и «монархий» и родственников Наполеона.

Перед вторжением в Россию «Великая армия» (около 600 тыс. чел.) была разделена на 17 корпусов, расположенных вдоль русской границы в Пруссии и ВГВ. Современники отмечают, что первоначально во вторжении участвовало около 480 тысяч человек, а остальные войска находились в резерве и следили за Пруссией и Австрией.

Восточная война 1812 г., или «польская кампания», началась 12 (24) июня с переправы частей «Великой армии» через р. Неман под Ковно. Из-за численного превосходства русские войска вынуждены были повсеместно, кроме южного региона, отступить. Русская общественность на первых порах войны 1812 г. не могла понять, почему русские армии все время отступали, и имелся ли какой-либо план борьбы с агрессором.

По поводу якобы отсутствия какого-либо плана ведения войны с Наполеоном известный военный историк М.И. Богданович (1805–1882) писал следующее: «...неосновательно мнение – будто бы действия русских армий в первую половину кампаний 1812 года, от вторжения Наполеона в пределы России до занятия Французами Москвы, ведены были без всякого определенного плана. Но столь же неосновательно было бы утверждать, что соображения, входившие в первоначальный план действий русских войска, были исполнены точно в таком виде, в каком они были предложены... Наполеон, точно также, как и мы, не мог знать в начале войны, по каким направлениям он будет вести свои войска... и как далеко зайдет он в Россию; сам он, по достижении Смоленска, колебался в нерешимости – идти ли вперед, либо остановиться на Днепре и зимовать в Литве и Белоруссии»

[5, с. 93 – 94]. Именно М. Богданович одним из первых поднял вопрос об изучении предвоенных планов ведения войны против Наполеона и его армии.

Исследования в российской и белорусской военной историографии стратегических и тактических планов ведения кампании 1812 г., чаще всего, рассматриваются фрагментарно. Исследовались ранее и изучаются в настоящее время преимущественно два общеизвестных плана – К.Л. Фуля и Б.М. Барклай-де-Толли.

В 1810–1812 гг. в адрес высшего военного руководства России было подано свыше 40 проектов, в которых предлагались как наступательные, так и оборонительные действия против войск имп. Наполеона I. Главную роль в подготовке конкретного плана ведения будущей войны осуществлял военный министр М.Б. Барклай де Толли, опиравшийся на данные разведки. Окончательный этап военного планирования пришелся на весну 1812 г. Значительное влияние на разработку планов военных действий оказали идеи, высказанные военным министром в записке «О защите западных пределов России», которая была представлена Александру I в январе 1811 г. [4, с. 586].

Стратегическая концепция войны, принятая имп. Александром I к весне 1812 г., была рассчитана на длительный срок – кампания 1812 г. рассматривалась как первый этап, а в 1813–1814 гг. предусматривался перенос военных действий в Европу [4, с. 586].

Вот имена некоторых составителей проектов – К.Л. Фуль, д'Алонвиль, Б.М. Барклай де Толли (январь 1811 г.), К. Л. Толь, П.И. Багратион, Л.Л. Беннигсен, Ю.-А. Вольцоген (август 1810 г.), П.А. Чуйкевич (1-я половина 1812 г.) и др.

М.И. Богданович в своем главном труде рассмотрел несколько таких проектов. Он довольно подробно разобрал два стратегических плана – французского эмигранта графа д'Алонвиля (январь 1811 г.) и план Толя (29.04.1812). Александр I в июле 1811 г. утвердил план, составленный К.Л. Фулем, а другие проекты были отклонены или даже не рассматривались. Проект д'Алонвиля, составленный на французском языке, Александр I показывал военному министру Барклаю-де-Толли, которому он понравился, т.к. соответствовал его концепции заманивания вглубь страны неприятеля и изматывания его физически и морально. Д'Алонвиль в своих мемуарах указывает, как следует вести войну с Наполеоном: «...цель состоит в том, чтобы действовать быстро и извлекать из войны всевозможный выгоды; следовательно – должно вовлечь его в войну медленную и разорительную; в особенности же следует избегать генеральных сражений, отступать внутрь страны, увлекая за собою противника, держать по возможности силы свои сосредоточенными, наводнить области, которые неприятель оставит у себя в тылу, казаками, для действий против Французских отрядов, посылаемых для добывания продовольствия. Необходимо содержать неприятеля в беспрестанном опасении; ограничиваться частными встречами... Таким образом, ведя войну, можно выиграть время, и между тем пройдут четыре или пять летних месяцев, самых удобных для действий неприятельской армии, ...с наступлением же осени и зимы, долгие ночи будут способствовать предприятиям русских легких войск и затруднять действия французов, которые, привыкнув к умеренному климату, потерпят от ненастья и стужи более нежели русские...» [5, с. 93–96].

М. Богданович, беседовавший с участниками Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813 – 1814 гг., сделал вывод, что при составлении своего плана К.Л. Фуль использовал два постулата, которые проповедовали король прусский Фридрих Великий и прусский принц Генрих, – «оборонительную войну должно вести двумя армиями, из которых одна удерживала бы неприятеля с фронта, между тем как другая действовала бы ему во фланг и тыл. Затем, Фуль

занял от Бюлова идею, будто бы лучший способ удержать наступающего противника заключается в том, чтобы расположить свою армию в стороне от прикрываемого пути, заняв – так называемую – фланговую позицию» [5, с. 102].

Фуль при разработке плана использовал опыт Семилетней войны 1756 – 1763 гг., в частности, создание прусскими войсками в 1761 г. Бунцельвицкого лагеря в Силезии. Из современной военной практики он взял за основу укрепленные линии Торрес – Ведрас, созданные в 1810 г. в Португалии английским генералом А. Веллингтоном.

При планировании Фуль полагал, что Великая армия общей численностью около 240 тыс. чел. будет состоять из двух частей, которым окажут противодействие две российские армии общей численностью в 230 тыс. чел. – Двинская и Днепровская (или 1-я и 2-я Западные). Первая, отступая от границы, должна была занять Дрисский лагерь и получить там подкрепление. В укрепленном районе предполагалось сосредоточить до 120 тыс. чел. Днепровская армия должна была отступать «до приближения подкреплений со стороны Молдавской армии» и одновременно препятствовать соединению двух частей Великой армии, атакуя их с флангов и с тыла. Предполагалось, что Наполеон будет вынужден направить основные свои силы на Дрисский лагерь. Тогда Днепровская армия сможет уничтожить неприятельские резервы и нарушить их коммуникации. В ходе оборонительных боев противник утратит численное превосходство, после чего Двинская армия сможет перейти в наступление в направлении Мемель – Тильзит – Инстербург [8, с. 758].

Интересно то, что практически ни в одном исследовании не приводится полный текст плана Фуля. М. Богданович о нем вообще ничего не пишет. План известен по воспоминаниям и запискам генералов и офицеров, которые слышали что-то о нем.

Согласно плану К. Фуля подполковник Л.И. Вольцоген в июле 1811 г. влучине р. Зап. Двина на ее левом берегу выбрал место для будущего Дрисского лагеря, строительство которого началось в апреле 1812 г. Лагерь располагался между основными операционными магистралями будущей кампании – в 30 км к Югу от дороги Вильно – Санкт-Петербург и в 180 км к Северу от дороги Вильно – Москва, поэтому неприятель, имея превосходящие силы, мог обойти его и блокировать. На правом берегу реки, где располагались провиантские склады, укреплений не было. Лагерь имел три укрепленные линии с ложементами (в первой) и редутами (во второй и третьей). В центре имелся мощный редут, сооруженный для прикрытия возможного отступления войск. В тыловой части лагеря через реку вместо запланированных семи переправ навели четыре. На левом берегу переправы защищались тремя предместными укреплениями. С тыла и флангов лагерь опоясывала река, которая хотя и имела броды, создавала большие неудобства для занимавших его войск при отступлении под натиском атакующего неприятеля, и особенно это было затруднительно для артиллерии [10, с. 71, план; 13, с. 259].

Еще три российских проекта имели наступательный характер ведения войны – это план командующего 2-й Западной армией П.И. Багратиона, предложенный в апреле или мае 1812 г. [6, с. 130–138, № 57]; план Л.Л. Беннигсена и так наз. «Померанский план» или «Русско-шведский договор» (24.03 (05.04).1812) [12, с. 123–131, № 66], имевший две дополнительные конвенции [12, с. 155–157, № 75, с. 175–179, № 89]. Эти три проекта, особенно «русско-шведский», были разработаны и представлены слишком поздно.

Вторжение наполеоновской «Великой армии» началось 12 (24) июня с переправой через Неман. Военные историки предлагают две разные периодизации военной кампании 1812 года.

Первая группа историков ее подразделяет на два периода: 1) 12 (24) июня – 2 (14) сентября, т.е. до сдачи Москвы французам, и 2) со 2 (14) сентября, т.е. с Тарутинского марш-маневра до 31.12.1812 (12.01.1813) [3, с. 6–12]. Здесь, скорее всего, принята периодизация М. И. Богдановича, которая неожиданно для него была приведена в 1859 г. в классическом труде о войне 1812 г. [5, с. 93–94].

Другие историки кампанию 1812 г. подразделяют на 4 периода или этапа: I период – 12 (24) июня – 1 (13) 3 августа (до соединения русских армий под Смоленском); II – с 1-го или 4–5 (16–17) августа до 2 (14) сентября, т.е. от штурма Смоленска 4–5 (16–17) августа до взятия Москвы французами 3 (15) сентября; III — 2 (14) сентября – 6 (18) октября; IV период – 6 (18) октября – 2 (14) декабря. 7 (19) октября Наполеон покинул Москву, а 2 (14) декабря 1812 г. первая русская часть переправилась под Ковно через Неман на польские земли.

Именно на первом этапе (12 (24).06. – 1 (13).08.1812) были предприняты попытки осуществить некоторые элементы планов ведения кампании К. Фуля и М. Баркляя-де-Толли. И осуществлялись они практически на белорусской земле.

Только после генеральной битвы при Бородино 24–26 августа (5–7 сентября) появился новый Петербургский план ведения войны с Наполеоном во второй половине военной кампании 1812 г., рескрипты которого были разосланы 31 августа (12 сентября) командующему Дунайской армии адмиралу П.В. Чичагову, Тормасову и командиру 1-го пехотного корпуса П.Х. Витгенштейну [9, с. 463–468] и 1 (13) сентября – командующему Финляндского корпуса генералу Ф.Ф. Штейнгелю [9, с. 468–470]. Этот план осуществлялся до января 1813 г.

«Великая армия» Наполеона, подготовленная для вторжения, делились на три основные группировки. Главная группировка, 1-я и самая северная, не считая корпуса маршала Э.Ж. Макдональда и прусского корпуса, под командованием самого императора насчитывала 213 тысяч человек при 618 орудиях. Вторая группировка вице-короля Итальянского Евгения Богарне имела 77 тысяч человек при 190 орудиях. Третья армия Жерома Бонапарта (всего: 82 тысячи человек и 260 орудий), находилась вдоль р. Вислы и должна была прикрывать от русских войск Варшаву. На юге (на Брестчине) находился австрийский корпус К.Ф. Шварценберга (3 пехотных, 1 дивизия кавалерии и 60 орудий), который должен был противодействовать 3-й русской Западной армии. Их поддерживал саксонско-польский корпус Ж.-Л.-Э. Рейнье. В общем резерве имелись корпуса маршалов К.В. Виктора и Ш.П. Ожеро [11, с. 7, 222–227].

«Великой армии» противостояли русские войска, растянутые на очень большое расстояние. На севере, на линии от Вильно – Ковно до Лиды, находилась 1-я Западная армия под командованием Б.М. Баркляя-де-Толли (120 – 122 тысяч человек и 380 орудий). На линии от Гродно до Бреста располагались войска 2-й Западной армии П.И. Багратиона (около 49,5 тысяч человек и 168 орудий). 3-я Западная (Обсервационная) армия генерала-от-инфантерии А.П. Тормасова, имевшая численность около 43–44 тысячи человек при 168 орудиях, располагалась на юге в районе г. Луцка. Всего 210–220 тыс. при 716 орудиях. Кроме этих армий на флангах полосы вторжения находились отдельные корпуса [11, с. 8, 213–222].

«Император французов» свою, как он называл для конспирации, «польскую кампанию» планировал, опираясь на свой прежний опыт ведения военных кампаний в Центральной Европе, провести за 2–3 года. Вначале он предполагал, что русские войска будут следовать наступательной тактике (по-видимому, он как-то узнал о проекте Баркляя-де-Толли начала 1811 г.). Видя, что Россия выбирает оборонительную стратегию, он решил разгромить русские армии, численность которых была в 2–2,5 раза меньше наполеоновских войск, в 2–3 генераль-

ных сражениях в приграничных губерниях, а при удаче захватить ее историческую столицу (Москву) и заключить выгодный для себя мир. Но когда не удался замысел разгромить русские армии поодиночке, ему пришлось следовать за ними вглубь империи, что со временем привело к сокрушительному поражению. По свидетельству его соратников Наполеон предполагал остановиться в Витебске или Смоленске и заключить почетный мир [14, с. 587–588].

Из-за внушительного перевеса в силах противника русские армии были вынуждены постоянно отступать. Российские военачальники с первых же дней войны начали осуществлять оборонительный план кампании, который был разработан в 1811–1812 гг. Сразу разгромить 1-ю Западную армию, где в это время находился российский император, Наполеону не удалось, поскольку Барклай де Толли, не желая «генерального сражения», все время отступал. Армия отходила по маршруту Полоцк – Витебск – Смоленск.

2-я Западная армия Багратиона не смогла проследовать на север на соединение с 1-ой армией около Дрисского лагеря, т.к. между ними вклинились войска Жерома. Багратион через Новогрудок и Несвиж пытался пробиться к Минску и дальше следовать на Могилев. Но маршал Даву опередил его и 26 июня (8 июля) занял Минск, что очень затруднило положение 2-й армии [11, с. 31–33]. Ей пришлось пробиваться на соединение с 1-й армией через Слуцк, Бобруйск и около Могилева (через Салтановку) к Смоленску, где обе армии соединились 22 июля (3 августа).

С начала войны Барклай де Толли со своей армией, выполняя предписания Александра I, отступал от границы к Дрисскому лагерю.

27 июня 1812 в лагерь начали прибывать отступавшие от Свенцяи первые части 1-й Западной армии, которые стали занимать 1-ю и 2-ю линии укреплений. Результаты осмотра местности военным руководством и квартирмейстерами и поступившие известия о попытке неприятеля обойти левый фланг армии и активизации его действий против 2-й армии показали, что в случае обороны Дрисский лагерь может стать ловушкой для российской армии. 1.7.1812 участники собранного Александром I Военного совета высказались (кроме Фуля) за оставление укреплений. 2.7.1812 1-я Западная армия выступила из лагеря к Витебску, стремясь соединиться с армией П.И. Багратиона [10, с. 70, 85–88; 13, с. 259]. Оставление укрепления означало крах Плана Фуля. Отступление вглубь России русских теперь происходило практически без какого-либо плана. Новый (Петербургский) план борьбы с Наполеоном появился только после Бородинского сражения 25–26 августа 1812 г.

М. Барклай де Толли с армией продолжал отступать через Полоцк на Витебск, что вызывало все возрастающее недовольство в войсках. 8 (20) июля войска 1-й армии, оставив для прикрытия Петербургского направления 1-й пехотный корпус П.Х. Витгенштейна, покинули Полоцк и направились к Витебску, которого достигли 11-го числа. Учитывая недовольство офицеров и солдат, и предполагая, что армия Багратиона идет на соединение к Витебску, Барклай де Толли решил дать неприятелю генеральное сражение. Для этого он в ночь на 13 (25) июля выдвинул в направлении Бешенковичей 4-й пехотный корпус А.И. Остермана-Толстого. Ему была поставлена задача: задержать противника и выиграть время для решительных действий. Бои 13 (25) июля под Островно и 14 (26) июля под Кукавячино задержали движение врага к Витебску [7, с. 47–58; 10, с. 100–108, 3 плана].

В это время Барклай де Толли уже выбирал позицию для сражения с основными силами Наполеона. Но 15 (27) июля он получил сообщение, что Багратион не смог прорваться через Могилев и вынужден был взять направление через Мстиславль на Смоленск. Поэтому Барклай де Толли принял решение не вступать в сражение, а продолжить отступление к Смоленску. Для прикрытия дальнейшего

отступления был выделен аррьергард П.П. Палена, который 15 (27) июля в сражении на р. Лучеса еще на день задержал продвижение неприятеля [7, с. 58–64; план].

После боев 13–15 (25–27) июля Наполеон пришел к выводу, что Барклай де Толли намерен дать под Витебском генеральное сражение. Но, вступив 16 (28) июля в город, он не обнаружил российскую армию и на два дня потерял ее из виду. Только 18 (30) июля разведка сообщила Наполеону, что она движется на Смоленск. Войска Великой армии были крайне утомлены форсированными маршами и боями. Император решил сделать перерыв в боевых действиях, и расквартировал свои корпуса на отдых в районе Витебск—Орша [2, с. 128]. 28 июля Наполеон узнал о соединении под Смоленском обеих русских армий и начал стягивать свои войска под Витебском. 1-го августа корпуса армии императора вышли из пределов губернии для преследования армии Барклай-де-Толли. Простояв в Витебске 16 дней [16 (28).07. – 01 (13).08], Наполеон покинул город и направился на Смоленск. В городе был оставлен небольшой гарнизон для охраны магазинов и заготовки продовольствия и фуража [1, с. 133].

Сражением за Смоленск 4 – 5 (16 – 17) августа завершился 1-й период ведения военной кампании 1812 года. Для белорусских земель этот период фактически завершился 16–18 (28–30) июля, когда Наполеон занял Витебск и решил осуществить довоенный план, т.е. перезимовать здесь, переформировать и пополнить армию, запастись провиантом и фуражом и весной 1813 г. продолжить «польскую» кампанию.

В заключение следует сказать, что именно в Беларуси оформились все условия будущего военного краха «Великой армии». Если проследить путь (карту) следования наполеоновских войск в московском направлении, то можно увидеть, что начавшись по всей западной границе, он все время сужался до клина, острие которого от линии Витебск – Орша – Могилев было нацелено на Смоленск и Москву. С севера этот путь был ограничен линией от Ковно – Вильно на Полоцк (Клястицы), Витебск и Оршу, а на юге – линией Брест – Кобрин – Слуцк – Бобруйск – Могилев и опять же на Оршу и Смоленск.

Для защиты своих завоеваний от фланговых ударов русских войск и партизанских отрядов (военных и народных, в основном мужицких) Наполеон вынужден был оставлять гарнизоны, что ослабляло главную армию. Надежда на австрийский и прусский корпуса и формируемые по приказу императора литовские полки не оправдали его надежды. Главная армия Наполеона к Бородинскому сражению сократилась до 150–160 тысяч человек, а резервы подходили медленно, что предопределило его стратегическое и политическое поражение. Русские же войска все время получали пополнение новыми формируемыми армейскими и казачьими полками и губернскими и национальными ополчениями. Большой ошибкой Наполеона являлась недооценка русских военных ресурсов и территориальных масштабов, которые сильно отличались от условий раздробленных на мелкие государства Германии и Италии.

1. Абрамава, І.А. Вайна 1812 года ў Віцебску / І.А. Абрамава // Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Віцебска. У 2-х кн. / рэд. кал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2002. – Кн. 1. – С. 131–135.
2. Безотосный, В.М. Витебский маневр / В.М. Безотосный // Отечественная война 1812 года: энциклопедия. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 127–128.
3. Безотосный, В.М. Кампания 1812 года / В.М. Безотосный // Отечественная война 1812 года: энциклопедия. – М.: «РОССПЭН», 2004. – С. 7–12.
4. Безотосный, В.М. Предвоенные планы Российского командования / В.М. Безотосный // Отечественная война 1812 года: энциклопедия. – М.: «РОССПЭН», 2004. – С. 586–587.

5. Богданович, М., ген.-м. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам / М. Богданович. – СПб.: Типография Торгового дома С. Струговщикова, 1859. – Т. I. – 555 с.
6. Генерал Багратион: сборник документов и материалов. – М.: Госполитиздат, 1945. – 280 с.
7. Лякин, В. Белорусские поля сражений 1812 года / В. Лякин. – Мозырь: КПУП «Колор» г. Мозырь, 2009. – 308 с.
8. Парсамов, В.С. Фуля план / В.С. Парсамов, В.М. Безотосный // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. – М.: «РОССПЭН», 2004. – С. 757–758.
9. М.И. Кутузов : сборник документов / под ред. полк. Л.Г. Бескровного. – Т. 4. Ч. 1 (Июль – октябрь 1812 г.). – М.: Воениздат, 1954. – XXXVI, 552 с. – Прилож.: Альбом схем (9 отд. сброшур. л.).
10. Михайловский-Данилевский, А.И. Описание Отечественной истории 1812 года / А.И. Михайловский-Данилевский. – М.: Яуза, Эксмо, 2007 (2008). – 576 с.
11. Подмазо, А.А. Большая Европейская война 1812–1815 годов: Хроника событий / А.А. Подмазо. – М.: «РОССПЭН», 2003. – 368 с.
12. Россия и Швеция: документы и материалы: 1809–1818 гг. – М.: Международные отношения, 1985. – 576 с.
13. Смирнов, А.А. Дрисский лагерь / А.А. Смирнов // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. – М.: «РОССПЭН», 2004. – С. 259.
14. Соколов, О.В. Предвоенный план Наполеона / О.В. Соколов // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. – М.: «РОССПЭН», 2004. – С. 587–588.

С.В. Донских

ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ НАПОЛЕОНА В ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Штрафные батальоны ассоциируются у нас с Великой Отечественной войной, но первые штрафбаты создал не Сталин, а Наполеон, а боевое крещение они прошли на территории Беларуси осенью и зимой 1812 г.

Непрерывные войны уже в 1811 г. остро поставили перед Наполеоном проблему комплектования армии. В марте 1811 г. Наполеон создал несколько штрафных полков, укомплектованных злостными уклонистами от военной службы и иностранными военнопленными. Причины уклонения от военной службы были разными. Часть штрафников составляли уроженцы Вандеи – французского региона, где сохраняли верность королевской династии Бурбонов и ненавидели Наполеона. Часть штрафников была призвана из итальянских и голландских департаментов Франции, которые лишь недавно были присоединены к наполеоновской империи. Эти солдаты не считали себя французами и всячески избегали призыва в армию. Хватало и собственно французских уклонистов. В составе штрафных полков Наполеона отсутствовали «элитные роты» – гренадеров и вольтежиров (стрелков, обученных меткой стрельбе в рассыпном строю), не было артиллерии и кавалерии. Все это, не говоря уже о низкой дисциплине и слабой боевой подготовке, сильно снижало их боевые качества [1, с. 44–45, 48]. Первоначально Наполеон хотел направить штрафников для гарнизонной службы на острова, откуда невозможно было убежать. Поэтому штрафные полки получили отдельные названия: 1-й и 2-й Средиземноморские (итальянцы и корсиканцы), ван Вальхерен (голландцы и один батальон испанских пленных), Иль де Рэ и Иль де Белль (собственно французы). Офицерский и унтер-офицерский корпус новых полков состоял преимущественно из французов, переведенных из гвардии и лучших армейских полков. От них требовалось знание иностранных языков: в двух Средиземноморских полках – итальянского, в полку ван Вальхерен – немецкого или голландского. Так Наполеон надеялся поднять боеспособность новых подразделений. Формирование полков началось на территории Голландии. Эту работу в 1811 г. курировал французский губернатор Антверпена дивизионный генерал, барон Империи Пьер Франсуа Жозеф Дюрютт [5, с. 296–297].

Подготовка к войне с Россией заставила Наполеона изменить свои планы относительно штрафных частей. В январе 1812 г. через Мекленбург и Померанию они начали передислокацию в Пруссию и были сведены в 4-ю резервную дивизию под командованием генерала Дюрютта, также назначенным губернатором Берлина. Формально 4-я резервная дивизия из 18 батальонов входила в состав XI армейского корпуса Великой Армии под командованием маршала Ш.П. Ожеро.

Наполеон справедливо считал, что такие слабо обученные, недисциплинированные и ненадежные части опасно брать с собой в далекий поход на Москву. Но огромные потери в войне 1812 года изменили мнение императора. 20 сентября 1812 г. штрафные полки получили номера регулярных частей французской армии (35 и 36 легкой пехоты, 131, 132 и 133 линейной пехоты). К ним присоединили пехотный полк Великого княжества Вюрцбург. Это были немецкие новобранцы, среди которых также был большой процент уклонистов, так как лучших рекрутов княжество Вюрцбург уже отдало Наполеону в 1809 г. для войны в Испании (3-й полк Рейнского союза). В итоге численность новой наполеоновской дивизии составляла почти 10 тыс. человек. Формирование новой дивизии завершилось только в октябре 1812 г. в Варшаве. Усиленную 4-ю резервную дивизию переименовали в 32-ю пехотную дивизию и под командованием генерала Дюрютта бросили на восток.

Состав 32-й «штрафной» пехотной дивизии
Великой Армии в октябре 1812 г.:

Бригада	Командир	Полк	Дата создания	Номер полка в Великой Армии	Дата переименования
1-я бригада	Бригадный генерал Дево	Великого княжества Вюрцбург	1812	этот полк линейной пехоты считался союзным и не имел номера	
		Иль де Белль (острова Белль)	11 марта 1811 г.	36-й легкой пехоты	20 сентября 1812 г.
2-я бригада	Бригадный генерал Яльрас	ван Вальхерен (острова Вальхерен)	24 января 1811 г.	131-й линейной пехоты	20 сентября 1812 г.
		1-й Средиземноморский	11 марта 1811 г.	35-й легкой пехоты	20 сентября 1812 г.
3-я бригада	Бригадный генерал Ярри	Иль де Рэ (острова Рэ)	11 марта 1811 г.	132-й линейной пехоты	20 сентября 1812 г.
		2-й Средиземноморский	11 марта 1811 г.	133-й линейной пехоты	20 сентября 1812 г.

«Штрафная» 32-я пехотная дивизия Дюрютта была присоединена к VII «саксонскому» армейскому корпусу дивизионного генерала Жана Луи Рейнье. Этот корпус в 1812 г. с переменным успехом сражался в Западной Беларуси с 3-й Западной армией генерала А.П. Тормасова и Дунайской армией адмирала П.В. Чичагова. В боях под Кобрином, Городечно, Выжвой, Брестом (на реке Лесной) и Бялой саксонцы понесли тяжелые потери и остро нуждались в пополнении.

26 октября 1812 г. Первая бригада 32-й дивизии соединилась с саксонцами южнее Волковыска. 2 ноября 1812 г. в Волковыск подошли остальные части. По-видимому, дезертирство и болезни нанесли 32-й дивизии большие потери задолго до того, как она вступила в бой. Саксонский генерал Функ оценил ее численность в конце октября 1812 г. всего в 6 000 человек вместо штатных 10 000 [3, с. 168]. По-видимому, это связано с тем, что «штрафная» дивизия Великой Армии вступала в бой по частям и редко была сконцентрирована в одном месте. По данным польского военного историка Кукеля в начале ноября 1812 г. 32-я пехотная дивизия Наполеона насчитывала около 9 000 солдат и офицеров [4, с. 391].

Первым боевым крещением наполеоновских штрафников стал бой с авангардом отдельного русского корпуса генерала Ф.В. Остен-Сакена у села Малые Лапеницы 13 ноября 1812 г. По замыслу русского командования корпус Остен-Сакена должен был оттянуть на себя австрийский вспомогательный корпус Шварценберга и VII саксонский корпус Рейнье, чтобы они не пришли на помощь Наполеону к Березине. С этой целью Остен-Сакен в конце октября 1812 г. начал рискованное наступление от Бреста к Волковыску заходя в тыл саксонцам и угрожая разбить по частям подходившую 32-ю «штрафную» дивизию Дюрютта. Чтобы дать возможность девяти батальонам Дюрютта сконцентрироваться в Волковыске Рейнье принял арьергардный бой у Малых Лапениц. Бригада «штрафников» Дюрютта заняла центр, а саксонцы Рейнье фланги выбранной позиции. Для русских это была скорее «разведка боем» силами авангарда А.П. Мелиссино и корпуса П.К. Эссена 3-го. Тем не менее, Дюрютт был очень горд, что его солдаты удержали позицию, хотя основная тяжесть боя пришлась на саксонские части [4, с. 391].

Первым настоящим сражением для «штрафников» Наполеона стала трехдневная битва у Волковыска. Желая дать отдых саксонцам, Рейнье оставил на аванпостах у города только «французские» части Дюрютта – три роты новобранцев. В ночь с 14 на 15 ноября 1812 г. «штрафники» не только не заметили подходящего противника, но кинулись наутек после первой же атаки русских штурмовых колонн. В панике солдаты Дюрютта стреляли и по русским, и по саксонцам, и едва не убили самого генерала Рейнье. 15 ноября 1812 г. русские попытались развить успех и атаковать саксонско-французские позиции на высотах севернее Волковыска. Особенно жаркие бои развернулись на левом фланге позиции Рейнье, где саксонцам помог удержать позицию 131-й пехотный полк (ван Вальхерен) из состава 32-й пехотной дивизии [4, с. 393].

Решающие бои у Волковыска развернулись 16 ноября 1812 г. Австрийцы Шварценберга атаковали русских с тыла и захватили Изабелин, а корпус Рейнье атаковал Волковыск. Поскольку саксонские части были очень утомлены, Рейнье кинул в атаку «штрафников». За предшествующие сутки дисциплина в 32-й пехотной дивизии была восстановлена, Дюрютт жаждал реабилитировать свою военную репутацию. Первая атака «штрафников» захлебнулась. Неопытные рекруты начали стрелять слишком рано, не смогли на морозе перезарядить ружья и были буквально расстреляны русскими егерями, которые укрывались за развалинами Волковыска. Под их метким огнем 32-я дивизия смешалась и бросилась назад. Здесь к солдатам подскакал разгневанный Рейнье, который послал «штрафников» в новую атаку. На этот раз «штрафники» атаковали бегом, с примкнутыми штыками, подбадривая друг друга возгласами «Не стрелять! У егерей нет штыков!» Им удалось ворваться в город, где солдаты Дюрютта беспощадно перекололи штыками егерей и занялись мародерством и поджогами. Причем в огне пожаров сгорели саксонские и французские пленные, запертые в некоторых домах и сараях Волковыска русскими егерями и казаками [2, с. 155–158].

Сражение у Волковыска стоило 32-й пехотной дивизии больших потерь, особенно среди офицеров. 36-й полк легкой пехоты (Иль де Белль) потерял 10 офицеров, 131-й полк линейной пехоты (ван Вальхерен) – 3 офицеров и 132-й полк линейной пехоты (Иль де Рэ) – 1 офицера. Судя по потерям «штрафная» дивизия Дюрютта принимала участие в сражении не в полном составе – итальянцев и немцев в бою не задействовали. Генерал Дюрютт в целом был доволен участием своих солдат в сражении у Волковыска и даже просил у Наполеона разрешения сформировать в «штрафных» батальонах гренадерские и вольтежирские роты.

В ходе преследования отступающего через Брест на Волынь русского корпуса Остен-Сакена 32-я пехотная дивизия ни как себя не проявила, что немудрено при отсутствии кавалерии. Дисциплина у «штрафников» упала так сильно, что они просто отпускали русских пленных, чтобы не тратить время на их охрану и провиант на питание. При этом дивизия несла огромные потери из-за лютых морозов. Только 7 декабря 1812 г. в окрестностях Ружан, когда холода достигли отметки –30 градусов, получили обморожения 500 солдат 32-й «штрафной» дивизии и 700 солдат VII «саксонского» корпуса [5, с. 303]. В конце декабря 1812 г. всех больных и раненых пришлось оставить в Варшаве.

Саксонский генерал Функ, подводя итоги участия VII «саксонского» корпуса Великой Армии в войне 1812 г., отмечал, что большие потери требовали постоянных резервов, но их не было: «Полуфранцузская дивизия Дюрютта стала единственной и далеко не самой лучшей заменой, которую мы получили. Там не было ни пушек, ни кавалерии, лишь плохо дисциплинированные рекруты и бездарные генералы и офицеры. Лучшие из них сами жаловались на свое нахождение в этой дивизии и, случалось, офицер, желающий прекратить бесчинство солдат, видел направленный на него штык. Фельдфебели были единственными, кто пытался поддерживать дисциплину, но им не хватало помощи сверху. Невежество офицеров было сравнимо разве что с их чванством» [3, с. 204].

Опыт участия 32-й «штрафной» пехотной дивизии Великой Армии в боевых действиях показал, что изначально ее бригады были сформированы неудачно. В начале 1813 г. ее полки были перераспределены по бригадам следующим образом.

Бригада	Командир	Полк	Номер полка в Великой Армии	Примечание
1-я бригада	Бригадный генерал Пьер Дево	1-й Средиземноморский	35-й легкой пехоты	Только легкая пехота, преимущественно французы и итальянцы
		Иль де Белль	36-й легкой пехоты	
2-я бригада	Полковник Анри Мори	Вальхерен	131-й линейной пехоты	Только линейная пехота, преимущественно голландцы и немцы
		Вюрцбург		
3-я бригада	Бригадный генерал Антоний Ярри	Иль де Рэ	132-й линейной пехоты	Только линейная пехота, преимущественно французы и итальянцы
		2-й Средиземноморский	133-й линейной пехоты	

Новый состав бригад 32-й «штрафной» пехотной дивизии учитывал рода войск и национальный состав частей: 1-я бригада – легкая пехота из «романоязычных» рекрутов, 2-я бригада – линейная пехота из «германоязычных» рекру-

тов и 3-я бригада – линейная пехота из «романоязычных» рекрутов. В таком составе 32-я дивизия Дюрютта вступила в бой под Калишем 13 февраля 1813 г. Численность «штрафной» дивизии едва достигала 7 000 человек – почти 30 % лично-го состава было потеряно всего за два месяца участия в войне 1812 г. [4, с. 498].

1. Оливер, М. Армия Наполеона / М. Оливер, Р. Патридж. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство «Астрель», 2005. – 399 с.
2. Швед, В.В. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў. 1805–1815 гады / В.В. Швед, С.У. Данскіх. – Гродна: ГрДУ, 2006. – 252 с.
3. Funck, F. In Russland und in Sachsen 1812 – 1815. Aus dem erinnerungen des sachsichen generalleutnants und generaladjutanten des Königs Ferdinand von Funck / F. Funck. – Dresden, 1930. – 378 s.
4. Kukiel, M. Wojna 1812 roku / M. Kukiel. – Kraków, 1937. – т. 2. – 515 s.
5. Notice sur le Général Durutte par le Général Herment, member résident // Memoires de la Société centrale d'agriculture, sciences et arts du département du Nord. – 1911, Ser. 4, t. 1. – S. 263 – 324.

А.М. Лукашевич
РОССИЙСКАЯ ТАКТИКА «ВЫЖЖЕННОЙ ЗЕМЛИ»:
ПЛАНЫ И ПРИМЕНЕНИЕ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ ЛЕТОМ 1812 г.

Сущность тактики «выжженной земли». В историографии 1812 г. о тактике «выжженной земли», именуемой «скифской», упоминали многие исследователи. Однако большинство из них отождествляли «скифскую тактику» со «скифским планом» [2; 17]. И только российский историк А.И. Попов попытался разграничить эти понятия. «Скифскую тактику» он определил как «способ ведения боевых действий», а «скифский план» – как «официально принятую доктрину ведения войны путем глубокого отступления» [11, с. 39].

По нашему мнению, эти понятия нуждаются в некоторой корректировке. Под «скифской тактикой» следует понимать не столько способ ведения боевых действий, сколько комплекс военно-политических мероприятий, направленных на обеспечение стратегического отступления. Что касается «скифского плана», то здесь нужно говорить не столько о доктрине ведения войны, сколько о планировании первоначального этапа войны, поскольку в дальнейшем российские войска должны были перейти в наступление и уничтожить армию противника.

Однако лучше всего суть «скифской тактики» и ее роль в стратегическом планировании определил автор – М.Б. Барклай де Толи – в записке «О защите западных пределов России» (февраль 1810 г.). В ней в частности указывалось, что после создания главной оборонительной линии по рекам Западная Двина – Днепр, необходимо организовать в «польских провинциях» отпор неприятелю с использованием как раз тактики «выжженной земли». «Таким образом, – писал генерал, – <...> встретив неприятеля на самых границах, [армия должна] сопротивляться многочисленнейшему его ополчению в польских провинциях до тех пор, пока совершенно истощатся все способы, какие токмо можно будет взимать от земли, дабы тогда, отступя в настоящую и оборонительную линию, оставить неприятелю, удаляющемуся от своих магазинов, все места опустошенные, без хлеба, скота и средств к доставлению перевозкою жизненных припасов» [7, с. 2]. Итак, по плану М.Б. Баркляя де Толли белорусские земли в случае оборонительной войны подлежали опустошению, а после этого – сдаче противнику.

Дальнейшее обоснование тактика «выжженной земли» получила весной 1812 г. в секретных приказах императора, переданных через военного министра командирам корпусов и армий. Так, в разосланных 28 мая – 1 июня 1812 г. предписаниях М.Б. Баркляя де Толли конкретизировал перечень обязательных мероприятий, направленных на «зачистку» западного региона перед сдачей его противнику.

В частности, в предписании графу П.Х. Витгенштейну говорилось: «Государю Императору угодно, дабы ваше сиятельство <...> заблаговременно имели сведения обо всех земских чиновниках, кои хоть малое понятие могут дать о земле, дабы в случае отступления нашего их всех с собою можно было увести, для того, чтобы неприятель нигде не мог найти таких людей, через коих бы мог сделать свои распоряжения с земли взять реквизицию. Из всех архивов в то время собрать все списки инвентарей и статистические сведения, кои неприятелю могут служить в соображение ему нужных реквизиций и налогов и при отступлении оные увести с собою» [8, с. 247; 15, л. 276].

Военачальники по-разному отреагировали на данный приказ. Так, 30 мая 1812 г. командир 3-го пехотного корпуса Н.А. Тучков (1-й) сообщил, что сам «уверился» в хорошем знании местными чиновниками края. Поэтому генерал считал нужным «взять с собой капитан-исправников и заседателей, яко способнейших к приведению в действие в земле реквизиционных податей». В то же время Н.А. Тучков отмечал, что «большая часть помещиков, быв по трехлетним выборам употребляемы в чиновники к исполнению гражданской службы, могут также в налоге реквизиционных сборов руководствовать, но число сих последних весьма велико, а потому и неудобно будет всех их взять с собою». Относительно вывоза архивных материалов, командир корпуса писал: «списки, а паче инвентари, относящиеся единственно к казенным имениям, не могут много способствовать к раскладке сборов; статистические же сведения, единственно ежели какие есть, то у губернских и уездных землемеров, почему сих последних с их делами я предполагаю взять с собою» [8, с. 277–278; 13, л. 382].

Еще более категорично по этому поводу высказался главнокомандующий 2-й Западной армией князь П.И. Багратион. Он отдал приказ собрать информацию об указанных министром лицах, «чтобы земских чиновников могущих дать неприятелю понятие о способах земли при отступлении увести с собою, равно как инвентари, списки, статистические и другие сведения, могущие руководствовать неприятеля в соображении для налога» [9, с. 97; 4, с. 14, 35–36]. Однако князь выразил сомнение, хватит ли времени, чтобы собрать всех этих людей? Даже если исполнить этот приказ, то будет ли в том польза? «Ибо кроме сих чиновников, сколько в краю людей, могущих дать полное понятие о земле и способах ее, – задавался вопросом главнокомандующий. – Редкий помещик не в состоянии дать достоверное сведение о целом уезде, редкой эконоом даже, и сколько наконец в каждой деревне мужиков, могущих говорить о способах деревни своего жительства» [9, с. 97; 5, с. 155–157].

Кроме того, «в случае отступления» военачальники должны были заблаговременно «озаботиться не оставлять неприятелю ни малейших способов к продовольствию, транспортировке его запасов и прочего» [9, с. 96]. Поэтому когда П.И. Багратион получил это приказание, он «предписал о сем Литерально корпусным командирам и отдельных отрядов начальникам». Однако главнокомандующий считал подобную задачу почти не реальной. «...Каким именно средством не оставить неприятелю способов к продовольствию и транспортированию его запасов?» – задавал вопрос главнокомандующий военному министру. И сам же пытаясь ответить на него, рассуждал: если под этими словами «понимать истребление продуктов продовольствия огнем, а лошадей и волов, употребляемых для перевозки, взятием с собою при отступлении, то <...> какой подножный корм найдет армия, <...> какие иметь нужно средства к прикрытию того множества животных; время ли будет отделять для сего нарочные команды, и наконец <...> истребление продовольствия, не произведет ли особенного оскорбления в народе; и мы в соб-

ственном краю не сами ли подготовим неприятеля, вооружив против себя, не говорю помещиков, но самый народ?» С другой стороны, рассуждал П.И. Багратион, если под этими словами понимать перевозку продовольствия в глубь страны, то как это осуществить? «Магазейны казенные могли бы быть перевезены, – писал князь, – <...> но где взять даже и для сего подвод, занятых беспрестанно свозом реквизиционных требований и другими воинскими требованиями при движении войск». Какие принять меры против собственности тех людей, которые отдали реквизиции российской армии и теперь «вряд ли что имеют», и что делать с будущим урожаем? В целом, П.И. Багратион считал трудновыполнимым этот приказ, поскольку «и самые ужасные меры будут ничтожны пред пространством, по которому таковую операцию производить востребуется» [9, с. 96–97].

Таких же взглядов придерживался и главнокомандующий 3-й Обсервационной армией А.П. Тормасов. Он считал, что насильственная эвакуация чиновников не решит проблему и предлагал заранее, под благовидным предлогом, вызвать из края наиболее оппозиционно настроенных влиятельных лиц [9, с. 41–42].

Сомнения главнокомандующих разделял и М.Б. Барклай де Толли. «Я согласен, – писал он П.И. Багратиону, – что на опустошение целого края не достаёт нам времени... Но и оставлять неприятелю наполненные магазины, не только казенные, но и частных людей, значило бы подавать ему способы к успешному противу нас действию. Уничтожить повозки и упряжь и угнать лошадей по линии, на которой отступают войска, есть мера нужная и необходимая. Я полагаю даже нужным испортить и самые мельницы» [16, с. 85–93].

Итак, эта переписка однозначно указывает на то, что в предстоящей войне российское командование готовилось широкомасштабно применить тактику «выжженной земли». Поэтому говоря о ее сущности необходимо иметь в виду целый комплекс военно-политических мер, направленных на обеспечение плана отступления. В их числе следует рассматривать: *изъятие или уничтожение архивных материалов с данными о крае; насильственную «эвакуацию» местного населения; уничтожение (повреждение) коммуникаций (дорог, мостов, паромов и т.д.); вывоз запасов на транспортных средствах местного населения (кони, волы, подводы); уничтожение продовольственных, провиантских и иных запасов (в т.ч. мельниц).*

Реализация именно этого комплекса мер, по мнению военного министра, должна была обеспечить уменьшение численности превосходящей армии противника до таких размеров, когда российская армия сможет принять генеральное сражение с определенными шансами на успех. Ниже подробно раскрывается подготовка и реализация этих мероприятий на белорусских землях в июне – июле 1812 г.

Насильственная «эвакуация» и изъятие архивных материалов. В числе предметов, подлежащих эвакуации одно из первых мест занимали архивы. Местным властям было приказано вывезти «все секретные переписки, все казенные деньги [8, с. 246–247; 12, л. 4], <...> а равно и часть архива из правительственных присутственных мест, кои хотя малое могут дать понятие о земле: разного рода планы и географические карты, люстрации о числе домов и ревизские сказки, <...> инвентари казенных и поиезуитских имений и другие подобные бумаги. Прочие дела иметь под рукою в такой готовности, чтобы они могли быть взяты с собою при отступлении последних войск...» [1, с. XII; 4, с. 14].

2 июня 1812 г. М.И. Платов отдал распоряжение о тайной подготовке к эвакуации архива Белостокской области, который предполагалось увезти при отходе казачьих частей. Правителю области С.А. Щербинину атаман приказал вывезти все запасы продовольствия, собранные по реквизициям, а также собрать сведения «обо всех земских чиновниках, кои имеют понятие о земле» [8, с. 22–23;

9, с. 5–6; 16, с. 22]. Их предполагалось отправить в Вильно. В составленный правителем список было включено более 330 человек (23 шляхтича, 187 казенных крестьян, служивших лесниками, 50 семейств «осочников», и до 80 лесников, состоявших ранее при конфискованных лесах князя Радзивилла) [9, с. 201; 14, л. 452].

14 июня 1812 г. М.И. Платов сообщил руководству Белостокской области о начале военных действий (противник вступил в пределы области 15 июня). Атаман также приказал И.Д. Иловайскому (4-му) вывезти из Белостокского и Сокольского поветов всех земских чиновников, имеющих понятие о ресурсах области (насильственной «эвакуации» подлежало 46 человек – маршалки, казначеи, градские судьи, бургомистры, крупные помещики) [16, с. 30–31]. Подобный же приказ – в отношении населения Бельского и Дрогичинского поветов, – получили и казацьи войска, подчиненные П.И. Багратиону.

По этому поводу 15 июня 1812 г. М.И. Платов сообщал П.И. Багратиону: «Белостокскому правителю области о вывозе оттоль всего с земли собранного я неоднократно подтверждал, как в бытность мою еще в Белостоке, так и по выезде оттоль и, наконец, понуждал его к тому чрез легучую почту вчера и последний раз сегодня; который меня при отбытии моем оттоль уверял, что все то исполнено будет» [16, с. 32].

При отступлении из Белостокской области атаман также поручил забрать с собою из архивов все списки, инвентари и сведения, «кои неприятелю могут служить к соображению нужных реквизиций и налогов» [16, с. 29]. Для эвакуации архива требовалось 200 повозок. Однако правитель области не смог обеспечить необходимый транспорт, и впоследствии, архив был предан огню.

Определенная неразбериха происходила и в Гродненской губернии. Когда 13 июня 1812 г. М.И. Платов прибыл в Гродно, гражданский губернатор В.С. Ланской сообщил ему, что все «казенные суммы и прочее» вывезены в предписанные места; а в настоящее время он принимает меры «к вывозу же отсель хлеба». Впрочем, атаман был недоволен ходом эвакуации. 15 июня он писал П.И. Багратиону: «...заботился и заботаюсь о вывозе всего того из Гродно... дабы не оставить воспользоваться ими неприятелю, так как до прибытия моего никакого предприятия к тому не было, что и заняло меня до сего времени...» [16, с. 32].

Накануне и в первые дни войны В.С. Ланской вел себя крайне растерянно, и не мог организовать надлежащей подготовки. Губернатора больше волновала собственная судьба, чем дела губернии. 16 июня 1812 г. В.С. Ланской вместе с полицейскими и губернскими чиновниками эвакуировался в Новогрудок. Перед своим отъездом сенатор отдал распоряжения земским исправникам на случай появления противника [1, с. XII].

Заботясь о казне и гербовой бумаге, В.С. Ланской мало думал про другое имущество. В результате, эвакуацию Гродно пришлось производить под ружейными выстрелами приближающегося противника. И если бы не М.И. Платов, применивший власть в деле сбора подвод, многое из вывезенного имущества досталось бы противнику. 16 июня 1812 г. атаман сообщил П.И. Багратиону подробности: «Отправив из Гродно гарнизонный батальон ... и всех земских чиновников, равно и казенное имущество с великим затруднением потому, что ничего не было здесь приготовлено, а некоторые даже и повелений об отправлении отсель не имели, кроме что о приготовлении к тому, но и сего не исполнили...» [16, с. 35].

Насильственная эвакуация и вывоз архивных материалов осуществлялись и в других белорусских губерниях.

Уничтожение магазинов, мостов и мельниц. С началом военных действий российские военные власти требовали от гражданских чиновников неуклонного исполнения предписаний относительно вывоза имущества. Однако в

экстремальных условиях, когда большинство подвод местного населения было занято на перевозке реквизиционных поставок, найти свободный транспорт было чрезвычайно сложно. В итоге, из большинства магазинов, созданных на белорусских землях, были эвакуированы только единицы. Поэтому с началом военных действий М.Б. Барклай де Толли приказал истреблять на пути следования неприятеля все продовольственные запасы и перевозочные средства [3, с. 134; 16, с. 27].

В частности, 13 июня 1812 г. генерал-интендант 1-й Западной армии Е.Ф. Канкрин предписал смотрителям магазинов раздать запасы войсковым частям и всем воинским чинам. При этом разрешалось не делать записей о расходе, но следить, чтобы провиант не попал местному населению. Смотрители должны были оставаться при магазинах до того времени, пока не пройдет арьергард. Затем все запасы подлежали уничтожению [4, с. 16].

Тактика «выжженной земли» активно применялась в полосе отступления 1-й Западной армии. Так, при отступлении из Вильно российский арьергард сжег провиантский магазин, Зеленый мост, транспорт муки, который не мог следовать далее за худобой лошадей, и арсенал, наполненный различным оружием. И, как отмечали французы, из этих огромных запасов удалось спасти лишь один склад, на 60 тыс. рационов [11, с. 65; 23, р. 642; 18, р. 109].

Войска 1-й Западной армии смогли вывезти только Тельшевский и Шавельский магазины, а такие же в Вилькомире, Михалишках, Свенцянах (три), Колтынянах (три), Глубоком – были уничтожены. Также были разрушены мосты через р. Западную Двину у д. Тверичи и в Динабурге [9, с. 159, 172–174, 190, 195, 200, 205, 221, 314; 10, с. 3, 7, 8; 3, с. 150].

Последствия подобной тактики войска Великой армии стали ощущать с первых дней кампании. И для них это стало полной неожиданностью. Так, 20 июня (2 июля) 1812 г. маршал И. Мюрат сообщил Наполеону, что «солдаты не имеют абсолютно ничего и не находят ничего; все деревни или лучше сказать все риги заброшены, и это является со стороны неприятеля хорошо установленной системой все разрушать и все сжигать, чтобы лишить нас всех видов запасов». 21 июня (3 июля) он же сообщал из Свенцяна, что «неприятель продолжает сжигать свои магазины; три сожжены сегодня здесь, а вчера три других были сожжены в Колтынянах... Город полностью опустошен. Русские грабят все систематически, увозя весь скот, равно как и лошадей, так что мы не находим абсолютно ничего». В Свенцянах остался лишь небольшой магазин с рожью и несколько бочек пива [11, с. 65; 19, р. 146, 170].

Командиры подразделений Великой армии констатировали, что «русские» уничтожили все магазины «в Самогитии». Когда 1 (13) июля 1812 г. солдаты генерала О. Себастиани заняли левобережную часть Друи, они почти не нашли там съестных припасов. 7 (19) июля Наполеон констатировал: «Неприятель эвакуировал свой укрепленный лагерь в Дриссе и сжег все свои мосты и огромное число магазинов» [см.: 22].

Однако наиболее массово истребление провиантских и фуражных запасов осуществлялось в полосе отступления 2-й Западной армии. При этом исключительную роль в применении тактики «выжженной земли» играли казаки из летучего корпуса атамана М.И. Платова.

13 июня 1812 г. П.И. Багратион сообщил военному министру, что Кобринский и Пинский магазины, которые невозможно ни прикрыть, ни эвакуировать, будут истреблены «самыми строгими мерами», «мосты и переправы между мною и 3-ей армией подвергнутся той же участи» [9, с. 125]. Позднее А.В. Запольский сообщил П.И. Багратиону об уничтожении всех переправ через р. Припять от Пинска до Мозыря.

16 июня 1812 г. при отступлении из Гродно М.И. Платов испортил «мост, лежащий из Гродно через Неман», после чего с полками своего корпуса двинулся «вверх по течению реки Немана по правой стороне оной чрез Щучин к стороне Лиды...» [16, с. 35].

При отступлении М.И. Платов имел приказ уничтожать все имущество и продовольствие, которое он не мог увести с собой. «Я не считаю нужным извиняться с вами нащот истребления запасов продовольствия, – писал П.И. Багратион атаману, – ибо Ваше высокопревосходительство, как о сем, так и о уничтожении способов к транспортированию запасов, имеете, конечно повеление, и без сомнения, по тракту отступления вашего и вправо и влево, по возможности, воспользуетесь угнать и увезти с собою, а другое истребить» [16, с. 33]. Так М.И. Платов и поступал. Например, в селении Червлёном были остановлены барки с казенным продовольствием. Атаман приказал их частично разгрузить: речные суда он отправил назад – к Белице, а выгруженное на берег – предал огню [16, с. 34].

Из дальнейшей секретной переписки П.И. Багратиона с М.И. Платовым видно, что уничтожению подлежали барки с провиантом на р. Немане, мосты в местечках Белицы, Мосты, Воложин, Колодзин, Николаево, Уречье. Эти данные подтверждаются свидетельствами офицеров и генералов Великой армии. Так, по словам Ф.-В. Лоссберга, на восстановление уничтоженного моста через Неман в м. Белице потребовалось два часа [21, р. 76; 6]. А генерал Э. Бордесуль сообщил, что в м. Николаево «русские сожгли два больших парома. Казаки разломали все лодки, которые находились на этой реке на расстоянии многих миль», и разрушили мост через реку [11, с. 65–66].

В Лиде М.И. Платов «товар сапожной, сукно, сухари и овес, как не начем вывезть отсюда, приказал полкам разобрать, чтобы не оставить ничего неприятелю, мука же и сено, какое осталось, преданы огню». В свою очередь генерал И.Д. Иловайский (4-й) должен был из слонимского магазина постараться «все забрать на подводы и увезти с собою, а затем остальное истребить», в том числе мосты [16, с. 35].

По данным французской стороны, российские войска сожгли магазины в Брест-Литовске. Полковник А.Ш. Меда доносил, что прогнал партию из 20 казаков, которые приехали грабить большую ферму Дятки, намереваясь сжечь магазин. Узнав, что в м. Волма имеются большие магазины, А.Ш. Меда поспешил туда, но увидел лишь обгоревшие остатки магазинов, подожженных 30 казаками, которые «отступили в Попельники и Рубежевичи, чтобы проделать ту же операцию». Наступавший на м. Михалишки генерал Э. Нансути сообщил, что противник сжигает или разрушает мосты, что здесь «не имеется никаких запасов, так как русские все увозят. Мы не находим ни зерна, ни муки, ни овса для лошадей», в результате чего лошади умирают на марше. В м. Свислочь «русские» сожгли мост, в Несвиже, Слуцке и Борисове – огромные магазины [11, с. 65–66; 19, р. 309–312, 315, 323, 438, 441, 496, 498].

Однако полностью осуществить тактику «выжженной земли» на белорусских землях российским войскам не удалось из-за стремительности наступления противника и противодействия местного населения. Поэтому некоторые из провиантских магазинов, запланированных к уничтожению, не были сожжены.

В частности, в руки Великой армии достался минский магазин. 24 июня 1812 г. П.И. Багратион приказал минскому гражданскому губернатору П.М. Добринскому вывезти из города запасы и все казенное имущество в Бобруйск. В случае если он не успеет этого до прихода противника, то поручалось назначить «верных чиновников, которые бы в нескольких местах зажгли те магазейны, чтобы потушить их не осталось возможности...» [9, с. 224, 237; 16, с. 38, 39, 42, 47, 52, 55, 78, 96–97; 5, с. 173, 177–178].

П.М. Добринский не смог выполнить приказ. При оставлении Минска гражданский губернатор вывез часть казны, госпитали и транспорты, приказав комиссионеру Рейфельду сжечь магазины, в которых было 4–5 тыс. четвертей муки, круп и овса, 15–17 тыс. пудов сена. Однако «оный комиссионер сего не учинил и ничего не сжег». Кроме того, как рапортовал губернатор, «за неимением подвод не могли вывезти медной казны около 20 000 рублей денег». По сведениям маршал Л.Н. Даву, которые он 26 июня (8 июля) 1812 г. сообщил Наполеону, магазин удалось спасти благодаря доброй воле горожан и подкупу ими чиновников [9, с. 339–342].

Значительные запасы провианта, фуража и даже боеприпасов удалось спасти от уничтожения в Поневеже, Свири, Вилейке, Лепеле и м. Холуи [11, с. 66–67; 19, р. 167, 309, 313–314, 322, 337, 439, 498, 544; 22, № 18948, 18963, 18971]. Всего же, по подсчетам авторов, были уничтожены крупные магазины в более чем 20 селениях и более чем 10 – спасены от сожжения местным населением или захвачены войсками Великой армии.

В целом, ситуация на белорусской земле летом 1812 г. складывалась для Великой армии чрезвычайно неблагоприятно. Как отмечал в своих походных записках фурыер 127-го полка К. Курц, за Неманом «казалось, царил другой воздух <...> Разрушительный принцип, принятый противником, который перед нами все опустошал, или забирал с собой вскоре начал приносить свои печальные плоды; потому что недостаточное и зачастую жалкое испорченное питание не могло продлить солдатам их трудное существование... Все, что <...> пригодно для нашего существования, уничтожалось, или увозилось с собой. <...> Русские действовали против нас, как когда-то парфяне против римлян под командой их полководца Красса» [20, р. 25–26; 11, с. 66].

Итак, принятая к исполнению российским руководством тактика «выжженной земли» с первых дней войны 1812 г. наносила серьезный удар по Великой армии. Однако, как считает А.И. Попов, уничтожение большого количества магазинов стало следствием того, что российское командование лишь перед самым началом войны отказалось от наступательных планов. Поэтому эвакуировать магазины подальше от границы, не было ни времени, ни транспортных средств [11, с. 66].

С подобным мнением можно согласиться только отчасти. Дело в том, что сосредоточение продовольственных и фуражных запасов в приграничных районах, а также удаленное расположение главных магазинов, полностью соответствовали плану подготовки к войне, который разработал в феврале 1810 г. М.Б. Барклай де Толли. Чрезмерная же концентрации запасов перед основной оборонительной линией была достигнута лишь в апреле – июне 1812 г. за счет реквизиционных поставок (общая стоимость уничтоженных или захваченных российских магазинов 1-й, 2-й и 3-й линий составляла более 20 млн. руб.). Эти запасы должны были обеспечить войска всем необходимым в местах концентрации, а также на случай наступательных действий. При отступлении же российские войска забирала из этих магазинов столько продовольствия и фуража, сколько могли унести (увезти), а все остальное централизовано уничтожалось в рамках тактики «выжженной земли».

В целом, истребление этих запасов, на которые рассчитывал Наполеон, внесло существенные корректировки в планы по обеспечению продовольствием и фуражом войск Великой армии. Поэтому с военной точки зрения тактика «выжженной земли» в значительной степени себя оправдала. Однако сегодня следует говорить и об обратной стороне подобной тактики – той цене, которую заплатило местное население и белорусско-литовский край. Во-первых, это разорение огромных территорий, которые впоследствии уже не могли использоваться для поддержки российской армии. Во-вторых – окончательный подрыв доверия к рос-

сийской власти у местного населения и рост симпатий к Наполеону. В-третьих, подрыв морального духа самой российской армии, власти и народа, что осложняло веру в разгром противника. Но, от подобной тактики не отказались: только в ней видели залог будущей победы над Наполеоном. Поэтому белорусско-литовский край целенаправленно опустошался, а местное население обрекалось неминуемо на голод, страшные лишения и даже смерть.

1. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1865–1915. – Т. XXXVII: Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. / сост. А. Вруцевич [и др.]. – 1912. – XIII, L, 544 с.
2. Безотосный, В.М. «Скифский план» / В.М. Безотосный // Отечественная война 1812 года: энциклопедия. – М., 2004. – С. 658–659.
3. Богданович, М. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам: в 3 т. / М. Богданович – СПб.: тип. Торгового дома С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К^о, 1859–1860. – Т. I. – 1859. – IX, V, 555, [1] с.
4. Виленский временник. Кн. V. Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812–1813 гг.: в 2 ч. – Вильна: Губернск. тип., 1912–1913. – Ч. 2: Переписка по части гражданского управления. – 1913. – 128, 355 с.
5. Генерал Багратион: сб. документов и материалов / под ред. С.Н. Голубова и Ф.Е. Кузнецова. – М.: Госполитиздат, 1945. – 280 с.
6. Лоссберг, Ф.-В. Письма вестфальского штаб-офицера / Ф.-В. Лоссберг. – М.: ООО «Наследие», 2003. – 168 с. – (Военно-исторические мемуары).
7. Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива Главного штаба (далее – ВУА). – Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. – Т. I. Подготовка к войне в 63,8459 унции. – Ч. II. Входящая переписка генерала Барклая де Толли; под ред. Мышлаевского. – СПб.: Издание Воен.-ученого комитета Гл. штаба 1900. – XII, 349, XXXVII с.; 2 л. илл., карт.
8. Отечественная война 1812 года: материалы ВУА. – Отд. I. – Т. XII. Подготовка к войне в 1812 г. (май месяц). – СПб.: Издание Гл. управления ген. штаба, 1909. – XXIII, 318, XXXIII с.; 2 л. табл.
9. Отечественная война 1812 года: материалы ВУА. – Отд. I. – Т. XIII. Боевые действия в 1812 г. (июнь месяц). – СПб.: Издание Гл. управления ген. штаба, 1910. – XXVI, 417, XXXII с.
10. Отечественная война 1812 года: материалы ВУА. – Отд. I. – Т. XV. Журналы военных действий в 1812 г. Боевые действия в 1812 г. (Июнь–декабрь). – СПб.: Издание Гл. управления ген. штаба, 1911. – IX, 181, XIV с.
11. Попов, А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом / А.И. Попов. – Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2002. – 440 с.
12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 846. Оп. 16. Военно-ученый архив. – Д. 3481. Предписания Барклая де Толли гр. Витгенштейну о принятии мер предосторожности против французских шпионов и надзоре за таможенными.
13. РГВИА. – Ф. 846. Оп. 16. – Д. 3505. – Входящий журнал 1812 г. Ч. II.
14. РГВИА. – Ф. 846. Оп. 16. – Д. 3506. – Входящий журнал 1812 г. Ч. III.
15. РГВИА. – Ф. 846. Оп. 16. – Д. 3515. – Входящие бумаги по разным предметам, с 3 июня 1811 по 8 ноября 1812 г.
16. 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии: Из собрания Государственного Исторического музея / сост.: Ф.А. Петров [и др.]. – М.: Тера, 1992. – 512 с.
17. Шведов, С.В. О плане отступления русской армии вглубь страны в 1812 г. / С.В. Шведов // Отечественная война 1812 г. Россия и Европа: тезисы научной конференции. – Бородино, 1992. – С. 31–34.
18. Castellan, B. Journal / B. Castellan. – Paris, 1895. – V. I. – P. 107–208.
19. Fabry, G. Campagne de Russie (1812) / G. Fabry: 5 v. – Paris: R. Chapelot; L. Gougyl Libraire, 1900 – 1903. – V. I: Operations militaires (24 juin – 19 juillet). – 1900. – LXX, 656 p.
20. Kurz, K.G.F. Die Würtemberger in Russland / K. Kurz. – Esslingen, 1838. – 218 s.
21. Lossberg, F.W. von. Briefe in die Heimath geschrieben während des Feldzuges 1812 in Russland / F.W. Lossberg. – Cassel, 1844. – 222 s.
22. [Napoleon I]. Correspondence de Napoleon I, publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III: 32 v. / Napoleon I. – Paris: Henri Plon, J. Dumaine, 1858–1870. – V. 24. – 1868. – 652 p.
23. Roguet, F. Mémoires militaires du lieutenant-général Comte Roguet (François), colonel en second des grenadiers a pied de la vieille garde, pair de France / F. Roguet: 4 v. – Paris, 1865. – V. 4. – 647 p.

М.В. Салеева

ИТАЛЬЯНЦЫ В РУССКОЙ КАМПАНИИ НАПОЛЕОНА

Для начитанных итальянцев Наполеоновская кампания 1812 года – это, прежде всего, исторический фон событий знаменитого романа Льва Толстого «Война и мир». А вот средние итальянские обыватели вряд ли знают, что улица Москова и одноименная станция метрополитена в Милане названы в честь участия итальянцев в 1812 году в военных действиях в России. Итальянские войска - это IV военный корпус (франко-итальянский) под командованием вице-короля, принца Эжена де Богарне и 33 Неаполитанская дивизия (под командованием генерала Детре).

Какова была политическая ситуация на Апеннинском полуострове в начале 1812? За исключением двух самых больших островов, Сардинии и Сицилии, оставшихся под управлением соответствующих династий (Савойя и Бурбонов), весь полуостров находился под властью Наполеона, часть территория стала непосредственно частью Империи, другая часть была организована в государства, управляемые представителями Наполеона. Так, на севере располагалось Итальянское королевство под управлением Эжена де Богарне, а на юге – Королевство двух Сицилий под управлением Иоахима Мюрата.

Отношения Королевства двух Сицилий и Империи отражали сложность во взаимопонимании двух родственников, к тому же внутри королевства царили политические распри, а большинство жителей враждебно относились к французам, но не из-за любви к монархии Бурбонов, а скорее по причине ксенофобии.

На территории вечно мирной Тосканы было образовано Великое Герцогство под управлением Элизы Бонапарт. Оставшаяся часть Италии была присоединена к Империи. Пьемонтом и Лигурией управлял Каилло Боргезе, шурин Императора, женившийся на «прекрасной Паолине» [1].

Военные силы итальянского королевства считались достаточно организованными и однородными, они уже участвовали ранее в других военных кампаниях, имели солидные военные традиции и приличное военное оснащение. Элитные силы выделялись в королевскую гвардию. Общее количество насчитывалось около 90 тысяч.

Армия Мюрата не могла похвастаться столь славной историей, но лишь потому, что пока не имела поводов показать себя. Она обладала, пусть и небольшими, морскими силами, не раз отражавшими английские атаки на прибрежные территории.

Итальянцы с территорий, присоединенных к империи, также были частью императорской армии. Некоторые подразделения целиком состояли из итальянцев. Например, 111 пехотный, 11 и 31 легкой пехоты, 26 драгунский и 26 кавалерийский, состоящие полностью из пьемонтцев, а в 113 пехотный и 28 драгунский рекрутировали тосканцев. Римляне воевали в 137 пехотном, лигурийцы и выходцы из Пармы – в 32 и 35 легкопехотном соответственно.

Военные приготовления в Италии стали заметны к весне 1811 года, когда была объявлена мобилизация, а правительство вице-короля должно было оснастить несколько военных подразделений общей численностью около 27 000 человек и 9 000 лошадей. Эти войска должны были войти в IV военный корпус под командованием вице-короля.

Военный контингент Королевства двух Сицилий должен был составить 10 000 человек и 2 000 лошадей. Неаполитанское войско должно было собраться в окрестностях Неаполя в начале апреля 1812 года.

Входившие в наполеоновское войско пьемонтцы, лигурийцы, тосканцы и римляне считались французами, т.к. соответствующие регионы были областями империи и участвовали в русской кампании в составе наполеоновской армии.

Многочисленные дневники, воспоминания, записи офицеров, участников этих событий раскрывают интересные детали военной жизни, похода войска через Польшу, рассказывают о контактах с местными жителями, встречавшими войска то прохладно, то с радостным энтузиазмом.

18 февраля 1812 года итальянские войска после смотра, организованного в Милане вице-королем, выступили в поход через Альпы. Позже выдвинулись и неаполитанцы, последними присоединились к войску тосканцы и пьемонтцы.

8 июля маршал Даву, остановившийся в Минске, получил высший приказ Императора защитить центральные силы от атак русской армии Багратиона. Узнав дислокацию противника, Даву решил двинуться в сторону Могилева, где и был уже 20.

К югу, в Салтановке, располагался мощный французский отряд, а к северу, в Фатово, 85 пехотный, полностью состоящий из итальянцев, призванных с присоединенных к империи территорий. Этот полк 23 июля оказывал упорное сопротивление дивизии Паскевича, но под давлением противника начал отступать.

А в Салтановке провалились русские атаки и они начала отступать, вдогонку им Даву отправил 111 пехотный, состоявший из пьемонтцев. В этой битве русские войска понесли значительные потери, а мужество итальянских воинов было отмечено суровым и скупым на похвалы маршалом.

За участие в этих военных действиях многие итальянцы получили награды и благодарности лично из рук императора 21 августа в предместьях Смоленска. Наполеоновская армия двинулась дальше на Москву, IV корпус, в составе которого были итальянцы, находился в арьергарде. В битве при Бородино участвовали войска принца Эжена де Богарне, особенно отличилась мужеством королевская гвардия. Накануне сражения Наполеон обратился к войскам королевской гвардии: «Проявите мужество, которое вы уже демонстрировали в Аустерлице, Фридрихсвальде, Витебске, Смоленске! Чтобы ваши потомки с гордостью вспоминали ваши имена! Чтобы о вас говорили – они участвовали в великой битве у стен Москвы!» [2]. Наступление становилось все более тяжелым по причине нехватки провианта и отсутствия всякого подкрепления. Отступая, русские сжигали все. Торговцы предлагали провизию по баснословным ценам.

На рассвете 15 сентября Королевская гвардия, одетая в униформу, триумфально вошла в Москву. Их не ждал радушный прием. Москва встретила их гробовым молчанием.

Дальнейшие события так же развивались неблагоприятно: постоянные военные столкновения, пробуждения по тревоге, к тому же погода начинала портиться. К середине октября, с появлением первого снега, Наполеон принял решение об отступлении, потеряв надежду навязать побежденным триумфальный мир. 19 октября войска двинулись по направлению к Калуге. Двигаясь в составе наполеоновского войска из Москвы, итальянцы приняли участие в сражении под Малоярославцем, которое считается одним из славных моментов в итальянской наполеоновской кампании. Вечером 23 октября генерал Дельзон с двумя батальонами занял Малоярославец. Утром 24 октября войско было неожиданно атаковано русскими под командованием генерала Дохтурова и понесло тяжелые потери.

Узнав об этом вице-король ускорил движение своей кавалерии следующим обращением (по свидетельству Де Ложье): «Бегите, храбрые итальянцы, вице-король ждет вас с нетерпением; ваши доблестные товарищи подвергнутся риску, если вы не придете вовремя, а вы потеряете возможность продемонстрировать свои боевые качества!» Войско ответило радостными криками [3, с. 60].

В своем отчете генералу Фонтанелли, военному министру Итальянского королевства, вице-король писал так: «Сообщаю Вам, что 24 числа текущего года

IV корпус, которым я команду, выдержал блестящее сражение с врагом. Задача была захватить населенный пункт и удерживать его в течение дня. Эта задача была выполнена силами одного IV корпуса, несмотря на сложности рельефа и восемь последовательных атак противника. Русские силы превосходили нас почти вдвое...» [3, с. 106]

По версии итальянских историков в битве участвовали около 17 тысяч солдат войска принца Эжена против пятидесятитысячного русского войска, здесь же приводят слова английского генерала Роберта Уилсона, который в 1814 в Мантуе, в присутствии итальянских и австрийских военных высказался так: «Итальянское войско в Малоярославце удивило меня своим героизмом: шестнадцать тысяч храбрецов сражались с восьмидесятитысячным войском Кутузова» [3, с. 120].

О мужестве итальянцев в этой битве свидетельствовали даже генералы противника, среди которых полковник Бутурлин и генерал Беннингсен.

Исторические исследования участия итальянцев в наполеоновской кампании в России достаточно разнообразны. Современные итальянские историки отмечают недостаточную изученность материалов русских архивов, большая часть которых остается непереуведенной [4].

1. Colonello Giuseppe Marieni Capobataglione del genio napoleonico nella campagna di Russia nell' Opera del Genio Italiano all' Estero – Gli Uomini d'Arme nelle Campagne Napoleoniche Vol. Unico a cura di Nicolò Giacchi – La Libreria dello Stato, 1940, Capo. VII. [Электронный ресурс] – Режим доступа: 02.02.2012 <http://www.marieni-saredo.it/2.2.0%20ITALIANINRUSSIA.htm>;
2. Gli italiani in Russia Memorie di un ufficiale italiano per servire alla storia della Russia, della Polonia e dell'Italia. Italia (Firenze), 1826-27, 4 voll.;
3. Ratti Luca Russia, 1812 Malojarslavets La battaglia degli italiani – ABEditore, 2011;
4. Ilari Virgilio con Piero Crociani e Ciro Paoletti, Storia Militare del Regno Italoico 1802–1814, vol. I L'Esercito italiano (t. I Politica, Amministrazione e Stato Maggiore: t. II Armi e Corpi dell'Esercito).

А.Ф. Бубала

ПАЎНОЧНЫ НАПРАМАК. 1812 ГОД НА ДРЫСЕНШЧЫНЕ

Захапіўшы Вільню, Напалеон узмамерыўся ажыццявіць удар на Расію адразу па двух напрамках: на Маскву і на Пецяярбург. На маскоўскім напрамку рускія арміі апынуліся ў пагражальным стане. Пад націскам праціўніка 1-я армія Баркляя 10 ліпеня прыбыла ў Дрыскі ўмацаваны лагер, пабудаваны па плане генерал-лейтэнанта Фуля. Умацаванні лагера не маглі служыць абароне і актыўным дзеяннем супраць французай.

13 ліпеня на ваеннай радзе ў Бяльскоўшчыне генералам удалося пераканаць цара ў абсурднасці ідэі, разлічанай на франтавое сутыкненне з ворагам. Звесткі ж аб руху французай на Глыбокае прымуслі змяніць план вайны. Новая стратэгія патрабавала ад абедзвюх армій адступаць і як мага хутчэй злучыцца для сумесных дзеянняў. Было вырашана пакінуць лагер, не ўтрымліваць недабудаваную крэпасць Дынабург (цяперашні Даўгаўпілс) і адыходзіць на Полацк. 14 ліпеня армія пераправілася на правы бок Дзвіны, а затым рушыла на Полацк, пакінуўшы ў Пакаёўцах Пяхотны корпус графа Вітгенштэйна. Перад ім ставілася мэтай не прапусціць французай на Пецяярбург. У Полацку Аляксандр I пакінуў войска. 20 ліпеня Барклай працягнуў адступленне на Віцебск. Злучыцца абедзвюм рускім арміям выпала толькі 3 жніўня ў Смаленску.

На поўнач ад галоўнага напрамку рухаліся два асобныя корпусы агрэсара: маршала Удзіно – з мэтай ісці на Пецяярбург – і маршала Макдональда, якому ставілася задача ўзяць Рыгу, а пасля садзейнічаць Удзіно, злучыўшыся з яго корпусам. Гэтай задумцы якраз і перашкаджаў корпус Вітгенштэйна. Няпроста было ўзяць і Рыгу.

Вітгенштэйн не здолеў бы выстаяць супраць аб'яднаных сіл французаў. Аднак яны дзейнічалі паасобку. Акрамя таго, на іх шляху стаяла вялікая водная перашкода – рака Дзвіна. Удзіно паспрабаваў перайсці праз яе ў Дынабургу, але не адолеў супраціўлення гарнізона і пайшоў уверх па цячэнні з намерам пераправіцца ў створы іншых шляхоў на Піцер. Тымчасам ваенны губернатар Рыгі запёрся ў горадзе з моцным гарнізонам. Чакаючы асадную артылерыю з Прусіі, Макдональд не траціў сілы на штурм. Ён рушыў на дапамогу Удзіно і 5 жніўня захапіў пакінуты ўсімі Дынабург. Аб'яднанне стала для французаў найпершай мэтай.

Іншыя шляхі, якімі Удзіно мог рухацца на паўночную сталіцу, праходзілі праз Друю або Полацк. Самы кароткі – Друйскі – тракт па тэрыторыі Дрысенскага павета праходзіў ад Прыдруйска (Піедруя) праз Юльянова, Расіцу, Замошша (Савейкі) і далей на Палішчына (Шкяўнэ) і Себеж. Спроба рушыць Друйскім трактам была рашуча адсечана славытым генералам Кульневым, які ўзначальваў пяцітысячны кавалерыйскі атрад у складзе корпуса Вітгенштэйна. Граф, жадаючы атрымаць дакладныя звесткі аб сілах і намерах праціўніка, які хаваўся за вышынямі ля Друі, загадаў уначы з 14 на 15 ліпеня аднавіць мост насупраць горада і даручыў Кульневу правесці ўзмоцненую разведку. 15 ліпеня авангард Кульнева перайшоў Дзвіну. Казакі не толькі выбілі французаў з Друі, але і зладзілі паспяховы кідок на 15 верст углыб варожых пазіцый. У гэтай удалай кавалерыйскай аперацыі рускіх французы страцілі да 300 чалавек, а ў ліку палонных – і брыгаднага генерала Сен-Жэнье.

22 ліпеня Удзіно падышоў да пакінутага Дрыскага лагера і, разбурыўшы яго, рушыў левым берагам уверх па Дзвіне. 26 ліпеня маршал без бою ўвайшоў у Полацк.

Вітгенштэйн не чакаў, што прынясе яму лёс. Апынуўшыся між двух агнёў, ён вырашыў актыўна супрацьдзейнічаць іх злучэнню. Авангард увесь час вёў актыўную разведку па абодвух берагах Дзвіны. Ля Друі і пакінутага лагера ладзіліся часовыя масты, у Ляшкове 20 ліпеня разведчыкі пераправіліся ўброд. У выніку карціна прасоўвання французаў была зразумелай, і генерал манеўраваў па Дрысеншчыне, штодзень выбіраючы найлепшую пазіцыю, каб не толькі даць адпор, але і адсунуць праціўніка, які пагражаў як з боку Дынабурга, так і з боку Дзісны ды Полацка. Штаб і асноўныя сілы сталі ўрэшце ў Расіцы, у Бабах знаходзіўся рэзерв, дзоры стаялі па ўсёй Дзвіне.

25 ліпеня авангард Кульнева рассяў некалькі французскіх атрадаў. Ад палонных рускія даведаліся, што Удзіно плануе прарвацца на Пецярбург праз Себеж, імкнучыся абысці рускі корпус з поўначы. Да раніцы 29 ліпеня разведка данесла, што Удзіно рушыў ад Полацка Себежскім трактам. Апынуўшыся ў адчайным становішчы і асцерагаючыся злучэння Удзіно з Макдональдам, Вітгенштэйн вырашыў скарыстаць адзіны шанц – нягледзячы на няроўнасць сіл, атакаваць корпус Удзіно. Прабіцца на Себеж прасёлкамі раней за французаў рускія не паспелі б.

Граф вырашыў атакаваць ворага ў Клясціцах і ўначы на 30 ліпеня рушыў з Расіцы на Каханавічы і Марачкова (Кацярынава). Мост праз Свольну ў Марачкове быў слабенькі, пераправа ішла з асцярогай, марудна; артылерыю разбіралі і пераносілі па частках. Пераправа больш за 20 тысяч чалавек і больш за сотню гармат заняла б зашмат часу, але хутка быў пабудаваны новы мост з бяргвення разабраных хат. Адпачынак паспрыяў асважэнню сіл, і бой, завязаны рускімі ў Якубове, быў паспяховым. Развіваючы поспех, Вітгенштэйн пайшоў на штурм французаў у Клясціцах. Рашучасць яму надавала разуменне сітуацыі. Барклай ужо пакінуў Віцебск і рухаўся к Смаленску, што дазволіла Напалеону паслаць падмацаванне Удзіно. Марудзіць рускім не выпадала.

Пра Клясціцкую бітву 31 ліпеня 1812 года напісана шмат навуковых прац, мастацкіх кніг і одаў, створана нямала жывапісных палотнаў. Гэта бітва перакрэсліла напалеонаўскі план лёгкага паходу на Пецяярбург. Усе далейшыя спробы рэалізаваць план удара па абедзвюх сталіцах былі марнымі. Ад Клясціц гнаньня Вітгенштэйнам французы вымушаны былі адступіць да Полацка. Іх спробы замацавацца ля Галоўчыц, Сакалішча, Баяршчыны не мелі поспеху, бо рускія няспынна насядалі на праціўніка. Падчас такой гарачай пагоні 1 жніўня загінуў генерал-герой Я.П. Кульнеў. Да нашага часу на строме над ракою Дрысай ля былога Сівошына захавалася першасная магіла адважнага ваяра.

Вітгенштэйн не траціў пільнасці і актыўна адсякаў усе далейшыя спробы французаў прабіцца на Піцер. Дрысенскі павет стаў неадольнай заслонай для агрэсара на шляху да мэты. Імклівыя бойкі супраціўнікаў успыхвалі пад Філіповам, у Лазоўцы, пад Каханавічамі і ў іншых месцах. Французы вырашылі ўшчаміцца паміж вялікімі дарогамі і прайсці на поўнач праз Асвею. У тыя часы існаваў бальшак ад Дзісны праз Валынцы і Каханавічы, і Удзіно вырашыў скарыстаць яго для прарыву на Пецяярбург. Спроба французаў ажыццявіць гэты план апісана ў “Дарожных нататках” даследчыка Л.Драке, які прайшоў слядамі баёў на Свольне ў 1912 годзе.

Мясціна, на якой адбываўся бой ля р. Свольны, знаходзіцца на поўнач ад дугі, што апісвае рака паміж вёскамі Галубава і Пользіна. Здалёк на поле бітвы амаль дакладна ўказвае жалезная вышка – “маяк” сярод шырокіх бязлюдных палёў. “Апошняя з магікан” тут засталася невялічкая вёска Зара, што прытулілася да ракі на правым беразе.

Па колькасці войскаў абодвух бакоў бой 30 ліпеня не быў машабным і адбываўся, галоўным чынам, каля дзвюх перапраў цераз раку – ля мызы Свольна (зараз вёска Зара) і паблізу в. Востры Канец (перасталася існаваць у 1982 годзе; апошнія 20 год мела назву Рачная), якія знаходзіліся адна ад другой амаль на дзве вярсты.

Падзеі развіваліся наступным чынам. Пасля бітвы 1 жніўня пры Галоўчыцах корпус маршала Удзіно адступіў к Полацку, дзе 6-га чысла злучыўся з корпусам Сен Сіра, а войскі 1-га корпуса графа Вітгенштэйна к 8-му чыслу адыйшлі да Расіцы, высунуўшы авангард к Пакаёўцам і асобны атрад у напрамку Валынцаў. Пакутуючы ад раны ў скронь, атрыманай у бітве пры Галоўчыцах, Вітгенштэйн выехаў у Асвею, перадаўшы часовае камандаванне войскамі свайму начальніку штаба генералу Даўрэ з указаннем пачаць наступальныя дзеянні ў напрамку на Каханавічы, куды войскі корпуса і пачалі рухацца 10 жніўня. У той жа час і маршал Удзіно, вырашыўшы пачаць наступленне, накіраваў войскі свайго корпуса таксама да Каханавічаў; корпус жа Сен Сіра спыніўся ў бяздзейні каля Валынцаў.

10 жніўня Каханавічы былі заняты перадавымі часцямі французаў. Амаль адначасова падышлі туды і авангарды рускіх пад камандай генералаў Гельфрэйха і Казачкоўскага. Яны атакавалі праціўніка і хутка адкінулі яго назад, за Палыкаўшчыну і Мамонаўшчыну, аж да вышынь правага берага Свольны паблізу вёскі Пажарышча.

Ноч і ранак 11 жніўня прайшлі спакойна, француз бяздзейнічаў, нягледзячы на значную перавагу ў сілах; перадавыя яго войскі займалі вышыні на *правым* беразе Свольны, а галоўныя сілы сталі на пазіцыях *левага* берага, насупраць перапраў. Гэта было тактычнай прамашкай.

Мяркуючы, што бяздзейнае праціўніка тлумачыцца чаканнем падмацавання, генерал Даўрэ вырашыў аднавіць напад, і бой пачаўся ўзмоцненай рэагнатыўнай авангардаў. Французы былі хутка адкінуты да перапраў праз Свольну, рускія войскі сталі на пакінутых імі пазіцыях, і затым пачаўся бой ужо за пе-

раправы. Рака Свольна мае тут звлістае цячэнне і нешырокае рэчышча; берагі ж яе на ўсім працягу абрывістыя і парослыя кустоўем. Нягледзячы на нязначную шырыню, Свольна ўяўляла (і ўяўляе зараз) сабой істотную перашкоду, пераадольную толькі па мастах.

Гаспадарскі дом з шэрагам пабудоў, пад агульнай назвай мыза Свольна, стаяў над ракой. Сад акружаў частакол, стоячы за якім грэнадзёры Пермскага палка сустракалі згубным агнём кірасіраў дывізіі Думерка. Бой ля мызы вылучаўся асаблівай упартасцю; тут загінуў камандзір 25-га егерскага палка палкоўнік Дзянісьеў, якому ядром адарвала галаву, і тутсама асабліва вызначыўся маёр Пермскага палка Тарбееў, які кінуўся з паляўнічымі грэнадзёрскай роты на мост для падтрымкі стралкоў, атакаваных французскімі кірасірамі; французы, пераследуючы стралкоў, праскакалі цераз мост і ўварваліся на мызу, але, атакаваныя некалькімі эскадронамі Гродзенскага гусарскага палка, павярнулі назад да пераправы і амаль усе загінулі, часткай пераколатыя гусарамі і перабітыя паляўнічымі, часткай патануўшы ў рацэ.

Адначасова бой ішоў ля вёскі Востры Канец. Бой у гэтым напрамку скончыўся некалькі раней поўнай паразай праціўніка, што дало магчымасць свечасова падтрымаць суседзяў ля мызы і канчаткова адкінуць француза за раку. У “Гісторыі 14-га уланскага Ямбургскага палка” Крastoўскага расказаны адзін цікавы эпізод гэтага бою.

“Нам удалося, – кажа аўтар, – як немага лепш замаскіраваць сваю артылерыю. Паказваючы намер атакаваць, мы падышлі да французаў на блізкую адлегласць і ў той самы момант, калі яны, думаючы, што насупраць іх знаходзіцца адзін толькі кавалерыйскі полк, хацелі сваімі пераўзыходнымі сіламі пакараць яго за дзёрзкасць, мы раптам заскакалі першым дывізіёнам паўзводна направа, другім – паўзводна налева і ў кар’ер ачысілі фронт для артылерыі. Але не паспелі мы яшчэ стаць за яе флангамі ў прыкрыццё, ды і французы не апамяталіся яшчэ ад нечаканасці гэтага манеўра, як наша батарэя грывнула ўжо супраць іх знішчальным агнём сваіх цяжкіх гармат” [3, с. 204–205]. Пяхота рускіх на штыках уварвалася ў вёску, выбіла адтуль французаў і адкінула іх за раку, прычым яны ўсё ж паспелі запаліць некалькі пабудоў вёскі і мост.

Бой 11 жніўня на рацэ Свольне меў важныя наступствы. Упартасць і настойлівасць дзеянняў рускіх войскаў прымусілі Удзіно не толькі адкласці прадпісанае Напалеонам наступленне, але і адысці к Полацку. У баі 11 жніўня страты рускіх войскаў дасягнулі забітымі і параненымі да 500 чалавек (па іншых звестках – 700 [1, с. 381]), страты ж французаў да 1500 і, звыш таго, 300 чалавек было ўзята ў палон. Генерал-маёр Даўрэ за галоўнае камандаванне ў гэтай справе быў узнагароджаны ордэнам Св. Георгія 3 класа. Спраба рускіх атакаваць Полацк у сярэдзіне жніўня не ўдалася, бо да гэтага часу французскія маршалы ўжо пачалі дзейнічаць узгоднена. Але француз на Піцер так і не прарваўся.

На Дрысеншчыне Вітгенштейн упершыню выступіў у самастойнай ролі – фактычна камандуючага асобнай арміяй. Уражанне ў Расіі ад Клясціцкай перамогі было велізарным. Граф быў абвешчаны «выратавальнікам Пецярбурга» і ўзнагароджаны ордэнам Георгія 2-й ступені. Да восені ў шэрагі войскаў уліліся новыя дружыны апалчэнцаў. 6 кастрычніка Вітгенштэйн перайшоў у наступ і назаўтра штурмаваў авалодаў Полацкам. 26 кастрычніка яго войскі занялі Віцебск.

Праз сто год новы гаспадар мызы сп. Заракоўскі засведчыў, што яшчэ на пачатку 1860-х гг. сабрана была з навакольных палёў значная колькасць ядраў і куль і закапана на адным з двароў мызы, але дзе менавіта – зараз невядома. [2, с.148]. Сёння знаходкі рарытэтаў на полі бітвы – выпадак рэдкі. Непадалёк ад мы-

зы, але на левым беразе ракі, знаходзілася на строме сярод гаю невялікая сельская царква; у маціцу яе столі было ўроблена ядро, якое засела падчас бою 11 жніўня 1812 года, прабіўшы царкоўны дах. Да ядра была прымацавана дошка з надпісам “У памяць 1812 года”. У наш час на месцы царквы ў гайку застаўся толькі друз; сама цэркаўка была разбурана ў гады разгулу ваяўнічага атэізму.

Яшчэ праз сто год, нашым часам, у вёсцы Зара месца былога маёнтка можна вызначыць па прысадах векавых дрэў ды рэштках сажалкі. На ранейшым месцы знаходзіцца і мост праз Свольну, вядома ж, іншы – капрызлівая рака паспела ўжо не раз пабурыць створаныя чалавекам пераправы. Мост каля Вострага Канца не існуе. Толькі самы настойлівы можа прабрацца праз чаромхавыя спляценні надбярэжжа, каб пабачыць рэшткі чорных замшэлых паляў. Пабыўшы ў гэтых мясцінах, міжволі думаеш пра наш абавязак не разбураць старыя і ствараць новыя масты Памяці паміж пакаленнямі, каб надзейнымі былі нашы крокі ў будучыню.

Спакойную аднастайнасць зарэчных разложыстых мясцін Галубаўшчыны парушае невялікая выспа-баравінка крыху суровага выгляду. Гэта – месца пахавання французскіх ваяроў, загінулых на Свольне. Паблізу праходзіць гравійка. Магільны ўзгорак знаходзіцца над штучнай азярынай. Месца пахавання варта ўзяць пад афіцыйную апеку, надаўшы яму статус помніка гісторыі, і добраўпарадкаваць. У планах краязнаўцаў – праца па выяўленні месца пахавання рускіх ваяроў, загінулых у бітве на Свольне.

1. Богданович, М.И. История Отечественной войны 1812 г. / М.И. Богданович. – СПб., 1859. – Т. 1.
2. Драке, Л.Л. На местах боя 30 июля 1812 г. у р. Свольны: военно-ист. сборник / Л.Л. Драке. – СПб., 1912.
3. Крестовский, В.В. История 14-го уланского Ямбургского полка / В.В. Крестовский. – СПб., 1873.

Дадатак

Маршруты 12 паходаў па мясцінах падзей 1812 г. на Верхнядзвіншчыне

1. Верхнядзвінск – Валынцы – Свольна – Галубава – ур. Забор’е – Зара – Сакалоўшчына – Першамайская – Бялькоўшчына – Верхнядзвінск.

Маршрут веласіпеды, 75 км, 2 дні; начлег у Галубаве або (з палаткамі) ў Забор’і.

2. Верхнядзвінск – Бялькоўшчына – Узмёны – Слабада – Дварчаны – Верхнядзвінск.

Маршрут веласіпеды, 45 км, 2 дні; начлег у Дварчанах (з палаткамі) на беразе Дзвіны.

3. Верхнядзвінск – Узмёны – Слабада – Лявонпаль – Павяцце – Друя – Мёры – Верхнядзвінск.

Маршрут веласіпеды, 120 км, 3 дні, начлегі: 1 – вадаспад на р. Вята, 2 – Ідолта (на адваротным шляху з Друі); на аўтобусе, матацыкле – 1 дзень.

4. Верхнядзвінск – Каханавічы – Клясціцы – Сівошына – Полацк – Валынцы – Верхнядзвінск.

Маршрут веласіпеды, 175 км, 5 дзён, начлегі: 1 – Серабранка, 2 – Кульнева, 3 – Ахотніца, 4 – Валынцы; на аўтобусе, матацыкле – 1 дзень.

5. Верхнядзвінск – Каханавічы – Дзёрнавічы – Кульнева – Сівошына – Замшаны – Грамошча – Боркавічы – Валынцы – Верхнядзвінск.

Маршрут веласіпеды, 110 км, 3 дні; начлегі: 1 – Кульнева (гар. Сокал), 2 – Валынцы.

6. Верхнядзвінск – Шатрова – Расіца – Сар’я – Верхнядзвінск.

Маршрут веласіпеды, 65 км, 2 дні, начлег у Расіцы.

7. Верхнядзвінск – Слабада – Дварчаны – Бароўка – Верхнядзвінск.

Маршрут лыжны, 15 км, 1 дзень.

8. Верхнядзвінск – Бялькоўшчына – Бароўка – Верхнядзвінск.

Маршрут пешы, 12 км, 1 дзень.

9. Сакалоўшчына – ур. Пагост – Зара – ур. Пажарышча – Французская магіла – ур. Забор’е – Галубава.

Маршрут пешы, 12 км, 1 дзень.

10. Галубава – Жоўтаўшчына – ур. Маставуха – Зара – ур. Пагост – Сакалоўшчына.

Маршрут пешы, 9 км, 1 дзень.

11. Клясціцы – Верхнядзвінск (р. Нішча – р. Дрыса).

Маршрут водны, 100 км, 5 дзён, начлегі: 1 – Старасекаў Двор, 2 – вусце р. Нішча (Кульнева), 3 – Буракова, 4 – Ахрэмы.

12. Сар’я – Верхнядзвінск (р. Сар’янка – р. Зах. Дзвіна).

Маршрут водны, 30 км, 3 дні, начлег і днёўка на Шатроўскім востраве (з выходам на месца Дрыскага вайсковага лагера).*

* маршрут можа быць пачаты ад Зашчырына; выхад на ур. Бабы – месца стаянкі рэзерва рускіх войск; дадатковы начлег ля вусця Віранкі.

Тэматычныя экскурсійныя аб’екты на маршрутах:

Верхнядзвінск – помнік у гонар 100-годдзя перамогі ў Айчыннай вайне 1812 г.

Філіпова – поле бітвы 1812 г. ва ўр. Лазоўка

Валынцы – экспазіцыя музея І.Чэрскага аб вайне 1812 г.

Сивошына – помнікі на месцы гібелі генерала Я.Кульнева

Клясціцы – помнік у гонар перамогі ў Айчыннай вайне 1812 г.; школьны музей

Бялькоўшчына – месца ваеннай рады Аляксандра І

Шатрова – мясціны перапраў Дрыскага вайсковага лагера

Дварчаны – мясціны палявых умацаванняў Дрыскага вайсковага лагера

Друя – мемарыяльны знак у гонар падзей 1812 г.

Расіца – Друйскае тракт; месца базавання штаба і галоўных сіл Вітгенштэйна

Ур. Пагост – месца былой царквы з замураваным гарматным ядрам

Ур. Забор’е – магіла, дзе пахавана каля 1,5 тыс. французскіх ваяроў

Ур. Пажарышча – месца галоўнай бітвы ў ліпені 1812 г.

Зара – месца бітвы за пераправу праз Свольну

Жоўтаўшчына – месца бітвы за пераправу ў былой вёсцы Востры Канец

Мёры – экспазіцыя краязнаўчага музея аб падзеях 1812 г.

Полацк – помнікі і экспазіцыі краязнаўчага музея аб падзеях 1812 г.

Галоўныя экскурсійныя аб’екты па пабочных тэмах:

Верхнядзвінск – экспазіцыя музея СШ№2, старадаўнія пахаванні на могілках

Каханавічы – магіла І.Храпавіцкага, Святы ключ, клуб “Белыя вароны”

Сар’я – неагатычны храм, парк

Расіца – Траецкі касцёл, старадаўнія пахаванні на могілках, руіны царквы

Лявонпаль – палац І.Лапацінскага, музей радзімазнаўства, Калона

Свольна – помнік на месцы сядзібы І.Чэрскага

Узмёны – Свята-Мікалаеўская царква

Клясціцы – ГЭС на р. Нішча, мемарыяльныя могілкі савецкіх воінаў

Мёры – музей кнігі, Успенскі касцёл

Кульнева – гарадзішча Сокал

Друя – архітэктурныя помнікі, Барысаў камень, юдэйскія могілкі

Ідолта – помнікі архітэктурныя

Сар’янка – агаленні дэвона, земляныя печы па выпальванні вапняку і інш.

В.А. Ермалёнак МЁРШЧЫНА Ў ВАЙНЕ 1812 ГОДА

Сучасны Мёрскі раён у пачатку XIX стагоддзя ўваходзіў у Дзісенскі, а заходняя яго частка – ў Браслаўскі павет. Роля Мёршчыны ў вайне была вызначана яшчэ перад вайной згодна плану, які быў распрацаваны ваенным саветнікам генерал-лейтэнантам К.Л. Фулем і зацверджаны Александрам 2. Згодна плану, рускія арміі павінны былі адразу адступіць, маневраваць, пазбягаць генеральных бітваў да ўмацаванага лагера, які павінен быў знаходзіцца на флангу наступаючых французскіх войск. Па даручэнню Баркляя дэ Толі падпалкоўніку барону Вольцогену было даручана знайсці месца, зручнае для пабудовы ўмацаванага лагера паміж Дняпром і Дзвіной. З чэрвеня па верасень Л.Вольцоген вывучаў вялікія прасторы: ад Рыгі да Дзісны. Шляхі Вільня – Дынабург – Дрыса, Вільня – Мінск – Орша, Віцебск – Орша – Магілёў – Стары Быхаў, Стары Быхаў – Бабруйск – Нясвіж – Слонім – Пружаны – Кобрын – Брэст; Брэст – Дубна – Жытомір – Кіеў. Толькі ў кастрычніку ён вярнуўся зноў у Пецябург. За гэты час ён да-

сылаў ваеннаму міністру падрабязныя апісанні дарог і пазіцый ля Рыгі, Вільні, Друі, Дрысы, Барысава, Дзінабурга, Віцебска, Оршы, Свенцян, Зэмбіна, Брэст – Літоўска, Будзілова і Магілёва, стан агледжаных ім крэпасцей і агульныя меркаванні аб будучым тэатры ваенных дзеянняў. Менавіта ён і выбраў найбольш зручнае месца для пабудовы лагера ў лукавіне ракі Дзвіна насупраць павятовага горада Дрыса, які павінен быў размясціцца якраз на тэрыторыі сучаснага Мёрскага раёна. [8, с. 85]. Будаўнічыя працы пачаліся толькі ў красавіку 1812 года. Уся арганізацыя працы будаўніцтва лагера была ўскладзена на палкоўніка Світы Яго Імператарскай вялікасці Эйхэна. Рабочай сілай павінен быў забяспечыць беларускі ваенны губернатар А. Вюртэмберскі. Ён распарадзіўся адправіць на будаўніцтва 2500 тысяч людзей з жалезнымі рыдлёўкамі, піламі, сякерамі. Дастаўку рабочых павіны былі забяспечыць засядацелі земскіх судаў. Частка рабочых уцякала ад знясільваючай працы і недахопу харчавання. Пры гэтым больш разбягалася з далёкіх паведаў: Вілейскага, Рэжыцкага, таму асноўны цяжар працы быў на пастаўку рабочых з нашага Дзісенскага, а таксама Дрысенскага паведаў, якія пасылалі не з кожных ста сялян, а з дваццаці – аднаго рэкрута. [6, с. 44]. Непасрэдна працы пачаліся 12 красавіка. На працягу двух месяцаў паўтары тысячы чалавек уручную насыпалі 11 рэдутаў, высеклі лес паміж вёскамі Кукішы, Шчэберы, Слабада, пабудавалі з дрэваў засека, і палісады – ўмацаванні з заостраных бяргенняў, укапаных у зямлю. Было пабудавана дзесяць батарэй, перад якімі былі равы, глыбінёй да двух і шырынёй да шасці метраў. Найбольш марудна спачатку ішла пабудова рэдутаў №3 і №4 і егерскіх умацаванняў супраць іх, таму што спачатку там было многа вады, а таксама трэба было выкапаць шматлікія пні. Памеры лагера склалі 4,3 кіламетры ў даўжыню і 3,2 кіламетры ў шырыню. Асноўныя яго рэдуты размяшчаліся паміж вёскамі Брэдзевы, Путры (Слабада) Шчэберы, Барсукі, Дварчаны. Кожны рэдут першай лініі прыкрываўся ложэнтам – акопам для укрыцця пяхоты і гармат. Даўжыня іх складала 00-80 сажняў. Рэдуты другой лініі размяшчаліся на адлегласці 200-300 сажняў. Вышыня іх дасягала 4-5 метраў. Рэдуты другой лініі былі акружаны яшчэ “воўчымі ямамі”. Злева флангу, каб французы не маглі непрыкметна падыйсці, была створана засека з высечанага лесу, якая складала ў даўжыню 2,5 кіламетры і такіх засек было тры лініі. [5, с. 281]. Акрамя таго, былі пабудаваны масты на рэках Заходняя Дзвіна, Дрыса, Дзісна, Друя. Для больш зручнага руху войск на Мёршчыне былі пабудаваны, або добраўпарадкаваны і пашыраны дарогі Браслаў – Пераброддзе – Мёры – Дзісна, Браслаў – Забалотце – Мілашова – Лявонпаль – Дрыса, Друя – Лявонпаль – Дрыса. Пабудаваны невялікія масты на рэчках; Вята, Волта, Мёрыца. Пад час даследаванняў археолага-краязнаўчага гуртка былі знойдзены рэшткі мастоў на рацэ Вята, і Храброўка. Рэшткі праёмнага ўмацавання і палі былі знойдзены намі ля вёскі Слабада. У пачатку чэрвеня працы па будаўніцтву Дрысенскага лагера аглядзеў інжынер генерал-лейтэнант К.І. Операман, які далажыў ваеннаму міністру, што будаўніцтва ўмацаванняў выканана Эйхенам з вялікім поспехам і рэкамендаваў яго, падпалкоўніка Нэйтгарда і інжынер-паручыка Класава ўзнагародзіць [4, с. 44]. Але час паказаў, што будаванне Дрысенскага лагера знясільваючай працай 2,5 тысячамі сялян было дарэчным.

24 чэрвеня 1812 года Напалеон з войскам пачаў пераправу праз Нёман. Згодна папярэдняга плана, 1-ая руская армія пад камандаваннем Барклая дэ Толі пачала адступіць да Дрысенскага лагера. Праз Мёршчыну праходзілі 1, 2, 3, 4, 5 пяхотныя карпусы і 1 кавалерыйскі карпус 1-й рускай арміі. За ёй паволі рухаліся чатыры французскія корпусы, Нансуці, Манбрэна, Грушы, Латур-Любура пад агульным камандаваннем маршала Мюрата. Па нашых дарогах праходзілі таксама

корпусы Нэя і Удзіно. 8 ліпеня Аляксандр I агледзеў умацаванні. Вось, што пісаў аб гэтым у сваіх мемуарах “Дрыскіе записки” адмірал А.Шышкоў: “Рускі цар у складзе Аракчэева, Балашова, Фуля і вялікай світы агледзеў умацаванні. Фуль даваў тлумачэнні. Тут жа палкоўнік Мішо зрабіў некалькі заўваг Фулю, бо на яго погляд праціўніку нічога не каштавала, каб знішчыць усю рускую армію ў гэтым лагеры. Генерал Фуль ускіпеў і рэзка адказаў Мішо. Пад час спрэчкі Аляксандр дапытліва глядзеў на сваіх прыбліжаных, але ніхто не адважыўся падтрымаць Фуля. “На другі дзень знаходжання ў лагеры імператар склікаў ваенную раду, на якой акрамя Аракчэева, Балашова, прысутнічалі Барклай дэ Толі, генерал С.Валконскі, прынц Альдэнбургскі і генерал Вальцоген. Усе выказаліся за адступленне з лагера [2, с. 63–64]. Тут жа было вырашана ў сувязі з небяспекай знаходжання ў арміі і каб у будучых паражэннях не абвінавачвалі Аляксандра I, яму было прапанавана пакінуць армію. Галоўнакамандуючым стаў Барклай дэ Толі. 9 ліпеня 1-ая руская армія заняла Дрысенскі ўмацаваны лагер. У гэты дзень спаўнялася 103 гадавіна Палтаўскай бітвы. Каб узняць маральны дух адступаючай арміі, быў зачытаны высачайшы ўказ .

1-я руская армія размясцілася ў Дрысенскім лагеры ў наступным баявым парадку: на правым флангу 2-гі корпус генерала Багавута, у цэнтры – 3-ці корпус М.Тучкова, на левым флангу 4-ты корпус Астэрман-Талстога. У авангардзе ля вёсак Пруднікі і Лявонпаль знаходзіўся корпус графа Вітгенштэйна, паміж Дрысай і Дзісной корпус Дахтурава [3, с. 126-127]. Іх раз’ездам была пастаўлена задача затрымаць праціўніка. Напалеон даведаўшыся, што руская армія знаходзіцца ў Дрысенскім лагеры аддаў загад Мюрату перайсці на правы бераг Дзвіны і акружыць Дрысу. Імператар спадзяваўся, што Барклай дэ Толі дасць бой і руская армія загіне ў пастцы. Але рускі галоўнакамандуючы аддаў загад Вітгенштэйну закрыць шлях на Пецярбург, а ўсёй рускай арміі адступаць у напрамку Полацка. Таму руская армія, прастаяўшы і адпачыўшы ў лагеры пяць дзён, 14 ліпеня пакінула ўмацаваны лагер і рушыла на ўсход. 15 ліпеня генерал Кульнёў даў бой французскай дывізіі пад камандаваннем Себасцьяні. Гродзенскія гусары атакавалі французаў нечакана на маршы паміж Друяй, Чэрневам і Казакова. Былі разбіты два кавалерыйскія палкі і ўзяты ў палон генерал Сен-Жэўе. Гэты бой заставіў Мюрата памылкова прыняць за сутычку з асноўнай арміяй рускіх і прыпыніць наступленне да падыходу ўсёй сваёй арміі. Толькі на чацвёрты дзень, як рускія пакінулі лагер, французскія войскі падступілі да яго. Вось што пісаў аб гэтым у сваіх успамінах “З Напалеонам у Расію” доктар Рос: “Пры няспынным руху да галоўных акупаў незвычайна высокіх і з вялікай колькасцю байніц, у многіх з нас сэрца забілася падвоеным і патроеным тэмпам. Чым бліжэй мы падыходзілі – тым цішэй рабілася – ні чуваць было ні бразгату зброі, ні пакашлівання, ні адзін конь не заіржаў. У кожнае імгненне мы чакалі грамавых залпаў з жэрлаў гармат гэтых акупаў. Раптам туман засцілаўшы нам вочы рассяўся. Цішыня змянілася спачатку шэптам, а потым рогатам: за вялікімі акапамі не было ніводнай гарматы, ніводнага салдата. Наверсе хадзіў толькі нейкі мужычок, якога раней прынялі за салдата...” [1, с. 109]. Меліяратыўныя работы, праведзеныя ў 70-я гады 20 стагоддзя, зруйнавалі амаль цалкам гэты помнік ваеннай стратэгіі. Засталіся толькі прадмостныя ўмацаванні ля вёскі Слабада. У гэты час Мёршчына з’яўлялася арэнай невялікіх сутычак асобных атрадаў рускіх войск корпуса Вітгенштэйна і французскіх маршала Удзіно. 12 ліпеня па дарозе з Шаркаўшчыны на Дзісну ля вёскі Каркаўшчына Елісаветградскі полк штаб-ротмістра Леантовіча разбіў пад час начнога бою французскі атрад і захапіў у палон 75 французаў. 15 ліпеня рота з шостага пяхотнага палка генерала Палена корпуса Дахтурава вяла перастрэлку

ля вёскі Сцефанполь і вёскі Валынцы. 18 ліпеня ў сем гадзін апоўдні 1 Бугскі казачы полк есаула Жэкуля атакаваў французаў па дарозе з Чэрасаў на Дзісну. Пад час сутычкі заўрад-харунжы Даброў узяў у палон французскага ўлана. Падышоўшыя французскія часці адцяснілі Бугскі полк да Дзісны. 18 ліпеня ў данясенні Вітгенштэйна Барклаю дэ Толі сказана, што ля вёскі Узмены быў атакаваны французскі авангард і ўзяты ў палон чатыры гусары. “20 ліпеня адбыўся бой з французамі ля вёскі Пакаеўцы, ля Друі [7, с. 99]. Але найбольшыя страты панеслі французскія войскі не ад куль і ядраў гарматаў, а ад хваробаў. Пра гэта мы даведваемся з мемуараў “Напалеон: паход у Расію. 1812 год” маёра фон Каўслера трэцяй арміі Нэя. Яго шлях як раз і праходзіў праз нашы мясціны. Вось, што ён запісаў у сваім дзённіку за 18 ліпеня: “Дызентэрыя была настолькі моцнай, што салдаты падалі мёртвымі прама на маршы, або валіліся мёртвымі на біваку, без папярэднічаўшых прыкмет блізкай небяспекі. У нашай штаб-кватэры яна схапіла і ўнесла многіх...”. Пад час шматлікіх крязнаўчых вандровак у гутарках з мясцовымі жыхарамі шмат дзе сустракалі мясціны з назвай французскія могілкі, асабліва ля ваенных шляхоў, але не адзначаны ніякімі баямі, або сутычкамі, напрыклад, ля вёсак Дзінаўка, Запалоссе. Далей аўтар мемуараў апісвае цяжкі руху па нашай мясцовасці. “Дарогі разбітыя бясконца доўгімі калонамі, ідучымі праз балотыстыя лясы па насцілах і барацьба паміж падраздзяленнямі розных родаў войск, бесперапынна даганяўшымі адсякаўшымі адзін другому і не ўтрымліваемыя армейскай паліцыяй, рабілі гэты марш найбольш сцяжарваючым. У такіх умовах, зусім знясіленыя, мы зрабілі 21 ліпеня справа ад дарогі, вядучай на Дзісну справа ад пылаючай вёскі”. 25 ліпеня адбыўся бой гусар Кульнёва ля Лявонпалі. З жніўня ля горада Дзісна лятучы атрад генерал-маёра Рэпніна, зводны кірасірскае полк, чатыры эскадроны кавалерградскага палка яе вялікасці і яго вялікасці, двух батальёнаў егерскага палка з дзвюма лёгкімі гарматамі выступілі супраць французаў, разбілі іх, захапілі французскія склады і спалілі іх, знішчылі ў Дзісне мост праз Заходнюю Дзвіна. 22 жніўня, адшукаўшы брод праз Заходнюю Дзвіну непадалёку ад Дрысы, і пераправіўшыся ўплаў паручнік Варанцоў ля вёскі Грамоны разбіў кавалерыйскі атрад французаў, а пяхота схавалася ў лесе [7, с. 101–102]. Згодна загаду Вітгенштэйна супраць французскіх войск у верасні-кастрычніку на Мёршчыне вёў партызанскую барацьбу, сачыў за рухам войск Макдональда 24 полк Властава. Атрады гэтага палка дзейнічалі ля вёсак Перабродзе, Ніўнікі, ля мястэчка Мёры, Наўгароды і г.д. Адступаючыя ў канцы кастрычніка і лістападзе разрозненыя французскія часткі не ўступалі ў бой з рускімі войскамі. Адметнасць Мёршчыны была і ў тым, што тут адзначаны сутычкі мясцовага насельніцтва не толькі з французамі, але і рускімі.

Вайна прынесла Мёршчыне шматлікія разбурэнні і страты. Апынуўшыся ў цэнтры адступаючай рускай і наступаючай французскай армій, знішчалі і рабавалі маёмасць як французы, так і рускія. Так страты Браслаўскага павету, у які ўваходзіла частка Мёршчыны, склалі: людзей – 20 %, двароў – 15 %. Плошча пасаваў скарацілася на 37 %. Ад 50 – да 60 % скарацілася колькасць свіней, кароў, коней, авечак. Вялікія страты панеслі шляхецкія сядзібы. Так, найбагацейшы на Мёршчыне маёнтак Лапацінскіх у Лявонпалі панёс стратаў на 740 тысяч расійскіх рублёў. Спусташэнне прынеслі войскі корпуса Вітгенштэйна, які дзейнічаў тут найбольшы час. Так толькі пасаваў было патаптана 12 квадратных вёрстаў, высечана 5 вёрстаў лесу, спалена 53 сялянскія двары, жыхары якіх згінулі без следу. Захоплена шмат жывёлы, знішчана мэбля і багацейшыя зборы мастацкіх каштоўнасцяў палаца [9, с. 157]. Вялікія страты панёс і маёнтак Забалоцце Міхаіла Дмахоўскага. Французы тут нарабавалі 40 пудоў жалеза, 25 – солі, па 20 пудоў

вяндліны і сушанай рыбы, 19 пудоў сала, 3 пуды тытуню, 1550 гарнцаў гарэ- лкі, 140 гарнцаў піва, 240 гарнцаў мёду, а таксама некалькі сотняў гарнцаў воцату. У вялікай колькасці былі рабаваны сыры, масла, воск і інш. Французы прыхапілі таксама куфэркі, старыя стрэльбы, шаблі, гадзіннік, люстру, футру, мэблю, стало- вае срэбра, бялізну, 2000 злотых пасаг для дачкі, старыя французскія віны, прадметы даўніны. Акрамя рабавання ўладальніка маёнтка, войскі не пашкада- валі і сядзібаў яго сялян. Бралі ўсё: хусткі, палатно, мяшкі, косы, вазы спалілі дзве адрыны, паздзіралі салому са стрэхаў, выламаны вокны, дзверы, паламаны і спа- лены агароджы, сады. Не засталася ў сялян ніводнай жывёлы. Страты, нанесеныя Забалоцкаму маёнтку арміяй Мюрата склалі 26 тысяч 636 рублей срэбрам, страты, нанесеныя рускім войскам – 21 тысячу 833 рублі [9, с 156]. Салдаты рабавалі не толькі жыхароў, але нават і святыні. Так, былі абрабаваны касцёлы ў Навалацы, Пагосце, Дзісне, Увакрасенскі манастыр Як вобразна сказаў рускі генерал Арм- фелд: “Там, дзе прайшлі арміі нічога акрамя аваднёў і балот не засталася: пасевы вытаптаны, хаты зруйнаваны, быдла забрана, паўсюдна галеча, натоўпы дэзерціраў, трупы людзей і незлічоныя конскія трупы.” Страты, нанесеныя краю, адчувальнымі былі да сярэдзіны 19 стагоддзя, а падзеі вайны 1812 года захаваліся праз пакаленні людзей да сённяшняга часу.

Для аматараў вандровак па месцах, звязаных з гісторыяй падзей 1812 года мы распрацавалі веласіпедны трохдзённы турыстычна-краязнаўчы маршрут “Пярсцёнак вайны 1812 года”. Агульная працягласць маршрута 160 кіламетраў.

1. Гарин, Ф.А. Изгнание Наполеона / Ф.А. Гарин. – М., 1948. – С. 109.
2. Гарнич, Н.Ф. 1812 год / Н.Ф. Гарнич. – М., 1956. – С. 63–64.
3. Записки А.П. Ермолова, 1798–1826. – М., 1991. – С. 126–127.
4. Лукашевич, А. Укрепленный лагерь в стратегических планах Фуля: от абстрактной идеи до реализации в Дриссе (1811-1812) / А. Лукашевич // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2004. – № 1. – С. 43–44.
5. Полоцко-Витебская старина. – Вып. 3. – Витебск, 1916. – С. 281.
6. Отечественная война 1812. – э. Отд. 1. – Т. 11. – С. 44.
7. Поликарпов, Н.П. Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года / Н.П. Поликарпов. – Ч.1. – М., 1913. – С. 99–102.
8. Харкевич, В.И. Война 1812 г. От Немана до Смоленска / В.И. Харкевич. – 1901. – С. 85.
9. Nedemann, O. Historia powiatu Braslawskiego / O. Nedemann. – Wilno, 1930. – С. 156–157.

А.Ф. Самусик

СМОЛЕВИЧИ И ИХ ОКРЕСТНОСТИ В ПЕРИОД ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Война 1812 года была отмечена рядом примечательных событий, которые послужили примером для дальнейшего развития и усовершенствования тактики ведения боевых действий.

Широкую известность получили стремительные манёвры крупных воинских подразделений и целых армий, стратегическое планирование ширококомасштабных операций, кровопролитные сражения в условиях пересечённой местности, успешные действия многочисленных партизанских отрядов, долговременные осады хорошо защищённых опорных пунктов и крепостей. Именно в этих сложнейших приёмах ведения боевых операций проявился весь гений французского императора Наполеона I, а также противостоявших ему российских военачальников (М. Кутузова, П. Багратиона и пр.).

Чрезвычайное значение на протяжении всей военной компании 1812 года имели белорусские земли, контроль над которыми был стратегически важен. Неслучайно именно здесь перед войной были преимущественно сконцентрированы 1-я

и 2-я армии Российской империи. И также совсем уж не воле случая французские войска нанесли свои главные удары в направлении Вильно-Витебск и Волковыск-Могилёв.

На первом этапе боевых действий район вокруг Минска сумел избежать каких-либо опустошений, связанных с активными боевыми действиями. Первая российская армия находилась в северо-восточной Беларуси, а вторая армия прошла южнее, отступая на восток через Слуцк и Бобруйск [4, с. 105–106].

Что же касается дальнейших событий, связанных с центральной Беларусью, то здесь следует отметить тот факт, что Наполеон, наступая достаточно широким фронтом на Москву, прилагал не малые усилия по систематическому и тщательному обустройству своего тыла от р. Вислы и до Смоленска включительно. На захваченной территории организовывались тыловые базы снабжения. Для их размещения были назначены Вильно, Минск и Смоленск, которые, по мнению французского императора, должны были гарантировать успех всей военной компании [6, с. 14–15].

Пополнение этих баз велось как морским путём через Кенигсберг, так и за счёт местных запасов. Последние, естественно, преобладали, а поэтому для более стабильного их получения, на протяжении всех основных транспортных путей, были устроены «этапные магазины», где первоначально и концентрировались собранные у населения запасы продовольствия и фуража, находились курьерские участки, а также небольшие гарнизоны жандармерии. Именно в этой связи в отчётах местной администрации упоминаются Смолевичи – центр кантона Борисовского департамента (согласно новому официальному французскому территориальному делению Беларуси). Это местечко играло важную роль в обеспечении регулярной почтовой связи, кроме того, именно здесь был устроен крупный «этапный магазин» с запасами сухарей, муки, овса, ржи, сена и т. д. [8, с. 18]

Вместе с тем, чёткий и, казалось бы, тщательно продуманный план Наполеона по проведению военной компании против Российской империи постепенно стал рушиться. Действия партизан Д. Давыдова и И. Сеславина нарушили систему продовольственного обеспечения действующей армии, а ряд поражений в районе Москвы вынудили французов покинуть этот город и отступить на запад по Смоленской дороге. Именно в данный период в Петербурге был разработан план тотального уничтожения «Великой армии» Наполеона. Согласно ему французы должны были попасть в полное окружение, для чего в помощь преследующему Наполеона войску М. Кутузова с севера был направлен корпус генерала Витгенштейна, а с юга Дунайская армия адмирала П. Чичагова.

В последующих событиях наиболее существенную роль играла именно армия П. Чичагова, которая шла наперерез Наполеону из Украины. Уже 15 октября 1812 года ею был взят Брест, а через 10 дней и Слоним. В Центральной Беларуси П. Чичагову противостояла Минская резервная бригада генерала Ф. К. Козецкого общей численностью до 5 тысяч человек. Её главные силы были уничтожены в боях под Новым Сверженем, Койдановым и Прилуках русским авангардом генерал-адъютанта К. Ламберта, который шёл впереди Дунайской армии [5, с. 106–107]. Учитывая это, минский губернатор Н. Брониковский вместе с отрядом в тысячу человек отошёл к Борисову, сдав свой город практически без боя (было захвачено до 5 тысяч раненых и больных солдат, а также около 2 миллионов «пайков» – 7 тысяч пудов сухарей, 5,5 тысяч четвертей муки, 800 четвертей ржи, 4 тысячи четвертей овса) [3, с. 466].

На протяжении 4-5 ноября главные силы армии П. Чичагова вошли в Минск. При этом, согласно приказам М. Кутузова ему следовало как можно скорее захватить переправу через р. Березину в Борисове (сделано 9 ноября) и удерживать её до прихода сюда войск П. Витгенштейна и самого главнокомандующе-

го. Чрезвычайно важную роль отводил М. Кутузов необходимости точной координации действий между наступающими с трёх сторон русскими армиями. Исходя из этого, в своём письме от 6 ноября он приказал П. Чичагову обеспечить регулярное «скорое сношение» с ним по линии Минск-Смолевичи-Уша-Копысь, для чего в каждом из вышеназванных населённых пунктов должны были быть размещены гарнизоны и сменные лошади [7, с. 1–2].

При этом, П. Чичагов считал имеющиеся у него силы недостаточными для открытого противостояния с Наполеоном и очень рассчитывал на подкрепление. К сожалению, расположенный около Мозыря 15-тысячный корпус генерала Ф. Эртеля отказался двигаться к Минску, ссылаясь на отсутствие переправы через Припять и множество больных солдат. Зато из Сербии через Молдавию, Западную Украину, а также Пинск и Несвиж подошёл 3,5-тысячный отряд генерал-майора Н. Лидерса в составе 27-го егерского и Мелентьевского казачьего полков [3, с. 227]. Именно он по распоряжению П. Чичагова должен был составлять арьергард его армии и как писал сам адмирал 6 ноября Лидерсу: «Авангард выступит завтрашнего числа к Борисову; а с остальными войсками иду я... после завтра, т. е. 8 сего месяца. Вашему же Превосходительству предписываю прибыть в Минск того же 8 числа и находится от меня за один переход сзади, отправляя все тягости и обозы перед собою» [7, с. 49–50].

Учитывая же, что сам П. Чичагов к моменту прибытия этого корпуса уже был в Борисове, а дневной переход в то время равнялся 30–35 километрам с достоверной точностью можно предполагать, что штаб-квартира Лидерса находилась как раз в Смолевичах. Это позволяло ему не только прикрывать восточные подступы к Минску, но и обеспечивать почтовую связь между адмиралом и главнокомандующим. При этом, войска Н. Лидерса заняли все близлежащие к Борисовскому тракту возвышенности и соорудили на них оборонительные укрепления для пехоты, а также артиллерийские площадки, на случай прорыва всей армии Наполеона или же отдельных её частей через Березину в направлении Минска.

Косвенным подтверждением поспешного сооружения в районе Смолевич оборонительных позиций 11–14 ноября является и то, что сам П. Чичагов был преднамеренно введён в заблуждение французами – он считал, что Наполеон собирается переправиться южнее Борисова и, обойдя его армию, быстрым маршем отправится на Волынь или же войдёт в Минск [2, с. 162]. В последнем, кстати, находился довольно слабый русский гарнизон (Татарский уланский и Рязский пехотный полки, казачья сотня из Мелентьевского полка, 2 лёгких орудия [6, с. 70]. При таком развитии событий именно корпус Н. Лидерса должен был задержать наполеоновскую армию у Смолевич до подхода основных русских сил.

Следует отметить, что ещё и сейчас в районе д. Слобода существует возвышенность с явно искусственно созданными уступами-террасами, на которых, вероятно, и размещалась часть артиллерии Н. Лидерса. Её обустройство соответствует как раз фортификационным приёмам того времени. В качестве подтверждения этого, можно привести описание сражения 16 ноября только что переправившихся через Березину наполеоновских войск с русским корпусом генерала Е. Чаплица. В центре французского построения располагалась возвышенность, образованная наносным песком, на трёх террасах которой разместились 8 орудий 11-й компании пехотной артиллерии под командованием майора Гугенмуса из дивизии Я. Домбровского (100 человек obsługi). В ходе последующего боя они не только успешно рассеивали наступающие русские части, но и уничтожили до 24 вражеских орудий, вынужденных располагаться в низменном месте (потери поляков составили 4 пушки) [8, с. 161, 169]. При чём, описание действий польской артил-

лерии весьма красноречиво – выпущенные ядра «разбивая деревья и ломая сучья, наносили большой вред». Под таким обстрелом русские «орудия не могли держаться более получаса и, потеряв всю свою прислугу и лошадей, сменялись другими... все они... потерпели огромную потерю» [3, с. 276–277].

Дальнейший же ход знаменитой Березинской операции хорошо известен. Наполеон потеряв весь обоз и до 30 тысяч солдат сумел уйти от преследовавших его русских войск в сторону Вилейки и Сморгони. На Большом же совете, который состоялся в Борисове 17 ноября, было решено, что Дунайская армия и корпус П. Витгенштейна отправятся вдогонку за французами [7, с. 143–144]. При этом, всё ещё существовала угроза атаки Наполеона на Минск или же подхода к этому городу из района Борисова отдельных, отбившихся от основных сил, французских отрядов. Именно поэтому было решено продолжать прикрывать Минск с востока силами отряда Н. Лидерса, а также послать сюда казаков из отряда генерала М. Платова [3, с. 288].

При этом, перед Н. Лидерсом ставилась ещё одна ответственная задача – обеспечить продвижение 50-тысячных главных сил М. Кутузова по направлению Копысь-Рованичи-Смолевичи-Радошковичи. Для их снабжения были задействованы как все запасы трофейного «магазина» в самих Смолевичах, так и оставшиеся резервы Минской тыловой базы. При чём, как раз в Смолевичах временно находилась штаб-квартира М. Кутузова. Дальнейшая же судьба отряда Н. Лидерса была предсказуема – после прохождения всех войск и обозов он отправился на Вильно и далее на запад вместе с армией М. Кутузова (19 подчинённых ему унтер-офицеров и солдат «оставшихся за болезнями» в декабре были причислены к пехотному батальону в Ковно) [1, с. 222–223].

Подводя общий итог истории Смолевич и их окрестностей в период войны 1812 года можно отметить следующее. Активных боевых действий здесь не проводилось ни во время летней наступательной операции Наполеона, ни при его ноябрьском отступлении. Несмотря на это они сыграли определённую роль в ходе всей компании, являясь промежуточным звеном с довольно крупным центром снабжения на главном транспортном пути вначале наполеоновской, а затем и российской армий. Тот же факт, что отряд генерал-майора Н. Лидерса так и не был задействован в ходе Березинской операции, ни в малой степени не умаляет проделанной им работы по укреплению подступов к Смолевичам. При этом, остатки оборонительных сооружений возле д. Слобода легко могут быть превращены в мемориал (имитация артиллерийской батареи) с гарантированно большим числом посетителей из-за проходящей рядом трассы М-1.

1. Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812–1813 годов: в 2 ч. – Вильна : Губернская тип., 1912–1913. – Ч. 1. Переписка по военной части. – 1912. – 285 с.
2. Бескровный, Л.Г. Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова / Л.Г. Бескровный. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – 180 с.
3. Богданович, М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам : в 3 т. / М.И. Богданович. – СПб. : Тип. Торг. дома С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К°, 1859–1860. – Т. 3. – 1860. – 543 с.
4. Жилин, П.А. Гибель наполеоновской армии в России / П.А. Жилин. – М.: Наука, 1974. – 452 с.
5. Отечественная война 1812 года : в 2 отд. – СПб.: Тип. «Бережливость», 1900–1914. – Отд. 1: Переписка русских правительственных лиц и учреждений: в 21 т. – Т. 20: Боевые действия в 1812 г. (Ноябрь месяц). – 1912. – 289 с.
6. Харкевич, В.И. 1812 год. Березина. Военно-историческое исследование / В.И. Харкевич. – СПб. : Военная типография, 1893. – 210 с.
7. Харкевич, В.И. 1812 год. Березина. Военно-историческое исследование. Приложения / В.И. Харкевич. – СПб.: Военная типография, 1893. – 174 с.
8. Bielecki, R. Berezyna, 1812 / R. Bielecki. – Warszawa: Wyd-wo Bellona, 1990. – 248 s.

В.Н. Черепица
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 Г. В РАТНОЙ ИСТОРИИ
ЧАСТЕЙ ГРОДНЕНСКОГО ГАРНИЗОНА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Во второй половине XIX – начале XX вв. в состав Гродненского гарнизона российской армии входили следующие наиболее крупные воинские части: 101-й Пермский, 102-й Вятский, 103-й Петрозаводский, 104-й Устюжский, 171-й Кобринский пехотный полки; 26-я артиллерийская бригада, а также 13-й Владимирский и 14-й Ямбургский уланские полки. Большинство из этих частей было сформировано в конце XVIII – начале XIX веков, и все они имели славную боевую историю.

Старейшим был 101-й Пермский пехотный полк. Создан в 1788 году на базе 2-го батальона Эстляндского егерского корпуса в Риге, свое первое боевое крещение получил в русско-шведской войне 1789 – 1790 годов и в военных действиях на территории Речи Посполитой. Переформирован в 5-й егерский полк и участвовал в Итальянском и Швейцарском походах русской армии под командованием А.В. Суворова. По возвращению в Россию 5-й полк был переименован в 4-й егерский полк. Большой боевой опыт егеря приобрели в войнах с наполеоновской Францией в 1806–1807 годах, а также в войне со Швецией 1808–1809 годов. За доблесть и мужество в 1808 г. полку были пожалованы серебряные трубы с надписью «За отличие в течение кампании 1807 г. против французов [1].

В конце войны 1812 г. полк дислоцировался в м. Янов Виленского уезда и входил в состав 4-го пехотного корпуса I русской армии. На начало военных действий в полку было 4 штаб-офицера, 23 обер-офицера и 1298 нижних чинов. Командовал полком М.Г. Русинов. Полк участвовал в оборонительных боях 1-ой армии Барклая-де-Толли, которая шла на соединение со второй армией Багратиона. 14-15 июля у д. Куковячино под Витебском егеря мужественно отбивали атаки превосходящих сил противника. Потери полка за эти дни: нижних чинов убито – 26, ранено – 224, пропало без вести – 76. Наград за этот бой были удостоены: майоры Русинов и Гейдекен, капитан Мархилевич, штаб-капитаны Мацкевич, Гавриленко, Ганичев; поручик Шигурин, прапорщик Липский.

Искусное маневрирование арьергардов и стойкость русских сдержали наступление Наполеона и дали Барклаю ценный выигрыш – трое суток, необходимых для соединения с армией Багратиона. О делах под Витебском Барклай де Толли доносил Александру I: «Войска Вашего Императорского Величества в течение сих трех дней с удивительной храбростью и духом сражались против превосходного противника. Они дрались как подлинные Россияне, пренебрегая опасностью и жизнью за Государя и Отечество». Столь же самоотверженно 5–7 августа оборонял полк и позиции под Смоленском. Потери полка за эти дни были следующие: ранены офицеры Гейдекен, Ганичев, убито и пропало без вести нижних чинов – 123, ранено – 94. Удостоились наград офицеры Гейдекен, Липский, Федоров, Ганичев. О действиях 4-го полка генерал Ермолов доносил: «Пехота наша, состоявшая из егерей, получила новое право на уважение неприятеля...».

В Бородинском сражении полк, находясь на правом фланге русских войск, активных боевых действий не вел, но после Бородина в составе арьергарда атамана Платова он сдерживал натиск противника у Можайска и при селе Крымское. Во вторую половину кампании полк принимал участие в сражении под Тарутино – первом наступательном действии главной армии под командованием Кутузова. Действуя в авангарде отряда под командованием генерала Милорадовича, полк нанес значительный урон врагу. Потери его в бою были следующими: у францу-

зов – убитых и плененных 3,5 тысячи человек, у русских – около 1200 человек. Урон полка: убиты – шеф полка генерал-лейтенант Багговут и капитан Мацкевич; ранены офицеры Визинг, Сташевский, Шимановский, Батурин, Дьячков. Из нижних членов было убито 9, ранено 63, без вести пропало 35 человек. 21-22 октября преследуя французов под Вязьмой и Дорогобужем в составе отряда Милорадовича, 4 егерский полк особенно отличился. Урон французов составил до 4-х тысяч убитых и раненых и до 3 тысяч плененных. С русской стороны было убито и ранено 1800 человек. Потери полка были следующими: убит один и ранено два офицера; среди нижних чинов – убито 39, ранено 171, без вести пропало 34, взято в плен 2. Награды за бои под Вязьмой и Дорогобужем получили офицеры: Русинов, Ганичев, Шигурин, Шенк, Вольский, Гаврик, Липский, Пржевальский, Прохоров, Фитингов, Пантелеев, Нарымовский, Турин, Минятов, Медвяцкий, Шимановский, Саврасов, Гурский, Лофицкий, Дьячков, Песоцкий и Саренков. Знаков отличия было удостоено свыше 50 нижних чинов. После Дорогобужа 4-й егерский полк уже не принимал активного участия в кампании 1812 г. С 15 по 27 декабря он был расположен в Гродно и его окрестностях, после чего выступил в заграничный поход против неприятеля.

В 1813 г. полк участвовал во взятии Калиша, а также в битвах при Люцене, Бауцене, Дрездене и под Лейпцигом. 1814 году 4-й егерский полк участвовал в сражениях при Фальсбурге, Бриенне, Ножаре, Лобресселе, Бар-сюр-Обе, Арси и Париже, где егеря атаковали неприятеля у д. Пантен и захватили у него 6 орудий [2]. В 1864 году переименован в 101-й Пермский пехотный полк, в 1866 г. вошел в состав Гродненского гарнизона.

103-й Петрозаводский пехотный полк был сформирован в Олонце. В 1803 году под названием 20-й егерский полк, как и Пермский полк, принимал участие в войнах с наполеоновской Францией и Швецией. За боевые действия против французов полку были пожалованы в 1808 году две серебряные трубы с надписью «За отличие в течение кампании 1807 года против французов». Во время Отечественной войны 1812 года полк под командованием полковника Капустина, будучи в составе I-й армии и 3-й пехотной дивизии, героически сражался под Витебском, Лубином, Гжатском, Гряднево и у Колотского монастыря. В сражении при Бородино егеря прикрывали Багратионовы флеши и отбив атаки Нея и Даву, участвовали в упорном бою за Семеновский овраг. 6 октября при Тарутине 1-й и 3-й батальоны полка сумели захватить вражескую батарею, за что были удостоены личной похвалы Кутузова. Находясь в отряде атамана Платова, егеря 20-го полка участвовали в боях под Малоярославцем, Вязьмой, Ляхово и Духовщине, Смоленском, Крапивной, Дубровной, Борисовом и Ошмянах. В кампанию 1812 года 2-й батальон полка состоял в корпусе генерала Штайнгеля и участвовал в сражениях при Экау, Сантине и Альткирхене. За проявленные в Отечественную войну подвиги полку были пожалованы знаки на кивере «За отличие» и особый почетный барабанный бой. Во время заграничного похода русской армии 1813-1814 годов 20-й егерский полк участвовал в тех же сражениях, что и 4-й егерский полк [3]. В 1864 году полк получил название 103-го Петрозаводского и вскоре вошел в состав Гродненского гарнизона.

26-я артиллерийская бригада, сформированная в 1806 году, принимала участие в русско-шведской войне 1808–1809 годов. В Отечественную войну года она именовалась батареей №5 ротной, и ею командовал подполковник Мурузи. На вооружении батареи были 4 полупудовых единорога, 4 двенадцатифунтовые пушки малой пропорции, а всего 12 пушек. Перед началом кампании батарея, находясь в составе войск 1-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Витген-

штейна, была расположена в г. Кейданы (Литва). Когда началась война, на корпус Витгенштейна была возложена задача прикрыть столицу империи Петербург. Таким образом, корпус, включая и 5 батареиную роту, имел самостоятельную задачу и действовал независимо от остальной армии и назывался отдельным корпусом.

В то время когда армии Багратиона и Барклай де Толли, объединенные в главную армию под командованием Кутузова, сражалась под Смоленском, Бородино и Тарутино, корпус Витгенштейна участвовал в ряде кровопролитных сражений с войсками французских маршалов Удино и Сен-Сира. Одним из них было сражение 18–19 июля у Якубово и Клястиц, которое помешало маневру Удино к северу от Полоцка на Себеж, с целью «отрезания графа Витгенштейна». В этом сражении батареинная № 5 рота своим огнем дважды отбивала решительные атаки маршала Удино на центр и потеряла убитыми поручика Искрицкого и ранеными поручика Горского. 20-го июля у селения Головшицы граф Витгенштейн настиг отступающих французов и разбил находившуюся в арьергарде дивизию Вердьё. Вечером того же дня произошло столкновение у селения Соколище, губительный огонь батареинной № 5 роты заставил французов бросить позицию и поспешно отступать дальше к Полоцку.

Вследствие полученных сведений о движении от Динабурга корпуса Макдональда, граф Витгенштейн решил перейти в наступление против него, оставив в покое потрясенного маршала Удино, для чего отвел свои войска назад. Оправившийся же маршал Удино, поддержанный корпусом Сен-Сира, перешел в наступление, стремясь отрезать сообщение русских с Псковом. Это движение было предупреждено и 30 июля произошло сражение у Свольно, где маршал Удино вновь потерпел поражение и отступил к Полоцку, надеясь использовать укрепления этого города. В этом сражении батареинная № 5 рота, выдвинутая на высоты у деревни Пожарище, своим огнем отгеснила левый фланг неприятеля за реку Свольно и картечным огнем истребила кирасир, проскочивших на русский берег.

За отступающими к Полоцку французами и баварцами граф Витгенштейн шел по пятам и на рассвете 5 августа атаковал их в Полоцке. В течение 5-го и 6-го августа здесь происходило сражение, стоившее русским убитыми и ранеными четверти всего корпуса, но в конечном результате взять Полоцк так и не удалось. Батареинная № 5 рота работала по полубатареино в двух разных местах, то отбивая многочисленные атаки неприятеля, то расстреливая подходящие к противнику подкрепления. Наконец, когда французские дивизии Леграна и Валентина устремились против русских батарей, находившихся в центре, то дело дошло до того, что артиллеристы батареинной №5 роты, расстреляв все снаряды, отбиваясь тесачами и банниками, успели спасти все свои орудия. Большая часть нижних чинов погибла, подпоручики Котлевский, Холодовский и подпрапорщик Назаренко были ранены. О героическом действии батареи граф Витгенштейн донес императору Александру I, подполковник Мурузи был произведен в полковники и награжден орденом Св. Георгия 4-ой степени.

В конце сентября к войскам графа Витгенштейна прибыли подкрепления и его корпус перешел в наступление. После сражения 6-го и 7-го октября он взял штурмом укрепленный город Полоцк.

После взятия Полоцка граф Витгенштейн преследовал маршала Удино и подошедшего к нему на помощь Виктора, которые двигались к Березине на соединение с отступавшим Наполеоном. Батареинная №5 рота в дальнейшем участвовала в сражениях: 19 октября при Чашниках, где 4 орудия этой роты заставили батареи Леграна с прикрывавшими их кирасирами отступить, 2-го ноября при Смоленцах. При переправе Наполеона через Березину батареинная № 5 рота находилась в резерве, будучи лишь безмолвной свидетельницей разгрома остатков неприятельской армии.

Во время заграничного похода русской армии 1813–1814 годов 5-я рота участвовала в осаде Данцига, Дрездена, в битве народов у Лейпцига, а также в сражении у Арси-Сюр-Обе и взятии Парижа [4]. В 1863 году батареинная рота была преобразована в 26-ю артиллерийскую бригаду с местом дислокации в Динабурге, Слониме, Белостоке, а с 1873 года – в г. Гродно.

Принимал участие в войне 1812 года и 13-й Владимирский уланский полк, сформированный еще в 1701 году по указу Петра I. Долгое время он носил название драгунского полка, как таковой он остался и в истории Отечественной войны 1812 года. И только лишь при завершении кампании полк получил название Владимирского уланского. Полк принимал участие во многих сражениях, но особенно отличился 12 июля при местечке Бабиновичи неподалеку от г. Витебска. Здесь при упорном сопротивлении французов он разгромил неприятельский кавалерийский отряд и «взял в плен двух офицеров и свыше 50 нижних чинов 2-го гвардейского уланского полка». По приказанию генерал-майора Ермолова полк вместе с другими частями I-й армии удерживал за собой Бабиновичи две суток, после чего присоединился к своему корпусу. Особенно отличились в этом бою полковник Меллер, ротмистр Жаке 2-ой, поручик Иосселиман [5].

Более обстоятельные сведения об участии в войне 1812 года сохранила ратная история 14-го Ямбургского уланского полка. В это время он был известен как драгунский полк и наименования уланского был удостоен, как и Владимирский полк, 17 декабря 1812 года. Благодаря капитальному труду В.В. Крестовского об истории этого полка, имеется возможность достаточно подробно осветить участие 14-го полка в данной компании. Наша же задача состоит в освещении главных вех его боевого пути. Полк был сформирован в 1806 году. В канун вторжения Наполеона в пределы России располагался в Виленской губернии и входил в состав корпуса Витгенштейна. С началом военных действий входил в состав отряда генерала Кульнева. На долю ямбурцев выпала самая видная роль в преследовании французов в ходе Клястицкого сражения (18-20 июля 1812 года) под Полоцком. В донесении о нем Витгенштейна императору Александру I есть строки, относящиеся к 14-му полку: «Французы спаслись только помощью лесистых мест и переправ через маленькие речки, на которых истребляли мосты... Все селения и поля покрыты трупами неприятельскими. В плен взято до 900 человек и 12 офицеров. Пороховые ящики, казенный и партикулярный обоз, в числе которого генеральские экипажи, остались в руках победителей». Примечательно, что в деле при Клястицах в полку не было убито ни одного человека, ранены же были: один офицер и 13 нижних чинов. Ямбуржцы прикрывали отход отряда генерала Кульнева близ Сивошино и были свидетелями его от ядра, оторвавшего ему обе ноги.

Донося императору Александру I об офицерах полка, отличившихся под Полоцком, Витгенштейн писал: «Конвойной команды Ямбургского драгунского полка поручик Жуковский и прапорщик Афросимов во время сражения, находясь при мне, были в посылках с разными приказаниями под ружейными и картечными выстрелами, отдавали их с самой точностью и с большой поспешностью». Император наградил обоих орденом Св. Анны 3-й степени. При штурме Полоцка конвой при Витгенштейне был увеличен до двух эскадронов ямбуржцев, что свидетельствовало об их высокой боевой вырубке. В ходе сражения была ситуация, когда французы имели возможность пленить генерала, но ямбуржцы моментально «сгучились вокруг любимого корпусного командира, и стремясь прикрыть его, в течение нескольких минут отчаянно рубились с французскими кавалеристами, пока не пришли к ним на выручку два эскадрона гродненских гусар, с помощью которых нападавших сшибли сразу».

В сабельной сечи вокруг графа Витгенштейна было ранено 18 ямбуржцев, а при штурме города были убиты рядовые Тимофеев, Ипатов и Артемьев. За дело при Полоцке Столыпин был произведен в полковники, Буткевич, Семенов, Тулубьев, Чувилев, Жуковский получили ордена; Лютер, Чаплыгин, Шульц, Киркор, Розен, Винокуров и Беляев были повышены в офицерском звании. Участие Ямбургского полка в боях 6–7 октября 1812 года дает все основания считать город Полоцк, наравне с Клясцицами, в ряду самых ярких страниц его боевой жизни. В ходе преследования отступающего неприятеля драгуны сражались под Лепелем, при Чашниках, за речкой Лукомлей, под Бешенковичами, близ деревни Фольковичи, а также в преследовании французов за Двину.

Решающую роль сыграл 14-й полк при овладении Витебском. Боевыми трофеями в этой победе стали орудия с боеприпасами и всеми лошадьми, большой обоз и до 400 человек пленных, среди которых находились: генерал Пуже, комендант Витебска полковник Шевардо и еще один полковник, а также комендант Бешенкович капитан Дешарм, восемь обер-офицеров и семь жандармов. До 600 французов легло на месте убитыми и ранеными. В полку же выбыли из строя: прапорщик Назаров, унтер-офицеры Петров и Плотников, рядовые Говорухин и Чалый; ранено 10 рядовых. Победа, достигнутая при пятикратном преобладании противника в людях и снаряжении, стала возможной благодаря высокому духу полка и тому примеру, который показывали нижним чинам отцы-командиры. По оценке В.В. Крестовского, «дело 26 октября под Витебском стало самым блистательным подвигом полка в войну 12-го года». Командир полка Н.А. Столыпин, как главный герой дела, был представлен Витгенштейном к ордену Св. Георгия 4-й степени, но император Александр I собственноручно изменил степень награды на более высокую и пожаловал ему Георгия 3-й степени. О всех награжденных за взятие Витебска офицерах полка Витгенштейн докладывал: «при атаке, находясь впереди и мужественно стремясь на поражение неприятельское, ободрили таковым храбрым поступком нижних чинов и – неприятельскую пехоту, презирая ее огонь, опрокинули». Все они также были награждены. Из нижних чинов удостоились знаков отличия следующие лица: вахмистр Данильченко, о котором «за взятие в плен бригадного генерала Пуже и вообще в награждение усердной службы его», Столыпин содействовал о производстве в офицерский чин, что и было впоследствии исполнено.

Части и соединения гарнизона внесли свой посильный вклад в проведение юбилейных мероприятий, посвященных 100-летию победы в войне. Все они посылали свои предложения по увековечению подвигов участников войны.

1. Военная энциклопедия. – Спб.: Изд-во Сатина, 1915. – С. 369.
2. История 101-го пехотного Пермского полка. 1788–1897 / составил М.Н. Вахрушев (штабс-капитан 101-го пехотного Пермского полка). – Спб: Тип. Е.А. Евдокимова, 1897. – 239 с.
3. Дубинин, Р.И. История 103-го пехотного Петрозаводского полка (1803–1903). / Р.И. Дубинин. – Спб., 1903. – 276 с.; Лапшов, С. Наш славный полк / С. Лапшов // Карелия. – 2003. – № 163. – С. 3.
4. Краткая история батарей 26-й артиллерийской бригады. 1806–1913 год : составлена к 4-му ноября 1913 г.; ко дню открытия памятника, в увековечения славы чинов ее, павших на поле брани за Веру, Царя, Отечество в течении шести кампаний 1806–1905 гг. / составил 26-й артиллерийской бригады штабс-капитан О.В. Пожарский. – Гродно, 1913 г. – 36 с.
5. Электронный архив «Мемориал Отечественной войны 1812 года». – Режим доступа: <http://www.memorandum.ru/>.
6. История 14-го уланского Ямбургского Его Императорского Величества Великой Княжны Марии Александровны полка / составлена поручиком В.В. Крестовским 1-ым. – Спб: тип. М.О. Эттингера, 1873. – 819 с.
7. Смирнов, А.А. О чем говорят обелиски (к перспективам мемориализации Бородинского поля) / А.А. Смирнов // Отечественная история 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. – Бородино, 1995. – С. 107.

С.И. Поляков
ВОЙНА 1812 ГОДА В ИСТОРИИ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ

12 июня 1812 года почти 600-тысячная Великая армия Наполеона форсировала Неман и вторглась в пределы Российской империи. 1-я Западная армия под командованием Барклая де Толли 29 июня сосредоточилась в Дриссенском военном лагере. Уяснив невозможность соединения с армией Багратиона у Дриссы и уязвимость позиций русских войск в случае ведения боя в лагере, Барклай отводит свою армию через Полоцк на Витебск. 18 июля перед отъездом из своей ставки под Полоцком Александр I подписывает два обращения: к русскому народу и городу Москве.

Покорение Москвы Наполеон возложил на себя, а захват Петербурга поручил маршалам Удино и Макдональду. Войскам обоих маршалов противостоял корпус П.Х.Витгенштейна. Удино был настолько уверен в успехе, что сказал Наполеону: «Ваше Величество, мне очень совестно, что я прежде Вас буду в Петербурге» [3, с. 404]. Но Петербург так и остался лишь мечтой Удино. Уже 18-20 июля – в боях у Клястиц он потерпел ошутимое поражение. В этих боях был смертельно ранен знаменитый последователь А.В.Суворова – генерал-майор Яков Петрович Кульнев. В 25 километрах от Полоцка, по дороге на Себеж, на месте гибели легендарного генерала в 1830 году установлен памятник. Немногие знают, что в боях под Полоцком прославился и родной брат Якова Петровича – генерал-майор Иван Петрович Кульнев, доблесть которого в сражении 6-8 октября была отмечена орденом св.Владимира 3 степени.

Воодушевленный первыми успехами Витгенштейн начал преследование противника и 5 августа атаковал его у стен Полоцка. После 14-часового сражения неприятель вынужден был укрыться за городскими стенами, очистив весь занимаемый им правый берег реки Полота и мызу Спас, в которой расположилась главная квартира Витгенштейна.

6 августа бой разгорелся вновь. К этому времени войска неприятеля пополнились резервами в составе двух дивизий Баварского корпуса под командованием Гувииона Сен-Сира, который после ранения Удино возглавил силы оборонявшихся. Впервые в ходе войны противоборствующие стороны использовали на угрожаемых направлениях массирование артиллерии и кавалерии. Историки и сегодня ведут споры об итогах сражения. Наиболее справедливым является утверждение о том, что победителей не было: и Сен-Сир, и Витгенштейн не имели сил и средств для дальнейшего наступления. По оценке баварцев, составлявших основу 6-ого корпуса Г.Сен-Сира, за два дня сражения корпус Витгенштейна потерял убитыми и ранеными 10 тысяч человек. Свои потери баварцы оценивали в 6000 человек. В ходе этого сражения в районе Спасского монастыря был ранен маршал Удино и погиб командир дивизии баварцев генерал Деруа, пользовавшийся большим авторитетом у Наполеона. В память о погибших в России баварцах (а их немалая часть погибла в боях августа-октября 1812 года под Полоцком) в 1833 году на Каролиненплац Мюнхена по проекту архитектора Лео фон Кленце был воздвигнут 29-метровый чугунный обелиск.

Известный полоцкий краевед Иван Петрович Дейнис писал о том, что погибших воинов корпуса Витгенштейна хоронили в братских могилах, для которых использовали рвы военных укреплений, располагавшиеся по берегам Полоты. На схеме подготовленной И.П.Дейнисом и опубликованной в книге «Полацкае Радаванне» показаны братские могилы 1812 года. В 20-е годы прошлого века на месте фольварка Спас шло активное строительство военного городка им.М.В. Фрунзе, а

на левом берегу Полоты, у урочища Пески, возводили летний лагерь для 15-ого стрелкового полка 5 стрелковой Витебской Краснознаменной им. Чехословацкого пролетариата дивизии. На волне борьбы с проявлениями самодержавия, о братских могилах 1812 года просто забыли и не сочли необходимым принимать меры к их сохранению. Ныне предполагается в состав планируемого к строительству мемориального комплекса «Урочище Пески» (место массового захоронения советских военнопленных и мирных жителей периода 1941–1944гг.) включить стелу в память о погибших здесь в 1812 году русских воинах.

Августовское сражение широко известно благодаря многочисленным научным исследованиям, среди которых можно назвать недавнюю интересную работу российского историка Андрея Ивановича Попова «Первое Полоцкое сражение». Не обошли своим вниманием первое сражение и живописцы. В Версальском дворце экспонируется картина известного французского исторического живописца и баталиста Эмиля Верне «Сен-Сир на бивуаке при Полоцком сражении 18 августа».

В другом всемирно известном музее – Баварской королевской резиденции (второй батальный зал) экспонируется картина баварского художника Вильгельма Кобэлла «Сражение при Полоцке 18 августа 1812 года».

Не удалось выяснить судьбу картины «Сражение за Полоцк 18 августа 1812 года», автором которой является полковник французской армии и художник Жан-Шарль Ланглуа – один из основоположников панорамного жанра. Не участвуя лично в походе Наполеона в Россию, Ланглуа в 1824г. выставил в парижском салоне картину «Взятие большого редута при Бородине», а в 1827 г. и вторую: "Переход через Березину". В начале тридцатых годов художник путешествовал по России, собирая материал для задуманных им грандиозных панорам «Бородинская битва» и «Пожар Москвы» [1, с. 480]. Видимо, в это время Ланглуа посетил и Полоцк. Копия картины хранится в музее-панораме «Бородинская битва», а местонахождение оригинала пока остается под вопросом.

Витгенштейн, сделав вывод о неспособности врага двигаться к Санкт-Петербургу, расположил свои войска в 28 верстах от Полоцка, у Сивошино. Главная квартира графа разместилась в мызе Соколице (ныне Соколище), а авангард русских войск занял Белое (ныне Азино).

До начала октября значительных боевых действий противоборствующие стороны под Полоцком не вели, но готовились к ним, и поэтому большое значение приобретала разведывательная информация, в сборе которой принимали участие и местные жители. Полоцкий полицмейстер Сазонов в одном из своих донесений писал: «...во время войны проявил геройство гражданин города Полоцка Иван Тимофеев с женою, доставляя сведения о состоянии французской армии главнокомандующему графу Витгенштейну, за что Тимофеев и его жена награждены серебряными медалями на анненских лентах. Чтобы не вызвать подозрений со стороны военнслужащих наполеоновской армии в качестве посыльных Иван Тимофеев использовал жену с восьмилетней дочерью, которые в своей одежде проносили ценные бумаги через аванпосты, а сопровождала их на труднопроходимом 17-вёрстном пути через леса и болота «нанятая работница крестьянка Федора Власова (уроженка д.Погирищина – С.П.)...» [5, с. 28–29].

Большую помощь русской армии оказывали старoverы-беспоповцы филипповского толка из деревни Жарцы, находившейся в 16 км на север от Полоцка и принадлежавшей отставному майору Августу Гласко, поступившему волонтером в корпус П. Х. Витгенштейна [2, с. 17–18].

Для продолжения активных действий корпус Витгенштейна нуждался в усилении, которое по решению императора Александра I должно было состоять

из: части регулярных войск Финляндского корпуса, Санкт-Петербургского и Новгородского народного ополчения. Ополченцы, составившие два отряда, выступили из столицы 3-ого и 5-ого сентября. Ко 2 октября первый отряд ополчения прибыл в Сивошино, а второй к 3 сентября в Юровичи. Не перечисляя многих известных имен ополченцев, скажу, что в составе второго отряда к Полоцку шел священник Петр Песоцкий, состоявший при ополчении благочинным. После освобождения Полоцка он был оставлен в городе при больнице для совершения христианских треб для раненых и больных. После возвращения в Санкт-Петербург за свой труд и подвиги Песоцкий получил протоирейский сан и был награжден золотым наперстным крестом. Петр Песоцкий в 1837 году дважды причащал А.С.Пушкина перед смертью [3, с. 430].

4 октября русские войска двинулись из Сивошино к Белому, где в Белой церкви (на ее месте ныне расположена школа в Азино) состоялся военный совет о штурме Полоцка.

6 октября Витгенштейн решился начать штурм. Наступление началось недалеко от Юровичей действиями русских передовых постов. Боевые действия продолжались до глубокой ночи. Русские войска овладели прилегающей к городу местностью между озером Волово и Спасским монастырем.

7 октября с утра Витгенштейн ничего не предпринимал, ожидая известий от командира Финляндского корпуса генерал-лейтенанта Фаддея Федоровича Штейгеля, двигавшегося со своими войсками к Полоцку по левому берегу З.Двины. Интересно, что в составе Петербургского ополчения героически воевал однофамилец видного генерала подполковник Владимир Иванович Штейнгель, позднее примкнувший к декабристам (осужден на 20 лет каторги, отбывал наказание на Нерчинских рудниках).

Вечером, получив известие о том, что Финляндский корпус опрокинул неприятеля у местечка Болония (ныне совхоз Банонь), русские войска начали атаку и вынудили французов укрыться за городскими укреплениями. Большую часть ночи противник производил сильный ружейный и артиллерийских обстрел русских войск, прикрывая им отход своих частей на левый берег Двины.

В 2 часа ночи, после обстрела города калеными ядрами, русские войска начали штурм города и к 8 часам освободили его полностью. О драматических событиях штурма рассказывает картина Петера Хесса «Сражение при Полоцке 7 октября 1812 года». В 1839 году по приглашению императора Николая I художник посетил Россию, где получил заказ написать для Зимнего дворца цикл картин о важнейших сражениях 1812 года. Вместе со знатоком униформы генералом Л.И. Килем совершил поездку по местам сражений 1812 года, сделал множество зарисовок (хранятся в Мюнхене). Был свидетелем юбилейных торжеств 1839 г. на Бородинском поле. В 1840–1857 гг. он создал 12 полотен, из которых сохранились 10. Из «Русского дневника» сына художника Эугена Хесса, изданного в России в 2007 году, стали известны любопытные факты пребывания Петера Гесса в Клястицах и Полоцке. Автор дневника сообщает, что в поездке с отцом, помимо генерала Килея, его сопровождал полковник Генерального штаба Григорий Кузьмич Яковлев [6, с. 6], которому полочане обязаны тем, что памятник в честь событий 1812 года в Полоцке появился именно на площади у Николаевского собора. Это место, выполняя поручение Николая I, выбрал в 1836 году тогда еще подполковник Г.К. Яковлев.

Полоцк принадлежал к наиболее пострадавшим от военного лихолетья белорусским городам. Большинство зданий города было сожжено, разрушено или повреждено. Полоцкий полицмейстер доносил гражданскому губернатору: «Что

не было уничтожено огнем, то разобрано на разные воинские нужды». А Владимир Иванович Штейгель представляет читателю такую картину: «Какое зрелище представилось взорам победителей! Некоторые сгоревшие дома еще дымились, другие были разорены или опустошены, крыши прострелены ядрами, окна большей частью выбиты, храмы опустошены, а некоторые сделаны магазинами (складами – мое) или стойлами. По чрезвычайно грязным улицам и в самих домах валялись обезображенные человеческие трупы, всюду кровь и смрад нестерпимый. Если бы сам ад гнезвился бы здесь со всеми своими нечистотами, то следы одного по изгнанию злых духов не могли бы быть отвратительнее и ужаснее. На бледных лицах жителей всякого рода и возраста появившаяся живая радость, казалось, еще боролась с недавним ужасом и стенанием» [2, с. 29–30].

9 октября в католическом костеле состоялось богослужение в честь победы в сражении, а 10 октября на площади перед собором в присутствии всех войск проведена панихида по погибшим.

Во время нахождения в Полоцке, в октябре, штаб Витгенштейна занимал здания иезуитского коллегиума, в которых с 1835 года расположился Полоцкий кадетский корпус – военно-учебное заведение, история которого тесно связана с войной 1812 года. Традиции полоцких кадет формировали у них особое отношение к событиям 1812 года. И не случайно многие из них, повзрослев, не утратили интерес к героическому прошлому, пронеся его через всю свою жизнь. Так, в подготовке фундаментального семитомного издания «Отечественная война 1812 года и русское общество» принимали участие бывшие полоцкие кадеты Александр Николаевич Апухтин (автор статьи «Березинская операция») и Василий Иванович Семевский, подготовивший раздел «Волнения крестьян в 1812 году и связанные с Отечественной войной».

Основателем, и многие годы редактором, знаменитого журнала «Русская старина» был еще один представитель династии Семевских и бывший полоцкий кадет – Михаил Иванович. Все, кто знаком с журналом, знают, как много места в нем уделялось событиям 1812 года.

Российским военным историком Николаем Федоровичем Дубровиным (выпускник Полоцкого кадетского корпуса 1853 года) была подготовлена монография «Отечественная война в письмах современников» и обширное исследование «Русская жизнь в начале XIX века».

В Российской Национальной библиотеке хранятся многочисленные материалы по войне 1812 года, собранные еще одним выпускником Полоцкого кадетского корпуса (1856) – Ростковским Феликсом Яковлевичем (впоследствии генерал от инфантерии и главный интендант военного министерства) к ее 100-летию (картинка).

Таков далеко не полный перечень фактов, свидетельствующий о значимости событий 1812 года на Полоцкой земле, располагающей достаточным количеством объектов достойных внимания всех, кого интересует история России и Белоруссии.

1. Военная энциклопедия / под редакцией В.Ф. Новицкого [и др.]. – СПб.: Товарищество И.В. Сытина, 1911–1915. – Т. 14.
2. Ерошевич, А.В. Полоцк во время войны 1812 года / А.В. Ерошевич. – Полоцк: Полоцкое книжное издательство, 2010.
3. Санкт-Петербургское ополчение. 1812–1814гг. //Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. – 1857. – № 496.
4. Сражения при Полоцке 1812 год. – Полоцк: Полоцкое книжное издательство, 2010.
5. У 1812 г. і пасля (па матэрыялах ЦДГА) // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1974. – № 3.
6. Хесс, Эуген. Русский дневник / Эуген Хесс. – СПб.: Аxioma, 2007.

Міхась Баўтовіч
ГЕНЕРАЛ КУЛЬНЁЎ. ТВАРЭННЕ МІФУ

На першы погляд простая біяграфія кадравага расейскага вайскоўца. Пятнаццаць гадоў навучання ў Санкт-Пецярбургскім імператарскім сухапутным кадэцкім корпусе. Потым больш за чвэрць стагоддзя ўдзелу ў розных войнах, чынімых Расейскай імперыяй: паходы, бітвы, зноў паходы і зноў бітвы. Урэшце смерць на поле бою. Аднак, без увагі на мноства прысвечаных генэралу Я.П. Кульнёву артыкулаў і працаў, і праз 200 гадоў пасля гібелі застаўся неразвязаным шэраг пытанняў, што да біяграфіі героя. Насамперш тычыцца гэта ключавых момантаў у жыцці героя: нараджэння і смерці.

Нараджэнне. Дагэтуль маюцца сур’ёзныя праблемы з вызначэннем месца нараджэння Якава. Першыя паведамленні аб генэрале канцэнтравалі ўвагу на ягонай вайсковай дзейнасці. Гэтак у 1813 годзе часопіс “Сын отечества” ў невялікім артыкуле, пры згадцы аб нараджэнні, невыразна адзначыў, што Кульнёў “*нарадзіўся ў высакароднай сям’і ў Пскоўскай губэрні*” [1, с. 131], амаль тое ж самае праз 10 гадоў паўтарыў С.І. Ушакоў у выданні “*Деяния российских полководцев и генералов ...*” [2, с. 117]. Але набрала ўжо моцы і версія, угрунтаваная на творы не даследчыка, але паэта Васіля Жукоўскага. Выкладзеная яна ў оде “*Певец во стане русских воинов*”, што спачатку распаўсюджвалася вайсковым кіраўніцтвам у агітацыйных мэтах праз улёткі, а першае афіцыйнае выданне з’явілася пры канцы 1812 году ў “*Вестнике Европы*” [3, с. 185]. Вызначэнне кароткае і ёмістае:

*Где жизнь судьба ему дала,
Там брань его сразила;
Где колыбель его была,
Там днесь его могила.*

Ніжэй паэт дадаў тлумачэнне, у якім ня казаў сцвярдзальна пра месца нараджэння: “*Кульнёў забіты ў 30 вярстах ад мястэчка Люцына, дзе жыла ягоная маці і дзе ён правёў сваё дзяцінства.*” Але паданне ўжо жыло сваім уласным жыццём. І сёння часцяком можна сустрэць творы аўтараў, якія пашыраюць гэтую версію [4, с. 168]. Праз тры дзесятка гадоў у сваім апісанні Ваеннай галерэі Зімовага палацу ў Санкт-Пецярбургу ваенны гісторык генэрал А.І. Міхайлоўскі-Данілеўскі без спасылкі на нейкія дакуманты сцвердзіў, што Якаў “*нарадзіўся 22 ліпеня 1763 годзе ў Люцыне, уезным горадзе Віцебскай губэрні*” [5, с. 1]. Магчыма гэтаму паспрыяла ранейшая згадка С.І. Ушаковым пра тое, што Якаў Пятровіч часам сціпла зваў сябе “*Люцынскім Дон-Кіхотам*” [2, с. 157]. Так або інакш, але гэтая тэза заставала між ваенных гісторыкаў [6]. І цяпер яна сталася паноўнай. Зрэдку разглядалася версія, аб нараджэнні будучага генэрала ў радавым маёнтку Кульнёвых Болдырава Казельскага ўезду Калужскае губэрні. Да такое думкі падштурхоўваў і Сінодзік Опцінай пустыні, што згадваў героя [7, с. 282]. Але сам Якаў у лісце 1805 г. да брата Івана пісаў адно “*Пасля з’еду ў агульную нашу вёсачку Болдырава*”, што не давала падставаў для сцверджання [8, с. 60].

Вось тут варта адзначыць, што найчасцей згаданыя мясціны Люцын (цяпер Лудза, Латвія) або Сівошына ля Полацка*) ня могуць усур’ёз разглядацца як месцы нараджэння будучага генэрала з аднае простае прычыны. ... У 1763 годзе калі нарадзіўся Якаў гэтыя мясціны ўваходзілі ў склад Інфлянцкага і Полацкага ваяводстваў Рэчы Паспалітай адпаведна. У 1763 годзе ніякіх расейскіх войскаў у Рэчы Паспалітай не было. Апошнія вайсковыя часткі, што выводзіліся з Прусіі ў Расею пасля сканчэння Сямігадовай вайны (1756–1762) прайшлі праз Полацк у лістападзе 1762 году [9, с. 345]. А Цвярскі драгунскі полк, дзе служыў бацька

Якава Пётар Васілевіч, быў выведзены яшчэ раней, бо камандзір гэтага палка А.В. Сувораў атрымаў новае прызначэнне 26 жніўня 1762 году. Дзе ж тады магло нарадзіцца дзіцё. Барон Румель, падаючы радавод Кульнёвых, адзначае, што старэйшы на год Іван [10, л. 1] нарадзіўся ў Бранску [11, с. 631]. Выглядае на тое, што гэты горад мае больш падставаў лічыцца месцам нараджэння Якава, чым усе вышэй згаданыя. Але непадобна, каб і праз дзвесці гадоў нехта здолеў наблізіцца, дзеля выпраўлення, да ўжо пакрытай алеем карціны жыцця героя.

Дзяцінства. Апрача таго, што Люцын ня можна лічыць месцам нараджэння Якава, але і сцверджанні пра гады дзяцінства ў гэтым невялікім мястэчку, якія сустракаем у В.Жукоўскага і Д.Давыдава, могуць быць прынятыя толькі з пэўнымі тлумачэннямі. Іван і Якаў яшчэ ў 1770 годзе былі аддадзеныя бацькам у Імпэратарскі сухапутны шляхетны кадэцкі корпус у Санкт-Пецярбургу, то бок да першага падзелу Рэчы Паспалітай (1772г.) і прызначэння ў 1773 годзе Пятра Васілевіча камісарам у Полацкаю губэрню**), а пазней Люцынскім гараднічым. Як і іншыя кадэты яны маглі прыезджаць да бацькоў толькі на вакацыі. Зразумела гэта ня ставіць пад сумнеў піетэту хлопцаў да адзінага сталага месца жыхарства сям’і былога вайскоўца, бо цягам 10 гадоў летні час бавілі яны тут.

Служба. Пасля сканчэння кадэцкага корпуса Кульнёў шмат гадоў служыў у розных расейскіх вайсковых частках: Чарнігаўскі пяхотны полк (1785), Санктпецярбургскі драгунскі полк (1785–1794), Пераяслаўскі конна-егерскі полк (1794–1797), Сумскі гусарскі полк (1797–1806), Гродзенскі гусарскі полк (1806–1812). Вайсковая служба Кульнёву была да спадобы, інакш не пачулі б сведкі з ягоных вуснаў надта парадаксальнае фразы *"Люблю матушку Россию за то, что у нас всегда хоть в одном углу да дерутся"*. Біёграфы часцяком адзначаюць гуманізм кадравага вайскоўца ў часе швэдскае вайны, але надта сцісла апісваюць ягоны ўдзел у падаўленні паўстання пад часам Тадэвуша Касцюшкі. Але ж пазбягаць гэтага нельга, бо Кульнёў адным з першых уварваўся ў варшаўскае прадмесце Прагу, за што атрымаў чын маёра. На чале абаронцаў былі генэралы Якуб Ясінскі і Тадэвуш Корсак з Данева, што ля Ветрына. Іхнюю адвагу згадваў Адам Міцкевіч у першай кнізе паэмы *"Пан Тадэвуш"* у гэтых словах:

*Далей Ясінскі, юны прыгажун схмурнелы,
А поруч Корсак, сябра неадступны, смелы*

Сякуць на шанцах Прагі маскалёў заўзята [12, с. 309].

Пасля захопу Прагі 4 лістапада 1794 году былі пасечаныя ня толькі абаронцы і два згаданыя генэралы, але па падліках навукоўцаў да дваццаці тысячаў цывільных грамадзянаў. А.В. Сувораў паведамляючы пра захоп горада пісаў: *"Жудаснае было разліццё крыві, вуліцы на кожным кроку пакрытыя забітымі. Усе пляцы заваленыя целамі. ... У Празе на вуліцах і плошчах кроў цякла ручаямі"*. Паўстае пытанне пра ступень адказнасці камандзіра перадавога аддзелу расейскае арміі за рэпрэсіі безабаронных грамадзянаў. Здаецца маюцца падставы для сур’эзнае развагі.

Апошні бой. Урэшце пачатак напалеонаўскае кампаніі 1812г. і апошні бой генэрал-маёра. Ужо ў апісанні боя над Дрысай 20 ліпеня маюцца супярэчнасці. Паводле першага апісання *"Генерал Кульнёў перайшоў праз Дрысу дзеля пагоні за ім (корпусам Удзіна). Вораг, злучыўшыся з новымі карпусамі, спыніўся, і з прычыны вялікае перавагі ў сіле, прымушае расейскую пяхоту пераправіцца зноў праз раку. Адважны Кульнёў з Гродзенскім гусарскім палком моцна стаіць супраць французаў, якія імкнуць усімі сіламі на расейскі авангард, наказвае цуды адвагі, пераахаджае ім перабрацца праз раку."* [1, с.135]. Камандзір жа французскага 23-га егерскага палка палкоўнік Марцэлен дэ Марбо падае іншую версію: *"Надыйшла ноч, калі заставы, якія паставілі назіраць за Дрысай, паведамлілі, што вораг перабіраецца праз раку. ...*

Восем расейскіх батальёнаў з батарэяй з 14 гарматаў паставілі лагер на нашым баку ракі, у той час калі астатняя частка арміі засталася на другім баку, без сумневу рыхтуючыся наступнага дня напасці на нас. Гэтай авангарднай групай кіраваў Кульнёў” [13, с. 90]. Тактычную памылку Кульнёва Марбо прыпісвае ўздзеянню гарэлкі, аматарам якой паводле аўтара мэмуараў быў Якаў Пятровіч. Расейскія даследчыкі катэгарычна не даюць веры словам французскага афіцэра. Аднак, што да гарэлкі, дык фінскі паэт Ёган Людвік Рунэберг, словамі з паэмы “Аповяды прапаршчыка Штоля” не дазваляе пакінуць па-за ўвагай словы Марбо:

*Вот впрямь умел всем братом быть,
И умереть, и славно жить:
Он первый – сечь, колоть, рубить
И первый – лихо пить!*

На вайсковай радзе генэрал Легран прапанаваў скарыстаць памылку Кульнёва і зранку 20 ліпеня ўдарыць па расейскім лагеры. Гэткім чынам паводле Марбо не Кульнёў са сваімі 8 батальёнамі нападаў на французскі ар’ергард, але французскія ўдарныя часткі спланаваным ударам ачышчалі левабярэжжа Дрысы ад расейскіх вайскоўцаў. Ускосна версію Марбо пацвярджае ў сваіх успамінах прапаршчык Пермскага пяхотнага палка Дружынін, апавядаючы пра адшуканне пасля адыходу французцаў да Полацка распранутага цела генэрала [14, с. 208–213], прычынай гэтага мог быць нечаканы напад французцаў на досвітку. Гэтае паведамленне расейскімі біёграфамі не аналізуецца, бо паводле склаўшага канцэпцыі герой мусіць актыўным, стойкім і пажадана заўсёды перамагаць. Гэткім чынам біяграфія адважнага вайскоўца паступава набірае агіяграфічных рысаў.

Смерць. Абставіны смерці генэрала расейскія гісторыкі згодна падаюць паводле рапарта ад 21.07.1812г. камандуючага першым асобным корпусам генэрала П.Х.Вітгенштэйна: “*На нашым баку страты таксама не малыя, асабліва са смерцю адважнага генэрала-маёра Кульнёва, якому ўчора ядром адарвала абедзве нагі і ён на месцы памёр*” [15, с. 166–169]. З часам сціслае паведамленне абрастала новымі падрабязнасцямі. Кульнёў пасля няўдалае атакі прыкрываў адыход войскаў, злез з каня, падыйшоў да батарэі і тут французскім ядром яму адарвала абедзве нагі. Вайсковец і паэт, але ня сведка падзеяў, Д. Давыдаў уклаў у ягонны вусны перадсмяротную прамову. Цяжка паранены генэрал здымае з сябе Георгіеўскі крыж і кажа падначаленым, што абступілі яго: “*Забярыце! Хай вораг, калі знойдзе маё цела, прыме яго за цела простага шараговага жаўнера і не ганарыцца, што забіў расейскага генэрала*” [8, 119]. Іншыя дадаюць яшчэ і прапагандовы заклік: “*Сябры! Ратуйце нашу Айчыну! Не саступайце ані кроку радзімай зямлі! Перамога чакае вас!*” [16, с.121].

Барон дэ Марбо па-іншаму падае абставіны смерці генэрала, сцвярджаючы, што бачыў усё на ўласныя вочы. Французская атака застала расейскіх жаўнераў знянацку і “*Генэрал Кульнёў, ледзьве прачнуўшыся, далучыўся да групы з 2000 чалавек, з якіх толькі адна траціна мела мушкеты. Механічна рухаючыся з гэтым натоўпам ён дасягнуў броду. ... Элітная рота, раззлаваная смерцю свайго капітана (М.Курто), з ярасцю наскочыла на расейцаў і большасць з іх знішчыла. Генэрал Кульнёў, хістаючыся на кані з прычыны нецвярозасці, напад на сяржанта Ляжандра, але той праткнуў яго шабляй у горла і генэрал зваліўся мёртвым да ягоных ног. Спандар дэ Сэжур у сваім расповядзе аб походзе 1812 году***), укладае ў вусны перадсмяротную прамову на узор герояў Гамэра. Я быў на адлегласці некалькіх крокаў ад сяржанта Ляжандра, калі той уваткнуў сваю шаблю ў горла Кульнёву, і магу сведчыць, што расейскі генэрал зваліўся не прамовіўшы ні слова” [13, с. 96–97]. Цяжка вызначыць чья версія болей адпавядае рэчаіснасці.*

Падобна, кропку ў гэтай спрэчцы магла б паставіць эксгумацыя рэштак расейскага вайскоўца, што ад 1832г. захоўваюцца ў Ільзэнбергу (цяпер Ілзэскалнс, Латвія) у царкве абраза Маці Божай “Усіх засмучаных радасць”. Важна іншае, і тут варта пагадзіцца з Марцэленам дэ Марбо, ці то з адарванымі нагамі, ці то з шабляй у горле адважны генэрал ня здольны быў на прыпісанья яму палкія прамовы. Як і цяжка ўявіць, што ў мітусні агульнага адступлення вакол паміраючага сабраліся ўдзячныя слухачы. Варта адзначыць, што гэтыя пазнейшыя фантазіі біёграфуў, а насамперш Д.Давыдава, спрычыніліся да стварэння не ўгрунтаваных на фактах ўяўленняў.

Што стаўленне да асобы Кульнёва, як і пісанне біяграфіі генэрал-маёра з цягам часу пачало рабіцца ў некрытычны спосаб і набыло форму жыццяпісу святога сведчыць і наяўнасць ля труны ў Кульнеўскай царкве ў Ільзэнбергу ядра, якое нібыта забіла вайскоўца [17]. Гэта надта нагадвае атрыбуты пакутаў, што часта захоўваюцца ў храмах ля мошчаў святых пакутнікаў. Але, калі верыць успамінам саміх расейскіх вайскоўцаў, адыход быў нагэтулькі сьпешным, што ў часе яго згублена было цела генэрала. Адшукалі яго толькі на наступны дзень пасля вяртання на былыя пазыцыі. Цяжка ўявіць, каб нехта невядомы бег у гэты час праз Дрысу з семяфутавым ядром у кішэні, і потым (не пры помніку Кульнёву ля Сівошына) праз 20 гадоў таёмна выклаў яго ля труны ў новазбудаваным храме ў Ільзэнбергу.

Гэткім чынам прапанаваны сёння абраз Якава Кульнёва, маляваны пэндзлямі шматлікіх творцаў, ня шмат мае агульнага з сапраўднай карцінай жыцця і смерці расейскага афіцэра часоў Напалеонаўскае інвазіі.

*) дзе паводле паэтычнае фантазіі В. Жукоўскага нарадзіўся і дзе загінуў Кульнёў.

**) так у тэкстах, хаця загад Кацярыны II аб утварэнні Полацкай губэрні датаваны 24.VIII.1776г.

***) маецца на ўвазе выданне Philippe Paul Ségur. Histoire de Napoléon et de la grande-armée pendant l'année 1812, T.1, Bruxelles, 1825, s.175. Аўтар у гэтым выпадку скарыстаў расейскія крыніцы.

1. Краткое известие о жизни и подвигах генерала-майора Кульнева // Сын отечества. – Ч. IX. – 1813.
2. Ушаков, С.И. Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну 1812, 1813, 1814 и 1815 годов. / С.И. Ушаков. – СПб., 1822. – Ч. 4.
3. Жуковский, В. Певец в стане русских воинов / В. Жуковский // Вестник Европы. – 1812. – № 23, 24.
4. Пиккуль, В.С. Жизнь генерала-рыцаря / В.С. Пиккуль // Кровь, слезы и лавры. – Л., 1988.
5. Михайловский-Данилевский, А.И. Я.П. Кульнев / А.И. Михайловский-Данилевский // Военная галерея Зимнего дворца. – СПб. 1846. – Т.1.
6. Елец, Ю.Л. Герой Отечественной войны – Кульнев / Ю. Л. Елец. – СПб., 1912.
7. Леонид, Архимандрит. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни / Архимандрит Леонид. – СПб. 1862.
8. Давыдов, Д. Вспоминания о Кульневе в Финляндии / Д. Давыдов // Военные записки – М. 1982.
9. Acta monasterii Polocensis S.Sophiae // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. – Вильно. 1874. – Т.10.
10. Государственный Архив Самарской области. – Ф. 803. – Оп. 3. – Д. 145.
11. Руммель, В.В. Родословие Кульневых / В.В. Руммель // Русская Старина. – СПб., 1887. – Вып. 3.
12. Міцкевіч, А. Пан Тадэвуш або Апошні наезд у Літве / А. Міцкевіч. – Мн. 1998.
13. Marbot, Jean-Baptiste Antoine Marcelin de. Mémoires du général baron de Marbot / J.-B.A.M. de Marbot. – Paris, 1892. – Т.3: Polotsk – La Beresina – Leipzig – Waterloo / J.-B.A.M. de Marbot. – 1892.
14. Дружинин, А. И. Из воспоминаний / А. И. Дружинин // 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. – Вильна. 1904. – Вып. 3.
15. Донесение П.Х. Витгенштейна // Исторический, статистический и географический журнал. – 1812. – Ч. 3. – Кн.2 (август).
16. Цехановский, В.П. История 18 драгунского Клястицкого его Королевского Величества Велико-го Герцога Гессенского полка 1651, 1806–1886 / В.П. Цехановский. – Варшава. 1886.
17. Никифоров, Иван. На торжествах в Кульневе / Иван Никифоров // Слово. – Рига, 1927. – № 585.

С.А. Чаропка
ГЕРОІ СТРАЧАНАЙ АЙЧЫНЫ

Вайна 1812 г. стала надзвычай неадназначнай з’явай айчыннай мінуўшчыны. Беларускія шляхціцы, многія з якіх нарадзіліся яшчэ ў ВКЛ, прагнулі адраджэння Рэчы Паспалітай (РП), неад’емнай часткай якой яны лічылі ВКЛ. Асабліва актуальным гэта пытанне стала пасля ўтварэння французамі Варшаўскага княства на захопленых раней прусакамі і аўстрыйцамі землях РП. У патрыятычна настроеных колах насельніцтва былой Кароны і ВКЛ узнікла надзея на адраджэнне польска-літоўскай дзяржавы, многія беларускія шляхціцы пераяжджалі ў Варшаўскае княства і ўступалі ў польскую армію. У гэтым не было нічога дзіўнага – яны змагаліся за незалежнасць сваёй бацькаўшчыны і сталі яе героямі. Сярод вядомых афіцэраў ВКЛ, якія ўступілі ў армію Варшаўскага княства былі камандзір 8 палка ўланаў палкоўнік Д.І. Радзівіл, камандзір 12 пяхотнага палка Я. Вейсенгоф і іншыя. Многія з іх яшчэ ў 1792 г. абаранялі РП ад расійскіх войск, затым былі ўдзельнікамі паўстання 1794 г. і не маглі паступіць інакш.

Вайна 1812 г. на Беларусі не магла застацца па-за ўвагай даследчыкаў. Асабліва савецкай і расійскай гістарыяграфіі з’яўляецца аднабаковы падыход да адлюстравання вайны 1812 г. на Беларусі. За савецкім часам нешматлікія беларускія даследчыкі звычайна адлюстроўвалі агульнарасійскі падыход, звяртаючы ўвагу пераважна на сацыяльна-эканамічныя аспекты вайны. З набыццём беларускім народам дзяржаўнай незалежнасці, увага айчынных гісторыкаў стала засяроджвацца менавіта на ролі Беларусі і яе жыхароў у вайне 1812 г., у тым ліку і на тэме стварэння арміі ВКЛ [1; 3–9]. Нягледзячы на існуючы задзел у распрацоўцы тэмы яшчэ існуе патэнцыял для яе даследавання, у прыватнасці разгляд персаналій, якія прынялі ўдзел у адраджэнні ВКЛ, фарміраванні ўзброеных сіл Вялікага княства і баявых дзеяннях у 1812 г.

22 чэрвеня Напалеон выдаў адозву аб пачатку “другой польскай вайны”, што не магло пакінуць беларускую шляхту абыякавай [13, с. 14]. 1 ліпеня 1812 года французскі імператар падпісаў дэкрэт аб стварэнні Камісіі часовага ўрада ВКЛ, т.ч. фактычна пачаўся працэс аднаўлення дзяржаўнасці ВКЛ. Камісія часовага ўраду станавілася вышэйшым органам цывільнага кіравання, якая складалася з сямі камітэтаў. Адным з іх быў Ваенны камітэт, які ў ліпені ўзначаліў генерал-маёр С. Грабоўскі.

Стафан Грабоўскі быў ураджэнцам Навагрудскага павета, кадравым афіцэрам арміі ВКЛ, вядомай на Беларусі фігурай. У 1780-х гг. ён скончыў Рыцарскую школу ў Варшаве, і атрымаўшы чын харунжага пачаў службу ў літоўскай арміі. Падчас расійскай інтэрвенцыі 1792 г. ён прыняў актыўны ўдзел у абароне Беларусі, адзначыўся ў баях каля Міра і Берасця. Пасля перамогі Таргавіцкай канфедэрацыі падпалкоўнік С. Грабоўскі далучыўся да падрыхтоўкі паўстання ў Вільні. З пачаткам паўстання пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі, у красавіку 1794 г. атрад С. Грабоўскага адыграў вырашальную ролю ў выцясненні расійскіх войск са сталіцы ВКЛ. Удзельнічаў у баях каля вёсак Сола і Паляны, абароне Вільні. У канцы жніўня 1794 г. ўзначаліў паход інсургентаў на Бабруйск. Такі чалавек не мог застацца абыякавым у 1812 г.

5 ліпеня пачаў фарміравацца 3 Літоўскі полк уланаў, камандзірам якога стаў брыгадны генерал Ян Канопа [11, с. 481]. Малады генерал паходзіў з-пад Слоніма. У 1792 г. ён у званні падпаручніка 2 Украінскай брыгады нарадовай кавалерыі абараняў РП ад расійскай інтэрвенцыі, адзначыўся ў бітве пад Зеленцамі. У званні паручніка знаходзіўся сярод паўстанцаў Т. Касцюшкі, быў паранены ў

бітве пад Мацяёвіцамі. Пасля падаўлення паўстання, накіраваўся ў Францыю, дзе працягнуў вайсковую кар’еру. З 1797 г. Я. Канопка ў званні капітана ваяваў у складзе Польскіх легіёнаў у Італіі, затым, ужо як маёр французскай арміі, удзельнічаў у франка-прускай вайне. За мужнасць у бітве пад Фрыдландам 14 мая 1807 г. паранены Я. Канопка быў узнагароджаны на болі боя ордэнам Пачэснага Легіёна асабіста Напалеонам. У 1807 г. палкоўнік Я. Канопка ўступіў у Прывісленскі легіён і з 1808 па 1811 г. удзельнічаў у французскай інтэрвенцыі ў Іспанію, падчас якой у 1811 г. атрымаў званне брыгаднага генерала. Улічваючы вайсковы шлях Я. Канопкі, цалкам лагічным выглядае яго прызначэнне камандзірам гвардзейскага палка, які рэпрэзентаваў ВКЛ у “Вялікай арміі”.

Асабіста для Напалеона была сфарміравана Пачэсная гвардыя пад камандаваннем Габрыэля Агінскага, якая складалася з 20 маладых прадстаўнікоў найбольш знатных магнацкіх фамілій ВКЛ. Членам гэтай гвардыі стаў брыгадны генерал арміі ВКЛ, ад’ютант пры імператарскім штабе Юзаф Антоні Касакоўскі, ветэран вайны 1792 г. і паўстання 1794 г.

У канцы жніўня, мэтай дапамогі ў арганізацыі арміі, паўстала генеральная інспекцыя арміі ВКЛ. Генерал-інспектарам арміі ВКЛ стаў кадравы афіцэр арміі ВКЛ дывізіённы генерал князь Р. Гедройц. Генерал-інспектарам пяхоты быў прызначаны таксама кадравы афіцэр арміі ВКЛ брыгадны генерал К.Ф. Несялоўскі. Генерал-інспектарам кавалерыі стаў брыгадны генерал Ю. Ваўжэцкі. Прызначэнне гэтых людзей не было выпадковай з’явай. Кожны з іх прайшоў няпросты шлях баявога афіцэра. Ваенная кар’ера Р. Гедрайца пачалася яшчэ ў 1765 г., калі ён пачаў навучанне ў Рыцарскай школе. Падчас вайны 1768-1772 гг. малады афіцэр ваяваў ў войсках барскіх канфедэратаў, пад кіраўніцтвам славутага М.К. Агінскага, удзельнічаў у баях пад Гародняй, Маладзечнам, Бездзежам. За заслугі ў справе абароне Айчыны 22-гадовы князь атрымаў званне маёра, але з паражэннем барскіх канфедэратаў быў вымушаны пакінуць ваенную службу. У 1778 г. ён вярнуўся ў армію, быў прызначаны віцэ-брыгадзірам літоўскіх гусараў. Падчас расійскай інтэрвенцыі 1792 г. Р. Гедройц атрымаў званне генерал-маёра. Абсалютна натуральна, што ў 1794 г. гэты чалавек не мог застацца абьякавым і прыняў актыўны ўдзел у паўстанні. Р. Гедройц стаў адным з лідэраў інсургенцыі ў ВКЛ, з’яўляўся намеснікам Я. Ясінскага, атрымаў вышэйшую ваенную ступень у ВКЛ - званне генерал-лейтэнанта. Пасля падаўлення паўстання ён быў звольнены і вымушаны паккінуць радзіму. Аднак у 1796 г. Р. Гедройц вярнуўся на захопленыя Расіяй землі ВКЛ і паспрабаваў падняць паўстанне ў Жамойці.

Будучы генерал-інспектар пяхоты таксама прайшоў няпросты жыццёвы шлях. К.Ф. Несялоўскі нарадзіўся ў Ляхавічах у 1771 г. Ва ўзросце 21 года ён быў прызначаны палкоўнікам 6 пях. палка арміі ВКЛ, на чале якога ён браў удзел у вайне 1792 г., ваяваў пад Бярэсцем. За мужнасць Ф.К. Несялоўскі быў узнагароджаны ордэнам *Virtuti Militari*. У 1794 г. ён прыняў актыўны ўдзел у паўстанні, абараняў Вільню, атрымаў званне генерал-маёра.

Сучаснікі адзначаюць праявы патрыятызму падчас набору арміі. Як адзначаў чыноўнік падпрэфектуры Н. Кярсноўскі, у Навагрудку “... калі прыйшоў час набору рэкрутаў, здзівіўся і ўзрадаваўся, калі бачыў, што кантаністы прыходзяць самі свабодна, без ніякай варты, пад наглядом аднаго войта ... бо прывык з дзяцінства бачыць, як раней дастаўлялі рэкрутаў. Звычайна на падводзе сядзеў рэкрут у кайданых з двума вартаўнікамі, за ім ішла маці, сяста або жонка з плачам, бо гэта сапраўды расставаліся на 25 гадоў ваеннай службы”. У Лідскім павеце “... набор кантаністах праходзіў вельмі проста. Сяляне сапраўды дабраахвотна прыходзілі і калі іх прымалі хадзілі па гораду і не ўцякалі” [11, с. 521].

У выніку праведзенага набору было сфарміравана амаль 6 пяхотных палкоў. Камандзірам 18 пяхотнага палка стаў кадравы афіцэр кароннага войска А. Хадкевіч. У 1794 г. ён ваяваў пад сцягамі Т. Касцюшкі, затым удзельнічаў у дзейнасці тайных таварыстваў на Украіне. 19 пяхотны полк узначаліў К. Тызенгаўз, на чале 20-га стаў А. Бішпінг, 21-шы ўзначаліў К.Д. Пшэздзецкі, а затым А. Гелгуд. Камандзірам 22 палка стаў ураджэнец Нясвіжа С. Чапскі. Таксама ўтварылі 4 палка ўланаў. 17 уланскі полк узначаліў М. Тышкевіч; 18 – Ю. Ваўжэцкі, пазней К. Пшэздзецкі; 19 – К. Раецкі, а на чале 20 уланскага палка стаў К. Абуховіч [5; 10].

Апрача гэтых падраздзяленняў па 500 кантаністаў з ВКЛ былі прызваны ў 129-ы лінейны і 2-гі ілірыйскі палкі французскай арміі. Таксама 8-ы полк уланаў Варшаўскага княства пад камандаваннем Д. Радзівіла складаўся ў асноўным з выхадцаў з Беларусі і Літвы.

24 жніўня было вырашана ўтварыць 6 стралецкіх батальёнаў [12, с. 170]. Камандзірскі склад стралецкіх фарміраванняў таксама не быў выпадковым. Напрыклад Ю. Касакоўскі, які ўзначаліў 1 стралецкі полк, быў кадравым афіцэрам войска ВКЛ. У 1790 г. ён атрымаў званне ратмістра нарадовай кавалерыі. У адрозненне ад многіх іншых камандзіраў літоўскай арміі 1812 г., Касакоўскі ў 1792 г. быў рашучым праціўнікам Канстытуцыі 3 мая 1791 г., дзейнічаў у лагеры таргавічан, за што зімой 1793 г. атрымаў з рук караля Станіслава Пяноўскага ордэн Белага арла. У маі 1793 г. Касакоўскі ўзначаліў 2 пяхотны полк арміі ВКЛ.

За свой кошт пачаў фарміраванне 21 конна-стралецкага палка І. Манюшка [11, с. 563]. На грошы Р. Тызенгаўза сфарміравалася конна-артылерыйская рота. У Расіенскім павеце пачаў арганізацыю коннага палка Ю. Гедрайц. У Пінскім павеце падобную спробу зрабіў Г. Яленскі [11, с. 561]. У верасні пачаў фарміраванне гусарскага палка М. Абрамовіч, але з прычыны недахопу грошай сабраных жаўнераў далучылі да палка конных стралкоў. У баку ад грамадска-палітычных падзей на Беларусі не засталася і мясцовае татарскае насельніцтва. Арганізатарамі татарскіх узброеных фарміраванняў сталі былы падпалкоўнік 4-га палка пярэдняй варты ВКЛ М. Ахматовіч і ратмістры кароннай арміі А. Карыцкі і С. Улан [9; 11, с. 559]. У гарадах праходзіў працэс стварэння нацыянальнай гвардыі і жандармерыі для аховы межаў ВКЛ, падтрымкі парадку ў гарадах, аховы грамадскай і прыватнай маёмасці, казны дэпартаменту, паліцэйскай службы, барацьбы з бандытызмам і марадзёрствам.

Войскі ВКЛ адыгралі далёка не галоўную ролю у франка-рускай вайне 1812 года, але статыстамі яны таксама не былі. Многія падраздзяленні актыўна ўдзельнічалі ў баявых дзеяннях. 20 кастрычніка 1812 г. пад Слонімам сустрэліся 3-ці гвардзейскі лёгкаконны полк Я. Каноўкі і атрад былога афіцэра арміі ВКЛ, а цяпер расійскага генерала Я. Чапліца. 18-19 лістапада армія ВКЛ уступіла ў бой з расійскім атрадам генерала Ламберта каля мястэчка Новы Свержань. 21–28 лістапада жаўнеры ВКЛ змагаліся каля Барысава і каля вёскі Студзёнка [11, с. 657]. 10 снежня армія ВКЛ прыняла актыўны ўдзел у абароне Вільні ад расійскіх войскаў. У выніку баёў за сталіцу амаль поўнасцю быў знішчаны эскадрон Ахматовіча, з якога засталася толькі адна рота (3 афіцэры і 15 шараговых). Актыўны ўдзел прыняла жандармерыя А. Храптавіцкага, нацыянальная гвардыя Казельскага, 3 батальён стральцоў К. Плятэра.

Пасля выгнання французскіх войскаў з Беларусі падраздзяленні літоўскай арміі ВКЛ адступілі на захад. Ваяры змагаліся ўпарта і самааддана, многія з іх у 1812-1813 гг. атрымалі вышэйшыя ваенныя ўзнагароды РП і Францыі [2]. Так, ка-

мандзір 22-га пяхотнага палка С. Чапскі пасля бітвы каля Бярэзіны ў 1812 г. стаў кавалерам ордэна *Virtuti Militari*, а ў 1813 г. атрымаў ордэн Пачэснага Легіёна. Камандзір 1-га стралецкага палка Ю.Д. Касакоўскі пасля ўдзелу ў абароне Шпандаў і ў 1813 г. таксама стаў кавалерам ордэна Пачэснага Легіёна.

Пасля паражэння Напалеона многія з афіцэраў войска ВКЛ былі амністыяваны Аляксандрам I і ў далейшым працягнулі службу ў арміі Каралеўства Польскага. Р. Гедройц увайшоў у склад Ваеннага камітэту, у 1816 г. гэты камітэт узначаліў С. Грабоўскі. Ф.К. Несялоўскі быў прызначаны камандзірам брыгады, А. Хадкевіч у званні палкоўніка быў прызначаны камандзірам штабу гвардыі Каралеўства, Я. Канопка стаў камандзірам 1 брыгады кавалерыі. Што датычыць шараговых, то 1818 г., калі скончыўся тэрмін службы, яны вярнуліся дадому. Але мараў аб адраджэнні страчанай у 1795 г. Айчыны яны не пазбавіліся. Калі ў 1830 г. распачалося Лістападаўскае паўстанне многія з афіцэраў сталі пад штандары незалежнасці. Ф.К. Несялоўскі, К.Д. Пшэздзецкі, А. Гелгуд, граф С. Чапскі ўпарта змагаліся ў шэрагах інсургентаў за адраджэнне РП, звязваючы будучыню беларускіх зямель толькі з гэтай краінай.

1. Жилин, П.А. Гибель наполеоновской армии в России / П.А. Жилин. – М.: Наука, 1974. – 451 с.
2. Журнал военных действий с 6 (18) по 8 (20) февраля 1813. Режим доступа: http://www.museum.ru/1812/War/News_rus/izv167.html
3. Корнейчик, Е. Белорусский народ в Отечественной войне 1812 года / Е. Корнейчик. – Мн.: Наука и техника, 1978. – 267 с.
4. Крывіцкая, К.В. Арганізацыя ўзброенных сіл вялікага Княства Літоўскага ў перыяд вайны 1812 года / К.В. Крывіцкая // Весці БДУ. – № 1(51). – 2007. – С. 12–15.
5. Кудряшов, И.Ю. Вооруженные силы Литовского княжества 1812 года / И.Ю. Кудряшов. – М., 1991. – 19 с.
6. Ружанец, А. Літоўска-беларускае войска цэсара Напалеона/ А. Ружанец // Беларуская мінуўшчына. – 1995. – №1. – С. 29–30.
7. Таляронак, С. Апошняя армія ВКЛ (1812–1814) / С. Таляронак, А. Блінец // Беларускі гістарычны часопіс. – 1996. – № 2. – С. 22–34.
8. Швед, В. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў. 1805–1815 гады / В. Швед, С. Данскіх. – Гродна, 2006. – 252 с.
9. Шереметьев, О.В. Литовские татары в составе Императорской гвардии Наполеона / О.В. Шереметьев. – Режим доступа: www.august-1914.ru/sheremetev.pdf
10. Gaidis, H.L. Napoleon's Lithuanian forces / H.L. Gaidis // Lithuanian quarterly journal of arts and sciences. Volume 30. – 1984. – №.1. – Режим доступа: http://www.lituanus.org/1984_1/84_1_01.htm
11. Nawrot, D. Litwa i Napoleon w 1812 roku / D. Nawrot. – Katowice, wyd. Uniwersitetu Slanskiego, 2008. – 790 s.
12. Nawrot, D. Bataliony strzelców na Litwie w 1812 r. / D. Nawrot // Wschodni rocznik humanistyczny. – 2005. – Т II. – S. 169-190.
13. Staszewski, J. Pamiętnik Piotra Łagowskiego o wojnie 1812 r. na Litwie / J. Staszewski. – Wilno, drukarnia artystyczna «Grafika», 1936. – 38 s.

Т.И. Баталко
ГЕНЕРАЛ ОТ АРТИЛЛЕРИИ А. ЕРМОЛОВ – ГЕРОЙ БОРОДИНО
И ПРОКОНСУЛ КАВКАЗА

Преданный патриот беззаветно любивший Родину и всё, связанное с ней, человек сильной воли, не признававший никаких авторитетов – с одной стороны, а с другой – скрытный и осторожный, умевший лавировать в окружении высшего военного начальства – это всё об оном человеке, генерале Ермолове. Близко и хорошо его знавший, служивший при нём адъютантом «по дипломатической части» А. Грибоедов называл его «сфинксом новейших времен», подчеркивая тем самым сложность и противоречивость натуры генерала.

Начало XIX века положили наполеоновские войны, в которые были втянуты практически все европейские государства, в том числе и Россия.

В войне 1806-1807 гг. А. Ермолов получил широкую известность как талантливый и храбрый офицер, был замечен М. Кутузовым. В сражении под Аустерлицем, где русская армия потерпела поражение, французам удалось захватить артиллерийскую роту А. Ефремова с её командиром, но вовремя подоспевшие части гренадеров контратакой освободили его из плена. За участие в войне 1806-1807 гг. Ермолов получил следующие награды: за сражение при Голицине – золотую шпагу с надписью «За храбрость», при Прейшис–Эйлау – Святого Владимира 3-й степени, при Гутштадте и Пасарге – Святого Георгия 3-го класса и при Гейльсберге – алмазные знаки Святой Анны 2-го класса [1, с. 226].

В 1808 г. А. Ермолову присваивают звание генерал-майора, а в марте 1812 г. назначают командиром гвардейской пехотной дивизии, с которой он принял участие практически во всех крупных боях и сражениях как на территории России, так и за её пределами. Особенно он отличился в бою при Витебске, в сражениях при Смоленске, Бородино, Березине.

После победы над Наполеоном Ермолов решил уйти в отставку. Однако его мечтам не суждено было сбыться. Император Александр I в апреле 1816 г. принимает неожиданное для генерала решение назначить его командиром отдельного Грузинского корпуса и управляющим по гражданской части на Кавказе, а также чрезвычайным и полномочным послом в Персию.

Со свойственным ему пылом и горячностью наместник царя на Кавказе приступает к изучению обстановки, вынашивает завоевательные планы на Востоке. Его активность вызывает ответную реакцию: усиливается национально-освободительное движение горских народов Чечни, Дагестана, северо-западного Кавказа, которое вскоре вылилось в кровопролитную войну. То, что в современных учебниках по истории называют национально-освободительной борьбой, А. Ермолов, боевой генерал, квалифицировал как беспорядок. В своих действиях на Кавказе А. Ермолов выражал имперские амбиции России, которая не могла считать свои позиции в Грузии, Армении, Азербайджане прочными, не смилив горцев северного Кавказа. Тем более, что Турция с Персией мечтали взять реванш на этой территории после недавних поражений.

Для достижения своих целей генерал считал допустимыми все средства, подавляя сопротивление местной знати, направляя крестьян на мятежных феодалов, враждебных России. Эффективным средством наведения «порядка» генерал считал голод, поэтому пытался отнять у горцев долины, где они обрабатывали землю и пасли стада. Вскоре авторитет «проконсула Кавказа» так увеличился, что Александр I стал побаиваться его. Очень высоко оценил деятельность А. Ермолова его первый биограф и современник М. Погодин: «Это был человек государственный в обширном значении этого слова. Не было ни одного высшего политического вопроса, о котором бы он не думал и не имел положительного мнения, может быть, иногда ошибочного, но всегда разумного и частью своеобразного» [1, с. 250].

14 декабря 1825 года – особый день в истории России, когда часть военных присягали на верность Николаю, а другая часть пыталась поднять бунт и поставить ничего не понимающих солдат под пули правительственных войск. А. Ермолов знал о существовании тайных обществ в России. Но как опытный полководец не мог не понимать, что любая его попытка развернуть наступательные действия против правительственных войск обречена на неудачу. Поэтому он всячески подчеркивал отстраненность от заговорщиков: и в разговорах с ними и в письмах к ним. И все же сомнения в благонадежности А. Ермолова у нового царя появились.

Он требовал от А. Ермолова ежемесячно доносить ему о поведении сосланных на Кавказ декабристов. Генерал неизменно отвечал, что «ведут себя хорошо и службу исполняют с усердием».

В марте 1827 г. А. Ермолов был освобожден от должности наместника царя на Кавказе, вместе с ним были отправлены в отставку и его соратники по Кавказской войне. Однако до самой смерти А. Ермолов интересовался происходящими в России и в мире событиями, вел обширную переписку с друзьями-декабристами, а после их амнистии встречался с С. Волконским и М. Фанвизинным, которые вернулись из Сибири. Много времени он уделял чтению и переплетению книг, посещал солдат-ветеранов. В это период произошло дружеское сближение генерала Ермолова и историка и общественного деятеля М. Погодина, который позже издаст первый сборник биографических материалов о А. Ермолове. В 50-е годы с А. Ермоловым познакомился Л. Толстой, который приступил к написанию романа «Декабристы» и эпосе о войне 1812 г.

В обширный архив А. Ермолова входят мемуарные «Записки», которые охватывают период 1798 – 1826 гг. В них отражены основные этапы его военно-административной деятельности. Имеются ценные сведения о военных кампаниях 1805-1807 гг., о войне 1812 г. Наибольший интерес представляет описание военных событий 1812 г. Как непосредственный участник тех событий и как яркий полководец он дает анализ и военным действиям, а также характеристики своих современников, коллег по оружию М. Кутузова, П. Багратиона, Н. Раевского, не оставляет без внимания и личности наполеоновских генералов и маршалов [2].

1. Лесин, В.И. Исторические портреты: Михаил Кутузов, Матвей Платонов, Алексей Ермолов... / В.И. Лесин. – М. : АСТ : Астрель : Транзиткнига, 2006. – 461 с.
2. Записки А.П. Ермолова / сост. В. А. Федоров. – М.: Высшая школа, 1991. – 463 с.

А.М. Егоров ФЕЛЬДМАРШАЛ М.И. КУТУЗОВ И ПСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ В 1812 ГОДУ

Великий русский полководец генерал-фельдмаршал М.И. Голенищев-Кутузов, первый в отечественной истории полный кавалер высшего военного ордена Российской империи – св. Георгия Победоносца всех четырех степеней, происходил из дворян Псковской губернии. Согласно семейному преданию его предки вели свой род «от мужа честна Гавриила», выехавшего еще в XIII веке «из Прус». Справедливости ради следует отметить, что иногда русские дворяне считали просто престижным причислять к своим предкам выходцев из-за рубежа. Родоначальник будущей царской семьи Романовых, например, также официально считался «выехавшим из Прус» в XIV веке [9, с. 21]. Так или иначе, Голенищевы-Кутузовы давно и прочно обосновались на Псковской земле. Об этом свидетельствует, в частности, текст керамики XVI века в погребальных пещерах Псково-Печорского монастыря: «7088 (1580) июля 20 преставился р.б. Иван Иванов сын Голянищева Кутузова».

Одно из имений рода Голенищевых-Кутузовых находилось в селе Федоровское Локнянского района современной Псковской области, другое – под Опочкой. В этих местах и прошло детство М.И. Кутузова. Начиная с семи лет, он получал довольно хорошее домашнее образование, а в двенадцать был направлен на учебу в Артиллерийскую и Инженерную школу в Санкт-Петербург. Отец нашего героя, инженер-полковник Ларион Кутузов, в апреле 1759 года в прошении графу П.И. Шувалову писал: «И как оный сын мой ревностное желание и

охоту имеет служить Е.И.В. в артиллерийском корпусе...» [3, с. 37]. Вероятно, на выбор военной профессии будущего «светлейшего князя» повлиял род занятий его окружения. Тем более, недалеко по соседству в селе Ладино находилось имение генерал-аншефа русской артиллерии К.Б. Бороздина, умелым действиям которого русская армия была обязана победой под Кунерсдорфом в 1759 году [8].

Опочка с окрестными уездами являлась, похоже, благоприятной средой для воспитания талантливых артиллеристов. Символично, что во 2-й пол. XX века именно здесь функционировало Высшее командное ракетно-зенитное училище ПВО, переведенное в 1979 году в Днепропетровск, которое дало путевку в жизнь многим землякам Кутузова. Одним из них является и первый командующий войсками воздушно-космической обороны современной России – Валерий Иванов.

Но вернемся к М.И. Кутузову. Будущий полководец учился отлично. Он хорошо знал военную историю и тактику, превосходно разбирался в артиллерии и инженерном деле [4, с. 3]. Недаром позднее Бородинскую битву назовут сражением двух великих артиллеристов, поскольку Наполеон имел схожее с Кутузовым образование. Разносторонние знания и опыт Кутузова наложили отпечаток на его полководческое кредо: «Главное не крепость взять, а войну выиграть» [3]. Блестящее образование и выучка, а также отличное знание французского, немецкого, английского и шведского языков сделали Кутузова замечательным военным организатором, дипломатом и администратором. В 1762 году еще совсем молодым человеком он был назначен адъютантом Ревельского генерал-губернатора, но его больше привлекала боевая работа. Через два года, во время посещения Ревеля Екатериной II, Кутузов добился перевода в действующую армию.

В Крыму под Алуштой Михаил Илларионович получил тяжелое ранение и чудом остался жив. Турецкая пуля пробила его левый висок и вышла у правого глаза. Отправляя будущего победителя Наполеона на лечение за границу с сохранением жалования, императрица Екатерина II скажет: «Бережь надо Кутузова, он у меня будет великим генералом». Кстати, за четыре года до прибытия молодого Кутузова в Прибалтику, здесь родился Барклай де Толли - второй после будущего фельдмаршала полный Георгиевский кавалер. Судьба тесно свяжет их в 1812 году. Михаил Илларионович и позднее бывал в здешних местах, навещая свою дочь, Елизавету Михайловну, фрейлину вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и зятя – полковника графа Федора (Фердинанда) Ивановича Тизенгаузена, которого очень любил: «Ежели бы быть у меня сыну, то не хотел бы иметь другого, как Фердинанда». В битве под Аустерлицем последний получит смертельное ранение в грудь. Можно сказать, что Кутузов имел личный счет к Наполеону, конечно виновному в семейной трагедии дочери.

Позднее вдовствующая дочь Кутузова жила попеременно в Ревеле и Дерпте, где весьма чтили ее отца. Когда в 1813 году тело умершего в заграничном походе фельдмаршала везли из Силезии через Лифляндию и Эстляндию в столицу Российской империи, жители Тарту распрягут катафалк и сами повезут его через город [2, с. 233]. Далее от Нарвы прах великого псковича буквально на руках доставят в Санкт-Петербург, где он и упокоится в Казанском соборе.

В течение всей жизни М.И. Кутузов не забывал своих псковских родственников и земляков. Посвятив 28 лет военной и государственной службе, Михаил Илларионович не имел возможности часто посещать родные места, в которых провел детство. Навещал он их в основном проездом. Однако в Псковской губернии постоянно проживали его близкие: родители, брат и сестры. Гражданские дела М.И. Кутузова, в т.ч. получение кредита под залог домашнего имущества, помогал вести его племянник - председатель Псковской судебной палаты [5, с.

84]. Один из самых продолжительных визитов полководца на родину был связан со смертью отца, и необходимостью оформить раздел семейных владений Големищевых-Кутузовых. Усыпальница его родителей находится в церкви деревни Терebene, расположенной в самом сердце Псковской земли - на дороге между Опочкой и Новоржевом. Интересно, что когда после изгнания армии Наполеона из России встал вопрос о базах снабжения русских войск в период их заграничного похода, М.И. Кутузов распорядился исключить Псковскую губернию из числа поставщиков [6, с. 103]. Причиной такого решения было, конечно, не его псковское происхождение, а особое положение губернии в течение всей кампании 1812 года.

С началом Отечественной войны Псковский край стал прифронтовым и был переведен на военное положение. Поэтому в соответствии с планом военного министра Барклая де Толли Псковская губерния была превращена в резервный фронт для действующей русской армии. На ее территории квартировались запасные части основных гвардейских полков, которые пополнялись рекрутами из различных районов страны, налаживалась разветвленная тыловая инфраструктура, создавались склады военного имущества и госпитали для раненых. В июле было сформировано губернское ополчение и народные дружины отдельных уездных городов. Псковский губернатор князь П.И. Шаховской оценивал роль вверенной ему губернии в ходе войны следующим образом: «В сии последние месяцы Псков сделался, так сказать центром России и главным резервом всех приготовлений».

Территорию Псковской губернии посещали иностранные послы. В июле 1812 года неподалеку от Великих Лук в деревне Сеньково был подписан русско-испанский союзный договор против Наполеона [6, с. 99].

В начале кампании существовала вероятность прямого наступления французов через территорию Псковщины на Санкт-Петербург. На этот случай Наполеон выделил 28-тысячный корпус маршала Н.-Ш. Удино и несколько позднее присоединившийся к нему корпус маршала Л.-Г. Сен-Сира. Войска противника надвигались на губернию с юго-запада по центральному Белорусскому тракту вдоль линии Полоцк-Себеж-Опочка-Псков-Петербург (более прямое Киевское шоссе через Невель будет построено только в 1842 году). И чем дальше на восток отходила основная русская армия, тем сильнее становилась угроза со стороны группировки Удино и Сен-Сира, общая численность которой приближалась к 40 тыс. человек.

Однако их продвижение было благополучно остановлено у самых южных границ Псковской губернии 25-тысячным корпусом графа П.Х. Витгенштейна, который, после обмена ударами под Клястицами и Головщиной, отгеснил противника к Полоцку. Данный успех гарантировал Псков от прямого иностранного вторжения и был отмечен настоящим ликованием в губернии. После окончания войны в Псковско-Печорском монастыре по инициативе местной общественности был возведен большой Михайловский храм, в знак признательности героическим действиям Витгенштейна. Скванные его корпусом войска Удино и Сен-Сира не могли ни идти на Санкт-Петербург, ни присоединиться к Наполеону в его наступлении на Москву.

Восточнее Витгенштейна вдоль границы Псковской и Витебской губерний успешно действовал «летучий корпус» генерала Ф.Ф. Винценгероде, авангардом которого командовал будущий начальник знаменитого III-го отделения граф А.Х. Бенкендорф [2, с. 126]. В начале августа 1812 года данный отряд остановил французов на подступах к Велижу и Усвятам. Его разъезды патрулировали окрестности Невеля и постепенно продвигались глубоко во фланг «великой армии», в результате отбив у неприятеля даже город Волоколамск.

С территории Псковской губернии на коммуникациях противника активно действовали различные партизанские отряды – как народные, так и армейские. На

юге губернии, например, роль своеобразных рейнджеров выполнял отряд подполковника С.В. Непейцына, боровшийся с французскими мародерами и дезертирами. Одним из наиболее знаменитых партизанских соединений Отечественной войны 1812 года являлся т.н. «Мстительный легион», которым командовал сын псковского вице-губернатора А. Фигнер (в начале войны – штабс-капитан артиллерии). В состав псковского дворянства входил и родной брат прославленного партизана и поэта Дениса Давыдова – Лев, воевавший с ним в одном отряде. Неслучайно партизанские методы Дубровского и его крестьян так органично ложатся на образ опочецкого помещика, выведенного в одноименной повести А.С. Пушкина.

Свой вклад в разгром Наполеона внесли также два регулярных псковских полка – драгунский и пехотный. Отдельная часовня в их честь по сей день стоит на Бородинском поле. Дело в том, что они находились в самой гуще схватки за батарею Раевского и проявили невиданную стойкость и выдержку. В ходе только одной из контратак псковичей были убиты французские генералы Коленкур и Монберн.

В качестве признания боевых заслуг псковские драгуны были даже переведены в кирасиры, что означало повышение их статуса в служебной иерархии. При этом отличительным признаком псковского полка стали трофейные кирасы из белого металла, добытые в результате совместной партизанской операции отрядами Д.В. Давыдова, А.С. Фигнера, А.Н. Сеславина и В.В. Орлова-Денисова, которые окружили у местечка Ляхово кавалерийскую бригаду французского генерала Ожеро (брат известного маршала) [7, с. 8].

Земляком и соратником М.И. Кутузова в событиях 1812 года является генерал-лейтенант П.П. Коновницин, родившийся и похороненный в селе Кярово около Гдова, что на побережье Чудского озера. В начале войны он командовал 3-й пехотной дивизией, которая продемонстрировала свою эффективность в боях с французами под Островной в районе Витебска. Чуть позже совместно с корпусом генерала Д.С. Дохтурова эта дивизия сменила поредевший корпус Н.Н. Раевского при обороне Смоленска, прикрывая отход объединившихся армий Барклая де Толли и Багратиона [10, с. 113]. В ходе отступления, продолжавшегося и после прибытия в войска Кутузова, Коновницин командовал арьергардом русской армии, принимая удары наступающих французов на себя. Стойкость и мужество его солдат позволили основным силам русских укрепиться на Бородинском поле и приготовиться к генеральному сражению [1]. В Бородинском бою 26 августа (7 сентября) 1812 года дивизия Коновницина занимала левый фланг русской позиции в составе армии П.И. Багратиона. После смертельного ранения последнего Коновницин осуществлял командование левым флангом вплоть до прибытия ему на смену Д.С. Дохтурова. Далее Коновницин числился дежурным генералом при Кутузове и де-факто выполнял функции начальника его штаба [1].

В целом можно сказать, что поведение М.И. Кутузова и его земляков в 1812 году продемонстрировало лучшие черты неоднозначного для сторонних наблюдателей «пскопского» характера. «Победить не берусь, перехитрить попробую», - сказал Кутузов, принимая командование. И свое слово сдержал. Непобедимый Наполеон вынужден был согласиться с тем неоспоримым фактом, что «хитрый северный лис» сумел обыграть его.

1. Иванов, Е.П. Генерал Петр Петрович Коновницин / Е.П. Иванов. – Псков, 2002.
2. Илляшевич, В.Н. Прибалтийцы на российской государственной службе / В.Н. Илляшевич. – Таллин, 2009.
3. Кутузов, М.И. Тактика победы / Михаил Илларионович Кутузов. – М.: Эксмо, 2011.
4. М.И. Кутузов. Материалы юбилейной сессии военных академий Красной армии, посвященной 200-летию со дня рождения М.И. Кутузова / под ред. генерал-лейтенанта В.К. Мордвинова. – М., 1947.

5. Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...». – М., 2006.
6. Псковский край в истории России. – Псков, 1996.
7. Русская армия 1812 года. Вып. 2. – М.: «Изобразительное искусство», 1988.
8. Селиверстов, Ю. Забвенное Воскресение в Ладино / Ю. Селиверстов // Псковская губерния. – 2010. – № 45 (516).
9. Соловьев, Б.И. Российское дворянство / Б.И. Соловьев. – Ростов н/Д: Феникс, 2011.
10. Троицкий, Н.А. 1812. Великий год России / Н.А. Троицкий. – М.: Мысль, 1988.

С.Н. Есюнин

БИОГРАФИИ ГЕНЕРАЛОВ 10-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ЧЕОДАЕВА, МИСЕВСКОГО И ДЕ ЮНКЕРА – УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Биографии героев войны 1812 г. представляют значительный интерес для исследователей Наполеоновских войн. Несмотря на широкую библиографическую базу по данному вопросу, есть еще немало архивных материалов, которые хранятся в различных региональных архивах и не были опубликованы. Например, в Государственном архиве Хмельницкой области есть дела, в которых можно найти материалы, относящиеся к войне 1812 г. Среди них удалось отыскать биографические данные генералов 10-й пехотной дивизии Михаила Ивановича Чеодаева (1785–1859), Петра Лаврентьевича Мисевского (1793-ок. 1844) и Александра Логгиновича де Юнкера (1795–1860) – принимавших участие и отличившихся в Наполеоновских войнах.

Биографические данные упомянутых генералов содержатся в "Формулярных списках служб и достоинств" и хранятся среди документов фонда 837 "Архівне зібрання документів військових підрозділів, дислокованих на території Подільської губернії у ХІХ-ХХ ст.", опись 1, дело 5 "Відомості з особового складу 10-ї піхотної дивізії, 6.03.1842–18.06.1843 рр." [1]. Каким образом дело о личном составе 10-й пехотной дивизии за 1842–43 гг. оказалось в Госархиве Хмельницкой области – точно не известно. Дивизия в эти годы дислоцировалась в Киевской и Черниговской губерниях, а после Венгерской кампании 1849 г. и до начала Крымской войны 1853 г. пребывала на территории Подольской губернии. Возможно именно в 1853 г. в связи с выходом 10-й пехотной дивизии на театр военных действий, часть ее архива осталась в губернском центре Подольской губернии – Каменце-Подольске (ныне – город Хмельницкой обл.). Потом дело попало в фонды Каменец-Подольского исторического архива, а со временем в областной архив. Долгое время пребывало в необработанных фондах, и лишь с 2008 г. введено в Ф.837, где были собраны разрозненные дела ХІХ-ХХ вв. различных воинских частей. Таким образом, документы названного дела впервые вводятся в научный оборот.

Итак, **документ первый** – "Формулярный список о службе и достоинстве командира 10-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Чеодаева за 1842 год", составлен 1.01.1843 г., 15 листов [1, л. 53–68].

Имеются общие сведения: "Генерал-лейтенант Михайло Иванович Чеодаев, 58 лет, православный, из дворян Казанской губернии г.Чистополя, владеет имением в Казанской губернии в Чистопольском и Свяжском уездах, 60 душ; российской грамоте читать и писать знает; холост". Далее поданы сведения о вступлении и продвижении по службе, в каких полках находился: "В службе с 21.04.1799 – унтер-офицером в гарнизонный генерал-лейтенанта Пущина полк; 8.12.1800 – прапорщиком с переводом в Ширванский пехотный полк, имея тогда отроду 16 лет; 4.11.1804 – подпоручиком в том же полку; 9.12.1806 – переведен в Кременчугский пехотный (после егерский) полк; 12.03.1807 – поручиком в том же полку; 26.12.1807 – штабс-капитаном в том же полку; 24.08.1810 – капитаном в

том же полку; 10.03.1812 – майором в том же полку; 5.11.1812 – за отличие в сражении подполковником в том же полку; 6.10.1813 – за отличие в сражении полковником в том же полку; 18.12.1814 – переведен в бывший 3-й егерский полк, с назначением командиром одного; 12.12.1821 – генерал-майором, с назначением командиром 3-й бригады 2-й гренадерской дивизии; 13.08.1824 – переведен в Отдельный корпус воинских поселений, 11.03.1825 – назначен командиром 1-й поселенной бригады 2-й гренадерской дивизии; 7.09.1827 – командир 3-й поселенной бригады одной дивизии; 30.09.1827 – командир 1-й поселенной бригады одной дивизии; 25.07.1832 – назначен начальником 17-й (бывшей 13-й, ныне 10-й) пехотной дивизии; 25.06.1833 – за отличие в службе генерал-лейтенантом; 12.05.1835 – по переименованию 13-й пехотной дивизии в 10-ю утвержден начальником одной".

Наиболее насыщенный раздел формуляра – "Во время службы своей, в походах и в делах против неприятелей, где и когда находился". Тут у Чеодаева внушительный список, который включает участие в 1808 г. в Русско-шведской войне, в 1812–13 гг. в Наполеоновских войнах, в 1831–32 гг. в Польской кампании. Для темы нашего исследования интересен период Наполеоновских войн. Подаем полностью сведения из формулярного списка: "В войну с французами:

1-я кампания: с 12 июня 1812 года в российских пределах против французских войск; 10 июля – в арьергардном деле при г. Витебске; 5-6 августа – под г. Смоленском, где за отличия объявлено Монаршее благоволение; 7 августа – при д. Радионовой в арьергардном деле; 24-25 августа в генеральном сражении при с. Бородине, за которое Всемиловейшее награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом; 22 сентября в генеральном сражении при с. Тарутине.

2-я кампания: 6 октября 1812 года под д. Тетеркиной при атаке, разбитии и прогнании неприятельского авангарда, за что награжден орденом Св. Анны 3-й степени и получил установленную в память 1812 года серебряную медаль; 11 октября – у г. Малого Ярославца; 12-13 октября – в арьергардном деле при ретираде; 22 октября – близ г. Вязьмы; 23 октября – при прогнании неприятеля и занятии города, за что награжден золотой шпагой с надписью "За храбрость"; 26 октября – при г. Дорогобуже; 3-4 ноября – при с. Мерлине; 5-6 ноября при разбитии и прогнании неприятеля от г. Красного за отличие произведен в подполковники; от туда при преследовании неприятеля далее.

3-я кампания: 3 января 1813 года при вступлении в границы Царства Польского; 1 февраля – при г. Калише и взятии одного, а потом пройдя нижнюю Силезию, 8 марта вступил в Саксонию; 18 марта – при прогнании неприятеля и занятии г. Дрездена; 20 марта – при м. Люцене в генеральном сражении, где получил орден Св. Анны 2-й степени алмазами украшенный; потом при отступлении от одного с 21 марта по 8 мая в арьергардных делах; 8-9 мая – в генеральном сражении при г. Бауцене и с 9 по 15 мая – до г. Саура в арьергардных делах, за отличие награжден от короля Прусского орденом "За заслуги"; после того при следовании в Нижнюю Силезию и по окончании перемирия пройдя через Богемию, того же года 9 августа вторично вступил в Саксонию.

4-я кампания: 10 августа 1813 года на границе Саксонии при с. Петерсвальде при разбитии и прогнании неприятельских передовых авангардов до г. Пирно; 14 августа – в арьергардном деле при отступлении от крепости Кенигштейне, 15 августа – близ г. Пирно на высотах; 16 августа – по дороге к г. Теплице; 17–18 августа – при с. Кульме в разбитии неприятельского отборного Корпуса под командою маршала Вандама и взятии одного в плен, за сие получил Монаршее благоволение и орден Прусского Красного Орла 3-го класса; 2 сентября – при атаке, разбитии и прогнании неприятельского авангарда от д. Нолиндорфа; 5

сентября – при нападении неприятеля на передовые аванпосты вторично при Кульме и прогнании оного того же числа к Нолиндорфу; 25 сентября – при нападении на неприятеля от д. Нолиндорфа в Саксонию; 26 сентября – при прогнании неприятеля от г. Альтенбурга; 30 сентября – при занятии г. Борно; 2 октября – при д. Вахау; 4–6 октября – в генеральном сражении близ г. Лейпцига под селениями Либер-Вольковец, Хольц-Ауген и Пробезгайде при сильном поражении неприятеля, прогнании оного и взятии г. Лейпцига, где 6 октября ранен в ногу пулей с повреждением кости, за отличие награжден чином полковника".

Документ второй – "Формулярный список о службе и достоинстве командира 1-й бригады 10-й пехотной дивизии генерал-майора Мисевского за 1842 год", составлен 1.01.1843 г., 11 листов [1, л. 138–149]. Общие сведения: "Генерал-майор Петр Лаврентьевич Мисевский, 50 лет, православный, из дворян Могилевской губернии, недвижимых имений не имеет; российской грамоте читать, писать и арифметику знает; жена Авдотья Петровна, дочь протоиерея Витебского собора, у них сын Александр 17 лет, православный".

Сведения о вступлении и продвижении по службе, в каких полках находился: "Из кадет выпущен прапорщиком 22.02.1810 года в Тенгинский пехотный полк, имея тогда отроду 17 лет и 10 месяцев; 22.03.1812 – подпоручиком в том же полку; 2.09.1812 – поручиком в том же полку; 8.10.1812 – за отличие в сражении штабс-капитаном в том же полку; 2.09.1813 – за отличие в сражении капитаном в том же полку; 23.05.1817 – майором в том же полку; 19.11.1819 – переведен в Суздальский пехотный полк; 23.08.1826 – за отличие по службе подполковником в том же полку; 13.03.1827 – уволен за рангами от службы с мундиром и пенсионом полного жалования; 18.10.1828 – определен вторично на службу в Копорский пехотный полк; 9.06.1829 – переведен в Нарвский пехотный полк, но прибыл в оный 10.05.1830 – до сего времени командовал Копорским полком, при коем находился и при коем 26.08.1829 – за отличие в сражении против турок при селении Кулевче произведен в полковники Нарвского полка (старшинство в сем чине считается по приказу, отданному по 1-й армии за №115 от 5.11.1830); 21.12.1830 – назначен полковым командиром в Эстляндский пехотный полк; 24.05.1833 – при реформировании 1-го пехотного корпуса назначен полковым командиром в пехотный принца Вильгельма Прусского полк; 14.05.1836 – уволен в отпуск на один год для излечения от ран с содержанием по армии; 12.11.1837 – назначен полковым командиром Тобольского пехотного полка; 21.01.1838 – за отличие по службе генерал-майором с назначением командиром 1-й бригады 10-й пехотной дивизии".

Раздел формуляра "Во время службы своей, в походах и в делах против неприятелей, где и когда находился" у Мисевского содержит сведения о его участии в 1812–14 гг. в Наполеоновских войнах, в 1828–29 гг. в войне с турками, в 1831–32 гг. в Польской кампании. Подаем полностью сведения об участии в Наполеоновских войнах: "В войну с французами:

1-я кампания: с 12 июня 1812 года в российских пределах против французских войск; 20 июля – при д. Сивошине, где ранен пулей в пах правой ноги и находился при полку; 30 июля – при реке Свольно, за отличие награжден золотой шпагой с надписью "За храбрость"; 5–6 августа – при г. Полоцке, за отличие награжден орденом Св. Анны 3-й степени. 2-я кампания: 6–7 октября 1812 года при взятии г. Полоцка, ранен в левый бок пулей навывлет, за отличие произведен в штабс-капитаны. 4-я кампания: 10 августа 1813 года в Саксонии при крепости Кенигштейне; 14 августа – при д. Геринздорф; 16 августа – при Кенигштейне; 17–18 августа – в Богемии при д. Кульме, за отличие объявлено Монаршее благоволение; 2 сентября – при д. Кенигсвальде и Петерсвальде, где ранен пулей в правый

бок, за отличие произведен в капитаны. 6-я кампания: во Франции в сражениях: 20 января 1814 года при блокировании крепости Пфилцбурга, 9 марта – при местечке Арш; 18 марта – при взятии г. Парижа, за что награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом и получил установленную в память 1812 года серебряную медаль. В походах находился: во Франции с 6 июня 1815 года, в Царстве Польском при переправе через реку Вислу 18 июня, до границы Пруссии, Силезии, города Равича, и обратно через Царство Польское и вступление в свои границы 8 сентября".

Документ третий – "Формулярный список о службе и достоинстве командира 2-й бригады 10-й пехотной дивизии генерал-майора де Юнкера за 1842 год", составлен 1.01.1843 года, 9 листов [1, л. 177–186]. Общие сведения: "Генерал-майор Александр Логгинович де Юнкер, 49 лет, православный, из дворян Санкт-Петербургской губернии, недвижимых имений не имеет; православный; российский, французский и немецкий языки, физику, арифметику, алгебру, геометрию, стереометрию, тригонометрию, долговременную и полевую фортификацию, артиллерию знает; вдовец, детей не имеет".

Сведения о вступлении и продвижении по службе, в каких полках находился: "С 20.12.1802 – кадетом в 1-й кавалерийский корпус; 31.12.1809 – унтер-офицером того же корпуса; 15.03.1811 – фельдфебелем того же корпуса; 4.08.1811 – прапорщиком, отроду имея 18 лет; 27.11.1811 – подпоручиком с переводом в Житомирский пехотный полк; 13.05.1812 – поручиком в том же полку; 21.12.1812 – штабс-капитаном в том же полку; 18.02.1816 – капитаном в том же полку; 17.03.1817 – адъютантом к начальнику 25-й (ныне – 14-й) пехотной дивизии генерал-лейтенанту Гогелю; 1.11.1817 – майором с переводом в 49-й егерский полк; 2.10.1819 – переведен в 50-й егерский полк; 17.01.1820 – утвержден батальонным командиром в том же полку; 18.02.1821 – переведен в Волынский пехотный полк; 23.03.1822 – батальонный командир, в том же полку; 1.01.1825 – подполковником, в том же полку; 21.10.1828 – за отличие по службе полковником, в том же полку; 27.11.1830 – при выступлении одного полка оставлен с резервным батальоном, с коим 14.02.1831 поступил на формирование Люблинского пехотного полка; 19.08.1831 – переведен в Модлинский пехотный полк командиром одного; 6.12.1836 – за отличие по службе генерал-майором с назначением командиром 2-й бригады 10-й пехотной дивизии, прибыл к ней 3.07.1837".

Раздел формуляра "Во время службы своей, в походах и в делах против неприятелей, где и когда находился" у де Юнкера содержит сведения о его участии в 1812-15 гг. в Наполеоновских войнах, в 1831 г. в Польской кампании. Подаем полностью сведения об участии в Наполеоновских войнах: "В войну с французами: 1-я кампания: с 12 июня 1812 года в российских пределах против французских войск; 4-5 августа – под г. Смоленском в действительном сражении; 24-26 августа – в генеральном сражении при с. Бородине, где ранен в левую щеку пулей с повреждением кости, за храбрость награжден орденом Св. Анны 4-й степени. 2-я кампания: с 1 октября 1812 по 1 января 1813 – в пределах России. 3-я кампания: с 9 января 1813 до заключения Рейхенбахского перемирия. 4-я кампания: 1 августа 1813 – в Царстве Польском; 7 августа – при блокаде крепости Модлин; 17 сентября – в поход через Силезию, Саксонию, Франкфуртское и Дармштадское герцогства. 5-я кампания: 22 декабря 1813 – переправившись на лодках через реку Рейн в пределы Франции в преследовании неприятеля находился. 6-я кампания: с 9 февраля по 19 марта 1814 – в преследовании неприятеля; 19 марта – при взятии г. Парижа, за что получил установленную в память 1812 года серебряную медаль; пройдя оный 20 марта при блокаде крепости Венсена 25 марта, в перестрелке 29 марта, при сдаче оной с 31 марта по 17 июля в походе до границы России. 7-я кампания: с 24 марта

1815 – через Царство Польское, Силезию, Саксонию, Баварию, герцогства Кобургское, Вирцбургское, Франкфуртское и Дармштадское; 14 июля – пройдя Рейн в пределах Франции до г. Верту, где в присутствии государя Императора 29 августа в генеральных маневрах и 30 августа в церковном параде находился и за оное удостоился получить Монаршее благоволение. И наконец, при расположении квартирами возле Парижа, откуда уже обратно в границы Российской империи".

Таким образом, формулярные списки о службе и достоинстве Чеодаева, Мисевского и де Юнкера, которые хранятся в фондах Госархива Хмельницкой обл., существенно дополняют биографии упомянутых генералов, как по вопросам прохождения службы, так и в освещении их участия в Наполеоновских войнах. Все трое проявили храбрость во многих боях, были отмечены наградами, получили повышение в званиях, двое из них (Чеодаев и де Юнкер) отличились в Бородинском сражении 1812 г.

1. Державний архів Хмельницької області. – Ф. 837. – Оп.1. – Спр.5. Відомості з особового складу 10-ї піхотної дивізії, 6.03.1842-18.06.1843 рр. – 219 арк.

Д.С. Гапеев

М.И. ПЛАТОВ: УЧАСТИЕ В ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Отечественная война 1812 г. является одной из важнейших вех в как мировой, так и отечественной истории, поэтому изучение событий того времени было и остается весьма актуальным. А что мы знаем о непосредственных участниках тех далеких событий, о том вкладе, который они внесли для победы? Одним из них является Матвей Иванович Платов.

Матвей Иванович Платов родился 8 августа 1751 г. в станице Прибылянской городка Черкаска (ныне станица Старочеркасская) в семье войскового старшины. Здесь же прошло детство будущего легендарного атамана.

Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Платов находился в рядах действующей армии под командованием князя М.В. Долгорукова. За доблесть был замечен командующим, произведен в есаулы, командовал казачьей сотней [2, с. 14].

С началом Отечественной войны 1812 г. Матвей Иванович Платов возглавил казачий корпус, который входил в 1-ю армию Барклая-де-Толли, но в силу своего расположения прикрывал отход 2-й Западной армии Багратиона. 26 июня Платов атаковал неприятельскую конницу у Кареличей и отбросил ее к Новогрудку. У местечка Мир 27–28 июня корпус Платова разгромил 9 полков наступающего противника, принеся русской армии первую победу в войне 1812 г. Казаки успешно действовали против авангардных французских отрядов у Романовки, Салтановки, под Смоленском. Отходя, казаки беспрестанно налетали мелкими группами на обозы противника, громя их и мгновенно исчезая; уничтожали авангарды противника; совершали рейды по тылам, заводили его в заблуждение [1, с. 311].

В Бородинском сражении казачьи полки Платова сражались на правом фланге. В один из критических моментов битвы корпуса Платова и генерала Уварова переправились вплавь через речку Колочу и направились в глубь неприятельского тыла, в расположение его обозов, где подняли большой переполох. Операция кавалерийских корпусов Платова и Уварова вынудила Наполеона приостановить наступление на целых два часа. Русские за это время сумели подвести подкрепление и выставить резервную артиллерию.

3 сентября казаки Платова, перестреливаясь с неприятельскими уланами из авангарда Мюрата, последними покидали Москву. В тяжелые дни для России, когда наполеоновская армия все дальше продвигалась в глубь ее территории, Пла-

тов обратился с призывом к жителям Дона стать на защиту Родины. Этот призыв Дон с честью выполнил. Двадцать четыре конных полка народного ополчения да шесть конных орудий было послано в действующую армию. Пятнадцать тысяч верных сынов тихого Дона стали на защиту Родины. Не только мужчины, но и женщины становились в ряды армии [3, с. 264].

После вступления в Москву положение неприятельской армии становилось все более тяжелым. Казачьи полки и партизанские отряды Дениса Давыдова, Сеславина, Фигнера окружали Москву со всех сторон, не давая возможности французским фуражирам добывать в окрестных деревнях продовольствие и корм для лошадей, добывать даже то небольшое, что можно было найти в обезлюдевших и опустошенных селениях. Войска Наполеона вынуждены были питаться кониной, падалью. Начались болезни. Вражеские солдаты умирали тысячами. Весь русский народ поднялся на Отечественную войну. Наполеон вскоре вынужден был покинуть русскую столицу. Это стало сигналом для общего наступления армии Кутузова, который особое и почетное место в нем отводил действиям корпуса Платова [3, с. 284].

Начиная с Тарутинского сражения, казаки зашумели. Не проходило того дня, чтобы они чем-нибудь не отличились. Всюду только и разговору было, что о казацких подвигах. Много шуму по стране вызвала весть о том, что казаки под Малоярославцем едва не захватили в плен самого Наполеона. 19 октября в сражении с корпусом маршала Даву при Колоцком монастыре казаки Платова снова отличились. Они разгромили арьергард Даву и захватили огромные трофеи. Через пару дней после этого казаки столкнулись с корпусом неаполитанского короля, разгромили этот корпус, захватив до трех тысяч пленных и полсотни пушек. А еще через три дня Платов со своими полками настиг под Духовщиной корпус вице-короля итальянского и после двухдневного кровопролитного боя разбил его, захватив снова до трех тысяч пленных и до семидесяти орудий [1, с. 314].

К концу декабря 1812 г. последние остатки армии Наполеона были изгнаны из России. Но изгнанием армии Наполеона из России война не закончилась. 1 января 1813 г. русские войска перешли Неман и двинулись на запад, освобождая поработанную Наполеоном Европу. Началась кампания 1813 – 1814 гг., в которой казаки еще более преумножили славу русского оружия, участником которой также являлся М.И. Платов [1, с. 315].

После заключения Парижского мира Платов был по достоинству оценен современниками. В частности, находясь в составе свиты Александра I, посетившей Лондон, ему был вручен диплом почетного доктора Оксфордского университета. Лондонские газеты, обращаясь к событиям войны 1812 г., неоднократно упоминали о сражениях, в которых принимал активное участие М.И. Платов.

Заслуги М.И. Платова не были забыты и соотечественниками. В 1853 г. в Новочеркасске, на собранные по подписке народные деньги был поставлен памятник атаману Платову (автор П. К. Клодт, А. Иванов, Н. Токарев) [2, с. 14]. С 26 августа 1904 г. имя Платова (как вечного шефа) стал носить 4-й Донской казачий полк. Именем Матвея Платова назван железнодорожный фирменный поезд «Ростов – Москва». В Москве в 1976 г. в честь атамана названа Платовская улица. 1 сентября 2008 г. в Московском кадетском казачьем корпусе им. Шолохова установлен бюст М.И. Платову в рамках проекта «Аллея Российской славы».

1. Бескровный, Л.Г. Хрестоматия по русской военной истории / Л.Г. Бескровный. – Москва: Военное издательство вооруженных сил Союза ССР., 1947. – 640 с.
2. Клодта, П.К. Платов Матвей Иванович / П.К. Клодта // Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т.20: Плата – проб / под. ред. А.М. Прохорова [и др.] – Москва, Издательство «Советская энциклопедия», 1975. – С. 14.
3. Тарле, Е.В. 1812 год / Е.В. Тарле. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959. – 820 с.

Н.В. Власова
НЕМЦЫ НА СЛУЖБЕ РОССИИ:
ИОГАНН РЕЙНГОЛЬД ФОН ДРЕЙЛИНГ

Во время Отечественной войны 1812 г. в числе тех, кто состоял на службе России, были и немцы. Выходцы из Германии были среди офицеров и представителей высшего генералитета российской армии. Ряд боевых генералов по происхождению также являлись немцами. Немцы были штатными сотрудниками русской разведки и контрразведки. После начала войны был создан Русско-немецкий легион, который формировался из перешедших на русскую службу немецких эмигрантов и из немцев, взятых в плен или добровольно перешедших на сторону России. Немцы были организаторами и участниками партизанской войны [1].

Одним из тех, кто связал свое имя с Россией и отличился на русской службе, был Иоганн Рейнгольд (Иван Романович) фон Дрейлинг, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии.

И.Р. фон Дрейлинг происходил из древнего дворянского рода Дрейлингов. В «Деле о дворянском роде Дрейлингов», хранящемся в Государственном архиве Рязанской области, имеется запись следующего содержания: «...Правительствующий Сенат рассмотрев дело о дворянстве рода Фон Дрейлингов находит, что грамотою шведской королевы Христины в 1652 году данной секретарь города Риги Мельхиор Дрейлинг и старший таможенный большой гильдии Каспар Дрейлинг за оказанное ими короне Шведской верность и усердие с детьми их, как рожденными, так и нерожденными возведены в дворянское достоинство, ... что потомки Мельхиора фон Дрейлинга всегда пользовались дворянским достоинством, продолжали службу и что оною Коллегиею доказательства на древнее дворянское достоинство действительного статского советника Ивана Фон Дрейлинга, признаны неопровержимыми...» [3, л. 11].

Далее перечисляются документы, удостоверяющие законное рождение «...от возведенного в 1652 году в дворянское достоинство Мельхиора Фон Дрейлинга сына Мельхиора-Иогана, от него сына Мельхиора-Иогана от сего Рейнгольда-Иогана от Рейнгольда-Иогана сыновей: Ливария-Августа, Андрея-Франца и действительного статского советника Ивана, а от сего последнего детей сыновей: Алексея, Константина, Павла и дочери Валерии...» [3, л. 11–11 об.]. В свою очередь, «...верноподданные Мельхиор Дрейлинг ... и Каспар Дрейлинг ... происходят от древнего дворянского рода в графстве Тирольском, и предок их Павел Дрейлинг переселился в Гермейстерския времена оттуда в Лифляндию, где он употребляем был в военную и гражданскую службу, и наконец удостоился получить бургомистерскую должность в Риге...» [3, л. 13].

В своих воспоминаниях Дрейлинг писал: «...1793 года 3 января в Риге волею Провидения суждено мне было узреть свет, а 16-го я был крещен по лютеранскому обряду пастором Кернгофом в церкви Иисуса и наречен Иоганн Рейнхольд...» [6, с. 361]. Его отец служил надзирателем водного сообщения на Двине. Обучением мальчика занимался дядя, помощник директора Пгелуг. Затем на год Иоганна «поместили на хлеба к Беренсу, который был в то время учителем в Гертрудинской школе», а в 1803 г. – к «тетке Менк». О ней впоследствии он вспоминал следующее: «Всем, что способствовало моему развитию в этот период моей юности, я обязан нежной заботливости этой благородной женщины; в течение четырех лет я пользовался ее добротой и вниманием» [6, с. 361]. После смерти дяди И.Р. фон Дрейлинг учился в Соборной школе в Риге, а также занимался частными уроками с дедушкой по материнской линии. Спустя некоторое время мальчика отправили в школу в г. Якобштадт (в Курляндии), которую он закончил в сентябре 1808 г. Дрейлинг писал: «Теперь я должен был вступить в то звание и на тот

путь, куда меня влекло мое стремление к серьезной и суровой жизни, а именно на военную службу. С этой целью отец мой, захватив все необходимые свидетельства о дворянстве, обратился к генерал-майору Дуке, который тогда был шефом Малороссийского кирасирского полка в имении Иксуль. Пока он занялся отправкой моего прошения о принятии в полк к вел. князю Константину, инспектору кавалерии, мы с отцом вернулись домой. За это время я после некоторой подготовки у пастора Линига был им конфирмован и удостоился первого причащения Св. Тайн вместе с моими дорогими родителями» [6, с. 362].

11 декабря 1808 г. от великого князя Константина пришло сообщение о том, что И.Р. фон Дрейлинг принят юнкером в Малороссийский кирасирский полк. 1 марта 1810 г. Дрейлинг был произведен в эстандарт-юнкера, 8 мая 1811 г. – в корнеты. «Всю осень и всю зиму мы провели очень весело. Во всех дворянских семьях наперерыв давались рауты, за ними следовали вечера и балы, на которых мы старались превзойти друг друга в мазурке ... Так мы встретили Новый год 1812-й. Беззаботно веселились мы и не предвидели той грозы, которая уже собиралась на политическом горизонте нашей родины, не предвидели той пагубной войны, жертвами которой пали многие из этих веселящихся, полных жизни юношей», – отмечал Дрейлинг [6, с. 368].

В Отечественной войне 1812 г. И.Р. фон Дрейлинг принимал участие вместе с полком, который входил в состав 2-й кирасирской дивизии (командир И.М. Дука) 8-го пехотного корпуса М.М. Бороздина, состоявшего во 2-й Западной армии П.И. Багратиона. В Бородинском сражении Дрейлинг был ординарцем при М.И.Кутузове. За оказанную храбрость в сражениях при Шевардине и Бородине был награжден орденом Анны 4-й степени. И.Р. фон Дрейлинг участвовал в сражениях под Тарутином, Малоярославцем, Вязьмой и Красным. За отличие в битве при Красном он получил орден Владимира 4-й степени. «1 января 1813 года мы с Главной квартирой государя и с гвардией перешли через нашу границу около местечка Меречь, через Неман. Здесь нас окончательно назначили ординарцами при государе, и мы находились в распоряжении начальника императорского Генерального штаба Петра Михайловича Волконского», – вспоминал Дрейлинг [6, с. 379]. 26 января 1813 г. он был произведен в поручики, а 22 февраля – в штабс-ротмистры.

И.Р. фон Дрейлинг также принимал участие в Заграничных походах русской армии. 21 апреля 1813 г. за отличие в сражении под Люценом он был произведен в ротмистры, а летом 1813 г. был прикомандирован «для исправления адъютантской должности» к генералу Тильману, который в апреле 1813 г. перешел на русскую службу, и в составе его отряда участвовал в ряде сражений (Дрезденском, на территории Саксонии под Вейсенфельсом, Мерзебургом, Фрейбургом, Альтенбургом, Наумбургом, в Лейпцигской битве, под Веймаром). 29 октября 1813 г. Дрейлинг был награжден орденом Анны 2-й ст. Дрейлинг участвовал в кампании 1814 г. в составе Северной армии союзников, в том числе в сражении при Куртре (Бельгия).

«В моей судьбе произошла важная перемена: по взаимному соглашению обеих государей генерал Тильман перешел на службу к прусскому королю и получил назначение командующего 3-м армейским корпусом. Таким образом, я должен был расстаться с ним ...» [6, с. 390]. 29 мая 1815 г. И.Р. Дрейлинг был назначен плац-адъютантом в Главный штаб. В январе 1816 г. получив разрешение отправиться в отпуск, Дрейлинг поспешил в родные места. «... Семь лет продолжалось мое отсутствие; за это время разыгралась и кончилась эта пагубная война, я подвергался неоднократным опасностям – теперь я опять на пороге отчего дома. Юнкером покинул я его – ротмистром, награжденным знаками отличия, здоровым и невредимым, возвращался я в него. Я вошел в дом! Нет слов, какими возможно было бы описать то невыразимо счастливое чувство, которое испытываешь при таком свидании» [6, с. 393]. В феврале 1816 г. И.Р. фон Дрейлинг возвратился в

Россию, служил в Стародубском кирасирском полку, 1 апреля 1819 г. был произведен в майоры и переведен в Новгородский кирасирский полк.

«...Служака я хороший; эскадрон мой один из лучших в полку. При всем этом – однообразие неблагоприятной гарнизонной службы, которая скучна до отвращения. Ощущается стремление к спокойной семейной жизни...», – отмечал Дрейлинг [6, с. 394]. В своих воспоминаниях, описывая события 1816 г. и несколько дней, проведенных во время отпуска в родных местах, Дрейлинг упоминает девушку по имени Мина: «Среди окружающих меня родных и близких мне не доставало еще одной дорогой мне особы – тети Пенкер и ее младшей дочери Мины. С самой ранней юности питал я к этой милой девушке нежное чувство любви...» [6, с. 394]. И далее пишет: «... Мина стала бывать в нашем доме. Родители ее не противились моему сокровенному желанию и с радостью благословили наш сердечный союз» [6, с. 396]. Сведения архивного документа свидетельствуют: «5 декабря 1820 года обвенчался в Костроме майор Иоган фон Дрейлинг с девицею Вильгельминой фон Пейкер, младшею дочерью покойного надворного советника фон Пейкера» [3, л. 14]. В браке у Дрейлингов родились дети: Алексей Федоров Рейнгольд (1821), Константин Иоганн фон Дрейлинг (1825), Валерия-Антония-Юлия (1828) и Павел Николай фон Дрейлинг (1834) [3, л. 14, 14 об.].

20 марта 1824 г. Дрейлинг был уволен с военной службы. С 1825 г. он служил в Департаменте уделов, в 1859 г. получил чин тайного советника, был членом Совета при министре внутренних дел. 27 июля 1869 г. он вышел в отставку. Сведения относительно даты кончины И.Р. фон Дрейлинга расходятся. В одних исследованиях указывается, что он умер «после 1869 г.» [2, с. 356; 4, с. 737], в других – в 1876 г. [7, с. 6; 8, с. 27].

В 1912 г. в Особый комитет по устройству в Москве Музея 1812 года была передана фотография с миниатюры И.Р. Дрейлинга, а затем и сам миниатюрный портрет. На нем Дрейлинг изображен с адъютантским аксельбантом, орденами Анны 2 степени и Владимира 4 степени с бантом, серебряной медалью за 1812 г. и пряжкой наградного Анненского оружия. На обороте портрета имеется надпись: «Копия. Ротмистр Иван Романович-фон Дрейлинг – 21 год, 28 апреля 1814 года Париж» [12, с. 198]. Спустя годы этот портрет пополнил собрание миниатюрной живописи Государственного Исторического музея, где особую ценность представляют поступившие от различных лиц и учреждений портреты участников Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 гг.

1. Безотосный, В. Отечественная война 1812 / В. Безотосный // Немцы России: энциклопедия. Т. 2: К – О. / редкол.: В. Карев (пред. редкол.) [и др.]. – М., 2004. – С. 737–741.
2. Вступление к воспоминаниям И.Р. Дрейлинга «Воспоминания участника войны...» // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии: из собр. отд. письм. источников Гос. Ист. музея / сост.: Ф.А. Петров [и др.]. – М., 1991. – С. 356–360.
3. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). – Фонд. 98. – Оп. 96. – Д. 3. Дело о дворянстве коллежского советника Павла Ивановича Фон-Дрейлинг (24 марта 1881 – 30 мая 1881).
4. Гохнадель, В. Дрейлинг (Dreiling) Иван Романович (Иоганн Рейнгольд) / В. Гохнадель // Немцы России: энциклопедия. Т. 1: А – И / редкол.: В. Карев (пред. редкол.) [и др.]. – М., 1999. – С. 737.
5. Дрейлинг // Энциклопедический словарь / издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1893. – Т. 11. – С. 148.
6. Дрейлинг, И.Р. Воспоминания участника войны 1812 года. 1820 г. (перевод с немецкого) / И.Р. Дрейлинг // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии: из собр. отд. письм. источников Гос. Ист. музея / сост.: Ф.А. Петров [и др.]. – М., 1991. – С. 361–396.
7. Крупин, Е. Три века фамилии Дрейлингов / Е. Крупин // Вечерняя Рязань. – 1992. – 24 июня. – С. 6.
8. Кузнецов, А. Однополчане / А. Кузнецов // Наука и жизнь. – 1996. – № 6. – С. 24–27.
9. Русско-немецкий легион // Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е.М. Жуков. – М., 1969. – Т. 12. – С. 368.
10. Рындин, И.Ж. Дворянские роды немецкого происхождения, внесённые в Дворянскую Родословную Книгу (ДРК) Рязанской губернии / И.Ж. Рындин // Вре́мён связу́ющая нить. Рязанские

- и коломенские немцы в истории России: сборник историко-краеведческих материалов / сост. А.В. Шенк, Н.И. Демпке. – Коломна, 2007. – С. 39.
11. Рындин, И.Ж. Фон Дрейлинги / И.Ж. Рындин // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10. Рындин И.Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии / под ред., с дополнениями проф. Б.В. Горбунова. – Вып. 3. Давыдовские – Исленьевы. – Рязань, 2008. – С. 98–100.
12. Селинова, Т.А. Миниатюрные портреты участников Отечественной войны 1812–1814 годов в собрании ГИМа / Т.А. Селинова // Музей 5. Художественные собрания СССР. – М., 1984. – С. 182–207.

Р.В. Новожеев, И.И. Потворов
СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ
ПОДПОРУЧИКА АЛЕКСАНДРА БЕЗОБРАЗОВА: МИФЫ И ФАКТЫ

С легкой руки писателя Г.В. Метельского в брянской краеведческой среде в 1974 г. появился один интересный миф. Со слов директора Кокинского совхоза-техникума П.Д. Рылько в конце 1940-х гг. при разборке на кирпич Покровской церкви с. Кокино была обнаружена серебряная табличка на склепе с примерной надписью: «поручик Семеновского полка Александр Безобразов погиб во время Бородинского сражения» [6, с. 65].

Эта информация стала кочевать в краеведческой литературе и обрастать новыми подробностями жизни и смерти участника войны 1812 г., подпоручика Александра Александровича Безобразова, зачастую противоречивыми. Например, существует разброс дат его рождения и смерти, воинского звания, места службы и обстоятельств смерти. К сожалению, метрические книги кокинской церкви не сохранились и это затрудняет поиски достоверной информации. Мы попытались соотнести устоявшуюся краеведческую традицию с документально установленными фактами биографии А.А. Безобразова.

Устоявшимся фактом в брянском краеведении считается гибель Безобразова на Бородинском поле или в ходе Тарутинского боя. На что опирались краеведы? Конечно, не только на поздние воспоминания Рылько, но и на некоторые интересные сведения источников. Во-первых, на информацию Н.Д. Дурново (1792–1828), который в своём дневнике под 6 октября записал: «Александр Безобразов пропал без вести. Полагают, что он был убит в атаке, которую наши казаки произвели против французских кирасиров. Это приведет его бедную мать в отчаяние: он был ее единственным сыном... Слухи о смерти Александра Безобразова, артиллерийского офицера, к сожалению, оправдались. Он был убит в сражении казаков с первым кирасирским полком. Его тело было обнаружено на поле боя совершенно обнаженное» [3, л. 46]. А в примечаниях, составленных А.Г. Тартаковским к изданию дневника 1990 г. отмечено: «имеется ввиду подпоручик лейб-гвардии Артиллерийской бригады Александр Александрович Безобразов, погибший в Бородинском сражении 26 августа 1812 г.» [9]. О чем пишет Дурново: о Бородино или Тарутино? Известно, что в Бородинской битве он не участвовал. То есть получается, что только в Тарутинском лагере Дурново узнал о смерти Безобразова? Вопросов оказывается больше чем ответов.

На памятнике Лейб-гвардии Артиллерийской бригаде, установленном к 100-летию битвы на Бородинском поле упомянут погибший «при Бородине» подпоручик А.А. Безобразов.

Вот, пожалуй, и все основные известные яркие факты его биографии. Именно на них ссылаются. Именно их вспоминают, говоря о герое-земляке. Но соответствуют ли они действительности?

Александр Безобразов был единственным сыном (была еще дочь) помещика с. Кокино Трубчевского уезда Александра Сергеевича Безобразова и его жены Варвары Николаевны (урожденной Тютчевой, тетки поэта, таким образом, Александр Безобразов приходился Ф.И. Тютчеву двоюродным братом). Род Безобразо-

вых владел селом Кокино с начала XVII века. Самая ранняя дата упоминания 1610 г. Варвара Тютчева вышла замуж за А.С. Безобразова вероятно в конце 1780-х гг. Примерно в 1790–1792 гг. у них родился сын Александр. И вскоре после рождения сына Александр Сергеевич Безобразов умер. А возможно и погиб в русско-турецкую войну 1787–1791 гг. Варвара осталась с маленьким сыном на руках. Дальнейшие страницы биографии Саши Безобразова нуждаются в уточнениях. Он в детстве увлекался садоводством и любил мастерить, мать всю жизнь хранила садовый инвентарь и ящик с инструментами сына [1, с. 29]. Вероятно, начал службу в одном из гвардейских полков. Но абсолютно точно известно, что в списке офицеров лейб-гвардии Артиллерийской бригады на 1 февраля 1812 г. значится подпоручик Безобразов, состоящий в службе с 11 июля 1808 г. и в настоящем чине с 28 марта 1809 г [10, л. 7]. На 1 марта 1812 г. подпоручик Безобразов, находился в Орловской губернии по казенной надобности [10, л. 15об]. А на 1 мая 1812 г. подпоручик Безобразов служит в Санкт-Петербурге при учебной роте [10, л. 24, 32.].

В июне 1812 г. войска Наполеона вторглись в пределы России, началась Отечественная война. Где же находился Александр Безобразов? Согласно приказанию дежурного генерала 1-й Западной армии П.А. Кикина в главное дежурство 5-го корпуса от 21 августа 1812 г. подпоручик лейб-гвардии Артиллерийской бригады Безобразов, числящийся в 1-й батареинной роте, был назначен бессменным ординарцем к главнокомандующему всеми действующими армиями генералу от инфантерии М.И. Кутузову [11, л. 79об]. Служба ординарца была крайне тяжела. Он должен был во время боя развозить приказания командующего по частям и подразделениям. Иногда под прямым огнем противника. Это отмечал в своих воспоминаниях еще один ординарец Кутузова Иван Романович Дрейлинг [2].

В списках потерь офицеров лейб-гвардии Артиллерийской бригады на 1 сентября, 1 октября, 1 ноября и 1 декабря 1812 г., а также на 1 января 1813 г. значатся: а) раненые: полковник барон Таубе, поручики Гарданов и Глухов, подпоручик Баранов, прапорщики Рюль и Норов; б) убитые: поручик Павлов и прапорщик Ковалевский. *Подпоручик Безобразов в данных списках не значится* [10, л. 68об.-69, 83об.-84, 96об.-97, 104об.-105, 121об.-122]. Поэтому считать его погибшим на Бородинском поле или в Тарутинском бою нет никаких оснований. Кроме того, ведущий научный сотрудник Бородинского музея Д.Г. Целорунго предоставил нам сведения о том, что надпись на памятнике о гибели А.А. Безобразова ошибочна.

За отличие в Бородинском сражении, во время которого подпоручик Безобразов «развозил приказания главнокомандующего армиями, выполняя эти и другие поручения с мужеством и расторопностью», он был награжден орденом св. Анны 4 класса. Награждение было утверждено 19 декабря 1812 г., а указ Капитулу орденов поступил лишь 8 декабря 1817 г., на тот момент Безобразов числится уже умершим [12, л. 359об.-369]. Представлен Безобразов был к низшей, боевой степени ордена, которой в 1812 г. являлась 3 степень, 4 степень данного ордена была утверждена только в декабре 1815 г. и соответственно в 1817 г. Капитул орденов должен был наградить его низшей степенью на тот момент. Вопрос о дате смерти можно решить лишь весьма условно. В ревизской сказке за март 1816 г. крестьян с. Тучково Владимирской губернии (часть этого села принадлежала Безобразовым) владелицей числится уже майорша В.Н. Безобразова – мать Александра [13, л. 96]. Таким образом, смерть Безобразова приходится на период 1813–1815 гг.

Подпоручик Безобразов был похоронен в склепе Покровской церкви с. Кокино, которая в 1814 г. была расширена по бокам и покрыта железом [4, с. 52], возможно, это связано с его погребением в храме и время смерти Безобразова гипотетически можно отнести к 1813-1814 гг. В память о безвременно умершем сыне в 1818 г. Варвара Николаевна Безобразова начала строительство Спасо-

Преображенской церкви в с. Творишичи, один из престолов которой был посвящен св. Георгию Победоносцу.

В бородинском сражении участвовало три офицера с фамилией Безобразов и это также явилось источником многих краеведческих ошибок. В ряде работ, в том числе и в учебном пособии «История Брянского края» [5, с. 165] подпоручик А.А. Безобразов спутан с Егором Алексеевичем Безобразовым прапорщиком 17-й батареей роты 17-й артиллерийской бригады, состоящей при 17-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта З.Д. Олсуфьева 3-го, второго пехотного корпуса под командованием генерал-лейтенанта К.Ф. Багговута, входившего в 1-ю Западную армию генерала-фельдмаршала М.Б. Барклая-де-Толли. На Бородино Егор Безобразов командовал двумя орудиями и за храбрость был удостоен ордена св. Анны 4 класса. Он был армейским, а не гвардейским артиллеристом. А ведь известно, что при описи имущества В.Н. Безобразовой были найдены гвардейский артиллерийский мундир, обер-офицерские эполеты и серебряный с золотым ободком шейный знак [1, с. 29], т.е. детали униформы подпоручика именно гвардейской артиллерии. Третий Безобразов, участник Бородинской битвы – Петр Михайлович, родом из Московской губернии, поручик Лейб-гвардии Семеновского полка [7], ни по каким критериям не подходит на роль нашего героя.

Как же тогда быть с воспоминаниями Дурново? Во-первых, он сам называет гибель Безобразова слухами. Не исключено, что подтверждение на тот момент было из того же разряда. Нужно учесть, что записи Дурново – это дневник, где он фиксировал только то, что происходило в конкретный день. То есть он зафиксировал не более чем слухи, которые дошли до него через третьих лиц.

Во-вторых, смущает, что он называет Безобразова единственным сыном матери. Если они были близко знакомы (а он бывал у Безобразовых в гостях), Дурново не мог не знать о существовании сестры Александра – Пелагеи. Хотя она тоже рано ушла из жизни и была похоронена в с. Знаменском Мышкинского уезда, Ярославской губернии, где находилось родовое имение Тютчевых.

В-третьих, вполне возможно, что переписывая свой дневник спустя годы, он наверняка мог ошибиться. По горячим следам он записал слух о возможной смерти Безобразова. Да так и оставил его в окончательном варианте дневника. Тем более в дневнике Дрейлинга нет ни строчки о Безобразове, а уж он, наверное, упомянул бы такое событие как гибель своего товарища по службе.

В-четвертых, явное противоречие текста дневника с комментариями. Дурново в записи от 6 октября описывает сражение с французами и завершает его свидетельством о пропаже А.Безобразова. По логике, произошедшей именно в этом сражении. Однако, как мы писали выше, Тартаковский комментирует, что речь идет об А.Безобразове, погибшем при Бородине. Чем руководствовался А.Г. Тартаковский при внесении данного комментария также неизвестно.

Таким образом, ввиду наличия этих противоречий, считать дневник Дурново основным и неопровержимым источником гибели Безобразова в Бородинской битве, нельзя.

На мемориальных досках храма Христа Спасителя перечислены все погибшие и раненые в войне 1812 года офицеры русской армии [8], в их числе нет имени Александра Безобразова. Имеется лишь майор Виленского полка Безобразов, погибший в Смоленском сражении.

Вернемся теперь к табличке с надписью. Насколько можно доверять Г.В. Метельскому? Он ведь писал не научную статью, а художественный очерк, и другие сведения о прошлом Кокино песярят в нем ошибками и неточностями. С этой точки зрения естественным выглядит желание автора (а может и рассказчика) превратить Безобразова из участника Отечественной Войны в героя, погибшего в ее самой известной битве. Текст таблички, имеющийся в музее БГСХА, кстати, не совпа-

дает с текстом в книге Г.В. Метельского. В нем имеется информация, что по просьбе В.Н. Безобразовой останки ее сына были перевезены в родное имение. По утверждению ведущего научного сотрудника Бородинского музея-заповедника Д.Г. Целорунго такой факт не мог иметь место, так как погибших хоронили второпях, часто в братских могилах на погостах вдоль Смоленской дороги, на Ваганьковском или Дорогомиловском кладбищах; офицеров, тем более младших, от солдат не отбирали, надписей на крестах не делали. Так что даже гипотетически идентифицировать и эксгумировать тело погибшего спустя какое-то время было невозможно.

На предполагаемой табличке в звании и воинской части Безобразова есть фактические ошибки. Мы тщательно изучили текст с привлечением специалистов по истории языка. Они дали заключение, что текст не является текстом XIX века, а скорее его вольным изложением, сделанное теми, кто видел табличку в оригинале. Татьяна Петровна Рылько (дочь П.Д. Рылько, создатель и первая заведующая Музеем БГСХА), вспоминая рассказы отца о разорении склепа, сообщила авторам, что Петру Дмитриевичу почему-то больше всего запомнились хорошо сохранившиеся подметки сапог покойного и холодное оружие. Об этом он обычно и говорил. К рассказу Метельского о серебряной табличке она относилась достаточно скептически, сама ее не видела. Вполне вероятно погребальная надпись имела несколько иное содержание, не исключено, что и с упоминанием Бородино.

Таким образом, в результате наших изысканий можно достоверно утверждать, что наш земляк Александр Александрович Безобразов участвовал в Отечественной войне 1812 г. и в Бородинском сражении в чине подпоручика лейб-гвардии Артиллерийской бригады, исполняя в Бородинском сражении обязанности бессменного ординарца главнокомандующего М.И. Кутузова. За отличие при Бородине он был награжден орденом св. Анны 4 класса. Умер он не позднее 1817 г и был похоронен в склепе Покровской церкви с. Кокино. Однако точная дата, место и обстоятельства смерти неизвестны и требуют дополнительных исследований. На наш взгляд, определенная путаница возникла еще тогда, в XIX веке и тем более интересно и важно правдиво отразить судьбу героя Отечественной войны 1812 г. – нашего земляка.

1. Алексеев, В.П. В доме Варвары Николаевны / В.П. Алексеев // Пересвет. – 1992. – № 8. – С. 22–31.
2. Дрейлинг, И.Р. Воспоминания участника войны 1812 года / И.Р. Дрейлинг // 1812: Воспоминания воинов русской армии: из собр. отд. письм. источников Гос. ист. музея / сост. Ф.А. Петров [и др.]. – М.: Мысль, 1991. – 475 с.
3. Дурново, Н.Д. Дневник 1812 г. / Н.Д. Дурново (Отдел рукописей РГБ. – Ф. 95. – Д. 9535).
4. Историческое описание церквей и приходов Трубчевского уезда: репринтное издание. – Белые Берега: Белобережье, 2007. – 110 с.
5. История Брянского края. Ч.1: С древнейших времен до конца XIX в. / О.В. Горбачев [и др.]. – Изд. 2-е с доп. и уточн. – Брянск, 2001.
6. Метельский, Г.В. Листья дуба: Повесть о родной стороне / Г.В. Метельский. – М.: Мысль, 1974. – 255 с.
7. Генералы, офицеры и солдаты русской армии – участники Бородинского сражения. База данных Государственного Бородинского музея-заповедника. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.borodino.ru>. – Дата доступа: 15.01.2012.
8. Галерея воинской славы храма Христа Спасителя. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ххс.ru/walls/index.htm>. – Дата доступа: 15.01.2012.
9. 1812 год Военные дневники / [сост., вступ. ст. А. Г. Тартаковского]. – М.: Сов. Россия, 1990. – 461 с.
10. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 489. – Оп. 1. – Д. 3777.
11. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 103. – Оп. 3. – Д. 78.
12. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф.29. – Оп. 153г. – Св.20. – Д.13.
13. Государственный архив Владимирской области. Ф. 301. – Оп. 5. – Д. 397.

РАЗДЕЛ 3

ПОЛОЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИЯХ, ПОДКОНТРОЛЬНЫХ ВЕЛИКОЙ АРМИИ. ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Е.А. Бруханчик

КРЕДИТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ВОЙНЫ 1812 Г.

Кредитно-банковская система Российской империи дореформенного периода была представлена государственными кредитными учреждениями: Вспомогательным банком для дворянства (1786 г.), Коммерческим банком в Санкт-Петербурге (1754 г.), Заемным банком (1785 г.), казнами воспитательных домов и Приказами общественного призрения [1]. Банки осуществляли свои операции в Москве и Санкт-Петербурге, приказы общественного призрения имелись в ряде российских губерний. В Беларуси к началу военных действий 1812 г. были учреждены Могилевский (1781 г.), Минский (1796 г.), Витебский (1802 г.) и Гродненский (1805 г.) приказы.

Однако все перечисленные кредитно-финансовые учреждения в своей работе не придерживались территориального принципа: любой дворянин мог получить ссуду в каждом кредитном заведении независимо от места своего проживания при наличии хорошей кредитной истории и солидного залога. В первой половине XIX в. при неразвитости промышленности и торговых операций, банки, казны воспитательных домов и приказы общественного призрения были единственными источниками вложения капитала и ее получения на условиях ссуды. Именно по этой причине ликвидация даже одного из этих заведений приводила к замедлению экономического развития государства.

Военные действия второй половины 1812 г. нанесли серьезный урон финансовой жизни Российского государства: часть средств всех Приказов общественного призрения были переданы на военные нужды действующей армии, оставшиеся (за исключением Санкт-Петербургского и Московского Приказов) были на время переданы в государственное казначейство. Кредитные операции были остановлены [7, с. 396].

Проводилась экстренная эвакуация учреждений. 15 августа 1812 г., накануне вступления наполеоновских войск в Москву, почетный опекун Воспитательного дома Александр Михайлович Лунин по распоряжению императрицы Марии Федоровны возглавил эвакуацию Сохранных казен, в Казань [2, с. 46]. В это же время большая часть денежной казны Московского отделения Ассигнационного банка (420,3 тыс. руб. ассигнациями и около 534 тыс. руб. медной монетой), а также почти весь штат были сначала эвакуированы во Владимир, потом – в Нижний Новгород [4, с. 7]. Однако, в отличие от ассигнаций, часть суммы в медной монете – 323,4 тыс. руб. – по указанию генерал-губернатора графа Ф.В. Ростопчина была оставлена в Москве под присмотром «особого чиновника». На ее транспортировку не хватало как подвод, так и времени [2, с. 81].

Отделение вернулось в Москву 26 декабря 1812 г. Чиновники банка обнаружили опечатанные двери и пропажу 16 тыс. руб. из кладовой [4, с. 41–42].

Очевидец тех событий врач А. Нордхоф, служивший у графа И.В. Гудовича, писал, что виновниками пропаж были крестьяне, хозяйничавшие в городе при

отступлении французов: «Имперский банк, имевший большие запасы медной монеты, был начисто разграблен крестьянами. Даже большое количество необработанной меди, которая лежала во дворе и была обращена в банковские залоги, была погружена и увезена. Ее стоимость оценивалась в 40 тыс. руб. В публичных местах у крестьян были повозки, нагруженные медной монетой, которая разменивалась на бумажные деньги с лажем в 75 %. Такой обмен длился несколько дней» [2, с. 82–83].

Оставленные в спешке помещения кредитных учреждений неприятель приспособлял для своих нужд. В пустовавшем здании Воспитательного дома в 1812 г. французами были размещены погорельцы. Там же находился госпиталь армии Наполеона. Операции казен возобновились по окончании Отечественной войны 1812 г., когда Воспитательный дом был отремонтирован и достроен [2, с. 46].

Разграбление Москвы и пожар привели к банкротству многих купцов, потерявших в грабежах свои товары. Это означало, что они не могли вернуть взятые в кредитных учреждениях ссуды. В силу сложившегося безнадежного положения по Высочайшему повелению в 1817 г. было списано долга «торговых людей» Московской учетной конторе на 1,4 млн. руб. [6, с. 36].

В результате военной оккупации из всех заведений Приказа общественного призрения в Московской губернии и в самой Москве уцелели только Екатерининская богадельня и больница, дома умалишенных, рабочий и смиренный, но все имущество их было разграблено. Другие здания сгорели во время пожара, в том числе и четыре дома на Арбате, отдававшиеся Приказом внаем; на территории кирпичного и черепичного заводов было сломано все, что можно было сломать. Потери Московского приказа были оценены в 36 400 руб. ассигнациями [5, с. 86]. Но современников этой войны удивил тот факт, что «даже занятие многих губерний неприятелем и связанное с войной расстройство дел частных лиц не остановили благотворительности: денежные суммы в Приказ общественного призрения перечислялись в размерах, не менее прежних» [3, с. 259, 304–305].

Разорения не обошли и белорусские Приказы. Минский приказ лишился больницы, воспитательного и рабочего домов, суконной фабрики, которые после войны так и не были восстановлены. Суконной фабрики и дома для умалишенных лишился Могилевский приказ [5, с. 114].

Еще одним бедствием для экономики Российской империи стала финансовая «диверсия» армии Наполеона. Во время французской оккупации Москвы город и губерния наводнились большим количеством искусно изготовленных подделок высокого качества. В отличие от настоящих, они имели орфографическую ошибку: вместо «ходячею» монетой и «государственной» ассигнации на них было отпечатано «холячею» и «госуларственной», имелось факсимиле подписей, в то время как на настоящих подписи были чернильными и написанными от руки. Общий объем таких фальшивок составлял менее одного процента всех циркулировавших в это время бумажных денег. После окончания войны в течение нескольких лет было изъято 5,6 млн. руб. фальшивых денег [2, с. 79–81].

Война 1812 г. способствовало эвакуации большинства кредитных учреждений и их персонала, разрушению зданий, потери движимого и недвижимого имущества. Несмотря на военную разруху, приказы быстро возобновили свою деятельность и вполне успешно вели свои операции. Восстановление работы банков потребовало несколько большего времени. Денежное обращение, подорванное выпуском фальшивых бумажных денег и постоянными военными расходами, потребовало проведения денежной и финансовой реформ.

1. Бугров, А.В. Очерки по истории казенных банков в России / А.В. Бугров. – М.: Научно-технический центр «КВАН», 2003. – 288 с.

2. Бугров, А.В. Первые банки в Москве: 175–1860 гг. / А.В. Бугров / Приложение к журналу «Банки и технологии». – М.: Спецкнига, 2007. – 152 с.
3. Варадинов, Н.В. История Министерства внутренних дел: в 7 т. / Н.В. Варадинов. – СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1858–1862. – Ч. 2. Кн. 2.: Период преобразования министерств. С 1810 по 19 ноября 1825 г. – 1862. – 604 с.
4. Государственный банк к столетию Отечественной войны. – СПб., 1912.
5. Дуплий, Е.В. Приказы общественного призрения в России: правовые, организационные и финансово-экономические основы деятельности (1775–1864 гг.): комплексное исследование института первых региональных структур социальной помощи и поддержки / Е.В. Дуплий. – М.: Типография «Медина-принт», 2005. – 124 с.
6. Отчет государственных кредитных установлений за 1817 г. – СПб., 1818.
7. ПСЗ. Собр. I. – Т. 32. – СПб., 1830. – № 25186.

М.Ф. Шумейко
ВОЙНА 1812 ГОДА В СУДЬБЕ АРХИВНОГО НАСЛЕДИЯ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Значительное архивное наследие Великого княжества Литовского (на территории Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской земель существовало свыше 200 судов и каждый из них имел собственный архив [1, с. 25–26]) с началом войны 1812 г. фактически было брошено на произвол судьбы, испытывая на себе все ее превратности. Находившиеся на территории белорусских губерний архивы перемещались по разным направлениям: местной российской администрацией в порядке эвакуации на восток; французами и их союзниками-поляками – на запад. Одним из немногих, не пострадавших от наполеоновского нашествия архивохранилищ, стал архив управления Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторства. Он своевременно был вывезен в Псков и впоследствии благополучно возвратился в Вильно.

Еще 4 июня 1812 г. гродненский гражданский губернатор В.С. Ланской [2, с. 24–27] направил виленскому военному губернатору секретный рапорт о мерах к перевозке архивов присутственных мест. В нем говорилось, что в первую очередь предполагается вывезти архивы, содержащие сведения о земле. 7 июня виленский военный губернатор направил виленскому гражданскому губернатору секретное предписание о вывозе казенных сумм и архивов в Псков [3, с. 39–42].

13 июня начальник Гродненского гарнизона атаман Платов послал казачьи разъезды по Неману от Гродно до Меречи, и одновременно отправил из Гродно в Псков наряду с военными запасами, казенным имуществом, оружием, амуницией и архивы. Однако из-за быстрого продвижения Наполеона сообщение с Псковом было прервано и обозы с имуществом и архивами пошли через Слоним и Новогрудок на восток. Первый эшелон, в котором находились дела Гродненского губернского правления, были отправлены в Минск, где их через несколько недель захватили французы. Часть архивов, правда, достигла Москвы, где они погибли во время пожара российской столицы. Из Белостокской области имущество и дела были вывезены генерал-майором Иловайским 4-м на 1800 подводках и затем по пути, дабы не попали в руки французов, сожжены между Несвижем и Слуцком по приказу интенданта 2-й армии. Масса дел была брошена разбежавшимися подводчиками в Королевском Мосте Пружанского уезда; некоторые попали в Ломжу, откуда впоследствии часть их возвратилась в Белосток [4, с.1–2]. Значительное количество документов было уничтожено в ходе военных действий: сгорели все древние акты, хранившиеся в Кобринском уездном суде, погиб архив Борисовской духовной управы [5, л. 31].

Еще хуже обстояло дело с архивами восточных белорусских губерний, в значительной своей части остававшихся на местах и подвергшихся разграблению, а зачастую и уничтожению противником.

Мысль о том, что древний Смоленск может быть когда-либо занят войсками Наполеона, не приходила тогда в голову чиновникам местной администрации белорусских губерний. Такой вывод можно сделать, анализируя судьбу архива мстиславских присутственных мест, которые при приближении Наполеона, 26 июня 1812 г. были отосланы в Смоленск как безопасное место. Архив представлял собой 19 тюков и 6 сундуков. Сложенный в нижнем этаже корпуса совестного суда, мстиславский архив погиб вместе с местным судебным архивом. Из собственно смоленских архивов (губернского, городского магистрата и православной консистории) уцелел лишь последний, благодаря историку Смоленска, священнику Н. Мурзакевичу. Архив располагался на Соборной площади и в его здании французы устроили цейхгауз.

9 августа 1812 г. губернский архив был снесен в кучу и зажжен перед окнами наполеоновской квартиры. Телохранители французского императора, польские уланы, по словам историка, генерал-майора А.В. Жиркевича, «бивакуя на Блонье (площади, где находился губернский архив) использовали документы вместо тюфяков, а чертежи и планы – вместо ширм» [6, с. 349]. Как явствует из статьи Жиркевича, смоленские архивы не вывезли вследствие того, что по приказу Барклая де Толли все подводы были мобилизованы на военные нужды: подвоз провианта, вывоз раненых, убитых и пр.

Хранившиеся в архиве г. Климовичи древние документы были эвакуированы в 1812 г. в Чернигов, где и затерялись. Новейшая их часть, начиная с 1784 г., впоследствии была обнаружена в жалком состоянии: дела свалены в сыром деревянном сарае, где уничтожались тлением и грызунами; уцелели лишь книги земского суда [7, с. 68].

Находившиеся в присутственных местах, церквях, монастырях древние документы выбрасывались наполеоновскими солдатами на улицу, сжигались. В Орше, например, в числе «ненужного хлама», выброшенного оккупантами из разграбленных церквей и монастырей, оказалось и Евангелие XIII в. Только по чистой случайности Евангелие, названное по месту его находки Оршанским, уцелело и было затем пожертвовано протоиереем Киево-Софийского собора П.Г. Лебединцевым в церковно-археологический музей при Киевской духовной академии. В настоящее время оно хранится в Центральной научной библиотеке им. В.И. Вернадского НАН Украины.

Значительно пострадал и Несвижский архив кн. Радзивиллов, несмотря на лояльное отношение его владельца к французам. Часть архива была вывезена в Неборово, оставшиеся документы подвергались расхищению и уничтожению. Как выяснил в 1820-е гг. один из членов «ученой дружины» графа Н.П. Румянцева И.Н. Лобойко, «солдаты резали пергаменные документы и подшивали их на подтяжки. Другие документы исторической важности похищены различными лицами. Печати, не только украшенные алмазами, но и медные, какие только были и имели приятную наружность, тогда от документов оторваны» [8, с. 73-74]. В то же время, если верить А.А. Шлюбскому, архив пострадал и от русских войск. Шлюбский, в частности, указывал: «Адміралам Чычагавым разрабаваны палацы Радзівіла ў Несьвіжы за яго прыхільнасьць да Напольёна, тады згінула рэшта бібліятэкі, якая у 1772 годзе [sic! – М. Ш.] была вывезена ў Пецяярбург; загінула таксама і частка цэннага архіву» [9, с. 19]. Заметим, кстати, что утверждение Шлюбского ставит под сомнение современный белорусский исследователь В. Пилипчик [10, с. 72–73].

Однако, нет оснований сомневаться в имевших место фактах вывоза из Несвижского замка в Санкт-Петербург книжно-документально-музейных собраний.

В качестве подтверждения, сошлемся на письмо обер-гофмаршала кн. Трубецкого. Оно послано 4 мая 1893 г., очевидно, в ответ на просьбу председателя Московского археологического общества графини П.С. Уваровой сообщить сведения о вывезенных в 1812 г. из Несвижского замка кн. Радзивиллов драгоценностях, книгах, коллекциях медалей, картин и др. В нем, наряду с сообщением общеизвестных, к тому же основывающихся на слухах, фактов, приводятся и оригинальные, позволяющие, на наш взгляд, идентифицировать вывезенные из Несвижа и пребывавшие в конце XIX в. в Эрмитаже предметы быта, украшения и пр.

«О вывезенных будто бы из Несвижского дворца князей Радзивиллов необычайных богатствах после конфискации в 1812 г. составились целые легенды, – писал обер-гофмаршал. – Вероятно, во время войны многое было разграблено, и мне известно только по слухам, что часть книг... поступила в Публичную библиотеку Академии наук, а медали были отправлены адмиралом Чичаговым... в Харьковский университет. В Эрмитаж действительно передан один ящик разнородных предметов, не очень ценных. По засвидетельствованию академика Куника лучшие вещи, а именно, жемчужные звезды ордена св. Екатерины и митра, усеянная жемчугом, были им помещены в галерею драгоценностей Эрмитажа. Некоторые другие мелкие вещи были позже размещены А.А. Васильчиковым там же, а все, им признанное не заслуживающим внимания, хранится в ящике» [11, л. 14–15]. Далее кн. Трубецкой сообщает, что им лично были пересмотрены эти вещи, среди которых находились браслеты, бусы, запонки, печати, ножи, вилки.

Уничтожению и разграблению подверглись и полоцко-витебские архивы. По распоряжению белорусского временного губернатора витебский гражданский губернатор 6 июня 1812 г. отдал указ, чтобы губернское правление и все губернские и уездные присутственные места приготовили свои архивы для перевозки в Новгород. Часть архивов была направлена в Невель, а оттуда – в Великие Луки. Архив дворянского собрания был перевезен в Лугу. Безусловно, все это не могло не сказаться на их сохранности. Так, при перевозке архива дворянского собрания были утеряны городские и земские книги Витебского воеводства за 1718 г., а также начиная с 1746 по 1771 гг. Оставшаяся часть архива была уничтожена неприятелем.

В рапорте полоцкого поветового судьи, 11 июня 1813 г. направленном в Витебское губернское присутствие, говорилось: «По нашествии неприятеля на город Полоцк прошлого 1812 года в месяце июле дела и архива сего суда тем же неприятелем разбросаны и расстроены, стенное зеркало и красные сукны, столы и стулья истреблены, самое присутствие в казенном доме бывшее, опустошено, и ныне сей суд на присутствие никакого места не имеет, а посему и не может привести в известность и порядок дел и архивы, которые между тем временно в иезуитском монастырском строении сложены находятся...» [12, л. 1].

4 января 1813 г. витебский губернский архивариус Лютовский рапортовал руководству губернского присутствия: «Во время нападений на город Витебск неприятельскими войсками две части архивы, в том числе 1800-го по 1809-й год канцелярии г. гражданского губернатора дела и графские книги 1772 по 1778 год разграблены и растащены... а осталась только в целости губернская архива, состоящая на той стороне реки Двины, с коей только взяты динабургского помещика помещиком Ключковским и французским генералом 12 планов о разграничении смежных границ Витебской губернии, реки Двины и прочие, коим выметку невозможно было сделать: сколько ж именно дел и книг губернского правления и других присутственных мест истреблено, не премину в свое время представить ведомость, о чем губернскому правлению покорнейше доношу» [13, л. 1].

В памяти лепельцев война 1812 года, по словам их земляка, известного архивиста и археографа Д.И.Довгялло, оставила весьма большое впечатление. Окрестности г. Лепеля с 1812 по май 1813 г. представляли грандиозное кладбище. Лепель был занят французскими войсками 3 июля 1812 г.; в городе они оставались до 15 октября. Судя по сохранившимся документам, больше всего от нашествия пострадали архивы, дома, присутственные места и должностные лица [14, с. 38–39]. Подобных фактов было более чем достаточно, что делает объяснимым нахождение в архивах Франции документов белорусского происхождения [15, 16].

Как известно, Наполеон вывозил культурные ценности, включая архивы, не только из России, но и из других стран, им захваченных. Кстати, под этот грабеж подводилась даже теоретическая база: дескать, Франция - самая передовая страна мира, поэтому все выдающиеся культурные ценности должны быть сосредоточены здесь. Что касается архивов, вывезенных Наполеоном в огромном количестве, то он собирался ввести платное пользование ими [17, с. 16].

Вследствие поражения Наполеона его планам не суждено было сбыться, и наступило время «собирать камни». 18 (30) мая 1814 г. и 8(20) ноября 1815 г. Россией, Англией и другими странами были подписаны мирные трактаты. В них содержались юридические нормы, касающиеся реституции захваченных архивных ценностей. Поскольку наполеоновские войны сопровождалась созданием вассальных Франции государств, то в трактатах имелись нормы, касающиеся возвращения как захваченных Францией архивов стран и территорий, так и документов, относившихся к управлению созданных Францией стран, которые прекратили свое существование. Согласно этим документам Франция обязана была «возвратить всякие записи и другие документы, кои могли быть захвачены в областях, занятых французскими армиями или правлениями» [18, с. 255]. Она же обязана была вернуть «архивы, карты, планы и всякие документы, принадлежащие уступленным областям или касающихся до их правления» [18, с. 256]. То есть ранее сформулированный принцип происхождения был дополнен территориальным принципом. В свой адрес союзники не записали никаких обязательств по этому вопросу ни в отношении Франции, ни ее колоний, ни других государств.

Война 1812 г. имела самые негативные последствия для документального наследия ВКЛ: кроме уничтожения в ходе военных действий, значительная его часть была вывезена за пределы своего происхождения и не только французами. Укажем хотя бы на случай с могилевским архиепископом Варлаамом (Шишацким), разжалованным и сосланным в одну из российских губерний за приведение населения города 25 июля 1812 г. к присяге Наполеону. Одновременно с высылкой архиепископа его библиотека была передана в Петербургскую духовную академию. Подобный случай не являлся единственным.

1. Лялин, В.А. Виленский центральный архив / В.А. Лялин // Сборник Археологического института. – Кн. 1. – СПб., 1878.
2. Афанасьева, Т.Ю. Гродненские губернаторы (1801–1917 гг.): документально-биографические очерки / Т.Ю. Афанасьева, Р.Ф. Горячева, В.В. Швед. – Гродно: Гродненская типогр., 2007.
3. Виленский временник. – Кн. 5. – Ч. 1. – Вильна, 1912.
4. Орловский, Е.Ф. Гродненская губерния в 1812 году: исторический очерк / Е.Ф. Орловский. – Гродно, 1912.
5. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф.1. – Оп. 28. – Д. 304.
6. Жиркевич, А.В. Смоленские архивы в 1812 году / А.В. Жиркевич // Смоленская старина. – Вып. 1. – Часть 1. – Смоленск, 1909.
7. Записки Северо-Западного отдела импер. Русского географического общества. – Вып. 4. – Вильна, 1914.

8. Козлов, В.П. Колумбы российских древностей / В.П. Козлов. – М., 1981.
9. Шлюбскі, А.А. Матэрыялы да крыўскае гісторыі: доля кнігасховаў і архіваў/ А.А. Шлюбскі // Спадчына. – 1992. – № 4.
10. Пилипчик, В. Поверніть Білорусі награвоване! / В. Пилипчик // Пам'ятки України. – 1994. – № 1–2.
11. Центральный исторический архив г. Москвы. – Ф. 454 (Московское археологическое общество). – Оп. 2. – Д. 130.
12. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1416. – Оп. 2. – Д. 5073.
13. НИАБ. – Ф. 1416. – Оп. 2. – Д. 5377.
14. Довгялло, Д.И. Лепель, уездный город Витебской губернии: хроника минувшей жизни / Д.И. Довгялло. – Витебск, 1905.
15. Лялькоў, І.С. Рукапісныя крыніцы Нацыянальнай бібліятэкі Францыі па гісторыі зносінаў паміж Францыяй і Вялікім княствам Літоўскім у новы час (XVI–XVIII стагоддзі) / І.С. Лялькоў. – Мн., 1998.
16. Лялькоў, І.С. Беларусіка XVI–XVIII стст. у зборах Дэпартаменту манускрыптаў Нацыянальнай бібліятэкі Францыі / І.С. Лялькоў // Вяртанне-6. – Мн., 1999.
17. Лозицкий, В.С. Правові засады міжнароднага співробітництва в галузі реституції архівних фондів і документів: історія, проблеми, перспективи / В.С. Лозицкий // Архіви України. – 1997. – № 1–6.
18. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / под ред. Ф.Ф. Мартенса. – М., 1905. – Т. 14.

Ю.И. Литвиновская

К СИТУАЦИИ В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1812 ГОДУ

Россия и Франция задолго до 1812 г. начали подготовку к войне. В России она особенно активизировалась с 1810 года. Реорганизовывалась армия, улучшались стратегические дороги, строились новые крепости, развёртывались госпитали, создавались запасы продовольствия. Наиболее интенсивно этот процесс развернулся с весны 1812 г. На берегах Западной Двины, в Дриссе, проводилось масштабное строительство оборонительных рубежей. Только на возведении Дриссенского лагеря ежедневно было занято в качестве землекопов, плотников, пильщиков и т.д. более 2 тысяч крестьян разных поветов Витебской губернии [15, с. 63]. Форсированная подготовка России к войне, всей своей тяжестью легла, прежде всего, на плечи населения западных губерний. Бесконечные требования поставок продовольствия и фуража, ежедневные направления множества крестьян на строительные работы, стали неизбежными спутниками жизни населения Беларуси.

Весьма обременительной для населения была подводная повинность. В январе-июне, например, только через города и поветы Витебской губернии проследовало 60 воинских подразделений – бригад, полков, отдельных батальонов, команд. Каждый полк для своего обслуживания требовал около 100 крестьянских подвод. Требования выдвигались командирами абсолютно произвольно. Некоторые желали получить до 45 подвод на батальон [10, вып. 2, с. 279–280, 286, 289].

С началом войны и отступлением армии военные требования в полной мере распространяются на ряд поветов Витебской губернии, а 21–30 июня (3–12 июля) они были введены уже по всей губернии. Решением военных властей ещё от 10 (22) мая, в восьми городах, расположенных в районе Западной Двины, в том числе Витебске и Орше, началось создание крупных центров продовольствия. В каждом из них должны были быть запасы на 58 476 человек, т.е. на четыре пехотные и две кавалерийские дивизии. Со 2 (14) июля в Витебской губернии начинается спешная заготовка продовольствия и фуража. Каждый повет обязан был поставить 1 624 четверти 3 четверика муки, круп и овса соответственно по 152 и 2 100 четвертей, 21 390 пудов сена, 167 волов, 2 000 вёдер вина, 334 парных повозок и 167 подвод [1, с. 7, 72, 105].* Это бремя было чрезвычайно болезненным для

---

* 1 фунт = 374,82 г; 1 гарнец = 8 фунтов = 3,28 л = 3 кг; 1 четверть = 64 гарнца = 209,91 л = 192 кг; 1 четверть = 8 пудов ржи; 1 четверик = 1/8 четверти = 8 гарнцев = 26,239 л = 24 кг.

населения, поскольку Витебская губерния являлась одним из беднейших районов Российской империи. В особенно трудном положении находился Дриссенский повет, где располагалось огромное количество войск. Повет был буквально разорён непрерывными требованиями продовольствия, фуража, подвод, рабочей силы. Уже вскоре после начала войны, в июле месяце, земский исправник жаловался губернатору, что в повете осталось 530 мужчин трудоспособного возраста, а военные требуют прислать для устройства лагеря 1 500 работников с лопатами [1, с. 103].

Пристальное внимание царские власти в Беларуси уделяли и вопросам пополнения армии в первую очередь за счёт местных молодых крестьян. На белорусские губернии распространялась рекрутская повинность, и наборы рекрутов регулярно проводились в соответствии с издаваемыми манифестами. Планы рекрутских наборов в Беларуси, как правило, всегда выполнялись. Только за 1811 г. в русскую армию было призвано – 15 128 человека [9, т. VII, с. 181–183], а в 1812–1813 гг. ещё 31 040 чел. [4, с. 144]. Рекрутский набор, объявленный манифестом от 23 марта (4 апреля) 1812 г. в Беларуси, проходил непросто. Местная шляхта вела массовую агитацию среди крестьян, уговаривая уклоняться от службы в русской армии. Население было весьма возбуждено. Крестьяне не везде шли в рекруты добровольно. Имелись многочисленные случаи побегов, искалечения. 5 (17) апреля 1812 г. князь Огинский, располагавший обширными имениями в Беларуси, ходатайствует перед царём о выделении «десятских», своего рода помощников судов и полиции, для поимки его рекрутов. Он просит Александра I дать соответствующие указания земскому суду. Огинский пишет, что уклонения от рекрутства стали массовым явлением. В Витебской губернии, пойманные беглые рекруты получали 50 ударов плетью и отправлялись в рекрутские присутствия [14, с. 22, 294].

С началом военных действий положение ещё более усугубилось. Ситуация с набором рекрутов в Витебской губернии обсуждалась 13 (25) августа даже в Комитете министров, где отмечалось, что «в приёме рекрут происходит медленность по причине военных действий». В связи с занятием губернского центра французскими войсками витебские чиновники разъехались, казённая палата не снабдила рекрутские присутствия деньгами и раскладочными списками. «Сверх того, – отмечалось на заседании Комитета, – по слухам, распускаемым неблагонамеренными людьми, поселяне, собираясь шайками, распускают и приготовленных рекрут и принуждают к тому владельцев; везомых к отдаче отбивают от датчиков на дороге и причиняют им побои» [5, с. 525].

С началом войны социальная атмосфера в белорусской деревне резко накаляется. Как писал Е.В. Тарле, белорусский крестьянин восстаёт, надеясь освободиться от панского гнёта. Летом 1812 г. Беларусь была охвачена бурными крестьянскими волнениями, переходившими местами в открытые восстания [12, с. 183].

В некоторых случаях антифеодальные выступления крестьян поощрялись французскими военными. Здесь следует отметить, что вне зависимости от позиции верховного командования, рядовая масса наполеоновской армии несла с собой антикрепостнический дух и заражения им белорусской деревни помещики очень боялись. Подталкивание крестьян к выступлениям практиковалось французским командованием, как правило, в местах длительного противостояния войск, с тем, чтобы дестабилизировать обстановку в зоне боевых действий. Витебская губерния относилась к числу таковых. В Полоцком повете, например, в июле 1812 г. «Крестьяне взбунтовались, вышли из повиновения своих помещиков и, соединяясь с французскими мародёрами, разбили казённый магазейн ..., потом все мызы ограбили и своих помещиков прогнали» [8, с. 61–62]. Впоследствии зачинщики волне-

ний были преданы военному суду. Даниил Макаров, Семён Грачуха и Ларион Курашонок были приговорены к смертной казни через повешение. В целях устрашения крестьян приговор был приведён в исполнение незамедлительно в местах, где они проживали [2, с. 345].

Эти случаи не единичны. Витебский губернатор писал 8 (20) августа, что «наипаче в поветах Полоцком, Городецком и Невельском, по внушении неприятельскими войсками необузданной вольности и независимости не только многочисленные крестьяне вышли из повиновения своих помещиков, но оных ограбив и изгнав, достигли высочайшей степени буйства и возмущения, так что и земская полиция не в силах укротить их...» [9, т. XVI, с. 36]. Городокский повет был одним из главных центров антикрепостнического движения в Беларуси.

Однако не следует идеализировать поборников крестьянской вольности из французов. Их «вольнолюбие» зачастую не выходило за пределы грабежа помещичьего имущества. Следует также иметь в виду, что французская антикрепостническая агитация, подстрекательства к самочинному освобождению носили исключительно локальный характер. И это не удивительно, ибо крестьянскую политику французов на оккупированной территории определяло правительство Франции и верховное командование, которые в данном случае соединялись в одном лице императора Наполеона.

Наполеоновская же политика в крестьянском вопросе в Беларуси была консервативной. Она означала социально-правовое статус-кво.

В 1812 г. социальные мотивы в политике французского императора были строго подчинены его политико-стратегическим расчётам. И если временами Наполеон подумывал о том чтобы собственно в России разжечь крестьянский бунт, если, как он писал «...мы сможем извлечь из него пользу...», то на территории бывшей Речи Посполитой, т.е. на литовских и белорусских землях, как отмечает польский историк М. Кукель, преобразование общественных начал должно было осуществляться на основе права, т.е. таким образом как это было сделано в герцогстве Варшавском, где в 1807 г. Наполеон ввёл «Гражданский кодекс», уничтоживший крепостную зависимость и сословные перегородки [11, с. 36]. Вместе с тем, находясь в Витебске, Наполеон имел разговор с крестьянами, в котором стремился выяснить их точку зрения на этот важнейший вопрос [7, с. 137]. Кроме того, как свидетельствует адъютант Наполеона граф де Сегюр, «В Витебске Наполеон ... поручил двоим из близких себе людей выведать настроение в народе. Надо было привлечь их свободой и ... втянуть их в наше дело» [13, с. 81].

Политика Наполеона в крестьянском вопросе нашла своё концентрированное выражение в одном из первых распоряжений Временного правительства ВКЛ «Воззвании к городским, уездным и сельским властям». В нем говорилось, что все крестьяне, оставившие по приходе войск свои дома, обязаны вернуться и приступить к исполнению своих земледельческих работ и повинностей. Но в тылу Великой Армии было неспокойно. «...Величайший беспорядок, царивший в сельских местностях» Витебской губернии, – отмечает маркиз А. де Пасторе, заставил местное дворянство обратиться с просьбой о восстановлении спокойствия к Наполеону, пребывавшему в это время в городе. «Летучие отряды» созданные по его распоряжению для усмирения крестьян «скоро затушили этот временный бунт» [10, вып. 3, с. 187].

Восставшие крестьяне арестовывались и привлекались к суду. Летом – осенью 1812 г. в созданных французскими властями судах дела подобного характера занимали главное место. Их относили к категории уголовных.

Таким образом, факты свидетельствуют, что вместо ожидаемого освобождения армия Наполеона принесла в Беларусь непосильные реквизиции и грабежи. Одних только мародёров бродило по белорусской земле и терроризировало население до 50–60 тысяч человек, то есть около десятой части вступившей в пределы Российской империи Великой Армии превратилась в бандитов, бродивших по её тылам [3, с. 105]. «Беспорядки и грабежи ... были первым злом, и мы заставили крестьян чуждаться нас», – писал адъютант Наполеона Арман де Коленкур [6, с. 188].

1. Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812–1813 гг. – Вильна: Губ. тип-я, 1913. – Ч. 2: Переписка по части гражданского управления. – 1, 128, 356 с.
2. Бабкин, В.И. Новые материалы о классовой борьбе крестьян в 1812 г. / В.И. Бабкин // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. – М.: Наука, 1969. – С. 343–350.
3. Богданович, М.И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам: В 3 т. / М.И. Богданович. – СПб.: Изд-е тов-ва «Общественная польза», 1859–1860. – Т. 2. – 1860. – 654 с.
4. Ерашэвіч, А.У. Уплыў напалеонаўскіх войнаў на грамадска-палітычнае жыццё Беларусі (1799–1815 гг.): Дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А.У. Ерашэвіч. – Мінск, 2003. – 211 с.
5. Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802–1826 гг. – СПб.: Тип-я В. Безобразова и К^о, 1881. – Т. 2: 1810–1812 гг. – [8], 132, XXXII, 758 с.
6. Коленкур, Арман де. Поход Наполеона в Россию / Арман де Коленкур. – Смоленск: Смядынь, 1991. – 368 с.
7. Кудряшов, И. Призрак Великой Литвы / И. Кудряшов // Родина. – 1992. – № 6–7. – С. 32–35.
8. Ливчак, Б.Ф. Народное ополчение в вооружённых силах России 1806–1856 гг. / Б.Ф. Ливчак // Свердловск. юр. институт. Учёные труды. Серия «История государства и права». Т. 4. – Свердловск, 1961. – 272 с.
9. Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-учёного архива Главного штаба. Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Издание Главного управления Генерального штаба. – СПб.: Тип-я Бережливость. – Т. VII: Подготовка к войне в 1811 г. (Декабрь месяц. Документы без дат). – 1907. – 342, XXXV с.; Т. XVI: Боевые действия в 1812 г. (Август месяц). – 1911. – XI, 283 с.
10. Полоцко-Витебская старина. – Витебск: Изд-е Витебской учёной архивной комиссии. – Вып. 2. – 1912. – 368 с.; Вып. 3. – 1916. – 330 с.
11. Попов, А. Белорусский эксперимент Бонапартия. (Что побудило французов сохранить зависимость крестьян от помещиков.) / А. Попов // Родина. – 2002. – № 8. – С. 36–39.
12. Тарле, Е.В. Нашествие Наполеона на Россию: 1812 год / Е.В. Тарле. – М.: Воениздат, 1992. – 304 с.
13. Французы в России. 1812г. по воспоминаниям современников-иностранцев – М.: Задруга, 1912. – Ч. 1. – 200 с.
14. Харкевич, В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников: Материалы военно-учёного архива Главного штаба: В 4 вып. / В.И. Харкевич. – Вильна: Тип-я штаба Виленского военного округа, 1900–1907. – Вып. 1. – 1900. – 255 с.
15. Шымук, Б.П. Падзеі 1812 года на Дрысеншчыне / Б.П. Шымук // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Верхнядзвінскага раёна: у 2 кн. – Мінск: «Паліграффармленне», 1999. – Кн. 1. – С. 62–65.

Д.Н. Петров

ФРАНЦУЗСКИЙ РЕЖИМ В МОГИЛЕВЕ ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1812 Г.

Современное международное право признает оккупацией временное занятие вооружёнными силами воюющей стороны в международном конфликте территории неприятеля в период ведения военных действий. Право военной оккупации регулирует отношения между оккупирующей державой, с одной стороны, и полностью или частично оккупированным государством, с другой [3, с. 387]. Институт оккупации как правовой режим порождает целый комплекс правоотношений, которые касаются различных сфер: соблюдения законов и обычаев ведения войны, управления, правовой регламентации положения населения оккупированной территории, в целом, соблюдения норм гуманитарно-правового характера. В настоящее время режим военной оккупации детально регламентирован международно-правовыми актами, такими как Гаагские конвенции 1899, 1907 гг., Женевские конвенции 1949 г. и др. В силу этого определенный историко-правовой ин-

терес представляет изучение специфики режима французской военной оккупации во время 1812 года на примере Могилева.

Для Могилева оккупация началась в начале июля 1812 года: «8 июля маршал Даву вошел с корпусом в Шкловские ворота. Немедленно было составлено Временное правительство по военной части. Комендантом города польских войск полковник Роминский; по гражданской же бывший Губернский предводитель дворянства Крогер и помещики Лускина и Венцолович: ревностные приверженцы Французам, они делали раскладки сколько всякой помещик должен был доставить припасов во Французскую армию и город, что и было доставлено с большим убытком, как провиант, рогатый скот и лошади... Евреи исполняли обязанности, на них налагаемые, содержали бельем, припасами и всем нужным госпиталям; по врожденной им алчности неохотно расставались со своим добром и потому более показывали приверженность к России, нежели Поляки» [2, с.10]. В Записке могилевского коменданта Г.С. Окунева о событиях 1812 года сообщалось: «маршал Даву с корпусом вошел в город после упорного сражения с корпусом Раевского под Салтановкой. Весь город был завален ранеными по улицам, все присутственные места и лучшие дома были наполнены ранеными французами: жители, кои имели способы, все сбежали, но большая часть была захвачена и возвращена в город; пленные, бежавшие из команд и полков, принадлежащих к данному краю и Польскому, распушены по домам. Русские же были отсылаемы по усмирению за конвоями куда следует в безопасные места» [2].

Также сразу была предпринята попытка сделать рекрутский набор, которая закончилась провалом. Удалось набрать всего лишь около 400 человек, которых назвали Народной гвардией. Обучали азам военного дела под руководством французских офицеров, при этом, не выдавая рекрутам оружия (данная гвардия ничем себя не проявила, и при освобождении Могилева русскими войсками разбежалась, сдав русским казакам под местечком Княжицы своего предводителя и могилевского коменданта Роминского). Следующим шагом, предпринятым французскими властями, было приведение могилевского дворянства, шляхты, Грекоримского и иностранного духовенства к присяге на верность Наполеону. В документах из Архива Священного Синода, касающихся дела могилевского архиепископа Варлаама, можно встретить следующий документ: Форма присяги на имя Французского Императора и Итальянского короля Наполеона: «Я, нижеименованный, клянусь Всемогущем Богом в том, что, установленному Правительству от Его Императорского Величества, Французского Императора и Итальянского Короля Наполеона, имею быть верным, и все повеления его исполнять, и дабы исполняемы были, стараться буду» [2]. 13 июля 1812 г. могилевскому архиепископу Варлааму прислали уведомление об учинении присяги на верность Наполеону и об упоминании Наполеона и его супруги императрицы и королевы Марии Луизы при богослужении. Аналогичные указания были даны относительно упоминаний Наполеона и в римско-католических костелах. Особые указания Временным Правительством даны в отношении церковных церемониалов. Звонить Благовест было приказано только в один маленький колокольчик, а остальные колокола подвязать для того, чтобы в случае необходимости снять их для литья орудий. В остальном же в могилевских церквях проходило обычное церковное богослужение. Сами церкви французами были сохранены в благополучии, не грабились и в них не размещались конюшни.

Также был установлен новый обменный курс валют – 1 франк стоил 80 русских копеек.

На должность гражданского губернатора был назначен командующий Первым корпусом маршал Даву, чьей резиденцией стал губернаторский дом, а вместо

Губернского правления была учреждена Временная комиссия под его управлением. Вторым после маршала Даву начальником в Могилевской губернии становился генерал Польской армии Пакош, который квартировался в архиерейском доме со своей администрацией, а Спасская церковь становилась его придворным костелом. Могилевская семинария отдавалась под швейную, в которой могилевские портные и сапожники шили мундиры и сапоги для польских и французских полков.

Особое внимание было уделено формированию системы местных органов государственной власти и управления вместо упраздненных учреждений, действующих ранее. Высшим должностным лицом становился военный генерал-губернатор маркиз Далорно. В уездах создавались комиссии под председательством подпрефектов, города управлялись мэрами. Центром управления являлся Могилев, в котором учреждались:

1) Губернская гражданская комиссия в составе: член Могилевского суда 2-го департамента бывший председатель Юрий Лускин; маршал дворянства Сенненского повета Эртман; войский Гольинский; Копыцкий поветовый маршал Ножделовский; бывший председатель Департамента Могилевского главного суда; переводчик Томашевич; коллежский секретарь Боржаловский (секретарь). В функции комиссии входил сбор провианта, фуража, набор конных и пеших жандармов.

2) Поветовая комиссия – занималась сбором продовольствия;

3) Мэр (префект) – заведование Могилевом и поветами всей губернии;

4) Главный фискал (бывший могилевский прокурор Вакар);

5) Магистрат;

6) Подпрефектура – в ее функции входило управление внутренними делами города, но фактически ограничивалось поставками в армию;

7) квартиреры, ратманы, секретный курьер и аптекарь.

Был предпринят и ряд мер военного характера. В городе были установлены артиллерийские батареи, построен понтонный мост. Система фортификационных укреплений, некоторые улицы были закрыты для прохода.

Оккупационными властями были назначены и конкретные количественные показатели сборов с населения. За все четырехмесячное нахождение французов в Могилеве с населения брались контрибуция и провиант. Так устанавливался рекрутский набор: 1 рекрут с 25 крестьян и 1 лошадь с 25 душ. Шкловские евреи сделали более 5000 башмаков, 3000 мундиров для французских войск, кроме этого было назначено собрать 30 000 шуб. В денежном эквиваленте в Могилеве было собрано с «жидовского кагала» более 30 000, а с крестьян и мещан – более 15 000.

Кроме этого, были предприняты попытки введения на территории Могилевской губернии норм французского брачно-семейного права. Так, предполагалось ввести временные и вечные браки - временные браки сроком на 2,3, 5 лет и т.д., а вечные – до смерти одного из супругов. Вечные браки заключались на основании единодушного согласия мужа и жены, а вечные – на основании церковного бракосочетания без права развода.

В целях недопущения грабежей частной собственности и во избежание крестьянских волнений польские солдаты размещались на проживание в загородные дома и фольварки, являясь гарантом ее неприкосновенности и защиты, а также контролируя послушание крестьян своим помещикам. Имели место случаи расстрела французскими властями французских солдат, уличенных в кражах имущества у жителей Могилева.

В результате оккупации Могилевская губерния потерпела убытки до 18 миллионов деньгами и убыль населения в 72797 человек. После оставления Могилева французами полковые командиры освобождавших город русских частей с

удивлением отмечали: «город Могилев благополучен весь уцелел, да и нет благополучнейшего города из всех городов, забраны неприятелем, как Могилев; а нашу то матушку Москву неприятель деревнею сделал», а другие офицеры говорили: «да кто причиной этому, что город Могилев остался после неприятеля благополучен, не разорен, и даже следа нет, что неприятель был в нем», и сказав сие, указал офицер на одного иеромонаха, в то время там стоявшего, и сказал: эти игумены причиною благополучия города Могилева, они с Крестом и Евангелием пали на колени пред Наполеоном и присягнули ему; что город защищали, то это хорошо, что они подданными Наполеоновыми стали» [1, с. 87–88].

Таким образом, французский оккупационный режим в Могилевской губернии летом-осенью 1812 года в целом соответствовал нормам и принципам «права войны» того периода, отличался относительной мягкостью и лояльностью, не носил реакционно-карательного характера. Во многом это было обусловлено отсутствием вооруженного сопротивления со стороны жителей Могилевской губернии и принесением присяги на верность французскому императору.

1. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси. Том 2. Приложение. Записки игумена Ореста. – Вильна: Печатня губернского правления, 1867.
2. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные, по поручению Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича / под редакцией К. Военского. – Т III. Белоруссия в 1812 году. – Санкт-Петербург, 1912.
3. Васильева, Л.А. Международное публичное право: учебное пособие / Л.А. Васильева, О.А. Бакиновская. – Минск: ТетраСистемс, 2010. – 576 с.

В.В. Горидовец

СУДЬБЫ ПРАВОСЛАВНОГО И УНИАТСКОГО ДУХОВЕНСТВА ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ 1812 ГОДА

Учитывая тот факт, что в ходе военной кампании 1812 года французская военная администрация на захваченных территориях не требовала от священнослужителей отречения от Церкви и веры в Бога, представляется наиболее корректным в ходе настоящего исследования оценить в большей степени гражданскую позицию служителей Церкви в этот период.

Наиболее объективно состояние церковно-приходской жизни в пределах Витебской губернии во время французской оккупации излагается в переписке Святейшего Синода Русской Православной Церкви с разными должностными лицами: архиепископом Рязанским и Зарайским Феофилактом (Русановым), Полоцким униатским архиепископом Иоанном Красовским, представителями военной и гражданской администрации населенных пунктов губернии [2, с. 2].

Из этой переписки известно, что для налаживания церковной жизни на территории освобожденных от французов губерний, 27 ноября 1812 года Императорским рескриптом был командирован в Смоленск и сопредельные области член Святейшего Синода архиепископ Рязанский и Зарайский Феофилакт (Русанов). Он собрал сведения о состоянии приходов и Могилевской епархии, одну пятую часть которой составляли православные приходы Витебской губернии [2, с. 3].

В частности выяснилось, что Могилевский архиепископ Варлаам (Шишацкий) по требованию французских властей принес присягу на верность Наполеону, что побудило на подобный шаг и подчиненное ему православное духовенство [4]. В ходе следствия, проводившегося по приказу императора Александра I с декабря 1812 по август 1813 гг., было установлено, что ввиду утраты присяжных листов точное число православных священно- и церковнослужителей Могилевской епар-

хии, последовавших примеру своего правящего архиерея, установить невозможно [3, с. 36]. Сам же архиепископ Варлаам на следствии причиной своего поступка назвал желание сохранить в спокойствии и тишине врученную ему Церковь и уточнил, что французам присягнула приблизительно третья часть от всего количества епархиального духовенства, а большая часть священнослужителей избежала этой участи в силу слабости французской администрации в удаленных районах епархии [3, с. 36]. Святейшим Синодом объяснения архиепископа Варлаама не были признаны удовлетворительными и, поскольку архиерей «не показал себя примером пастве своей в непоколебимой верности законному своему Государю, но навлек в таковое преступление многих из своих подчиненных» [3, с. 36], синодальным решением 1 мая 1813 года он был лишен архиепископства и священства, ордена св. Анны I степени, оставлен только в монашеском чине и определен на пребывание в Новгородско-Северский Спасский монастырь Черниговской епархии [1].

В своем донесении Святейшему Синоду архиепископ Феофилакт (Русанов) отметил, что духовенство православных приходов Витебской губернии осталось верным клятве своему Государю, а отдельные лица мужественно проявили себя при нашествии французов [2, с.12].

Так, протоиерей Витебского Успенского собора Петр Околович по предписанию Витебского губернского правления эвакуировал в г.Новгород весь соборный причт, соборные драгоценности и церковные суммы, библиотеку и архив духовного училища, архив духовного правления [2, с.13].

Преподаватель Витебского духовного училища Антон Мижурский, после прихода французов, не желая служить захватчикам, вместе с женой ушел в лес и пешком следовал на восток, питаясь нищенским подаянием, и все-таки вышел в расположение русских войск в районе Великих Лук [2, с.14].

При оккупации г. Витебска французскими войсками, духовенство городских церквей покинуло город, укрываясь в его окрестностях и в Марковом монастыре. Эти меры предосторожности не оказались напрасными: французы превратили Семеновскую церковь в склад оружия, Борисоглебскую церковь – в склад пороха и боеприпасов, Рынково-Воскресенскую церковь – в хранилище сена и соломы, Заручевско-Воскресенскую церковь – в мельницу, Бернардинский монастырь возле городской ратуши – в продовольственный склад, а Преображенскую церковь напротив губернаторского дома – разрушили [2, с. 15].

Православное духовенство г. Полоцка встретило приход французов в стенах города. Протоиерей Покровского собора Феодор Соболевский совместно с прихожанами защитил свой храм от разграбления, потеряв при этом личное имущество, а во время богослужений в соборе, в присутствии французских военных, бесстрашно возносил молитвы о даровании победы Государю Императору Александру Павловичу [2, с. 15]. Второй священник этого храма Кирилл Дорошкевич призывал прихожан не терять мужество и надежду на скорое поражение врага, кроме этого привел в русский плен до 300 человек французов, затем находился в русской армии при генерале Дохтурове, графе Платове, генерал-лейтенанте Голенице-Кутузове и с большим усердием выполнял их поручения [2, с.16, 17].

Монахи Полоцкого Богоявленского монастыря во главе с архимандритом Александром больше всех пострадали от разбоя, творимого французскими военными. При нападении на монастырь архимандриту Александру были нанесены сильные побои, от которых он слег в постель. Были разграблены четыре монастырские церкви, разгромлены монастырские здания. У монахов отняли не только деньги и иерейские кресты, но и белье, обувь, посуду, мебель – всего на сумму 2 555 рублей. В церквях монастыря были похищены золотые и серебряные бого-

служебные сосуды, напрестольные кресты, украшения с икон, разрушены престолы и жертвенники, иконостас в одной из церквей, прострелен купол. В монастырских имениях Ропно и Глушица были изъяты все съестные припасы, а хозяйственные постройки вместе с крестьянскими домами – сожжены [2, с. 19, 20].

Хотя Минский римско-католический епископ Яков Игнатий Дедерко, другие латинские епископы и поддержали французскую сторону, униатские приходы в Полоцке не избежали погрома от захватчиков [2, с. 3]. Грабили церковное имущество не только французские военные, но и подстрекаемые ими крестьяне, которые, впрочем, недолго пользовались такими приобретениями, позже сами став ограбленными со стороны французов [2, с. 4]. После захвата города сразу была разорена резиденция униатских архиереев в имении Струнь близ Полоцка: монастырь, семинария, консистория, фабричные заведения, склады с продовольствием. Пропали архиерейская библиотека и архив, французские солдаты обнаружили и спрятанные в земле драгоценности униатского архиепископа Иоанна Красовского, в числе которых главной ценностью была украшенная алмазами панагия полоцких архиереев, унаследованная им от митрополита Ираклия Лисовского [2, с. 4]. По свидетельству архиепископа Иоанна Красовского, в пределах его епархии враг повсеместно грабил церкви и монастыри, попирали святыни, сжигал некоторые церкви и притеснял униатское духовенство, которое, следуя за своим архиереем «... держало верность к истинному и природному своему Монарху, не входя ни в какие вероломные фикции» [2, с. 5]. Со стороны французских властей архиепископу Иоанну было сказано «что ты креатура Московская» [2, с. 5], с него сорвали сапоги и шейный галстук, после чего он, спасая свою жизнь, покинул свои покои в имении Струнь в одной рясе. Не имея даже пищи, вместе с тремя своими помощниками, неоднократно подвергаясь смертельной опасности, он три дня скрывался в районе своей резиденции и стал свидетелем кошмаров французских военных, когда ими разбрасывались и попирались даже святыне из архиерейской церкви [2, с. 4]. В самом Полоцке французы сожгли мужской и девичий монастыри при униатской епископской кафедре, но кафедральный собор сохранил свою ризницу стараниями униатского игумена Корженевского: два дня французы безуспешно ломали крепкий железный затвор на ее дверях, а когда они решились ломать стену, то Корженевский для пресечения этого намерения, передал им залог, а потом целое лето никуда не отлучался и оберегал ценности храма, в котором разместился французский госпиталь [2, с. 5].

Сам архиепископ Иоанн Красовский, чтобы не быть узнанным преследующими его французами, переделался в крестьянское платье, отрастил бороду, переправился через реку Западная Двина и инкогнито отправился за 35 верст в Лепельский уезд, в свое имение Черствяты [2, с. 12]. Французы пустили вслед слух о его аресте. В ответ на это архиепископ Иоанн разослал по всей епархии своих доверенных лиц «дабы возродить во всех слабых и колеблющихся дух истинного верноподданничества к законному, пекущемуся о соблюдении веры и благоденствия, нашему Правительству» [2, с. 8], ставя в известность всех униатских священников, что он жив и тверд духом. Это архиерейское обращение в сочетании с личным примером стойкости и мужества архиерея в отношении к захватчикам, настолько утвердило униатское духовенство в верности российскому правительству, что документально не было зафиксировано случаев измены ему [2, с. 12]. Из патриотических соображений некоторые униатские священники даже благословляли крестьянам грабеж своих помещиков, изменивших России и предавшихся Наполеону [2, с. 12].

Во все время скрытного пребывания архиепископа Иоанна в Лепельском уезде, французская администрация через своих ставленников в уездном правле-

нии настойчиво пыталась досадить ему. Так, префект Лепельского повета Гребницкий приложил все усилия, чтобы разорить имущество архиерея: в церковных имениях устанавливал двойные или тройные ставки налогов, в большом количестве реквизирует скот и лошадей, ставил на постой французских военных и даже подсылал мародеров [2, с. 4]. В результате, после изгнания французов архиепископ Иоанн сделал следующий вывод: «Я потерял почти все, но удержал и соблюл мою верность к Всероссийскому Престолу и ныне с радостью взираю, что все так точно совершилось, как я думал, желал и предвещал» [2, с. 4].

Весной 1813 года были подсчитаны потери, нанесенные французами униатским приходом в Витебской губернии: разграблено 207 церквей, имуществу нанесен ущерб в размере 85 129 рублей, служители униатских церквей понесли убытки на сумму 177 575 рублей. Униатские монастыри Витебской и Могилевской губерний были ограблены на 1 186 567 рублей [2, с. 11].

После изгнания французов российским правительством велось расследование деятельности архиепископа Иоанна Красовского и его действия были признаны верными. В результате, 27 апреля 1814 года от имени российского императора архиепископу Иоанну была письменно выражена благодарность и пожалована украшенная камнями драгоценная панагия, взамен похищенной в 1812 году [2, с. 11]. Кроме того, российским правительством была оказана материальная помощь разоренным монастырям, церквям, священно- и церковнослужителям Полоцкой униатской епархии [2, с. 12].

31 марта 1813 года архиепископ Рязанский и Зарайский Феофилакт (Русанов) доложил Святейшему Синоду об имущественных потерях православных приходов Могилевской епархии за время пребывания французов: сожжены 4 церкви (две городских и две сельских), разорены также 4 церкви (в городах Витебске и Динабурге (совр. г. Даугавпилс), в трех приходских церквях значительно уменьшилось число дворов прихожан. Кроме того, не вернулись к месту прежнего служения: 2 протопопа, 5 священников, 1 диакон и 3 причетника. В отношении этих лиц было предложено навести справки, а при невозможности их найти – назначить новых клириков. Для компенсации имущественных потерь приходов, было предписано Могилевской духовной консистории выступить с соответствующим ходатайством перед правительственными органами. Архиепископ Феофилакт также признал необходимыми денежные выплаты со стороны российского государства православным клирикам, потерявшим свое личное имущество, и в приложении к донесению указал не менее 19 имен духовных лиц и мирян, которым полагались суммы от 570 до 50 рублей [2, с. 21].

Разоренное состояние святых мест понуждало частных лиц, также потерпевших убытки из-за войны, жертвовать для их возрождения свое имущество и средства. Например, герой Отечественной войны 1812 года генерал от кавалерии граф Петр Витгенштейн передал Полоцкому Богоявленскому монастырю 5 760 рублей и 4 голландских червонца на восстановление его храмов [2, с. 20].

Архиепископ Варлаам (Шишацкий) тяжело переживал события 1812 года: уже неся наказание за государственную измену и находясь в монастыре, от непрерывного плача потерял зрение, а в последние годы жизни сделался и очень раздражительным [1]. Сохранилось предание о том, что, намереваясь присягнуть Наполеону, он говорил своему секретарю: «Ты думаешь, что Россия будет благополучна?!.. Пусть будет благополучна, я один тогда буду несчастлив» [1]. Из этих слов видно, что вовсе не личной выгоды искал архиепископ Варлаам, а заботился о благе многих своих пасомых. Действительно, при отступлении войск Наполеона город Могилев не был сожжен, как многие другие покоренные им города в Российской Империи [1].

Таблица 1. Распределение общего числа разграбленных униатских храмов по уездам Витебской губернии [2, с. 11]

<i>№ n/n</i>	<i>Уезд</i>	<i>Число церквей</i>
1	Витебский	32
2	Полоцкий	28
3	Городокский	16
4	Лепельский	57
5	Дриссенский	17
6	Суражский	19
7	Велижский	9
8	Невельский	8
9	Себежский	18
10	Люцинский	3

Таблица 2. Убытки униатских храмов, понесенные во время французского нашествия по уездам Витебской губернии [2, с. 11]

<i>№ n/n</i>	<i>Уезд</i>	<i>Сумма (руб.)</i>
1	Витебский	21469
2	Полоцкий	22000
3	Городокский	2188
4	Лепельский	30143
5	Дриссенский	2129
6	Суражский	6000
7	Велижский	1200
8	Невельский	-
9	Себежский	-
10	Люцинский	-

Таблица 3. Личные убытки униатского духовенства Витебской губернии, понесенные во время французского нашествия (данные по уездам) [2, с. 11]

<i>№ n/n</i>	<i>Уезд</i>	<i>Сумма (руб.)</i>
1	Витебский	16224
2	Полоцкий	45812
3	Городокский	17594
4	Лепельский	72242
5	Дриссенский	12075
6	Суражский	13128
7	Велижский	500
8	Невельский	-
9	Себежский	-
10	Люцинский	-

Состояние несчастного узника ярко выразилось в распространенной среди волынского и черниговского духовенства песни, составление которой приписывали Варлааму в период его заточения. Слова этой песни характеризуют его внутреннее настроение, вполне доказывающее, что он не был и не мог быть отъявленным злодеем, а напротив – действовал только под влиянием внешних обстоятельств военного времени, против которых не в силах был устоять:

Лестей твоих, свете,
Я прежде не знал,
И за верна друга
Я тебя считал.
Нравом добротливым
Многим услужил,
Чаял себе верных,
Тем врагов нажил.

Кругом врагов лестных
Смотрит на мя глаз,
Как-то я приметил
И уже не раз.
В глазах: брат, здоров!
За глазами съестть готов;
Аспидские речи
Летят, как картечи,
Ах, за мною вслед [1].

В заключении своей автор песни высказывал мысль быть оправданным пред судом, если не в настоящем, то в будущем времени:

Движет ревность сердца,
Что совсем я прав;
Только уличает
Свет мя преслушав.
Но Бог милосерд,
Сотрет камень тверд
На мелкие части,
Все мои напасти
На них обратит [1].

На Волыни и Черниговщине еще долго после 1812 года бытовало предание, будто бы император Александр I хотел помиловать Варлаама и даже предлагал возратить ему сан епископа [1]. Но Варлаам, удрученный недугами и слепотой, отказался от этого, выражая желание до конца жизни терпеть назначенное наказание, которое и нес вплоть до дня своей смерти – 23 июля 1820 года [4].

В целом и православное, и униатское духовенство во время пребывания армии Наполеона в пределах Витебской губернии, своим пастырским словом и примером воодушевляло пасомых на защиту Родины, не щадя при этом своего имущества и даже самой жизни, а отдельные представители священно- и церковнослужителей прославились героическими поступками и даже ратными подвигами.

1. Благотворительный фонд «Русское Православие» [Электронный ресурс] / Биографии архиереев. – Режим доступа: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_2684. – Дата доступа: 03.04.2012.
2. Матюшенский, А., протоиерей. Униатское и православное духовенство Полоцкой епархии в войну 1812 г. / протоиерей А. Матюшевский – Витебск: Витебская губернская типография, 1913. – 23 с.
3. Мельникова, Л.В. Отечественная война 1812 года и Русская Православная Церковь / Л.В. Мельникова; Издание Сретенского монастыря. – М., 2002. – С. 36.
4. Православная энциклопедия [Электронный ресурс] / Варлаам. – Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/154215.html>. – Дата доступа: 02.04.2012.

М.Г. Борисенко **К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ** **К МОНАСТЫРЯМ МОСКВЫ**

«...Прекрасная столица под лучами яркого солнца горела тысячами цветов группы золоченых куполов, высокие колокольни, невиданные памятники. Обезумевшие от радости, хлопая в ладоши, наши, задыхаясь, кричат: «Москва! Москва!» [5, с. 71], – таковы воспоминания о Москве офицера французской армии.

Наполеон вступил в Москву 2 сентября 1812 года. Однако то, что увидели французы, совсем не соответствовало их первоначальным ожиданиям. «Во всех этих богатых домах и дворцах, – рассказывает Labaume, – мы находили только

детей, стариков да русских офицеров, раненых в предыдущих битвах. В церквах престолы были убраны, как для праздника: по множеству зажженных свечей и лампад перед образами святых видно было, что до самого ухода набожные москвичи молились. Эти разительные картины народной набожности и приверженности к религии возвышали в наших глазах побежденный народ и наводили стыд на нас за сделанную ему несправедливость...» [2, с. 35].

По своей сути, история пребывания французов в Москве, в том числе их политика в отношении монастырей и церквей является историей быта не только Москвы, но и французской армии, и оставшихся в городе москвичей во время Отечественной войны 1812 года.

За несколько дней до вступления неприятеля в Москву была организована эвакуация ценных вещей. 30 августа на архиерейское подворье было прислано 300 подвод, которые были распределены по храмам и монастырям для эвакуации церковных святынь и ценностей. Наполненные повозки утром 1 сентября были вывезены в Вологду, а в ночь на 2-ое сентября из Москвы «тайно от народа вывезли Иверскую и другие иконы» [1, с. 22].

Судьба московских монастырей была не менее трагична, чем судьба всего города осенью 1812 года. Монастыри стали местом для расположения военных. О том, что же происходило в стенах московских монастырей во время занятия французами Москвы, опубликованы сведения в «Русском архиве» за 1864 и 1869 года.

Прежде всего, нужно отметить, что эти сведения являются интересным источником по истории монастырского быта. Еще 31 октября 1817 года министр духовных дел князь А. Н. Голицын написал Московскому архиепископу Августину, что Государь потребовал от настоятелей монастырей обстоятельные и истинные описания того, что происходило в монастырях во время нашествия французов. Причем указывалось, что сведения должны быть простыми в своем изложении, краткими и правдивыми. Этот приказ был исполнен, и 5 декабря того же года сведения были переданы князю Голицыну, списки с которых сохранились в архиве Московской духовной консистории и были опубликованы в «Русском архиве». Сведения были переданы из мужских и женских монастырей.

Как правило, из монастырей 1 сентября были вывезенные, находившиеся там ценности. Либо, если из монастыря ничего не вывозилось, то эти ценности, представленные драгоценными ризами икон, священническим облачением, богослужебными сосудами и т.д., прятались в каком-либо тайнике. Однако в большинстве монастырей тайники были обнаружены, а их содержимое разграблено.

Так как монастыри издревле на Руси были помимо духовных центров еще и оборонительными сооружениями, куда в случае угрозы собирался народ, то Наполеон также сделал ставку на укрепление монастырей. Известен тот факт, что французы долго не могли взять Новодевичий женский монастырь, и лишь после того, как один из неприятелей перелез через ворота и уговорил находившихся там открыть их, только тогда французы смогли войти в обитель.

«Император почти каждый день объезжал верхом различные районы города и посещал окружающие его монастыри, высокие стены которых делали их похожими на маленькие крепости. Он часто распространял эти разведки на довольно далекое расстояние. Монастыри были заняты сильными гарнизонами или же служили казармами для наших войск. Император приказал устроить в монастырских стенах бойницы с таким расчетом, чтобы оборону могли вести небольшие отряды, – на случай, если армия выступит из Москвы, чтобы дать сражение неприятелю» [4, с. 197], – пишет А. Коленкур в своих воспоминаниях.

Таким образом, Наполеон распорядился укрепить монастыри, сделать их оборонительными пунктами, рассчитывая на зимовку в городе. Так, например, в

воспоминаниях Цезаря Ложье есть следующие сведения: «Москва, 1 – 4 октября. Все решительно заставляет нас думать, что наше пребывание в столице царей продолжится на долгий срок [...] Полковнику Ларибузие поручено укрепить Кремль на основании детальных инструкций, переданных ему самим императором. [...] Вот уже 4 октября значительная часть трудов окончена. [...] Тюрьма, расположенная в предместье, обращена к итальянцам в нечто вроде укрепленной цитадели. Два монастыря, занятые депо 1-го и 3-го корпусов, получают такое же назначение» [5, с. 86–87]. В воспоминаниях бывшего штатного Новодевичьего монастыря также есть сведения о том, что монастырь укреплялся. Там французы проббили в печуре воротные пролеты для двух орудий, также под жертвенником и Престолом были проломаны своды, откуда торчали орудия. Таким образом, в монастыре по приказу Наполеона была устроена батарея для метания снарядов.

Ко всему прочему в монастырских зданиях располагались военные, некоторые из монастырей обустроивались под конюшни и хранилища провизии. Таково описание Страстного женского монастыря: «4 сентября неприятели ворвались в обе церкви, и все в них разграбили, нижнюю церковь обратили в магазин, а в кельях поставили гвардейцев» [7, стб. 1399]. Или же описание Крестовоздвиженского монастыря: «В нижней церкви стояли лошади, в иконостас вбили гвозди для вешания конской сбруи, в алтаре находились кровати. Весь монастырь был уставлен фурами с провиантом» [7, стб. 1393]. Или же сведения из Заиконоспасского монастыря: «В нижней церкви монастыря поставлены были лошади, которые вместо ковров покрыты были ризами, а в алтаре помещались кровати. На городской стене поставлены были караулы, а отверстия в стене закладены. В казначейской келье жили портные и шили мундиры; во флигеле, где помещались книжные лавки, француженка торговала вином и съестным; постель у нее была покрыта плащаницей» [7, стб. 1388].

Некоторые монастыри после нашествия французов пришли в упадок. Так, например, в «Кратком историческом очерке московского Ивановского девичьего монастыря», написанным И. Ф. Токмаковым в 1882 году, содержатся сведения о том, что после ухода из Москвы французов монастырь был обращен в приходскую церковь. «Так, с 1813 по 1859 год, более 45 лет, монастырь уже не существовал, соборный храм его числился приходской церковью...» [9, с. 19]. Но уже в 1859 году монастырь был открыт снова. Московский Никитский девичий монастырь вообще сгорел. Новодевичий монастырь французы собирались взорвать. Уже все готово было для взрыва: в кельях была разложена солома, везде был порох, под монастырским собором было две кадки пороха. Но монахиням удалось спасти обитель, т.к. инокиня Сарра смогла вовремя угасить фитили, тлевшие возле бочек с порохом.

Ко всему прочему, существуют сведения об отношении французов непосредственно к монахам: «По вступлении неприятелей в монастырь, оставшиеся в монастыре монашествующие из одного выгнаны, ограблены до наготы, и употреблены неприятелем под ноши [...] Иеродиакон Владимира употребляли под ноши нагого и, покрыв святым покровом, водили в Кремль к королю Неополитанскому (который разбирает приводимых русских); он сочтен за казака, и ему угрожали расстрелом, но отпустили» [7, стб. 1388], – таковы сведения о насельниках того же Заиконоспасского монастыря.

В описаниях встречаются сведения и о быте французов, живших в монастырях. Из этих описаний можно узнать, что французы приспособивали монастыри для жизни, а в качестве дров жгли иконы. Существовала проблема нехватки продовольствия: «В те дни, пока не нагрянули бури зимние, голод был губительнейшим оружием» [3, с. 124]. В описании Богоявленского мужского монастыря есть следующие сведения: «Неприятели жили в настоятельских покоях и непрестанно требовали

хлеба и продовольствия, но у казначея не оставалось ничего кроме муки, которую оно сохранил, а неприятель не усмотрел...» [7, стб. 1390]. Или же сведения из Крестовоздвиженского монастыря: «Стреляли голубей и галок под крышами, варили их и жарили, резали лошадей для употребления в пищу» [7, стб. 1393]. Схожие описания дают и сведения из Новодевичьего женского монастыря.

Однако существуют сведения и о снисходительном отношении французов к монастырям и монашествующим, но эти сведения на фоне остальных являются, скорее, единичными случаями. Так, например, Глинка в своем труде «Записки о войне 1812 года» дает следующее сведение о Новодевичьем монастыре: «Частный пристав Реми, от 23 сентября докладывал: “Завтрашнего числа начинается служба в Девичьем монастыре”» [3, с. 109]. Таким образом, было дано разрешение служить Литургию. В воспоминаниях штатного Новодевичьего монастыря упоминается о том, откуда брали муку для выпечки просфор и вино для совершения Таинства Причастия. «За красным вином ходили к Щербатову [...], а мука еще велась...» [8, стб. 428]. В Новодевичий монастырь мука была принесена из Николаевского мужского монастыря: «братию заставили нести награбленное монастырское имение, а архимандриту дали нести муку весом пять пуд в Новодевичий монастырь, что он и исполнил...» [7, стб. 1389].

В целом, за время нахождения французов в Москве монастырям был нанесен значительный урон. Ко всему прочему, положение осложнял и пожар Москвы, который также задел отдельные монастыри. Практически все монастыри были разграблены французами, переплавлявшими серебро и золото с икон на нужды своей армии. В большинстве случаев монастырские здания использовались в качестве конюшен или же в качестве хранилища для провизии. И совсем жуткими представляются сведения о том, что в одном из монастырей – Высокопетровском – французы устроили скотобойню [6, с. 150].

Такого рода отношение французов к святыням Москвы еще тогда вызывало недоумение: как такое могло произойти? И как нельзя лучшим выражением отношения к сложившейся ситуации самих москвичей являются слова А. Рязанова, ученика Славяно-греко-латинской академии, которому в 1812 году было 14 лет: «Неужели западные народы, освещенные учением Евангелия, не знают, что и русские не идолопоклонники, но так же, как и они, исповедуют веру христианскую и имеют храмы во славу Всемогущего Бога, для приношения молений, в которых совершается бескровная жертва, в воспоминание страданий и крестной за нас смерти Богочеловека – Иисуса Христа? Неужели война принуждает нас отвергать религию и делает христиан богоотступниками – изуверами? Неужели между враждующими истребляется всякая мысль о благочестии к вере и заменяется богохульством?..» [6, с. 148].

1. Бахрушин, С.В. Москва в 1812 году / С.В. Бахрушин; издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. – М.: Типография В. И. Воронова, Моховая, Д. кн. Гагарина, 1913. – 40 с.
2. Верещагин, В.В. Наполеон I в России 1812 / В.В. Верещагин. – Тверь: Твер. Агенство «Созвездие», 1993. – 286 с.
3. Глинка, С.Н. Записки о 1812 годе: [в 10-ти кн.]. Кн. VII / С.Н. Глинка. – СПб.: Типография императорской Российской Академии, 1836. – 362 с.
4. Коленкур, Арман де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию / Арман де Коленкур. – Таллин: АО «Скиф Алекс» М., 1994. – 462 с.
5. Ложье, Ц. Дневник офицера великой армии в 1812 году / Ц. Ложье. – М.: Правда-пресс, 2005. – 279 с. – (Библиотека мемуаров).
6. Мельникова, Л. В. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года / Л. В. Мельникова; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М.: Срет. монастырь, 2002. – 238 с.

7. Московские монастыри во время нашествия французов [Современная записка для представления министру духовных дел кн. А.Н. Голицыну] // Русский архив. – 1869. – Вып. 9. – Стб. 1387–1399.
8. Московский Новодевичий монастырь в 1812 году. Рассказ очевидца – штатного служителя Семёна Климыча // Русский архив. – 1864. – Вып. 4. – Стб. 416–434.
9. Токмаков, И. Ф. Историческое и археологическое описание Московского Никитского девичьего монастыря, основанного родителем патриарха Филарета, Никитой Романовичем. – М.: Тип. А. Малюкова и К°, 1888. – 59 с.

П.Д. Падбярзкін ІДЭАЛАГІЧНАЯ БАРАЦЬБА НА СТАРОНКАХ “ЧАСОВАЙ МІНСКАЙ ГАЗЕТЫ”

Французскі імператар Напалеон Банапарт заўсёды надаваў шмат увагі газетнай справе. У акупаваных краінах ён асабіста распараджаўся выходам перыядычных выданняў, іх зместам, пераследваў непажаданую перыёдыку.

8 (20) ліпеня 1812 года ў Мінск увайшлі аддзелы французскага маршала Луі Даву і праз 10 дзён у горадзе на польскай мове пачала выдавацца “Часовая Мінская газета”. У якасці гістарычнай крыніцы гэтая газета цікава перадусім узгадкамі аб вядомых нам толькі па архіўных матэрыялах гістарычных дзеях тагачаснага Мінска, Мінскай губерніі, настройх пэўных груп насельніцтва, звесткамі аб матэрыяльным быццё і духоўным жыцці Мінска ў час знаходжання там напалеонаўскіх войскаў.

Але галоўнай мэтай выдання газеты была яе пэўная ідэалагічная накіраванасць як друкаванага органа-рупара тых слаёў грамадства, якія бачылі ў Францыі і Напалеоне гарантыю аднаўлення свайго краю. Прасачыць настроі гэтых груп праз выданне іх друкаванага органа і змяшчаных там характэрных ідэалагічных фармулёвак дазваляе нам скласці пэўную карціну таго ідэйна-эмацыянальнага ўзбуджання, якое суправаджала ўваход у Мінск французскіх войскаў у ліпені 1812 года.

Напалеон – міфалагізацыя вобразу. Пачатак 1812 года быў часам амаль абсалютнай гегемоніі імперыі французцаў на еўрапейскім кантыненте. Пospехі Францыі як насельніцтвам, так і вышэйшымі ўрадамі Еўропы звязваліся непасрэдна з геніем Напалеона I. У 1812 годзе ўзвышэнне гэтага генія дасягнула найбольшага ўздыму.

Насельніцтва былой Рэчы Паспалітай, якое пазначалася для французцаў палітонімам “палякі”, бачыла Напалеона як чалавека, здольнага змяніць сам лад жыцця іх народа. Напалеон называлі “збавіцелем” [1, с. 9], “волатам вякоў” [2, с. 15], “увакрасіцелем Айчыны” [3, с. 46], “гарантам існавання нацыі” [4, с. 61], “клапатлівым бацькам” [там жа, с. 60], “адраджэнцам” [5, с. 65]. Як вынікае са зместа газеты, хваля ўзвышэння Напалеона дасягае асаблівага ўздыму на канец лета 1812 г., што звязана, хутчэй за ўсё, з поспехамі французскіх войскаў.

У жніўні 1812г. стадыя ўзвышэння паступова пераходзіць у стадыю міфалагізацыі вобразу імператара. Асоба Напалеона пакрываецца алегарычным арэалам, ён параўноўваецца з біблейскім Ёвам-пераможцам д’ябла, якому сам Геркулес выбівае надпісы на скале [6, с. 50]. Такім чынам, Напалеон выступае як божы выбранец, пад нагамі якога ляжыць “разадраны маскоўскі арол” [там жа]. Напалеон узводзіцца ў лік сакральных асоб, звязаных з Юпітэрам, з богам часу; лічбе гадоў імператара быў пастаўлены алтар з ахвярай” [там жа]. Назіраецца працэс сакралізацыі, калі не крокі да абагаўлення імператара (алтар). Як міфалагічны герой, Напалеон мае вогненны меч [5, с. 65] і сваю Перамогу (*Nika*). Банапарт выступае вобразам усяго станоўчага для паляка, расеец – усяго адмоўнага. Наяўнасць вы-

разнага падзелу на “чорнае” і “белае” указвае на працэс міфалагізацыі і сакралізацыі вобраза імператара.

“Чорны” вобраз расейца. Рускія ў большасці выпадкаў называюцца “маскалямі”, іхняму нацыянальнаму характару надаюцца выключна адмоўныя рысы, а менавіта “труслінасць” [2, с. 15], прагу да ўцёкаў з поля бою, хцінасць і фанабэрыстасць [3, с. 43], падманлівасць [там жа, с. 44], неадукаванасць [9, с. 95]. Рускія быццам бы заўсёды дрэнна ваююць, яны называюцца “недабіткамі” [4, с. 17], “праклятымі скіфамі” [8, с. 81], народам, у якім немагчыма “абудзіць фанатызм” [9, с. 95]. Нават прыроднае асяроддзе рускага народа называецца “варварскім”, рака Волга, у параз’нанні з высакародным берагам Рэйна ёсць “карыта” [8, с. 81]. Менавіта на рускіх ускладаецца бяспрэчная адказнасць за падпал Масквы [9, с. 93].

“Белы” вобраз палякаў і “пасіўнасць” ліцвінаў. У адрозненні ад рускіх, палякі (тут ужываем этнонім), маюць толькі станоўчыя якасці. Дух паляка цалкам належыць Айчыне, ён не шкадуе рэштак свайго дзеля Айчыны [1, с. 11]. “Сённяшнія” палякі здольныя быць “вартымі сваіх дзядоў” [10, с. 28], маюць высокую прававую культуру [4, с. 59], з’яўляюцца “сталымі і мужнымі” [11, с. 77]. Са зместу газеты вынікае, што, у адрозненні ад палякаў, ліцвіны не дасягнулі такіх “дасканаласцяў”: ня глядзячы на сваю “баявінасць”, ліцвіны не спяшаліся “праліваць кроў” за добрую справу адраджэння [5, с. 64], з’яўляліся “толькі пасіўнымі сведкамі цудаў перамог над маскалямі” [12, с. 85]. Жыхары Мінскай губерні чамусьці не спяшаліся карміць французскую армію [13, с. 109]. Такім чынам, шляхам удалай падборкі ідэйных якасцяў, палякі, ліцвіны, рускія і французы надзяляюцца пэўнымі станоўчымі ці адмоўнымі якасцямі, кожны народ фарміруецца ў асобны станоўчы ці адмоўны маналітны вобраз. Толькі ліцвіны стаяць дзесьці на мяжы станоўчага і адмоўнага, сумяшчаючы ў сабе “чорныя” і “белыя” рысы. Пры гэтым як бы на вяршыні “піраміды народаў” узвышаецца Напалеон – цалкам станоўчы вобраз, вялікі герой. Іншымі словамі, газета ідзе ў авангардзе стварэння міфу Напалеона.

Антырасійская рыторыка. Праз усю газету праходзіць сцверджанне, што сапраўднымі абаронцамі палякаў з’яўляюцца французы, якія праліваюць за іх кроў [5, с. 21]. Пры гэтым рускія з’яўляюцца ненадзейнымі патронамі і саюзнікамі. Яны ўвесь час прайграюць бойкі [10, с. 29], адбіраюць усё “зрадай і падкопам” [там жа, с. 28], здрадзілі “сваім саюзнікам у Тыльзіце і Эрфурце” [15, с. 33], ня здольныя зразумець польскі народ [16, с. 73]. Пospехі рускай зброі ў мінулым тлумачыцца наяўнасцю нямецкіх вайскаводцаў (Мініха і Остэрмана) [17, с. 38]. Такім чынам, адзіны выхад для паляка – гэта абаперціся на французскую зброю, якія, у адрозненні ад рускіх, “гарантуюць вольнасць” [там жа, с. 38].

Папулярнасць газеты. Лагічным вынікам выдання газеты была б яе папулярнасць сярод чытаючай публікі Мінска. З самога зместу нумароў газеты даведацца аб меры яе папулярнасці наўрад ці магчыма. Але рэдактарскія запісы ў нумарах газеты пачынаючы з восені 1812 г. наводзяць на пэўныя думкі. Так, у канцы № 15 падаецца інфармацыя аб кошце падпісцы і аб суме падпіскі непасрэдна ў рэдакцыі [16, с. 75]. 27 верасня 1812 г. рэдакцыя просіць падпісчыкаў абвесціць ёй, ці жадаюць яны працваць падпіску [8, с. 83], тое ж яны робяць яшчэ 2 разы: ў № 18 [12, с. 87] і ў № 19 [18, с. 91]. У лістападзе газета змяшчае звесткі аб тэрміне выхаду газеты [9, с. 95; 19, с. 99].

Усё пералічанае ўказвае на тое, што газета не карысталася вялікай папулярнасцю сярод чытаючай публікі Мінску, якую трэба было запрашаць купіць газету і падпісацца на яе. Зразумела, на папулярнасці газеты маглі адбіцца і няўдачы

французскіх войскаў, але ж рэдактарскія запісы ўсё ж ткі кажуць пра нізкую папулярнасць газеты. Чытаючая публіка на то час была больш элітарнай і магла крытычна ўспрымаць занадта “бела-чорную” інфармацыю. У той жа час той пласт грамадства, які актыўна рабіў усё дзеля “збаўлення” свайго краю ў свеце надыходу відавочнай няўдачы для французцаў у кампаніі 1812 г. мог ужо з меншым энтузіазмам падтрымліваць сваіх “збаўцаў”. Такім чынам, колу выдаўцоў “Часовай Мінскай газеты” магла пагражаць частковая ізаляцыя.

1. № 1, 18 ліпеня 1812 г. (тут і надалей спасылкі на нумары газеты даюцца па выданню: Часовая Мінская газета. Мн., выдавец Віктар Хурсік, 2008)
2. № 3, 26 ліпеня 1812 г.
3. № 9, 16 жніўня 1812 г.
4. № 12, 30 жніўня 1812 г.
5. № 13, 13 верасня 1812 г.
6. № 10, 19 жніўня 1812 г.
7. № 4, 26 ліпеня 1812 г.
8. № 17, 27 верасня 1812 г.
9. № 20, 8 лістапада 1812 г.
10. № 6, 5 жніўня 1812 г.
11. № 16, 23 верасня 1812 г.
12. № 18, 30 верасня 1812 г.
13. № 24, 22 кастрычніка 1812 г.
14. № 5, 2 жніўня 1812 г.
15. № 7, 9 жніўня 1812 г.
16. № 15, 20 верасня 1812 г.
17. № 8, 12 жніўня 1812 г.
18. № 19, 4 лістапада 1812 г.
19. № 21, 11 лістапада 1812 г.

С.Л. Вилейко

1812 ГОД: ПАРТИЗАНСКАЯ И НАРОДНАЯ ВОЙНА

В чём бы ни усматривать первичные причины войны 1812 года, как бы ни толковать её основной смысл на арене мировой истории, и как бы глубоко ни раскрывать её последствия, неизменной остаётся одна основная идея этого великого исторического события – героическая борьба русского народа за свою родину, за свою историческую самобытность.

Прежде чем характеризовать партизанские действия в 1812 году, необходимо определить, кого считать партизанами, а для этого выясним, кого считали партизанами сами участники войны. Перед самым началом войны подполковник Чуйкевич составил, по поручению Барклая де Толли, аналитическую записку с рекомендациями командованию. Он советовал «вести против Наполеона такую войну, к которой он ещё не привык... Уклонение от генеральных сражений, партизанская война, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопущения до фуражировки... суть меры для Наполеона новыя». Он рекомендовал «беспрестанно развлекать внимание неприятеля, посылая сильные партии иррегулярных войск беспокоить его денно и ночью», «иметь несколько летучих отрядов из лёгких войск по одной или по две тысячи человек... Дело их есть прерывать непрестанно неприятельскую операционную линию и действовать на флангах и в тылу неприятеля» [5, с. 187].

Эти рекомендации нашли применение в боевой практике 1812 года. Современники относили к партизанам мелкие «партии» и более крупные «летучие отряды». Анализ документов штаба Кутузова показал, что, во многих случаях, и те и другие именовались «партизаны, партии, отряды». В «Военном словаре»

Тучкова, мы можем найти такое определение: «Малая война – так называется война, производимая малыми отрядами и набегами в неприятельские земли; партия – отдельная часть войска, определенная для каких-либо особых военных предприятий; партизан-чиновник... которому поручаются партии, составленные из отборных легких войск. Должность его есть беспокоить набегами неприятельскую армию, снимать посты или отдельные пикеты, захватывать транспорты и прочее» [5, с. 187].

Современники никогда не называли отряды крестьян партизанскими. В источниках они обозначались иначе: «поселяне, вооруженные обитатели, вооруженные крестьяне, кордоны пограничные, ополчение, внутреннее охранное войско». Кроме того, задачи и способы боевых действий партизан и народных дружин различались. Отряды самообороны защищали свои деревни и города от грабежа и разорения, поэтому им следовало находиться в определенном месте, осуществляя патрулирование района. Партизаны же нападали на коммуникации противника, для чего нужно было постоянно маневрировать. И только на рубеже веков (XIX-XX), некоторые историки, пытаясь показать активную роль в войне крестьянства, отождествили понятия «партизанская» и «народная» война. В советское же время все крестьянские отряды были объявлены партизанскими, хотя отождествление понятий «народная» и «партизанская» не совсем правомерно.

Партизанская война – это активное воздействие армейских отрядов на коммуникации и тыл противника. Народная война – это участие в боевых действиях временных военных формирований из числа гражданского населения, плохо или совсем необученных и слабо вооруженных; они обороняли определенную территорию. В 1812 году эти два вида боевых действий велись не изолированно, а в тесной связи между собой. Поэтому представляется возможным говорить о сочетании партизанской и народной войны, что будет более соответствовать историческим фактам, и именно с этой позиции рассматривать события, происходившие в 1812 году на территории Беларуси и Смоленщины.

В Западном регионе Беларуси (Брестская обл., Гродненская обл. и часть Минской) условия похода для неприятеля чрезвычайно облегчались доброжелательным отношением польской шляхты. Наполеон, ещё готовясь к войне, весьма предусмотрительно заранее подготавливал среди поляков благоприятное для себя настроение: он возбуждал у них надежду на восстановление Польского королевства и приказал своему послу в Варшаве, аббату де Прадту, «довести поляков до восторга, но не до безумия» [2, с. 14]. Весьма понятно, до какой высокой степени напряжения такая политика могла поднять патриотические устремления у экспансивного польского народа.

Поляки устроили в Вильно Наполеону торжественную встречу, а 3 августа праздновали день его тезоименинства. Минск, с цветами и музыкой, встретил маршала Даву, который там от имени императора французов объявил, что «непобедимая армия Наполеона пришла для возврата полякам отечества».

Справедливости ради, надо отметить, что местными шляхтичами, сторонниками Наполеона, даже создавались вооруженные отряды для нападения на отступающие обозы 2-ой Западной армии Багратиона. Так, например, 28 июня, помещик Павел Рафинович отбил у россиян в селе Вишневка, близ Зельвы, более трехсот ружей. Подобным образом был захвачен обоз с мундирами для Сумского гусарского полка, в селе Зельвяны захвачено десять подвод медикаментов. В Кобринском повете был создан отряд конфедератов, который захватил в Дивине русский продовольственный магазин. Все трофеи свозились в Гродно на нужды новой администрации.

В Пинске произошло, чуть ли, не восстание: при приближении кавалерии Шварценберга был сформирован отряд с Фобрианом Горничем и Твардовским, который захватил военную кассу, продовольственный магазин, 18 подвод обмундирования и 80 пленных! 11 июля все это было передано венгерским гусарам Шварценберга, в честь которых поветовый маршалок Скирмунт дал бал.

Местная шляхта шпионила в пользу Наполеона. В Гродно Жерому Бонапарту шляхтой был представлен подробный рапорт о противнике; в Новогрудке поветовый маршалок Рдултовский доложил генералу Рожнецкому все сведения о Багратионе; комиссар из Новогрудка Узловский, вывезенный русскими, убежал из-под конвоя и, достигнув Ошмян, рассказал французам всё, что видел у русских [6, с. 78].

Православные же крестьяне – белорусы, составлявшие основную массу населения Минской, Могилевской, Витебской губернии иначе относились к французскому владычеству, чем поляки. Для белорусов, владычество французов и торжество поляков являлось возвращением к столь ненавистному прошлому. Еще не так много лет прошло, как они свободно вздохнули, избавившись от польско-католического гнета, и теперь снова грозила им та же опасность. Вот почему, проходя по их губерниям, неприятель встречал лишь опустевшие деревни. Казалось, все сельское население вымерло, оно бежало от французов и поляков, вглубь дремучих и болотистых лесов.

В период отступления русской армии белорусское крестьянство очень часто оказывало помощь ей, выполняя роль разведчиков или проводников, так или иначе, участвуя в операциях арьергардных частей. Крестьяне деревни Симаковки, из поколения в поколение, передают рассказ об одном из таких случаев, происшедшем 28 июня (10 июля) в момент сражения при м.Мир. В конце прошлого столетия деревню Симаковку посетил историк В. Харкевич, где и записал рассказ 70-летнего старика Юстина Романейко о том, что тот слышал от деда.

«Казачи были под командой генерала Платова. Взяли они нашего мужичка Дениса, дали ему казачью лошадь и послали с несколькими казаками в Столбцы, где за Неманом было другое казачье войско, чтобы провел его через урочище Мхи. Потому он был здешний и дороги хорошо знал. Поляки пришли в деревню и стали снестать. Казачи сначала мало показывались, возились с ними перед деревней и стреляли. Потом силой навалились. Когда поляки обессилили, подошли и ударили те, которых привел Денис от Столбцов. Разбили, и побежали поляки на Жуковичи, Медзведку, а некоторые на Мир» [1, с. 70].

Вступить в открытую борьбу с полумиллионной, хорошо вооруженной армией было невозможно. Приходилось действовать, не обнаруживая себя перед большими отрядами противника. Когда по дорогам проходили отряды французских войск, их никто не тревожил. Но стоило только отдельным солдатам удалиться в сторону от движения колонны, и перед ними, как из-под земли, вырастали вооруженные вилами, топорами или просто дубинами крестьяне, и тогда расправа с врагами была коротка. И такие случаи были не редкостью.

Вот один из примеров такой расправы: «Два французских солдата корпуса Даву, во время движения на Могилев, около деревни Есьмон, отстали от колонны, сбились с пути, и попали на другую дорогу, где встретили их вышедшие из лесу два крестьянина. Сделав вид, что они желают помочь французам выйти на дорогу, крестьяне завели их вглубь леса и убили палками, а трупы закопали вблизи от дороги [4, с. 47–48].

Особенно широкие размеры приняла партизанская борьба крестьян с французами в Витебской губернии, на территории между русским корпусом гене-

рала Витгенштейна и неприятельскими корпусами Удино и Сен-Сира, в районе Полоцка. Имеются интересные предания о борьбе крестьян с французами в этом районе, опубликованные в журнале «Русский архив». Одно из них гласит, что «в деревне Михосинках крестьяне столкнули 15 человек французов с крутого берега в реку Волту». Другое предание довольно интересно своей подробностью: «В деревне Вороньках расположился было на ночлег сильный французский отряд человек в пятьдесят. Об этом дано было знать в другие деревни. Собрались самые смелые и сильные мужики, вооружившись чем попало. Французы для своего ночлега избрали сарай, развели у самых ворот огонь, составили ружья в козлы, поставили двух часовых и сами залегли на сено спать. Один из крестьян взялся было прислуживать французам, приносил им птицу, воду и высматривал положение французского отряда. Когда наступила ночь и французы захрапели, крестьяне бросились в сарай, расхватили ружья и напали на французов; лишь часовой сумел убить наповал одного крестьянина. Враги России были истреблены» [3]

Наиболее успешный характер действия крестьянских партизанских отрядов имели в тех случаях, когда над ними принимали команду солдаты и казаки расположенных поблизости русских войск. Так, в одном из сообщений из корпуса генерал-лейтенанта графа Витгенштейна, приводится следующий факт.

«Сентября 8-го числа французский генерал Ле-Гран с одним батальоном пехоты и эскадроном кавалерии рекогносцировал за аванпостами своими от реки Полоты до Двины. Подходя Полоцкого повета к деревне Жарцам, он хотел ее занять, но жители оной русские мужики, узнав о том, просили случившегося тут Донского казачьего полковника Платова 4 полку казака Грушина, принять над ними команду, чтобы они могли защититься от неприятеля. Казак охотно согласился на сию просьбу и по распоряжению его крестьяне, взяв ружья бросились в лес. Когда французы приблизились, то они встретили их из лесу ружейным огнем и тем принудили их, оставив покушение на деревню, бежать от оной далее. Храбрые русские мужики ту-ж минуту пустились за ними вслед и не переставали их тревожить доколе было можно. При сем случае они убили несколько человек неприятелей, а других ранили и с бывшим при них офицером» [3].

О борьбе крестьян деревни Жарцы есть документы, которые в общей совокупности рисуют довольно четкую картину. Деревня Жарцы в 22 двора расположена была в 16 километрах севернее Полоцка и находилась в промежутке между французским корпусом Удино и русским корпусом Витгенштейна. Все взрослое население деревни объединилось в отряд. Руководил отрядом крестьянин Максим Марков. Отряд часто выступал против французов при поддержке казаков полка Платова 4, находившегося при корпусе Витгенштейна. Своими смелыми нападениями партизаны часто вводили в заблуждение французов, которые думали, что имеют дело с казаками. Партизаны деревни Жарцы, как пишет исследователь, – «показали себя действительно незаурядными воинами. Они приняли участие в двух больших сражениях за город Полоцк. После окончания войны крестьяне-герои сами возбудили ходатайство о награждении их серебряной медалью, выбитой в память 1812 г.» [1, с. 63]. Но им в награде отказали. В это дело вмешался Барклай де Толли. В письме Барклая-де-Толли о партизанах деревни Жарцы сказано: «... в 1812 году, когда окрестные деревни заняты были неприятелем, они (крестьяне-партизаны) деревню свою защитили от нападения неприятеля и участвовали вместе с казаками в победах над неприятелем, а равно находились в сражении при взятии штурмом города Полоцка» [1, с. 63].

Таковы, далеко может быть не полные, данные о борьбе белорусского крестьянства против французских завоевателей и их пособников – польской шляхты.

Пассивное сопротивление крестьянства и его вооруженная борьба, в определенной степени, дали возможность русским армиям организовано отступить и соединиться под Смоленском. Кроме того, были разрушены планы Наполеона на превращение белорусских губерний в свою военную базу.

1. Бабеньшев, П. Донские казаки в войне 1812 г. / В. Бабеньшев. – Ростов-на-Дону, 1940. – 124 с.
2. Вороновский, В.И. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии / В.И. Вороновский. – СПб., 1912 г. – 496 с.
3. Газета «Северная почта» – 12 октября 1912 г. – № 82.
4. Краснянский, В.Г. Минский департамент Великого княжества Литовского / В.Г. Краснянский. – СПб., 1902. – 72 с.
5. Попов, А.И. Партизаны и народная война в 1812 г. / А.И. Попов // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы: материалы VIII Всероссийской научной конференции Бородино, 6–7 сентября 1999 г. – Можайск: Terra, 2000. – 287 с.
6. Швед, В.В. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў / В.В. Швед, С.У. Данскіх. – Гродна, 2006. – 254 с.

В.Г. Бережинский, В.И. Горелов
ТАКТИКА ВОЙСКОВЫХ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.

Характер Отечественной войны 1812 г. оказал непосредственное влияние на развитие новой формы вооружённой борьбы, выразившейся в широком партизанском движении. Народное сопротивление захватчикам началось сразу после вторжения Наполеона в Россию и ширилось по мере приближения французских войск к Москве. Оно выливалось в самые различные формы, в том числе и в организацию крестьянских партизанских отрядов.

Взросшее сопротивление российского народа иноземным захватчикам послужило толчком для организации первых войсковых партизанских отрядов, то есть лёгких подвижных отрядов, сформированных из войсковых подразделений и действующих в отрыве от регулярной армии, главным образом в тылу неприятельских войск и на их сообщениях.

Одним из таких отрядов было небольшое партизанское подразделение капитана Д. В. Давыдова. Первые шаги его отряда были ознаменованы крупным успехом. При своей малочисленности (50 гусар, 80 казаков) отряд в первых стычках взял в плен 380 солдат, двух офицеров, освободил около 200 российских пленных, захватил одну фуру с патронами и десять с продовольствием.

После оставления Москвы и выхода российской армии на Калужскую дорогу обстановка для деятельности войсковых партизанских отрядов сложилась весьма благоприятно. 8 сентября М. И. Кутузов послал крупный отряд генерал-лейтенанта И С. Дорохова (три казачьих, один гусарский и один драгунский полки, полурота конной артиллерии) на Можайскую дорогу к с. Перхушково и поставил ему задачу: скрытно двигаясь, разведать, что происходит на Можайской дороге. Исходя из результатов разведки, “сделать нападение, стараясь наиболее истреблять парки неприятельские (артиллерийские подразделения, транспортирующие боеприпасы – авторы)” и вообще причинять неприятелю всяческий вред [1, с. 254]. Через два дня Дорохов уже доносил о первых результатах – разгроме двух неприятельских транспортов из состава французских войск. За семь дней деятельности отряда было истреблено четыре кавалерийских полка, отряд пехоты и конницы в 800 человек, артиллерийский парк – до 80 ящиков, взято в плен 1 тыс. 500 человек, их них 48 офицеров. Вслед за Дороховым М. И. Кутузов послал на Новую Калужскую дорогу полковника Вадбольского с Мариупольским гусарским

полком и 500 казаками с задачей совершать нападения на Можайскую и Рузскую дороги.

Завершение российской армией флангового марш-манёвра занятием укрепленного Тарутинского лагеря было началом широкого развёртывания войсковой партизанской войны. Кутузовский план подготовки контрнаступления предусматривал использование благоприятной стратегической обстановки для всемерного ослабления армии Наполеона, застрявшей в Москве. Серьёзные задачи были возложены на войсковые партизанские отряды. Они должны были прерывать коммуникации противника, уничтожать его обозы и особенно транспорты с боеприпасами, наносить мелкие, но особенно чувствительные удары по отдельным группам неприятельских войск. Действия многочисленных войсковых партизанских отрядов в сочетании с вооружённой борьбой народа против захватчиков должны были приобрести характер малой или партизанской войны с решительной целью – истребить боевую силу врага [1, с. 327–328].

В соответствии с этим стратегическим планом в период пребывания российской армии в Тарутине Москва – центр расположения главных сил Наполеона – была опоясана кольцом войсковых партизанских отрядов, которые перехватывали все важнейшие дороги, радиально расходившиеся из Московского узла. На Смоленской дороге – главной коммуникации французов – действовали отряды Д. В. Давыдова, И. С. Дорохова, А. С. Фигнера; между Новой Калужской и Можайской дорогами – отряд Вадбольского; на Серпуховской дороге – Н. Д. Кудашев и И. Е. Ефремов; между Боровском и Москвой – А. Н. Сеславин и М. А. Фонвизин. С севера в виде заслона Петербургской дороги стоял крупный отряд Ф.Ф. Винценгероде. Он выделил несколько меньших партизанских отрядов (Бенкендорф, Прендель, Фингель, Чернозубов, Иловайский 12-й и др.), которые действовали в направлении на Звенигород, Рузу, Сычёвку, Зубцов, Дмитров.

Все крупные отряды по указанию М. И. Кутузова были связаны между собой и действовали «согласно, по одному плану и к одной цели» [1, с. 400]. В последующем Кутузов заботился о поддержании связи между отрядами, давая указания, кому, с кем и в каком районе её искать. Связь между отрядами устанавливалась не только по внешнему кольцу, что не составляло большой трудности, но и непосредственно в самом районе, занятом неприятельскими войсками, в тылу крупных соединений противника. Например, Н. Д. Кудашев получил задачу обойти неприятельскую армию и соединиться с А. С. Фигнером, который действовал между авангардом и главными силами Наполеона. Н. Д. Кудашев удачно обошёл у д. Жуково расположение войск Мюрата, лично просмотрел «весь тыл неприятельского аръегарда», почти правильно определил его численность.

С расширением сферы действий войсковых партизанских отрядов они усиливались численно, им стала придаваться конная артиллерия, егеря и драгуны. Наполеон пытался бороться с партизанами, высылая для их ликвидации крупные силы. Но войсковые партизаны были неуловимы, а французские транспорты не чувствовали себя в безопасности даже при усиленных конвоях.

Предметом действий партизанских отрядов были не только коммуникации. Так, отряд И. С. Дорохова (пять батальонов пехоты, один из них егерский, четыре эскадрона гусар, два казачьих полка, восемь орудий) взял штурмом городок Веря, который, будучи укрепленным и занятым французским гарнизоном, препятствовал развитию партизанской деятельности на Смоленской дороге.

Одной из причин, определяющих успехи войсковых партизанских отрядов, являются умело найденные и удачно применяемые формы и способы боевых действий. Основы тактики партизанских отрядов даны в приказании М. И. Кутузова

Дорохову, который докладывал, что его отряд окружён противником. В ответе М. И. Кутузов разъясняет: «Партизан никогда в сие положение притти не может, ибо обязанность его есть столько времени на одном месте оставаться, сколько ему нужно для накормления людей и лошадей. Марши должен партизан делать скрытные по малым дорогам. Пошедши к какому-нибудь селению, никого из оно-го не выпускать, дабы не можно было дать о нём известия. Днём скрываться в лесах или низменных местах. Словом сказать, партизан должен быть решителен, быстр и неутомим» [1, с. 301].

Такие требования к тактике войсковых партизанских отрядов определял в значительной степени их состав. Первые отряды были исключительно конные. Казаки составляли постоянную часть партизанского отряда, а некоторые отряды (Ефремова, Балабина, Чернозубова, Победнова) состояли исключительно из казачьих полков, впрочем, весьма малочисленных. Чаще всего в отряде были казаки и гусары.

Расширение масштаба деятельности отрядов изменило их состав. Кроме тех случаев, когда отряды усиливались егерями, пехотой, артиллерией для выполнения более крупных боевых задач, пехота появлялась в отряде самотёком: присоединялись вооружённые крестьяне, отбивались партии российских пленных. Пехота умело применялась, когда приходилось иметь дело с большими группами пехоты противника, особенно при атаке населённых пунктов. В тоже время она не связывала подвижность отряда. Если надобность в ней миновала, она отходила в ближайший район расположения ополчения. В движении пехота, не связанная тяжестями, обозом и даже обычным громоздким солдатским снаряжением, почти не отставала от конницы.

Не связывала подвижность отряда и придаваемая ему артиллерия. Отряду обычно придавалось не более двух конных орудий. При начавшейся распутице партизаны отказались от сопровождения артиллерии [2, с. 141].

Успех боя войсковых партизанских отрядов почти всегда решался внезапною атакою. Неожиданность столкновения партизан с крупными силами французов почти исключалась, так как крестьяне обычно заранее сообщали партизанам о движении неприятеля и его силах. Для французов же налёты партизан, как правило, были неожиданны, даже в тех случаях, когда последние сами искали встречи с партизанами. Так, крупный карательный отряд, высланный против Д. В. Давыдова, был разгромлен по частям 6 октября у Крутого и Лосмина. В результате боя было взято в плен 779 французских солдат, четыре офицера, убито около 500 человек, несколько сот французов разбежались по лесам. В отряде Д. В. Давыдова убито четыре казака, ранено 17, убито и ранено 50 лошадей.

Первая половина французского отряда была уничтожена внезапным ночным налётом. Но вообще ночные бои применялись редко. Ночью партизаны обычно сближались с противником, окружали занятый им пункт, а атаковали на рассвете или в предрассветных сумерках – суворовский «пастуший час».

Прекрасным приёмом, обеспечивающим, внезапность, были засады. В начале октября А. Н. Сеславин обнаружил движение французской кавалерийской дивизии Орнано, которая следовала на Смоленск, направляясь в Саксонию для реформирования, в сопровождении двух батальонов пехоты и восьми орудий. А. Н. Сеславин опередил колонну, скрылся с отрядом в лесу, пропустил через деревню Кутасово всю пехоту и часть кавалерии, затем внезапно ударил в хвост колонны и благополучно ушел лесами на соединение с И. С. Дороховым. Французы потеряли около 300 человек убитыми.

Отряд Д. В. Давыдова выследил транспорт российских пленных, конвоируемый французской пехотой, остановившейся в селении. Не рискуя атаковать

населённый пункт, занятый пехотой, Д. В. Давыдов расположил свой отряд скрытно в засаде неподалеку от него и послал несколько казаков обстрелять село. Расчёт оказался правильным. Встревоженные французы вышли из села и растянулись по дороге. Здесь их немедленно атаковали партизаны. 166 солдат и четыре офицера сдались в плен [3, с. 142].

В отряде Д. В. Давыдова применялся казачий приём быстрого рассыпного отступления после неудачного налёта или при угрозе поражения от превосходящих сил противника. С этой целью назначался заранее сборный пункт в “своём” партизанском районе. По сигналу отряд рассыпался в разные стороны и быстро, на галопе покидал поле боя. Противнику некого было преследовать, а отряд поодиночке и мелкими группами, по окольным дорогам и лесным тропам через некоторое время снова собирался в назначенном месте.

Таким образом, первые войсковые партизанские отряды в Отечественной войне 1812 г. – это лёгкие подвижные отряды регулярной армии Российской империи. Первоначально создавались из подразделений регулярной и иррегулярной кавалерии (гусары и казаки). Одним из первых подразделений войсковых партизан стал небольшой отряд Д. В. Давыдова (50 гусар и 80 казаков).

Стратегический план главнокомандующего российской армии генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова при подготовке контрнаступления против французских войск предусматривал использование подразделений и отрядов войсковых партизан. Они должны были прерывать коммуникации противника, уничтожать его обозы, и особенно транспорты с боеприпасами, наносить удары по отдельным группам неприятельских войск. Действия многочисленных войсковых партизанских отрядов во взаимодействии с вооружённой борьбой крестьянских отрядов и отрядов народного ополчения приобретали характер малой или партизанской войны с решительной целью – истребление боевой силы противника. Все крупные отряды войсковых партизан (Д. В. Давыдова, И. С. Дорохова, А. С. Фигнера, Н. Д. Кудашева, И. Е. Ефремова, А. Н. Сеславина, М. А. Фонвизина, Ф. Ф. Винценгероде и др.) по указанию М. И. Кутузова поддерживали связь между собой и действовали “согласно, по одному плану и к одной цели”. Связь между отрядами устанавливалась не только по внешнему кольцу, но и непосредственно в тылу крупных соединений противника.

С расширением сферы действий войсковых партизанских отрядов они стали усиливаться конными егерями, конной артиллерией и драгунами (пехотой на лошадях). При необходимости крупный войсковой партизанский отряд мог отбить у противника населённый пункт (отряд генерал-лейтенанта И. С. Дорохова взял штурмом занятый французским гарнизоном г. Верея в Смоленской обл.).

Успех боя всегда решался внезапностью нападения на противника. Неожиданность столкновения с крупными силами французских войск исключалась ввиду хорошо поставленной разведки и отлаженного взаимодействия с крестьянскими партизанскими отрядами.

Как правило, окружённый ночью противник атакровался на рассвете или в предрассветных сумерках. Надёжным тактическим приёмом, который обеспечивал внезапность нападения на противника, были засады, создаваемые подразделениями и отрядами войсковых партизан.

В отряде Д. В. Давыдова применялся тактический казачий приём быстрого рассыпного отступления после неудачного налёта или при угрозе поражения от превосходящих сил противника. С этой целью заранее назначался сборный пункт в “своём” районе.

Основу тактики войсковых партизан давал в своих приказах и распоряжениях по армии генерал-фельдмаршал М. И. Кутузов.

Тактика партизанских действий явилась результатом самодеятельного творчества армии и народных масс: солдат и офицеров, казаков, крестьян и ополченцев.

Опыт войсковых партизанских отрядов 1812 г. послужил источником для последующего теоретического обобщения и изучения тактики войсковых партизанских действий, чему посвящён ряд трудов военных исследователей XIX-XX вв.

1. Кутузов М.И. Документы: в 4 т. / под ред. Л.Г. Бескровного. – М.: Воениздат, 1950–1955. – Т. 4.
2. Кочетков, А.Н. Тактика русской армии в период Отечественной войны 1812 г. / А.Н. Кочетков // Развитие тактики русской армии. XVIII – начало XIX в.: сборник статей. – М.: Воениздат, 1957. – С. 158–187.
3. Развитие тактики русской армии. XVIII – начало XIX в.: сборник статей. – М.: Воениздат, 1957. – 332 с.

О.С. Кутырева

ФРАНЦУЗ БОЕК – ДА ПАРТИЗАН СТОЕК!

12 июня 1812 г. армия французского императора Наполеона Бонапарта перешли через реку Неман и вторглась на пределы России. Так началась Отечественная война 1812 г. Почти двести лет прошло со времени той войны, но она по-прежнему вызывает сильнейший интерес не только учёных, но и простых обывателей. Национально-освободительная кампания 1812 г. ещё раз доказала, что единству российского народа невозможно противостоять. Война всегда являет собой примеры стойкости, мужества и героизма. Но войны с участием России всегда богаты на героев, верных сынов своего Отечества, которые проявляли немислимые способности в борьбе за честь, свободу и достоинство своей Родины. Как указывает В.И. Ленин, во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь [2, с.115]. Двести лет назад французская армия Наполеона, которая вторглась в Россию с целью захвата, потерпела поражение и не смогла противостоять народу, защищавшему свою землю и проявившему огромную волю к победе. Многие ученые в своих трудах отражают идею, что решающая роль в войне принадлежит массам, то есть обыкновенным солдатам и простому народу. Не было человека, который бы не внес свою лепту в общее дело победы над врагом. Действительно, в России развернулась настоящая народная война. Война 1812 г. называется Отечественной именно потому, что в ней участвовала не только регулярная армия, но и весь народ. Ярче всего народный характер войны проявился в партизанском движении.

Что же означает «партизанский»? Словарь С.И. Ожегова приводит такое определение: «Партизанский – относящийся к вооруженной народной борьбе против иноземных захватчиков, проводимой самостоятельно действующими отрядами в тылу врага» [3, с. 398]. Большая Советская Энциклопедия определяет партизанское движение как один из видов борьбы народных масс за свободу своей Родины, которая ведется на территории, занятой противником. В этой борьбе могут принимать участие как части регулярных войск, так и местное население. Не зря выдающийся полководец М. И. Кутузов называл действия партизан «малой войной».

Для проведения этой трудной формы военных действий требовались смелые офицеры и солдаты, которые бы смогли действовать в любых условиях и принимать ответственные решения. Ещё до Бородинского сражения к генералу П.И. Багратиону обратился его адъютант, подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Васильевич Давыдов. Он обратился с просьбой выделить ему небольшой кавалерийский отряд для партизанских действий в тылу врага. Однажды

он заметил, что Смоленская дорога, по которой шли войска Наполеона от западных границ России к Москве, охраняется лишь несколькими гарнизонами и всякое движение по ней неприятеля представляет собой удобную мишень для партизанского отряда. Давыдов доложил об этом генералу Багратиону, а тот, с разрешения М.И. Кутузова выделил отряд из казаков и гусар для действий в тылу Наполеона. Так был создан первый партизанский отряд [4, с. 289].

Отряд Дениса Давыдова начал активные боевые операции между городами Смоленском и Гжатском. Он нападал на обозы, следующие из Франции в расположении армии Бонапарта, перехватывал курьеров с важными сообщениями для Наполеона, уничтожал шайки мародеров, которые грабили деревни близ Москвы. Однажды партизанам Давыдова удалось разгромить два крупных отряда специальных частей, которые занимались поиском продовольствия в деревнях, так называемых фуражиров. При этом Давыдов взял в плен более 150 человек. После этого события партизанское движение «загорелось» с новой силой. Кутузов лично стал отправлять партизанские отряды в тыл армии неприятеля. Партизаны неожиданно нападали на противника, а затем стремительно исчезали. Таким образом, они наносили большой урон французам, при этом сами несли лишь незначительные потери [4, с. 290].

Кроме того, было сформировано ещё несколько армейских партизанских отрядов, в частности отряды А.С. Фигнера, И.М. Вадбольского, Н.Д. Кудашева и А.Н. Сеславина.

Отряд И.М. Вадбольского, состоявший из находившегося под его командованием Мариупольского гусарского полка и 500 казаков, должен был действовать на Можайской и Рузской дорогах. В районах Можайска был направлен отряд полковника И.Ф. Чернозубова численностью в 300 человек. Севернее действовал отряд А.Х. Бенкендорфа. Отряд Н.Д. Кудашева силой в 500 человек получил задачу действовать на Серпуховской и Коломенской дорогах. А.Н.Сеславиному с отрядом в 250 человек было поручено действовать в районе дороги от Боровска к Москве. В этом же районе действовал отряд А.С. Фигнера. Предвидя, что французы будут стремиться прорваться к Калуге, М.И. Кутузов приказал Фигнеру и Сеславиному усилить наблюдения в этом районе. Разведывательные данные, собранные А.Н. Сеславиным, сорвали план внезапного удара Наполеона через Малоярославец на Калугу [1, с. 483].

Следует отметить, что действия войсковых партизанских отрядов не было бы настолько эффективным, если бы не было поддержки со стороны крестьян, которые формировали свои партизанские отряды. Широкую известность приобрели отряды Г. М. Курина, Е. Четвертакова, Самуся (Федор Потапов). Отряд Курина отстоял село Вохну, куда стремился проникнуть отряд фуражиров. Благодаря грамотной расстановки своих партизан французский отряд был разгромлен. У Москвы действовал отряд Самуся, который истребил более трех тысяч французов. Интересным является общение между участниками отряда Самуся – все исполнялось по знакам, которые подавались с помощью колокольного звона и прочих условных примет. Отряд же Четвертака держал под контролем весь Гжатский уезд.

Весьма удачно действовал в Сычевском уезде отряд С. Емельянова. За две недели они 15 раз напали на неприятеля. Известны также действия отрядов Степана Еременко и Василия Половцева [1, с. 485].

В числе героев партизанской войны были известны и женщины. Особенную известность получили подвиги Василисы Кожиной. Её отряд взял в плен и истребил многих французских мародеров.

Устрашенный потерями, которые несла французская армия в результате малой войны, Наполеон нервничал. Именно действия партизан не давали ему покоя. Лористон (Жак Александр Бернар Ло – посол Франции в России в 1811 г.), которого послал Наполеон к М.И. Кутузову выпрашивать мир, говорил о том, что против французов идет война не по правилам, «варварская война». Куда бы не ступали войска Наполеона везде стоял преградой вооруженный народ и партизанские отряды, которые наносили неожиданные удары по французам.

Следует сказать, что партизаны не стояли на одном месте, а постоянно находились в движении. Порой никто, кроме командующего не знал, куда отряд направится в следующую минуту. Их действия были внезапны и стремительны. Основное правило партизан было – молниеносно налететь и также быстро скрыться. Чаще всего партизанские отряды устраивали засады и нападали на противника в пути, захватывали курьеров и освобождали русских пленных.

Война 1812 г. показала, что воевать небольшой армией уже было нельзя. В войне стали участвовать массы людей, от «организованности и состояния духа которых зависел весь ход и исход войны» [1, с. 608]. Наполеон не верил в возможность народной войны, которая наиболее сильно проявила себя в партизанском движении и заплатил за это слишком дорогую цену. Партизанская или малая война сыграла стратегическую роль в победе России, ещё раз доказав, что русская земля никогда не обеднеет героями, готовыми до последней капли крови отстаивать свободу своего Отечества.

1. Бескровный, Л.Г. Отечественная война 1812 года / Л.Г. Бескровный. – М., 1962.
2. Ленин, В.И. Сочинения / В.И. Ленин. – Т. 31, 5-е изд. – М., 1967.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегова. – М., 1987.
4. Энциклопедия Аванта Плюс. История России. – Изд. 5-е. – Т. 2. – М., 2000.

А.Р. Ageeў
ПАРТЫЗАНСКИ РУХ 1812 ГОДА НА МАГІЛЁЎШЧЫНЕ:
АНАМАЛІЯ ЦІ ЗАКАНАМЕРНАСЦЬ?

З самага пачатку вайны тэрыторыя Беларусі стала арэнай баявых дзеянняў. Цяжар вайны лёг на плечы беларускага народа, які стаў заложнікам і ахвярай заваёўніцкіх планаў і палітычных амбіцый кіраўніцтва Францыі і Расіі. Напалеон з асноўнымі сіламі рушыў на Маскву, а на тэрыторыі Беларусі засталіся шматлікія гарнізоны і больш чым 100 тысячае войска. Большая частка беларускіх зямель кантралявалася французамі. Пад прыкрыццём карпусоў Вітгенштэйна і Эртэля пад кантролем расіян засталася паўночная частка Віцебскай губерні ды на поўдні паветы Ўсходняга Палесся (частка Мінскай і Магілёўскай губерняў).

У літаратуры доўгі час лічылася натуральным, што беларускі народ расійскую армію ўсяляк падтрымліваў, а супраць французаў ўзняўся на барацьбу. Нагадаем тыповы для расійскай і савецкай гістарыяграфічнай традыцыі пункт гледжання: “Насельніцтва Беларусі сустрэла іншаземных прышэльцаў як сваіх занявольнікаў і непрымірмых ворагаў і аказала ім мужае супраціўленне... Сяляне хавалі маёмасць, кідалі свае хаты... Сыходзілі ў глыбіню глухіх лясоў, уганяючы з сабою скаціну. На ўсёй прасторы Беларусі вораг сустракаў спусцелыя, а часам і спаленыя вёскі. Многія жыхары гарадоў сыходзілі ў глыбіню краіны разам з рускімі войскам” [3, с. 33]. Такія погляды у змякчэлай форме прапагандуюцца некаторымі аўтарамі і сёння, але існуюць і іншыя меркаванні.

Як жа ставілася насельніцтва Беларусі да французскай і расійскай армій? Ці разгарнуўся на Магілёўшчыне масавы партызанскі рух?

Вялізарныя патрэбы Вялікай арміі былі несувымерныя з магчымасцямі краіны. Неўзабаве насельніцтва зразумела, што французская ўлада для простага люду не лепей за рускую. І тая, і другая прымушалі працаваць на пана, плаціць непасільныя падаткі і выконваць цяжкія павіннасці. Сялянства прыняло на сябе асноўны цяжар ваенных паставак, што не магло не выклікаць яго пасіўнага ці актыўнага супраціўлення. Тым не менш, пацвярджэнняў традыцыйным разважанням аб моцным сялянскім руху ў крыніцах не бачна, нават на ўсходзе Беларусі, які на чвэрць стагоддзя раней, чым захад краіны, увайшоў у склад Расіі.

У наваколлі Магілёва больш-менш значныя сялянскія партызанскія атрады былі толькі ў паўночна-заходняй частцы сучаснага Бялыніцкага раёна. Жыхары вёсак Кляўкі, Стараселле, Эсьмоны сем'ямі, з жывёлай, сыходзілі ў лясы і балоты, якіх хапала ля вёсак. Арганізаваўшы атрады самааховы, яны з цягам часу, пачалі нападаць на французскія каманды і маёнткі мясцовых памешчыкаў. Для навадзення парадку сюды нават быў накіраваны карны атрад [4, 41]. Але гэты “партызанскі” край знаходзіўся у Мінскай губерні. У Магілёўскай губерні не выяўлена партызанскіх атрадаў, якія б ваявалі з французскімі ўладамі.

Адкуль жа ўзялася міфалагема аб моцным партызанскім руху? Яна стала вынікам інтэрпрэтацыі аднаго бясспрэчнага факта – хваляванняў беларускага сялянства. Справа ў тым, што пасля пачатку вайны шырокія памеры прыняла антыфеадальная барацьба сялянства на тэрыторыі Беларусі. Хваля моцных выступленняў пракацілася і па Магілёўскай губерні. Сяляне выкарысталі бязладдзе ваеннага часу для ўзмацнення барацьбы з панамі.

Ігумен Арэст сведчыў, што ў Магілёўскай губерні “сяляне ... адмаўляліся ад выканання сялянскіх павіннасцей ... не адбывалі работ і прыгонаў ... у самы рабочы летні час прыпыніліся ўсе палявыя і лугавыя справы ...”. Архірэйскае сяляне разрабавалі Барсукоўскі архірэйскі фальварак: свіраны разбілі, хлеб раскраслі, разабралі некалькі бочак гарэлкі з вінакурні і з свіраноў, цягнулі яе вёдрамі, гарлачамі, гаршчамі – хто чым мог, разабралі жывёлу і птушак. Гэты факт у свой час падаваўся як акт помсты архірэю за здрадніцтва Радзіме. Але такія ж выступленні былі і ў памешчыкаў, і ў гарадах, дзе рабавалі і кабакі, і лаўкі. Магілёўскі губернерскі маршалак дваранства пісаў пазней: “Сяляне аддаваліся хваляванню... , рабілі рабункі... , раскрасалі маёмасць і ў рэшце, апошняе імкненне зрабілася па ўсёй губерні агульным”. Але неўзабаве па гарадах і мястэчках Магілёўскай губерні (як і іншых губерняў) былі разасланы ваенныя каманды пад назвай “Ochrana”. Невялікія атрады размяшчаліся ў фальварках па просьбе памешчыкаў і Магілёўскага архірэя дзеля навадзення парадку і аховы ад рабункаў рэгулярных злучэнняў французскай арміі, якая рухалася праз Магілёўшчыну. Складалі іх, як правіла, выхадцы з Польшчы, Беларусі, Літвы. “Ахова” хутка прывяла сялян у “паслухмянасць і падпарадкаванне”. Каманды вялі сябе прыстойна, масавых рабункаў не дапускалася. Нават расійскія крыніцы прызнаюць, што гэтаму ў немалой ступені спрыялі мясцовыя “камісіі польскага праўлення”. Яны пераконвалі каманды ўтрымлівацца ад рабункаў і гвалту, каб не абудзіць агульнага паўстання праваслаўных” [1, с. 54–56]. Якія б не былі мэты, але пэўны парадак даволі хутка ўсталяваўся.

Доўгі час антыфеадальную барацьбу беларускага сялянства звязвалі з нацыянальна-вызваленчай барацьбой беларускага народу супраць французскіх акупантаў. Антыпрыгонныя выступленні разглядаліся, як барацьба беларускіх сялян супраць польскіх памешчыкаў, якія здрадзілі і падтрымлівалі французаў. На картах вайны 1812 г. раёны сялянскіх хваляванняў пазначаліся як раёны дзеянняў партызанскіх атрадаў (адзначым, што ў некаторых выпадках гэтыя раёны са-

праўды супадаюць). Былі і іншыя меркаванні. Многія заходнія даследчыкі адначалі антыпрыгонныя настроі сялянства, але барацьба з французамі, на іх думку, ішла пераважна за матэрыяльныя інтарэсы сялян. Расійскія вучоныя крытыкавалі іх за тое, што барацьбу сялян за Радзіму зводзяць да барацьбы за курэй, авечак і г.д., падкрэслівалі патрыятычныя настроі, не прыводзячы, праўда, пераканаўчых доказаў.

Даследаванні апошніх гадоў паказалі, што адназначна звязваць антыфеадальную і нацыянальна-вызваленчую вайну даволі праблематычна. Ніяк нельга абыходзіць той факт, што сялянскі рух назіраўся на тэрыторыі занятай як французскай, так і рускай арміямі. Расійскія генералы Вітгенштэйн (на поўначы Беларусі) і Эртэль (на поўдні) мелі праблемы ў сувязі з сялянскімі хваляваннямі. Ужо 8 жніўня Віцебскі віцэ-губернатар даносіў Вітгенштэйну, што ў Полацкім, Гарадоцкім, Невельскім паветах сяляне не выконваюць загадаў расійскіх памешчыкаў. Карныя каманды ўціхамірвалі хваляванні сялянства. Падобнай была і сітуацыя ў Смаленскай губерні: у пачатку кастрычніка прасілі даслаць каманды для ўціхамірвання сялян улады Веліжскага і Суражскага павеатаў. Па загадам Вітгенштэйна карнікі расстрэльвалі і вешалі завадатаяў хваляванняў у Віцебскай і Пскоўскай губернях. Вымушаныя былі пасылаць карныя войскі супраць сялян Падмаскоўя і Смаленшчыны Барклай дэ Толі, Кутузаў. Увогуле ж, антыпрыгонныя выступленні сялян ахапілі ў 1812 г. 32 губерні Расіі і хваляваліся сяляне ў губернях, далёкіх ад тэатра ваенных дзеянняў (Саратаўскай, Пермскай, Арэнбургскай, Валагодскай).

Прычыны росту антыфеадальнай барацьбы беларускіх сялян бачацца ў тым, што імкненне сялян да волі, якое назіралася і раней, спалучылася ва ўмовах вайны з шэрагам іншых фактараў. У сувязі з ваеннымі дзеяннямі адбывалася часовае аслабленне грамадзянскай улады. Вайна выклікала рэзкі рост расійскіх падаткаў і павіннасцяў. І расійскія і французскія інтэнданты займаліся нарыхтоўкай фуражу і прадуктаў харчавання. Дапамагалі ім у гэтым мясцовыя памешчыкі. Усё гэта, плюс марадзёрства, рэзка пагоршыла становішча сялян. Сялянскіх бунтаў баяліся памешчыкі, як беларускіх, так і вялікарускіх губерняў, чаму шмат сведчанняў.

Але, напэўна галоўнай прычынай масавых хваляванняў сялян было чаканне вызвалення ад прыгоннай залежнасці. Яно вельмі часта звязвалася з прыходам Напалеона. Яшчэ ў 1806–1807 гг. Распаўсюдзіліся чуткі аб намерах Банапарта адмяніць прыгоннае права ў Расіі, як ён гэта зрабіў у 1807 г. ў Польшчы. Паўсюдна хадзілі пагалоскі аб вызваленні сялян ад прыгону. Адны іх звязвалі з указамі імператара Аляксандра, іншыя – з дэкрэтамі імператара Напалеона. Чуткі рэзка актывізавалі сялянства. Жадаў таго Напалеон, ці не, але яго армія на тэрыторыі Расіі разносіла антыпрыгонныя настроі ў некаторых мясцовасцях мелі месца нават сумесныя выступленні сялян і французскіх салдат. У Полацкім павеце Віцебскай губерні, у шэрагу паселішчаў Смаленскай, Маскоўскай губерняў, з ліпеня па верасень тутэйшыя сяляне грамілі панскія сядзібы з дапамогай французскіх салдат.

Каб зразумець карані спрэчак, якія сёння вядуць гісторыкі, трэба мець на ўвазе супярэчлівае становішча французскай і рускай арміі ў гэтай вайне. З аднаго боку армія Напалеона – гэта армія захопу, чужая армія. Іншая мова, вопратка, паводзіны, часам рабункі – усё гэта не магло не выклікаць варожасць тутэйшага насельніцтва да яе. Рабаванне французаў красамоўна апісана ў літаратуры. Яны вымушаныя былі збіраць харчаванне на Беларусі і гэта выклікала незадаволенасць. Існавала, як і ў іншых арміях, марадзёрства, якое адштурхоўвала мясцовае насельніцтва.

З другога боку, французская армія – гэта рэвалюцыйная армія. Яе салдаты неслі ідэі французскай рэвалюцыі. Гэта была масавая армія буржуазнага тыпу, якая не ведала каставых бар’ераў паміж салдатамі і афіцэрамі. Яна можа і між волі прапагандавала ідэі “свабоды, роўнасці, братэрства”. Многія сяляне чакалі ад яе вызвалення ад прыгону. Адсюль выцякаюць і розныя адносіны да арміі Напалеона ў розных колах, у розныя часы, у розных мясцінах.

Даволі моцным быў партызанскі рух ля Віцебска. Напалеон нават вымушаны быў сюды паслаць падмацаванне. Але тут дзейнічалі партызанскія кавалерыйскія атрады з корпуса Вітгенштэйна. Па вялікаму рахунку, партызаны на Беларусі, асабліва на другім этапе вайны, – гэта перш-наперш конныя атрады расійскай арміі, якія дзейнічалі аўтаномна на флангах і ў тылу арміі Напалеона. Уласна кажучы, у 1812 г. было два партызанскія рухі – армейскі і сялянскі, якія трэба вызначыць і адрозніваць. У верасні ў складзе армейскіх партызанскіх атрадаў дзейнічала 36 казацкіх, 7 кавалерыйскіх, 5 пяхотных палкоў, 5 эскадронаў, 3 батальёна. Армейскія партызанскія атрады ігралі не толькі ваенную, але і карную ролю. Яны падпарадкоўвалі расійскаму ўраду народныя нізы, якія знаходзіліся на занятай непрыяцелам тэрыторыі. Дзеля гэтага часцяком партызанам прыходзілася прымяняць сілу і меры запалохвання.

Відавочна, што народны партызанскі рух на Беларусі (у тых мясцінах, дзе ён існаваў) быў значна слабейшы, чым у рускіх расійскіх землях. У Смаленскай, а затым Маскоўскай і Калужскай губернях сялянскія партызанскія атрады ўяўлялі небяспеку для французаў. На Беларусі няма і гаворкі аб тысячных партызанскіх атрадах, тысячах партызан у адным павеце і г.д. Як лічаць многія расійскія гісторыкі, шырокае народнае супраціўленне французам пачалі сустракаць галоўным чынам пасля Смаленска, калі ўступілі ў рускія землі. Аб тым жа сведчаць і мемуары французаў.

Такім чынам, на тагачаснай Магілёўшчыне па сутнасці адсутнічаў партызанскі рух. А на абшарах Беларусі барацьба сялянскіх партызанскіх атрадаў на Беларусі не дасягнула памераў партызанскай вайны. Аналіз формаў барацьбы беларускіх партызан паказаў, што большай часткай гэтая барацьба абмяжоўвалася хаваннем ў балотах і лясах жывёлы, закопваннем хлеба ў ямах... Па сутнасці, сяляне вялі барацьбу за выжыванне сваіх сямей ва ўмовах вайны. Аб’ектыўна барацьба беларускіх сялян за хлеб дапамагала расійскай арміі, бо замянала правядзенне нарыхтоўчых мерапрыемстваў французскіх інтэндантаў. Але і перабольшваць яе значэнне не варта. Харчовыя магазіны французаў у восень 1812 г. былі поўныя. Тым больш цяжка назваць гэты рух нацыянальна-вызваленчым. Сяляне ў большасці бераглі сваю маёмасць, а не ваявалі з французамі. Яны ўцякалі ў лясы ад вайны, пабораў, рабункаў і марадзёраў. Падобная сітуацыя назіралася на большай частцы беларускіх зямель, якія былі занятыя французскімі войскамі.

1. Агееў, А.Р. Магілёўшчына пад час вайны 1812 года / А.Р. Агееў // Магілёўская даўніна. – 1995. – с. 51–60.
2. Записки игумена Ореста // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. – Т. 2. – Вильна, 1867. — С. LXXIX—XCVII.
3. Карнейчык, К. Белорусский народ в Отечественной войне 1812 года / К. Карнейчык. – Мн., 1962.
4. Палонік, Н. Сялянства Бялыніцкага раёна ў час вайны 1812 г. / Н. Палонік // Прыдняпроўе. – Магілёў, 1993. – с. 40–41.

РАЗДЕЛ 4 ВОЙНА И ОБЩЕСТВО. ИТОГИ И УРОКИ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Ludovic Lefebvre 1812: REGARD SUR UNE ÉPOPÉE QUELQUES REMARQUES ET OBSERVATIONS

Deux cents ans se seront bientôt écoulés depuis la sanglante et mythique campagne de Russie de 1812. Entre temps, de nombreux écrits émanant d'historiens, écrivains, amateurs éclairés, journalistes ou bien encore, tout simplement, de curieux, ont été publiés. Tous ont eu le désir de connaître mais aussi l'ambition de comprendre cette campagne impressionnante et somme toute mystérieuse, tant elle défie l'entendement humain par l'importance des ressources en hommes et en matériels mobilisées ; tant elle frappe les esprits par le cortège de souffrances qui accompagna ainsi des millions d'Européens.

Il est donc logique que les survivants et témoins de ce temps, puis les générations postérieures aient tenté de retracer le cours des événements et de connaître les raisons qui poussèrent Napoléon, alors au zénith de sa puissance, à se lancer dans une telle aventure, emmenant avec lui (les chiffres varient selon les sources) entre 440 000 (chiffre le plus probable) et 600 000 hommes¹, dont seulement la moitié provenait de l'Empire², le reste étant constitués d'alliés.

En guise d'avertissement aux lecteurs de cette contribution, je tiens à prévenir qu'en vérité je ne sais pas très bien où me situer parmi ces catégories de personnes intéressées par l'aventure napoléonienne. Peut-être, tout simplement, au nombre de ces curieux, ayant le désir de comprendre ?

En effet, bien qu'étant moi-même historien, je ne suis ni spécialiste de cette période (un « contemporainiste », dit-on en France pour celui qui étudie l'histoire après la Révolution de 1789) ni un « napoléonophile » à proprement parler. Si bien que lorsque l'on m'a proposé de rédiger cet article, j'ai un peu hésité, n'ayant ni la science ni l'admiration de tous ceux qui, en France, écrivent, lisent, discutent à loisir sur cette période de l'histoire française ou, devrais-je dire, de notre histoire commune. Mais cette époque, ce laps de temps – six mois, pas plus – m'a toujours intrigué et l'approche de ce bicentenaire attise ma curiosité. Ainsi, j'épie, je regarde ce qui se dit ou est écrit à ce sujet.

J'ai donc choisi de vous relater le ressenti d'un citoyen français amoureux de la culture russe, pour qui cette confrontation entre ces deux peuples que l'on dit si proches, notamment par la façon de se battre, intrigue et interroge ; mais j'ai aussi voulu exposer aussi sommairement l'état des questions et problématiques existant actuellement en France concernant cette campagne.

---

¹ Napoléon aurait disposé de près de 675 000 hommes (plus 1 100 000 pour l'Europe) stationnés en Europe orientale en juin 1812 mais le 24 juin, c'est 440 000 hommes qui auraient franchi le Niémen (données provenant de P.-P. DENNIEE, ancien inspecteur aux revues de la Grande Armée et de Th. LENTZ dans son étude intitulée *Correspondance générale de Napoléon* parue chez Fayard (source *Le Figaro Histoire* citée infra). Les chiffres dépendent également de la prise en compte des non-combattants. Ces données sont à prendre avec prudence car les sources divergent, les chiffres offrent un écart encore plus grand du côté russe (de 350 000 au début de la campagne puis allant jusqu'à 700 000 !).

² En écrivant « l'Empire », cela sous-entend des populations étrangères mais intégrées tels que Hollandais, Belges, Italiens, Allemands...

Récemment, un documentaire anglo-saxon diffusé sur une chaîne de télévision française sur la bataille de Cannes (qui opposa, en 216 avant J.-C., Rome à Hannibal et son armée hétéroclite) rappelle à de nombreux égards Napoléon pour son sens tactique et sa proximité avec ses soldats. Lors de l'effroyable boucherie qui advint lors de ce 2 août 216, un parallèle a été fait avec la bataille de la Moskova, cette bataille sur laquelle les historiens russes et français ne sont pas toujours d'accord... Mais nous y reviendrons.

En préambule, rappelons que si la campagne de Russie occupe une grande place dans l'histoire et la mémoire françaises, elle n'y revêt pas, et de loin, la même importance que pour celles de la Russie. Et ceci, avant tout pour une raison toute simple, qui est que si sur le terrain, l'appel aux armes, les Français purent s'enorgueillir de belles victoires et d'une grande épopée, au final, il s'agit bien d'une défaite française. Pour les Russes, au contraire, il s'est agi d'une magnifique victoire où un peuple, en grande partie, se retrouva autour de son souverain pour bouter hors du pays l'envahisseur. La « guerre patriotique », ainsi qu'on l'a rapidement nommée³, la première du genre puisque ce ne sera que cent trente ans plus tard qu'une autre guerre viendra souder les forces vives du pays pour repousser cette fois-ci l'envahisseur allemand. Il faut d'ailleurs ajouter que Staline a lui-même beaucoup fait pour la postérité de la campagne de 1812 en établissant un parallèle avec l'invasion nazie.

Mais ne nous y trompons-pas, du point de vue français, cette campagne de 1812 revêt un caractère particulier en raison du calvaire que vécurent ces centaines de milliers d'hommes. Leurs récits⁴ se sont transmis oralement de génération en génération, mais aussi par écrit, comme le montrent les rééditions de journaux de campagne effectuées par des éditeurs⁵. La démesure et l'ambition de Napoléon ont évidemment suscité nombre de commentaires et d'interprétations. Ce qui est surprenant, c'est que la campagne de Russie a longtemps occulté dans les manuels d'histoire⁶, et plus encore dans les esprits, la campagne d'Allemagne de 1813 (qui se révéla pourtant fatale pour l'hégémonie européenne de Napoléon) et la campagne de France de 1814 (qui, elle, entraîna la première abdication de l'Empereur).

Cet intérêt manifeste explique que de nouveaux ouvrages paraissent actuellement en France, tels que ceux de : M.-P. Rey, *L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie* ; J.-J. Brégeon *1812, la paix et la guerre* ; Th. Choffat et A.-J. Czouz-Tornare *La Bérézina, Suisse et France dans la tourmente de 1812* ; D. Liéven, *La Russie contre Napoléon* ; pour ne citer que ceux-ci⁷. Les différentes revues historiques, qu'elles soient plus ou moins accessibles au grand public,

---

³ Il semble que ce soit l'écrivain I. Mikhailosky-Danilevsky qui fut à l'origine du terme en 1839 dans son ouvrage historique de la guerre de 1812.

⁴ Nous renvoyons à l'ouvrage de J.-C. DAMAMME intitulé *Les soldats de la Grande Armée*, Paris, 2008 (3ème éd.), p. 288-289 où l'auteur énumère les principaux témoins de cette campagne. Il cite – entre autres – Adrien Bourgogne sergent vélite de la garde impériale, Heinrich de Roos officier mecklembourgeois, Antoine Baudouin Gisbert de Dedem officier hollandais et lui-même fils d'un comte d'Empire ou encore Joseph Grabowski officier à l'état-major, autant de figures révélatrices de cette armée cosmopolite.

⁵ L'éditeur Bernard Giovanangeli s'est notamment fait une spécialité d'édition des mémoires de survivants des campagnes napoléoniennes pas toujours connus du grand public telles celles du général Griois, du général Lejeune ou encore du colonel Combe.

⁶ On note cependant une baisse de l'enseignement de l'époque napoléonienne dans les collèges français. Les enfants de 13-14 ans ne peuvent apprendre cette part importante de l'histoire française que sous forme optionnelle.

⁷ Sans oublier naturellement les différents ouvrages (biographie, dictionnaire) de l'éminent spécialiste Jean TULARD.

vont à n'en pas douter, consacrer des numéros à cet événement majeur⁸. La commémoration du bicentenaire s'accompagne également de colloques ; ainsi les 4 et 5 avril 2012 s'est déjà tenu au Centre de conférences ministérielles du Ministère des affaires étrangères un colloque international « 1812, La Campagne de Russie. Regards croisés sur une guerre européenne », organisé par la Fondation Napoléon, le Souvenir napoléonien, le Centre de Recherche en Histoire des Slaves de l'Université Paris I et les Archives diplomatiques.

La campagne de Russie⁹ elle, n'a pas été fatale pour Napoléon, mais elle marque évidemment une étape décisive dans sa trajectoire politique et militaire, même si, en 1813, il fut encore capable d'aligner 400 000 hommes, justement pour la campagne d'Allemagne. La campagne de Russie fut un coup sévère (« le commencement de la fin », selon les propres mots de Talleyrand qui avait d'ailleurs incité Alexandre, lors de l'entrevue de Tilsitt, à résister à Napoléon). La campagne de Russie a rabaisé l'orgueil de l'Aigle, elle a démontré qu'il n'était pas invincible, elle a fortement amoindri son corps d'officiers, de cavaliers, ainsi que son armement, et, par contrecoup, elle a suscité le soulèvement de nombreux peuples (et le retournement d'Etats).

La campagne d'Allemagne fut autrement plus décisive, avec notamment la terrible bataille des Nations, à Leipzig, où Napoléon aligna 160 000 hommes entre le 16 et le 19 octobre 1813, et où ses fidèles alliés germaniques se retournèrent contre lui. Néanmoins, sans campagne de Russie, il n'y aurait probablement pas eu de campagne d'Allemagne... Il faut aussi, encore et sans cesse, rappeler la guerre d'Espagne – il faut même dire « la terrible guerre d'Espagne » –, dans laquelle s'engluent les meilleurs grognards depuis 1808. En 1812, cette guerre était indécise. Napoléon avait sous-estimé la capacité de résistance des Espagnols, qui se livrèrent à une lutte patriotique et religieuse, une guerre fanatique – du point de vue français – où chaque camp se laissa aller à des exactions sans nom. Des milliers de soldats qui avaient connu les guerres de la Révolution puis celles du Consulat et des premières années de l'Empire y laissèrent leur vie, leur âme ou une part d'eux-mêmes. La campagne de Russie s'annonça donc alors que l'Empereur était fortement préoccupé par ce front méridional, outre-pyrénéen, où l'appui anglais (militaire et numéraire) allait se révéler décisif pour la cause espagnole, de la même façon que cet appui britannique, financier (la fameuse « cavalerie de Saint-Georges »), épaulait la résistance russe. Une anecdote est à rappeler ici : Napoléon ne désirait pas faire la guerre à la Russie ; il considérait véritablement la puissance de ce pays et, même s'il avait un peu de condescendance à l'égard d'Alexandre, il ne l'estimait pas moins (l'appelant « son frère » quand il sera dans Moscou en feu). Le véritable ennemi impérial était anglais, et Koutouzov, le grand général russe et finalement vainqueur de l'Ogre corse, savait très bien que ce choc de titans entre les puissances russe et française profiterait en premier lieu à la couronne britannique.

Puisque nous évoquons les deux ennemis « héréditaires » (la France et l'Angleterre), rappelons que la raison première de la guerre entre la Russie et la France résidait justement dans le manque d'engagement d'Alexandre dans l'application du blocus continental visant à une asphyxie économique de l'Angleterre. La contrepartie manufacturière française ne pouvait suffire aux insuffisances de production russes et à ses besoins industriels. A cela, s'étaient ajoutés l'annexion du duché d'Oldenbourg tenu par Georges d'Oldenbourg (beau-frère d'Alexandre) et le refus du tsar de marier tour à tour ses sœurs, Catherine puis Anne, à l'Empereur, qui en avait fait la demande plus ou

---

⁸ Ainsi *Le Figaro* (le plus vieux journal français) vient de sortir un nouveau magazine historique et la une de ce premier numéro est intitulée : « Les derniers secrets de la campagne de Russie » (Jean TULARD est justement président du comité scientifique).

⁹ La sixième coalition.

moins officielle et qui se tourna donc vers l'Autriche. Napoléon obtint donc la main de Marie-Louise, ce qui ne pouvait que susciter la méfiance d'Alexandre. Méfiance ressentie réciproquement entre les deux souverains et que la création du grand duché de Varsovie ne pouvait qu'aviver. Si celui-ci n'était pour le moment qu'un Etat embryonnaire¹⁰, Alexandre craignait la constitution à terme d'un grand royaume. Les Polonais s'engagèrent d'ailleurs massivement dans la campagne de Russie (près de 80 000 hommes) et se battirent fort vaillamment. Nombre de Lituaniens, en raison de leur ancienne union avec la Pologne (il faut même parler, lors de l'ultime partage de 1795, de République polono-lituanienne), attendaient de même beaucoup de cette campagne, et Vilnius constitua l'ultime refuge des débris de la Grande Armée, en décembre 1812¹¹.

Cette guerre fut véritablement une guerre européenne, cela va sans dire. La Grande Armée qui s'engouffre à l'approche de l'été 1812 dans l'Orient européen est d'ailleurs aussi appelée l'armée des Vingt nations, et tous ses éléments n'étaient pas également motivés par l'invasion de la Russie. Une véritable tour de Babel en marche, où l'on entendait parler des centaines de langues, dialectes et patois, avait alors été réunie pour se lancer contre l'armée du tsar. Une armée « russe » qui, elle-même, évidemment, ne comprenait pas uniquement des Russes, mais comptait aussi des Tcherkesses, Kalmoukes, diverses populations originaires du Caucase (sans oublier les Cosaques de Platov)¹².

Armée bigarrée, donc, aux motivations éparses, beaucoup ne comprenant pas ce qu'ils faisaient là, si loin de leurs foyers, surtout à partir du mois d'octobre, lorsque Moscou fut en flammes et que l'hiver se fit bientôt plus rude. Selon les dernières estimations, il est probable que, quelles qu'aient été leurs motivations, plus de 20% des effectifs de la Grande Armée ont déserté au cours de cette campagne. Nombre de ces soldats essayèrent de se réfugier chez les paysans russes lors de la débâcle hivernale. L'hiver, justement, quel a été son rôle exact dans l'écroulement de l'armée ? Napoléon, dans son Mémorial de Sainte-Hélène, a grandement minimisé la stratégie et la valeur militaires russes pour mettre en avant que son échec était largement dû à la rigueur d'un hiver russe imprévisible (« un hiver, une congélation dont l'apparition subite et l'excès furent une espèce de phénomène »)¹³. Ceci est néanmoins une contre-vérité. Lorsque l'Empereur quitta Moscou avec ses troupes, le 18 octobre, les trois-quarts de son armée avaient déjà fondu, victimes d'un été éreintant, usant, particulièrement néfaste pour les organismes.

Hommes et chevaux avaient péri par dizaines de milliers, victimes de diverses maladies (dysenterie, typhus...), de la malnutrition, due notamment à une mauvaise intendance et donc à des difficultés d'approvisionnement (les lignes de communication s'étirant sur des distances toujours plus considérables)¹⁴, et « bien sûr » – mais dans une proportion relativement limitée – des combats. Le 7 septembre 1812, à la Moskowa – nom français tenant au cours d'eau jouxtant le champ de bataille, mais « Bordodino », pour les Russes, du nom du village – combat très meurtrier, ce sont 30 000 soldats de l'Empire qui ont été mis hors d'état de nuire (peut-être le double pour l'armée du tsar).

---

¹⁰ La Pologne avait été partagée à trois reprises par la Russie, la Prusse et l'Autriche ; en 1772, en 1793 et 1795. Ce début de reconstitution provenait essentiellement des terres arrachées à la Prusse.

¹¹ Des milliers d'ossements furent exhumés dans la capitale lituanienne en 2001. Les analyses effectuées sur ces restes humains ont démontré qu'ils étaient morts de faim de froid et d'une épidémie de typhus qui s'était déclarée dans la ville.

¹² Depuis un siècle, la Russie avançait vers l'Ouest et le Sud et avait atteint le Caucase. La Bessarabie était occupée depuis peu.

¹³ Selon les mots de Jean TULARD, ce mémorial « est un chef d'œuvre de propagande posthume ». Je ne suis pas le premier à le faire mais je renvoie aux sublimes vers de Victor Hugo dans l'Expiation (*Les Châtiments*) où celui-ci déclame : « Deux ennemis ! Le Czar, le Nord. Le Nord est pire ».

¹⁴ L'écrivain Stendhal (Henri Beyle) fut chargé de l'approvisionnement à Smolensk un peu plus tard au moment où la retraite s'annonçait.

Que l'on retienne ce chiffre très révélateur des pertes précédant l'arrivée de l'hiver. Lorsque Napoléon quitta Moscou, le 18 octobre, il n'avait plus que 100 000 hommes sur les rangs et, moins de 60 jours plus tard, le quart seulement de cet effectif repassera le Niémen, franchi six mois auparavant.

On touche d'ailleurs là à l'un des aspects intéressants de cette campagne : la propagande. La Moskova n'est certes pas une grande victoire impériale. On parle tout à la fois de « demi-victoire », de « victoire indécise » ou bien encore de « victoire tactique »¹⁵ ; néanmoins, Napoléon¹⁶ resta maître du terrain et essuya moins de pertes que son adversaire. La pratique de la terre brûlée – qui faisait débat parmi l'état-major russe mais qui ne fut pas le fruit du hasard – reprit alors de plus belle.

Dans son puissant Guerre et paix, Tolstoï voyait nettement en la Moskova une victoire russe¹⁷. Historiens français et russes ont toutefois longuement débattu pour connaître le véritable vainqueur du combat, notamment au regard des événements ultérieurs. Autre fait saillant de cette propagande et de cette bataille des mots, l'incendie de Moscou, dû à l'initiative du comte Fedor Rostopchine et à l'action de centaines de prisonniers¹⁸ auxquels fut promis la liberté pour prix de leur dévouement à ne laisser que des ruines à l'occupant. Pour exciter la population, la propagande russe laissa alors courir le bruit, lors de la retraite, que c'était Napoléon qui avait ordonné la destruction de la ville, mais ajoutons que lorsque les troupes russes reprirent l'antique capitale dévastée aux trois-quarts, certaines d'entre elles se livrèrent elles-mêmes au pillage du peu qu'il pouvait rester à piller... La désinformation, enfin, était de même habilement pratiquée du côté de l'Empereur, par l'intermédiaire des bulletins, de manière à amenuiser le désastre de cette campagne et de glorifier le sort de l'armée, voire de rassurer le peuple français – et ses alliés ! – sur la santé de son souverain. On disait d'ailleurs en France : « Mentir comme un bulletin », ce qui en dit long sur la connaissance du citoyen de ce genre de dépêches.

Autre cas intéressant, celui de « la Bérézina », devenue en langue française une locution proverbiale synonyme de déroute. A la fin novembre 1812, l'armée napoléonienne se battait déjà depuis plusieurs semaines en état d'infériorité numérique contre les troupes de Koutouzov (notamment à Malo-Jaroslawetz ou lors du grand fait d'armes de Ney à Krasnoï). On était alors dans un schéma radicalement différent. Napoléon avait été contraint de reprendre le chemin de l'aller, notamment à cause de la bataille de Malo-Jaroslawetz le 24 octobre, puis du harcèlement des Cosaques (il avait souhaité initialement opérer sa retraite plus au sud, en raison du climat moins dur et des possibilités de ravitaillement plus faciles). Parvenu non loin de la rivière Bérézina, l'état se resserrait de plus en plus¹⁹ (120 000 hommes se rapprochaient des bribes de la Grande

---

¹⁵ Victoire stratégique russe peut-on lire aussi. Dans l'état-major russe, Barclay de Tolly qui préconisait d'éviter la confrontation directe. Légèrement tombé en disgrâce auprès du tsar (certains l'accusaient même de lâcheté pour ce choix stratégique), il fut donc sous les ordres de Koutouzov à Borodino dont il était auparavant le chef où il se battit avec courage. A l'inverse, Pierre Bagration brûlait d'en découdre avec les forces napoléoniennes, il mourut lors de la bataille de Borodino. Koutouzov reprit la stratégie de Barclay après cette défaite (qu'il présenta le premier comme une victoire).

¹⁶ On reproche notamment à Napoléon de ne pas avoir fait entrer dans la bataille sa garde qui eût permis d'anéantir l'armée russe. Ceci est en partie contestable mais il faut garder à l'esprit que celui-ci préférait préserver des forces.

¹⁷ D'autres batailles de cette campagne ont suscité des controverses quant à l'issue finale. Ainsi la bataille de Krasnoï le 17 novembre où l'intervention de Napoléon fut déterminante.

¹⁸ Le sort de ceux-ci lorsqu'ils tombèrent aux mains des soldats fut atroce car ils étaient sommairement abattus. Le spectacle et les conséquences de cette ville en feu eurent un effet désastreux sur le moral de la Grande Armée.

¹⁹ Napoléon avait failli être fait prisonnier après la bataille de Malo-Jaroslawetz, il porta ensuite une fiole de poison. Plus tard, une garde rapprochée fut alors décidée, « l'Escadron sacré », pour protéger celui qui savait galvaniser les énergies.

Armée) et du côté français, on commençait alors à envisager à livrer l'ultime bataille jusqu'à la mort. C'est alors qu'un officier, Corbineau, découvrit un passage plus praticable, grâce à un paysan biélorusse à Stoudianka. Pendant que les pontonniers d'Eblé œuvraient parmi les blocs de glace pour construire deux ponts, Napoléon fit diversion pour permettre à ceux-ci d'aboutir, et le maréchal Victor sut contenir les Russes. L'essentiel de l'armée parvenu jusque ici fut ainsi sauvé et, en vérité, ce sont de nombreux civils, notamment des femmes²⁰ avec leurs enfants, qui se trouvaient encore du mauvais côté de la rive lorsqu'il fut décidé de faire sauter les ponts le 29 novembre. Ces malheureux civils se pressèrent en vain sur les ponts, et nombre d'entre eux tombèrent aux mains des Cosaques. Ainsi, Napoléon avait encore remporté une victoire tactique mais à quel prix.

Le 5 décembre, à Smorgony, l'Empereur décida de quitter l'armée pour plusieurs raisons. Tout d'abord, il ne recevait plus de nouvelles de Paris (les Cosaques interceptaient les courriers) depuis la conjuration ratée du général Malet, qui avait visé à le destituer. Il voulait donc reprendre en main la situation politique, mais aussi, enfin, reconstituer son armée pour être en mesure de reprendre les hostilités. Il est important de souligner que le départ de l'Empereur fut mal perçu par les Grognaards car ceux-ci tout au long de la campagne lui avaient manifesté, comme de coutume, un attachement et une admiration indéfectibles. Le relâchement de la discipline et de l'organisation, l'abattement, ont été plus manifestes après le départ de Napoléon surtout qu'il commit l'erreur de nommer Murat (le roi de Naples), pour lui succéder dans le commandement de la retraite. Or, celui-ci vit très vite son autorité contestée²¹ et il partit quarante jours plus tard à destination de l'Italie pour tenter de garder son royaume. Dans le plus grand désarroi, le reste de la grande Armée rejoignit les territoires allemands, mais auparavant Vilnius et Poznan furent des étapes de passage, toujours par de grands froids (- 28° degrés le 8 décembre). Les troupes étaient désemparées de ne plus avoir l'Empereur à leur côté, certes responsable de cette calamiteuse campagne mais aussi l'âme même de la résistance de la Grande Armée²².

Une immortelle épopée pour les peuples russe et français prenait fin. La Grande Armée avait vaillamment combattu jusqu'au bout, néanmoins le désastre était là, inéluctable et lourd de conséquences à venir quant à la réaction des pays d'Europe. Ceux-ci, en effet, allaient voire là l'occasion de se libérer du joug français. Au-delà des manques de l'approvisionnement, Napoléon avait manifestement sous-estimé la capacité de résistance du peuple russe, l'intelligence du tsar et de ses généraux, puisqu'il escomptait anéantir l'armée russe lors de grandes batailles, alors que celle-ci allait parvenir au contraire à se dérober à l'envahisseur, pour mieux revenir en force²³.

1. BREGEON, J.-J., 1812, la paix et la guerre, éditions Perrin, 2012.
2. CHOFFAT, Th., CZOUZ-TORNARE, A.-J., La Bérézina, Suisse et France dans la tourmente de 1812, Editions Cabédita, 2012.
3. LENTZ, Th, Nouvelle histoire du premier Empire. Tome 2 (1810-1814), Fayard, 2004.
4. LIEVEN, D., La Russie contre Napoléon, éditions des Syrtes, 2012.
5. REY, M.-P., L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie, Flammarion, 2012.
6. TULARD, Napoléon, Fayard, 1987.
7. TULARD, Dictionnaire amoureux de Napoléon, Plon, 2012.

---

²⁰ Une histoire des femmes de cette campagne est à écrire. Cantinières, femmes d'officiers, familles françaises ayant fui Moscou de peur de la répression russe, eurent souvent un courage indescriptible dans la retraite.

²¹ Eugène de Beauharnais eut été un meilleur choix mais Murat fut semble-t-il choisi pour des raisons protocolaires. Après le départ de Murat, ce fut Eugène qui ramena les survivants.

²² Comme l'a écrit Philippe de Ségur : « l'ombre de la Grande Armée » mais le nombre de survivants varie selon que l'on compte notamment les non-combattants. En tout, 18 000 hommes revinrent-ils ? Y eut-il pareillement 100 000, 150 000 prisonniers ?

²³ Il est avéré aussi que lors de cette campagne, Napoléon fit moins preuve de son sens de mouvement des troupes qui avait fait merveille lors des premières coalitions.

В.В. Коровин
УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В МАТЕРИАЛЬНОМ
ОБЕСПЕЧЕНИИ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ (1812–1813 гг.)

В фондах Российского государственного военно-исторического архива отложились документы, указывающие на то, что осенью 1812 г. Курская губерния должна была стать одним из центральных узлов снабжения действующей армии. Так, в письме М.И. Кутузова, направленном 21 ноября на имя военного министра А.И. Горчакова, отмечалось: «Во время пребывания армии в районе Смоленска и Москвы и при настоящем движении её для преследования бегущего неприятеля, продовольствие людям и лошадям доставлялось и доставляется наиболее из добровольного пожертвования дворянских сословий и вообще жителей: Тульской, Калужской, Тверской, частично Орловской и других ближайших к расположению армии внутренних российских губерний.

Теперь, когда армия удаляется от пределов сих губерний, и когда потому доставление из оных продовольствия делается только затруднительным, но и во все почти невозможным, я, изыскивая способы, коими бы можно обеспечить содержание армий в оных местностях, куда отсель по обстоятельствам должно будет иметь направление. Похоже, по всем соображениям ближайшим и сподручайшим, иметь готовый запас провианта, овса и для порции людям вина, в Курской и в обеих малороссийских – Черниговской и Полтавской губерниях.

Определяя меру сего запаса, я полагаю необходимым, чтобы во всех оных губерниях собрано было с каждой ревизской платящей подати души: сухарей по одному пуду, круп и овса по шести гарнцов, а вина, непосредственно с тех лиц, кои пользуются правом винокурения, в каждой губернии по семидесяти пяти тысяч вёдер. А потому, возложить исполнение сего моего Положения на особенное попечение господ гражданских губернаторов и предводителей дворянства Курской, Черниговской и Полтавской губерний, сообщил настоящее тамошним господам гражданским губернаторам, дабы они каждой поверенной ему губернии, учинили как наискорее зависящее на сей предмет с их стороны распоряжение, с тем, чтобы коль скоро требуется доставление назначенных в сбор сухарей, круп, овса и вина к армии, на сие продовольствие, было всё то в своевременной готовности.

На первый раз пункты своза провианта, овса, и вина, назначены мною по уездным городам и в других, по собственному господ гражданских губернаторов усмотрению, удобных для складки и центральных по уездам местностям, а куда от толь далее должно будет доставляться, о сем по данному от меня предписанию будет уведомлять губернаторов главноуправляющий по части продовольствия армии господин сенатор Ланской» [1, л. 1–2]. В Курске же распоряжение М.И. Кутузова о «готовности к отвозу по первому извещению к армии сухарей или муки с порцией круп 30 тыс. четвертей и овса 20 тыс. четвертей» было получено еще 10 ноября 1812 года [2, л. 100].

В ноябре 1812 г., по указанию М.И. Кутузова, с Курской губернии потребовалось собрать подводы и погонщиков для перевозки из города Трубчевска Орловской губернии заготовленных для армии запасов. 7 ноября собрание, состоявшее из губернского и уездных предводителей дворянства, постановило для выполнения этого поручения избрать ответственными чиновниками тимского помещика Д.Н. Дятлова, льговского помещика майора В.И. Тютчева и фатежского – Н.А. Спешнева.

После этого состоялись уездные дворянские собрания, определившие наряд на подводы, лошадей и погонщиков, которые необходимо было представить помещикам каждого уезда. В конце ноября установленное количество под-

вод, возчиков и лошадей было собрано курянами. 30 ноября Д.Н. Дятлов уведомил губернского предводителя дворянства о предстоящем отправлении обоза. Всего от Курской губернии было выставлено 12076 подвод.

На выполнение операции по перевозке продовольствия и фуража из Трубчевска потребовалось два месяца. Вскоре перед курским обозом была поставлена новая задача. О ней гражданский губернатор А.И. Нелидов известил губернского предводителя дворянства П.А. Гасвицкого: «Из уведомлений Вам господ уездных предводителей дворянства, производящих отправление провианта и фуража в Минск, известно Вам, что отправление последних транспортов оканчивается. В связи с чем, прошу Вас как наипоспешнее распорядиться транспортированием и отправлением подвод, нужных для поднятия и доставления в назначенные пункты выпеченных из муки Трубчевских запасов сухарей, коих половина возложена... на Курскую губернию. Всех же сухарей, долженствующих подняться на подводах сей губернии, приготовлено 200944 пуда 23 фунта 13 золотников, по каковому числу поднятия тяжести, должно быть произведено и отправление нужных для того подвод» [3, с. 7].

3 января 1813 года курский гражданский губернатор А.И. Нелидов, получив от генерал-интенданта Д.С. Ланского извещение о доставлении в город Минск продовольственных запасов для армии, предложил губернскому предводителю дворянства П.А. Гасвицкому, чтобы каждый предводитель по своему уезду произвел расчеты о количестве подвод и назначил время их сбора. 13 января губернатор с губернским и уездными предводителями приняли решение о сборе с десяти уездов назначенного количества провианта и фуража с порцией круп, а также денег по 2 руб. 5 коп. с души на продовольствие лошадей, погонщиков и прочие расходы. Каждый уездный предводитель дворянства обязывался назначить транспортных чиновников. Главным начальником транспортных партий был назначен и отправлен в Минск майор Деменков.

15 января 1813 г. от губернского уездным предводителям дворянства было сообщено, что явившиеся подрядчики изъявили желание поставить в Минск провиант и фураж из имеющихся у них ресурсов с оплатой по урожайным округам по 3 руб. 10 коп., а по неурожайным – 1 руб. 10 коп. с каждой ревизской души. П.А. Гасвицкий предложил выяснить мнение дворянских окружных собраний, мещанских обществ, старост и голов государственных поселений, на предмет их согласия внести предложенную подрядчиками сумму. 17 января оказалось, что подрядчики от своих обязательств отказались, в связи с чем, было предписано «отбыть сию повинность нарядом».

Большая часть уездов, назначенных к исполнению продовольственной повинности, снарядила подводы с провиантом и фуражом, и отправила их в Минск. Зимнюю дорогу не смогли преодолеть все транспорты. Часть груза пришлось оставить на местах стоянок в пути следования. Некоторые уездные предводители дворянства вынуждены были искать подрядчиков в Минске и через них закупать продовольствие и фураж на месте. При проведении в 1826 г. сенаторской проверки выяснилось, что в течение января – мая 1813 г. поставки провианта и фуража для нужд армии выполнили Обоянская, Фатежская, Рыльская, Дмитриевская, часть Курской, часть Хотмыжской округи и Львовский уезд Курской губернии.

Участвовал в закупке провианта и фуража, находившийся все это время в Минске майор Деменков. 14 апреля 1813 г. он сообщал курскому губернатору о том, что «купил с разрешения местного военного губернатора у губернского маршала князя Пузыни провиант и фураж по ценам за четверть муки от 3 руб. 12 коп. до 3 руб. 50 коп. серебром и 15 руб. ассигнациями, круп по 4 руб. 15 коп. сереб-

ром и по 20 руб. ассигнациями, овса по 2 руб. 15 коп. серебром и по 11 руб. ассигнациями с их мешками или кулями по 30 число августа поставлен за части Курского, Путивльского, Суджанского, Хотмыжского и Тимского, всего по исчислению за 87152 души». Израсходовав практически все имевшиеся в его распоряжении денежные средства, Деменков сетовал на то, что, не имея достоверных сведений о ходе выполнения плана поставок от уездов, он вынужден прекратить закупку, хотя «иные поставщики поставлять начали, а прочие скоро станут поставлять». Чиновник просил срочно направить к нему посыльного с инструкцией о его дальнейших действиях.

28 апреля 1813 г. в дворянском собрании было принято решение, согласно которому «от тех округ, кои еще не выставили хлеба, каждый предводитель послал бы от себя чиновников, чтобы отставший в пути провиант и фураж поставить в Минск натурой. Если же невыгодна будет доставка, то продав оный хлеб, вместо того купить и поставить в Минск, снесясь с главным над транспортами начальником Деменковым». Но как следует из документов, многие уездные предводители дворянства приняли не согласованные в установленном порядке решения о способах выполнения продовольственной повинности. В результате имели место финансовые нарушения. Так, в Обоянском уезде предводитель дворянства произвел поставку «по его показанию через подрядчика без контракта и собранные деньги и провиант отданы им подрядчику без расписок», и как показала проверка из подотчетной суммы 158130 руб. 60 коп. документально подтверждено расходование только 91245 руб. 90 коп. Отдельные уездные чиновники допускали перерасход запланированных средств, закупая продовольствие по завышенным ценам [2, л. 101–103].

В соответствии с требованием Главнокомандующего, курское дворянство выполнило перевозку сухарей из города Севска Орловской губернии в местечко Новую Белицу (пригород Гомеля) Могилевской губернии, пользуясь выделенными для этой цели обозами, под наблюдением избранных дворянских чиновников. Эта операция была завершена в августе 1813 года.

В целом, от дворянства Курской губернии для приобретения 1500 голов волов и фур требовалось собрать 150000 рублей. Курянами было собрано 177469 руб., из которых израсходовано – 165656, а 11813 руб. было передано в Курский Приказ Общественного Призрения. Те из помещиков, кто не мог явиться на собрание лично, в письмах изъявляли желание жертвовать «то, что по времени признавалось необходимым». Так, например, помещица Фекла фон-Линденер писала: «По причине слабости здоровья в собрании быть не могу, но, желая исполнить в защиту Отечества с верою в душе моей, прошу вас уверить благородное общество, не откажусь от того, что оно положит». Помещик Суковкин писал: «Всякое положение, постановленное в собрании господами дворянами, я с искренним моим усердием приемлю, дабы я мог показать самим делом, что я есть верный сын Отечества» [3, с. 8].

По сведениям краеведа А.А. Танкова, курское дворянство делало значительные пожертвования «на устройство, поддержку и содействие народному ополчению, призванному в помощь Русским армиям». Пожертвования эти производились через архиепископа Курского Феокиста, который пользовался уважением дворянства и вел переписку со многими высокопоставленными лицами. В ноябре 1812 г. Обер-Прокурор Святейшего Синода князь А.Н. Голицын прислал архиепископу Феокисту письмо, в котором просил пригласить к пожертвованиям представителей дворянского и купеческого сословий. Сделав со своей стороны крупные денежные пожертвования, архиепископ Феокист отправил письма помещикам управляемой им епархии, имеющим достаточные средства и отличаю-

щимся стремлением к благотворительности. В них он призывал дворян проявить чувство патриотизма. Например, в архиве Курской духовной консистории сохранилось послание обоянскому помещику генерал-майору П.В. Ильинскому: «Вы когда-то изволили сказать мне о намерении Вашем построить при Обоянском мужском монастыре богадельню. Теперь открывается благопристойнейший случай и возможность к изъявлению благотворений Ваших в пользу бедствующих соотчичей, проливавших кровь свою за спасение Православной России. На сей важный, душеспасительный предмет пожертвуйте, благодетель мой!»[3, с. 3–4].

Курские дворяне, к которым обращался архиепископ, прислали пожертвования. Так, белгородский помещик Хорват направил 500 рублей, львовский помещик Л.А. Изъединов прислал 500 руб. с выражением «сыновних своих чувств», путивльский помещик Черепов прислал 1000 руб. Из Харькова помещицей Харьковской губернии, владевшей поместьями и в Грайворонском уезде Курской губернии, Донец-Захаржевской было прислано 500 рублей. Из Курска дворянин Переверзев препроводил 250 руб. с письмом, отражающим настроения местного дворянства: «В настоящее время, видя многих из знакомых моих и незнакомых дворян и других сословий соотечественников, подвергшихся несчастной участи, сопряженной с защитой Отечества, я облегчал с удовольствием сердца по силам моим, угнетающую их бедность, давая одним деньги, другим одеяние, а некоторым пристанище...»[3, с. 5].

Многие курские дворяне жертвовали денежные суммы, как это следует из архивных документов духовной консистории, своему приходскому духовенству, вместе с купечеством и представителями других сословий. Главные благочинные Курской губернии уведомляли архиепископа о том, что в их благочестиях все сословия участвовали в общей патриотической подписке. Например, в Белгороде в течение двух месяцев после начала подписки было пожертвовано 713 рублей.

Таким образом, население Курской губернии внесло свой посильный вклад в достижение победы над общим врагом, оказывая материальную помощь действующей армии в снабжении ее продовольствием и другими необходимыми вещами. Куряне собрали пожертвований для армии почти 2 млн. руб., неслучайно М.И.Кутузов хвалил их за патриотический порыв и самоотверженность: «Имеете вы право называться достойными сынами Отечества».

1. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 846. – Оп. 16. – Т. 1. – Д. 3451.
2. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1555. – Оп. 1. – Д. 123.
3. Танков, А.А. «Год священной памяти» (Из истории Курского края во время Отечественной войны) / А.А. Танков // Курский сборник. – Вып. VII. – Курск, 1912.

Т.П. Иванова **ТВЕРСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ В ВОЙНЕ 1812 г.**

Одной из причин победы России в войне 1812 г. явилось участие в войне широких народных масс, в том числе и деятельность ополчений, оказавших значительную помощь российской армии. В условиях начавшейся войны между Россией и Францией император Александр I на заседании Сената 18 июля (6 июля по ст. ст.) 1812 г. «воззвал ко всем верноподданным нашим о составлении внутренних сил для защиты Отечества». Ниже попытаемся рассмотреть отдельные эпизоды из истории Тверского ополчения в войне 1812 г., основываясь на копиях документов, хранящихся в фондах Витебского областного краеведческого музея.

Известно, что в годы войны 1812 г. в Российской империи было сформировано 16 ополчений по трем округам: первые две были созданы для защиты столиц, третья являлась резервной по отношению к двум другим. Согласно докумен-

ту «Расписание ополчений» в 1-ую округу включались Московское, Тверское, Ярославское, Владимирское, Рязанское, Тульское, Калужское, Смоленское ополчения. Ко 2-й округе относились Санкт-Петербургское и Новгородское ополчения. 3-ю округу составили Казанское, Нижегородское, Пензенское, Костромское, Сибирское и Вятское ополчения. Кроме того, дополнительно создавался ряд ополчений, не принадлежащих к округам: Полтавское, Черниговское, Лифляндское, старой Финляндии, Новой Финляндии, Курляндии и Херсонской губернии [6]. Ограничивая сбор ополчения определенными губерниями правительство руководствовалось, прежде всего, стратегической целью защиты столиц и возможностью держать наготове солидный резерв.

Тверское ополчение состояло из 5 пехотных полков и 1 конного полка. Командиры, как правило, назначались из дворян; рядовой состав состоял из помещичьих крестьян и мещан. Начальником Тверского ополчения был избран генерал-лейтенант Я.И. Тыртов (помещик Новоторжского уезда Тверской губернии, участник суворовских походов). Согласно сохранившимся документам известен полный состав руководства ополчения: генерал-майор Синицын, адъютант майор Лутковский, майор Давыдов, майор князь Волконский, сотенные начальники: капитан Львов, капитан Головачов, поручик князь Енгальцов, подпоручик Еремеев, капитан Пятницкий, прапорщик Колударов [2].

В Витебском областном краеведческом музее имеется документ – указ Александра I об утверждении в звании полковых начальников в Тверском ополчении от 12 сентября 1812 г.: генерал-майора Баплановского, генерал-майора Загряжного, действительного статского советника Полторацкого, князя Шаховского, полковника Долгополова и подполковника Балтина [7].

Следует отметить, что согласно «распоряжению главного директора путей сообщения России принца Г. Ольденбургского» в 1812 г. в состав Тверского ополчения включили многих крестьян Витебской губернии, которые были заняты на обслуживании путей сообщения. Именной список крестьян в составе 517 человек (принадлежащих различным помещикам) был представлен Витебским гражданским губернатором председателю Комитета министров С.К. Вязмитинову. К документу также была приложена и просьба помещиков Витебской губернии зачесть им этих крестьян в качестве рекрутов [3].

На основании рапорта Я.И. Тыртова императору Александру I о состоянии Тверского полка также подтверждается, что в нем служили крестьяне-белорусы, сформированные из землекопов Ведомства путей сообщения, в частности, в 1-ом пешем полку служило 72, во 2-ом – 93, в 3-ем – 78, в 4-ом – 88, в 5-ом – 79, итого – 410 казаков-белорусов [2].

Среди историков нет единого мнения по вопросу вооружения и снабжения ополчений. Русский историк А.Н. Кабанов писал, что ряд ополчений (Тверское, Владимирское и др.) не имели ружей и выходили в бой с пиками [10]. Другие историки указывают, что обмундирование ратников состояло из кафтана, сапог, фуражки, рукавиц, ранца. Тверские историки-краеведы приводят факты, что артели тверских купцов Тамаринова, Боброва и др. брали подряды по обеспечению ополчения обмундированием; по распоряжению М.И. Кутузова в Тверской губернии закупали полушубки и сапоги и направляли их на обеспечение офицеров и солдат действующей армии [11]. Можно предположить, что ополчения обеспечивались продовольствием частично из казны, частично из запасов провиантских магазинов, а также за счет жителей губернии, через которую следовал данный полк.

Что касается роли ополчений в войне 1812 г., то они сыграли роль в содействии армии по устройству оборонительных сооружений, в конвоировании пленных, в охране объектов. Приходилось действовать ополченцам и на поле битвы. Так, во время Бородинской битвы Тверское ополчение численностью 14500 человек находилось на правом фланге между Москвой и Клином, прикрывая Клин, Беженск. Затем Тверское ополчение было подчинено генерал-адъютанту Ф.Ф. Винцингероде, посланному М.И. Кутузовым на Тверскую дорогу с отрядом в 3200 человек. Опираясь на Тверское и частично Ярославское ополчение и Донской полк, этот отряд сумел сковать значительные силы противника на петербургском направлении.

Кроме того, в окрестностях Москвы кавалеристы Тверского ополчения самостоятельно истребляли мелкие отряды французских «фуражистов», грабивших население северного Подмосковья. Наполеон вынужден был выделить против отряда генерала Ф.Ф. Винцингероде и Тверского ополчения значительную часть корпуса маршала Нея и вице-короля Евгения Богарнэ. Однако, несмотря на это Тверское ополчение действовало довольно успешно. Например, под Воскресенском 21 сентября 1812 г. сотня казаков 5-го пехотного полка Тверского ополчения и сотня донских казаков разбили превосходящие силы французов. 22 сентября 1812 г. воины конного полка Тверского ополчения отбросили неприятельский отряд на 300 километров назад [9].

В приказе Александра I командиру Тверского ополчения генерал-лейтенанту Я.И. Тыртову от 29 сентября 1812 г. предлагалось «подвинуть ополчение в Сычевку ... немедленно, не заходя в Зубов», по прибытии рекомендовалось ждать приказаний от М.И. Кутузова [6]. В рапорте Я.И. Тыртова от 12 ноября также говорится о том, что Тверское ополчение 4 ноября 1812 г. повторно получило приказ следовать в Сычевку, а затем – в Витебск [1].

Согласно документу «Расписание ополчений» известно также, что по данным на 24 ноября 1812 г. конный полк Тверского ополчения находился в действующей армии непосредственно в подчинении М.И. Кутузова, а 5-й пехотный полк ополчения по-прежнему располагался в г. Белый Смоленской губернии, куда он прибыл в сентябре [4].

Очевидно, поверившие в свои силы ополченцы, осознав свою значительную роль в борьбе с французами, не всегда спешили выполнять распоряжения командования. Кроме того, наблюдалось и такое явление, как рассредоточение сил ополчений. Да и обстановка на театре военных действий не требовала использования всего ополчения как боевой силы. Некогда «Великая армия» отступала.

Конный полк Тверского ополчения был оставлен в действующей армии, а пехота направлена в северо-западные губернии России. Ратники охраняли границу с Пруссией, сопровождали пленных, умирляли недовольство местных крестьян, несли караульную службу в Риге и Динабурге [9]. Тверский конный полк участвовал в заграничных походах российской армии, сражался под Кенигсбергом, Берлином и Гамбургом [11].

В архивных документах называются и потери Тверского ополчения за ноябрь 1812 г. по каждому из 6 полков отдельно. Интересно, что среди этих потерь значатся и белорусы, убежавшие из него во время прохождения ополчения по белорусской земле. Предположительно, белорусские крестьяне вернулись в свои села, видя победный исход событий. Содержание документа позволяет подсчитать число беглецов: из 1-го полка – 6, из 2-го – 8, из 3-го – 8, из 4-го – 7, из 5-го – 11, итого – 40 человек [1].

К тому же, ратники-ополченцы имели все основания бояться, что правительство вместо временной службы переведет их на постоянную. Но этого не произошло. Вскоре началась ликвидация ополчений. Оно осуществлялась со значительными преимуществами для дворянства: были разрешены зачетные квитанции, которые выдавались вместо рекрутов; убитые и умершие в походе ополченцы засчитывались помещикам губернии как рекруты следующего набора.

Первыми были распущены Московское и Смоленское ополчения (30 марта 1813 г.), постепенно до 28 ноября 1814 г. расформированы и другие ополчения. Тверское ополчение было распущено 22 января 1814 г. В фондах Витебского областного краеведческого музея находится и фотокопия указа Александра I командиру о роспуске Тверского ополчения от 22 января 1814 г. «С покорением Данцига и перехода действующей армии через Рейн признал я нужным распустить по домам Тверское ополчение». В документе государь выражал заботу о процедуре возвращения ополченцев, приказывал: 1. Не вступать в родные губернии, пока ополченцы не приобретут исправную одежду и обувь, «дорогою тоже иметь попечение о них, на что будет отпущена сумма». 2. «Продовольствие воинов в пути и призрение больных должны составлять особую заботу вашу». 3. «Строгий порядок и дисциплина да соблюдутся в вверенном вам ополчении, пока каждый ваш воин не вступит в свое семейство». Командир ополчения должен был отчитаться, «с каким количеством людей он отправился с места и с какими вернулся, особо сказать об оставленных по дороге в госпиталях и умерших». В конце указа императора имелась приписка «Донесение сие адресовать мне в собственные руки, дабы ближе видеть я мог до какой степени простирается попечение ваше о воинах» [8].

Летом 1814 г. тверские ополченцы вернулись домой. По домам распустили 4814 человек. Однако многие ополченцы домой не вернулись: они умерли от тягот военной жизни и болезней [11]. Прибывающие полки торжественно встречали жители губернских городов – в честь ополченцев дворянами и мещанами устраивались балы и обеды.

Таким образом, ополчения сыграли значительную роль в поддержке русской армии и ее победе над французскими войсками. В год 200-летия победы России в войне 1812 г. 9 февраля 2012 г. в Твери на заседании городской думы принято решение об установлении в городе мемориального камня в честь российских солдат и Тверского ополчения 1812 г.

1. ВОКМ (Витебский областной краеведческий музей), н/в 6931/5.
2. ВОКМ, н/в 6931/7.
3. ВОКМ, н/в 7163/1.
4. ВОКМ, н/в 7163/2.
5. ВОКМ, н/в 7163/3.
6. ВОКМ, н/в 7310/75.
7. ВОКМ, н/в 7310/76.
8. ВОКМ, н/в 7310/78.
9. Историческое описание одежды и вооружения российских войск [Электронный ресурс]. – 1901. – Т. 18. – С. 41–81. – Режим доступа: listvinoleg.nm.ru/T18/T18_22.htm
10. Кабанов, А.Н. Отечественная война 1812 года и русское общество. Т.V. [Электронный ресурс] / А.Н. Кабанов. – Режим доступа: museum.Ru/1812/Library/Sitin/book5_03.html
11. Электронный ресурс. – Режим доступа: Obl-tver.ru/history|226-otehestvennaya-vojna-1812.html.

А. Лейберов
НЕЖИНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК ЗЕМСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Одной из наименее изученных тем, относящихся к эпохе 1812 г., остается участие в ней украинского народа. Несмотря на множество научных работ, остается ряд практически неизученных сторон данной проблемы. В первую очередь это история создания и деятельности Малороссийского ополчения, созданного в начале войны. Особый интерес представляет история Нежинского пехотного полка земского ополчения, отдельного воинского формирования, созданного на Черниговщине.

Известие о начале войны в провинциальный Нежин, центр одноименного уезда Черниговской губернии, пришло одновременно с императорским манифестом “ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским” от 6 июля 1812 г. В нем говорилось, что: “Неприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясти спокойствие великой сей державы... Сего ради при всей твердой надежде на храброе наше воинство полагаем мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли вторую ограду в подкреплении первой и в защиту домов, жен и детей, каждого и всех” [1, л. 156]. За манифестом последовал циркуляр от 18 июля Черниговского предводителя дворянства Н.Н. Стороженко, в котором он призывал все уездное дворянство немедленно приступить к сбору ополчения. А уже 23 числа дворянское собрание Нежинского уезда постановило “...одушевляясь любовью и усердием к народу и Отечеству...немедля приступить к назначению на первый случай из каждых 15-ти ревизских душ по одному человеку, обвестить всех помещиков, чтобы они из такого количества, а ежели по усердию своему имеют возможность, то из меньшего, выбрав способных людей и вооружив их, чем можно, а в недостатке того – и без всякого вооружения, но только в неизорванном одеянии и обуви, снабдив на месяц провиантом, без малейшего замедления... представили их в г. Нежин. И по мере принятия определять к ним на каждые 50, равно, как и на каждые 100 человек по одному чиновнику из избранных нами” [3, л. 17]. В первую очередь в ополчение набирали помещичьих крестьян, но разрешалось записываться мещанам и государственным крестьянам. Уже 2 августа нежинский предводитель дворянства М.Я.Почека писал начальнику Черниговского ополчения генерал-лейтенанту Н.В. Гудовичу: “...приступил к призыву защитников с помещичьих владений... принято в защитники 664 человека”, но при этом он уточнял, что “сии ратники вооружены только одними пиками” [3, л. 20]. Ввиду большого количества желающих поступить в ополчение, командованием было принято решение о создании отдельного воинского формирования – Нежинского пехотного полка земского ополчения. Командиром полка был назначен нежинский помещик, подполковник в отставке Григорий Григорьевич Левицкий. Взяв за основу комплектования структуру армейских пехотных полков, планировалось, что пехотный полк ополчения будет состоять из трех батальонов по 4 роты в каждом, но от такой структуры пришлось быстро отказаться. Нежинский пехотный полк был двухбатальонный. Он состоял из двух частей, которые в документах именовались “половинами”. Первой половиной командовал отставной штаб-капитан И.И. Шаула, а второй – сам подполковник Левицкий. Личный состав первой половины включал в себя 5 сотенных начальников, 10 пятидесятных начальников и 674 ратника. Вторая половина – 6 сотенных, 12 пятидесятных начальников и 756 ополченцев [4,

л.11, 31]. Таким образом, Нежинский пехотный полк был одним из самых многочисленных среди сформированных в губернии, уступая только Суражской (1482 чел.) и Новозыбковской дружинам (1950 чел.). Архивные материалы показывают, что качество личного состава полка оставляло желать лучшего. Из 33 офицеров только 13 были кадровыми военными в отставке, 15 – чиновниками гражданских служб, а остальные нигде и никогда не служили. У части офицеров был опыт службы в ополчении 1806-1807 гг. Частичная выборка документов по рядовому составу полка показывает, что из 270 ратников, призванных в ополчение, только 12 проходили действительную службу. Трое из них имели унтер-офицерский чин, остальные были рядовыми. Только 25 человек умели владеть холодным оружием. Против фамилий остальных значилось “владеет пикой и обращенной в саблю ко-сой”. Только 16 ополченцев имели навыки стрельбы из огнестрельного оружия [3, л. 24–37]. Средний рост большинства ратников не превышал двух аршинов и трех вершков (155,5 см.), что было нижним показателем для набора в армию рекрутов 1795-1799 гг. рождения. Кроме того, возраст 47 ополченцев был старше 45 лет, и по меркам начала XIX века они считались старыми.

В связи с тем, что жалования офицерскому и рядовому составу ополчения из государственной казны платить не полагалось, на сборах уездного дворянства было принято решение объявить сбор средств с населения. Согласно решению собрания, каждый помещик, что владел крепостными, был обязан сдать по 50 коп. с каждой ревизской души. На этом же собрании были установлены размеры годового жалования офицерам полка: “уездному начальнику и его заместителю – 700 рублей, сотенным начальникам по 400 рублей, пятидесятным по 200 рублей” [4, л. 3]. В Нежине была создана специальная комиссия во главе с помещиком В.М. Мотаниссой, которая в первый месяц своей деятельности собрала 11780 руб 84 коп. пожертвований с помещиков, мещан и государственных крестьян уезда [4, л. 31]. На эти деньги предполагалось закупить для ополченцев огнестрельное и холодное оружие и обмундирование. Сначала планировалось вооружить ополченцев “из собранного по губернии на милицию оружия” (собранного на вооружение ополчения 1806-1807 гг.- авт.), но оружия на всех ратников не хватило, кроме того, оно было “посредственной исправности”. Не менее остро стоял вопрос обмундирования ополченцев. Регламентированной униформы для участников ополчений не существовало. В распоряжении Малороссийского генерал-губернатора князя Я.И. Лобанова-Ростовского предписывалось, что “...пешие воины сохраняют свое крестьянское платье. Прочие принадлежности к одежде по их состоянию. Фуражку на голове иметь суконную ... на каждой из них иметь выбитый из медной латуни крест с изображением на оной вензельного знака его императорского величества и с надписью “За Веру и царя”. Сапоги черные с такими голенищами, чтобы в осеннюю и холодную погоду сверх шаровар одевать могли...” [1, л. 216]. Кроме того, каждому ратнику полагался ранец, в котором он должен был хранить сменную рубашку, теплые штаны, варежки, портянки, запасные сапоги и трехдневный запас сухарей. Значительные проблемы возникали и с подготовкой и обмундированием офицеров полка, которые должны были вооружаться и экипироваться на собственные деньги. В рапорте на имя Нежинского маршала уездного дворянства Матвея Почеки пятидесятный начальник корнет Иван Мазуров писал: “...имею в готовности саблю и пару пистолетов. Что же принадлежит до мундира и шляпы, то по неимуществу моему снабдить себя не могу, ибо служа одиннадцать лет в военной службе... вышедши в отставку, застал имение и дом по смерти отца моего до крайности разоренным. По каковой необходимости и теперь живу на женином имении, приносящем мне надсилу нужное пропитание” [5, л. 17].

В конце июля французские войска заняли Чечерск и Речицу и вышли к границе Черниговской губернии, непосредственно угрожая Стародубу и Новозыбкову. И хотя занятые местечки были быстро у неприятеля отбиты, но для прикрытия губернии было решено создать “кордонную цепь”, “дабы оградить себя, как не от самой злодейской армии, то, по крайней мере, от разбойных нападений мародер и конфедератов, наипаче собираемых в Чериковском, Климовском, Чаусовском и Мстислаувских поветах”. Для участия в охране границ губернии в конце августа в Остерский повет выступила первая половина Нежинского пехотного полка, чуть позже к ней присоединилась и вторая. До середины сентября в серьезных боевых действиях полк участия не принимал. Рапортуя М.И.Кутузову, начальник Черниговского ополчения, генерал-лейтенант Н. Гудович писал: “по сие число важных дел с неприятелем не было, приводимы только бывають отдающиеся в плен разных наций воины неприятельские, в небольших партиях для фуражирования шатающиеся”. Однако в середине сентября французы снова начали наступление на Чечерск и Речицу, а также Рославль и Мглин. 26 сентября нежинские ополченцы приняли участие в боях за Чечерск и выбили неприятеля из города. Однако 12 октября 7-ми тысячный французский отряд из Мстиславля снова овладел Чечерском и начал наступление на юг. По приказу Н. Гудовича на помощь гренадерам подполковника Кленовского из Мозырского отряда и черниговским казакам поспешила тысяча нежинских ратников с двумя орудиями. В ходе боя враг был остановлен и снова выбит из города. “...сотня была в деле, два защитника убиты и восемь ранено”, так закончился этот бой для Нежинского полка. После этого нежинцы участвовали еще в нескольких стычках с небольшими отрядами неприятеля.

21 октября Н. Гудович получает приказ главнокомандующего об объединении под его командованием Черниговского и Полтавского ополчений. А через два дня в составе объединенного ополчения Нежинский пехотный полк выступил под Могилев, захват которого был поручен Гудовичу. 17 ноября он рапортовал в ставку: “... Могилев занят посланным от меня отрядом. Составлявшие гнездо преступников в Могилеве задержаны; провианта в оном городе имеется знатное количество”. После этого первая половина полка была отослана в Житомир, а вторая, во главе с Г.Левицким, немного позже была переведена в Минск. Отсюда полк должен был выступить в начале 1813 г. на территорию Великого Герцогства Варшавского. На этом участие нежинцев в компании 1812 г. завершилось. Однако основные потери полк понес как раз в период перехода и пребывания его на новых местах дислокации. В одном из рапортов на имя Черниговского предводителя дворянства начальник ополченного отряда, в состав которого входил Нежинский полк, доносил: “Офицеры и рядовые защитники, не имея полтора месяца квартир, и стоя на бивуаках, не только не оказали ни малейшего недовольства, а находясь в действующей линии боев...соблюли всю должную дисциплину и послушание. Но с сожалением должен я представить, что сии офицеры и рядовые за все заслуги их, вместо следуемого уважения от общества, терпевают недостатки, некоторые офицеры не получают приличного жалования и рядовые не только таковым не награждены, но многие не снабжены теплой одеждой, и все нуждаются в обуви” [3, л. 37]. Так, по списку призванных в ополчение крестьян с уездных имений графа И.А. Безбородько из 30 человек к февралю 1813 года (в это время полк принял участие в осаде крепости Замостье) 16 умерло, 11 были оставлены в Могилевском и Бердичевском госпиталях, а один дезертировал [6, л.1-2]. Во всех бедах полка И. Шаула обвинил командира Г.Левицкого. В ходе разбирательства было установлено, что деньги, собранные дворянской комиссией в сумме 10224 руб. 34 коп., были переданы Левицкому для выплаты жалования ратникам и обес-

печения их теплыми вещами. Левицкий выдал 4341 руб. для выплаты содержания ополченцам второй “половины”, а на собственные нужды и “непредвиденные расходы” употребил 4883 рубля. Интендант полка Борщевский получил от командира только 1000 руб., на которые были закуплены ратникам одежда и сапоги, но денег не хватило [4, л. 31]. Не получив денег от Левицкого, Шаула на свои собственные средства приобрел для ополченцев своей “половины” шапки, тулупы, шаровары, варежки, сапоги и даже бумагу для канцелярии, потратив на это 804 руб.70 коп. Эти деньги, как и 954 руб. его жалования, были возвращены только в июне 1813 г. после специального приказа командующего [4, л. 32].

Во время осады крепости Замостье, полк сократился наполовину, потеряв только умершими от голода и болезней 684 ополченца. После этого 29 июля 1813 г. полк был расформирован [7, л. 2]. Офицеры были направлены служить в тех же чинах в армейские полки, а рядовыми доукомплектовали дружины Черниговского ополчения.

Подводя итоги, следует отметить, что формирование и боевой путь Нежинского пехотного полка земского ополчения стали одной из славных страниц истории участия украинского народа в Отечественной войне 1812 г.

1. Государственный архив Черниговской области. – Ф. 128. Черниговское губернское правление. – Оп. 1. – Д. 1813.
2. Государственный архив Черниговской области. – Ф. 417. Черниговский губернский маршал дворянства. – Оп. 1. – Д. 54.
3. Отдел государственного архива Черниговской области в г. Нежине. – Ф. 343. Нежинский предводитель дворянства. – Оп. 1, Д. 196.
4. Отдел государственного архива Черниговской области в г. Нежине. – Ф. 343. – Оп. 1. – Д. 213.
5. Отдел государственного архива Черниговской области в г. Нежине. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 102.
6. Отдел государственного архива Черниговской области в г. Нежине. – Ф. 343. – Оп. 1. – Д. 216.
7. Отдел государственного архива Черниговской области в г. Нежине. – Ф. 343. – Оп. 1. – Д. 192.

В.Г. Бережинский, Н.В. Лапатиёва УКРАИНСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ 1812 ГОДА

В современной исторической литературе термин ополчения имеет два значения. Первое – это «воинские или военизированные (милиция) формирования, создаваемые из граждан (добровольцев), как правило, не подлежащих призыву на воинскую службу по мобилизации, в периоды наибольшей военной опасности для государства». Второе – это «категория военнообязанных призывавшихся по мобилизации во время войны во вторую и третью очередь» [1, с. 432, 434]. В этом значении термин «ополчение» появился в начале XIX в., когда при создании массовых армий так стали называть часть резерва регулярных вооруженных сил в который входили лица, освобожденные от военной службы в мирное время, но подлежавшие призыву на случай войны, а также лица, прошедшие действительную военную службу и отбывшие сроки состояния в запасе.

Каким же образом происходил переход от формы организации воинских формирований к элементу системы комплектования регулярных Вооруженных Сил? Дело в том, что основу ополчения составляют солдаты-ополченцы, статус которых несколько отличается от статуса солдат регулярной армии, что связано с добровольным вступлением в ополчение, сокращенными сроками несения службы (как правило, только на период боевых действий) и характером возлагаемых на ополчение задач. Обычно это отличие выражается в размерах денежного и материального довольствия, сроках выслуги для получения очередного воинского звания, в форме одежды и знаках различия, правах на получение пенсий и пособий, в некоторых странах – в системе награждений за боевые и другие заслуги [2,

с. 137]. Как способ и форма организации вооруженных формирований ополчение использовалось с древнейших времен и, как правило, предшествовало появлению профессиональной регулярной армии [3, с. 171].

К практике созыва ополчения российское правительство прибегло в начале XIX в., когда в связи с неудачно складывавшейся для российской армии войной с наполеоновской Францией и назревавшей войной с Турцией возникла опасность вторжения французов и османов в пределы России. Царским манифестом от 30 ноября 1806 г. практически по всей территории Российской империи (31 губерния) из крепостных и свободных крестьян, горожан и представителей дворянства началось формирование ополчения, которое получило название «Земская милиция». К 1807 г. общая численность ополчения достигла 612 тыс. чел. [4, с. 75–78].

Для созыва земской милиции вся территория была разделена на 7 областей. Ратники набирались из представителей податных сословий, командный состав – из дворян [5, с. 44–45]. Офицерам милиции был присвоен особый мундир темно-зеленого цвета, такого же цвета были панталоны. Кроме того, вводились белый жилет и черная фетровая двугольная шляпа с серебряной кокардой и высоким зеленым султаном. Воротники, обшлага и выпушки на мундирах были в каждой области своего цвета (красный, голубой, белый, оранжевый, розовый, лиловый и малиновый). В качестве знаков различия генералы и офицеры получили эполеты – раньше, чем их ввели в армии. Главнокомандующий областью носил пару золотых эполет без бахромы, губернский командир – золотой эполет на левом плече и золотой погон на правом, уездный командир – два золотых погона. Тысячные начальники имели на левом плече эполет, а пятисотенные – погон. Сотники и пятидесятники ни эполет, ни погон не получили. При мундире областные, губернские и уездные начальники носили шпаги, остальные – сабли с оправой из позолоченной меди. Зачисленные в ополчение ратники особой формы не имели и обходились обыкновенной крестьянской одеждой. В марте 1807 г. в 18 губерниях из ратников были сформированы батальоны стрелков, численностью в 600 чел. каждый, для пополнения действующей армии. Воины стрелковых батальонов получили одинаковую одежду: кафтан, панталоны и шинели из темно-зеленого и серого сукна, черные поярковые кивера с лакированным козырьком и кокардой из черно-оранжевой ленты. Принадлежность к определенной области показывалась цветом стоячего воротника и репейка с кисточкой на кивере. После заключения Тильзитского мира с Наполеоном (июль 1807 г.) ополчение было распущено [6, с. 205–206].

С началом Отечественной войны 1812 г. для отражения наполеоновского нашествия на Россию царским манифестом (от 6 июля 1812 г.) было вновь созвано ополчение, состоявшие в основной массе из крестьян. Это ополчение создавалось в 16 центральных губерниях империи, разделенных на 3 округа. Всего за полтора месяца было сформировано 82 пехотных и 16 конных полков, 14 дружин и ряд отдельных подразделений общей численностью 193 тыс. чел. Кроме того, под влиянием патриотических настроений, ополчение создавалось в тех регионах, где оно не было предусмотрено: на Украине, Дону, Урале. Комплектовались конные полки ополчения калмыков (2 полка) и крымских татар (4 полка). Таким образом, общая численность ополчения в действующей армии составила около 320 тыс. чел., а вместе с внутренним ополчением (охранными частями) – 400 тыс. чел. Воины-ополченцы принимали участие в крупных сражениях (Бородино – 15 тыс. чел.) и в партизанской войне, а также участвовали в заграничных походах российской армии 1813–1814 гг. [7, с. 116].

Большую роль в Отечественной войне 1812 г. сыграло Украинское ополчение, хотя в царском манифесте не предусматривалось его создание [8, с. 310].

Готовясь к нападению на Россию, Наполеон рассчитывал воспользоваться недовольством украинского народа крепостническими порядками и поднять его на войну против России. Бонапарт намеревался отторгнуть Украину от России и создать на украинской земле три вассальных княжества наподобие герцогства Варшавского. Наполеон рассчитывал также включить казачью конницу в состав своей армии. Но этим планам не суждено было осуществиться. Украинский народ, как и русский, поднялся на борьбу против иноземных захватчиков. Первыми украинскими формированиями были четыре казачьих полка, 5-й казачий полк организовал поэт И. П. Котляревский [9, с. 314]. Он сообщал, что «поступают казаки с удовольствием, охотностью и без малейшего уныния» [9, с. 315].

Хотя эти украинские части мало отличались от регулярных войск, они находились на положении ополченских. Казачьи полки, сформированные в Киевской и Подольской губернии, были включены в 3-ю русскую армию генерала А.П.Тормасова. Одновременно с созданием казачьих соединений широко развернулся набор в земское ополчение, которое использовалось главным образом для несения пограничной и гарнизонной служб, а также для обеспечения тыла действующей армии.

Полтавская и Черниговская губернии за два месяца войны выставили около 60000 бойцов: 18 000 конных казаков и свыше 40 000 ополченцев. Население отдало им лучших лошадей, снаряжение, амуницию, собрало большое количество холодного оружия. На Слободской Украине, в Екатеринославской, Херсонской и других украинских губерниях, отдаленных от театра военных действий, была проведена предварительная подготовка к организации ополчения на случай, если в нем будет необходимость.

Украинское народное ополчение начало свои действия в первые месяцы войны, но особенно активно участвовало в боях в период контрнаступления российской армии. 18 сентября начальник Черниговского ополчения генерал И.В. Гудович доносил М.И.Кутузову о том, что «ополчение сие состоит из 20 000 человек пеших, вооруженных пиками и иным острым оружием... Сверх сих формируется еще таковых до 10 000 человек... Важных дел с неприятелем не было...» Но все же захватывались «разных наций воины неприятельские в небольших партиях для фуражирования шатающиеся» [10, с. 98–99]. Черниговцы выставляли боевые посты по фронту протяжением 70 км.

21 октября распоряжением П.П.Коновницына Черниговское и Полтавское ополчения были объединены под общим командованием И.В. Гудовича, который получил указание двигаться к Белоруссии. Командование усилило Украинское ополчение полтавскими конными полками и 23 октября направило его силы на Могилев.

Английский военный агент В.Вильсон писал из России: «Чтобы дать идею о силе государства, скажу, что фельдмаршал предписал малороссийской милиции приблизиться к Могилеву и предполагал, что придет только 15 000 человек; но вместо того явилось 20 000 конницы и 20 000 пехоты» [11, с. 106]. Взяв 17 ноября Могилев - важный опорный пункт на Днепре, украинцы были размещены по Днепру от Чернигова до Речицы, а затем двинулись на Житомир, Новгород-Волынский, Овруч, Острог, обеспечивая, таким образом, край левого фланга стратегического фронта в период контрнаступления российской конницы.

Украинские ополченцы составляли значительную часть отряда генерала А.П.Ожаровского, который был сформирован 17 октября из 19-го егерского, Мариупольского гусарского, двух донских казачьих и двух малороссийских казачьих полков и 6-орудийной конной батареи. А.П. Ожаровский получил приказание быстро следовать через Юхнов к Смоленску, опережая колонну отступающих французских войск. Ставя задачу А.П. Ожаровскому, П.П. Коновницын указывал: «Главный предмет действий ваших должен состоять в том, чтобы нападать на непри-

ягельские малые отряды, транспорты, по Смоленской дороге идущие, истреблять учрежденные на сем пути неприятельские магазины, истреблять по селениям в сем направлении находящийся фураж, и тем отнять все способы продовольствия для неприятельской кавалерии и артиллерии. В особенности имейте в предмете вернейшие сведения о неприятеле, старайтесь всячески перехватывать его курьеров, коих немедленно доставлять в главную квартиру» [12, с. 83]. Отряд А.П. Ожаровского успешно выполнил поставленную перед ним задачу и 2 ноября овладел местечком Красное, взяв при этом в плен 900 вражеских солдат и 11 офицеров [12, с. 85].

Затем Украинское ополчение приняло участие и в заграничных походах. Особенно оно прославилось во время осады и взятия крепости Замостье в герцогстве Варшавском. Генерал Рот, в подчинении которого находилось Черниговское ополчение, писал, что оно «показало под стенами Замостья мужество и неутомимость сверх того, которое бы можно было ожидать от людей, необыкших обращаться с оружием. Четыре недели перед сим они отражали всегдашние неприятельские нападения лучших полков польских войск, из коих был составлен гарнизон крепости Замостье» [13, с. 19]. В октябре 1814 г. Украинское ополчение было распущено.

Ополчение было основным источником пополнения регулярной армии. Именно благодаря ополчению М.И.Кутузов смог быстро восполнить потери армии еще в Тарутинском лагере. Кроме того, части народного ополчения воевали и самостоятельно. Так, дозоры калужских ополченцев, действуя партизанскими методами, истребляли французских фуражиров. 20 сентября калужане под командованием подпоручика Л.И. Протопопова и прапорщика Савинова уничтожили два отряда противника. М.И. Кутузов неоднократно давал полкам ополчения ответственные задания. Калужское ополчение, высланное им в Ельне с целью преграждения путей отхода неприятелю, точно выполнило приказ.

Таким образом, народное ополчение сыграло большую роль в разгроме наполеоновской армии. Английский генерал Вильсон, находившийся при российской ставке, впоследствии отзывался о народном ополчении как о милиции, которая со своими пиками выходила на сражение с такой же уверенностью, как и регулярно вооруженные войска, и которая ни разу не уходила со своих постов. На совещании французского штаба после сражения под Малоярославцем маршал Бессьер, внося предложение об отступлении, сказал: «Мы только что убедились в недостаточности наших сил. А с каким неприятелем нам придется сражаться? Разве не видели мы поля последней битвы, не заметили того неистовства, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?» [13, с. 151].

Наполеон, начиная вторжение в Россию, не предполагал, что он встретит мощное сопротивление всего народа. Генералу А.Д. Балашеву, посланному к Наполеону Александром I в первые дни войны с мирными предложениями, Бонапарт презрительно сказал: «Александр насмехается надо мной. Не думает ли он, что я вступил в Вильно, чтобы вести переговоры о торговых договорах? Я пришел, чтобы навсегда покончить с колоссом северных варваров. Шпага вынута из ножен. Надо отбросить их в их льды, чтобы в течение 25 лет они не вмешивались в дела цивилизованной Европы» [14, с. 89–90]. Весь народ поднялся на борьбу с захватчиками, и общими усилиями регулярной армии, частей народного ополчения и многочисленных партизанских отрядов была обеспечена полная победа над врагом.

Декабрист И. Якушкин, оценивая участие народа в отражении наполеоновского нашествия, писал: «Война 1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании. Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двенадцать языцы, если бы народ по-прежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распо-

ряжению начальства выступило все народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы. По Рязанской дороге, направо и налево, поле было покрыто пестрой толпой, и мне теперь еще помнятся слова шедшего около меня солдата: «Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла!». Каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле» [15, с.97].

Таким образом, ополчение прошло большой исторический путь, будучи сначала одной из форм организации различных военных формирований, а позже – важным элементом системы комплектования Вооруженных Сил. Дстойное место на этом многотрудном пути заняло Украинское ополчение 1812 г., внесшее свой посильный вклад в победу над французами. Дальнейшее изучение этого процесса, как и вопросов, связанных с различными историческими формами ополчения и их деятельности, позволит лучше уяснить динамику изменения, совершенствования системы комплектования вооруженных сил на наших землях.

1. Потрашков, С.В. Иллюстрированный военно-исторический словарь / С.В. Потрашков, А.С. Потрашков. – М.: Эксмо, 2007. – 736 с.
2. Бережинский, В.Г. Комплектование вооруженных сил – система и органы: исторический очерк / В.Г. Бережинский, М.Г. Ивануц. – К.: Украинский институт военной истории, 2007. –196 с.
3. Редигер, А.Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы / А.Ф. Редигер. – 4-е изд. – СПб., 1913. – Ч. 1.
4. Ливчак, Б.Ф. Народное ополчение в вооруженных силах России (1806–1856 гг.) / Б.Ф. Ливчак // Ученые труды Свердловского юридического института. Сер. «История государства и права», 1961. – Т. 4.
5. Бережинский, В.Г. Комплектование вооруженных сил – система и органы: исторический очерк / В.Г. Бережинский, М.Г. Ивануц. – К.: Украинский институт военной истории, 2007. –196 с.
6. Потрашков, С.В. Иллюстрированный военно-исторический словарь / С.В.Потрашков, А.С. Потрашков. – М.: Эксмо, 2007. – 736 с.
7. Редигер, А.Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы / А.Ф. Редигер. – 4-е изд. – СПб., 1913. – Ч. 1.
8. Михайловский-Данилевский, А.И. Полное собрание сочинений / А.И. Михайловский-Данилевский. – СПб., 1850. – Т. 5.
9. Киевская старина. – 1905. Июнь.
10. Український народ у Вітчизняній війні 1812 року. Збірник документів. – К.: Українське видавництво політичної літератури, 1948.
11. Журнал «За сто лет». – Киев, 1930. – Кн. 5.
12. Вершигора, П.П. Военное творчество народных масс / П.П. Вершигора. – М.: Воениздат, 1961. – 824 с.
13. Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: сборник / сост. А.М. Васютинский, А.К. Дживелегов, С.П. Мельгунов. – М.: «Задруга», 1912
14. Коленкур, Арман де. Поход Наполеона в Россию / Арман де Коленкур. – М.: Госполитиздат, 1943.
15. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. – М.: Госполитиздат, 1951. – Т. 1.

В.А. Ляпин

ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИИ В 1812–1814 ГГ.

Вопрос о роли экономического фактора в войне с Наполеоном слабо изучен в отечественной историографии [1]. В 1990 г. Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский отмечали: «Проблема экономического потенциала России и материально-технических ресурсов русской армии ... в канун и в период Отечественной войны 1812 г. изучены явно недостаточно и еще требуют внимания исследователей» [2].

После отмены в 1779 г. обязательных поставок в казну с частных заводов военное производство осуществлялось главным образом на казенных предприятиях. Это были крупнейшие в стране заводы, представлявшие собой законченный цикл производства. Военные заводы обслуживались подневольной рабочей силой, на которую распространялись военные законы и военная дисциплина. Их работа, не связанная с рынком, определялась утвержденными государем штатами, на основании которых составлялись ежегодные наряды.

Бронзовые полевые и осадные орудия изготавливались в Петербургском (80–90 орудий в год), Брянском (40–50 орудий в год) и Киевском (60–70 орудий в год) арсеналах. Изготовление лафетов, зарядных ящиков, а также ремонт орудий осуществляли Киевский и Казанский арсеналы. Чугунные крепостные, береговые и морские орудия отливали Александровский завод Олонецкого, Каменский завод Екатеринбургского и Верхнетуринский завод Гороблагодатского горных округов, а также Луганский литейный завод. В войнах с Наполеоном чугунные орудия значительной роли не играли. Полевых же орудий (6 и 12 фунтовых пушек, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ пудовых единорогов) в 1804–1814 гг. было произведено 1765 шт., лафетов 2000, зарядных ящиков 6500 [3].

Артиллерийские снаряды из чугуна с 1802 г. отливались только Александровским и Луганским заводами (210 тыс. пуд в год). Потребность же только сухопутных войск в них составляла 1,2 млн. пуд. Эти снаряды Военное министерство в 1809 г. потребовало от горного ведомства изготовить за 2 года. Казенные заводы не могли произвести столь значительное количество снарядов в столь сжатые сроки. В связи с этим в 1810 г. к производству были привлечены 46 частных уральских и 3 приокских завода. Выполнение наряда затянулось. Чертежи снарядов и мерительный инструмент пришлось спешно изготавливать, и на заводы они были доставлены с опозданием. Не хватало артиллерийских приемщиков. Так на Гороблагодатских заводах их было всего 4, а требовалось 16. Главная же причина трудностей заключалась в том, что освобожденные от казенных поставок частные заводчики свернули чугунолитейное производство, развивая работавшее на экспорт железоделательное. Необходимый чугун частники вынуждены были закупать на казенных заводах. Брак при литье снарядов достигал 80%. К 1813 г. заводы Пермского горного правления изготовили по наряду 1811 г. 321 тыс. пудов снарядов из требовавшихся 328 тыс. пудов, а по наряду 1812 г. 146,5 тыс. пуд из 188 тыс. пуд. Отправленный с Урала весной 1811 г. караван судов с 219,5 тыс. пудов снарядов достиг Калужского склада только 5 июля 1812 г., а в войска снаряды поступили только в ноябре. Поскольку 80% артиллерийских снарядов изготавливались на Урале, проблема их доставки оставалась очень острой [4].

Стрелковое и холодное оружие изготавливалось на Тульском, Сестрорецком (под Петербургом) и Ижевском орудийных заводах. Первые два к началу XIX в. требовали существенной реконструкции, которая из-за недостатка финансирования шла крайне медленно. Строительство Ижевского завода завершилось лишь в 20-х годах, хотя первую продукцию он дал в 1807 г. К 1812 г. был создан запас в 280 тыс. ружей, из которых 200 тыс. пошло на вооружение новых формирований. При отступлении из Москвы было оставлено 60 тыс. ружей и 24 тыс. штук холодного оружия. Сложилась критическая ситуация, тем более, что Тульский завод готовили к эвакуации в Ижевск. М.И.Кутузов эвакуацию запретил, предписав командиру завода генерал-майору Ф.Н.Воронову вести работу предприятия в три смены. К концу ноября 1812 г. на заводе был создан запас 27778 ружей. 14328 ружей поставили частные мастера. В 1812–1814 гг. Тульский оружейный завод произвел 107837 ружей, 49919 пистолетов, 45788 тесаков, 22787 сабель, 6903 палаша. Ижевский завод произвел 23929 ружей и 8636 тесаков. Сведений о работе Сестрорецкого завода в 1809 – 1831 гг. нет, так как заводская документация за эти годы сгорела при пожаре. Завод занимался в основном ремонтом оружия [5].

Порох производился на Охтинском (под Петербургом), Шосткинском (на Украине) и Казанском пороховых заводах (соответственно 40, 24 и 20 тыс. пуд в год) и двух частных заводах (9 тыс. пудов в год). Трудность в изготовлении пороха состояла в том, что с конца XVIII в. после истощения Самарского месторождения вся сера закупалась за границей по очень высокой цене. Годовая потребность в порохе составляла 160 тыс. пудов. В 1801 – 1814 гг. русские пороховые заводы произвели 1044125 пудов

(т.е. 74,5 тыс. пудов в год). При этом в Москве было оставлено 10,4 тыс. пудов пороха и 1600 тыс. готовых патронов. М.И.Кутузов предписал командиру Шосткинского завода генерал-майору С.А. Глухову увеличить выработку пороха [6].

Свинец добывался на Нерчинских и Алтайских горных заводах. В 1800 – 1810 гг. его было произведено 450 тыс. пудов. В Москве было оставлено 5,8 тыс. пуд. свинца [7].

Итак, победа над наполеоновской Францией была достигнута в основном своим оружием, потребности в котором в 1812 г. покрывались, главным образом, за счет имевшихся запасов. Но как только война затянулась, казенная промышленность оказалась не в состоянии обеспечить значительно возросшие потребности армии, и Россия была вынуждена прибегнуть к закупкам за границей. В Англии и Австрии было закуплено 110 тыс. ружей и 15 тыс. сабель, в Англии – 40 тыс. пудов пороха [8].

Тем не менее, к началу XIX в. можно говорить лишь об относительном экономическом отставании России. Русская военная промышленность еще мало реагировала на начало этого отставания, а уровень русской металлургии был недостижимым для Франции. Низкий технический уровень мануфактурного периода позволял России иметь военную промышленность, соответствующую ее внешнеполитическим задачам. Причина же отрицательных сторон в работе военных заводов – финансовый кризис и просчеты военного ведомства, не имевшего четкой программы военно-экономической подготовки страны.

1. Пугачев, В.В. К вопросу о военно-экономической подготовке России к Отечественной войне 1812 г. / В.В. Пугачев // Учен. зап. Пермск. гос. ун-та. – 1955. – Т. 7, Вып. 2. Сперанский, Б.Н. Военно-экономическая подготовка России к борьбе с Наполеоном / Б.Н. Сперанский. – Горький, 1968.
2. Абалихин, Б.С. 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917–1987 / Б.С. Абалихин, В.А. Дунаевский. – М., 1990. – С. 226–227.
3. РГИА. – Ф. 37. – Оп. 9. – Д. 42. – Л. 2, Д. 157. – Л. 62 об.
4. Азначеев, Ю. Очерки деятельности казенных горных заводов по изготовлению предметов вооружения за 200-летнее существование Горного ведомства / Ю. Азначеев. – СПб., 1900, с. 17–18; РГИА. – Ф. 37. – Оп. 9. – Д. 156. – Л. 48, 253.
5. РГВИА. – Ф. 504. – Оп. 7. – Д. 264. – Л. 179–179, 185–188, 196–200. История Тульского оружейного завода. Т. 1. – М., 1912, с. 161.
6. Кутузов М.И. Сб. док. – Т. 4. Ч. 1. – М., 1956, – С. 397–398.
7. Ляпин, В.А. Оружие армии и военная промышленность России. 1799–1815 / В.А. Ляпин, Н.В. Щербаков. – М., 2002. – С. 12.
8. Орлов, А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн / А.А. Орлов. – М., 2005. – С. 227–229.

О.В. Чуракова

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОГО ЖЕНСКОГО ПАТРИОТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА 1812 ГОДА

В «подлинной истории России», которую «открывает собой лишь 1812 год», – как отмечал А.И.Герцен, – немаловажную роль сыграло, думается, отечественное женское движение, которое впервые зародилось и институировалось в тот трудный, тяжелый для страны и общества период.

Императорский Санкт-Петербург избежал трагической участи «Москвы, спаленной пожаром», но дыхание Отечественной войны ощутили и жители российской столицы. Европейцам Северная Пальмира виделась городом далеким от военных тревог, а светские столичные дамы – изнеженными существами, не способными на практическую деятельность. Но именно эти дамы («восторженница» и «в высшей степени энтузиастка» - характеризовал одну из них современник [8, с. 144]) осенью 1812 г. объединились, чтобы «по свойству пола своего...облегчать участь бедствующих от нашествия врага» [11, с. 53].

Учредительницами общества были петербургские «патриотические дамы», как они сами себя называли: княгиня Варвара Репнина (после Аустерлица она добровольно разделила с мужем наполеоновский плен), графиня Мария Кочубей (жена друга молодости императора), Екатерина Уварова (её муж позднее прославится на посту министра просвещения), светлейшая княгиня София Волконская (сестра будущего декабриста) и другие. Столичных патриотов поддержали Москва и жительницы большинства губерний империи. Все они «уделили от своих избытков в пользу нуждающихся соотечественников». Позднее членами Общества 1812 были внучка полководца Петра Румянцева, дочери Суворова и Кутузова (по иронии судьбы правнучка фельдмаршала Кутузова выйдет замуж за правнука первой жены Наполеона Бонапарта - Жозефины и станет графиней Богарнэ!).

Поскольку организация оказалась фактически всероссийской, то для придания соответствующего статуса необходимо было, чтобы во главе встала особа царских кровей. И покровительницей "Общества 1812 года" стала императрица Елизавета Алексеевна, искренне желавшая «по возможности облегчить бедствия всех пострадавших от войны русских подданных» [13, с. 6]. Фрейлины Елизаветы Алексеевны отмечали: возглавив «Общество 1812 года», государыня точно пробудилась ото сна! Как известно, брак «Амура и Психеи» (так нарекли официальные хронисты императорскую чету), не был вполне безоблачным, августейших супругов даже называли «обремененно-обрученными». Исторические события 1812 года позволили Елизавете Алексеевне почувствовать Россию «своей» родиной, как признавалась она в письмах матери. Во время войны императрица не стала эвакуировать недвижимость, так как и простые граждане не могли это сделать; из ежегодных «туалетных денег» она оставляла себе лишь 1/4, остальное передавала на пособия раненым. И как только представилась возможность, Елизавета Алексеевна взяла патриотическое «Общество 1812 года» под свое непосредственное августейшее покровительство.

В соответствии с Уставом организации, каждая из дам – членов Общества приняла на себя попечение об определенной части города. Впервые в истории России фрейлины и статс-дамы, хозяйки салонов и светские львицы пошли в петербургские трущобы: «должность вводила членов Общества в печальные обители скорби: там видели они отцов отчаянных среди голодающего семейства, вдов и сирот, ожидающих в нищете прекращения горестной жизни [13, с. 40–41].

Прежде всего, в опеке нуждались дочери ушедших на фронт воинов, а потому первым учреждением, основанным Обществом, стало «Училище женских сирот, потерявших отцов своих». Обустроиться девочкам помогали столичные обыватели (несли для училища мебель, посуду), купцы (например, купцы Гостиных дворов пожертвовали пять пудов мыла), дворяне. В училище были приняты 50 дочерей павших штаб и обер-офицеров. Поскольку одно заведение не могли удовлетворить потребности всего Петербурга, было решено учредить так называемые «частные школы» в разных частях столицы. В 1821 г. Общество имело уже в своём ведении 6 школ; в 1832 г. – 10; в 1840 г. – 14, а в 1848 г. – 15. Перед педагогами школ ставилась задача: сделать из воспитанниц «добрых жен, попечительных матерей, хозяек, способных трудами своими и приобретенными искусствами доставлять себе и семейству средство к существованию». При этом целью было «предохранить их от праздности, источника самых губительных последствий», а забота о девочках-сиротах была вызвана еще и борьбой с проституцией, растлением малолетних. Кроме того, Общество 1812 г. помогало «бедным обою пола, удрученным дряхлою старостию»; увечным, «кои не в силах были снискивать себе пропитание и обременены при том многочисленными семействами», вдовам и сиротам. В первые три года помощь получили около 1200 неимущих семейств [10; 13, с. 55].

В послевоенные годы деятельность патриотических дам-филантропок несколько ослабла, их становилось меньше. В год основания их вступило в Общество 74, в 1813 – 48, в 1814 – 27, в 1815 – 12, в 1816 – 9, в 1817 – 6, в 1820 – 2, в 1823 – одна. Однако активность организации не снижалась во многом благодаря «трудам и заботам» самой императрицы. «Дотоле забытая всеми, Елизавета явилась ангелом-хранителем всех страждущих», – писала поэтесса А.Бунина. В 1816 г. Елизаветой Алексеевной был взят под опеку Общества основанный десятью годами ранее «Дом трудолюбия». Сюда принимали девиц от 10 до 15 лет (сирот штаб- и обер-офицеров), выпускали по достижении 24 лет; уставом было введено преподавание Закона Божия, чтения, письма, арифметики и рисования. Государыня купила в 1816 г. для Дома трудолюбия каменный двухэтажный особняк на Васильевском острове, снабжала книгами из своей библиотеки[4, с. 189–190]. Заботилась она и о Патриотическом институте. В 1822–1824 гг. При Елизавете Павловне было достроено его здание, обеспечена материальная база. После смерти императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны и Патриотический институт, и Дом трудолюбия были переведены в Ведомство учреждений императрицы Марии, так как общественной организации трудно было содержать воспитанниц, учебный персонал, огромные здания. Частные школы (их стали называть Патриотическими) остались в ведении общества 1812 г., но с этого времени главным направлением деятельности организации стала забота о развитии женского профессионального образования.

В середине XIX века «патриотические школы» оказались в бедственном материальном состоянии. В период образования общества «патриотками» владел искренний порыв, затем главным мотивом стал престиж, – находиться в одной организации с самой императрицей желали многие «дамы света». Но с течением времени поток пожертвований иссякал; власти, опасаясь «сомнительных» западных поветрий, запретили благотворительные маскарады, срывались концерты, доход от которых передавался школам (дирекция театров не слишком охотно предоставляла помещения). Девушки в ряде школ вместо учебы занимались рукоделием, чтобы прокормить себя и своих воспитателей. Примечательно распоряжение Совета общества, сделанное в 1835 году: «не допускать в одежде воспитанниц роскоши, не заводить платьев из камлота, а одевать в ситец и холстинку[13, с. 60]».

Трудно представить, что стало бы с учебными заведениями общества, если бы патронирование женского образования не было бы поручено принцу Петру Ольденбургскому. Петр Георгиевич было сыном Екатерины Павловны – сестры императоров Александра I и Николая I, родился он за несколько дней до Бородинского сражения. К 22 годам принц уже командовал лейб-гвардии Преображенским полком, за отличие по службе был произведен в генерал-майоры, затем – в генерал-лейтенанты. Любимого племянника императора Николая I ждала блистательная военная карьера. Но молодой генерал подал в отставку после того, как вынужден был командовать экзекуцией – наказанием шпицрутенами женщины. «Ни у какого народа, даже самого жестокосердного, не существовало такого», – гневно писал он министру внутренних дел[1, с. 166]. Порфиноносный дядя нашел применение просвещенному племяннику: дал ему в ведение юридическое и женское образование.

Гуманист, европейски образованный человек, принц Ольденбургский составил подробное «Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений» мечтал, чтобы ученицы «правильно говорили и писали по-русски», изучали математику[7, с. 153–256]. Но первые же инспекционные выезды в школы Патриотического общества показали ему и членам комиссии, что многие благие порывы выглядят несколько нелепо, поскольку девушек отнюдь не готовили к самостоятельной практической жизни. Петр Георгиевич внес предложения: увеличить число учебных часов; заменить в школах преподавателей на преподаватель-

ниц; увеличить помещения классов, одеть и обуть девиц «тепло по времени года». Некоторые меры были действительно приняты. Но тут возник новый спор: а надо ли вообще нагружать девочек учебой? Во-первых, они «готовятся быть преимущественно горничными, помощницами нянь и женами простого звания людей», следовательно, математика с географией не к чему. Во-вторых, в моде была теория доктора Торбурна, о том, что образование женщинам вредно чисто физиологически: у них бывают «критические дни», и, значит, «девяносто девять девиц из ста не могут заниматься в течение около четверти месяца, а, следовательно, учебного года, не рискуя ослабить умственные или физические способности» [12, с.11].

И все же, в годы великих реформ, коснувшихся и «школ 1812 года», произошли изменения в женском образовании. Так, в высших классах некоторых школ стали готовить учительниц, помощниц надзирательниц, нянек в детские сады и больницы, профессионально обучать счетоводству, бухгалтерии. В столице был открыт класс обучения машинописи, а в пригороде «ввиду близости фарфорового завода» стали преподавать рисование по фарфору [6, с. 11, 17, 25].

В последующие годы Патриотическое общество развивалось достаточно стабильно, за столетие вырос статус благотворительных учреждений. К началу XX века на попечение общества было 21 заведение, в которых опекалось более 2 100 детей и около 200 взрослых [5; 3, с. 38–56]. Императорское Женское Патриотическое общество просуществовало до свержения монархии. Весной 1917 г. учреждения Общества вошли в систему образованного Временным правительством Министерства общественного призрения. В 1918 г все банковские счета, недвижимость, имущество Общества были национализированы правительством большевиков.

Таким образом, основанное в 1812 г. добровольное женское общество и его «филантропические программы» эффективно действовали более века. Императорское патриотическое общество фактически стало первой массовой женской организацией в России. По примеру активности россиянок подобные женские благотворительные организации стали повсеместно возникать в других странах Европы. Женщин, стоявших у истоков этого благородного движения, знаменитая современница французская писательница Жермена де Сталь, выразительно охарактеризовала: они «исполнены той патриотической гордости, которая составляет моральную мощь государства»[2, с. 156].

1. Анненкова, Э.А. Принцы Ольденбургские в Петербурге / Э.А. Анненкова, Ю.П. Голиков. – СПб., 2004.
2. Война 1812 года и русская литература. Исследования и материалы. – Тверь. 1993.
3. Жукова, Ю. Первая женская организация России (Женское Патриотическое Общество в Петербурге 1812–1826 гг.) / Ю. Жукова // Все люди сестры: бюллетень ПЦГИ. – СПб., 1996. – № 5.
4. Исмаил-Заде, Д.И. Императрица Елизавета Алексеевна. Единственный роман императрицы / Д.И. Исмаил-Заде. – М., 2001.
5. Краткий исторический очерк действий СПб. Женского П. общества. – СПб., 1848; Пятидесятилетие СПб. Женского П. общества, 12 ноября 1862 г. – СПб., 1862; Селезнев, И. Хроника ведомства Учреждений императрицы Марии / И. Селезнев. – СПб., 1878.
6. Краткий исторический очерк об образовании Патриотического института. – СПб., 1877.
7. Наставление для образования воспитанниц женских уч. заведений, 1852 г. // Устав женских уч. завед. Ведомства учр. имп. Марии. 1855. – СПб., 1884.
8. Павлюченко, Э.А. В добровольном изгнании. О женах и сестрах декабристов / Э.А. Павлюченко. – М., 1984.
9. Пятидесятилетие Санкт-Петербургского женского патриотического общества. – СПб., 1862. – С. 12.
10. Рогушина, Л.Г. Попечение о девочках-сиротах в царствование Александра I / Л.Г. Рогушина // История Петербурга. – 2009. – № 3 (49).
11. Сын Отечества. Кн.8. – 1812.
12. Торбурн, Д. Женское образование с физиологической точки зрения. Лекция доктора медицины и профессора акушерки / Д. Торбурн. – СПб, 1884.
13. Шумигорский, Е.С. Императорское Женское патриотическое общество (1812–1912): ист. очерк / Е.С. Шумигорский. – СПб., 1912.

Н.Е. Павлов
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА
И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Накануне грядущего 200-летнего юбилея победы в Отечественной войне 1812 года возрастает интерес к этому историческому событию. Большой вклад в защиту Отечества в войне 1812 года внесла Русская Православная Церковь. Православное духовенство проводило многостороннюю деятельность, направленную на сплочение русского общества и организацию движения сопротивления, оказывали помощь раненым, облегчали их страдания в лазаретах, выполняли функции и задачи военного духовенства в регулярной армии [1].

Религиозно-патриотическое воспитание солдат велось силами военного духовенства. В религиозных беседах и проповедях полковые священники на доступном солдатам языке объясняли такие важные проблемы, как обязанности воина на поле брани и в мирное время, отношение друг к другу и к противнику, важность и значение присяги, знамен, оружия. Объясняли солдатам священный характер войны в защиту Отечества, а также важность и престижность положения воина, призванного защищать веру и Отечество.

Важность патриотической пропаганды понималась, прежде всего, самим императором, который во время войны неоднократно давал духовенству соответствующие предписания, стимулируя его проповедническую деятельность. Например, в июле 1812 года при организации в Смоленской губернии партизанского движения Александр I направил Смоленскому епископу Иринею рескрипт, в котором говорилось о необходимости для священнослужителей «внушениями и увещаниями своими ободрять» жителей губернии и не только «отвращать их от страха и побега, но, напротив, убеждать, как того требует долг, чтобы они, совокупясь вместе, старались вооружиться, чем только могут, дабы, не давая никакого пристанища врагам, везде и всюду истребляли их и вместо робости наносили им великий вред и ужас» [4]. Помимо проповеднической деятельности, несомненно, имевшей огромное значение для поддержания в обществе религиозно-патриотического настроения, духовенство также приняло непосредственное участие в организации и деятельности народного ополчения, в партизанском движении. Военное духовенство сопровождало регулярную армию во всех переходах и сражениях [10].

Большое значение имело воззвание Святейшего Синода, в котором, в частности, предписал духовенству «научить всех словом и делом не дорожить никакою собственностью, вносить пожертвования». 17 июля 1812 года Святейший Синод с целью содействовать укреплению боеспособности армии в военное время представил императору Александру I доклад, содержащий следующие предложения:

1. Из прибылей, получаемых от продажи свечей в церквях, отдать полтора миллиона рублей в пособие к составлению новых сил (одну половину суммы на Петербургское ополчение, другую на Московское);

2. Пригласить епархиальных архиереев, монастырских настоятелей и прочее духовенство к пожертвованию деньгами, серебряными и золотыми вещами;

3. Объявить причетникам, детям священно- и церковнослужителей и семинаристам (не выше риторического класса), что по желанию они могут увольняться в ополчение, получая из церковной кошелевой суммы пособие на одежду и продовольствие [8].

Доклад был утвержден Александром I, получив силу императорского указа из Святейшего Правительствующего Синода (от 25 июля 1812 года). По данным Святейшего Синода, пожертвования православного духовенства на ополчение в

1812 г. составили 2405076 руб. 60 коп. ассигнациями, 20761 руб. 89 коп. серебром, 556 руб. золотом, 3388 руб. 10 коп. медью [9].

Согласно архивным данным Синода, в ополчение поступило 412 человек духовного сословия. Среди них значительное место занимают ученики духовных академий, семинарий и уездных училищ. Так, Казанская духовная академия дала 56 человек, Киевская – 22, Калужская духовная семинария – 50, Нижегородская – 2, Харьковский Коллегиум – 8. Ученик Костромской духовной семинарии Василий Яхонтов, служивший в ополчении урядником, за успехи был произведен в унтер-офицеры [3]. Помимо семинаристов и церковнослужителей, которые, как не имевшие священного сана, могли взять в руки оружие, при отрядах народного ополчения состояли священники. Они выполняли те же функции, что и военное духовенство в регулярной армии.

В регулярной армии каждый полк имел своего священника, свою походную церковь и, как правило, свою икону, считавшуюся покровительницей этого армейского подразделения. Во время Отечественной войны в русской армии находилась также общая святыня – Смоленская икона Божией Матери, воспринимавшаяся всеми как истинная Путеводительница – Одигитрия. 5 августа 1812 года при оставлении русской армией Смоленска эта икона была взята по распоряжению М.Б. Барклая де Толли, находилась в русской армии, сопровождая ее во всех событиях и битвах 1812 года. По свидетельству генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, «войска с благоговением зрели посреди себя образ сей и почитали оный благоприятным залогом Всевышнего Милосердия. При одержании над неприятелем важных побед и успехов приносимы были всегда пред иконою благодарственные молебствия» [5].

Согласно данным архива Синода, в 1812 года в ведомстве армейского духовенства состояло 240 человек, около 200 из них участвовали в Отечественной войне. 14 полковых священников получили во время войны ранения и контузии. Многие священнослужители получили награды. По формулярным спискам священников и другим документам, хранящимся в архиве Синода, удалось установить, что во время войны 1812 года 7 священнослужителей были награждены орденом Святой Анны. Однако наибольшую известность во время войны получил священник 19-го егерского полка Василий Васильковский, награжденный за подвиг в сражении под Малоярославцем орденом Святого Георгия 4-го класса. В истории России это был первый случай вручения такой награды священнику [6].

На оккупированной территории местное духовенство чаще всего становилось примером самоотверженного служения своему пастырскому долгу и Отечеству. Так, священника Одигитриевской церкви Никифора Мурзакевича очевидцы называли главным духовным распорядителем оккупированного города Смоленска. Когда враг вступил в город и начались грабежи, нападению разнузданной солдатни подверглись и около двух тысяч жителей, спрятавшихся в Успенском соборе. Услышав поднявшийся при этом страшный крик, в собор вошел Наполеон со свитой. Отец Никифор осмелился попросить у него стражу к собору, чтобы не впускать в него нижних чинов. В ответ на просьбу священника Наполеон действительно приказал поставить к воротам и к дверям собора 6 часовых. Этот караул стоял вплоть до 5 ноября, благодаря чему собор остался не разоренным [4].

На оккупированной территории центральных губерний России наполеоновская армия столкнулась с активным сопротивлением мирного населения. Среди партизан было немало церковнослужителей и даже священников, которые часто являлись организаторами и руководителями крестьянских отрядов. Вступать в вооруженную борьбу с неприятелем их нередко побуждало его варварское отно-

шение к церковным святыням. С первых шагов по российской территории солдаты «Великой армии» принялись грабить православные храмы и монастыри. М.И. Платов еще из – под Рудни доносил Барклаю де Толли: *Святые церкви не избегают неистовства французов, сосуды и утварь разграбливаются...* В большинстве своем равнодушные к собственной религии, они, как правило, не церемонились с нашими национальными святынями [8].

Так, священник села Крутая гора Юхновского уезда Смоленской губернии Григорий Лелюхин, увидев, что отряд французских мародеров ограбил церковь и осквернил алтарь, убедил своих прихожан устроить погоню. Вооружившись топорами и вилами, крестьяне неожиданно напали на грабителей в лесу и, перебив их, забрали назад церковное имущество. Воодушевленные удачей, крестьяне вскоре увеличили свой отряд до 200 человек. На колокольне храма они выставили сторожевого, который при приближении мародеров звонил в колокола, и крестьяне во главе с отцом Григорием отражали нападение. Таким же образом действовали жители Гжатского уезда: при появлении французских мародеров священники поднимали тревогу колокольным звоном, и сбегавшиеся прихожане защищали церкви и свои жилища. Благодаря этому храмы в селах Сосницы, Чали, Дора были спасены от разорения [6].

В Московской губернии во главе одного из крестьянских партизанских отрядов стоял священник Верейского Рождественского собора Иоанн Никифорович Скобеев. Его заслуги особенно проявились при штурме г. Верея. Собрал тысячу крестьян Вышегородской волости, Скобеев с их помощью срыл на Земляном валу сделанные французами укрепления, «изыскал во многих домах скрывшихся неприятелей, сжег неприятельские ворота, фуры и брички». Кроме того, по просьбе Дорохова отец Иоанн собрал 500 конных вооруженных крестьян, которые усилили его корпус, и подготовил 7 подвод для раненых воинов. Крестьяне с полной готовностью откликнулись на все призывы Скобеева, который, по его собственным словам, «будучи более 20 лет увещателем во всех присутственных местах, был совершенно им известен, и по известности снискал от них к себе доверенность и уважение» [7].

Партизанскими подвигами отличился дьячок села Рюховского Волоколамского уезда Московской губернии Василий Григорьевич Рагузин, организовавший из 500 крестьян отряд, успешно защищавший от неприятеля окрестные селения. Не ограничиваясь партизанскими набегами, Рагузин занимался разведкой. Для этой цели ему был дан открытый лист, согласно которому крестьяне предоставляли ему подводы и оказывали всяческое содействие. После войны за свои подвиги Рагузин был награжден серебряной медалью для ношения в петлице [2].

В заключение хочется отметить, что роль Русской православной церкви в Отечественной войне 1812 года не ограничивалась фактами непосредственного участия представителей духовного сословия в ее основных событиях, а была неразрывно связана с духовной жизнью всего российского общества.

1. Военский, К.А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 года / К.А. Военский. – М., 1912.
2. Попов, А.И. Партизаны и народная война в 1812 году / А.И. Попов // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы VIII Всероссийской научной конференции 1999 года. – Бородино, 2000.
3. Религиозная пропаганда в 1812 году // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: материалы IV научной конференции. Москва, 26 апреля 2001 г. – М., 2001.
4. Рассказы о двенадцатом годе // Смоленские епархиальные ведомости. – 1912. – № 3.
5. Вороновский, В.М. Отечественная война в пределах Смоленской губернии / В.М. Вороновский. – СПб., 1912.
6. Военский, К.А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 года / К.А. Военский. – М., 1912.
7. Никольский, А. Лица «Духовного чина» Московской епархии в их служении церкви и Отечеству в 1812 году / А. Никольский. – М., 1912.

8. Мельникова, Л.В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 г. / Л.В. Мельникова. – М., 2002.
9. Погребняк, Н. прот., Русская Православная Церковь и Отечественная война 1812 года / Н. Погребняк // Московские епархиальные ведомости. – 2002. – № 9–10.
10. Шавельский, Г. И. Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном / Г.И. Шавельский. – М., 1912.

И.В. Николаева

**ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.
И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В современной российской и зарубежной историографии военной проблематики активизировалось внимание исследователей к ментальным особенностям военной эпохи, изучению психологического восприятия населением военного фактора. В этой связи представляется актуальным обращение к гендерным аспектам патриотических инициатив двух отечественных войн: 1812 г. и 1941–1945 гг., – ознаменовавшихся невиданной вовлеченностью в вооруженный конфликт гражданского населения, в том числе женщин, и изменивших традиционное представление о войне как прерогативе мужчин.

В ходе войны 1812 г., которая подхлестнула патриотические настроения всего населения Российской империи, впервые властью было заявлено о необходимости женского вклада в защиту Отечества: многие губернаторы обращались к «местным бояринам» с призывом собирать корпии и ухаживать за ранеными солдатами. Эти призывы послужили катализатором роста женского самосознания, проявления самостоятельной роли россиянок в оказании помощи больным и раненым воинам, сборе пожертвований на военные нужды [1, с. 69].

Условия войны и ее тыловые реалии разрушили культурно устоявшийся взгляд на женщин как пассивных жертв, нуждающихся в защите, сделав их активными действующими лицами и вызвав к жизни новые женские инициативы. Так, женщины приняли участие в широко развернувшемся партизанском движении, в том числе возглавив отдельные отряды партизан, как известные Прасковья и Василиса Кожина, или Анфиса, собравшая вокруг себя группу, которая состояла из одних женщин [2, с. 14]. Мотивы этих женщин были различны: защита своей чести и достоинства, нежелание быть под властью иноземцев, месть за сожженные дома и убитых родных и близких. Но вместе с тем, для самих женщин это была возможность реализовать себя в новом качестве и «открыть» обществу прежде неизвестные свои стороны.

Однако участие женщин даже в стихийно развернувшемся народном партизанском движении носило ограниченный характер, что было обусловлено социально-психологическими особенностями эпохи. Гендерные стереотипы, связанные с социальной активностью женщин, определили устойчивое неприятие и нежелание видеть женщин в традиционно «мужской» сфере. Обществом всегда поощрялось желание любого мужчины принять участие в боевых действиях ради спасения жизни своих соотечественников, подобное же стремление со стороны женщины воспринималось как аномалия. Так, исключительный случай службы в годы войны в регулярных войсках знаменитой женщины-кавалериста Н.А. Дуровой, даже под мужской фамилией, потребовал личного разрешения и покровительства императора [2, с. 15].

Принадлежность женщин к своему полу перестало быть препятствием для привлечения добровольцев из их числа на защиту Отечества в годы войны 1941–

1945 г. Официально провозглашенное большевиками в первые годы советской власти равенство полов и овладение женским населением военным делом в рамках оборонно-массовых мероприятий на протяжении двух предвоенных десятилетий определили возможность их полноправного включения в вооруженную борьбу.

Эмоционально и интеллектуально сформированные в межвоенное двадцатилетие эмансипации, тысячи женщин с началом Великой Отечественной войны ушли добровольцами на фронт, утверждая за собой равные с мужчинами права на защиту Отечества. Вместе с тем, появление женщин в действующей армии было встречено неоднозначным отношением военного мужского большинства и общественным мнением в целом. «И кому нужен Ваш патриотизм?» – нередко приходилось слышать девушкам, желавшим добровольно пойти на фронт. Однако колоссальные потери советских войск на начальном этапе войны привели к тому, что в СССР была проведена массовая мобилизация женщин на службу в действующую армию и в тыловые соединения, призванная главным образом заменить женщинами военнослужащих мужчин, которые направлялись непосредственно в боевые части. Так, в 1942 г. и последующие годы Народным комиссаром обороны было издано ряд приказов о мобилизации женщин и девушек для несения военной службы в войсках противовоздушной обороны, связи, внутренней охраны, на военно-автомобильных дорогах и т.д., с целью высвобождения для фронта мужчин, годных к строевой службе [2, с. 227–237].

Великая Отечественная война ознаменовалась не только огромным увеличением количества женщин на театре военных действий («феминизацией» армии), но и участием их в различных сферах боевой деятельности во всех видах Вооруженных сил и родах войск. Общая численность женщин, вовлеченных в боевые действия на стороне СССР, составляла 800 000 человек [3, с. 187]. Но, несмотря на открывшиеся в чрезвычайных условиях войны значительные возможности для женщин внести посильный вклад в защиту Отечества в армейском строю, фронт остался преимущественно «мужской» сферой.

Вместе с тем, признание высоких патриотических настроений среди женщин и готовности их встать на защиту Отечества в сложных условиях оккупации определило широкую политическую поддержку включения женщин в партизанское движение. История не знала столь массового участия женщин в партизанском движении, как в годы Великой Отечественной войны: около 10 процентов от участвовавших в партизанской борьбе были женщины и девушки, в отдельных отрядах они составляли четвертую часть партизан [3, с. 204].

Однако, несмотря на то, что именно партизанки в советской пропаганде стали символом патриотизма и высшей преданности своей Родине, характер участия женщин в партизанской войне оказался под влиянием устойчивых гендерных стереотипов. Декларируемое советским государством равноправие полов в военной сфере не отвечало реальному положению в партизанских отрядах, где их появление со стороны мужского личного состава было встречено с определенной долей скептицизма. Если женщины-медики, связистки, а также занятые на хозяйственных должностях (кухонные работницы, пекари, прачки, швеи) еще укладывались в традиционные представления о социальных ролях женщин, в остальных же занятиях, связанных главным образом с присутствием в боевой обстановке, женщинам приходилось преодолевать сложившиеся предубеждения: «не женское это дело». Показательно в этом плане выступление на бригадном женском собрании в 1943 г. одной из девушек-партизанок: «На нас смотрят в бригаде «сквозь пальцы». Многие девушки со слезами на глазах просят на боевые операции, но их командиры не берут. Часто приходится слышать от бойцов такие слова: «Куда

ее на боевую операцию – баба она» [4, л. 105]. Факты, когда женщины и девушки часто не допускались к участию в боевых операциях по причине субъективного отношения к ним командного состава, содержат и отчеты о деятельности партизанских формирований, хранящиеся сегодня в Национальном архиве Республики Беларусь: «Женщин в партизанских отрядах большое количество, однако в боевых подразделениях их мало. В большинстве случаев женщины-партизанки используются на хозяйственных работах...» [4, л. 203].

Как свидетельствуют архивные документы, подобные прецеденты, связанные с «недооценкой роли женщин в партизанской борьбе» неоднократно становилось предметом специального обсуждения высших, а также местных партийных и комсомольских органов. Характерным является подготовленное по итогам такого обсуждения письмо одного из секретарей райкома КП(б)Б к командирам, комиссарам бригад и секретарям партийных бюро партизанских отрядов района, где перед партизанским руководством ставились задачи: пересмотреть работу, которую выполняют женщины, и заменить их на кухонной работе менее способными в боевом отношении мужчинами; организовать систематическую боевую и политическую учебу женщин-партизанок, создавая из их числа отдельные боевые подразделения [5, л. 52].

Таким образом, женское участие в войне стало не только реализацией их высоких патриотических настроений, но и формой гражданской самореализации и эмансипации под влиянием военного фактора. В войне 1812 г., ставшей Отечественной, несмотря на значительный рост женского патриотического сознания и активности, организованного патриотического женского движения еще не было. Хотя женщины и участвовали с оружием в руках в партизанском движении, это были единичные случаи, а присутствие Н.А. Дуровой на театре военных действий стало своего рода «исключением из правил». Тогда, как массовое участие советских женщин в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. бросило вызов доверенному гендерному распределению ролей: произошло окончательное утверждение женщин в армейском строю и официальное признание за ними равного с мужчинами права на защиту Отечества.

1. Щербинин, П.П. Гендерные аспекты патриотических движений в России XIX – начала XX века / П.П. Щербинин // Российские женщины и европейская культура: материалы конференции. / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С.67–70.
2. Иванова, Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: женщины России в войнах / Ю.Н. Иванова. – М.: РОССПЭН, 2002. – 272 с.
3. Мурманцева, В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне: 1941–1945 / В.С. Мурманцева. – М.: Мысль, 1979. – 293 с.
4. Отчетные материалы ЦК ЛКСМБ перед ЦК ВЛКСМ в период Отечественной войны, 1944 г. // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 63п. – Оп. 16. – Д. 1.
5. Отчеты Кличевского подпольного РК КП(б)Б, 1942–1944 гг. // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф.1350. – Оп. 1. – Д. 108.

Е.В. Николаева

ПОДВИГ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Вечером 11 (23) июня 1812 г. Великая армия под руководством Наполеона Бонапарта переправилась через реку Неман, с этого началась война. Сложно преувеличить мужество и героизм русского и других народов многонациональной России в разгроме наполеоновской армии. Одним из ярких проявлений патриотизма чувашского народа явилось участие его в разгроме наполеоновской армии.

Чувашский народ мужественно сражался в боях при защите Смоленска, в Бородинской битве и других сражениях. В июле 1812 г. в стране стали возникать

отряды народного ополчения. Немало ополченцев было из Чувашии. Успешно было проведено три набора рекрутов, набрано солдат почти на два полка. Чуваши служили в составе Казанского ополчения. 6 июля 1812 г. Правительствующий Сенат опубликовал манифест Александра I с призывом к народу об образовании ополчения и оказании помощи войскам, сражающимся против врага. В Чебоксарах манифест был получен 22 июля, в Ядрине и Цивильске – 23 июля. На следующий день он был разослан по местам для разъяснения народу. В Чебоксарах 23 июля проходило собрание Городской думы. Несколько человек изъявили желание быть в ополчении, в том числе «купеческий сын Клюев, цеховный Будаев, мещанин Веретников» [1, л. 15–16] и другие. 6 августа 1812 г. был объявлен указ о сборе рекрутов для пополнения армии из удельных, государственных и помещичьих крестьян. Чувашские крестьяне с большим подъемом являлись на пункты рекрутского сбора.

Сыны чувашского народа снискали себе славу храбрых солдат, отличившись в Отечественной войне 1812 г. Об этом свидетельствуют послужные списки участников войны. Среди них можно упомянуть следующих солдат. Рядовой Иван Романов, родившийся в д. Буртас Цивильского района, поступил на службу в 1807 г., участвовал в нескольких походах до 1812 г., сражался под Смоленском, Можайском. В Бородинской битве был ранен в левую ногу выше колена. Вернулся на Родину в 1813 г. В послужном списке сказано, что «в штрафах не был, грамоте знает мало, дело изучал прилично, солдат смелый». Степан Иванов из д. Буяново, поступил на службу в 1802 г. В 1812 г. участвовал в боях под городами Вильно, Витебск, Смоленск, будучи тяжело раненным в боях под селом Бородино, вернулся домой в 1813 г. Служил «добропорядочно, благоприступно», получил серебряную медаль «За усердие» [2, л. 5–9].

Наряду с регулярными войсками, которые формировались через ежегодные сборы рекрутов, в Отечественной войне 1812 г. участвовали и добровольцы-ополченцы: «изъявили желание поступить во временное ополчение крестьяне с. Вомбукасы Чебоксарского уезда (ныне Альгкшево) Иван Иванов, Игнатий Алексеев; крестьяне с. Сундыря (ныне Мариинский посад) Иван Лукин, Федор Степанов» [1, л. 20–22].

В рядах русской армии солдаты чуваши участвовали и во взятии Парижа, в окончательном разгроме Наполеоновской армии. Некоторые из них отмечены наградами. Рядовой Киевского гренадерского полка Сидор Семенов, родившийся в д. Малая Яндоба Асакасинской волости Ядринского уезда, за храбрость и отвагу при взятии Парижа в 1814 г. был награжден знаком отличия «Святой Анны 5-ой степени». Рядовой Сергей Афанасьев, родившийся в д. Второе Васкино Козьмодемьянского уезда, также был награжден за боевые заслуги знаком отличия «Святой Анны 5-ой степени». Старший унтер-офицер Василий Григорьев, уроженец д. Корбаши Козьмодемьянского уезда, был награжден за участие в походе и сражениях против французов знаком отличия «Святой Анны 4-ой степени» и серебряной медалью «За храбрость», «За взятие Парижа». В послужном списке сказано, что «рядовой Григорьев первым полез на стену Парижа в 1814 г.» Звание старшего унтер-офицера В. Григорьеву было присвоено за боевые заслуги [2, л. 11–13].

Среди героев войны 1812 г. особое место занимает уроженец г. Алатырь П.А. Кикин. Кикины оставили заметный след в истории России. Родоначальник династии Л.М. Кикин служил при Дмитрии Донском, Кикины воевали в войсках Ивана Грозного под Казанью. Заметной фигурой был В.П. Кикин — стольник, посол русского царя у гетмана Б. Хмельницкого. Один из сторонников Петра Первого Александр Васильевич Кикин, соперничавший с А. Меншиковым, принял

участие в заговоре царевича Алексея против отца. В 17 марта 1718 г. А.В. Кикин был колесован, а весь его род выслали из столицы в г. Алатырь [3, с. 111].

Петр Андреевич Кикин родился 1775 г. в г. Алатырь. Еще ребенком был записан в гвардию. Службу начал прапорщиком в гвардейском Семеновском полку. К началу Отечественной войны 1812 г. П.А. Кикин был в звании полковника. Когда начались военные действия, он был дежурным генералом первой западной армии. П.А. Кикин занимался распределением строевой части, пребывающего пополнения, размещения в тылу отрядов народного ополчения, организацией военно-санитарной и тыловой службы. В сражениях при Валутиной Горе был ранен в глаз, но остался в строю, при Бородине ранен во время контратаки на Курганную батарею. За мужество и героизм П.А. Кикин был произведен в генерал-майоры и 5 февраля 1813 г. награжден орденом Святого Георгия 3-й степени [1, л. 89–96]. В заграничной кампании 1813–1814 гг. он командовал пехотной бригадой. В 1816 г., по личному желанию Государя, граф А. Аракчеев упросил П.А. Кикина вступить снова на службу, и он был назначен статс-секретарем по принятию прошений на Высочайшее имя. На этом посту он отличался чрезвычайно прямою и твердостью. Если он был убежден, что решение Государя по доложенному им делу несправедливо, то он не затруднялся снова входить с тем же докладом и нередко добивался того решения, которое считал справедливым.

Благодаря героизму русского и других народов России, Отечество было освобождено от французских завоевателей. В дело победы немалый вклад внес и чувашский народ.

1. Государственный исторический архив Чувашской республики Российской Федерации. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 274.
2. Государственный исторический архив Чувашской республики Российской Федерации. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 382.
3. Васильева, А.Г. Страницы истории Чувашии / А.Г. Васильева. – Чебоксары: Типография №1, 1997. – 356 с.

Анатоль Літвіновіч

БІТВА І ПЕРАПРАВА НАПАЛЕОНАЎСКАЙ АРМІІ НА РАЦЭ БЯРЭЗІНА І ІХ НАСТУПСТВЫ ДЛЯ ФРАНЦУЗАЎ І БЕЛАРУСАЎ: ДА ПРАБЛЕМЫ БЕЛАРУСКА-ФРАНЦУЗСКІХ УЗАЕМАДАЧЫНЕННЯЎ ПАСЛЯ БЯРЭЗІНСКАЙ ТРАГЕДЫІ

Ніякая іншая падзея першай паловы XIX ст., бадай, так глыбока не запала ў памяць беларусаў, як Напалеонаўская кампанія ў Расію ў 1812 г. Шэраг падзей гэтай вайны асабліва запомніўся французам, рускім і беларусам, у тым ліку бітва і пераправа французскай арміі ў лістападзе 1812 г. на р. Бярэзіна ля в. Сцюдзёнка (рус. Студенка). У французскай нацыянальнай свядомасці і памяці бітва і пераправа на р. Бярэзіна Напалеонаўскай арміі лічацца такімі ж важнымі, як і Барадзінская баталія.

Тышкевіч, пішучы пра французав, якія засталіся пасля падзей 1812 г. на нашым этнічным абшары, называе яго Літвой. І не дзіўна, бо ён мае на ўвазе перш за ўсё цэнтральную і заходнюю часткі беларускай этнічнай тэрыторыі, якія па традыцыі яшчэ ў XIX ст. насілі найменне “Літва”.

Шмат публікацый прысвечана бітве і пераправе Вялікай арміі на згаданай вышэй рацэ і іх наступствам для французав, рускіх і беларусаў. Аднак сярод іх асаблівую цікавасць уяўляе гістарычна-этнаграфічны нарыс Яўстаха Тышкевіча “Апісанне Барысаўскага павета”, які быў выдадзены ў Вільні на польскай мове ў

1847 г.[3]. Гістарычная яго частка была перакладзена на рускую мову зусім нядаўна і надрукавана ў 2008 г.[1]. Цэлыя вытрымкі з кнігі Я. Тышкевіча робіць Міхал Федароўскі ў сваёй публікацыі “Віцебск і Віцебшчына” [2], апублікаванай на старонках польскага часопіса “Ziemia” за 1912 г. У працах беларускіх аўтараў, прысвечаным падзеям 1812 г., у тым ліку бітве і пераправе французскай арміі на р. Бярэзіна, выданне Тышкевіча 1847 г. амаль не ўлічваецца.

А яно варта нашай ўвагі. Бо ў гэтай кнізе Я. Тышкевіч як ніхто іншы з беларуска-польскіх даследчыкаў сярэдзіны – канца XIX ст. даў глыбокую і праўдзівую карціну бітвы і пераправы французскай арміі ля згаданай вышэй вёскі, паказаў страшэнныя пакуты не толькі мужчынаў-французаў, але, што важна, жанчын і дзяцей гэтага этнасу (а ім даводзілася найцяжэй), паводзіны і дзеянні мясцовага беларускага насельніцтва па бітве і іх стаўленне да французаў. Але, не менш важнае для нас, – адлюстраванне працэсу паступовай асіміляцыі французаў у мясцовых жыхароў (беларусаў), страту імі (французамі) сваіх звычаяў, мовы, нацыянальнай самаідэнтыфікацыі, указаў на іх становішча ў грамадстве, прафесіі і спецыяльнасці, якімі яны валодалі або авалодалі пасля вядомых падзей 1812 г., пасільны ўклад у гістарычна – культурныя працэсы на Літве (Беларусі). Аб удзеле французаў у беларускім этнагенезе сведчаць шматлікія прозвішчы французскага паходжання або славянскія прозвішчы з французскімі каранямі, якія захаваліся на Беларусі да пачатку XX ст. і нават сустракаюцца час ад часу цяпер. І гэта цікава і ў пэўнай ступені важна. Бо многія з нас ведаюць пра ўдзел у беларускім народаўтварэнні літоўцаў, яцвягаў, латышоў, украінцаў, палякаў, скандынаваў, немцаў і інш., і мала хто ведае аб удзеле французаў у этнагенезе беларусаў. Французы, безумоўна, удзельнічалі ў беларускім народаўтварэнні, але іх уклад у гэту справу, быў не такі вялікі, як, напрыклад, літоўцаў.

Тышкевіч вельмі праўдзіва і эмацыянальна паказаў становішча французаў у час бітвы і пераправы на р. Бярэзіна. От што піша аўтар данага выдання: “Страшны і жахлівы быў выгляд Сцюдзёнкі. Вёска дашчэнтку была спаленая, жыхары яе разгнаныя, поле, моцна набрынялае крывёю, заслана трупамі і параненымі. Пакутлівыя енкі праціналі паветра, на ратунак ужо ніхто не спадзяваўся, жорсткі мароз нелітасціва скоўваў цела і падаўляў чалавечы дух. Сто разоў быў шчаслівейшы той, хто загінуў, бо пазбавіўшыся пакут, не чуў і не бачыў тых жахлівых сцэн, якія тут адбываліся [3, с. 95]. Аднак яшчэ цяжэй было малым французскім дзецям, падлеткам, жанчынам, якія суправаджалі Напалеонаўскую армію з самага пачатку паходу ў Расію. Хочацца падаць фрагмент аб становішчы дзяцей: “Іншыя ж, згубленыя сваімі мацёркамі, былі азяблыя, плакалі, галадалі. Яны швэндаліся па гэтым полі, спатыкаючыся кожную хвіліну з трупамі. Адны з іх, шчаслівейшыя, былі прыведзеныя або прынесеныя ў бліжэйшыя двары. Трапілі ў добрыя, літасцівыя рукі. Іншых жа, а гэтых было непараўнальна больш, забіралі сяляне і іх прадавалі як жывы тавар. На ўсіх рынках і кірмашах сяляне (Барысаўшчыны – А.Л.) прадавалі дзяўчынак, якія мелі па некалькі гадоў, па 10 польскіх злотых і яшчэ танней, а немаўлят збывалі задарма” [3, с. 97]. Тут трэба заўважыць, што сярод гэтых асірацелых дзяўчынак было нямала дзяцей прывілеяванага саслоўя (афіцэраў), па некаторых з іх потым нават прысылалі людзей з Францыі.

Французскія жаўнеры і афіцэры паказалі вялікую вытрымку, стойкасць і гераізм у час бітвы і пераправы на р. Бярэзіна. Гэта, а таксама палкаводчы талент Напалеона Банапарта далі магчымасць пераправіцца на супрацьлеглы бераг ракі Бярэзіна значнай і найбольш баяздольнай частцы арміі і перавезці пэўную колькасць гармат.

Цікавым для нас з’яўляецца, па-першае, стаўленне мясцовага беларускага насельніцтва да французаў, у прыватнасці, не толькі да дарослых, але і дзяцей, і, па-другое, здольнасць прыстасавацца аседлых на Беларусі французаў да мясцовых умоў.

Калі гаварыць у цэлым, то стаўленне да французскіх жаўнераў і афіцэраў пад час вайны 1812 г. было ў нашага народа фактычна дваякім. З аднаго боку, некаторым французскім жаўнерам спагадлівыя сяляне, мяшчане і шляхцічы давалі прытулак [4], тым самым ратуючы іх ад немінуючай смерці, дамамагалі выбрацца з чужой для іх краіны: часам забяспечвалі ядой і пітвом, паказвалі найкарацейшую дарогу для адступлення ў той ці іншы населены пункт або мясцовасць, аказвалі дапамогу разумнай парадай, спачувалі. Аднак адносіны беларусаў да марадзёраў былі зусім іншымі, чым да жаўнераў, якія ім не рабілі зла. Беларусы, перажыўшы шмат трагедый, гора ў сваім мінулым (ваеннае ліхалецце, акупацыя Беларусі іншаземнымі арміямі, асабліва ў XVII–XVIII ст., распаўсюджанне хвароб і інш.) не давалі падобным “ваякам” рабаваць сялянскія хаты і падсобныя памяшканні, уводзіць жывёлу, помсцілі за прычынены імі урон, растрэльвалі іх з ружжаў, арыштоўвалі і здавалі пад ахову рэгулярнай расійскай арміі.

Хочацца больш канкрэтна сказаць аб дзеяннях і паводзінах мясцовага беларускага насельніцтва па бітве на р. Бярэзіна. Беларусы як прагматычны еўрапейскі народ ў поўную меру выкарысталі ўсё тое, што засталася ім ад французскай арміі пасля гэтай баталіі і пераправы. Нашы продкі розныя рэчы, якія знаходзілі ў гэтых месцах (амуніцыя, зброя ўсякага гатунку, мундзіры, сёдлы, конская зброя, патронныя сумкі і інш.) грузілі на брыкі і адвозілі дадому ў абшарніцкія двары або сялянскія хаты без дазволу якой-небудзь улады. Тут можна было бачыць кавалкі мундзіраў, суконную пражу рознага колеру, распушчаную з пагонаў (эпалетаў) і жаўнерскіх шнуркоў, вялікую колькасць чырвоных султанаў, касак, кірасаў, мноства французскіх шпаг і палашаў, цесакоў, крыжоў, ордэнаў, паясоў, кніг, бомбаў, куль, дранкуль і таму падобных рэчаў. На вочы нярэдка трапляліся шкатулкі з каштоўнасцямі, ювелірныя вырабы, самыя дасканалыя гадзіннікі, малыя падарожныя сталовыя шклянныя і фарфаравыя сервізы, сярэбрае начынне, залатыя персцяні, дамскія кольцы, з густой пазалотай шпагі, з багатай аправай пісталеты, якія можна было набыць ў сялян за бясцэнак. Рознай формы жалезных рэчаў (шыны, абручы ад восі фургонаў, акуцце ўсякай канфігурацыі, рамесніцкія прыстасаванні і інш.) сабралі такое мноства, што двары абшарнікаў на дамашнюю патрэбу потым на працягу дваццаці гадоў не куплялі жалеза, абыходзячыся французскім [2, с. 602; 3, с. 97]. Практычныя беларусы ўсякія жалезныя рэчы перакулі на гаспадарчае начынне, палашы пайшлі на стругі [2, с. 602], кухарскія нажы, шпагі на ражны, кірасы на патэльні і г.д. [3, с. 98]. Аднак час робіць сваё. Нездарма Я. Тышкевіч зазначае, што ў яго часы ўжо мала што засталася ад Напалеонаўскай арміі, якая тут раней шмат чаго пакінула.

Лёс выжыўшых французцаў на новай для іх радзіме склаўся ў цэлым нядрэнна. Гэта датычыць як асоб мужчынскага, так і жаночага полу. Многія хворыя жаўнеры, якія потым выздаравілі, марадзёры, палкавыя рамеснікі і інш. назаўсёды засталіся ў Беларусі. Сярод французцаў было шмат добрых лекараў, нямала рамеснікаў, столяраў, слесараў, рымараў, механікаў і інш. [3, с. 95–96]. Тым, хто застаўся на Беларусі, удалося някепска ўладкавацца: “амаль усе былі прынятыя ў якасці настаўнікаў у розных дамах, у некаторых школах занялі месца выкладчыкаў французскай мовы і даслужыліся да высокіх рангаў і прывілеяў, якія прысвайваліся толькі дваранам” [1, с. 103].

Адны з дзяўчат, падросшы, сталі пакаёўкамі, служанкамі, хатнімі работніцамі, гаспадынямі кавярняў і інш. [1, с. 99; 4]. Іншыя ж, дасягнуўшы адпаведнага ўзросту, вывучыліся, прынялі мясцовыя звычаі і выйшлі замуж за беларускіх стральцоў, лёкаяў, кухараў, афіцыянтаў, то бок часцей за ўсё людзей сярэдняга саслоўя [1, с. 99].

Дзякуючы французам, маёнткі і сялянскія гаспадаркі Барысаўшчыны атрымалі практычна дармавых кваліфікаваных еўрапейскіх працаўнікоў розных спецыяльнасцяў, якія папоўнілі недахоп мясцовых рабочых рук [4].

Беларусы як прагматычны па сваёй прыродзе народ пасля пераправы французаў на правы бераг р. Бярэзіна ў матэрыяльным плане мала што страцілі, нават тое-сёе набылі. Аднак важнейшым, як мне здаецца, было не гэта апошняе, а імкненне дапагчы французам (асабліва дзецям) выжыць у надзвычай цяжкіх, экстрэмальных, складанейшых для іх умовах. І большасць выжыўшых французаў, дзякуючы спагадзе і дапамозе карэнных жыхароў, была ім ўдзячная, ўсё ж высталя і нават пусціла свае карані на беларускай зямлі.

Падводзячы вынік сказанаму, варта заўважыць, што ўплыў раманскіх, у тым ліку французскага, народаў на этнагенез, гісторыю і культуру беларусаў быў куды меншым, чым народаў германскай моўнай сям'і (немцаў, шведаў, галандцаў, шатландцаў і інш., асабліва першых). Яно і зразумела, бо Інфлянты, Прусія, іншыя нямецкія дзяржаўныя ўтварэнні, Швецыя (у прыватнасці в. Готланд) былі побач або недалёка ад Беларусі.

Больш-менш хуткая асіміляцыя французаў у беларусаў сведчыць пра жыццяздольнасць нашага народа, яго дзяржаватворчасць, еўрапейскую прыроду, вялікія або значныя гістарычныя і культурныя традыцыі.

Беларускі народ, хочучы або не хочучы гэтага, які, па словах М. Федароўскага, з'яўляўся, бадай, найбольш маральным сярод славянскіх, садзейнічаў выратаванню, выжыванню французаў, каторыя засталіся ў Беларусі пасля Напалеонаўскай кампаніі 1812 года.

1. Тышкевич, Е.П. Описание Борисовского уезда (историческая часть) / Е.П. Тышкевич. – Борисов, 2008. – 147 с.
2. Federowski M. Witebsk i Witebszczyzna // Ziemia. 1912. Т. 3. № 28. S. 454–456, № 29. S. 473–475, № 30. S. 492–493, № 32. S. 516–518, № 33. S. 538–539, № 34. S. 558–559, № 36. S. 588–591, № 37, S. 602–604, № 39, S. 629–631, № 41, S. 639–662, № 42, S. 685–687, № 43. S. 700–701, № 44, S. 716–718, № 46. S. 749–750, № 47. S. 763–765, № 49. S. 795–797.
3. Tyszkiewicz, E. Opisanie powiatu Borysowskiego / E. Tyszkiewicz. – Wilno, 1847.
4. <http://barysau.belarda.org/index.php?id=10> (час доступу: 12.00. 10.04.12 г.).

Л.И. Мосейчук

**«ВОЗОБНОВИТЬ РАБОТУ ГЛАВНОЙ ВИЛЕНСКОЙ СЕМИНАРИИ
НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНЫМ...»:
ПОСЛЕВОЕННОЕ РАЗОРЕНИЕ 1812 ГОДА**

Едва открывшись в 1808 году, Главная виленская духовная семинария с началом военных действий войны 1812 года приостановила свою работу, семинаристы вынужденно разъехались по домам. В те дни никто не подозревал, что занятия в семинарии прервутся на четыре долгих года и возобновить их будет весьма сложно.

Война не пощадила здание бывшего Августинского монастыря, в котором располагались жилые помещения и учебные классы семинарии. Во время французской оккупации тут был устроен военный госпиталь. После освобождения города военная администрация, разместила в нем госпиталь для военнопленных французов, а с продвижением русской армии и перемещением боевых действий дальше в европейские государства в здании расположились конюшни и артиллерийские мастерские [2, л. 96, 100].

Весной 1814 г. Совет Виленского университета подал жалобу литовскому военному губернатору А.М. Римскому-Корсакову (1812–1830 гг.), на виленского

коменданта подполковника фон-дер Е.Ф. Ховена, отдавшего здания Главной семинарии артиллеристскому ведомству. В обращении содержалась просьба о протекции в деле «немедленного освобождения помещений здания, находящегося в плачевном состоянии» [2, л. 97]. Протекция, судя по всему, была оказана, поскольку уже летом 1814 г. началось освидетельствование здания Августинского монастыря Высшей комиссией. В ее отчете указывалось, что в окнах выбиты стекла, а сами они для сохранения тепла забиты «подручными средствами». Протекает крыша, печи дымят или разрушены, во многих комнатах нет полов [2, л. 98 об]. На основании данного отчета, 19 декабря 1814 г. А.М. Римский-Корсаков предписал артиллеристскому ведомству освободить помещение, принадлежащее семинарии от постоя до 30 декабря 1814 г., все восстановить и очистить от навоза [2, л. 101]. Поскольку, здание было занято с разрешения виленского коменданта, к нему с просьбой разобрать инцидент обратились представители артиллеристского ведомства.

Виленский комендант в ответ на губернаторское предписание, подает рапорт А.М. Римскому-Корсакову, в котором обвиняет во всем неприятеля. Ссылаясь на то, что дом был в полуразрушенном состоянии изначально при занятии его под артиллеристские мастерские, он справедливо возмущается, почему военное ведомство должно производить ремонт да еще за свой счет!? «Получено здание нами в точно таком виде было: полов во многих комнатах не было, печи все были поломаны, в некоторых окнах решеток не находилось, рамок со стеклами найдено не было ни одной, а дверей всего только трое, что же касается до чистоты, то одной ныне более нежели когда дом сей для мастерских отведен был, ибо находящийся навоз как в комнатах так и на коридорах вывезен был при занятии дома, из чего следует, что жалоба университета на артиллерийских мастеровых совершенно не справедлива» [2, л. 99 об], – писал полковник Е.Ф. Ховен. Переписка длилась несколько месяцев и, к концу декабря 1814 года, выполняя предписание, артиллеристское ведомство вывело свои хозяйства из семинарских помещений [2, л. 101].

Справедливости ради необходимо отметить, что здание семинарии после вывода пленных французов из Вильно несколько месяцев стояло пустым, а в разоренном послевоенном городе не хватало помещений для расположения многочисленных служб русской армии. Видя такое положение, Виленская квартирная комиссия разрешила артиллерийскому ведомству разместить в нем свои мастерские [2, л. 100]. Чем же объясняется подобное бесхозяйственное поведение со стороны администрации Виленского университета? Почему после окончания военных действий почти два года о семинарских помещениях не шло речи? Дело в том, что согласно подсчетам Совета Главной виленской семинарии, полный ремонт дома с жилыми и учебными помещениями оценивался в 14 620 руб. 50 коп. сер. [6, л. 1]. Значительная по тем временам сумма. Для сравнения: на воспитание и содержание 50 клириков в Главной семинарии определялось 15 000 руб. сер. в год [1, л. 13–14]. Эти деньги должны были платить католические и униатские монастыри. Во время войны никаких финансовых отчислений произведено не было и не могло быть. Первые денежные суммы в казну Виленского университета начали поступать в 1814 г. Однако, после войны 1812 г. многие из монастырей пришли в упадок и не могли вносить складку на содержание вышеназванного учебного заведения [4, л. 15]. Только к началу 1815 г. удалось собрать 5 000 руб. сер. [3, л. 76]. После этого у университета появилась возможность начать ремонт зданий и подготовку к возобновлению занятий в Главной семинарии. В начале 1815 года начинаются восстановительные работы.

В 1816 г. семинария получила от монастырей на свое содержание уже 6 000 руб. сер. [6, л. 1]. В связи с этим исполняющий должность ректора Виленского университета профессор И. Лобенвейн (1814–1817 гг.) писал министру народного просвещения графу А.К. Разумовскому (1810–1816 гг.): «<...> Совет Главной семинарии долгом поставляет испросить Вашего Сиятельства может ли он сим фондушем <...> приступить к окончательной починки семинарского дома» [6, л. 1 об]. Согласно смете, составленной университетским геометром Иваном Шантвером, семинарскому дому требовался капитальный ремонт. Так на замену и установку дверей необходимо было 1 499 руб. 80 коп. сер., на установку окон, двойных и одинарных - 2 484 руб. 70 коп. сер. [6, л. 2]. В ремонте нуждались 49 печей, 4 лестницы, межкомнатные перегородки, отштукатурить и оббить деревом стены и потолки, заново приобрести стеллажи и шкафы для библиотеки – все это говорит о том огромном разорении, которому подверглось здание бывшего Августинского монастыря. Кроме отделки и восстановления помещений возникли проблемы с фундаментом старинного каменного здания, который за время войны был в нескольких местах сильно подкопан [6, л. 3]. Разрешение было получено. Однако денег на все не хватало. Тогда Совет Главной семинарии и Совет Виленского университета обратились с просьбой к студентам и горожанам г. Вильно о помощи в восстановлении семинарских помещений. Просьба была услышана. Студенты Виленского университета и часть горожан на добровольных началах очистили здание Главной семинарии от мусора.

Безусловно, полностью восстановить здание за полгода не удалось. Тем не менее, оно было приведено в надлежащий порядок к осени 1816 г. и смогло принять первых студентов. В здании Главной виленской семинарии вновь зазвучали голоса, поселились новые надежды. В библиотеке, которая была отремонтирована в первую очередь, клирики смогли готовиться к занятиям. Судя по всему, первый учебный год был не простым как для преподавателей, так и для семинаристов: помещения не были полностью восстановлены, плохо отапливались, питание было весьма скудным из-за отсутствия необходимого количества денег. В свободное от занятий время клирики были вынуждены сами заниматься мелким ремонтом помещений своей *Alma mater*.

1. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) – Фонд 46. – Оп. 3. – Д. 1. Об утверждении при Виленском университете Главной Духовной семинарии. 14.10.1802–31.12.1812 г.
2. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) – Фонд 46. – Оп. 3. – Д. 3. Предложения данные императорскому Виленскому Университету относящиеся к существовавшей при оном Университете Главной Духовной Римско-католической семинарии 1803–1831 гг.
3. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) – Фонд 46. – Оп. 3. – Д. 7. О монастыре виленских ксензов Августинцев отданных для помещения Главной Духовной семинарии и вознаграждении их за то отдачею Ковенского прихода за долг, отданный упомянутой семинарии при монастыре. 20.05.1807–16.05.1808 г.
4. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) – Фонд 46. – Оп. 3. – Д. 20. Дело возникшее по предоставлению Римско-католической Духовной коллегии об уничтожении Главной семинарии. 23.06.1817–03.02.1818 г.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 733. – Оп. 62. – Д. 197. Дело об осмотре проф. Кудзичем Главной духовной семинарии при университете. 1811 г.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 733. – Оп. 62. – Д. 359. Дело по рапорту Совета Главной Духовной семинарии при Виленском университете при проведении починок в оной после военных разрушений. 1813 г.

А.Б. Елисеев
**«ЧРЕЗ ТО БЕСПОКОЙСТВИЕ БОЛЬШОЕ ЗДЕШНИМ ОБЫВАТЕЛЯМ
ДЕЛАЕТСЯ»: СЛУХИ О ВОЛНЕНИЯХ В «ЛИТОВСКИХ» ГУБЕРНИЯХ
В МАРТЕ–АПРЕЛЕ 1813 г.**

Одним из отзвуков войны 1812 года на территории Беларуси стали слухи о «вырезании русских и евреев» и о якобы готовившихся «против россиян» волнениях. Территорией распространения слухов стала в основном Литовская губерния. Однако в немалом количестве они были зафиксированы и в Минской, и Рижской губерниях. В 1913 г. в пятой книге «Виленского временника» была опубликована «Секретная переписка о готовящихся в Литве волнениях», раскрывающая этот малоизвестный сюжет отечественной истории.

15 марта 1813 г. Литовский генерал-губернатор А.М. Римский-Корсаков сообщил гродненскому коменданту полковнику Кленовскому, что к нему поступила информация о распространении в г. Гродно слухов «о заговоре поляков против россиян» – 1 апреля они якобы должны были напасть и вырезать русских вместе с евреями [1, с. 167]. А.М. Римский-Корсаков предписывал гродненскому коменданту расследовать, откуда происходят и кем распространяются эти слухи. В этом расследовании генерал-губернатор рекомендовал опереться, во-первых, на «известных усердием и преданностью нашему правительству евреев», а, во-вторых, обратить пристальное внимание на «шинки» (т.е. кабаки), куда обыкновенно «лакеи, кучера и простой народ сходятся, и тут при употреблении напитков имеют разговоры и толки» [1, с. 167]. Римский-Корсаков предписывал, «чтобы разведывания сии производились самым неприметным и тихим образом, со всей осторожностью и без малейшего шума и тревоги и отнюдь не приступая ни к каким решительным действиям без открытия явных следов заговора» [1, с. 167].

Спустя несколько дней уже Минский генерал-губернатор Г.А. Игнатьев информировал А.М. Римского-Корсакова о том, что приезжающие из Литовской губернии евреи тайно сообщают местным евреям, что во многих местах Гродненской и Виленской губерний жители «сделали заговор возмущения против правительства» и умертвят всех евреев и русских военнослужащих [1, с. 169]. Игнатьев приложил к письму копию рапорта Пинского городничего И. Деллинсгаузена на его, Игнатьева, имя, а также перевод письма Дрогочинского кагала Яновскому кагалу Кобринского повета, в котором адресатам советовалось писать письма в другие города «не слышно ль в оных городах то самое» [1, с. 170].

Несмотря на то, что, как рапортовал Деллинсгаузен, в Пинске пока еще не были замечены случаи распространения слуха, он уже предпринимал меры предосторожности, в частности, распорядился об отправке под конвоем военнопленных в Бобруйскую крепость и отправке в Минск государственной казны. Подобные меры предосторожности он мотивировал не только соседством Пинского и Кобринского поветов, но и тем, что «при первом на Пинск бывшем от неприятеля нападении здешние жители последовали примеру кобринских в настоящем противу России возмущении» [1, с. 170].

О мерах предосторожности распорядился и Римский-Корсаков. Гродненскому коменданту он предписал держать военных «во всегдашней исправности», усилить ночные караулы, солдат располагать так, чтобы они не были разделены по городу и всегда имели при себе полную амуницию и оружие, за всеми проходящими и приезжающими в Гродно устанавливалось строгое наблюдение [1, с. 167–168]. Кроме этого, Римский-Корсаков обратился к генералам П.Я. Бошуцкому и Д.И. Лобанову-Ростовскому с просьбой о помощи войск. «...Я по-

корно прошу ваше сиятельство, – писал он командующему Резервной армией князю Д.И. Лобанову-Ростовскому 25 марта, – когда армия ваша проходить будет Гродненскую губернию, приказать чрез надёжных военных офицеров по показаниям кагалов, на которых положиться со всей уверенностью можно, захватить всех мятежников или распускальщиков слухов, равномерно и тех, где найдутся запасы пороха, оружия и хлеба, какого бы звания люди не были, не выключая и духовных, и предать уголовному военному суду... Я о сем моем нужном отношении к вам донесение всеподданнейшее Государю Императору сделал» [1, с. 172–173]. Через графа А.А. Аракчеева Римскому-Корсакову была передана воля императора Александра I о невозможности остановки идущих из Санкт-Петербурга вверенных Бошуцкому войск и необходимости продолжить им «марш за границу». Что до Резервной армии, то местом ее формирования являлась сама Гродненская губерния, и император посчитал, что ее войск «более, нежели достаточно, для удержания спокойствия целого края» [1, с. 176]. Между тем, и эти войска должны были следовать за границу без остановок. И хотя князь Лобанов-Ростовский отдал распоряжение генералам, следующим с колоннами на Брест и на Волковыск, «забирать под стражу» злоумышленников и распространителей слухов, Римский-Корсаков в письме 11 апреля отозвал свою просьбу, опасаясь задержки следования войск и нарушения таким образом императорской воли [1, с. 184–185].

Тем временем А.М. Римскому-Корсакову продолжали поступать сведения о слухах. Кобринский земский исправник Кудрявцев сообщал, что «единогласно евреи говорят, якобы их на праздник Пасхи вырежут, отчего происходит великое уныние и страх» [1, с. 178]. Новогрудский земский исправник Берх писал, что по уезду «носится площадный слух о вырезании евреев» [1, с. 179]. Виленское губернское правление рапортовало о том, что в Окмянах (ныне – город Акмяне в Литовской Республике) «бунтуются якобы крестьяне, делают ножи и имеют резать жидов» [1, с. 180–181]. Исполняющий должность Гродненского гражданского губернатора М. Андржейкович сообщал со ссылкой на Волковысского земского исправника Порадовского, что слух «о заговоре на умерщвление русских и евреев» пронесся в Волковыске, что по слухам в предместье города делают ножи, обещают платить за голову русского, по разным сведениям, от 6 до 10 злотых, а за голову еврея от 4 до 6 злотых [1, с. 177].

Сразу по получении первого же рапорта о возникновении слухов в Волковыске Андржейкович направил туда для расследования коллежского советника Рызенко. Рызенко и Порадовский провели тщательное расследование. Они допросили всех подозреваемых и свидетелей по делу «о заговоре к возмущению жителей Волковысского повета», в результате чего под стражу были взяты крестьянка Катерина Гандолицкая, шляхтич Доминик Плонский, шляхтянка Анна Плущевская, крестьяне Августин Гришкевич, Петр Роснякович, Степан Дмуховский, Яков Романовский, Томаш Григорович, Степан Уланович и Илья Новгородец [1, с. 189]. За исключением Гандолицкой, все они были доставлены под арест в Гродно.

К своему рапорту о задержании этих лиц на имя Римского-Корсакова, Андржейкович приложил выписку из допросов и очных ставок всех подозреваемых и свидетелей по этому делу.

Основанием для начала расследования стали три донесения на имя Андржейковича – из Волковыска, Порозово и Росси – в которых сообщалось не только содержание слухов, но и их конкретные распространители. Например, кагалы Волковыска доносили, что шляхтич Доминик Плонский обратился к еврею Герцелю Вельвелиовичу и его матери с такими словами: «Я слышал досто-

верно, что для вас и россиян есть весьма худо. Будут резать евреев и россиян, и поставлена цена за резание россиянина 4, а за еврея 6 злотых, а ножи приготовленные находятся у шляхтича Бринка и у ксендза каноника Волковысского» [1, с. 190]. Крестьянка Катерина Гандолицкая говорила еврею Гирше Мееровичу и его дочери Злотке: «Я была в Бискупицах, где молотят, как можно, скорее хлеб и хоронят в лесе по причине имеющего быть замешательства. Также была в Кусине у кузнеца, не сыскала его в доме, а жена его сказала секретно, что муж ее от двух недель делает у кузнеца в Теолине ножи для резания россиян и евреев и таковые ножи хранят в сундуках и на кладбище» [1, с. 190]. Шляхтич Франц Янушкевич говорил еврейке Дворке Давидовне: «Вы думаете, что государь будет строить для вас фольварки. Нет. Скорее мы будем строить для вас висельницы. Ежели б теперь было польское правительство, давно было б так сделано. Как вы резали в Вильне французов, так будут вскоре вас резать» [1, с. 190–191].

Одна из особенностей функционирования слухов заключается в том, что они почти всегда распространяются «по секрету». Доминик Плонский заявил на допросе, что сам слух ему сообщила жена писаря Волковысской городской ратуши Анна Плущевская, добавившая при этом: «Сие прошу вас, имейте в тайне и никому не объявлять» [1, с. 191, 205]. Однако, и это тоже особенность слухов, их «секретность» предполагает именно необходимость их разглашения, что и сделал Плонский.

Крестьянину Григоровичу слух также был сообщен «секретно» в корчме еврея Иоселя Гиршовича и его зятя Шамы: «...Когда начали пить водку с сотским, тогда последний тихим и секретным образом сказал Григоровичу, что пришло такое письмо, ...дабы всех евреев резать» [1, с. 197]. Через несколько недель Григорович зашёл в эту же корчму и потребовал водки, и на отказ Иоселя Гиршовича дать водки без денег, «с азартом» сказал: «Я вас вырежу, буде водки не дадите» [1, с. 196]. Пришедший вместе с Григоровичем крестьянин Семен Дмуховский попытался урезонить своего приятеля: «Не твоя в том воля, и ты сего учинить не можешь, а имеешь длинный язык и им брешешь», однако позднее, «пьючи водку», сказал: «Чтоб я удавился настоящею рюмкою, когда вышеписанное, о чем и я слышал, не исполнится» [1, с. 196–197].

Дочь Гирши Мееровича Злотка на допросе рассказала, что первый раз Екатерина Гандолицкая приходила к ним со словами: «у нас что-то слышно, но говорить нельзя». Это вызвало, разумеется, интерес, и когда Гандолицкая вечером вновь зашла к ним, те стали расспрашивать, что она имела в виду. Однако Гандолицкая снова ответила загадкой: «Будет так, что на всякие десять миль будет один господин». На очных же ставках ей все-таки пришлось ответить на этот вопрос. И вот каков был ее ответ: «Она о сем разговоре слышала, но что значит и от кого именно, не помнит» [1, с. 194]. Как видим, Гандолицкая вообще не понимала, о чем идет речь, однако, вероятно, именно эта «загадочность» и принуждала ее повторять этот слух. Что касается конкретики, например, прятанья зерна, то в ходе следствия выяснилось, что это действительно имело место, однако гораздо раньше. Так владелец имения Бискупицы Иван Гелвановский подтвердил, что прятал зерно (овёс) в лесу, но делал это «не от чего иного, как от забора неприятельскими войсками, то есть при ретиреде оных в декабре месяце» [1, с. 194]. Крестьянин, который непосредственно возил бочки с овсом в лес, также подтвердил, что это было «прежде Рождества Христова» [1, с. 194]. Никакого подтверждения не нашли и слухи об изготовлении ножей «для вырезания» евреев и русских.

Пока в различных местах, где были зафиксированы слухи, шло расследование, министр полиции и председатель Комитета министров граф С.К. Вязьмитинов

прислал А.М. Римскому-Корсакову отношение, в котором подчеркивал, что хотя и нет полного доверия к слухам, тем не менее, «избыток осторожности ни в коем случае бесполезен быть не может» и предписывал строжайшим образом наблюдать «за могущими возникнуть в Литовских губерниях происшествиями сего рода» и всемерно стремиться к открытию «вредных замыслов и уничтожению тех прежде, нежели могли бы они произвести какое либо злонамеренное действие» [1, с. 187–188].

24 апреля 1813 г. Римский-Корсаков в ответе Вязьмитинову отметил, что слухи заметно уменьшились, но он продолжает наблюдения. Что касается расследований, которые уже были произведены, то, как докладывал Римский-Корсаков, «никаких заговоров, ни же оснований к мятежу не обнаружилось, и кажется, что они были увеличены, а нашлось некоторое число малозначащих и по большей части низкого состояния пьяных людей виновными в рассеивании тех зловредных слухов, в болтовстве и несколько человек в смертоубийстве» [1, с. 188]. Из них по постановлению военного уголовного суда были казнены двенадцать человек, телесным наказаниям подвергнуты десять и пять человек были заключены в тюрьму [1, с. 188].

В конце апреля в обращении к Виленскому кагалу А.М. Римский-Корсаков уже констатировал, что слухи «о злых намерениях, по всей Литве распространившиеся», уже настолько убавились, что не составляют никакой важности [1, с. 202]. Одновременно губернатор обращал внимание, что доносы о слухах, полученные от кагалов и от частных евреев, «многие нахожу я от страха увеличенными, а другие от неодуманности неосновательными» [1, с. 202]. Поэтому для предотвращения подобного в будущем, Римский-Корсаков предписывал сообщить через Виленский кагал всем другим кагалам Литовской губернии следующее: 1) не считать запасами, которые делаются для неприятеля, те продукты, которые «обыватели для собственного своего продовольствия имеют и сберегают»; 2) хлебные мешки с французским клеймом «тоже не есть сумнительны», так как их много «взято» русскими войсками и оставлено самими французами; 3) «ножи для своего домашнего употребления тоже не считаются изготовлением оружия для возмутительства»; 4) «от кого вредные слова произойдут, о таковых тотчас давать знать секретным образом»; 5) не сомневаться в верности командиров, «как ныне часто случается»; 6) «все известия, делаемые от кагалов и от частных евреев, должны иметь ясность, основательность и доказательства»; 7) объявить, что все лживые доносы «наказываться будут ныне же по всей строгости законов» [1, с. 203].

1. Акты и документы Архива Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго генераль-губернаторскаго управления, относящіеся къ исторіи 1812–1813 гг. Часть вторая: Переписка по части гражданскаго управления // Виленскій временникъ. – Кн. V. – Вильна, 1913. – 355 с.

А.А. Цинкевич
УЩЕРБ, НАНЕСЁННЫЙ ВОЙНОЙ 1812 ГОДА
ВИЛЕНСКОЙ И ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИЯМ

Боевые действия, происходившие на территории Беларуси летом-осенью 1812 г., оставили глубокий след в её истории. Через белорусские земли происходило наступление Великой армии на Москву, а затем и её отступление к западным границам Российской империи. Наполеон хотел превратить Беларусь в прочный тыл своей армии, в главную базу обеспечения своих войск провиантом и фуражом. Выполнение этого плана обусловило существенные материальные и демографические потери белорусских земель.

В данной работе автором анализируются социально-экономические последствия, нанесённые войной 1812 г. Виленской и Гродненской губерниям. Обратим внимание, что статистические данные приведены в статье только по тем

уездам, в которых в период 1811–1816 гг. проводились ревизии. В Виленской губернии это – Виленский, Завилейский, Ошмянский, Троцкий, Ковенский, Бра-славский, Упитский, Россиенский, Шавельский, Тельшевский уезды, а в Гродненской – Гродненский, Новогрудский, Пружанский, Слонимский, Волковысский, Лидский, Брестский, Кобринский уезды.

Отметим, что на долю Виленской и Гродненской губерний выпало тяжёлое бремя платёжных повинностей. Ещё с весны 1812 г. эти губернии должны были выполнять довольно тяжёлые «повинности на землю» в пользу русских войск, которые заключались в поставке провианта и рабочих рук, а также включали военно-конскую и военно-повозочную повинности. Во время войны разнообразные поборы и натуральные повинности возложило на плечи населения данных губерний и французское управление [1, с. 105]. В начальный период войны г. Гродно и Гродненский уезд доставляли продовольствие ещё и для правого крыла Великой армии, в частности, для корпуса короля Вестфальского. 22 июля по приказанию последнего в Гродно был учреждён магазин на 500 тысяч рационов, состоящих из хлеба, зелени, водки и говядины. Для его снабжения 24 и 31 июля постановлено было взять запасные магазины в шести помещичьих имениях, которые находились в Столовичах, Любле и других местечках. В Новогрудке и Лиде также предписывалось подготовить большие склады съестных припасов. Кроме того, Гродненская губерния, по требованию генерального интенданта Дюма, поставляла значительное количество провианта и фуража в Виленскую губернию [2, с. 438].

После войны 1812 г. сократилась численность населения данных губерний. Самые большие потери мужского населения приходились на те районы, где происходили наиболее ожесточённые бои, в частности, Кобринский, Лидский, Волковысский уезды. В Кобрине численность населения сократилась с 2260 в 1811 г. до 642 человек в 1815 г., в Лиде – с 1300 до 589 человек, а в Волковыске – с 1277 до 434 человек соответственно [4, с. 31]. Помимо огромных потерь населения, Волковыск был полностью разорён. Приведём описание состояния города 4–5 ноября 1812 г. после пребывания там корпуса графа Ренье: «жители во время сражений разбежались; французы разграбили город; некому было тушить пожар, потому большая часть Волковыска сгорела, в том числе синагога; не удалось спасти даже свитки закона» [3, с. 44]. В городах и уездах, где больших сражений не происходило, количество населения уменьшилось незначительно. Например, в Бресте довоенное число населения составляло в 1811 г. – 3596, а в 1815 г. – 3693, то есть, наблюдается даже прирост населения. Аналогичная ситуация наблюдается в Дисне, где до войны насчитывалось 1405, а в 1815 г. – 1733 [4, с. 31].

Исходя из материалов ревизий 1811 и 1816 гг. численность мужского населения в Виленской губернии сократилась на 19,9%, в Гродненской – на 14,3% [1, с. 276–277].

Если говорить о потерях среди женского населения, то нужно отметить, что они были несущественными. К сожалению, упомянутые выше табеля, составленные И.Э. Лехницким, не содержат информацию о потерях женского населения в Виленской и Гродненской губерниях. Однако имеются статистические данные о численности женского населения в Гродненской губернии, приводимые В.В. Шведом. На 1810–1811 гг. число женщин там достигало 305 439, а в 1816 г. – 304 636. Таким образом, за данный отрезок времени число женского населения, в общем, не изменилось [5, с. 183]. Можно предположить, что число потерь женского населения в Виленской губернии, как и в Гродненской, было незначительным. Фактическое отсутствие потерь женского населения было обусловлено различными факторами. Во-первых, женщины не принимали непосредственного участия в военных действиях, во-вторых, в XIX веке сохранялись ещё правила ведения войн XVII–XVIII веков, когда война велась только между враждующими армиями, а

гражданское население не принимало участия в сражениях. В-третьих, отношение к женщинам в то время сохранялось довольно уважительное, а солдатам за несоблюдение предписанных правил грозило наказание.

Вторую категорию потерь составляют потери скота, который в военное время служил для армий не только важнейшей рабочей силой, но и сырьевой базой для приготовления провианта. Поборы скота не прекращались на протяжении всей войны. Но даже того огромного количества скота, который был отнят, вражеской армии не хватало. Так, французское командование в лице Административной Комиссии считало, что «если б употребить весь скот Гродненской губернии на продовольствие французской армии, то и тогда бы она чувствовала недостаток» [2, с. 440].

Значительно уменьшилось количество рабочего скота – лошадей, потери которых составили 56,3% в Виленской губернии и 53,2% в Гродненской губернии, а также волов, число которых сократилось на 51 % и 44,6% соответственно. Отметим, что лошади использовались, в первую очередь, для обеспечения потребностей кавалерии, а также как транспортное средство для перевозки фуража, раненых и больных солдат. Волы преимущественно служили для заготовки провианта для армии Наполеона.

Существенный урон был нанесён и в других видах скота. Так, количество коров в Виленской губернии сократилось на 43,7%, в Гродненской – на 46,6%, а потери свиней составили 50,2% и 46,2% соответственно [1, с. 276–277].

Французская армия часто проводила реквизиции скота. Когда на территориях данных губерний утвердилась оккупационная власть, то Гродненская конфедерация определила взять сначала из 20 волов одного. Затем это количество менялось. В одно время забирали одного вола из 50, но данные решения очень часто менялись. Самое крупное требование последовало 19 ноября 1812 г., когда Наполеон велел доставить из Гродненской губернии 8 000 быков, весом каждый в 500 фунтов. А ввиду мелкопородистости здешнего скота, Административная комиссия постановила собрать 16 тыс. волов (с 5 домов по 1 волу). В это число не входил тот скот, который забирался ежедневно [2, с. 439–440].

Таким образом, наибольшее внимание было обращено на снабжение французских войск провиантом. По этому поводу характерным можно считать ответ французского маршала Даву, который на вопрос вновь назначенных чиновников, в чем состоят их обязанности, ответил, что «император требует от вас трёх вещей: во-первых, хлеба, во-вторых – хлеба, и в-третьих – хлеба» [3, с. 25].

Например, по требованию генерального интенданта Дюма, Гродненская губерния, кроме снабжения французских войск припасами, должна была отправить значительное количество провианта и фуража ещё в Виленскую губернию. 8 августа 1812 г. Литовское правительство предписало приготовить в Скиделе, Берестовице и Щучине магазины, каждый на 10 000 порций. Для пополнения этих магазинов нужно было собрать с каждого двора 40 гарнцев ржи (1 гарнец равен 3,276 литрам), столько же овса, 2 гарнца гороха, 80 фунтов сена и столько же соломы. Этот налог был назван «пожертвованием». Затем, вместо устройства новых шести магазинов нужно было пополнить магазины в Гродно и двух уездных городах, а в других магазинах (Скиделе и др.) иметь в готовности сено, солому, водку и запас волов [3, с. 25].

Война всегда оставляет после себя разрушения. Война 1812 г. не стала исключением. Как в Виленской, так и в Гродненской губернии сократилось число крестьянских хозяйств. Особенно потерпели Трокский, Виленский, Ошмянский, Браславский и Завилейский уезды Виленской губернии, через которые проходили французские войска, при их отступлении почти везде происходили сражения, поэтому и ущерб, нанесённый жителям данных уездов, был огромен. В обращении

Трокского земского судьи Иосифа Баковского к Виленскому гражданскому губернатору говорилось о том, что в уезде «число душ до половины уменьшилось, дома крестьянские почти до половины сожжены или пусты, дворы и крестьяне без рабочей силы, упряжи и скота; грунты, празднующие без способности их обрабатывания; обыватель, разорённый, без запаса, торговли и всякого пособия; поля, как ни есть засеянные, без урожая» [1, с. 107].

В Гродненской губернии ситуация была ещё хуже, чем в Виленской. На этой территории происходили основные военные действия между армиями Торماسова и Чичагова, которые действовали против австрийского корпуса князя Шварценберга и саксонского графа Ренье. В результате, некоторые города и местечки были разорены или выжжены полностью. Например, в Городце не осталось ни одного человека, так как строения были разрушены, скот отнят, посевы уничтожены. В большинстве уездов запасы хлеба, скот были также насильственно отобрааны, а хозяйственные постройки сожжены [1, с. 111–112].

Таким образом, война 1812 года нанесла западным губерниям Беларуси существенный социально-экономический ущерб, последствия которого ощущались населением ещё около полувекстета. Кроме того, после войны начались массовые эпидемии, которые снова унесли большое число жителей и скота. Население Виленской и Гродненской губерний не имело финансовых средств для выплат повинностей. Государство шло им на уступки, списывая недоимки и освобождая от выполнения денежных повинностей, однако на протяжении последующих десяти лет ситуация в губерниях оставалась тяжёлой.

1. Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторства, относящиеся к войне 1812–1813 гг. Переписка по части гражданского управления. – Ч. 2., Кн.5. – Вильно, 1912–1913 гг. – 355 с.
2. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные по поручению его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича / под ред. М. Военского. Т. 1: [Литва и западные губернии]. – Санкт-Петербург: Типография А.Ф. Штольценбурга, 1909. – 582 с.
3. Орловский, Е.Ф. Гродненская губерния в 1812 году: исторический очерк / Е.Ф. Орловский. – Гродно: Губернская типография, 1912. – 50 с.
4. Лютый, А.М. Социально-экономическое развитие городов Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX вв. / А.М. Лютый. – Минск: Наука и техника, 1987. – 179 [2] с.
5. Швед, В.В. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў, 1805–1815 гг. / В.В. Швед. – Гродна: ГрДУ, 2006. – 250 с.

Т.В. Янчаускас
ВОЕННЫЙ ОПЫТ ОФИЦЕРОВ КАВАЛЕРИИ –
УЧАСТНИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г.
И ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДОВ 1813–1814 ГГ.

Тема боевого опыта офицеров регулярной кавалерии была обделена вниманием историков. Участие в сражениях офицеров-участников Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. наиболее полно отражено лишь в работах Д.Г. Целорунго [1]. Для того, чтобы наиболее полно представить себе картину, нами была сделана выборка из 1264-х формулярных списков 18-ти различных полков, представляющих тяжелую, среднюю и легкую кавалерию: это шесть драгунских полков – Митавский, Новороссийский, Московский, Псковский, Белгородский, Владимирский, Санкт-Петербургский; два кирасирских – Малороссийский и Лейб-кирасирский Ея Величества; три уланских – Литовский, Чугуевский и Польский; два гусарских – Изюмский и Белорусский; три гвардейских полка – Лейб-гвардии Уланский, Лейб-гвардии Конный и Лейб-гвардии Ка-

зачий; два полка, перешедших в декабре 1812 г. из драгунских в уланские – Ямбургский и Сибирский. Известно, что большинство офицеров русской армии, сражавшихся в 1812 г., встретилось с армией Наполеона не в первый раз. 55,4% офицеров всех родов войск – участников Бородинского сражения уже участвовали ранее в войнах и походах, а 38,5% успело повоевать именно против французских солдат, включая походы Суворова в Италию и Швейцарию. Но 44,6% офицеров в 1812 г., что называется, впервые «понюхали пороху». По подсчетам Д.Г. Целорунго, более половины всех офицеров 61,4% участвовали в 3–10 сражениях различных войн, а некоторые и 21–25-ти (2,8%), 26–30-ти (1,2%) битвах.

В кавалерии мы можем проследить самый высокий процент участников боевых действий по сравнению с другими родами войск. Из тех, кто был в 11-ти и более сражениях – 44,9% от всех офицеров-кавалеристов. Наибольшее количество обер-офицеров из общего количества до начала Отечественной войны 1812 г. приняло участие в русско-австро-французской войне 1805 г. и русско-прусско-французской 1806–1807 гг., благодаря большому размаху военных действий и количеству участвовавших в нем войск – это 32% и 25% от общего числа соответственно. Следующей по количеству в ней участников идет русско-турецкая война 1806–1812 гг., в которой, например, в полном составе участвовал Белорусский гусарский полк (количество участвовавших в ней штаб-офицеров составило 2,7%, обер-офицеров – 18,9%) [2].

Затем, следующая по численности участников, идет русско-шведская война 1808–1809 гг. (или, как она иногда называлась в документах полковых канцелярий – «обретение Финляндии») – в основном за счет участия в ней целых полков, таких как Лейб-гвардии Казачий [3], Ямбургский драгунский [4], Польский уланский [5] и т.д. Доля участников в ней штаб-офицеров из нашей выборки составила 3%, обер-офицеров – 11,3%. Далее, чуть меньшее количество людей принимало участие в малоизвестном Австрийском походе 1809 г. в союзе с наполеоновской Францией – доля штаб-офицеров составила 0,3% и обер-офицеров – 10% от общей численности; об их участии сведения довольно скудны. Немало офицеров было участниками русско-турецких войн 1770–1790-х гг. (иногда они записывались, как «боевые действия в Молдавии») – несмотря на временную отдаленность, их прошло 1,4% штаб-офицеров и 5,8% обер-офицеров, и походов времен раздела Речи Посполитой в 1774–1794 гг. – 2% и 2,5% соответственно.

Боевые действия на Северном Кавказе затронули небольшое количество офицеров – 0,4% и 0,6% соответственно. Лишь единицы, в нашей подборке, участвовали в конфликте с Великобританией во время присоединения России к континентальной блокаде – всего два штаб-офицера и четыре обер-офицера.

Количество сражений и кампаний у каждого из офицеров было различным, однако, точный подсчет велся не в каждом формулярном списке. В наиболее подробных списках Лейб-кирасирского Ея Величества полка, например, у штабс-ротмистра Федора Максимовича Шленна числилось четырнадцать сражений и две кампании, у поручика Павла Михайловича Михайлова – тринадцать сражений и шесть кампаний (Польское восстание, Швейцарский поход, 1805 г., штурм Измаила во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг., поход в Галицию в 1809 г., 1812 г. и Заграничные походы 1813–1814 гг.) [6]. А корнет Литовского уланского полка Л.А. Рубачев участвовал в 44 битвах четырех войн [7]. Интересно, что наиболее активными в плане участия были именно офицеры уланских полков, что, возможно было связано с активностью этого вида кавалерии, а также более простой схемой приема новых офицеров в полк. Наибольшее количество штаб- и обер-офицеров офицеров, участвовавших в русско-шведской войне 1808–1809 гг.,

было в Лейб-гвардии Казачьем (48,6%), Митавском драгунском (40%) [8], Ямбургском драгунском (17,6%); в русско-турецкой 1806–1812 гг. – в Лейб-кирасирском Ея Величества (84,3%), Белорусском гусарском (93,6%), Новороссийском драгунском (90%) [9] полках.

Всего, из полков, сражавшихся на Бородинском поле, офицеров, имевших за плечами опыт 3-х и более сражений было по сравнению с остальными родами войск больше всего в драгунских – 90,2%, гусарских – 83,2% и уланских полков – 95,5%; от 11-ти до 35 сражений: 32,4% у драгун, 28% у гусар и 27,3% у улан. Тех, для кого Отечественная война стала первой в их карьере, было крайне мало, они появились в основном во время Заграничных походов.

Для офицера Российской армии того времени участие в войнах было чем-то самым собой разумеющимся. «В гвардии и армии офицеры и солдаты были тогда проникнуты каким-то необыкновенным воинским духом, и все с нетерпением ждали войны, которая при тогдашних обстоятельствах могла каждый день вспыхнуть» [10, с. 184]. Можно смело утверждать, что по уровню боевого опыта офицеры русской регулярной кавалерии не уступали командирам армии Наполеона, а в некоторой степени превосходили ее, несмотря на сравнительно молодой возраст некоторых офицеров, что во многом и послужило блестящей победе русского оружия в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах 1813–1814 гг.

Таблица 1.

Военный опыт офицеров русской регулярной кавалерии в 1814 году

	штаб-	офицеры	обер-	офицеры
	Абс.	%	Абс.	%
Военные кампании против Турции 1770-1790 гг.	18	1,4	74	5,8
Походы в Польшу 1774-1794 гг.	26	2	32	2,5
Боевые действия на Северном Кавказе 1780-1812 гг.	6	0,4	8	0,6
Персидский поход 1796 г.	2	0,1	24	1,8
Русско-персидская война 1804-1813 гг.	-	-	1	0,07
Итальянский и Швейцарский походы А.Суворова	16	1,2	39	3
Русско-австро-французская война 1805 г.	43	3,4	405	32
Русско-пруско-французская война 1806-1807 гг.	61	4,8	328	25
Австрийский поход 1809 г.	5	0,3	127	10
Русско-шведская война 1808-1809 гг.	38	3	144	11,3
Англо-русская война	2	0,1	4	0,3
Русско-турецкая война 1806-1812 гг.	35	2,7	239	18,9
Отечественная война 1812 г.	125	9,8	1105	87,4
Заграничные походы 1813-1814 гг.	130	10,2	1134	89,7
Всего	130	-	1134	100

1. Целорунго, Д.Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения (историко-социологическое исследование) / Д.Г. Целорунго. – М.: Калита, 2002. – 367 с.
2. Российский государственный военно-исторический архив. – Фонд 489. – Опись 1. – Дело 2254.
3. Жеребков, А.Г. История Лейб-гвардии Его Величества Казачьего полка / А.Г. Жеребков. – СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Величества канцелярии, 1876. – 493 с.
4. Крестовский, В.В. История 14-го уланского Ямбургского полка / В.В. Крестовский. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1876. – 549 с.
5. РГВИА. – Ф. 489. – Оп. 1. – Д. 2665.
6. РГВИА. – Ф. 489. – Оп. 1. – Д. 2115.
7. РГВИА. – Ф. 489. – Оп. 1. – Д. 2657.
8. РГВИА. – Ф. 489. – Оп. 1. – Д. 2449.
9. Фохт, Н.А. фон. История 7-го драгунского Новороссийского полка. 1803–1903 / Н.А. фон Фохт. – Киев: Типо-лит. т-ва «Печатня С.П. Яковлева», 1903. – 406 с.
10. Булгарин, Ф.В. Воспоминания / Ф.В. Булгарин. – М.: Захаров, 2001. – 784 с.

М.Ф. Войтов
«МЫ БЫЛИ ДЕТИ 12-ГО ГОДА»

Война 1812 года оказала огромное влияние на дальнейшее развитие России, на ее экономику, политику, культуру, способствовала росту национального самосознания. Мысли молодого поколения о лучшем, более прогрессивном устройстве России привели к тому, что часть офицеров решилась на восстание на Сенатской площади, которое 14 декабря 1825 года было подавлено. Уже 17 декабря начал действовать «Высочайше учрежденный тайный комитет для изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества, открывшегося 14 декабря 1825 года» – Следственный комитет. Общественное мнение по делу декабристов готовилось тщательно и продуманно. Декабристы были представлены следствием как «горсть извергов», у которых «сердца развратные и мечтательность дерзновенная». Под впечатлением первых допросов, сделанных в присутствии Николая I арестованным декабристам, сказал: «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни, пока, Божию милостью, я буду императором» [1, с.234].

Следствие больше всего интересовало истоки развития в декабристах духа вольномыслия, кто или что способствовало «укоренению преступных мыслей». Декабрист М.А. Фонвизин, отвечая на эти вопросы, говорил: «Великие события Отечественной войны, оставив в душе глубокие впечатления, произвели во мне какое-то беспокойное желание деятельности». «Народная война 1812 года вызвала такую уверенность в народной силе и патриотической восторженности, о коих до того времени никакого понятия, ни какого предчувствия не имели», – писал декабрист А.Е. Розен.

В Отечественной войне 1812 года принимали участие более 100 будущих декабристов, 65 из них сражались на Бородинском поле. Отечественная война, принеся победу русскому солдату и офицеру, сплотила будущих декабристов, сделала их единомышленниками. Народ-герой был достоин лучшей участи, чем аракчеевские поселения и крепостничество. 1812 год изменил представления будущих декабристов о народе, о русском солдате. Заграничные походы 1812-1813 гг. дали пищу для размышлений: здесь была и гордость за свою Родину, и боль за свой народ, униженный крепостным правом. «Наконец Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России», – писал декабрист А.А. Бестужев [2, с. 275]. Таким образом, многие декабристы могли с полным правом сказать о себе и о своих товарищах словами Матвея Муравьева-Апостола: «Мы были дети 12-го года».

«Дней Александровых прекрасное начало» вселяло надежды на лучшее. Казались возможными демократические перемены, всюду говорили о реформах. М.М. Сперанский готовил проект конституционных преобразований, из ссылки были возвращены А.Н. Радищев, Н.И. Новиков и многие другие. Был основан Царскосельский лицей. Вот как писал об ожиданиях того времени у молодого поколения России декабрист М. Фонвизин: «Молодое её поколение, которое вступило на гражданское поприще в первые десять лет царствования Александра I, воспитанное под влиянием свободолюбивых начал, им провозглашаемых, вполне сознавало, как далеко Россия отстала от Европы в истинной цивилизации, но, любя и уважая Александра, оно спокойно ожидало от него благодетельного преобразования, готовясь усердно ему содействовать» [2, с. 278]. Этих людей нельзя было

назвать поколением разочарованных. Напротив, они верили в могущество разума, увлекались идеями французской просветительской философии, пробовали свои силы в науке, искусстве, были истинными патриотами своей Родины. Это можно видеть на примере личного участия каждого из них в Бородинском сражении, других сражениях 1812 года, заграничных походах.

21 мая 1812 года в 17 лет был выпущен прапорщиком Владимир Раевский – первый русский декабрист. «В 17 лет, - говорит он о себе, – я встретил беспощадную, кровавую войну. Это был 1812 год, но я искал сражений не для наград только, я чувствовал какое-то влечение к опасностям и ненависть к тирану, который осмелился вступить в наши границы, на нашу родную землю». За участие в Бородинском сражении прапорщик Раевский был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». Бородинское сражение стало первым испытанием для Павла Пестеля. За личную храбрость, показанную в том сражении, пожалована ему золотая шпага с надписью «За храбрость». Вместе с русской армией победоносно вошел в Париж. П.И. Пестель был крупным и оригинальным мыслителем. Таким его сделали великие события времени, передовые идеи века, желание добра своему народу, горячий патриотизм. Будущие декабристы М.И. Муравьев и И.Д. Якушкин находились при батальонном знамени, служили в Семеновском полку. Мужественно сражался под Бородином и Витебском семнадцатилетний поручик С.И. Муравьев-Апостол. Особое бесстрашие проявил на Бородинском поле и при взятии Вереи поручик М.Ф. Орлов, за что был награжден орденом Георгия IV степени. Его выдающиеся способности отмечали М.И. Кутузов, М. Б. Барклай-де-Толли, П.М. Волконский, которые давали ему различные поручения. Начав войну 24-летним поручиком, М.Ф. Орлов блестяще завершил ее генерал-майором, начальником штаба корпуса. Не случайно высокая миссия подписания акта о капитуляции Парижа была возложена именно на него, бесстрашного воина и способного дипломата.

Отечественная война 1812 года, участниками которой были многие декабристы, явилась серьезным испытанием личных качеств каждого. И декабристы с честью выдержали его, выказав храбрость, отвагу, бесстрашие, беззаветную любовь к Родине. Эта война и последующие заграничные походы явились для них и серьезной политической школой.

В сражениях у стен Витебска, Смоленска и Малоярославца, на полях Бородина и Тарутина, в заграничных походах русской армии у лучшей части офицерской молодежи зародились идеи, которые привели ее впоследствии на Сенатскую площадь «Я из-за границы возвратился на Родину уже с другими, новыми понятиями, - писал В.Ф. Раевский. – Сотни тысяч русских своею смертью искупили свободу целой Европы. Армия, избалованная победами и славою, вместо обещанных наград и льгот подчинилась неслыханному угнетению».

А.И. Герцен, поместивший профили пяти казненных декабристов на обложке «Полярной звезды», писал: «Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-пророки, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия». Так рождался героический взгляд на декабристов, ставший хрестоматийным в советской историографии, и более неоднозначным и спорным сейчас.

1. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. – М.: ОЛМА-ПРЕСС; Экслибрис, 2006. – 734 с.
2. Недаром помнит вся Россия ...: сборник / сост. В.Г. Левченко и В.В. Володин. – М.: Мол. Гвардия, 1987. – 303 с.

РАЗДЕЛ 5

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ВОЙНЫ 1812 ГОДА. ИСТОЧНИКИ. ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

А.А. Михайлов

ВОЕННЫЕ КРИТИКИ О РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИСТОРИОГРАФИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г.

Отечественная война 1812 года, несомненно, принадлежит к числу наиболее крупных и значительных событий в истории Российского государства. Эта война стала тяжелейшим испытанием для страны и, одновременно, ознаменовалась подъемом патриотизма, сплочением общества, объединенного идеей борьбы с захватчиком. Одержанная победа явилась не только историческим фактором, в значительной мере, определившим ход европейской истории, но и толчком к росту национального самосознания внутри страны.

Список художественных, мемуарных, научных произведений о войне 1812-го года поистине неисчерпаем и, видимо, вполне закономерно, что ей посвящен один из величайших шедевров русской литературы – «Война и мир» Л.Н. Толстого. Влияние этого произведения на сознание российского общества было колоссальным. Однако, как ни странно прозвучит это сегодня, общественность встретила роман неоднозначно. Наряду с восторженными отзывами, звучала критика, подчас очень суровая. Среди тех, кто выражал свое несогласие с авторскими оценками исторических событий, видное место занимали профессиональные военные (специалисты в области стратегии и тактики, историки, педагоги), многие из которых никак не относились к ограниченным «служакам», но были людьми яркими и незаурядными.

Первоначальный замысел произведения, по свидетельству самого автора, возник в 1856 г., его публикация в законченном виде состоялась в 1868-1869 гг. Рождение романа, следовательно, пришлось на очень непростое в жизни страны время. Неудачный для России исход Крымской войны 1853-1856 гг. был воспринят, как национальное унижение и, одновременно, дал мощный импульс к реформам (в том числе, в военной сфере), которые сопровождались широкой общественной дискуссией. При этом, авторы часто обращались к прошлому страны, в котором искали и причины современных им трудностей, и образцы для подражания. Отечественная война 1812 г. пользовалась в этом отношении особой популярностью. Характеризуя данную ситуацию, видный ученый-источниковед А.Г. Тартаковский отмечал: «Издания самых разных идейных направлений – официальная «Северная пчела», все более правяющий «Русский вестник» М.Н. Каткова, либеральная «Библиотека для чтения», редактируемые Н.Г. Чернышевским «Современник» и «Военный сборник» (в 1858 г.) щедро представляют свои страницы для всякого рода материалов о 1812 г.» [11, с. 241]

С дискуссиями о военном прошлом тесно переплетались споры о настоящем русской армии, авторитет которой был существенно подорван Крымской кампанией. Критикуя николаевские порядки, авторы нередко обрушивались и на официальную версию военной истории с ее, говоря словами А.В. Дружинина, «панегириками, унижением врага, скрытием своих неудач и ошибок» [11, с. 242]. Вполне понятно, что Л. Толстой, будучи офицером и участником боевых дей-

ствий, не мог оставаться к этим спорам равнодушным [14]. При работе над романом Лев Толстой очень тщательно изучал научную и мемуарную литературу, работал в архивах с неопубликованными документами, побывал на Бородинском поле, встречался и беседовал с непосредственными участниками событий. Впоследствии Н.С. Лесков особенно высоко оценил именно «устно-мемуарную» составляющую романа, внимание Толстого к «семейным преданиям» [6, с. 128].

Привлекая к работе новые источники, Л.Н. Толстой, как известно, жестко и определенно декларировал свое недоверие к официально принятой версии событий, в частности к фундаментальному сочинению военного историка А.И. Михайловского-Данилевского (1789–1848) «Описание Отечественной войны в 1812 году». При этом очень пронизательно отмечал, что официальная версия имеет способность вытеснять из сознания участников событий их воспоминания о прошлом. Вспоминая о встречах с ветеранами Бородинской битвы, он с досадой писал: «Все рассказывали одно и то же, и все по неверному описанию Михайловского-Данилевского, по Глинке и др.» [13, л. 361].

Стоит отметить, работа А.И. Михайловского-Данилевского, опубликованная в 1839 г., практически сразу приобрела, в полном смысле слова, официальный статус. Даже самая мягкая ее критика могла повлечь обвинения в неблагонадежности [11, с. 212].

Наступившая во второй половине столетия «переоценка ценностей» заставила авторов несколько критичнее подойти к сочинениям этого автора. Практически одновременно с Л.Н. Толстым, на страницах того же «Русского архива», участник Отечественной войны 1812 г. И.П. Липранди (1790–1880) язвительно заметил: «А. Михайловскому-Данилевскому все верили на слово и его повествования без дальнейших хлопот вводятся во все позднейшие сочинения...» [8, с. 904]. Кстати, сам Л.Н. Толстой с большой иронией отозвался о книгах Михайловского-Данилевского в рассказе «Набег» (1853). Отмечая недостоверность работ Михайловского-Данилевского и французского историка А. Тьера (1799–1877), Толстой назвал их «главными историческими произведениями той эпохи» [13, с. 362] и вовсе проигнорировал более поздние научные труды, включая обширное исследование военного историка М.И. Богдановича «История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам» (1859-1860). Как видно из рассуждений самого писателя в романе, он пришел к выводу, что сама трактовка истории, как осмысленных человеческих действий неверна, а описанные историками монархи, военачальники, политики никакой роли в историческом процессе не играли [12, с. 19]. Из этого, среди прочего, следовал тезис о бессмысленности полководческой деятельности, бессмысленности планирования кампаний и сражений. Подобный вывод не мог быть принят профессиональными военными.

Один из первых отзывов на те части романа Л.Н. Толстого, где шла речь о событиях 1812 г., появился в апреле 1868 г. в газете «Голос» [2, с. 1–2]. Статья напечатана без подписи автора, но, судя по тексту, ее написал человек, хорошо разбиравшийся в военной истории. Рецензент резко критиковал Л.Н. Толстого за недооценку военной науки и убеждение, что: «Победы или поражения зависят не от искусства военачальников, не от расположения войск, даже не от численности и вооружения их, а единственно и исключительно от духа и настроения сражающихся» [2, с.1]. Сам рецензент роли морального фактора не отрицал, но считал недопустимым ее абсолютизировать («доводить до крайности»), ибо, по его мнению, в истории было немало примеров, когда талантливый полководец (тот же Наполеон) побеждал с солдатами, настроение которых «нельзя было назвать особенно вдохновенным» [2, с.1]. Еще больший протест вызвала у рецензента то, что

автор, следуя своей концепции, изобразил М.И. Кутузова пассивным наблюдателем, который «будто бы ничего не делал как главнокомандующий, не принимал никаких мер, не составлял никаких планов...» [2, с. 2]. В качестве примера энергичных действий полководца автор рецензии называл принятое во время Бородинской битвы решение о кавалерийском рейде корпуса Ф.П. Уварова и казаков М.И. Платова [2, с. 2]. В отличие от целого ряда мемуаристов, историков и Л.Н. Толстого, рецензент «Голоса» оценил значение рейда очень высоко. Отдельные суждения Толстого по военно-историческим вопросам, казались рецензенту интересными и не лишенными оснований. В частности он благожелательно отнесся к мнению писателя, что Шевардинский редут, бой за который разгорелся накануне Бородинской битвы, вовсе не являлся передовым укреплением русской армии, но изначально мыслился, как ее левый фланг, и был оставлен из-за натиска неприятеля. «Предоставим специалистам, - говорится в рецензии, – решить, насколько достоверно это предположение; но нельзя отрицать, что оно многое объясняет, в том числе и то обстоятельство, что Курганная батарея <...>, составлявшая ключ новой позиции, была так слабо укреплена – на ней поставлено всего 18 орудий» [2, с. 2].

Оценивая произведение Толстого, рецензент попутно коснулся проблем историографии Отечественной войны и вскользь подверг критике И.П. Липранди, заявив, что он не сумел дать полного описания Бородинской битвы, хотя написал о ней и об Отечественной войне «целые томы исторических статей» [2, с. 2]. В начале мая «Голос» опубликовал ответ И.П. Липранди, возражавшего критику, что никогда не ставил перед собой цели дать полную картину Бородинского сражения. Одновременно он брал Толстого под защиту, недвусмысленно намекая на склонность некоторых историков вводить «роман» (т.е. недостоверные сведения) на страницы собственных работ [7, с. 2]. Замечание это неслучайно: Липранди в то время вел полемику с целым рядом историков, включая М.И. Богдановича. Нелишне также заметить, что, по свидетельству литератора и историка П.И. Бартенева, Л. Толстой использовал труды Липранди при работе над романом [11, с. 81]. Одновременно с заметкой Липранди, «Голос» напечатал статью М.И. Богдановича, давшего весьма решительную критику произведения Толстого и заявившего, что писатель «бесцеремонно гнёт и ломает исторические факты, как ему угодно» [9, с. 1]. Особенно резкий отзыв вызвало у Богдановича изображение Толстым Бородинского сражения. При этом, критикуя писателя, историк не преминул задеть своих предшественников, назвав Тьера и Михайловского-Данилевского «баснописцами в истории» [9, с. 1].

В апреле 1868 г. газета «Русский инвалид» (официальное издание Военного министерства) разместила на своих страницах довольно обширную рецензию «По поводу нового романа графа Толстого» [5, с. 3]. Ее автор, полковник Н.А. Лачинов в то время служил в Павловском военном училище, а позже стал помощником главного редактора (с 1872 г.) и главным редактором (с 1893 г.) «Русского инвалида». Н.А. Лачинов являлся выходцем из образованной семьи (сестра – писательница, два брата – выдающиеся химик и физик), был сам превосходно образован, поддерживал контакты со многими видными людьми эпохи: М.И. Драгомировым, М.Д. Скобелевым, юристом Н.С. Таганцевым и др. В первых строках рецензии Н. Лачинов прозорливо отметил, что роман Толстого «...будет иметь весьма сильное влияние на склад понятий большинства читающего общества, касательно значений некоторых событий и деятелей той эпохи и получит, таким образом, быть может, помимо воли автора, значение исторического сочинения» [9, с. 1]. Однако сама возможность превращения художественного произведения в исторический источник означает, по мнению Лачинова, что авто-

ру следует избегать «увлечений», вольных или невольных «уклонений от истины» [9, с. 1]. В произведении Толстого эти «уклонения» диктовались, как полагал критик, его философской концепцией «исторического фатализма» [9, с. 1]. Так, при характеристике сцен романа, посвященных Бородинской битве, Н. Лачинов, как и рецензент «Голоса» подчеркивает, что Толстой, желая показать пассивность Кутузова, проигнорировал очевидные факты [9, с.1]. Впрочем, критика не помешала рецензенту признать за Толстым прекрасное изображение сцен походной жизни и «бивачного быта» армии.

В 1869 г. из печати вышла книга военного историка, профессора Академии Генерального штаба А.Н. Витмера [2]. Ее автор чрезвычайно скрупулезно суммировал и подверг разбору все имевшиеся в романе исторические неточности, ошибки. Подобно Богдановичу, Витмер с долей язвительности отозвался о ссылках Толстого на произведения Михайловского-Данилевского и Тьера. «По нашему мнению, Тьер и Михайловский-Данилевский – не единственные и даже не главнейшие произведения этой эпохи. Мало того, оба эти писателя, включая сюда и графа Сегюра, – писатели наиболее красноречивые, но едва ли не наименее достойные веры из всех, описавших войну 1812 года...» [2, с.7]. Витмер привел список авторов, с трудами которых, как он полагал, следовало познакомиться писателю. Среди них были: М.И. Богданович и, несколько неожиданно, немецкий историк Т. Бернгарди, выдавший свои собственные записки за записки генерала К.А. Толя.

Одной из наиболее интересных рецензий на произведение Л.Н. Толстого стала работа военного теоретика и педагога, генерал-майора М.И. Драгомирова (1830–1905) «“Война и мир” Толстого с военной точки зрения». Первоначально, в 1869 г., она была опубликована в весьма специальном издании – журнале «Оружейный сборник», позже – вышла отдельной брошюрой [4]. Разумеется, Драгомиров также решительно возражал против тезиса Толстого о бессмысленности стратегии и планирования, сражений. Приведя пространную цитату из романа о бесцельности Бородинской битвы, он отмечал: «Наполеон, зайдя так далеко, рассчитывал что, разбив нашу армию, он принудит нас к выгодному для себя миру; мы же, не покрыв себя позором, не могли пустить Наполеона в Москву, ни разу не попытав счастья в серьезном бою. Кажется, побуждения рискнуть на бой были основательны и с той, и с другой стороны; но автор этого не видит; и не видит потому, что ему во чтобы то ни стало, нужно прийти к той фразе, что “Давая и принимая Бородинское сражение, Кутузов и Наполеон поступали произвольно и бессмысленно”» [4, с. 75]. Критикуя философские суждения Толстого, Драгомиров очень высоко оценил фактическую точность и яркость изображения военных сцен. «Сцены, – писал он, – неподражаемы и, по нашему крайнему убеждению, могут составить одно из самых полезнейших прибавлений к любому курсу теории военного искусства» [4, с. 5]. Важнейшим достоинством романа Драгомиров вполне обоснованно считал мысль Толстого о важнейшей роли в победе морально-психологического фактора, которому он сам придавал огромное значение и посвятил несколько работ. Особый «пласт» критики романа Л.Н. Толстого составляют отзывы непосредственных участников событий, многие из которых были обижены содержавшейся в романе мрачными картинами войны. Особенно типична в этом отношении работа А.С. Норова [10]. С другой стороны, сторонники Л.Н. Толстого, отстаивая его правоту не только в теории, но и в некоторых конкретных исторических вопросах, обращались к неизвестным прежде источникам, вырабатывали, подобно Н.С. Лескову, новые взгляды на исторических деятелей и события. Развернувшаяся дискуссия, таким образом, дала мощный импульс изу-

чению истории Отечественной войны 1812 г., превратив художественное произведение (отчасти, помимо воли автора) в историографический факт.

1. Витмер, А.Н. 1812 год в «Войне и мире» По поводу исторических указаний IV т. «Войны и мира» гр. Л.Н. Толстого / А.Н. Витмер. – СПб.: Типография Департамента уделов, 1869. – 122 с.
2. «Война и мир», сочинение графа Л.Н. Толстого, том четвертый // Голос. – 23 марта 1868 г. – № 83. – С. 1–2.
3. Гейсман, П.А. Граф Л.Н. Толстой и М.И. Драгомиров / П.А. Гейсман. – СПб.: Типография А.А. Пороховщикова, 1897. – 95 с.
5. Драгомиров, М.И. Разбор романа «Война и мир» / М.И. Драгомиров. – Киев: Издание книгопродавца Н.Я. Оглоблина, 1895. – 134 с.
6. Лачинов, Н.А. По поводу нового романа гр. Толстого / Н.А. Лачинов // Русский инвалид. – 10 апреля 1868 г. – № 96. – С. 3.
7. Лесков, Н.С. Герои Отечественной войны по гр. Л.Н. Толстому / Н.С. Лесков // Собрание сочинений в 11 томах. – М.: Художественная литература, 1958. – Т. 10. – С. 97–150.
8. Липранди И.П. Заметка по поводу Бородинского сражения / И.П. Липранди // Голос. – 10 мая 1868 г. – № 129. – С. 2.
9. Липранди, И.П. Как был взят город Соасон 2 (14) февраля 1814 года и какое значение имел этот город в войну 1814 года / И.П. Липранди // Русский архив. – 1868. – № 6. – С. 903–925.
10. М.Б. [Богданович М.И.] Что такое «Война и мир» графа Л.Н. Толстого / М.Б. [Богданович М.И.] // Голос. – 10 мая 1868 г. – № 129. – С. 1.
11. Норов, А.С. Война и мир 1805–1812 с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника / А.С. Норов. – СПб.: Типография Департамента уделов., 1868. – 58 с.
12. Тартаковский, А.Г. 1812 год и русская мемуаристика (опыт источниковедческого изучения) / А.Г. Тартаковский. – М.: Наука, 1980. – 311 с.
13. Толстой, Л.Н. Война и мир / Л.Н. Толстой // Собрание сочинений в 22 томах. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 4. – С. 7–355.
14. Толстой, Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» / Л.Н. Толстой // Там же. – С. 356–366.
15. Толстой, Л.Н. Проект о переформировании армии / Л.Н. Толстой // Собрание сочинений в 22 томах. – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 16. – С. 399–403.

Г.Н. Яковлева

ВОЙНА 1812 ГОДА И ЕЁ АКТУАЛИЗАЦИЯ В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Отечественная война 1812 года – знаковое событие российской истории, которое неоднократно актуализировалось властью, политиками, публицистами, историками. Рассмотрим некоторые примеры того, как сама война, а также последствия борьбы с Наполеоном начала XIX века и историческая память об этих героических страницах русской истории использовались властями в сложные моменты советской и российской истории.

Одним из серьезных последствий войны 1812 года стало то, как она повлияла на российское общество и самосознание определенной части русского офицерства. «Мы были дети 12-го года. Принести в жертву всё, даже самую жизнь, ради любви к Отечеству было сердечным побуждением нашим», - определил влияние войны на судьбы декабристов Матвей Муравьев-Апостол [цит. по: 1, с. 40].

«Война 1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании», - писал в своих мемуарах И.Д. Якушкин [цит. по: 1, с. 40]. Во время следствия над декабристами А.А. Бестужев писал Николаю I: «Наконец Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России» [2, с. 275]. На вопрос Следственной комиссии о том, что повлияло на формирование его взглядов, декабрист М.А. Фонвизин отвечал: «Великие со-

бытия Отечественной войны, оставя глубокие впечатления, произвели во мне какое-то беспокойное желание деятельности» [цит. по: 3, с. 94].

На формирование взглядов будущих декабристов несомненное влияние оказало их участие в заграничных походах русской армии. Конечно, преувеличивать их не надо, так как социально-политические основы западных стран были известны дворянам России и до 1813-1814 гг., часть из них бывала за границей и раньше. Но впервые с западноевропейскими реалиями познакомились массы дворянства и представителей других слоёв российского общества.

«Пребывание целый год в Германии и потом несколько месяцев в Париже не могло не изменить воззрения хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановке каждый из нас сколько-нибудь вырос», - утверждал И. Д. Якушкин [2, с. 273].

М.А. Фонвизин писал: «В походах по Германии и Франции наши молодые люди ознакомились с европейской цивилизацией, которая произвела на них тем сильнейшее впечатление, что они могли сравнивать все виденное ими за границей с тем, что им на всяком шагу представлялось на Родине... Многие из них в походах познакомились с германскими офицерами, членами прусского тайного союза, который так благотворно приготовил восстание Пруссии и содействовал её освобождению, и с французскими либералами. В откровенных беседах с ними наши молодые люди нечувствительно усвоили их свободный образ мыслей и стремление к конституционным учреждениям, стыдясь за Россию, так глубоко униженную самовластием» [2, с. 278–279]. «Полки, наполненные молодёжью, по возвращении из Парижа увидели в рядах своих новое поколение офицеров, которое уже углублялось в своё назначение, стало понимать, что не для того только носят они мундир, чтоб обучить солдат маршировке и выправке. Все стали стремиться к чему-то высшему, достойному, благородному», - писал Н. Лорер [4, с. 326].

«Как в XVIII веке пребывание французских генералов и офицеров в Северной Африке подало случай занести семена возмущения во Франции, так в начале XIX века наши молодцы заразились либеральными идеями во Франции... Не только офицеры, но и нижние чины гвардии набрались заморского духа...», - с сожалением вынужден был констатировать оппонент декабристов Н. И. Греч [5, с. 229].

«Войска, от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали, как хорошо в чужих землях. Сравнение со своим естественно произвело вопрос, почему же не так у нас», - отмечал А. Бестужев [2, с. 276]. «Со времени возвращения русских войск либеральные идеи усиленно распространялись в России. Кроме регулярных войск, за границей была и масса ратников из различных слоёв; по переходе границы они распускались по домам и там рассказывали виденное в Европе...», - отмечал Н. Бестужев [2, с. 276].

Правда, разные «ратники» видели в Европе разное, каждый своё. «И в декабре не каждый декабрист!», - не зря писал ещё в советское время в своём известном стихотворении поэт Ф. Кривин. Интересны в этом смысле «Записки кавалерист-девицы» Надежды Дуровой. Она, как и многие другие офицеры, участвовала в походах русских войск за границу. И её литературно-мемуарный труд является примером совершенно иного восприятия чужого опыта и других стран не менее значительной частью российского офицерства. Саму Н. Дурову и многих её товарищей не очень интересовала политика, но им было занятно увидеть бытовую сторону иной жизни, не похожей на российскую. Упоминает она о многочисленных сердечных романах и быстро проходящих страстях, переживавшихся её сослуживцами за рубежом. «Нет ни одного из нас, кто бы радостно оставлял Голштинию; все мы с глубочайшим сожалением говорим «прости» этой прекрас-

ной стране и её добродушным жителям. Велено идти в Россию. Голштиния, гостеприимный край, прекрасная страна! Никогда не забуду я твоих садов, цветников, ...честности и добродушия твоих жителей!», – писала она [6, с. 465]. Характерно, что у Надежды Дуровой в её «Записках кавалерист-девицы» почти нет замечаний по поводу политических вопросов, нет здесь и комментариев о вкладе российского крестьянства в победу над врагом, она как будто не видит его. На примере её воспоминаний очень хорошо видно, как российское общество относилось к населению западных окраин, во многом незнакомому для дворянства внутренних губерний страны. Известно, что еврейское население западных окраин в целом поддержало в этой войне российскую власть и армию, активно и эффективно использовалось русским командованием в качестве информаторов, лазутчиков и шпионов. Дуровой же оно воспринимается однозначно отрицательно и описывается следующими характерными словами: «зияющая пасть, выпученные глаза, растрёпанные пейсы; жид, похожий на чудовище; жидовка завывает свои псалмы; жид обманул меня со всей бессовестностью» и т.д.

Признавая разность личного опыта, полученного в ходе знакомства с другими странами в 1813–1814 гг., надо признать, что часть русского офицерства пришла к осознанию необходимости решительных перемен в политическом устройстве России. И попыталась реализовать свои планы в декабре 1825 г. После этого декабристы и декабризм стали неотъемлемой частью политической истории и исторической мифологии России и СССР.

В сложные периоды истории не раз возникала необходимость актуализации факта патриотического подъема в России в период событий 1812 года. Именно в тяжелые дни 1941 года властью были проведены прямые параллели с ходом войны 1812 года, которые должны были вселить веру в окончательную победу и способствовать общему подъему народа на борьбу с захватчиком. В первые дни после начала Великой Отечественной войны обратились к опыту войны 1812 года в своих обращениях к народу В.М. Молотов и И.В. Сталин. Обыгрывалась роль генерала «Мороза» в борьбе с врагом в 1812 и 1941 годах. В 1942 году появился орден Кутузова, в 1944 – вышел на экраны страны фильм С. Эйзенштейна «Кутузов», отразивший не только основные этапы войны, но и роль партизанского движения в победе над врагом. Полководческую тактику М.И. Кутузова Сталин актуализировал применительно к своей деятельности в 1941–1942 гг. Огромным успехом пользовалась в стране пьеса А. Гладкова «Давным-давно», сюжетной линией связанная с событиями войны с Наполеоном. Стал чрезвычайно популярным роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Были переизданы работы Е.В. Тарле, воспоминания А. Коленкура [7].

С одной стороны, партия стимулировала рост патриотизма и национального самосознания, опираясь на события 1812 года, с другой, она этого же опасалась. Опасные параллели с последствиями заграничных походов русской армии в 1813–1814 гг. и освободительным походом в Европу в 1945 году сразу возникли среди идеологических работников ВКП (б). Ведь в свое время, ознакомившись с Западом, «декабристы несли прогрессивные идеи, а сейчас просачивается реакция, капиталистическая идеология» [8, с. 48–49]. Ставилась задача отследить, «какое впечатление остается у солдата и офицера от пребывания в иностранном государстве», а также своевременно реагировать на настроения солдат и офицеров, прибывших из освобожденных стран Европы домой.

И эти опасения были не беспочвенны. Фронтовики, вернувшись с войны, иногда называют потенциальными «декабристами», проводя исторические параллели с событиями в России после войны 1812 года, связанными с восстанием де-

кабристов 1825 года. В 1945 году роль военных в жизни общества резко возросла. Гордость за победу и надежды на перемены опять охватили страну. Увиденное на Западе опять, как и в период борьбы с Наполеоном, всколыхнуло его освободителей. Военные снова могли попытаться вмешаться в политику. Миллионы солдат и офицеров, снова, как и в 1813 году, прошедшие пол Европы, увидели катастрофическую разницу в уровне жизни на Западе и в СССР. Кроме них были ещё тысячи вывезенных на работу в Германию, а затем репатриированных из неё. Такое знакомство вызывало у многих советских людей серьёзные вопросы. «Сколько же лет нам нужно, чтобы достичь западноевропейского уровня?» – спрашивал красноармеец П. и сам же отвечал: «Пожалуй, 1000 лет мало будет». Другому солдату образцом демократии представлялась Чехословакия, где страной управляют четыре партии, а не одна, как в СССР [9, с.141].

Фронтвики-генералы Ф.Т. Рыбальченко и В.Н. Гордов в 1946 году убеждали друг друга:

«– Нам нужно иметь настоящую демократию (Гордов).

– Именно чистую, настоящую демократию (Рыбальченко)» [10, с. 40].

Генерал-полковник Гордов, поездивший как депутат по стране, говорил в частной беседе: «Я сейчас говорю, у меня такие убеждения, что, если сегодня снимут колхозы, завтра будет порядок, будет рынок, будет всё. Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь, отстаивали её!» [10, с. 39].

Повсеместно были распространены антиколхозные настроения среди простых солдат и крестьян. В Голубовском сельсовете Дриссенского района Полоцкой области репатриантка говорила по этому поводу: «Если бы я знала, что не распустят колхозы, я бы не поехала из Германии» [11, л. 234]. Демобилизованные из Красной Армии вели разговоры о том, что колхозы – это временное явление, они будут скоро распущены на некоторое время, а потом вновь будут создаваться, но уже по другому принципу [11, л. 233]. Дриссенскому райкому КП(б)Б в эти населенные пункты пришлось послать лучших агитаторов для проведения разъяснительной работы. По всей стране были зафиксированы многочисленные случаи антиколхозных высказываний на бюллетенях при выборах в Верховный Совет СССР.

Можно согласиться с мнением Е. Зубковой о том, что, при всей разности конкретно-исторических условий обе войны – и война 1812 года и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. – имели во многом сходные социально-психологические последствия. Они пробудили «дух свободы», породили у народа надежды на перемены и лучшую жизнь в качестве «награды» за победу. Можно отметить также относительное тождество между настроениями крестьянства в пользу отмены крепостного права, активизировавшимися после войны 1812 года, и надеждами крестьян 1945-го на роспуск колхозов, в том и другом случае направленных против жесткой государственной эксплуатации и внеэкономического принуждения. Однако фронтвики 1940-х гг. в объективных и субъективных реалиях того времени так и не стали новыми декабристами.

Обе войны по-прежнему играют огромную роль в исторической памяти русского народа и современной политической борьбе. Например, очередной вброс современных событий в исторический контекст и использование исторической памяти о войне 1812 года и образа Бородино для решения чрезвычайно важной задачи политической консолидации своих сторонников, сделал В.В. Путин в ходе президентской кампании 2012 года.

Интересно и то, что в современной российской политической публицистике появились новые «неодекабристы» (М. Ходорковский, участники «Марша несогласных» 2005–2007 гг., «лимоновцы», участники протестных акций декабря

2012 года), а декабризм стал некоей метафорой борьбы с современной российской властью. Как считают некоторые исследователи, это повлекло за собой и изменение акцентов в восприятии «первых», настоящих декабристов в современных политических и исторических кругах России [12]. Актуализация истории и использование исторической памяти в политических целях продолжается.

1. Межова, К.Г. Об источниках формирования вольнолюбивых идей декабристов / К.Г. Межова // История СССР. – 1989. – № 5. – С. 37–46.
2. Недаром помнит вся Россия... : сборник / сост. В.Г. Левченко, В.В. Володин. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 303 с.
3. Павлова, Л.Я. Декабристы – участники войн 1805–1814 гг. / Л.Я. Павлова. – М.: Наука, 1979. – 127 с.
4. Лорер, Н.И. Записки моего времени. Воспоминание о прошлом / Н. И. Лорер // Мемуары декабристов / сост., вступ. ст. и ком. А.С. Немзера. – М.: Правда, 1988. – С. 313–545.
5. Греч, Н.И. Записки о моей жизни / Г.И. Греч. – Москва: Книга, 1990. – 396 с.
6. Дурова, Н.А. Записки кавалерист-девицы / Н.А. Дурова // Давыдов, Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы. – Л.: Лениздат, 1985. – С.272 – 509.
7. Дацишина, М.В. Тема Наполеона и войны 1812 года в советской и нацистской пропаганде в ходе Великой Отечественной войны / В.В. Дацишина // Вопросы истории. – 2011. – № 6. – С. 149–156.
8. Сеницын, Л.Ф. Проблема национального и интернационального в национальной политике и пропаганде в СССР в 1944 – первой половине 1945 года / Л.Ф. Сеницын // Российская история. – 2009. – № 6. – С.40–53.
9. Зубкова, Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е. Зубкова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 229 с.
10. Пихоя, Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991 / Р.Г. Пихоя. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 684 с.
11. Государственный архив Витебской области. – Ф.10060-п. – Оп. 1. – Д. 21.
12. Эрлих, С.Е. Метафоры мятежа: декабристы в риторике Путинской России / С.Е. Эрлих. – Спб.: Нестор-История, 2009. – 274 с.

А.М. Сцебурака
РУКАПІСЫ З КАЛЕКЦЫІ ЭМІЛЯ БРУВЭ
Ў ЗБОРЫ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ БІБЛІЯТЭКІ БЕЛАРУСІ

Нацыянальная бібліятэка Беларусі мае даволі значную калекцыю рукапісаў аб эпасе Напалеонаўскіх войнаў на французскай мове, якія захоўваюцца ў НДА кнігазнаўства [2, с. 242]. Гэта розныя па форме, афармленню і зместу творы: успаміны, дзённікі, гістарычныя запіскі, карэспандэнцыя, паэма. Паходжанне і змест гэтай калекцыі не былі вывучаны дакладна да гэтага часу і дадзеная тэма працяглы час дыпламатычна не ўздымалася. Пры гэтым, добра вядома пра існаванне значнага масіву кніг з Заходняй Еўропы ў галоўным кнігазборы Беларусі. Найбольш каштоўныя выданні з аўтографамі вядомых грамадска-палітычных і культурных дзеячаў ужо апісаныя і знайшлі месца ў праекце “Французскія аўтографы ў фондзе НББ”. Прафесар У.В. Макараў раскрыў трагедыю былых уласнікаў бібліятэк, чые кнігазборы былі сканфіскаваныя пад час II Сусветнай вайны і, ўрэшце, трапілі ў Беларусь [1, с. 19]. Верагодна, прыгаданая калекцыя французскіх рукапісаў трапіла да нас аналагічным чынам. Гэты артыкул прысвечаны непасрэдна праблеме іх паходжання і сцісламу апісанню рукапісаў з мэтай азнаямлення з імі зацікаўленых колаў.

У некалькіх рукапісах была ўкладзена частка канверта з іх апісаннем і нумарам лоту, складзеным для наступнага продажу дакумента на неназваным аўкцыёне ("Autographes et document historiques / expertises - vents - recherches / D. Janvier, maison fondée en 1886 Paris IV"). Непасрэдна экспертызу рукапісу

праводзіў супрацоўнік Жак Арнна, імя якога таксама было на канверце. Гэта інфармацыя дазволіла правесці бібліяграфічны пошук і знайсці ў каталозе Нацыянальнага архіва Францыі звесткі пра публічныя таргі антыкварыятам, кнігамі і рукапісамі ў XIX – XX ст., у якіх фігуравала імя Ж. Арнна (сапраўднае імя – Jacques Arlès-Dufour). Абмежаваўшы пошук міжваенным перыядам удалося даведацца, што таргі адбываліся ў 1934–1936 гг. Асаблівую ўвагу прыцягнулі таргі 29 мая 1935 г. у Парыжы, на якіх былі прапанаваны рукапісы па Напалеонаўскіх войнах [5, р. 101]. Высветлілася, што да 1940 г. дом Д. Жанв’е друкаваў каталогі лотаў напярэдадні таргоў [4]. Гэта дазволіла адшукаць лоты ў адным з каталогаў, якія дакладна адпавядалі апісанням вядомых нам рукапісаў. Высветлілася, што яны паходзілі з вядомай і буйной калекцыі Эміля Брувэ.

Э. Брувэ (Emile Brouwet) нарадзіўся ў Брусэлі ў 1864 г., у маладосці вывучаў права. У 1904 г. ён пераехаў у Парыж і пачаў кантактаваць з аматарамі напалеонаўскай эпохі. Тады Брувэ запачаткаваў калекцыю твораў мастацтва, рэдкіх кніг і арыгінальных рукапісаў па гісторыі Французскай Рэвалюцыі і Імперыі Напалеона. У 1918 г. Брувэ зрабіў найбольшыя набыткі: калекцыю і архіў А. Русэліна дэ Ст. Альбана (1773–1847), які быў сакратаром Бернадота пад час Дырэкторыі і сакратаром Карно пад час Ста Дзён. Нашчадкі Э. Брувэ не дэманстравалі асаблівай зацікаўленасці лёсам калекцыі і прынялі рашэнне прадаць яе па частках.

Тым часам, французскі ўрад палічыў, што гэтая калекцыя належыць да катэгорыі нацыянальнай спадчыны і часткова яе сканфіскавала ў 1934–1935 гг. Сам Э. Брувэ з’явіўся як раз у той момант, калі яшчэ можна было вярнуць большую частку калекцыі. Каб узяць своеасаблівы рэванш, Э. Брувэ прыняў рашэнне перадаць сваю калекцыю ў Каралеўскі вайсковы музей у Брусэлі, што і было неўзабаве зроблена. Сам яе ўладар памёр у Ніцы ў 1941 г. Бібліятэка Э. Брувэ налічвала каля шасці тысяч тамоў, змест якіх датычыўся эпохі Французскай Рэвалюцыі і часоў Напалеона. Адзначым, што архівы калекцыянера ўтрымлівалі шматлікія арыгінальныя дакументы, якія адлюстроўвалі дзейнасць практычна ўсіх французскіх генералаў перыяду 1789–1815 гг. Архіў меў поўны камплект рапартаў паліцыі пра змову супраць Напалеона [4, р. 3].

Рукапісы з калекцыі Э. Брувэ, былі набыты пакуль невядомым нам калекцыянерам 29 мая 1935 г. Іх апісанне мы знаходзім на старонках каталогу “Напалеон і яго эпоха” дзе першыя сто лотаў прадстаўлены перапіскай Напалеона, яго сям’і, сяброў, маршалаў. У рубрыцы “*III Маршалы і генералы*” мы знаходзім апісанне пяці рукапісаў з НББ, і адзінаццаць рукапісаў у рубрыцы “*VII Рознае*”. Як адзначалася ў прадмове да каталога гэтых таргоў, своеасаблівая сумесь не раўназначных па сваёй каштоўнасці рукапісаў была дапушчана свядома: “другая частка складае, у пэўным сэнсе, “малую прыватную гісторыю Першай Імперыі”, гэтая малая гісторыя не менш каштоўная і прыцягальная чым вялікая” [4, р. 2]. Таму разам з арыгінальнымі лістамі Напалеона былі выстаўлены на продаж дзённікі і ўспаміны афіцэраў, ці нават шараговых жаўнераў Вялікай Арміі.

Памер дадзенага артыкула не дазваляе даць разгорнутае апісанне рукапісаў з калекцыі Э. Брувэ, таму я абмяжуюся толькі іх пералікам (назвы скарачаны) з указаннем памеру, нумара лота на аўкцыёне і сённяшні шыфр захавання ў НДА кнігазнаўства НББ.

1. Гісторыя маёй Іспанскай кампаніі. (Віктор Гурдон). 1825, 602 р. (лот 148, НББ 091/159).

2. Дакументы аб паходах, у якіх я прыняў удзел у войску Францыі з першага да дзесятага года Рэспублікі (Ж.Ф. Тайрэ). Paris, 1807, 315 р. (лот 159, НББ 091/160).

3. Фрагмент майго жыцця, альбо восем месяцаў палону. (Марыс Бранш). Strasbourg, 1822, 64 р. (лот 139, НББ 091/169).
4. Гістарычныя запіскі аб жыцці маршала Нэя. (М. Бранш). 24 р. (лот 139, НББ 091/171).
5. Дом Інвалідаў у 1869 г. (паэма). (М. Бранш), Paris, 1869, 112 р. (лот 139, НББ 091/172).
6. Паэзія ўзятая з лістоў Эмілю. (М. Бранш). Wissemburg, 1821. 32 р. (лот 139, НББ 091/172).
7. Мае кашмары. (М. Бранш). Paris, 1873, 70 р. (лот 139, НББ 091/170).
8. Заўвагі аб кампаніях 1806, 1807 – 1808 і 1809 г. у Прусіі і ў Польшчы. (Нікаля Журдюэль). 400 р. (лот 150, НББ 091/153).
9. Неапублікаваныя ўспаміны капітана Катэна ў 1808 – 1818 гг. з 14-га палка інфантэрыі (Франсуа Катэн). 63 р. (лот 143, НББ 091/143).
10. Успаміны (генерал Я.Ф. Марулац). 50 р. (лот 92, НББ 091/181).
11. Ваенная кар’ера Марулаца. (Доктар Бегін). 16 р. (лот 92, НББ 091/182).
12. Заўвагі аб кампаніях 1793 г. (Я.Ф. Марулац). 14 р. (лот 92, НББ 091/183).
13. Заўвагі аб бітвах, паходах і дзеяннях 8-га гусарскага палка з 13 ліпеня 1793 да 22 снежня 1801 г. (генерал Я.Ф. Марулац). 22 р. (лот 92, НББ 091/184).
14. Гістарычны журнал лёгкай кавалерыі 4-га корпусу войска генерала барона Марулаца. 46 р. (лот 92, НББ 091/185).
15. Успаміны аб паходах Вялікай Арміі часоў Імперыі з 1804 па 1815 г. (Лемаршанд). 340 р. (лот 154, НББ 091/154).
16. Успаміны аб Рускай кампаніі 1812 г. і аб шляхах гарнізона Мэрля. 99, 49 р. (лот 157, НББ 091/157).

Такім чынам, пералічаныя рукапісы дакладна паходзяць з калекцыі Э. Брувэ. На жаль, мы не ведаем імя пакупніка гэтых лотаў на аўкцыёне, таму версіі аб асобе апошняга ўласніка калекцыі маюць гіпатэтычны характар. Магчыма, гэта вядомы французскі літаратар і бібліяфіл, рэдактар “Фігаро”, Марыс Монда (1848–1939), імя якога пазначана ў якасці адрасата на канверце з рукапісамі генерала Марулаца (“Marulaz / à porter / monsieur Maurice Monda / 134 Av. Victor Hugo”). На карысць гэтай версіі так сама сведчыць вялікая колькасць кніг у НББ з аўтографамі М. Монда і выданняў, адрасаваных яму з дарчымі надпісамі.

Нельга з упэўненасцю казаць пра тое, што астатняя частка калекцыі рукапісаў пра Напалеонаўскія войны ў НББ не мае аналагічнага паходжання. Ёсць некалькі рукапісаў якія, на жаль, не захавалі арыгінальных назваў з прычыны адсутнасці вокладак і тытульных аркушаў, і былі падпісаныя пасля на рускай мове. Адпаведна, атрыбутацыя, навуковае апісанне і пошук былых гаспадароў дадзеных рукапісаў з’яўляецца першаснай задачай.

1. Макаров, В.В. Автографы судьбы / В.В. Макаров. – Минск: Институт иностранных языков, 1993 – 21 с.
2. Французские автографы в фонде Национальной библиотеки Беларуси [Электронный ресурс] / Национальная библиотека Беларуси; составители: С.Г. Пахоменкова, А.Н. Стебурако; под научной редакцией В.В. Макарова. – Минск: НББ, 2011.
3. Сцебурака, А.М. Агляд калекцыі французскіх рукапісаў аб Напалеонаўскіх войнах у фондзе Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі / А.М. Сцебурака // Библиотеки в информационном пространстве: синтез традиций и инноваций. – Минск, 2007. – С. 242–244.
4. Napoléon et son temps: catalogue des lettres autographes et documents historiques faisant partie de la collection de M. Emile Brouwet : dont la vente préparée par M. J. Arnna expert conseiller de la revue “Ars et Métiers Graphique”. – [Paris], 1935. – 99 р.
5. Collection de catalogue de vent de livres, documents et autographe ABXXXVIII (invintaire). Paris: Centre Historique des Archives Nationales, 2003–2005. – 420 р.

В.Ю. Рипянчина
ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СТЕНДАЛЯ

Литературный клуб «Rendez-vous avec la poésie française» при УО «ВГУ им. П.М. Машерова», ставший лауреатом специального Президентского фонда Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов, регулярно принимает участие в днях французской культуры. Участникам клуба, помимо переводов французской классики на белорусский и русский языки, сочинения музыки и написания картин по полубившимся произведениям, интересно знать все события, связанные с Францией и нашей землей. Особый интерес вызывают фигуры исторических деятелей Франции, в частности Наполеона, что особенно актуально в год 200-летнего юбилея войны 1812 г.

События войны нашли своё отражение в многочисленных литературных произведениях, которые часто дополняют многочисленные документальные исторические источники. Писали о событиях 1812 г. Л. Толстой («Война и Мир»), А. Мицкевич («Пан Тадеуш»). Обращались к этой теме и французские классики. В частности, Анри-Мари Бейль (более известный под литературным псевдонимом Стендаль) был офицером наполеоновской армии и даже принял участие в «русской компании 1812 года». Этот известный литератор в ходе боевых действий побывал в Москве, Смоленске, Витебске, Могилеве, Орше, Минске, Борисове.

«Когда мы прибыли в Витебск, за границей распространились слухи, что Император довольствуется тем, что задержится в этом городе, чтобы организовать снабжение армии необходимыми средствами к существованию, отложив на следующий год исполнение своих грандиозных замыслов в отношении России», – напишет позже в своих воспоминаниях Анри-Мари Бейль. И действительно, 28 июля, входя в императорскую квартиру губернаторского дворца, Наполеон снял саблю и, положив ее резким движением на карты, которыми были покрыты столы, вскричал: – «Я останавливаюсь здесь! Я хочу здесь осмотреться, собрать тут армию, дать ей отдохнуть, хочу организовать Польшу. Кампания 1812 года кончена! Кампания 1813 года сделает остальное!» [1, с. 219].

Осматривая Витебск и его окрестности, Бонапарт отдал распоряжение приступить к устройству всякого рода учреждений, а также построить тридцать шесть хлебопекарен, которые могли бы одновременно испечь 29 тысяч фунтов хлеба. Наполеоновские интенданты не ограничивались только тем, что было полезно, но и приступили к обустройству занятых земель. «Так как вид дворцовой площади портили кирпичные здания, то Император приказал своей гвардии сломать их и унести обломки. Он даже помышлял уже о зимних удовольствиях – парижские актеры должны были приехать в Витебск. Но, так как этот город был теперь безлюдным, то Наполеон рассчитывал, что зрительницы сами явятся из Варшавы и Вильно» [3, с. 262].

Но впоследствии Наполеон изменил свои планы, направившись в сторону Москвы, где постепенно боевые действия приобрели иной характер. Особенно ярко ощущалась смена характера войны при осаде Смоленска, где народная борьба велась в едином патриотическом порыве: «Мы вошли в город при свете пламени пожаров, но они были ничто по сравнению с тем, что ожидало нас в Москве. Армия неприятеля эвакуировала свое население, после того как сильно разграбила город и сожгла большинство складов». При вторжении в Москву, Анри-Мари Бейль получил должность помощника военных комиссаров, и был определен в администрацию «малой» императорской квартиры, где занимался в дальнейшем интендантством (наполнением провиантских «магазинов», находящихся на кон-

троле у Наполеона). Накануне ухода Великой армии из Москвы, французского офицера отправляют в Смоленск с задачей создания резервных запасов продовольствия: «Я облечен чем-то вроде власти над интендантами Смоленска, Могилева и Витебска», – резюмирует Анри-Мари Бейль [1, с. 227].

Значительный интерес представляет тот факт, что Анри-Мари Бейлю повезло войти в круг приближенных лиц Наполеона. «Это человек, наделенный необычайными способностями и опаснейшим честолюбием, самый изумительный по своей даровитости человек, живший со времен Юлия Цезаря, которого он, думается мне, превзошел. Он был скорее создан для того, чтобы стойко и величаво переносить несчастье, нежели для того, чтобы пребывать в благоденствии, не поддаваясь опьянению. Доходя в своем гневе до бешенства, когда противились его страстям, он, однако, был более способен к дружбе, нежели к длительной ненависти. По величию души и покорности судьбе, которые Наполеон проявил в несчастье, лишь немногие равны ему, и никто его в этом не превзошел» [2, с. 306]. Молодой интендант восхищался блестящим полководцем, его аналитическим складом ума, эксцентричностью и нелинейностью, видел в Императоре несравненного великого тактика и превосходного администратора. Однако, спустя несколько лет по окончании войны, Анри-Мари Бейль напишет: «Наполеон говорил, что если он добьется успеха в России, то будет владыкой мира. Он потерпел поражение – не от людей, а от собственной своей гордыни и от климатических условий» [1, с. 183].

Несмотря на то, что Стендаль, как француз, воспеваеет своего полководца, и в тоже время он отдает дань уважения жителям Российской империи, дух которых испокон веков укреплялся сильной верой: «Не воззвания и не награды воодушевляют русских солдат на бой, а приказания святого угодника Николая. Маршал Массена рассказывал в моем присутствии, что русский, когда рядом с ним падает смертельно раненный его земляк, настолько уверен в том, что он воскреснет у себя на родине, что поручает ему передать привет своей матери. Россия, подобно Риму, имеет суеверных солдат» [1, с. 412].

Незабываемые впечатления о пребывании в прежней русской столице и пожаре Москвы 15–19 сентября 1812 года нашли отражение в посланиях Анри-Мари Бейля своей сестре Полине, друзьям и коллегам по службе: «Мы выехали из города, освещенные самым величественным пожаром в мире, образовавшим огромную пирамиду, основание которой, как у молитвы правоверных, было на земле, а вершина уходила в небо. Над этой пеленой из пламени и дыма показалась луна. Зрелище было внушительное...». Также Анри-Мари Бейль писал: «И зачем я поехал в эту чужую, холодную, варварскую страну?» – хмурился наполеоновский офицер, плотнее закутываясь в шинель и созерцая сквозь окошко кареты безграничные заснеженные пространства, трупы замерзших французов и пепелища сожженных русских городов и сел» [1, с. 498].

Остатки «Великой Армии» Наполеона отступали, а вместе с ними покидал Российскую империю и Стендаль, который успел своевременно сориентироваться и переправился через Березину прямо перед носом у русских казаков, которые настигали французов. Лишения, пережитые в русском походе, еще долго будут напоминать о себе: «Я очень устал, но не болен. Я ощущаю внутренний холод и пью пунш и кофе, – но ничего не помогает; я всегда голоден и мерзну» [1, с. 514]. «Я пал вместе с Наполеоном в апреле 1814 года», – скажет впоследствии писатель. Анри-Мари Бейль окончательно выходит в отставку с половинной пенсией наполеоновского офицера и на всю оставшуюся жизнь посвящает себя литературно-публицистической деятельности.

Таким образом, Анри-Мари Бейль был непосредственным участником войны 1812 года, что позволило ему в дальнейшем особенно правдоподобно передать эти моменты французской и европейской истории на страницах своих произведений, которые могут выступать как литературные исторические источники по данному периоду.

1. Стендаль, Ф. Жизнь Наполеона / Ф. Стендаль. – Москва: Вече, 1997. – 518 с.
2. Тарле, Е.В. Нашествие Наполеона на Россию / Е.В. Тарле. – Санкт-Петербург: АСТ, 2009. – 384 с.
3. Коленкур, Арман де. Поход Наполеона в Россию. Мемуары / Арман де Коленкур. – М.: Гала Пресс, 2002. – 413 с.

Б.И. Сидоренко

**БИТВА ПОД САЛТАНОВКОЙ 10 (22) – 11 (23) ИЮЛЯ 1812 Г.
В СВЕТЕ СТАТИСТИКИ ПОТЕРЬ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК:
СПОРНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИОГРАФИИ**

Салтановское сражение можно назвать самой крупной военной операцией 2-й русской армии на пути от западных границ России до Смоленска с тактической и стратегической точек зрения, когда войскам П.И. Багратиона удалось избежать окружения и благополучно переправиться на левый берег Днепра. Если ход этого сражения и его основные этапы практически по часам рассмотрены отечественной и французской историографией, то некоторые моменты событий, без которых невозможно создание полной картины Салтановского боя, уяснения его роли и места во всей кампании 1812 г., все еще далеки от своего научного решения. К их числу относится и численность потерь, которые понесли обе стороны во время сражения. Их количественному измерению и посвящена эта статья.

Еще не успели сгладиться первые впечатления от Салтановского боя (собственно сражение проходило между деревнями Фатово, Салтановка и Дашковка), а Багратион уже писал сенатору Комбурлею в Петербург: «После известий, которые я имел честь доставить Вашему превосходительству от 11 июля за №629, неприятель, усилившись чрезвычайно в Могилеве, вышел из оногo и 11 числа атаковал корпус генерал-лейтенанта при Дашковке... Неприятель, потерявший более 5 тысяч взятых в плен, убитыми и ранеными, не смел преследовать наших войск... и по счету убитых и раненых у неприятеля, мы потеряли мало таковыми» [1, с. 509]. В рапорте Александру I о сражении при Салтановке от 13 [25] июля командующий 2-й армией привел эти же цифры, но о собственных потерях не сообщил [6, с.209]. В дальнейшем выяснилось, что потери русской стороны достаточно высоки и по специальной ведомости составляли: 564 человека убитыми, 1346 ранеными и 594 пропавшими без вести, всего 2504 солдата, офицера и генерала [11, с.711].

Казалось бы, документальная фиксация потерь русской стороны должна была способствовать прочному закреплению их численности в историографии, что в действительности не произошло. В содержательном исследовании Д. Бутурлина, на чьих данных в значительной степени основывалась отечественная историография XIX в., взятых «из официальных документов и других достоверных бумаг российского и французского генерал-штабов», приводятся иные цифры. «Потери неприятеля - сообщил автор - в сражении при Салтановке простирались до 3500 убитых и раненых; сверх того взято у него 500 человек пленных. Россияне также потеряли выбывших из строя более 3000 человек убитых и раненых, в том числе более 300 пленных [5, с. 193–194]. Этими цифрами в большей или меньшей степени придерживалась и дореволюционная отечественная историография.

Правда, В.И. Харкевич французские потери свел к 1000 человек [15, с. 77], сомневаясь в данных Д. Бутурлина.

Советская историография демонстрировала еще более широкий диапазон расхождений. В 1937 г. вышла в свет монография Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию, 1812 год»; созданная талантливым ученым, однако целиком в традициях марксистско-ленинских установок в их сталинской интерпретации. Эта работа на долгие годы закрепила в теме войны 1812 г. численность потерь сторон под Салтановкой: русской - 2,5 тысячи и французской - 3,5 тысячи человек [12, с. 82].

Л.Г. Бескровный, основываясь на материалах ЦГВИА, привел иные цифры. «В ходе боя за Салтановку – писал он – VII-й корпус Раевского потерял убитыми и ранеными 1456 человек, а корпус Даву около 3500 человек» [4, с. 302]. Еще большие коррективы эти цифры получили у П.А. Жилина: «Бой у Салтановки хотя и носил скоротечный характер, но принес значительный урон как одной, так и другой стороне. Французы потеряли в нем более 5000 человек, русские – около 2500 человек» [8, с.113; 9, с.115]. Н.А. Троицкий в своем исследовании о войне 1812 г., сообщая, что «данные о потерях сторон под Салтановкой разноречивы», привел все имеющиеся разночтения, но собственной, воплощенной в цифры, версии не выдвинул [13, с. 92].

Современная историография также окончательно не определилась с численностью потерь Раевского и Даву, хотя и заострила внимание на недостоверности некоторых цифр. «В бою под Салтановкой – указывал А.В. Шишов – потери русских составили свыше 2,5 тысячи человек. Французы потеряли до 1,2 тысячи человек (по русским источникам от 3,4 до 5 тысяч)» [16, с. 131]. «Багратион в своем рапорте царю Александру I – дополняет М.Голденков – оценил потери противника в 5000 солдат и офицеров, что было явным преувеличением. По более точным данным потери Даву составили около 3500 человек» [7, с. 82].

Таким образом, ни дореволюционная, ни советская, ни современная историография не смогли прийти к единым цифрам потерь участников Салтановского сражения. Особенно это касается потерь корпуса Даву, численность которых у ряда источников вызывает здоровый скептицизм. Цифра французских потерь, фигурирующих в рапорте Багратиона Александру I, явно имеет не фактический, а оценочный характер, тем более что показания пленных нельзя считать достоверным источником. Вместе с тем эти цифры имеют косвенное подтверждение. Любопытно отметить, что в «Записке о событиях 1812 г. в Могилевской губернии, представленной Могилевским губернским предводителем дворянства 25 января 1837 г.» говорится буквально следующее: «После сражения при деревне Салтановке, как тогдашние слухи утверждают, убитых и раненых французов было до 5000 человек, и скотских трупов примерно говоря до 1000, кои и зарыты на месте сражения» [2, с. 19]. А вот что сообщает игумен Орест в своих «Записках» как современник событий, живший тогда в Могилеве: «После оногo Дашковскаго сражения привезено из Дашковки в Могилев раненых французов до 5 тысяч человек, и по сознанию самих французов, на том сражении убито было до 5 тысяч французской армии, столько же и российской армии раненых и убитых...» [3, с. 80]. Доверяя или выражая сомнения дошедшим до нашего времени документам, мы не можем не заметить, что статистика потерь сторон в ходе Салтановского боя давно оторвалась от своей источниковой базы и по неписанным для исследователей любой страны историографическим канонам (особенно связанных с военной тематикой) стала подчиняться простому правилу – преувеличивать потери противника и преуменьшать собственные.

В этой связи мы не должны игнорировать сведения о «французской» Салтановке и выяснить позицию тогдашнего противника. В этом нам отчасти помо-

жет содержательный труд статистика французской армии А. Мартиньена, собравшего сведения о потерях офицерского состава наполеоновской армии в 1805–1815 гг., в т.ч. и об офицерах, выбывших из строя под Салтановкой. Так, например, по данным А. Мартиньена 61-й пехотный полк потерял двух офицеров, а 108-й пехотный полк – 7 офицеров [10, р. 45,55]. Не менее интересен подготовленный еще в начале прошлого века Генеральным штабом Франции под редакцией Л.-Г.Фабри сборник оперативных бумаг армии наполеона, отражающих события 1812 г. в России изо дня в день. Среди донесений мы найдем и описание Салтановского сражения, которое отправил генерал Жерар маршалу Даву сразу же после сражения в ночь с 11 (23) на 12 (24) июля, а тот затем информировал об этом императора. Приведем выдержку из генеральского рапорта: «Потери врага велики. Он оставил на местности по ту сторону 1200 мертвых и более 4000 раненых, из которых от 700 до 800 были взяты нашими руками, также как и от 150 до 200 военнопленных. Наши потери по состоянию корпуса следующие, составили 900 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Я повторю эти похвалы генералу Фредериксу, всем офицерам, состоящими помощниками командиров полков, которые хорошо поплатились своими персонами; двое убиты» [14, р.145]. «Круглые» цифры Жерара также говорят об оценочном характере собственных потерь и потерь противника. Иными словами, если полагаться на численность потерь противника из рапорта Багратиона, то они составляли более 5 тысяч человек, если же придерживаться данных, приводимых в донесении Жерара, то и русские войска потеряли свыше 5 тысяч человек.

Как представляется автору статьи, судя по характеру сражения, русские и французы попеременно атаковали и контратаковали крупными силами, маневрировали на значительной территории, широко использовали артиллерию и дрались в общей сложности 9 часов. Вместе с тем особенности местности позволяли вести наступательные действия лишь на узких участках, а пересеченное пространство затрудняло использование кавалерии. Ни русские, ни французы не знали, какими силами располагает противник, и старались действовать осторожно. Как правило, в таком сражении потери сторон будут примерно одинаковыми. Пока же статистика потерь в подавляющем большинстве справочных изданий и монографической литературе определилась на уровне 2500 человек для русского корпуса и 3500 человек для французского, но речь идет об отечественных изданиях. Возможно, привлечение новых документов из Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва), Российского Государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург) и Военного архива сухопутных сил в Венсенне (Франция) сблизят исследователей обеих стран в оценке данного малоисследованного историографического аспекта Салтановского сражения.

1. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, созданные и изданные по поручению Его Императорского Величества Великого князя Михаила Александровича / под редакцией К. Военского. – Т. I.: Сборник Императорского Русского исторического общества. – Т. 128. – СПб.: Типография А.Ф. Штольценбурга, Моховая, 37, 1909.
2. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, созданные и изданные по поручению Его Императорского Величества Великого князя Михаила Александровича, под редакцией К. Военского. – Т. III.: Белоруссия в 1812 г. – Сборник Императорского Русского исторического общества. – Т. 139. – СПб.: Типография А.Ф. Штольценбурга, Моховая, 37, 1912.
3. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западного Руси. – Приложение. – Т. II. – Вильна: Печатня губернского правления, 1867.
4. Бескровный, Л.Г. Отечественная война 1812 года / Л.Г. Бескровный. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962.

5. Бутурлин, Д. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году / Д. Бутурлин. – Ч. I. – изд. 2-е. – СПб.: В Военной типографии, 1837.
6. Генерал Багратион: сборник документов и материалов. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1945.
7. Голденков, М. Наполеон и Кутузов: неизвестная война 1812 года / М. Голденков. – Мн.: Современная школа, 2010.
8. Жилин, П.А. Гибель наполеоновской армии в России / П.А. Жилин. – М.: Наука, 1974.
9. Жилин, П.А. Отечественная война 1812 года / П.А. Жилин. – М.: Наука, 1988.
10. Martinien, A. Tableau par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les guerres de l'Empire (1805–1815) / A. Martinien. – Paris: Fournier editeur militaire, Boulevard Saint-Germain 264, 1909.
11. М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 2. / под ред. Л.Г. Бескровного. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1955.
13. Тарле, Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 / Е.В. Тарле. – М.: Военное издательство, 1992.
14. Троицкий, Н.А. 1812 великий год России / Н.А. Троицкий. – М.: «Мысль», 1988.
15. Fabry, L.G. Campagne de Russie (1812). Т. III. Operations militaires (20 juillet - 31 juillet) / L.G. Fabry. – Paris: Lucien gougy, Cibrair 5, Quai de Conti, 1900.
16. Харкевич, В.И. Действия князя Багратиона в 1812 г. / В.И. Харкевич. – Военно-исторический сборник. – 1913. – № 4.
17. Шишов, А.В. Битва великих империй. Слава и горечь 1812 года / А.В. Шишов. – М.: Вече, 2005.

А.И. Белецкий
БОЙ ПРИ ОСТРОВНО В ИЮЛЕ 1812 ГОДА В РОССИЙСКОЙ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В 1812 году белорусские земли, в том числе Витебщина, стали ареной сражений французских и российских войск. Одним из наиболее значимых сражений в период наступления французской армии является бой 13–14 (25–26) июля 1812 г. при деревне Островно (ныне Бешенковичский район Витебской области). Событие нашло отражение во многих исследованиях, посвященных войне 1812 г. и личностям, связанным с ней. Целью данной работой является сравнение описания боя при Островно в работах дореволюционных и советских исследователей.

Одним из первых к исследованию событий 1812 года обратились российские военные историки генералы А.И. Михайловский-Данилевский и М.И. Богданович. Их труды характеризуются большим вниманием к описанию военных действий. В.И. Харкевич пытался объективно описать события 1812 года, отдавая должное как русским, так и французским героям войны. Советские исследователи (П.А. Жилин, Л.Г. Бескровный) вернулись к патристическому показу войны, боевые действия описывались при этом более кратко. Все действия русских войск оправдывались и их достижения преувеличивались. В работе белорусского историка Е.И. Корнейчика события 1812 года описываются с точки зрения единения белорусов и русских в борьбе с армией Наполеона.

При анализе описаний боя при Островно в работах исследователей выявлен ряд разночтений. Сама деревня локализована на различном расстоянии от Витебска. Так в работе В.И. Харкевича указано расстояние 26 верст [3, с. 180]. Е.В. Тарле согласен с мнением предшественника [4, с. 84]. Другие же исследователи приводят отличающиеся сведения: Е.И. Корнейчик указывает 26 километров [5, с. 29], Н.А. Троицкий – 20 километров [9, с. 96].

В ночь с 12 (24) на 13 (25) июля навстречу французскому авангарду был отправлен 4-й пехотный корпус под командованием А.И. Остерман-Толстого. Этот факт вызывает единодушие у всех исследователей как дореволюционных, так и советских. Лишь Е.И. Корнейчик ошибочно утверждает, что к противнику был послан 2-й пехотный корпус [5, с. 29].

Усиление, которое получил корпус Остерман-Толстого из штаба 1-й армии, трактуется по-разному. В работах дореволюционных историков нет общего мнения: А.И. Михайловский-Данилевский упоминает Нежинский, Ингерманландский и лейб-гусарский полки [1, с. 277]. М.И. Богданович дополняет этот перечень Сумским гусарским полком [2, с. 193]. В.И. Харкевич, а вслед за ним и советский исследователь Л.Г. Бескровный [6, с. 294], перечисляет их, не называя названий: два полка гусар, бригада драгун и рота конной артиллерии [3, с. 180]. И.Я. Крайванова пишет об усилении в виде двух полков гусар и бригадой драгун [7, с. 27]; П.А. Жилин считает, что корпус был усилен драгунскими и гренадерскими полками [8, с. 109]; Е.И. Корнейчик в своей работе пишет о четырех полках кавалерии [5, с. 29].

Локализация первого столкновения русского и французского авангардов так же не находит единого мнения у исследователей. А.И. Михайловский-Данилевский и М.И. Богданович говорят о 7 верстах [1, с. 277; 2, с. 194]. В свою очередь В.И. Харкевич [3, с. 180], а вслед за ним и Е.В. Тарле [4, с. 85], считают, что первые столкновения русских гусар, состоявших в авангарде корпуса Остерман-Толстого, с передовыми отрядами французской кавалерии по дороге из Витебска к Бешенковичам состоялись в 12 верстах от Витебска. П.А. Жилин измерил это расстояние в 6-ти километрах [8, с. 109]; И.Я. Крайванова рассказывает об этих событиях, не называя расстояние [7, с. 27]; Л.Г. Бескровный говорит о 7 километрах [6, с. 295]. В работах Е.И. Корнейчика и Н.А. Троицкого бой представляется как начавшийся сразу у Островно [5, с. 29; 9, с. 96].

В работах дореволюционных исследователей можно найти подробное и последовательное описание не только боя, но и описание дислокаций войск противников и топографическое описание занимаемых позиций. Развитие же боевых действий 13 (25) июля в работах советских исследователей существенно различается. Описание боя практически во всех работах, за исключением Л.Г. Бескровного [6, с. 295], носит отрывочный характер, не дающей общей картины произошедших боевых действий. Общим фактом можно выделить лишь то, что командование при Островно французскими войсками осуществлял Мюрат. Под его руководством французским войскам только с помощью артиллерии, втрое превосходящими силами к вечеру с большим трудом сломили сопротивление корпуса Остерман-Толстого, на смену которому на рассвете 14 (26) июля подошла пехотная дивизия генерала П.П. Коновницына.

К этому времени, по свидетельству М.И. Богдановича [2, с. 197] и А.И. Михайловского-Данилевского [1, с. 281] силы Остермана-Толстого находились уже в восьми верстах от Островно в д. Куковячино. Это же подтверждает Е.В. Тарле [4, с. 85]. Однако Е.И. Корнейчик и Л.Г. Бескровный утверждают, что расстояние между Островно и Куковячино равно восьми километрам [5, с. 29; 6, с. 296]. Исследователи И.Я. Крайванова, П.А. Жилин, Н.А. Троицкий не разделяют этих взглядов и оставляют войска на прежних местах в Островно [7, с. 29; 8, с. 110; 9, с. 96].

Так же можно встретить разные варианты судьбы остатков корпуса Остерман-Толстого. В то время как М.И. Богданович и В.И. Харкевич просто упоминают о переводе частей Остермана-Толстого в арьергард Коновницына [2, с. 197; 3, с. 184], И.Я. Крайванова пишет о переводе их в резерв дивизии Коновницына и участии в бое 26 июля на правом фланге русских войск [7, с. 29]. Е.В. Тарле придерживается другого мнения и говорит о подключении остатков корпуса Остерман-Толстого к дивизии Коновницына только к ночи 26 июля, незадолго до воссоединения с армией Барклая [4, с. 85].

Все исследователи признают мужественные усилия русских войск под командованием Коновницына, которые держали свои позиции перед много превосходящими силами противника, что особо подчеркивает Н.А. Троицкий [9, с. 96]. Однако в случае с советскими исследователями, в отличие от дореволюционных, описание самих боевых действий 14 (26) июля отрывисто и не позволяет представить общую картину. Так П.А. Жилин упоминает только атаку дивизий Нансути и Дельзона на позиции дивизии Коновницына, к этому предлагается топографическое описание местности её расположения [8, с. 110]. Е.В. Тарле вторит дореволюционным исследователям и рассказывает об атаках Евгения Богарне и Мюрата, которые к трем часам дня вытеснили дивизию Коновницына с позиций. Победу французских войск в этом бою дореволюционные исследователи и Е.В. Тарле, предписывает решению самого Наполеона, добравшегося в это время до самого боя. По его приказу началось преследование отступавших частей русских [4, с. 86].

Части русской армии понесли серьезные потери, но только В.И. Харкевич приводит округленные данные: свыше 3700 человек [3, с. 192], а Н.А. Троицкий [9, с. 96] и Л.Г. Бескровный [6, с. 296] пишут о конкретных цифрах – 3764 человек. В то же время они приводят разнящиеся цифры по поводу потерь французских войск.

Все исследователи признают героическим поступок, который совершили русские части при Островно: они задержали основные силы французов на 2 дня.

Наиболее полная картина боя при Островно реконструирована в работах дореволюционных исследователей. Но и они имеют небольшие разночтения. Целостную картину боя при Островно невозможно воссоздать, ознакомившись с отдельными советскими исследованиями. Различные интерпретации событий в работах обусловлены, очевидно, использованием историками различных источников.

1. Михайловский-Данилевский, А.И. Описание Отечественной войны 1812 года, Ч. 1/ А.И. Михайловский-Данилевский. – СПб., 1843. – 432 с.
2. Богданович, М.И. История Отечественной войны 1812 года. Т.1 / М.И. Богданович. – М., 1859. – 556 с.
3. Харкевич, В.И. Война 1812 г. От Немана до Смоленска / В.И. Харкевич. – Вильнюс, 1901. – 257 с.
4. Тарле, Е.В. Нашествие Наполеона на Россию / Е.В. Тарле. – М.: Воениздат, 1992. – 304 с.
5. Корнейчик, Е.И. Белорусский народ в Отечественной войне 1812 г. / Е.И. Корнейчик. – Минск: Гос.изд. БССР, 1962. – 117 с.
6. Бескровный, Л.Г. Отечественная война 1812 года / Л.Г. Бескровный. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 611 с.
7. Крайванова, И.Я. Генерал А.И. Остерман-Толстой / И.Я. Крайванова. – М.: Московский рабочий, 1972. – 62 с.
8. Жилин, П.А. Гибель Наполеоновской армии в России / П.А. Жилин. – М.: Изд. «Наука», 1974. – 403 с.
9. Троицкий, Н.А. 1812. Великий год России / Н.А. Троицкий. – М.: Мысль, 1988. – 348 с.

В.В. Ленская **БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В ГОДЫ ВОЙНЫ 1812 ГОДА** **В ИСТОРИЧЕСКИХ ТРУДАХ Е.В. ТАРЛЕ**

Среди литературы по войне 1812 г. заметное место занимают исторические исследования академика Евгения Викторовича Тарле и, прежде всего – «Наполеон», «Нашествие Наполеона на Россию», «Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат», предисловие и редактирование первых томов многотомной истории 19 века французских авторов, предисловие к «Избранным произведениям Наполеона» и др. Монографии Е.В. Тарле вызвали большой резонанс в научном мире и были переведены на все европейские языки. Написанные в 1930-е гг., когда в европейских странах к власти пришли фашисты и нацисты, стремящиеся перекроить мир по своим политическим лекалам, труды историка выполняли соци-

альный заказ с тем, чтобы дать понять потенциальным агрессорам, какой финал ожидает всякого, кто возьмет на себя смелость вторгнуться в СССР. Не случайно, книга «Нашествие Наполеона на Россию» была переиздана в самый разгар Великой Отечественной войны в 1943 г.

В контексте советского времени, именуемого сталинской эпохой, автор придерживается исключительно русскоцентричной концепции историописания войны 1812 г. В предисловии к монографии «Нашествие Наполеона на Россию» 1943 г. издания, Е.В. Тарле пишет: «Новое издание моей книги, посвящённой истории нашествия Наполеона на Россию в 1812 г., выходит во время борьбы нашего народа против попытки презренного и жестокого врага истребить русский народ и овладеть его достоянием... Никогда за всю новую историю русскому народу не приходилось до той поры обороняться от такого могучего агрессора, как Наполеон. И Россия повергла в прах напавшего на неё великана» [5, с. 435].

Как видим, за обобщённым понятием «русский народ» все остальные народы, ковавшие победу в обеих отечественных войнах, отходят на второй план. Тем не менее, ход войны 1812 г. и документально-фактический материал, приводимый в этой и других книгах, указывают на то, что именно белорусская земля первая приняла удар агрессора, ослабила силу неприятеля и стала началом заката наполеоновского могущества. Белорусские города Витебск, Могилёв, Орша, Полоцк и другие стали вехами крестного пути Наполеона и его армии на Голгофу, чего они, конечно, в то время не представляли даже в страшном сне.

Вообще-то говоря, войну Наполеона против Российской империи условно можно назвать «странной войной». В течение пяти лет – с 1807 по 1812 гг. – шли удивительные дипломатические игры на уровне императоров, в которых Наполеон шёл на серьёзные территориальные уступки российскому царю. Е.В. Тарле приводит слова Наполеона о том, что «император Александр, проиграв две войны, которые вел против меня, приобрел Финляндию, Молдавию, Валахию и несколько округов в Польше» [5, с. 451–452].

Договорившись в Тильзите с русским императором о переделе Европы, Наполеон надеялся полюбовно решить вопрос о соблюдении Россией блокады Англии и введении благоприятных таможенных тарифов на французские товары и увеличении их доли на российском рынке. А для сговорчивости царя Наполеон использовал польскую проблему, планируя создать на границе с Российской империей вассальное государство из собственно польских, литовских, белорусских и украинских земель, как плацдарм для нападения на Россию. Как менялось настроение Наполеона по отношению к России с мая по август 1811 г., свидетельствуют две встречи французского императора с российскими уполномоченными. Генерал-адъютанту графу Шувалову он сказал: «Я не хочу воевать с Россией. Это было бы преступлением, потому что не имело бы цели, а я, слава Богу, не потерял ещё головы...» [5, с. 451]. А через три месяца в разговоре с российским послом князем Куракиным Наполеон высказывает определённые признаки агрессии: «Я не думаю о восстановлении Польши, и интересы моих народов этого не требуют. Но если вы принудите меня к войне, я воспользуюсь Польшей как средством против вас...» [5, с. 453]. Из этих и других аналогичных высказываний французского императора Е.В. Тарле делает справедливый вывод о том, что Наполеон не хотел портить отношений с Александром, а хотел с ним договориться. Он стремился к «политической войне», «войне кабинетов» с использованием при необходимости несколько «жестов оружием» [5, с. 257]. Об истинных планах Наполеона поляки, скорее всего, не знали, а если и догадывались, то были рады наивно обманываться, видя во французском императоре «спасителя и отца польского отечества, вос-

кресителя Польши из мёртвых и т.д.» [5, с. 506]. Сами ставшие жертвой екатеринского произвола, поляки проводили аналогичную завоевательную политику по отношению к соседним народам, стремясь восстановить былое могущество за счет Беларуси, Литвы и Украины аж до Чёрного моря. Таким образом, воюя против наполеоновской армии, белорусы и украинцы объективно воевали и против колонизации своих земель, ибо из двух зол – России и Польши – последнее для наших народов на то время было худшим.

Не добившись нужных результатов в ходе дипломатических переговоров, Наполеон перешёл от слов к делу, переложив вину за начало войны на Александра. В воззвании к своей армии, написанном за два дня до начала военных действий, французский император заявил: «В Тильзите Россия поклялась в вечном союзе с Францией и клялась вести войну с Англией. Она теперь нарушает свою клятву...» [5, с.475]. Наказание «клятвопреступницы» началось 24 июня 1812 г. Всего «великая армия» насчитывала 600 тысяч человек и 1372 орудия, а в полосе вторжения примерно 412 тысяч, что в три раза превосходило разьединённые вооружённые силы Российской империи. [2, с. 142].

Академик Тарле считает, что «Александр был от природы органически лишён понимания войны и военного дела» [5, с. 490]. Отсюда масса нелепых ошибок, совершенных царем в первые дни войны, его бестолковое поведение и, наконец, отъезд из войск по настоятельным просьбам его окружения. Формально командующим всеми вооружёнными силами стал М.Б. Барклай де Толли, стоявший во главе Первой армии, а фактически в них установилось двоевластие, (если не сказать – троєвластие), по причине того, что правильная тактика отступления, проведённая им «с замечательным искусством» [4, с. 93], вызывала сопротивление в войсках, а главное – командующего Второй армией П.И. Багратиона, который жаловался, что он «болен от непостижимых отступлений» [2, с. 147].

Стратегия Наполеона сводилась к тому, чтобы разделаться с обеими армиями уже в Беларуси и, тем самым, вынудить Россию к капитуляции. Однако это осталось только мечтой. Отступление российских войск сопровождалось результативными арьергардными боями у Вилькомира, Островно, Мира, Романово, Салтановки и других местах. Одновременно против неприятеля развернули борьбу белорусские крестьяне, недовольные мародёрством солдат и поборами, которые французский император ввёл через неделю после вторжения. 1 июля он утвердил в Вильно правящую комиссию, которая должна была управлять Литвой и Беларусью, занимаясь изъятием у помещиков и крестьян продовольствия, фуража и прочего. Е.В. Тарле отмечает, что с июля по декабрь 1812 г. Беларусь пришла в состояние полной нищеты. От стихийных солдатских грабежей и официально узаконенных реквизиций страдало население Минской, Витебской, Гродненской и других губерний [5, с. 509]. В ответ жители белорусских городов и сел уходили в леса, угоняли скот, уничтожали посевы, устраивали засады и нападали на французских солдат. Народное сопротивление в сочетании с боями местного значения привели к ощутимым потерям «великой армии». От Немана до Двины она потеряла около 150 тысяч человек [3, с. 260], даже ещё ни разу не вступив в генеральное сражение.

Из всех памятных мест войны 1812 г. на белорусской земле более всего выделяется Витебск, так как обе противоборствующие силы избрали его объектом стратегического назначения. Здесь планировалось объединение двух русских армий, которое было сорвано из-за действий маршала Даву против армии Багратиона. Для Наполеона Витебск стал городом разрушенных надежд, где он стремился дать решающий бой российским вооружённым силам, который по своему значе-

нию затмит Аустерлиц. Но второго Аустерлица не случилось, ибо Барклай де Толли принял решение отступить к Смоленску, где, в конце концов, обе российские армии соединились. От отчаяния и бездействия у Наполеона родилась здравая мысль «прервать в Витебске эту странную, ни на что не похожую кампанию» [5, с. 523]. Но иллюзии и миражи манили французского императора дальше на восток. Двухнедельное пребывание Наполеона в Витебске обернулось для его жителей неслыханным бедствием. Е.В. Тарле приводит свидетельство жителя, пережившего дни оккупации. Тот нарисовал следующую картину: «Горящие вокруг селения и предместья города, улицы, устланные ранеными и мёртвыми, поля, умященные человеческой кровью и усеянные множеством трупов, грабёж, насильствования и убийства обезоруженных жителей...» [5, с. 524]. Подтверждение этому свидетельству находим в «Дневнике Павла Пущина», который пишет о массовых пожарах в Витебске [1, с. 53].

Накануне своего дня рождения французский император покинул несчастливый для него город в поисках сражения, ради которого готов был идти «до святого города Москвы и выиграть его, а потом заключить мир с Александром у Московских ворот» [5, с. 528]. Но на поверку оказалось, что путь от Витебска до Москвы и обратно стал одной большой братской могилой для французской армии.

На счастье жителей Витебска остатки отступающей «великой армии» повторно не вошли в город, так как её опередили российские войска, что тоже было весьма обременительно для населения.

Победа российской армии над французскими войсками стала величайшим событием и изменила жизнь всего общества.

1. Дневник Павла Пущина. 1812–1814 / П.С. Пущин; подгот. В.Г. Бортневский. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1987. – 222 с.
2. Жилин, П.А. Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов: жизнь и полководческая деятельность / П.А. Жилин. – 3-е изд., доп. – М.: Воениздат, 1987. – 368 с.
3. История 19 века в восьми томах / под ред. проф. Лависса и Рамбо; пер. с фр. – 2-е изд. – М.: ОГИЗ. Государственное социально-экономическое изд-во, 1938. – Т.2.: Время Наполеона. 1800–1815. – 580 с.
4. Маркс, К. Собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 14. – С. 93.
5. Тарле, Е.В. Сочинения в двенадцати томах / ред. кол. А.С. Ерусалимский (гл. ред.), Н.М. Дружинин [и др.]. – Т. 7. / редактор М.В. Нечкина. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 868 с.

С.А. Тихомиров
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
ЭПОХИ НАПОЛЕОНОВСКОГО НАШЕСТВИЯ
(по материалам Государственного архива Вологодской области)

Отечественная война 1812 года является одним из знаменательных событий в русской истории, под знаком которого в России прошла вся первая половина XIX столетия. Это был рубеж, который делил жизни людей на довоенный и послевоенный периоды, и так продолжалось, пожалуй, до Крымской войны, когда у следующего поколения появился свой рубеж. Историческая память нации избирательна: победы, как правило, остаются в народной памяти, тем более что этому способствует и государство в лице своего аппарата, время от времени иницилирующее юбилейные мероприятия. Если говорить об обыденном сознании, то благодаря, главным образом, литературным произведениям и воспоминаниям участников войны события 1812 года всегда были окутаны для русского народа дымкой романтики. Официальные источники, которые составляют основу фондов любого

государственного архива, помогают увидеть новые грани событий и механизмы их совершения, многочисленные организационные сложности, которые приходилось преодолевать их участникам.

Весь комплекс документов по истории Отечественной войны 1812 года, сосредоточенных в фондах Государственного архива Вологодской области, по видовому признаку можно разделить на две неравные группы. Самая объёмная группа – это делопроизводственные документы органов государственного управления, городского, земского, сословного самоуправления, различных учреждений военного, духовного ведомств, системы образования и других. Ко второй, сравнительно небольшой по составу группе, следует отнести документы личного происхождения: переписка, воспоминания участников войны, которые сосредоточены в личных фондах.

Так как Государственный архив Вологодской области располагает в основном делопроизводственными документами по истории войны, созданными на тыловой территории, по ним можно увидеть лишь некоторые её стороны. Любая война в делопроизводственных документах предстает в несколько ином виде, чем та же война в источниках более субъективного характера, какими являются документы личного происхождения. Делопроизводство – это вообще довольно самостоятельная сфера, внутри которой происходят действия связанные с составлением бумаг, отдаются приказы, пишутся отношения, донесения, рапорты, отчёты. В делопроизводственных документах наиболее чётко проступает организаторская роль власти в событиях, тем более что в этих документах отражаются отношения соподчиненности. Разумеется, судить о таком событии как война 1812 года по какому-то одному виду источников нельзя, это совершенно искажает картину и без того весьма неполную. Употребляя термин «война», обычно подразумевают не только боевые действия и их участников, но так же общество и государство в годы войны.

По содержанию (по тематическому признаку) документы можно систематизировать в большое количество групп, в зависимости от задач исследования.

Поскольку одной из главных функций губернского уровня власти в начале XIX века было доведение до сведения населения Императорских указов, Манифестов царя, указов Правительствующего Сената, предписаний министерств и ведомств, то копии этих законодательно-нормативных документов, выпущенных по различным поводам в 1812 году и позднее, сохранились в архивных фондах в большом количестве, породив и основной объём переписки по их прохождению по инстанциям и исполнению. В качестве примера возникновения такого ряда документов можно привести Указ Правительствующего Сената от 1817 года об учреждении бронзовой медали в память войны 1812 года, прошение тотемского купца Холодилова о награждении его медалью и Указ Сената о его награждении [1]. Следует отметить, что купец Холодилов был одним из немногих жителей Вологодской губернии, награжденных этой медалью.

Одним из явлений повседневности войны 1812 года были наборы в народные ополчения и в различные военные подразделения. Наборы в ополчения были организуемы губернскими властями по указанию из Санкт-Петербурга. В фонде Вологодской городской Думы сохранилось распоряжение Вологодского гражданского губернатора Н. И. Барша о формировании народного ополчения от 17 июля 1812 года (по старому стилю) [2], списки воинов ополчения [3]. В фонде Вологодской духовной консистории сохранились прошения о зачислении в ополчение семинаристов, служащих духовных правлений, послушников монастырей [4].

Кроме документов, свидетельствующих о всеобщем желании и порыве встать на защиту Отечества, история сохранила свидетельства о том, что первона-

чально вербовка дворян на военную службу шла не совсем гладко. Согласно переписке Вологодского губернатора с Военным министерством, которое испытывало дефицит в кадрах офицеров для сопровождения рекрутских партий, известно, что из вологодских дворян, призванных на эту службу никто вовремя к месту не явился [5]. Губернатор даже вынужден был обратиться к губернскому предводителю дворянства с письмом, в котором были следующие строки: «Монаршее повеление, последовавшее о скорейшем сборе рекрут по 83 набору по привлечение их в место назначения, и что по неимению при здешнем батальоне в достаточном количестве обер-офицеров, к препровождению рекрутских партий на основании того же повеления должны быть назначены дворяне, из которых, однако, в срок никто не явился» [6]. Возможно, такая тыловая служба не привлекала вологодских дворян.

Как свидетельствуют документы, мещане и крестьяне попадали в ополчение и различные военные отряды не всегда по собственному желанию. На это указывают документы о принятии в ополчение мещан города Вытегры, где согласно переписке некоторые мещане вступали в ополчение, спасаясь от кредиторов [7]. В фонде Вытегорской городской думы сохранились три свидетельства, выданные Олонецкой уголовной палатой городскому мещанскому обществу о взятии опытных охотников, метких стрелков с исправным оружием в Санкт-Петербургское ополчение: например, «Свидетельство [дано] Олонецкой губернии города Вытегры мещанскому обществу в том, что принят с оного мещанин Денис Степанов из упражняющихся в стрельбнии зверей и птиц для причисления его стрелком к тому ополчению, которое в С<анкт> Петербурге противу неприятеля вторгнувшегося в пределы России составляется, приметями же тот стрелок: Лицом смугловат, рябоват и веснушки природные, глаза карие, волосы на голове темнорусые, а на бороде такие же проседают, 27 лет, 2 ар<ина> 5 с половиной вер<шков>, холост. Во уверение чего и дано сие (свидетельство) в городе Вытегре. (июля) Августа 24 дня 1812 года. Статский советник Башинский» [8].

Архивные документы сохранили многочисленные данные о пожертвованиях вологжан на обмундирование ратников, сделанных в 1812–1814 годы. До исследователей дошли ведомости, списки жертвований. В качестве жертвователей выступали представители различных социальных групп: мещане, крестьяне, купцы, дворяне, священнослужители. Причём пожертвования были довольно значительны в сравнении с личными капиталами жертвователей, то есть были истинными жертвами с их стороны. В частности, епископ Вологодский и Устюжский Евгений (Болховитинов) пожертвовал 500 рублей на организацию ополчения [9]. В фонде Вологодской духовной консистории сохранились так же рапорты благочинных о пожертвованиях священнослужителей и прихожан [10].

По формулярным и послужным спискам чиновников и дворян Вологодской, части уездов Новгородской и Олонецкой губерний можно выявить лиц, принимавших участие в сражениях с французами именно в 1812 году. Однако их было не так много, как ожидалось увидеть. Так что, когда в 1912 году Министерство внутренних дел искало по губерниям для участия в официальных торжествах участников военных событий 1812 года, и Бородинского сражения, в Вологодской губернии таковых не оказалось. А их ближайших родственников по мужской и женской линиям, согласно архивным документам, нашлось очень не много [11].

Свет на судьбы рядовых и нижних чинов, участников сражений, после окончания войны проливают документы, связанные с назначением им пенсий и пособий. При знакомстве с некоторыми из них всплывает в памяти история капитана Копейкина из гоголевских «Мертвых душ», который безуспешно добивался

назначения пенсионного обеспечения за увечья, полученные в боях с неприятелем. А ему все отказывали, мотивируя это тем, что пока государь-император не вернется из заграничного похода и не отдаст соответствующих распоряжений, ничего сделать нельзя. И действительно, Комитет по сбору пожертвования в пользу раненых и увечных воинов был создан лишь в 1814 году. Вологодские купцы и помещики откликнулись на инициативу общественной помощи воинам. По документам отмечаются случаи пожертвования целых имений в пользу комитета [12]. Имение должно было поступить в ведение Комитета после смерти владельца и его ближайших родственников. Комитет уведомлялся о таких пожертвованиях, и в дальнейшем следил за судьбой таких имений через губернские палаты, и охранял от поползновений наследников, желавших продать или заложить имение (например, пожертвование М. Д. Тугариновой) [13].

Имеются списки военнопленных французов, размещенных на территории Вологодской, Новгородской, Олонецкой губерний и переписка по их пребыванию, размещению и надзору за ними. Они размещались, по всей видимости, только в городах. География размещения пленных весьма широка: от Вытегры до Грязовца и от Устюжны до Вельска. Пленные французы начали поступать в Вологодскую губернию еще до начала 1812 года, это были, вероятно, солдаты, взятые в плен в результате сражений на территории Европы.

В архивах хранятся документы не только периода Отечественной войны, но и документы, содержащие информацию по интерпретации событий этой войны в последующие годы, вплоть до наших дней. В частности столетний юбилей войны 1812 года стал поводом для изучения этих событий Обществом изучения Северного края.

Что касается документов личного происхождения, то в архиве сохранилось письмо вологодского помещика А.И. Дружинина военному историку А.И. Михайловскому-Данилевскому с воспоминаниями о героической гибели одного из лучших и талантливейших полководцев той поры генерала Я. П. Кульнева, свидетелем которого он был [14], написанными в 40-х годах XIX века.

Таким образом, раскрывая вопрос об отражении событий эпохи наполеоновского нашествия в провинциальном документальном наследии, следует отметить, что государственные архивные коллекции обладают достаточным корпусом источников, чтобы объективно изучить и сделать вывод об участии внутренних губерний Российской империи в военных действиях 1812–1814 годов. Однако в содержательном отношении все они сообщают отрывочную информацию, требуя поиска источников в федеральных архивохранилищах. Подтверждением тому, например, выступает отсутствие в Государственном архиве Вологодской области документов об эвакуации в Вологду ценностей Московского Кремля.

1. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 286. Л. 94–95 об., 101.
2. ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 60. – Л. 1–2 об.
3. ГАВО. – Ф. 917. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 4–7 об.
4. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 1. – Д. 6633. – Л. 36.
6. ГАВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 193. – Л. 47–62.
7. ГАВО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 16.
8. ГАВО. – Ф. 1064. – Оп. 1. – Д. 371. – Л. 13–15.
9. ГАВО. – Ф. 1064. – Оп. 1. – Д. 371. – Л. 13.
10. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 1. – Д. 6633. – Л. 10.
11. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 1. – Д. 6633. – Л. 78–92 об.
12. ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 6798.
13. ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 415.
14. ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 6798. – Л. 92–92 об.
15. ГАВО. – Ф. 671. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 2–8.

Т.А. Якубова
БИОГРАФИИ М.И. КУТУЗОВА И М.А. МИЛОРАДОВИЧА
ПО МАТЕРИАЛАМ ИНСТИТУТА РУКОПИСЕЙ И ОТДЕЛА
БИБЛИОТЕЧНЫХ СОБРАНИЙ И ИСТОРИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ УКРАИНЫ ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО

Библиотечные фонды Национальной библиотеки Украины имени В.И.Вернадского (НБУВ) сохраняют малоизвестные источники, в которых отображены страницы биографий героев войны 1812 года М.И. Кутузова и М.А.Милорадовича. Жизнь этих военачальников тесно связана с такими городами как Киев, Измаил, Белгород, Очаков.

Военная карьера М.И. Кутузова началась в эпоху Екатерины II. М.И. Кутузов – участник обеих русско-турецких войн (1774–1768 гг. 1787–1791 гг.). В 1782 г. по представлению А.В. Суворова М.И. Кутузов производится в бригадиры, а в 1784 г. получает чин генерал-майора. В 1784 году ему поручается формирование Бугского егерского корпуса, а после формирования – командование им. В приказах и инструкциях М.И. Кутузова сформулированы главные положения, которые легли в основу развития тактики егерских войск. В 1787 году началась новая война с Турцией. Кутузов в начале войны своим «передним корпусом» прикрывал русскую границу по Бугу, а затем его корпус участвовал в осаде Очакова. Здесь М.И. Кутузов был тяжело ранен, но поправившись, возвратился в армию, участвовал во взятии Аккермана и Бендер, а затем в сражении при Каушанах и в штурме Гаджибея. В 1790 году М.И.Кутузов принимает участие в легендарном штурме Измаила, командуя 6-й колонной [1, с. 793].

Участие М.И. Кутузова в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. на территории Северного Причерноморья способствовало тому, что М.И. Кутузов приобрел на практике знания о военном деле турок. Он стал одним из лучших военных специалистов Российской империи, который хорошо знал Турцию, ее историю, язык, нравы и обычаи.

В Институте рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского сохраняется рукописный документ: «Крепость Св. Елизаветы. Переписка о содержании турок, взятых под крепостью Березань и о довольствовании их из экстраординарных сумм, согласно предписанию Голенищева-Кутузова. Оригиналы и черновики. 1789 год. Дело №322. 1789. Бога января 31-го». В документе отмечено, что 154 березанских турка, которые попали в русский плен в 1788 году на о. Березань возле турецкой крепости Очаков, находились в распоряжении М.И. Голенищева-Кутузова. В документе содержится письмо от 20 декабря 1788 года от генерал-майора Ивана Петерсона к коллежскому советнику, кавалеру Павлу Никифоровичу Шарову. В письме отмечается, что Г.А. Потемкин взял на о. Березань возле турецкой крепости Очаков в плен турецкого пашу и группу турок. Березанских турок расположили согласно приказу Г.А. Потемкина в новопостроенных палатах генерального госпиталя в г. Елисаветград. В феврале 1789 года в Елисаветград регулярно посылались рапорты о содержании в Елисаветградском госпитале березанских турок и предоставлении им провизии. Тексты этих рапортов представлены в данном рукописном документе [2, с.10].

Одним из первых, кто заметил дипломатические способности М.И. Кутузова был А.В. Суворов, который в 1783 году вел в Крыму переговоры с крымскими татарами, стремясь укрепить там влияние России. Речь шла о том, чтобы поддержать хана Шагин-Гирея против Девлет-Гирея. А.В. Суворов, не любивший заниматься дипломатией, поручил ведение этих дел М.И. Кутузову. Дипломатиче-

ские способности М.И. Кутузова, его знание Турции высоко оценила Екатерина II, назначив М.И.Кутузова чрезвычайным и полномочным послом в Турцию (1792–1794гг.) [3, с. 139].

В 1794 году по возвращении из Константинополя М.И. Кутузов был назначен главным директором Сухопутного кадетского корпуса. За поход 1805 года М.И. Кутузов был награжден в феврале 1806 года орденом Св. Владимира первой степени. В октябре 1806 года он назначен военным губернатором в Киев с подчинением и гражданских дел. На этом посту М.И. Кутузов оставался до апреля 1808 года. После был назначен в Молдавию в армию, во главе которой стоял престарелый князь Прозоровский в качестве его помощника.

В 1806-1807 гг. из Киева в Петербург М.И. Кутузов посылал теплые письма жене Екатерине Ильиничне. В этих письмах он пишет о своих заботах на посту военного губернатора в Киеве и рассказывает известия о Наполеоне. В отделе библиотечных собраний и исторических коллекций НБУВ сохраняется журнал «Русская старина» (Том III, СПб, 1871), в котором напечатан «Архив князя М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского(1745–1813)», который принадлежал правнуку М.И. Кутузова О.К. Опочинину. В этом журнале напечатаны «Письма М.И. Голенищева-Кутузова к жене. 1800–1808». 20-го декабря 1806 года Кутузов писал из Киева: «Я мой друг, слава Богу, здоров, но не могу сказать что весел – хлопот много. Неприятные известия, которые вы прежде нас всегда знаете, делают, что все печальны. К чести поляков сказать должно, что и они сие искренно с нами разделяют...». Письмо М.И. Кутузова из Киева жене от 18 марта 1807 г.: «Были от Бонапарте прокламации, что перейдет за Вислу, и второе, что оставляет Польшу. Первое для того, чтобы усыпить армию нашу, а второе, что бы усыпить кабинеты, и ни того ни другого не делает. В Молдавии заботятся об Измаиле. В Дунай уже пошла флотилия наша...» [4, с. 49–50].

В этом же журнале напечатана статья П.О.Карабанова «Статс-дамы русского двора в XVIII и XIX столетиях». В статье отмечается, что светлейшая княгиня Екатерина Ильинична Голенищева Кутузова-Смоленская (1754–1824), супруга генерал-фельдмаршала князя Михаила Илларионовича, дочь инженер-генерала-поручика Ильи Андреевича Бибикова и 2-й супруги его Варвары Никитичной Шишковой. Светлейшая княгиня Екатерина Ильинична в супружество вступила 27 апреля 1778 г. В кавалерственные дамы Св. Екатерины пожалована 5 апреля 1797 г. В статс-дамы пожалована 30 августа 1812 года в награду за труды ее супруга М.И. Кутузова, по случаю Бородинской битвы. По смерти ее мужа (16 апреля 1813) рескриптом из Дрездена от 25 апреля 1813 г. на ее имя определено ей все содержание, которое получал ее муж. Рескриптом от 4 декабря 1813 года на имя министра финансов Гурьева пожаловано ей в пенсион полное заграничное содержание ее супруга, из 86000 руб. ассигнаций состоявшее. Екатерина Ильинична Голенищева-Кутузова скончалась 23 июля 1824 года и погребена в церкви Невского монастыря [5, с. 276–277].

В 2006 году исполнилось 235 лет со дня рождения героя Отечественной войны 1812 года Михаила Андреевича Милорадовича, которого высоко ценил М.И. Кутузов. Одним из малоизученных отрезков жизненного пути генерала является киевский период его деятельности. М.А. Милорадович был генерал-губернатором в Киеве с 1810 по 1812 год. В марте 1812 года генерал-губернатор занимался размещением в уездных городах военнослужащих, отставших из-за болезни от своих полков, которые уже начали мобилизацию. Под его неусыпным надзором проводилось распределение больных солдат и офицеров по губернским госпиталям, обеспечение им необходимого ухода и своевременное возвращение в

формирования выздоровевших. В июле 1812 г. Милорадович получил письмо от Александра I, в котором ему поручалось мобилизация полков Левобережной, Слободской Украины и юга России для расположения оных между Калугою, Волоколамском и Москвою. М.А. Милорадович покинул Киев, поручив руководство губернией гражданскому губернатору А.Л. Санти. В теплом прощальном письме, отправленном к предводителю дворянства Киевской губернии графу А. Потоцкому, генерал писал: «...Я считаю также неперменным и чрезвычайно приятным для себя долгом благодарить Вас за все те благорасположения и содействия, которые Ваше превосходительство никогда не преставали мне оказывать при всяких случаях... по предметам управления губерниею» [6, с. 1–2]

В Киеве в Национальной библиотеке Украины имени В.И. Вернадского во французском библиотечном фонде был найден экслибрис «Библиотека графа Милорадовича», который находится на французской книге «Nouveau manuel de Bibliographie universelle.–P.: Libr.Encyclop. de Roret. 1857». Милорадовичи – дворянский род, который происходил от двух братьев Михаила и Гаврилы, выходцев из Сербии. В XVIII веке Милорадовичи на Украине занимали высшие военные и административные должности. Михаил Андреевич Милорадович (1771–1825) – граф, генерал от инфантерии, участник суворовских походов XVIII века, командир корпуса в войне против Турции (1806–1812). В Отечественной войне 1812 года он командовал авангардом русской армии при преследовании Наполеона. Во время восстания декабристов петербургский генерал-губернатор М.А. Милорадович был смертельно ранен декабристом Каховским.

После празднования в 1871 году столетнего юбилея со дня рождения М.А. Милорадовича императорский указ возвел старшего рода Григория Александровича Милорадовича в «графское достоинство, дабы увековечить в потомстве память о заслугах престола и Государству графом М.А.Милорадовичем». Граф Григорий Александрович Милорадович (1834–1905) – генерал-майор. На экслибрисе «Библиотека графа Милорадовича» изображен дворянский герб Милорадовичей. Девиз герба: «Без страха и упрека». Герб Милорадовичей означает взятую предком Милорадовичей крепость и верность, как высшее качество человеческой души, которое определяет силу воинского духа. Герб графа Милорадовича внесен в Часть 12 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи.

В Национальной библиотеке Украины имени В.И.Вернадского хранится книга «Г. Милорадович. Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича. СПб. Издание книжного склада В.А.Березовского, 1886» [7, с. 156]. В этой книге напечатано стихотворение поэта Ив. Карпицкого, написанное 21 сентября 1877 г. в деревне Сгалевица в Болгарии, в котором автор обращается с поэтическими строками к графу Григорию Александровичу Милорадовичу:

Узнайте граф, кто был такой
Герой двенадцатого года.
С такой великою душой?
Кого так создала природа?
То был герой битвы и побед
Молвой прославленный в народе, –
То Милорадович, ваш дед,
Как Ангел добрый по природе.

В журнале «Русская старина» напечатана заметка редакции «О столетнем юбилее дня рождения графа Михаила Андреевича Милорадовича». В тексте говорится следующее: «1-го октября 1770 г – как значится в надписи на надгробной

плите гр. Милорадовича – есть день его рождения. 1-го октября 1870 – истекает ровно сто лет с этого дня. Рыцарская личность графа Михаила Андреевича Милорадовича, его доблести на ратном поле стяжали ему при жизни чувства беспредельной любви и уважения от его сподвижников, от всего русского воинства... Имя его сделалось славно по всей Руси...

Напоминаем тем из современных представителей военного сословия, которые дорожат преданиями славной нашей армии, о необходимости достойным образом ознаменовать приближающийся день столетнего юбилея рождения одного из славнейших на Руси героев отечественной войны» [8, с. 794]. Граф М.А.Милорадович спустя сто лет после своего рождения оставался для общества Российской империи ярким героем войны 1812 года, неподдельный героизм и патриотизм которого так восхищали М.И. Кутузова.

Библиотечные фонды Национальной библиотеки Украины имени В.И.Вернадского имеют значительный массив исторической литературы: историографии, исторических источников, которые содержат малоизвестный исторический материал для дальнейших перспективных исследований темы о героях войны 1812 года.

1. М.И. Кутузов. Документы. Том I. / под ред. П.Г. Бескровного. – Москва, 1950. – 793 с.
2. ИРНБУВ. Ф.ІХ. №21051-21055 – С.10.
3. Муньков, Н. М.И. Кутузов. Дипломат. / Муньков Н. – М.: Из-во Соц.-эконом. литературы, 1962. – 139 с.
4. Архив князя М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского (1745–1813). Письма М.И. Голенищева-Кутузова к жене 1800–1808 // Русская старина. Том III. – СПб., 1871 – С. 49–60.
5. Статс-дамы русского двора в XVIII и XIX столетиях. Биографические списки П.О. Карбанова // Русская старина. Том III. – СПб, 1871. – С. 276–277.
6. Михаил Андреевич Милорадович, как киевский военный губернатор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://Magdalena.ucoz.ua/publ/7-1-0-5>.
7. Милорадович, Г. Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича / Г. Милорадович. – СПб.: Издание книжного склада В.А.Березовского, 1886. – 156 с.
8. О столетнем юбилее дня рождения графа Михаила Андреевича Милорадовича // Русская старина. – Июнь 1871. – Спб., 1871. – С. 794.

А.Н. Дулов, Д.В. Юрчак **РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВОЙНЫ 1812 Г. В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКАХ** **ПО ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ ДЛЯ ШКОЛЫ И ВУЗА**

Учебники являются важным источником исторических знаний. В год юбилея войны 1812 г. представляется актуальным анализ репрезентаций данного события в учебниках (учебных пособиях) по истории Беларуси для средней школы и высших учебных заведений. На данный момент, в связи с переходом к новой системе преподавания истории в школе, связанным с отказом от изучения дисциплины по концентрикам, используются новое пособие для 9-го класса [1], а также (последний учебный год) пособие для 11-го класса [2]. Основными учебными изданиями для студентов неисторических специальностей вузов, имеющими гриф Министерства образования, являются учебник под редакцией профессора Е.К. Новика [3] и учебное пособие Я.И. Трещенка [4]. Парадоксально, но за более чем 20 лет независимости в стране так и не появился учебник (пособие) с министерским грифом для студентов исторических факультетов. Цель работы: проанализировать репрезентации войны 1812 г. в ныне действующих школьных и вузовских учебниках и учебных пособиях, имеющих гриф Министерства образования Республики Беларусь.

В качестве критериев для сравнения нами избраны: информация о положении на белорусских землях накануне войны; о ходе боевых действий летом

1812 г.; о мероприятиях властей на занятых Великой армией территориях; о реакции местного населения; о военных событиях осени 1812 г.; последствиях и значении войны для Беларуси. В комплексе анализ раскрытия в текстах учебников (учебных пособий) данных аспектов войны позволяет выявить концептуальные авторские подходы к освещению событий 1812 г. в истории Беларуси.

Итоги в развитии школьной учебной литературы по истории Беларуси периода Российской империи на сегодняшний день отражены во втором, дополненном и пересмотренном издании учебного пособия Светланы Валентиновны Морозовой, Владимира Аркадьевича Сосны, Сергея Вениаминовича Панова для 9-го класса (первое издание 2005 г. предназначалось для 8-го класса 12-летней школы). Параграф «Беларусь у вайне 1812 г.» написан известным методистом С.В. Пановым. В данном учебнике, в отличие от многих предыдущих, обращено внимание на проект восстановления Великого княжества Литовского под эгидой России – т.н. «план Огинского». Впервые в учебном пособии по истории Беларуси сказано, что 10 июня Франция объявила войну России. Автор отказался от ошибочного утверждения про трехкратное численное преимущество войск Наполеона в начале войны. Отмечено, что во время отступления российские войска применяли т.н. «скифскую тактику» или тактику «выжженной земли».

Из героев войны в пособии фигурируют Н. Раевский, Я. Кульнев, Н. Дурова. Автор не использует понятие «партизанское движение». Деятельность крестьян д. Жарцы характеризуется как борьба одного из отрядов самообороны, создававшихся в поветах Витебской губернии. Подчеркнуто присутствие рекрутов из белорусских губерний в русской армии, их участие в Бородинской битве. Текст написан «живым» языком. Удачно использованы отрывки из документов. В рубрике «Культурно-историческая среда» даны сведения о М.К. Огинском, Т. Нарбуте – участнике создания проекта Бобруйской крепости, К.А. Шильдере, который занимался в 1812 г. укреплением названной крепости, а в дальнейшем прославился как военный инженер-изобретатель. Таким образом, материал в учебном пособии изложен достаточно объективно, методически грамотно и доступно для восприятия учеников, а также хорошо проиллюстрирован.

Контрреформа, связанная с откатом к 11-летней школе, нанеся серьезный удар по системе преподавания истории, породила переходное учебное пособие для 11-го класса под редакцией профессора Евгения Константиновича Новика. Фактически, он представляет собой новую редакцию прежнего пособия. В отличие от предыдущих изданий, в которых авторы обошли внимание войну 1812 г., материал о ней в новую редакцию включен. Здесь упомянут план Огинского, а вот план Фуля трактуется неточно. При изложении материала автор – специалист по истории XIX в., доцент БГУ Валентина Анатольевна Теплова, приводит даты событий по старому и новому (в скобках) стилю. Это, безусловно, корректно с научной точки зрения, однако, наряду с перегруженностью фактологией, усложняет восприятие текста. В учебнике упомянуто про создание Наполеоном правительственного органа ВКЛ, при этом отказ от восстановления Речи Посполитой трактуется не только как желание императора оставить поле для маневра в отношениях с Александром I. По мнению автора, «Литовско-белорусская шляхта не хотела объединяться с Польшей, потому что мечтала о создании самостоятельного государства. Поэтому Наполеон не присоединил территорию Великого княжества Литовского к герцогству Варшавскому» [2, с. 33]. С этим можно поспорить.

В пособии также показана неоднозначность отношения населения Беларуси к французам. Говорится о поддержке Наполеона не только шляхтой, но и католической церковью. Подобные же факты со стороны православных иерархов замалчиваются. Возникновение партизанских отрядов объясняется поборами оккупантов, перечислены деревни, где действовали отряды. Показан героизм белорус-

сов в Бородинской битве, перечислены освобожденные осенью города, показан крах Великой армии. В выводе акцент сделан на ущербе, нанесенном французскими войсками Беларуси. Перечислены места, где были установлены памятники в честь победы российских войск. Таким образом, в пособии под редакцией Е.К. Новика предпринята попытка взвешенной подачи материала, однако, не во всех отношениях удачная. Но отказ от изучения истории в школе по концентратам и переход к линейной системе сделал этот учебник ненужным, так как война 1812 г. изучается теперь только в 9 классе.

Студенты неисторических специальностей вузов чаще всего используют учебник под редакцией профессоров Е.К. Новика и Г.С. Марцуля, выдержавший уже несколько переизданий (первое издание в виде учебного пособия увидело свет еще в 1998 г.). На сегодняшний день это единственный вузовский учебник по истории Беларуси с грифом Министерства образования. В целом, текст близок к тексту школьного учебного пособия под редакцией профессора Е.К. Новика. В нём лаконично излагаются события, которые предшествовали войне 1812 г., включая Гильзитский мир, создание Герцогства Варшавского, передачу России Белостокской области, успехи России и Франции на международной арене. Говоря о подготовке к войне, авторы уделили особое внимание численному составу армии Наполеона, строительству Бобруйской и Динабургской крепостей, возведению Дрисского лагеря, рекрутскому набору на белорусских землях. Также авторы пытаются обосновать тезис о настороженном отношении шляхты к реформам Наполеона в Герцогстве Варшавском. В подтверждение этому сказано о проекте возрождения ВКЛ М. Огинского. И в дальнейшем делается акцент на том, что шляхта ВКЛ желала воссоздания собственной государственности под Наполеоном, но независимо от Польши, что также весьма спорно. Довольно кратко для вузовского учебника охарактеризованы боевые действия. В частности указывается расположение русских армий, основные бои, включая сражение у Смоленска и на Бородинском поле.

Уделено внимание отношению местного населения к французской армии. В частности, говорится о том, что шляхта и горожане позитивно или нейтрально восприняли вторжение Наполеона, но затем отношение постепенно изменилось. О первоначальном отношении крестьян к французам авторы не упомянули, но впоследствии сказано, что крестьяне не дождались отмены крепостного права, и, в условиях, когда на их плечи легла тяжкая ноша обеспечения Великой армии, их отношение к французам стало резко негативным. Последнее, в частности, выявилось в создании партизанских отрядов. Уделено внимание и вопросу создания Комиссии ВКЛ. Раскрыты итоги войны (правда, все негативные последствия связываются исключительно с действиями армии Наполеона, а не боевыми действиями в целом), а также затронут вопрос об увековечении памяти о событиях 1812 г. в Беларуси.

Учебным пособием для вузов, рекомендованным Министерством образования Республики Беларусь, является пособие под редакцией доцента Могилевского госуниверситета им. А.А. Кулешова Якова Ивановича Трещенка. Я.И. Трещенок (умер в 2011 г.) являлся ярким представителем западнорусской школы в современной историографии. Война 1812 г. для Беларуси в трактовке Я.И. Трещенка – Отечественная в классическом понимании. «Однако карты Наполеона смешала сила, не учтенная великим полководцем, патриотическое воодушевление и негибкая воля народа России. Уже на территории Беларуси Великая армия столкнулась с сопротивлением не только русской армии, но и всей народной массы» [4, с. 192]. Не смотря на такой, далеко не нейтральный, подход удалось сделать более-менее удачно – рассмотреть расстановку сил накануне войны и дать характеристику плана Фуля. Упомянув о нескольких боях лета 1812 г., Я.И. Трещенок сбился на смакование предательской сущности «польских» помещиков и шляхты, а также восхваление русского патриотизма белорус-

ских крестьян, поднявшихся на борьбу с захватчиками. Воскрешая мифы советской историографии, автор рисует картину развертывания всенародного партизанского движения: «А белорусские крестьяне развернули партизанскую войну против захватчиков. Они предпочитали уничтожать продовольствие и сено, но не отдавать их французам даже за плату. В Восточной Беларуси размах партизанского движения был не меньшим, чем в соседних великорусских губерниях. В партизаны шли целыми селами, включая стариков, женщин и подростков» [4, с. 193]. Война предстает в пособии не трагедией белорусского народа (о потерях речи нет), а лишь дает очередной повод для очернения шляхты. Причем авторские рассуждения преобладают над фактами, также тенденциозно подобранными.

Таким образом, в сегодняшних учебниках и учебных пособиях для школ и вузов по истории Беларуси преобладают собственно белорусские репрезентации событий войны 1812 г. В частности, историки обоснованно отказались от использования понятий «Отечественная война» и «партизанское движение» в отношении событий 1812 г. в Беларуси. Наиболее удачно, на наш взгляд, тема войны 1812 г. раскрыта в действующем учебном пособии для 9-го класса, в котором материал изложен в соответствии с современным уровнем развития научных знаний и, в то же время, методически грамотно. Пересмотр устоявшихся догм вызвал болезненную реакцию у новоявленных западнорусов, которые предложили альтернативные трактовки событий, тенденциозно подходя к отбору и интерпретации фактов, стремясь превратить историю в орудие идеологической борьбы.

1. Марозава, С.В. Гісторыя Беларусі, канец XVIII – пачатак XX ст.: вучэб. дапам. для 9-га кл. устаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. мовай навучання / С.В. Марозава, У.А. Сосна, С.В. Паноў; пад рэд. У.А. Сосны. – 2-е выд., дап. і перагледжанае – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2011.
2. История Беларуси, XIX – начало XXI в.: учеб. пособие для 11-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / Е.К. Новик [и др.]; авт. метод. аппарата В.В. Гинчук; под ред. Е.К. Новика; пер. с белорус. яз. Н.С. Макаревич. – Минск: Изд. центр БГУ, 2009.
3. Гісторыя Беларусі. У 2 ч. Ч 1. Ад старажытных часоў – па люты 1917 г.: падручнік / Я.К. Новік [і інш.]; пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. – 3-е выд., дапрац. і дап. – Мінск: Выш. шк., 2007.
4. Трещенок, Я.И. История Беларуси: в 2 ч. Ч. 1. Досоветский период: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Я.И. Трещенок; науч. ред. М.И. Матюшевская. 2-е изд. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2004.

А.М. Подлипский **ПАМЯТНИК ГЕРОЯМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА** **В ВИТЕБСКЕ**

Пожелания установить памятники в честь погибших воинов в Отечественной войне были высказаны сразу после окончания зарубежных походов русской армии. Однако прошло немало лет прежде чем в 1835 г. было принято решение о том, чтобы «воздвигнуть монументы на главнейших полях сражений вечно достопамятного 1812 года, для проектов же рисункам оным открыть всем российским художникам конкурс». Условия конкурса опубликовала «Художественная газета» в 1836 г.: «... 16 чугунных памятников на важнейших пунктах сражений, разделенных на три класса в отношении к величине и наружному виду, сообразно важности самих сражений или степени влияния оных на последовавшие за ними действия. На Бородино – первый разряд. Второй: Тарутино, Малый Ярославец, Красный, Студянка, Клястицы, Смоленск, Полоцк, Чашники, Кулаково, Ковно. Третий: Салтановка, Витебск, Кобрин, Городечно и Вязьма». Список за ближайшие четыре года несколько уменьшили [1], однако Полоцк, Клястицы, Витебск и Чашники в нем остались. В конце концов был принят проект архитектора Адамини. Однако в Витебске тогда такой памятник так и не был установлен. И к мысли

о сооружении памятника вернулись только накануне 100-летия Отечественной войны. С такой инициативой в 1909 г. выступила незадолго до этого созданная Витебская ученая архивная комиссия (ВУАК), в частности, ее председатель В. Кадыгробов [2]. В том же 1909 г. при ВУАК был создан Особый комитет по чествованию юбилея Отечественной войны 1812 г. В его состав входили В. Афанасьев, И. Колодеев, П. Коссов, А. Стырикович, В. Флейшер [3]. За первый год существования ВУАК (май 1909-август 1910) этот комитет провел три заседания. На них рассматривались разнообразные вопросы и обсуждались меры «к выяснению наличности памятников и позиции армий и определялись с какими учреждениями и лицами необходимо Витебской ученой архивной комиссии войти в сношения, чтобы достойно отпраздновать юбилей войны 1812 г.» [4]. В конце 1910 г. или в начале 1911 г. была создана Соединенная комиссия представителей городского самоуправления и ВУАК по подготовке чествования юбилея Отечественной войны 1812 г. В нее от ВУАК входили В. Кадыгробов, П. Махаев, К. Тихомиров, Н. Серебренников и В. Стукалич. Она решила собирать сведения о сохранившихся в Витебской губернии памятниках, просила члена ВУАК, преподавателя Учительского института Н. Зорина «составить популярную брошюру о значении памятников и издать ее на средства комиссии, а затем разослать ее в как можно большем числе экземпляров». Важным было решение о необходимости «для большого сохранения в памяти потомков снять с памятников фотографии и составить их описание» и «в свое ходатайствовать пред надлежащими властями о денежном пособии» [5].

Соответствующий комитет ВУАК свою работу прекратил, перенеся его в Соединенную комиссию. Важной областью деятельности этой комиссии стала пропаганда предложения ВУАК о сооружении памятника в память героев 1812 года в Витебске. Огромную работу в этом отношении проводил В. Кадыгробов. 26 октября 1910 г. и 22 февраля 1911 г. он выступил с пламенной речью на заседании городской Думы, 25 мая 1911 г. – в дворянском собрании, 4 февраля 1911 г. – на собрании губернского земского комитета и, наконец, 3 мая 1911 г. на заседании «высочайше учрежденной междудементальной комиссии». Выступая, например, перед гласными (депутатами) губернского комитета по делам земского хозяйства, рассматривавших вопрос «О денежном ассигновании на сооружение в г. Витебске памятника героям Отечественной войны 1812 г.». В. Кадыгробов сказал: «Витебская губерния, чрез которую лежал путь Наполеона к сердцу России, в пределах которой произошел целый ряд кровопролитных сражений, так залитой в 1812 г. кровью наших предков, грудью своей защищавших родную страну, не может быть безмолвной во время празднования этого юбилея, не может оставаться к памяти своих героев такой безучастной, какой она была до сих пор. Ведь, несмотря на то, что много тысяч наших предков погибло славной смертью на поле брани в сражениях, происходивших в 12 году в пределах Витебской губернии, как ни больно в этом сознаваться, память их доселе ничем нами не увековечена... Мне могут сказать, что существуют памятники в Полоцке, Клястицах, Сивошине... Да, существуют так же, как и в Смоленске, Бородине, Москве и некоторых других городах <...> Что же мы, витебляне, в этом направлении должны сделать? Должны ли мы построить какое-либо общепольное учреждение или же соорудить нашим героям памятник-монумент? Разумеется, что открытие школ, больниц и т. п. Учреждений в нашей недостаточно культурной стране представляется в высшей степени желательным, так как потребность в них очень велика, но устраняет ли это нашу обязанность соорудить монумент, который явился бы из рода в род идейным выражением доблести героев Отечественной войны и выражением признательности их потомков? Конечно, нет. Если каждый из нас стремится оставить

памятник или хотя бы крест на могиле каждого из своих близких, то неужели мы хотя бы теперь, сто лет спустя, не поставим общими усилиями памятника тем тысячам героев, даже местонахождение могил которых теперь неизвестно <...> Поэтому, думается мне, вопрос об увековечении памяти героев, павших в 1812 г., сооружением им памятника надо решить утвердительно. Где же должен быть сооружен этот памятник? В этом случае, мне кажется, надо остановиться на г. Витебске, который не только является административным центром губернии, куда постоянно приезжают жители уездов, но который вместе с тем был в июле и октябре 1812 г. местом кровопролитных сражений и одно время служил резиденцией самого Наполеона. Избрание г. Витебска местом сооружения памятника является самым желательным и потому, что, повторяю, местонахождение большинства могил героев 1812 года в настоящее время неизвестно, что в Полоцке и Клястицах, где происходили главнейшие сражения в пределах Витебской губ., уже имеются правительственные памятники, и что под Витебском наши потери убитыми и ранеными были более 3,5 тысяч человек».

Затем начались прения. И. Гребницкий не согласился с предложением председателя Ученой архивной комиссии. Он высказался против осуществления остановки «мертвого монумента, который будет где-то забытым стоять». Он предложил создать памятник «живой» – школу, например. Его поддержал С. Лопацинский. Однако, многие поддержали предложение В. Кадыгробова. В. Владимирский, признавая громадное значение памятников, как показателей культурности страны, сослался на пример греков и римлян. «У нас, – сказал он, – много памятников старины в виде церквей, монастырей; пора у нас иметь и культурные памятники». Известный витебский врач И. Сушкевич тоже высказался в пользу монумента. Он, по его мнению, будет «живой книгой», с помощью которой подрастающие поколения будут учиться беспредельной преданности отчизне. В итоге при голосовании большинство присутствовавших высказалось за сооружение монумента и выделение для этих целей 5 тысяч рублей [6].

Патриотические выступления председателя ВУАК получили поддержку практически везде, куда он обращался. К пяти тысячам рублей, выделенных земством, присоединились две тысячи рублей от дворянства, тысяча от православного духовенства, восемь тысяч рублей – от города, 13 тысяч рублей - от межведомственной комиссии. А первый взнос в фонд сооружения памятника (более 12 рублей) сделал капитан 164-го пехотного Закаляевского полка, расквартированного в Витебске, В. Глыбовский. Это был сбор от его публичной лекции о военных действиях на территории Витебской губернии [7]. Еще один взнос (496 рублей) сделал один из первых русских летчиков, лейтенант В. Пиотровский (по одной из версий – уроженец бывшего Лиозненского уезда). Он прочитал публичную лекцию в витебском Гражданском клубе «О завоевании воздуха». Устроенный В. Кадыгробовым в городском театре спектакль труппы Константинова по пьесе «Война и мир» дал чистого дохода 381 рубль, сеанс в кинематографе «Иллюзион», принадлежавший Задорожному – 35 рублей. Две тысячи рублей выделило дворянство губернии. [8]. Сбор средств для сооружения производился и среди всех слоев населения. Как вспоминали старожилы, в определенные дни любой житель города мог сделать свой даже самый скромный взнос. Для этих целей на самом краю Успенской горке (где первоначально предполагалась установка обелиска), был выставлен большой чан, в который бросали монеты или бумажные деньги. Такой добровольный взнос делали очень многие жители города и в первые дни сборов возникали даже небольшие очереди. Активное участие в сборе средств приняли и офицеры и солдаты Витебского гарнизона, отдельные города, уезды и волости

Витебской губернии. Однако необходимых 30 тысяч рублей (именно в такую сумму оценивалось сооружение памятника) не хватило. Решающим оказался взнос казны – 18,6 тысячи рублей.

Еще на первом этапе работы по сооружению памятника было решено отказаться от проекта А. Адамини – во-первых, не хотелось повторяться, а во-вторых, он нравился далеко не всем. И в начале 1911 г. через Петербургское общество архитекторов был объявлен открытый конкурс. Лучшим работам было учреждено три премии: первая в размере 300 рублей, вторая – 200 рублей и третья – 100 рублей.

По истечении срока – 15 марта 1911 г. – основная часть представленных на конкурс проектов была выставлены в городской управе для предварительного знакомства с ними витеблян. Эта выставка вызвала, естественно, огромный интерес. Но вопрос о лучших проекта решала специальная «комиссия судей», в которую вошли известные российские архитекторы. 18 апреля 1911 г. жюри рассмотрело 14 представленных проектов и две модели. Проекты проходили под девизами «Падшим героям», «Aux morts», «Печаль», «15 марта», «Жертвенник», «Шлем», «Обелиск», «Героям», «Красный круг», «Апрель», «Пришли внучат выручать», «Три золотых кружка», «1812», «Два борца на зеленом поле», модели – под девизами «Эскиз» и «Пушка». «При рассмотрении проектов оказалось, что проект под девизом «Апрель» представлен только в виде одного фасада, без прочих чертежей и без сметы, на основании чего комиссия судей решила исключить этот проект из конкурса, тем более, что он и по композиции интереса не представляет, – рассказывала информация в 33-м номере журнала «Зодчий» за 1911 г.; – затем проекты под девизами «Aux morts» и «Павшим воинам» представлены также без требуемой программой сметы, а смета к проекту под девизом «Два борца на зеленом поле» (рис. марки) была доставлена двумя днями позже срока, но комиссия судей нашла возможным не исключать проект из конкурса, так как и без сметы явилось возможным определить стоимость исполнения проекта.

Из остальных проектов были выделены следующие:

1. «Обелиск»: автор правильно понял задачу и красиво ее решил; интересно обработана нижняя часть памятника; проект отличается хорошими пропорциями и отличным исполнением. Исполнение его в натуре едва ли возможно за 15000 рублей, так как указанная в смете цена гранита не может быть применена к столь большим камням, как проектируемый обелиск; если же предположить, что обелиск будет состоять из отдельных камней, то тогда стоимость его может не превышать заданных программой пределов, но при этом возможно, что в цельности замысла проект несколько потеряет, однако без ущерба прочности.

2. «Два борца на зеленом поле» (рис. марки) задуман интересно и по идее соответствует провинциальным постройкам Северо-Западного края того времени; к сожалению, он несколько немасштабен и недостаточно разработан в нижней части.

3. «1812» представлен в виде обелиска, состоящего из отдельных камней, очевидно, для удешевления проекта; немного сложно и безыдейно обработана нижняя часть проекта; в остальном проект хотя и не отличается оригинальностью, но подходит к заданию.

Следующим по достоинству отмечены проекты под девизами «Красный круг», «Aux morts» и «Шлем».

Комиссия судей постановила выдать первую премию в размере 300 рублей проекту под девизом «Обелиск»; вторую премию в размере 200 рублей проекту под девизом «Два борца на зеленом поле» (рис. марки) и третью премию в размере 100 рублей проекту под девизом-рисунком «1812».

По состоявшемуся в общем собрании 3 мая 1911 года утверждении комиссии судей и по последовавшему затем вскрытию девизных конвертов авторами премированных проектов оказались: первой премии – архитектор И. А. Фомин [9], второй – студент арх(итектурного) отд(еления) Академии художеств Л. Руднев и третьей – арх. Е. Бернардоцци» [10].

Автор второй премии Лев Владимирович Руднев (1885-1956) тоже стал известным советским архитектором. Он закончил реальное училище и художественную школу в Риге. В Академию художеств поступил в 1906 г. Одновременно с занятиями он работал помощником в мастерской И. а и поэтому неудивительно, что он тоже принял участие в конкурсе на проект памятника 1812 г. в Витебске. Кстати, это была его первая попытка предложить свой собственный проект. Закончив Академию в 1915 г., Л. Руднев стал активно работать. В феврале 1917 г. он стал участником конкурса на проект памятника Жертвам революции на Марсовом поле в Петрограде и получил первую премию. В 1923 – 1925 гг. Лев Владимирович участвовал в конкурсах на проекты памятников Ленину на Красной площади и в Одессе, а в конце 1920-х гг. возглавил проектное бюро Строительного комитета Ленинградского губернского коммунального хозяйства, занимавшегося строительством жилых и общественных зданий. В 1930-е гг. по проекту Л. Руднева были построены здание Военной академии им. М. Фрунзе (1937), административного здания на ул. Маршала Шапошникова (1934–1938) и на Фрунзенской набережной (1938–1955, все три совместно с В. Мунцем). В послевоенные годы по проектам Л. Руднева и его соавторов были построены Дом правительства Азербайджанской ССР в Баку (1952), Дворец культуры и науки в Варшаве (1952–1955). Он активно участвовал в восстановлении Воронежа, Сталинграда, Риги, подмосковных колхозов. В послевоенной Москве по проектам Льва Владимировича были построены жилые дома на улицах Володарского, Садово-Кудринской. Но самая известная работа Л. Руднева (вместе с рядом других архитекторов) – комплекс зданий МГУ им. Ломоносова на Ленинских горах (1948–1953). За эту работу он в 1949 г. был удостоен Сталинской премии.

Меньше удалось найти о третьем лауреате конкурса – архитекторе Бернардоцци [12]. В 1900 г. А. Бернардоцци вместе с другими архитекторами В. Шретером и П. Сюзором предложил ввести премии за лучшие фасады новых домов Петербурга, подобно тому как это уже делалось в то время за границей, в частности в Париже и Брюсселе [13]. Одним из наиболее известных работ А. Бернардоцци – здание биржи в Одессе. При ее строительстве (1899 г.) он первым в строительном деле предложил применить цемент для создания искусственного гранита. Эта новинка затем стала широко применяться в строительной практике [14]. А. Бернардоцци активно выступал по вопросам градостроительства и архитектуры. Он принял активное участие в 3-м съезде русских зодчих, состоявшемся в Петербурге в 1900 г. На нем он выступил с докладом «Народный музей будущего» В нем он связал развитие техники не только с задачами практики, но и указывал на заложенные в ней эстетические возможности создания нового стиля, подчеркивал значение искусства как искусства, то есть специфического вида человеческой деятельности. Задачу доставить художественное наслаждение народу он объявлял благороднейшим и полезнейшим делом, выводя тем самым понятие полезности за рамки узкой утилитарности. Вместе с другим известным русским архитектором Суловым, А. Бернардоцци выступал за слияние искусства с жизнью, за активное вмешательство искусства в жизнь, но средствами ему присущими - художественностью, красотой, способностью доставлять эстетическое наслаждение [15].

Памятник Отечественной войны по проекту И. Фомина представляет собой четырехкантовую колонну-obelisk, стоящую на пьедестале при помощи четырех небольших кубов. Пьедестал украшен бронзовым каскадом. Обелиск состоит из 11 блоков красного шлифованного гранита, привезенного из Финляндии. Увенчивает сооружение двуглавый бронзовый орел. На одной из сторон к обелиску прикреплена мемориальная доска, отлитая из бронзы на петербургском литейном заводе. На ней надпись: «Бессмертной доблести героев Отечественной войны – участников сражений под Витебском 13, 14, 15 июля и 26 октября 1812 года».

Несмотря на то, что проект И. Фомина был одобрен, архитектор считал, что памятник получился несколько грузным. И с целью сделать его более стройным и «легким» он уменьшил его горизонтальное сечение по сравнению с наметенным в чертеже [16].

Витебск в 1911 г. одним из первых в России начал отмечать 100-летие Отечественной войны 1812 г. 8 ноября 1911 г. в городе прошли торжества по случаю закладки памятника в честь героев Отечественной войны 1812 г. Место для него было избрано одно из самых живописных – на самом краю Успенской горке, перед Успенским собором. В этот день с самого утра город принял праздничный вид. Особенно торжественно были убраны улицы, ведущие к месту закладка памятника. На торжества приехали гости из Полоцка, Двинска, Риги и других городов. Право заложить первый камень было предоставлено представителям губернской власти, которые по особенно устроенному ходу спустились в углубление, подготовленное для фундамента, обшитое досками и украшенное зеленью. В тот же день в городском театре была поставлена историческая пьеса Морозова «Наполеон I в России или Русский герой Отечественной войны». Перед началом спектакля артист городского театра Иван Пельцер, отец народной артистки СССР Татьяны Пельтцер, прочел стихотворение А. Майкова «Сказание о 1812 годе». Впоследствии еще ни раз в иллюзионах (кинотеатрах) города показывали кинофильмы об Отечественной войне и другие фильмы, сбор от которых шел в фонд строительства памятника, ставились спектакли по пьесе Морозова.

Торжества по поводу открытия памятника начались 5 декабря 1912 г.. Сооружен он был не на самом краю Успенской горки, а несколько дальше от центра – в конце Губернаторской улице, на высоком левом берегу Западной Двины, рядом с губернаторским дворцом, в котором в течение двух недель жил французский император. Этот день был ознаменован всеобщим гулянием жителей города. В зале алексеевской женской гимназии состоялось торжественное собрание Витебской ученой архивной комиссии. С докладом о событиях войны 1812 г. на Витебщине выступил член комиссии Е. Николаев. После него слово было предоставлено председателю организационного комитета по сооружению памятника В. Кадыгрову (в это время он уже исполнял должность председателя Гродненского окружного суда и обязанности председателя Витебской ученой архивной комиссии с себя сложил). Затем с приветственным словом выступил генерал-майор М. Д. Загоскин, внук известного русского писателя М. Н. Загоскина, участника Отечественной войны, раненного в бою под Полоцком. Он принес в дар Витебску портрет своего деда. В тот же вечер в городском театре состоялись чтения об Отечественной войне, проведенные учителями И. Бирилко и Е. Ивацником. В перерывах между чтениями хор студентом Учительского института исполнил несколько песен.

6(18) декабря состоялось торжественное открытие памятника. Город, украшенный флагами и зеленью, принял особенно торжественный вид. Как только памятник был освобожден от покрывала, раздался салют. Затем делегации

начались возлагать венки. К подножью обелиска легли венки от города Витебска, Островского и Елизаветградского гусарского, Волжского пехотного полков, городов Полоцка и Двинска, Учительского института, Витебской ученой архивной комиссии и др. Затем войска, участвовавшие в торжествах, прошли перед памятником церемониальным маршем. Вновь звучал салют.

В 15 часов в зале Гражданского клуба состоялся торжественный обед, на котором присутствовали представители губернских и городских властей, Витебской ученой архивной комиссии, гости. После него, в 23 часа, состоялся бал, устроенный 100-м Островским полком. Для жителей города днем и вечером в городском театре были даны бесплатные спектакли по пьесе Смолодовского «В год славы», посвященной Отечественной войне. В кинематографах города шли бесплатные сеансы фильмов о 1812 году. В парке на Юрьевой горке целый день проходили народные гуляния, игры и танцы. Вечером здание губернаторского дворца, городской думы и сам памятник были красиво иллюминированы, а в 21 час сожжен фейерверк [17].

Этот памятник чудом сохранился во время Великой Отечественной войны. Правда, следы ее остались на обелиски: осколки бомб откололи небольшие кусочки гранита. Не сохранились и бронзовые украшения пьедестала. Однако этот памятник и до сих пор является едва ли не самым лучшим в городе и продолжает не только украшать его, но и сохранять память о наших великих предках.

1. Асвариц, Б. Отечественная война 1812 года в картинах Петера Хесса / Б. Асвариц, Г. Вилинбахов. – Л., 1984. – С. 12.
2. О В. Кадыгровове см.: Падліпскі, А. Ён памяць пакінуў / А. Падліпскі // Віцебскі рабочы. – 1991. – 19 верасня.
3. Труды Витебской ученой архивной комиссии. Вт. 1910. – С. 19 и страница-вставка.
4. Витебские губернские ведомости. – 1911. – 9 февраля. – № 31 или Полоцко-Витебская старина. – Кн. 1. – 1911. – С. 2–7.
5. Отчет о деятельности Витебской ученой архивной комиссии за первый год ее существования с 31 мая 1909 по 31 августа 1910 г. // Полоцко-Витебская старина. – Кн. 1. – Витебск, 1911. – С. 8.
6. Отчет о деятельности Витебской ученой архивной комиссии за второй год ее существования с 1 сентября 1910 по 1 сентября 1911 г. // Полоцко-Витебская старина. – Кн. 1. – Витебск, 1911. – С. 10–11.
7. Еще задолго до этой лекции, в 1910 г., Витебское реальное училище издало брошюру В. Глыбовского «1812 год в Витебской губернии». Василий Иванович Глыбовский служил в Витебске, по крайней мере, с 1903 г. В то время он был еще младшим офицером. Витебские губернские ведомости. – 1911. – 9 февраля. – № 31 или Полоцко-Витебская старина. Кн. 1. – 1911. – С. 4–5.
9. Сахаров, С. Торжественное открытие и освящение памятника героям Отечественной войны в г. Витебске 6 декабря 1912 г. / С. Сахаров // Полоцко-Витебская старина. – Вып. 3. – Витебск, 1916. – С. 362–363.
10. Некоторые авторы безосновательно называют соавтором проекта памятника тогдашнего городского архитектора Т. Кибардина. На самом деле Тихон Васильевич никакого отношения к разработке проекта не имеет. Его участие в сооружение памятника ограничилось только рамками работы и компетенции его официальной должности.
11. Зодчий. – 1911. – № 33. – С. 354–355.
12. Усачева, К. И.А. Фомин / К. Усачева. – М., 1972. – С. 3–4.
13. Именно таково написание этой фамилии в современной литературе. По-разному пишутся и его инициалы.
14. История русского искусства. Т. X. Кн. 2. – М., 1969. – С. 357.
15. Всеобщая история архитектуры. Т. 10. – М., 1972. – С. 36.
16. Кирпиченко, Е. Русская архитектура 1830–1910-х годов / Е. Кирпиченко. – М., 1978. – С. 177.
17. Интересно отметить, что для чтобы убедиться, что памятник будет смотреться в перспективе Дворцовой улицы, был изготовил его макет в натуральную величину из дерева и установил для просмотра. Только после этого проект стали осуществлять в граните.
18. Сахаров, С. Торжественное открытие и освещение памятника героям Отечественной войны в г. Витебске 6 декабря 1922 г. / С. Сахаров // Полоцко-Витебская старина. – Вып. 3. – Вт., 1916. – С. 363–366.

К.В. Шилало
ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ 1812 Г. В ВИТЕБСКЕ
КАК РЕСУРС ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

Для развития туристской сферы и привлечения иностранных туристов во многих странах широко используется история. Обычно иностранцы едут посмотреть на какие-либо памятники, исторические объекты, сооружения. Иногда для привлечения туристов широко используются яркие события из прошлого, не оставившие после себя значимых следов. Примером последнему могут быть места крупных сражений, на которых мало что сохраняется и имеются чаще всего только отдельные памятные знаки. Но и это при правильном подходе может ежегодно привлекать тысячи туристов. В частности, на поле под Грюнвальдом ежегодно 15 июля собираются участники средневекового фестиваля и туристы из всей Европы. Всё это, безусловно, выгодно для государства, которое эффективно использует свою историю для развития туризма.

К сожалению, в Беларуси таких примеров использования военной истории не так много. Туристы пока регулярно посещают только Брестскую крепость (в которой сосредоточены самые разнообразные объекты различных периодов), Буйницкое поле и «линию Сталина», где в основном поток посетителей не привязан к каким-либо событиям (исключая знаковые даты войны). Специальных маркетинговых ходов, привязанных к военной истории и направленных на увеличение туристских потоков, не видно. Немного иначе обстоят дела с фестивалями средневековой культуры в различных городах.

Витебск похвастаться такого рода масштабными проектами пока не может. Исключения могут составлять только театрализованные представления на день города и во время проведения Международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске». Но у нашего города есть все основания для более широкого использования военной истории в развитии в первую очередь событийного туризма. Город на протяжении своей истории не раз находился на переднем фланге борьбы в многочисленных войнах. В период правления в городе Ольгерда, он превратился в крупнейшую каменную крепость на западных границах ВКЛ, не остался в стороне город и в период Ливонской и Северной войны. Далеко не в полной мере используется в городе и туристский потенциал событий 1812 г., оставивших после себя гораздо больше следов в историческом ландшафте города, в отличие от предыдущих периодов.

Война 1812 г. – знаковое событие в истории Европы, привлекающая и поныне огромное внимание к себе в различных странах. И Витебск в ходе «русской компании 1812 г.» отыгрывал огромное значение. Здесь планировали объединиться 1-я и 2-я русские армии, в нашем городе французский император собирался завершить боевые действия в 1812 г. Кроме того, в городе и вокруг него имеется много памятников и мест сражений этого времени. Главными памятниками, относящимися непосредственно к войне 1812 года, является здание Губернаторского Дворца и памятник героям войны.

Вообще в истории Витебска война 1812 года была важной исторической вехой. С 16 июля по 26 октября 1812 город был занят французскими войсками. Взятию Витебска предшествовало упорное сражение в 25-ти километрах к западу от Витебска, в районе деревень Островно, Добрейка и Куковячино. После взятия Наполеоном самого Витебска, в городе и губернии учреждалось французское правление. Ставка самого Наполеона разместилась в здании Губернаторского дворца на Успенской Горке. Наполеон принял решение временно прекратить

наступление на Москву, переждать зиму и дать отдохнуть войскам. Для создания площади перед дворцом были разрушены несколько деревянных домов и недостроенная Преображенская церковь. В одной из комнат дворца была устроена личная церковь императора, где службу совершал ксёндз Полонский.

Факт того, что 200 лет назад в Витебске останавливался император Франции Наполеон I Бонапарт, делает Витебск ещё более привлекательным как для туристов из Беларуси, так и из стран не только ближнего, но и дальнего зарубежья. Также Губернаторский дворец интересен в архитектурном плане. Строительство основных корпусов началось ещё в 1772 году в стиле классицизма. На данный момент черты этого стиля сохранились и могут представлять собой немаловажное дополнение к странице истории, связанной с 1812 годом.

В настоящее время в этом историческом здании размещается Витебское областное управление КГБ, но в скором времени планируется переезд спецслужбы в новое место. После этого Губернский дворец будет передан музею и появится реальная возможность шире использовать его как исторический и музейный объект в туризме

Ещё одним из элементов аттракции, относящимся к 1812 году, является памятник героям войны 1812 года, установленный в 1912 году на средства, собранные жителями Витебска и Витебской губернии. Был установлен памятник в память о русских воинах, проявивших мужество и стойкость в боях под Витебском. К столетию войны был объявлен Всероссийский конкурс на разработку проекта памятника. Лучшим был признан проект архитектора И.А. Фомина.

Предварительно был изготовлен деревянный макет памятника, что позволило выявить его недостатки. Каменный монумент был заложен 26 октября 1911 года, а открыт 6 декабря 1912 года на площади перед дворцом губернатора, на которой в 1812 году Наполеон проводил смотр своей армии. Руководил работами витебский городской архитектор Т.В. Кибардин. Памятник представляет собой гранитный обелиск высотой 26 метров, установленный на прямоугольный пьедестал и увенчанный бронзовым двуглавым орлом на шаре. На пьедестале установлена плита с надписью: «Бессмертной доблести героев Отечественной войны, участников сражений под Витебском 13, 14, 15 июля и 26 октября 1812 года». По углам плиты основания памятника установлены четыре чугунных пушки, отлитые по образцам мортир времён Петра I.

Всё это, а в первую очередь исторические события войны 1812 г., связанные с Витебском и его окрестностями, предоставляют широкие возможности для развития культурно-познавательного и событийного туризма. В частности, городским властям стоило бы подумать о проведении ежегодных мероприятий связанных с 1812 г., но не в рамках «Славянского базара». Это могли бы стать театрализованные представления на исторических местах, реконструкции битв с привлечением клубов из разных стран, сопровождаемые концертами (с участием французских артистов) и иного рода культурными мероприятиями. Для этого есть все возможности: историческая обоснованность, опыт проведения в городе масштабных мероприятий, наличие туристской инфраструктуры. Благоприятным фактором для реализации этих планов может стать нахождение в Витебске французов в летнее-осенний период.

При правильном маркетинговом подходе и продуманной рекламе Витебск может стать известным не только как город Шагала и «Славянского базара», но и как город Наполеона. И при такой постановке вопроса популярность французского императора среди потенциальных туристов и его имя будет работать исключительно в пользу Витебска.

Таким образом, Витебск в полной мере можно назвать одним из знаковых городов войны 1812 года на территории Российской империи. Он располагает памятниками, связанными с событиями войны, которые имеют огромную туристскую привлекательность для посетителей города. Всё это позволяет говорить о событиях войны 1812 г. в Витебске как о потенциальном ресурсе для развития культурно-познавательного и событийного туризма.

М.В. Пивавар

МЕСЦЫ, ЗВЯЗАННЫЯ З 1812 ГОДАМ, У НАВАКОЛЛЯХ ВІЦЕБСКА

Вайна 1812 г. паміж напалеонаўскай Францыяй і Расійскай імперыяй з’яўляецца адной з тых падзей, якая змяніла ход сусветнай гісторыі. Параза ў гэтай вайне спыніла пераможнае дасюль шэсце французскай зброі, стала каталізатарам нацыянальна-вызвольных паўстанняў у краінах Еўропы, прычынай стварэння VI антынапалеонаўскай кааліцыі, якая прывяла да паражэння Францыі і фактычна да завяршэння ў 1815 г. эпохі кровапралітных напалеонаўскіх войнаў. Можна казаць, што пагібель напалеонаўскай Вялікай арміі, крах напалеонаўскай імперыі, а з ёй і планаў імператара французай аб сусветным валадаранні адбыліся на палях сучаснай Беларусі і Расіі. Менавіта тут на пачатку XIX ст. вырашыўся лёс свету.

Але лёсавызначальнасць дорага каштуе. Для беларускіх зямель, якія сталі асноўнай арэнай баявых дзеянняў вайна прынесла незлічоныя беды іх насельніцтву, каласальныя матэрыяльныя і духоўныя страты. У выніку ваенных дзеянняў, грабязоў, марадзёрства, хваробаў, голаду, рэквізіцыі насельніцтва беларускіх зямель скарацілася на адну траціну. Можна казаць пра тое, што для мясцовага насельніцтва канфлікт насіў рысы грамадзянскай вайны, таму, што жыхары беларускіх зямель змагаліся як на баку расійскіх войскаў, так і ў напалеонаўскай арміі. Пасля перамогі рускай зброі значная частка мясцовай шляхты вымушана была з’ехаць на эміграцыю, каб пазбегнуць рэпрэсій з боку пераможцаў. Разарэнню падвергліся практычна ўсе рэгіёны краіны, але найбольш пацярпела Віцебшчына. Зразумела, што асвятленне падзей звязаных з вайной мае надзвычай важнае значэнне.

Тэма войны 1812 г. знашла сваё адлюстраванне як у навуковай, навукова-папулярнай, мастацкай літаратуры, так і ў творах жывапісу, скульптуры, архітэктуры, а таксама музычных творах. Якія ж сляды вайны захаваліся ў памяці народа і дайшлі да нашых дзён праз легенды і паданні, казкі, назвы месцаў. Адлюстраванні вайны 1812 г. у памяці народа – мэта гэтага артыкула. У пераліку мы не спынімся толькі на духоўных помніках, але прыгадаем і матэрыяльныя ўвасабленні памяці народа – помнікі, будынкі і інш.

Напэўна, найбольш цікавым і арыгінальным аб’ектам, які ў памяці народа звязваецца з падзеямі 1812 г. з’яўляецца Напалеонаўская дарога (Напалеонаўска трапа) на возеры Лосвіда, якое знаходзіцца на мяжы Гарадоцкага і Віцебскага раёнаў. Возера Лосвіда вельмі глыбокае. У паўднёва-ўсходняй частцы ёсць месцы, дзе глыбыня больш за 20 метраў. У паўночнай частцы возера ўтварае луку, якая называецца Малое Лосвіда. Тут з аднаго на другі бок можна перайсці, як кажуць мясцовыя жанчыны “не замачыўшы спадніцы”. Гэтае месца называюць Напалеонаўскай дарогай, ці Напалеонаўскай трапой.

Згодна з паданнем, у 1812 годзе ў гэтым месцы войска французай разам з Напалеонам было абкружана рускай арміяй. Уначы да Напалеона прыйшоў д’ябал і прапанаваў уратавацца ад немінучай гібелі ці палону. Калі імператар пагадзіўся, нячысты загадаў жаўнерам шапкамі насіць зямлю ў возера. У выніку чараўніцтва,

у гэтым месцы ўтварылася падводная “дарога”, па якой французы змаглі перайсці возера і выратавацца ад рускага войска [1].

Французскія магілы. Традыцыйна з вайной 1812 г. звязваюць курганныя групы і асобныя курганы, якія мясцовыя жыхары называюць французскімі. Падаўляючая большасць з іх ніяк не звязана з падзеямі вайны, хаця народная малва ўпорна атаесамляе курганы з насыпамі над магіламі салдат, якія загінулі ў жорскіх баях. У наваколлях Віцебска ёсць некалькі месцаў, якія легендарна маюць французскую прывязку. Напрыклад, “французскія могілкі” ва ўрочышчы “Кахоўка” (Какоўка), за 1 км на паўднёвы ўсход ад вёскі в. Сакольнікі Мазалаўскага с/с Віцебскага раёна. У ім знаходзіцца курганны могільнік, які складаецца з 57 насыпаў вышыняй 1–1,5 м, дыяметрам 5–7 м. Існуе паданне, што ў часы вайны 1812 года каля Сакольнікаў быў бой, у якім загінула шмат французцаў, якія былі пахаваны ў курганах [2]. Ва ўрочышчы ў канцы XIX ст. была дача вядомага беларускага гісторыка А.П. Сапунова. Не менш вядомы гісторык – Е.Р. Раманаў праводзіў тут раскопкі, вынікі якіх захоўваюцца ў Маскве. І даўнія раскопкі і сучасныя даследаванні (1972 г. – Г.В. Штыхаў, 1981 г. – Л.У. Калядзінскі) дазваляюць сцвярджаць, што могільнік не мае дачыненне да французцаў, а пахаваны тут крывічы, якія жылі ў VIII–XII стст. Назва французскія магілы (курганы) зафіксавана непадалёк ад в. Малыя Лётцы.

Вялізны курган, які называюць “французская магіла” ёсць на самым беразе Дзвіны насупраць в. *Хатоля* Курынскага с/с Віцебскага раёна.

Захаваліся ў народзе легенды і паданні, якія звязваюць з вайной 1812 г. Цікавае паданне пра гарадзішча запісана ў в. *Лужасна* Віцебскага раёна. Легенда сцвярджае, што ў 1812 г. мясцовыя памешчыкі схавалі сваё дабро ад французцаў на востраве пасярод возера (на сённяшні дзень востраў – гэта гарадзішча, якое і цяпер узважваецца пасярод тарфянога балота, што тысячы (але не сотні) гадоў таму магло быць возерам). Шлях да схаваных скарбаў вёў праз зачыненую жалезную дзвер. Па нейкай прычыне, скарбы так і не былі забраны, а жалезную дзвер бачылі яшчэ і недаўна, але адчыніць яе немагчыма, бо яна зачараваная [3]. Археалагічныя раскопкі, якія праводзіў каля Лужасна Г.В. Штыхаў у 1972 і 1974 гг. скарбаў не выявілі, а пацвердзілі існаванне тут гарадзішча і селішча перыяду ранняга жалезнага веку днепра-дзвінскай, потым банцараўскай археалагічнай культуры.

У тым жа Лужасна распавядаюць яшчэ адно паданне, якое мае дачыненне да падзей 1812 г. Яно мае звязана з царквой Узвіжання Крыжа Гасподняга. Мясцовая памешчыца (у іншых варыянце расповядаў памешчыкі) дала зарок, што калі французы не парабуюць маёнтак і маёмасць, то будзе ўзведзена каменная царква. Час узвядзення капліцы прыблізна супадае і ў дакументах пазначаны як 1815 г. [4].

Да легендарных аб’ектаў аднясем возера Валконка ў Віцебскім раёне, пра якое існуе легенда, што менавіта ў ім адступаючыя войскі Напалеона схавалі скарбы, нарабаваныя ў Маскве [5].

Да легендарных, але маючых пэўнае пацверджанне ў дакументальных крыніцах можна аднесці дуб Напалеона ў Бешанковічах. Адпаведна вуснай традыцыі менавіта пад дубам імператар французцаў адпачываў, калі праязджаў праз Бешанковічы. Існуе і згадка ў мемуарах пра тое, што нямецкі мастак Адам Альбрэхт пісаў партрэт імператара, калі той адпачываў пад вялікім дрэвам. У любым выпадку вялізнае дрэва вартае аховы, калі не як помнік гісторыі, пра якое існуе паданне, дык як помнік прыроды. Па-першае, гэта вялікаўзроставае дрэва, якое з’яўляецца высокадэкаратыўным элементам ландшафта. З улікам агульнага фону растроеных дрэвастояў у выніку бессістэмных высечак такое вялікае дрэва з’яўляецца важным эстэтычна-атраакцыйным элементам пейзажу. Яно з’яўляецца

важным асяродаўтваральным элементам, прысадай для рэдкіх, каштоўных птушак (арол-маркут, скапа), пералётных чарод лясных вераб’іных птушак. Акрамя таго, – гэта каштоўнае дрэва-матачнік мясцовай папуляцыі *Quercus robur* і высокабанітэтны экзэмпляр свайго віду. На жаль, высілкамі мясцовай адміністрацыі дуб вельмі моцна пашкоджаны і яго існаванне пад пагрозай. Але ў Бешанковічах захаваўся палац Храптовічаў, у якім спыняўся на начлег Напалеон. Цяпер у былым палацы школа мастацтваў. Будынак – прыклад архітэктуры класічнага стылю. Варта прыгадаць яшчэ адзін палац, – палац Цэханавецкіх, у якім таксама спыняўся Напалеон быў у м. Бачэйкава.

Найбольш вядомым месцам, звязаным з падзеямі вайны 1812 г., якія знайшлі адлюстраванне ў літаратуры і займелі сусветную знакамітасць з’яўляюцца в. Астроўна, Кукавічына, Дабрэйка. Тут ў ліпені 1812 г. адбылася бітва, якая ўвайшла ў рускую гістарыяграфію як Астровенская, а ў французскай больш вядома як Віцебскі бой.

Менш вядомы, але адзначаны помнікам з’яўляецца бой каля в. Вароны. Ён адбыўся ў кастрычніку 1812 г. у быў пераможным для рускага войска. У 1912 г. тут быў узведзены помнік на месцы бою 1812 г., дзе рускі атрад уланаў Ямбурскага палка, пад камандаваннем падпалкоўніка Сталыпіна разбіў французскі ар’ергард і ўзяў у палон 400 салдат і генерала Пушэ [6].

Сталое пакаленне добра памятае фільм “Гусарская балада”, зняты Э. Разанавым. Галоўная гераіня карціны – Шурачка Азарава, якая выдала сябе за мужчыну, служыла ў гусарскім палку, брала ўдзел у вайне 1812 г. мела рэальнага прататыпа – Надзею Дураву. У мясцэчку Янавічы, цяпер гарадскі пасёлак у 30 кіламетрах ад Віцебска некаторы час праходзіла службу гэтая “кавалерыст-дзявіца” [7].

У в. Кісялі Гарадоцкага раёна на мясцовых могілках (былое гарадзішча, вельмі маляўнічае месца, якое мясцовыя жыхары называюць “Прыстань”) спачывае ўдзельнік ваеннай кампаніі 1812 г., удзельнік замежнага паходу рускага войска – палкоўнік Карпаў [8]. Ягонья мемуары, выдадзеныя пад назвай “Запіскі палкоўніка Карпава” былі выдадзены ў адным з тамоў “Полоцко-Віцебскай старины”, падрыхтаваных Віцебскай вучонай архіўнай камісіяй.

Такім чынам, можна зрабіць вывады аб тым, што падзеі вайны 1812 г. пакінулі пэўны след у памяці народа: тапонімах, легендах, паданнях, помніках археалогіі, а таксама матэрыяльных увасабленнях памяці народа.

Назва “французскія” звязана з тым, што ў народнай памяці нешта значнае, але не зразумелае, як правіла атаесамляецца з апошнімі катастрофічнымі падзеямі, якія мелі месца ў гісторыі краю. Для Віцебшчыны, гэта вайна 1812 г. На Палессі, якое амаль не закранулі падзеі гэтай вайны больш памятны ў народнай традыцыі (больш падсвядома, канешне) падзеі Паўночнай вайны (1700–1721 гг.), а дакладней 1707–1708 гг, калі адбываліся асноўныя ваенныя дзеянні паміж варагуючымі бакамі. Паход суправаджаўся ваеннымі сутыкненнямі, грабляжамі, марадзёрствам, ад якога цярпела мясцовае насельніцтва. Яны пакінулі спусташэнні, прывялі да голаду. Таму курганы, якія, дарэчы часцей называюць – капцы, а не так, як на Віцебшчыне – валатоўкі, у некаторых месцах называюць шведскія магілы. На Пскоўшчыне, курганы – польскія магілы. Такое ж тлумачэнне, на нашу думку, маюць і іншыя тапонімы, легенды, паданні, якія ў народнай памяці звязаны вайной 1812 г.

Гэта далёка не ўсе ўвасабленні народнай памяці пра падзеі вайны 1812 г., якія адбіліся ў памяці народа. У далейшым, варта пашырыць кола крыніц і аб’ём працы. Думаем, што прагляд прац дарэвалюцыйных аўтараў дапаможа выявіць цікавыя факты, прывязаныя да пэўнай мясцовасці ў наваколлях горада. Неабходна

працягваць выяўленне паданняў, легенд. Мэтазгодна даць агульны агляд вайны, прыгадаць месцы, дзе ночылі вядомыя асобы як кропкі, дзе прыймаліся важныя, лёсавызначальныя рашэнні. Пры апісанні цікавых аб'ектаў, варта падаваць не толькі іх апісанне, але інфармацыю, як да іх дабрацца, пра турыстычную інфраструктуру.

1. Віцебскі раён: краязнаўчыя нарысы / І.А. Абрамава [і інш.]; уклад. М. В. Півавар. – Мінск: Паркус плюс, 2008. – С. 203–204.
2. Півавар, М.В. Туристическо-краеведческая экскурсия по пойме Лужеснянки к усадьбе Сапунова в урочище Каховка / М.В. Півавар // 90 гадоў Віцебскай вучонай архіўнай камісіі: матэрыялы навуковай канферэнцыі, Віцебск, 24 лістапада 1999 г. – Мн.: БелНДДАС, 2000. – С. 81–85.
3. Півавар, М. Адкуль у нас з'явіліся маскалі? / М. Півавар // Народнае слова. – 1998. – 22 кастрычніка. – С. 6.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1416. – Воп. 2. – Спр. 9287. – Арк. 304. Рапорт Витебского уездного предводителя Витебскому губернскому правлению от 30 октября 1851 г. об улучшении быта сельского православного духовенства.
5. Півавар, М. Легенды і паданні / М. Півавар // Жыццё Прыдзвіння. – 2003. – 9 жніўня, 19 жніўня, 2 верасня.
6. Збор помнікаў гісторыі і культуры. Віцебская вобласць. – Мн.: Беларус. Сав. Энциклапедыя, 1985. – С. 183.
7. Подлипский, А. Кавалерист-девица / А. Подлипский // Советская Белоруссия. – 1987. – 9 августа.
8. Гарадоччына ўчора, сёння, заўтра: матэрыялы I Гарадоцкіх краязнаўчых чытанняў, 28 кастрычніка 2007 г. / Гарадоцкі кр. музей; А.М. Дарафееў (адк. рэдактар) [і інш.]. – Гарадок, 2008. – 151 с.

Е.В. Исакович, Е.С. Устинова **ВОЙНА 1812 г. В ЛЕГЕНДАХ И ПРЕДАНИЯХ ВИТЕБЩИНЫ**

В памяти народной часто оставляют след яркие исторические события, которые «живут» столетиями в многочисленных легендах и преданиях. Причём число разнообразных произведений в устном народном творчестве, свидетельствует о значимости самих событий (независимо от того, каков они оставили след: позитивный или негативный). Как показывают легенды и предания Витебщины, одним из таких событий стала война 1812 г. В окрестностях города и по сей день можно услышать рассказы о французских солдатах, Наполеоне и кладах этого периода. В данной работе мы попробуем систематизировать их по содержанию, обратив внимание на самые распространённые в местном фольклоре сюжеты.

Одним из самых распространенных на Витебщине сюжетов является рассказ о «французских могилах» (могилах «французских генералов»). Обычно такие легенды возникали в районах нахождения французских войск. В свою очередь на западе республики чаще встречаются легенды о «шведских могилах». Но на самом деле, ни какого отношения «французские могилы» к армии Наполеона не имеют. По традиции так местные жители называют курганные захоронения периода славянской колонизации Беларуси. Так за 1 километр на юго-восток от деревни Большие Сокольники (Мазоловский сельсовет), находится урочище Коховка. Здесь расположено курганное захоронение, которое состоит с 57 насыпей высотой 1–1,5, диаметром 5–7 метров. В 1881 году их исследовал Е. Романов. Местные жители называют их «французскими могилками». Существует легенда, что в 1812 году возле Сокольников была битва, во время которой погибло много французских солдат. Они были похоронены в курганах. Однако современные исследователи утверждают, что в курганах захоронены кривичи, которые жили в VIII–XII веках [1, с. 185–186].

Таковыми же являются и иные «французские могилы» в самых различных частях Витебщины. Хотя не стоит исключать, что во время боевых действий могли иметь место подзахоронения убитых в древние курганы. Или на месте братских могил, или захоронении офицеров во время войны могли насыпаться возвышения, напоминающие курганы. Однако это возможно только в месте масштабных сражений, которые легко отследить на основании документов. Подавляющее же количество «французских могил» находится в местности, где боёв никогда не было, но память народная смешала древние курганы и события 1812 г.

Часто с Наполеоном и его армией связывают какие-либо иные объекты, в том числе природные. Так в Бешенковичах до 2010 г. всеобщее внимание привлекал 400-летний дуб, именуемый «Дубом Наполеона». Находился он на заднем дворе средней школы № 2 (г.п Бешенковичи), расположенной напротив дворца Хрептовичей. Согласно легенде, в 1812 году французский император Наполеон I позировал художнику Альбрехту Адаму именно под этим деревом. Но, к сожалению, в октябре 2010 года из-за угрозы падения дуба на территорию школы были спилены все его крупные ветви [3]. Деревья, связанные с событиями войны 1812 г. можно найти и в иных местах. В частности, ещё один Дуб Наполеона находится близ польского города Остроды.

Отдельную группу легенд и преданий составляют рассказы о нахождении французского императора в Витебске. В одной из легенд, говорится, что в это время Наполеону понравилась Воскресенская (Рыночная) церковь, которую он якобы хотел перенести в Париж и запретил её грабить своим солдатам и превратить в военный госпиталь [2]. Кроме того, нам неоднократно приходилось слышать от экскурсоводов легенду о том, как французский император стоял на балконе Дворца губернатора в Витебске, а местные жители забрасывали его цветами. Вначале он воспринял это как знак приветствия и почтения. Но затем он увидел, что красные лепестки цветов (намазанные мёдом) прилипают к мундиру и не опадают вместе с цветами к его ногам. В итоге на белоснежном мундире императора образовались красные пятна символизировавшие кровь, пролитую им на территории Российской империи. Это ввело Наполеона в замешательство, и он покинул балкон. Подтверждения этой легенды в письменных источниках нам обнаружить не удалось. Возможно, эта легенда не такая древняя, а очередная «придуманная история» витебских экскурсоводов, как и венчание Александра Невского в Витебске, или выступление Наполеона с балкона центрального здания Ветеринарной Академии (строение начала XX в.).

В преданиях жителей Витебщины по сей день сохранилась сказание о так называемой «Дороге Наполеона», по которой можно напрямик переехать одно из крупнейших озёр в окрестностях Витебска – Лосвидо. Легенда повествует, что, отступая от Москвы, Наполеон с армией подошел к левому берегу озера Лосвидо и был очень озабочен возникшей водной преградой. Тогда он приказал построить переправу. Солдаты носили землю в шапках, сапогах, пригоршнях и, насыпав за одну ночь дорогу через озеро, прошли по ней на другой берег. Утром, когда пришли русские солдаты, французов уже и след простыл. Вторая легенда повествует следующее. Опять же отступая от Москвы, Наполеон подошел к левому берегу озера. Солдаты устали, их разместили на ночлег. Не спалось только Бонапарту. Сидя на берегу поздно ночью, грустил он о своей далекой родине, о том, что потерпел поражение. И тут из воды вылез то ли черт, то ли водяной: «Если ты оставишь все награбленное добро в этом озере, я покажу тебе короткий путь на тот берег, и твои солдаты уйдут от преследования русских». Наполеон согласился, и

все ценное было брошено в воду. Естественно, на следующее утро русские солдаты не обнаружили французов [1, с. 191–192].

Легенды легендами, но, как говорится, в каждой сказке есть доля истины. На самом деле при отступлении ни Бонапарт, ни его солдаты в этом районе не были. Но из истории известно, что части французских войск прошли через озеро Лосвидо при наступлении на Москву, перебравшись с правого берега на левый по знаменитой подводной тропе. С тех пор ее и связывают с именем Наполеона. Ученые считают, что сама природа создала эту возвышенность, условно разделив озеро на две части. А люди обнаружили это и превратили возвышенность в дорогу, которой пользовались до 1980 года, ездили на телегах, велосипедах, автомобилях. По поводу Дороги Наполеона есть ещё одна версия, согласно которой дорогу досыпали по указу помещика-экстремала, любившего пугать своих гостей поездкой через озеро [1, с. 192].

Ещё одним распространённым сюжетом в фольклоре является история о спрятанных во время войны 1812 г. сокровищах. Многих кладоискателей будоражит «клад Наполеона», состоящий из вывезенных из Москвы богатств, которые удивительным образом исчезли. Скорее всего они были затоплены в одном из озёр в ходе отступления. Это, в свою очередь, порождает многочисленные локальные легенды. Но тема сокровищ и кладов встречается и в другой интерпретации. Примером этого является легенда о «Гроб-горе» (городище раннего железного века в посёлке Лужесно). Согласно рассказам старожилов раньше холм был островом, который окружало озеро. На этот остров в 1812 году окрестные помещики свезли свои богатства от французских войск. Спрятали они их под землей, куда можно было попасть только через железную дверь. Прошло время, озеро превратилось в болото. Неизвестно, что стало с помещиками, но сокровища до сих пор находятся под землей, но достать их так никто и не смог. Такая же легенда была записана А. Сементовским в Езерище [1, с. 186].

Таким образом, в преданиях Витебщины события 1812 г. оставили свой весьма значимый след, что отражено в различных легендах и преданиях, сюжет которых чаще всего повторяется в различных местностях. Исключение составляют локальные легенды города Витебска, что обусловлено особым положением города во время войны и долгим нахождением французского императора в нашем городе.

1. Віцебскі раён: Краязнаўчыя нарысы / аўт.-уклад. М.В. Півавар. – Віцебск, 2007. – 319 с.
2. Партолина, Н. В Бешенковичах спилили дуб Наполеона / Н. Партолина // Комсомольская правда в Беларуси. – 2010. – 1 ноября. – С.12.
3. Покорившая Наполеона // Dvina.by [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://dvina.by/pokorivshaja-napoleona>

І.А. Пушкін

АРХІРЭЙСКІ ПАЛАЦ У МАГІЛЁВЕ І ПАДЗЕІ ВАЙНЫ 1812 Г.

Архітэктурна гарадоў фіксуе і ва ўласцівых ёй матэрыяльных формах і мастацкіх вобразах адлюстроўвае асаблівасці гістарычнага шляху, непаўторнае багацце культуры народа, нясе выключную інфармацыю аб яго мінулым і сучасным. Пачынаючы з 17 ст. у мастацтве, а таксама ў планіроўцы і забудове Магілёва, адзначаецца развіццё тэндэнцый горадабудаўнічай культуры Рэчы Паспалітай Абодвух Народаў. Гэта – ужыванне прынцыпаў рэгулярнай планіроўкі, стагнаўленне ў архітэктурцы стыля барока, уплыў заходнееўрапейскага мастацтва. З 19 ст., калі Магілёў знаходзіўся ў складзе Расійскай імперыі, адчуваецца ўплыў рускага класіцызму і ранняй эклектыкі [2, с. 10; 8, с. 5].

У архітэктурна-планіровачнай структуры горада вылучаецца гістарычны цэнтр. Тут можна вызначыць 4 гістарычныя зоны, у якіх часткова прасочваецца планіроўка старажытных пасадаў – Нагорскага, Шклоўскага, Пакроўскага і Задубровенскага. Сёння рэшткі гарадской жылой забудовы ў Магілёве захаваліся па вул. Вялікай Садовай (цяпер Ленінская), Пажарнай, Дняпроўскім праспекце (цяпер Першамайская). З агульнай масы вылучаюцца два: былы палац каталіцкага архіепіскапа С. Богуш-Сестранцэвіча і Архірэйскага палаца, вядомы ў горадзе як палац Г. Каніскага – помнікі жылой архітэктурны 18 ст. [6, с. 133].

На сёняшні дзень існуе неабходнасць у захаванні і выкарыстоўванні матэрыяльных нерухомых помнікаў, якія нагадваюць нам аб сусветна вядомых падзеях з нашай гісторыі. Гэта выклікана як цікавасцю з боку мясцовага насельніцтва, так і для развіцця сферы міжнароднага турызму. Напрыклад, у Магілёве ёсць помнік прыроды – дуб, узрост якога налічвае некалькі стагоддзяў. Супрацоўнікі ўстановы на тэрыторыі якой ён знаходзіцца, з ахвотай распяваюць цікаўным як пад шатамі дуба адпачываў Напалеон. Але ж французскі імператар ніколі не быў у Магілёве.

У архівах Беларусі адсутнічаюць крыніцы, якія маюць дачыненне да непасрэдных баевых дзеянняў на тэрыторыі Магілёва і Магілёўшчыны ў 1812 г., а таксама да дзейнасці напалеонаўскай адміністрацыі. Няма іх і ў выдадзеным зборніку дакументаў па вайне 1812 г. у раздзеле “Беларусь у ваенны час” [3, с. 11, 140–202].

У той жа час горад і Магілёўшчына ўвайшлі ў гісторыю вайны 1812 г. славаўтай Салтанаўскай бітваю (каля вёсак Дашкаўка і Салтанаўка недалёка ад Магілёва), дзе сышліся ў баі рускія войскі пад камандаваннем генерала Раеўскага і французскія, якія ўзначальваў маршал Даву. Магілёў ці не адзіны горад у Беларусі, у якім французам сустрэлі не кветкамі, а стрэламі жаўнеры мясцовага гарнізона. Знакавай падзеяй для Беларусі з’яўляецца прысяга на вернасць Францыі і Напалеону мясцовага насельніцтва не толькі каталіцкага веравызнання, але і праваслаўнага разам са святарствам і Магілёўскім архіепіскапам Варлаамам (Шышацкім) [1, с. 70–75]. У сучасным Магілёве візітоўкай горада з’яўляецца помнік архітэктурны эпохі барока і класіцызма – касцёл Успення Маці Божай (вядомы як касцёл кармелітаў і Святога Станіслава). У ім падчас знаходжання ў горадзе французам на кожным набажэнстве гучалі наступныя словы: “Спаси Господи люди Твоя и спаси императора Французскаго, короля Италийскаго и возобновителя Польши Великаго Напалеона, и благослави достояние твое. От глады, огня, войны, отъ внезапной и нечаянной смерти и злыхъ Москалевъ Русаковъ сохрани насъ Господи” [4, с. LXXXII; 5, с. 136].

Знішчаны ў 1938 г. кафедральны праваслаўны Іосіфскі сабор у Магілёве. Сёння, захаваўшыся нерухомым помнікам эпохі напалеонаўскіх войнаў, у горадзе з’яўляецца Архірэйскага палаца. Ён быў пабудаваны ў часы кіравання Магілёўскай праваслаўнай епархіяй Св. Георгіем Каніскім і ў ім напярэдадні вайны жыў архіепіскап Варлаам.

Архірэйскага палаца – унікальны помнік архітэктурны эпохі барока. У 1755 г. праваслаўным епіскапам Магілёўскім быў прызначаны Георгій Каніскі. У лістах да сваіх знаёмых і розных значных асоб ён яскрава апісаў “скудость” магілёўскага архірэйскага дома. З лістоў Г. Каніскага вынікае, што на той час асобнага дома для архірэя і неабходных для яго патрэб і службаў у Магілёўскай катэдры не было.

Пасля далучэння Магілёва да Расіі, імператрыца Кацярына II напісала у калегію эканоміі (своеасаблівы правобраз сучаснага міністэрства): “выдать из экономической суммы на строение в Могилеве каменного архиерейского дома 10 тыс. руб.”

Аналіз гістарычных звестак схіляе мяне і некаторых іншых даследчыкаў да высновы, што час пабудовы дома для пражывання магілёўскіх архірэяў можна вызначыць толькі прыблізна. Так, калі ўлічыць энергію, з якой Каніскі ажыццяўляў адбудову Магілёўскай катэдры, а таксама даволі цяжкае матэрыяльнае становішча да 1774 г., то на думку мастацтвазнаўцы Н.Пятровіч, можна сцвярджаць, што будаўніцтва каменнага двухпавярховага палаца для архірэяў пачалося не раней 1770 г. Тым больш, што сродкі ў памеры 10 тыс. рублёў былі выдзелены толькі ў 1774 г. Выдзеленыя расійскім урадам грошы на той час былі значнай сумай і давалі магчымасць весці будаўнічыя работы без асаблівых затрымак. Акрамя таго гадавое шасцітысячнае ўтрыманне епіскапа, на маю думку, таксама спрыяла гэтаму. Таму ёсць усе падставы лічыць датай завяршэння будаўніцтва архірэйскага палаца прыблізна 1780 г. На карысць гэтага гаворыць і той факт, што ў 1785 г. была ўжо скончана пабудова двухпавярховага мураванага корпуса семінарыі, аб чым сведчыў надпіс на яго франтоне, зроблены па жаданню Каніскага [7, с. 40].

Праўда, даследчыкі В.Чантурья і Т.Чарняўская прытрымліваюцца іншых меркаванняў і даволі катэгарычна называюць часам пабудовы магілёўскага архірэйскага дома 1762–1763 гг. ці 1762–1785 гг. [9; 10]

Сапраўды, праект на яго будаўніцтва хутчэй за ўсё быў распрацаваны Глаўбіцам пад час дабудовы Спаскай царквы, ці ва ўсякім разе да 1767 г. (год смерці архітэктара). Больш таго, атрымаўшы даволі значную суму на дабудову Спаскай царквы, а таксама чатырохгадовае ўтрыманне, Каніскі сапраўды мог на гэтыя грошы заказаць праект Глаўбіцу і распачаць пабудову палаца. Аднак, зусім не лагічна выводзіць гэтакі доўгабуд другой паловы 18 ст., ці тое, што палац быў пабудаваны раней за царкву. 13 лютага 1795 г. Г.Каніскі памёр, пражыўшы ў палацы каля дзесяці год.

З архірэйскім палацам шчыльна злучаны некалькі старонак магілёўскай гісторыі. 8(20) ліпеня 1812 г. у Магілёў і яго ваколіцы ўвайшоў 80–тысячны корпус французскага маршала Даву. Апошні прыняў на сябе пасаду губернатара, прызначыўшы сваім намеснікам польскага генерала Пакоша, які «квартиравал в архиерейском доме со всем своим экипажем, дворовыми чиновниками и служителями». Архірэйскі палац французы меркавалі перадаць у асабістую маёмасць князю Панятоўскаму, а Спаскую царкву зрабіць яго прыдворным касцёлам [4, с. LXXXI; 5, с. 135].

У жніўні 1812 г. французскія жаўнеры шукалі схаваныя каштоўнасці ў Спаскай царкве. У скляпеннях ускрылі труну, у якой быў пахаваны Г.Каніскі і аглядалі захаваўшыся мошчы архіепіскапа [4, с. LXXXIII; 5, с. 137]. Гэты факт быў улічаны пры кананізацыі ў 1993 г. Св. Георгія Каніскага.

У час французскага нашэсця будынак архірэйскага палаца калі і быў пашкодзаны, то вельмі незначна, бо ў верасні 1813 г. пры ўступленні на Магілёўскую катэдру епіскап Данііл адзначыў, што ў архірэйскім доме грошы і рызніцы захаваліся ад спусташэння, але зніклі 8 пушак, падараваных архірэйскаму дому для вырабу звону.

На жаль, ні друкаваныя, ні архіўныя гістарычныя крыніцы, якія ў нас ёсць, не даюць магчымасці прасачыць, як ішло будаўніцтва магілёўскага палаца, не ўтрымліваюць таксама праекта будаўнічых планаў яго. Але пэўнымі даследчыкамі на падставе розных гістарычных крыніц, малюнкаў, апісанняў, фотаздымкаў зроблена планіроўка паверхаў і фасадаў будынка.

Гэта быў мураваны трохпавярховы будынак (трэці паверх – атыкавы ў цэнтральнай частцы), прамавугольны ў плане з сіметрычнымі двухпавярховымі ры-

залітамі па баках, накрыты высокім ламаным дахам. Галоўны і дваровы фасады (з глыбокім гарызантальным рустам сцен, руставанымі пілястрамі на вуглах) маюць крывалінейныя пераходы да рызалітаў, прамавугольныя аконныя праёмы з ліштвямі, філянговыя нішы, тонка прафіляваныя карнізы [6, с. 136; 7, с. 40–41]. Галоўны ўваход (з боку архірэйскага двара) вылучаны арачным парталам з казырком на металічных калонках. У інтэр’еры цэнтральнае месца займаў вестыбюль з трохмаршавай лесвіцай (пасля рамонту 2005 г. часткова знішчана). На першым паверсе знаходзілася парадная зала для прыёмаў і службовыя пакоі, на другім – пакоі архіепіскапа: спальня, кабінет, бібліятэка, на трэцім – гаспадарчыя памяшканні. Палац – гэта унікальная пабудова Магілёва канца 18 ст., выкананая ў стылі беларускага барока па праекту славутага архітэктара І.Глаубіца. І злучынным у адносінах да культуры і гісторыі з’явілася сучаснае пакрыццё даху палаца мета-ладахоўкай і ўмацаванне сцен жалезабетонам.

Пасля кастрычніцкага перавароту 1917 г. некаторы час палац магілёўскіх архірэяў выкарыстоўваўся па свайму першапачатковаму прызначэнню, але ў канцы 1918 г. у ім размясцілася магілёўская губернская надзвычайная камісія па барацьбе з контррэвалюцыяй. Яна праіснавала да сакавіка 1919 г. Ёсць падставы сцвярджаць, што пад час ліквідацыі ў горадзе, так званай, «контррэвалюцыйнай» арганізацыі, у будынку бываў на допытах Магілёўскі каталіцкі біскуп Святаполк-Мірскі, які затым быў расстраляны бальшавікамі. Ёсць, непацверджаныя дакументальна, сведчанні, што ў сутарэннях палаца, пад час дзейнасці губчэка, было закатавана 18 чалавек [7, с. 41].

У час вайны 1941–1945 гг. значна быў пашкоджаны дах будынка. Ад 1946 г. архірэйскі палац выкарыстоўваўся як звычайны жылы дом. З 1982 г. знаходзіўся ў аварыйным стане. У 1992 г. на будынку з’явілася памятная дошка ў гонар Г.Каніскага. Цікавая акалічнасць, яе ўсталяваннем займаўся каталік, вунят і пратэстант, а кіраваў працай праваслаўны Магілёўскі архіепіскап Максім (Кроха). Пасля высялення людзей у будынку планавалася размясціць экспазіцыю музея гісторыі Магілёва. Аднак насуперак логіцы, палац у музея адабралі і перадалі Магілёўскай праваслаўнай епархіі, дзе планавалася размясціць музей Каніскага, бібліятэку і іншае. Цяпер у ім размешчаны праваслаўны цэнтр і гасцініца. У 2005 г. з шматлікімі парушэннямі правіл рэстаўрацыі Магілёўскай праваслаўнай епархіяй быў зроблены бягучы рамонт будынка, праламана капітальная сцяна і на гэтым месцы ўсталяваны гаражныя вароты, у выніку палац як помнік архітэктуры эпохі барока практычна перастаў існаваць.

Незайздросны лёс культавых і часткі грамадзянскіх пабудов Магілёва. Атрымаўшы ў спадчыну на пачатку апошняга стагоддзя другога тысячагоддзя цудоўныя помнікі мінуўшчыны, мы ў большасці не захавалі іх і таму ў трэцім тысячагоддзі мусім рупліва аберагаць хаця б тыя, што засталіся. Перад магілёўцамі стаіць адна з найбольш важных задач – захаванне культурнай і гістарычнай спадчыны Магілёва і яго жыхароў за тысячагадовы перыяд існавання, шырока выкарыстоўваючы яе пры распрацоўцы турыстычных маршрутаў.

1. Агеев, А. Перекрёстки Могилёвской истории / А. Агеев, Я. Климуть, И. Пушкин. – Минск: ООО "Турифо", 2004. – 216 с.
2. Агееў, А.Р. Магілёў на скрыжаванні / А.Р.Агееў, І.А.Пушкін. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Магілёў: Абласная друкарня, 2000. – 96 с.
3. Беларусь и война 1812 года: документы / сост. А.М. Лукашевич, Д.Л. Яцкевич; редкол.: В.И. Адамушко (гл. ред.). – Минск: Беларусь, 2011. – 559 с.
4. Записки игумена Ореста // Археографический сборник документов, относящийся к истории Северо-Западной Руси. – Вильна, 1867. – Т. 2.
5. Опыт описания Могилевской Губернии / под. ред. А. Дембовецкого. – Могилев: Типография губернского правления, 1882. – Т. 1. – 782 с.

6. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Магілёва / Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1998. – 496 с.
7. Пушкін, І.А. Гістарычная і культурная спадчына горада Магілёва: Курс лекцый / І.А. Пушкін. – Магілёў: УА МДУХ, 2006. – 150 с.
8. Слюнькова, И.Н. Архитектура городов Верхнего Приднепровья XVII – середины XIX в. / И.Н. Слюнькова. – Минск: Наука і тэхніка, 1992. – 144 с.
9. Чантурия, В.А. История архитектуры Белоруссии / В.А. Чантурия. – Минск: Вышэйшая школа, 1985. – Т. 1. – 296 с.
10. Чарняўская, Т.І. Архітэктура Магілёва / Т.І. Чарняўская. – Мінск: Навука і тэхніка, 1973. – 96 с.

Л.С. Одинец

1812 ГОД: МЕСТА БОЕВ И ПАМЯТЬ О НИХ НА БРЕСТЧИНЕ

В преддверии 200-й годовщины войны 1812 года особую актуальность приобретает изучение в курсе «История Беларуси» краеведческого аспекта темы «Война 1812 года на Беларуси». Анализ учебной литературы по теме показал, что более глубокого рассмотрения требуют события начального периода войны на южном фланге российских войск, который охватывал и территорию Брестчины, которая входила тогда в состав Гродненской губернии. В июле 1812 года через Брестчину шли части наполеоновских войск, и здесь им было оказано упорное сопротивление. Однако изучение данного аспекта темы представляется затруднительным из-за отсутствия в учебной литературе конкретного фактического материала.

В этой связи, не углубляясь в вопросы военной истории, ставится цель: оказать методическую помощь молодым преподавателям, не имеющим достаточного профессионального опыта, в анализе исторического материала, который содржится в энциклопедической литературе. Для этого необходимо показать:

- место Брестчины на театре военных действий;
- направления ударов русских войск;
- места боев и их результаты;
- увековечение событий войны и памяти погибших на Брестской земле.

В процессе преподавания необходимо обратить внимание на следующие факты и события:

1) в июле 1812 года военные действия на территории Брестчины имели самостоятельное значение и к завершающему этапу войны не были непосредственно связаны с положением на центральном направлении. Войска 3-й Западной армии под командованием генерала А.П. Тормасова (около 20 тыс. чел.) вели бои против союзников французов – саксонского корпуса Ж.Л.Э. Ренье и австрийского корпуса К.Ф. Шварценберга (около 38 тыс. чел.) [4, с. 75; 5, с. 472].

Основные силы неприятеля находились в Пружанах, а отдельные отряды – в Бресте (тогда Брест-Литовске), Кобрине и Пинске. Тормасов решил уничтожить врага в этих населенных пунктах, а затем продолжить борьбу в тылу противника. Созданные им отряды должны были разными путями подойти к Бресту, объединиться и атаковать врага, затем двигаться на Кобрын для соединения с армией Тормасова. Действия одного из отрядов должны были убедить неприятеля в том, будто бы вся армия наступает на Пинск. Этот план был успешно осуществлен.

2) 13 (25) июля передовые части 3-й армии нанесли поражение крупным кавалерийским отрядам наполеоновских войск под Брестом и освободили город.

В 1962 году в память об этом сражении и в связи со 150-летием войны 1812 года в сквере, который расположен перед Северными воротами Брестской крепости, установлен мемориальный знак [2, с. 12].

3) в ходе операции российских войск был освобожден и Пинск, а в качестве трофея взята пушка. Об этом событии напоминает памятник – гранитная глыба с пушкой у подножия, установленный в городе в 1978 году [3, с. 326].

4) 15 (27) июля 1812 года на окраине Кобрина произошел бой между российскими войсками и четырехтысячной пехотной бригадой корпуса Ренье. Саксонцы вынуждены были оставить город, который охватили пожары. В огне сгорели 548 домов из 630 [3, с. 243]. После боя, на крыльце сохранившегося главного здания Спасского монастыря, Торماسов принял капитуляцию остатков разбитой бригады. Были взяты в плен 2382 солдата, 76 офицеров, 2 генерала [1, с. 394].

Кобринский бой был первой значительной победой российских войск в ходе войны 1812 года.

К 100-летию боя в Кобрине был открыт памятник Победы 1812 года [1, с. 394]. В память о воинах, погибших во время боя, на соборе Александра Невского установлена мемориальная доска [3, с. 250]. Память о воинах увековечена и в д. Лесково Кобринского района. Здесь в 1986 году на воинском захоронении насыпан курган высотой 1,5 м. и сооружен обелиск с изображением памятника Победы 1812 года, установленного ранее в Кобрине [3, с. 258].

5) после поражения французских войск под Кобрином обеспокоенный Наполеон приказал Шварценбергу осуществлять общее командование австро-саксонскими войсками. Оба корпуса, Ренье и Шварценберга, 31 июля (12 августа) атаковали армию Торماسова.

Возле деревень Городечно и Поддубно Кобринского уезда Гродненской губернии (ныне Пружанский район Брестской области) произошла Городечненская битва. Подступы к позициям русских войск с фронта проходили только по гатям через заболоченную пойму притока р. Мухавец, правый фланг упирался в болото, левый – в густой лес. Русские своевременно обнаружили наступление корпуса Ренье в обход левого фланга, почти 10 часов отбивали атаки, взяли в плен 234 чел. Атаки корпуса Шварценберга против правого фланга были также отбиты, после чего русские войска отошли, сохранив свою боеспособность. В Городечненской битве враг потерял от 3-х до 5-ти тыс. солдат и офицеров [5, с. 472]. Шварценберг в августе – сентябре 1812 года был вынужден отказаться от активных боев против армии Торماسова.

На месте битвы построена каменная часовня (заложена в 1912 году). На ее стенах были высечены наименования воинских частей, участвовавших в битве, и имена погибших воинов. Официальное открытие памятника не состоялось в связи с началом Первой мировой войны. В 1915 году около часовни хоронили погибших российских солдат. В годы Великой Отечественной войны часовня была разрушена, сохранился шестигранный цоколь. На его фасаде установлена металлическая плита с памятной надписью.

В 1962 году в связи со 150-летием битвы на 22-м км шоссе Пружаны – Высокое, около поворота на д. Поддубно, воздвигнут семиметровый обелиск [3, с. 365; 5, с. 472].

6) после Городечненской битвы армия Торماسова покинула территорию Гродненской губернии. Военные действия на Брестчине возобновились в октябре – ноябре 1812 года во время бегства наполеоновской армии из России.

Таким образом, в 1812 году:

- Брестчина стала ареной военных действий;
- в ходе боев, несмотря на численное превосходство наполеоновских войск, 3-й армии Торماسова удалось освободить от врага города Брест, Пинск, Кобрин, нанести ощутимый урон живой силе противника в Кобринском бою и Городечненской битве;

- память об этих событиях увековечена на местах боев 1812 года в памятниках, обелисках и мемориальных знаках.

Приведенный фактический материал может быть использован в лекционном курсе и на семинарских занятиях.

1. Беларусь: энцыкл. даведнік / рэд. калегія: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн.: БелЭн, 1995. – 800 с.
2. Белорусская ССР : Брестская область. – 3-е изд., перераб. и доп. – Мн: Беларусь, 1997. –207 с.
3. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора, Белорус. Сов. Энцикл.; редкол.: С.В. Марцелев (гл. ред.) [и др.]. – Мн.: БелСЭ, 1990. – 424 с.
4. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 1. А – Беліца / рэдкал. : М. В. Біч [і інш.]. – Мн.: БелЭн, 1993. – 494 с.
5. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 2. Беліцк – Гімн / рэдкал. : Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн.: БелЭн, 1994. – 537 с.

Е.Л. Захарова **ПАМЯТНЫЕ МЕСТА ВОЙНЫ 1812 ГОДА** **НА ПОЛОТЧИНЕ**

Время неумолимо. Все дальше и дальше уходят в прошлое события той далекой войны. Неизменным остается только человеческая память. Память о горьких и радостных событиях, которые происходили задолго до нашего рождения. И чтобы помочь людям помнить, необходимо беречь все то, что досталось нам от наших предков.

Война 1812 г., одна из самых значительных не только в российской, но и в белорусской истории. Полоцк и его окрестности принадлежали к наиболее пострадавшим от военного лихолетья белорусским городам. Именно на полоцкой земле произошли события, которые оставили знаменитый след в результате значимых и кровопролитных сражений этой войны.

7 июля передовые части французского маршала Н. Ш. Удино остановились на левом берегу Западной Двины в 6,7 км от Полоцка. 14 июля части 25-тысячного корпуса Н. Ш. Удино вошли в Полоцк.

18–20 июля 1812 года в 40 км от Полоцка у деревни Клястицы произошло сражение, которое изменило планы французской армии. Битва началась 18-го июля около 2-х часов дня столкновением у соседней с Клястицами деревни Якубово русского авангарда с дивизией Леграна и закончилась победой русской армии 20 июля. Не знавшее до этого поражений войско Наполеона Бонапарта было остановлено. Маршал Удино отступил за Двину, оставив за собой укрепленный Полоцк, и, таким образом, наступление французов на Петербург провалилось.

Согласно рапорту генерала Витгенштейна, количество пленных исчислялось в 3 тысячи, число убитых и раненых французов он оценил со слов пленных в 10 тысяч. Это была первая крупная победа в войне. В последний день этого трехдневного сражения, 20 июля 1812 года, не дожив всего несколько дней до своего сорокадевятiletия, у деревни Сивошино погиб славный воин, уроженец этих мест, генерал Яков Петрович Кульнев. Сражение под Клястицами, где генерал сыграл решающую роль, имело весьма важное значение.

5–6 августа произошла первая из кровопролитных Полоцких битв. Затем наступило временное затишье вплоть до 7 октября. 7 октября 1812 года, в 5 часов утра, был дан приказ начать атаку полевых укреплений. Центром наступления стал мост через реку Полота. Мост сильно обстреливался с вала и с того места, где теперь в городе находится здание Дома офицеров.

В 3 часа ночи 8 октября 12-я дружина Петербургского ополчения ворвалась в город. Французы отступили. 8 октября, на рассвете, граф Витгейнштейн во главе корпуса торжественно въехал в город. В боях погибло 7 тысяч французов.

Русские взяли в плен около 6000 человек нижних чинов, около 100 офицеров, 9 пушек, 22 знамя, захватили провиант и другие трофеи [6, с. 306–307].

Официальными властями, общественными организациями и частными лицами проводилась большая работа по чествованию памяти погибших во время войны 1812 года, по отысканию захоронений, установлению памятников и памятных знаков. И так случилось, что первый и последний памятники героям войны 1812 года были установлены именно на Полотчине.

Первым по личному указанию императора Николая I, был открыт памятник на могиле Я.П. Кульнева. Генерал первоначально был захоронен на месте гибели под д. Клястицы, а точнее, около деревни Соколище. Местонахождение первой могилы около деревни Соколище (приблизительно 17 км от Клястиц) указывает на то, что его останки везли от места гибели до следующего привала и только потом захоронили.

В 1816 году, по просьбе братьев Николая, Михаила и Ивана тело Я. Кульнева было перезахоронено у Сивошина перевоза около д. Сивошино Полоцкого уезда Витебской губернии, на берегу реки Дриссы [7, с. 439].

Летом 1828 г. император Николай I узнал, что на могиле, в которой покоится Я. Кульнев нет никакого памятника. Стоит лишь ветхий деревянный крест. Данный факт возмутил императора, и он повелел установить на могиле гранитный памятник. Работы по возведению монумента были возложены на Инженерный департамент Военного министерства. Департаментский архитектор А.Е. Штауберт разработал три различных варианта памятника, которые были представлены царю. 20 сентября 1829 г. Император утвердил вариант под № 1. С 18 мая по 3 июня 1830 г. памятник был установлен, а 14 июля торжественно открыт. Монумент должен был состоять из плиты и цоколя, изготовленных из красного финляндского гранита, на котором возвышалась пирамида из сердобольского гранита. На пирамиде бронзовыми буквами были сделаны надписи: «Генерал-майор Кульнев», а чуть ниже, в лавровом венке, указана дата гибели генерала: «20 июля 1812 г.». В средней части, также позолоченными буквами, приведена строфа из стихотворения В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов». Внизу помещена бронзовая военная арматура из знамен, ружей, пик [2]. Уход за памятником был возложен на полоцкие уездные власти.

Затем, в 1831–1932 годах (разные источники указывают различные даты), родственники перенесли его прах в имение его брата – Михаила Петровича Кульнева – Ильзенберг Режицкого уезда [12, с. 439]. (сейчас Ильзенкалнс, Латвия). Но, не смотря на это, уход за памятником продолжался вплоть до 1917 года. Дальнейшая судьба памятника не выяснена. Памятник на могиле существует и сегодня, но выглядит он уже иначе.

Возведение памятника в честь событий Отечественной войны в самом г. Полоцке, было связано с реализацией знаменитого проекта 1835 г. Готовясь к празднованию 25-летия взятия Парижа, Николай I повелел возвести монументы на полях 15 важнейших сражений 1812 г. [3, с. 253]. Грандиозный проект в полном объеме не был осуществлён. В связи с недостатком денег, 27 февраля 1848 г. Николай I повелел возведение монументов прекратить, но закончить уже начатые работы по установке памятника под Полоцком. Более того, император указал на необходимость установки подобного памятника и в местечке Клястицы [3, с. 254]. По распоряжению Витебского губернатора: «Чтобы памятник доблестей русских воинов и достопамятной войны 1812 года сделался известным юношеству, готовящемуся к службе» - было выбрано место на корпусной площади [4, с. 43].

Освящение фундамента и закладка памятника состоялось 29 июня 1848 года. Торжественное открытие памятника состоялось по указанию Николая I, 26 ав-

густа 1850 г. Памятник представлял из себя остrokонечную, восьмистороннюю пирамиду, увенчанную чешуйчатым куполом, с позолоченным крестом. Основание его круглое: средняя часть украшена 8 бронзовыми золочеными орлами, поставленными на колонках, поддерживающими верхнюю каноническую часть памятника. Со стороны Витебской улицы была укреплена на памятнике следующая надпись: «Битва при Полоцке 5 и 6 августа и взятие сего города приступом 7-го октября 1812 года. Поражение Удино и Сен Сира Графом Витгенштейном». Со стороны Никольского собора Полоцкого кадетского корпуса укрепили другую надпись: «Взято в плен неприятеля 4.500 человек. Отбито 3 орудия». Памятник был передан начальству кадетского корпуса для содержания его в порядке [4, с. 44].

Сведений о памятнике в первые годы советской власти почти не сохранилось. Известно, что в революционные дни с памятника сняли орлов с коронами. В 1930 - е годы памятник был уничтожен. «В 1930 или 1931 году памятник был снесен на металл для нужд I пятилетки» [4, с. 47]. В июле 1935 года, когда на месте разрушенного монумента Отечественной войне 1812 года был заложен памятник В. И. Ленину. Далее история памятника развивалась следующим образом: 20 декабря 1988 года Витебское областное отделение Белорусского добровольного Общества охраны памятников истории и культуры выступило с инициативой восстановить памятник героям 1812 года в г. Полоцке. В 1989 году эта инициатива была поддержана Полоцким городским исполнительным комитетом. В 1990 году даже был разработан проект и создан макет памятника, начался сбор добровольных пожертвований для его восстановления. Но осуществить до конца этот проект так и не удалось в связи с тем, что в стране началась перестройка.

Однако к идее воссоздания памятника вернулись в новом, третьем, тысячелетии. Совместные усилия городских властей и общественности, при государственной поддержке увенчались успехом и 21 мая 2010 года в Полоцке был воссоздан и торжественно открыт памятник-часовня героям Отечественной войны 1812 года.

В городе Полоцке есть еще одно памятное место, которое непосредственно связано с событиями времен Отечественной войны 1812 года. Это Красный мост. Деревянный мост через реку Полота 8 октября 1812 года стал местом жестокой битвы и, по воспоминаниям очевидцев, был весь залит кровью, усеянный трупами. В память об этих событиях его стали называть Красным. Мост был деревянным и не очень прочным, но служил полочанам очень долго. Однако, к 1973 году он совсем пришел в аварийное состояние и даже пешеходам проходить по нему стало невозможно. Остро встал вопрос о строительстве нового моста.

В 1974 году началось строительство нового моста через реку Полота [1]. По ряду причин строительство затянулось на полтора года. Новый мост строился по индивидуальному проекту, который разрабатывался под его историческую подоплеку. С этой целью перила моста отделаны барельефами с изображением символики войны 1812 года. В конце 1975 года в Полоцке открылось транспортное и пешеходное движение по только что возведенному мосту, соединившему берега р. Полоты в том месте, где раньше находился деревянный Красный мост. Такое же название получил и новый. В эти же годы сразу за мостом была установлена мемориальная плита следующего содержания: «Через этот мост русские войска под командованием генерала Витгенштейна и отряда Петербургского ополчения после ожесточенных боев 6-8/19-21/октября 1812 г. вошли в город и освободили его от неприятеля, чем положили начало изгнанию наполеоновских войск с белорусской земли. С того времени в память о погибших и пролитой крови этот мост стал называться «КРАСНЫМ».

Последним монументом, возведенный в честь Отечественной войны 1812 г. по плану императора Николая I, был памятник в местечке Клястицы. Его строи-

тельство велось инженер – поручиком Доморацким по типу всех памятников, созданных архитектором Антоном Адами. Надписи на нем гласили следующее: «Сражение при Клястицах 19 июля 1812 года. Поражение Удино Графом Витгенштейном. Взято в плен неприятеля 912 человек» [4, с. 20].

26 августа 1857 г. монумент был освящен и передан Александровскому Комитету. В связи с отдаленностью от губернского центра, Министерство финансов России настояло, чтобы при памятнике постоянно находилось два сторожа. Памятник был удален от уездного центра, поэтому ни особого присмотра, ни необходимого регулярного ремонта за ним не осуществлялось. Лишь к столетнему юбилею памятник был приведен в порядок [2]. В советские годы памятник постигла та же участь, что и памятник в г. Полоцке. «В 1930 годы был снесен памятник такого же устройства в м. Клястицы Россонского района в честь победы над французами 19 июня 1812 г.» [4, с. 47]. Впоследствии памятник восстановлен не был. Но вместо него в 1962 году в центре деревни установлена стела в честь 150-летия победы русских войск в сражении под Клястицами, которую сменил в конце 1980-х годов скромный мемориал [4, с. 19].

Память о войне 1812 года хранит так же мемориальный знак в деревне Жарцы. Это одно из мест зарождения партизанского движения 1812 года на территории Беларуси. Знак установлен в 1986 году [5, с. 667] в честь партизанского отряда Максима Маркова.

Многое из истории памятников в честь событий Отечественной войны 1812 года на Полотчине сегодня еще не известно. Иногда даже возникают трудности в определении даты установки того или иного памятника. Но нельзя строить счастливое и справедливое будущее без знания своего прошлого. Обычно история за это наказывает.

1. Протоколы № 6–8 заседаний исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся. Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 658. – Оп. 6. – Д. 355.
2. Малышкин, С. Отечественная война 1812 г. Памятники Отечественной войны на территории Полоцка и его уезда / С. Малышкин // Коммунар-пресс [Электронный ресурс]. – 09.12.2011. – Режим доступа: <http://kommunar-press.ru/content/view/2574/36/>. – Дата доступа: 12.01.2012.
3. Отечественная война 1812 г. и Российская провинция в событиях человеческих судеб и музейных коллекциях. – Малоярославец, 2010. – 300 с.
4. Памятник в воспоминания сражений при Полоцке в 1812 году/сост. Судник А.И. – Полоцк: Полоцк. кн. изд-во, 2010. – 64 с.
5. Память. Полоцкі раён. – Мінск: Вышэйшая школа, 1999. – 700 с.
6. Рапорт, П.Х. Витгенштейна Александру 1...№ 285 / П.Х. Рапорт // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. – М., 1962. – С. 306–307.
7. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. – Т. VII – М.: Студия «ТРИГЭ» Н. Михалкова, 1996. – С. 439.

В.Ю. Бароўка
ПАДЗЕІ ВАЙНЫ 1812 ГОДА
Ў ІНТЭРПРЭТАЦЫІ БЕЛАРУСКІХ ПРАЗАІКАЎ

Вайна 1812 года не часта станавілася прадметам мастацкага ўвасаблення ў беларускай прозе. Адна з першых спроб апаведу пра яе – кароткі эпизод у кнізе Яна Баршчэўскага “Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях” (1844–1846), дзе па экстралітаратурных прычынах у сімволіка-алегарычным плане беларуска-польскім аўтарам гаварылася пра крываваю бітву пад Клясціцамі: “Гэта бура ў Клясціцах, на Пецяўбурскім гасцінцы; з далёкіх краёў прыйшла яна сюды, сеючы свінцовым градам; дарэмна імкне на поўнач: там моцныя вятры і маразы спаткаюць яе” [1, с. 136–137].

Амаль праз сто гадоў пасля Яна Баршчэўскага да мастацкага асэнсавання вайны 1812 года звярнуўся беспадстаўна рэпрэсаваны Барыс Мікуліч. Падзеі ў яго аповесці “Адвечнае” (1947 г., але надрукавана толькі ў 1972 г.) пачынаюцца восенню 1811 года, калі Напалеон вядзе падрыхтоўку да вайны з Расіяй, калі частка польскага грамадства выношвае планы адрадыць Рэч Паспалітую на чале з князем Панятоўскім. Актыўнымі арганізатарамі прапольскіх сіл на беларускай зямлі ў творы, як і ў знакамітай паэме “Пан Тадэвуш” Адама Міцкевіча, паказаны каталіцкія манахі. Адзін з галоўных герояў аповесці купец Казімір Руткоўскі перакананы, што народ не падтрымае ні Напалеона, ні Панятоўскага, хоць і шмат напакутаваўся ад рускага цара. Шляхта і манахі мараць пра перамогу Напалеона над Аляксандрам І. Яны ўпэўнены, што надыхоў час дастаць сцягі, пад якімі продкі некалі змагаліся на Грунвальдскім полі. У трактоўцы Мікуліча, пазіцыя арыстакратаў неадназначная. Так, граф Тэадор Тышкевіч баіцца падтрымліваць французаў, каб не пазбавіцца маёмасці, а яго жонка, жорсткая прыгонніца, гатова па першаму закліку стаць пад штандары Панятоўскага. Аўтар падкрэсліваў непапулярны ва ўсіх пластах грамадства саюз Расіі і Францыі, згадваў пра каланіяльную блакаду Англіі, пра грунтоўную падрыхтоўку Напалеона да вайны, пра перанасычанасць расійскіх прастораў напярэдадні вайны французскімі шпіёнамі. Паведамленне пра пераход граніцы французамі стылёва блізкае да “Вайны і міра” Льва Талстога: “Дваццаць чацвёртага чэрвеня 1812 года “Grande armee” Напалеона рушыла праз Нёман. Першымі ступілі на літоўскія і беларускія землі палякі. Гэта была своеасаблівая дэманстрацыя, прыдуманая для таго, каб апраўдаць перад гісторыяй, мусіць, вераломны напад на славянскія землі “вызваленнем Польшчы з-пад прыгнёту рускага цара”. Частка палякаў 13 палка загінула ў хвалях вялікай ракі, і яны, гэтыя загінуўшыя, былі самымі шчаслівымі ўдзельнікамі “рускага паходу”, бо загінулі яны з надзеяй” [2, с. 130]. Пачатак эпічнай і панарамнай па характару аповесці “Адвечнае” дае падставы сцвярджаць, што Мікуліч пры ўзнаўленні падзей 1812 года абапіраўся не толькі на гістарычныя факты, мастацкі вымысел, але і на эстэтычны вопыт аўтараў “Пана Тадэвуша” і “Вайны і міра” ў паказе грамадскай сітуацыі таго часу.

Напалеон, паводле беларускага пражані, разлічваў, што яго саюзнікамі стануць шляхта і прыгоннае сялянства, аднак вельмі хутка сяляне зразумелі, што захопнік “яшчэ горш паноў бярэ ўсё, што трапіць” [2, с. 147]. Шляхціцы таксама ўбачылі, што французы кіруюцца толькі сваімі інтарэсамі. Так, Вітольд Радзівіл-Сасноўскі апрануў французскі мундзір, каб змагацца за сваю Айчыну, але ў спадчынным маёнтку ваяўнічы напалеонаўскі капрал забіў яго за зробленую таму заўвагу. Ва ўмовах вайны прыгонныя сяляне сталі абаронцамі роднай зямлі і ўласных сем’яў. Б. Мікуліч згадваў пра разгортванне партызанскіх дзеянняў, пра камандзіраў рускіх партызанскіх атрадаў Давыдава, Сяславіна, Фігнера. Письменнік акцэнтаваў увагу на тым, што рускае апалчэнне атрымала зброю ад царскіх улад, а “на Беларусі, дзе большасць земляў і сялян належала польскім панам, сяляне не атрымалі зброю з рук паноў, улады, бурмістраў – яны самі ўзялі яе” [2, с. 175]. Мікуліч вельмі падрабязна, амаль з дакументальнай дакладнасцю, расказваў пра адступленне Напалеона па тэрыторыі Беларусі: “6 лістапада асноўныя часткі адступаючай напалеонаўскай арміі дасяглі Оршы” [2, с. 184]; “Адмірал Чычагоў з 30 тысячамі авалодаў пераправай ля Барысава і часткова перакінуўся на левы бераз ракі” [2, с. 185]. Письменнік у схематызаваным мастацка-публіцыстычным стылі свайго часу ахарактарызаваў і вынікі ваеннай кампаніі 1812 года: “Вайна ўскалыхнула народныя масы. Аднак надзеі іхнія на вызваленне не апраўдаліся. Рушыўшы ў кінутыя перад вайной маёнткі, абшарнікі перш за ўсё паклапаціліся

аб раззбраенні апалчэння, партызан, мужыкоў. Раб са стрэльбай у руках пераставаў быць рабом. Аднак надзея – гэта кветка, што квітнее на жывой галіне, не вяне. Адквітнее, абсыплюцца пялёсткі, аднак жа пройдзе зіма, прыгрэе веснавое сонца – і кветка зноў гарыць прывабным агнём-цветам” [2, с. 188].

Аповесць Б. Мікуліча – спроба адлюстраваць падзеі Айчыннай вайны і праз іх асэнсаваць сітуацыі Вялікай Айчыннай вайны, акцэнтаваць вальналюбства як дамінантную рысу народнага характару. У аповесці відавочныя адступленні ад гістарычных фактаў, бо аўтар нагадаў пра суперніцтва Каралеўства Польскага і Вялікага княства Літоўскага за ўвагу Напалеона. Насамрэч, згодна з Тыльзіцкім мірам 1807 года, Напалеон стварыў васальнае Герцагства Варшаўскае, а ў захопленай Вільні Напалеон загадаў стварыць Часовы ўрад – Камісію Вялікага княства Літоўскага, паўнамоцтвы якой распаўсюджваліся на Віленскую, Гродзенскую, Мінскую, Беластоцкую губерніі, дзе былі ўтвораны дэпартаменты, якія павінны былі ва ўсім дапамагаць напалеонаўскай арміі.

Невялікая па памерах аповесць “Сны імператара” (1990) Уладзіміра Арлова пабудавана ў форме плыні думак Напалеона, сасланага на востраў святой Алены, дзе ён прыгадаў 1812 год. У Арлоў супастаўляў уваход Напалеона ў Вільню і ў Віцебск. Перад патрыятычна настроенымі віленцамі 28 чэрвеня 1812 года французскі імператар заявіў: “На вашым месцы я думаў бы і рабіў, як вы, бо любоў да Айчыны – галоўная дабрачыннасць адукаванага чалавека. У маім становішчы даводзіцца лічыцца з мноствам інтарэсаў і выконваць безліч абавязкаў, але, калі б я быў імператарам французам у час падзелаў вашае Айчыны, я ўзброіў бы ўвесь мой народ, каб падтрымаць вас...” [3, с. 347]. Сабе імператар прызнаваўся, што размовы пра падтрымку незалежнасці іншых народаў для яго ўсяго толькі дыпламатычныя гульні дзеля набыцця новых прыхільнікаў. Напалеон спрабаваў выкарыстоўваць палітычныя пралікі Аляксандра I на беларускіх землях: “Аляксандр спрыяў тут развіццю польскай адукаванасці і польскага характару дзяржаўнага жыцця і – нястомна разбураў гэты парадак сваімі ўказамі і загадамі. Пад уплывам фаварытаў цар увесь час вагаўся, быццам маятнік, – ад думкі аднавіць Вялікае княства Літоўскае да ідэі канчаткова ператварыць яго ў расейскую правінцыю” [3, с. 348]; “Дзяржаўныя падаткі збіралі тут, у адрозненне ад усёй імперыі, толькі ў звонкай манеце, і гэты пры курсе, калі 100 папяровых рублёў, роўныя 22 срэбным. Плаціць асігнацыямі дазволена толькі летась. А калі сюды дадаць яшчэ колькі спусташальных паходаў расейскіх войскаў і немагчымасць пасля Тыльзіцкага міру вывозіць збожжа ў Англію...

Апрача таго, кожныя восем з дзесяці жыхароў краіны – грэка-католікі, якіх Пецярбург пачынае пераганяць у праваслаўе, каб адабраць магчымасць гаварыць з Богам на сваёй мове і хутчэй зрабіць у душы расейцамі. На гэты конт ён, імператар, выдасць адмысловы ўказ. Ён памятае, што ўніяцкія святары не чыталі ў сваіх храмах пасланне расейскага сінода, дзе з падказкі царскага двара яго, Напалеона, абвяшчалі папярэднікам Антыхрыста” [3, с. 349]. Напалеон лічыў сваю стратэгію правільнай: “Ён прыйшоў сюды як вызваліцель і за абяцанне аднавіць Вялікае княства атрымае не толькі правянт і фураж, але і стотысячнае войска, якое Агінскі дакляраваў імператару Аляксандру” [3, с. 350]. Але ён быў вымушаны затрымацца ў Вільні, каб здабыць войску прыпасы, Часовы ўрад Княства не спяшаўся выконваць свае абавязкі, беларуская зямля не дала яму сто тысяч валандэраў для паходу ўглыб Расіі. Напалеон іранічна каменціраваў ахвяраванні беларусаў на Вялікую армію: “Нейкі наваградскі шляхціч не пашкадаваў на шапкі французскім сапёрам ажно цэлае футра з сібірскага мядзведзя. Які чулівы клопат пра вызваленне Бацькаўшчыны! Ад князеўны Радзівіл атрымана 30 бочак мукі, 2

– крупаў, 10 валоў, 12 бараноў. І гэта найбагацейшы род, пра які склалі прымаўку: кароль у Варшаве, а Радзівіл у Нясвіжы. Кажуць адзін з Радзівілаў калісьці купіў у Парыжы перад сваім домам цэлы квартал, а потым загадаў гэты квартал знесці – каб не блукалі ўначы, ідучы ў суседнюю цукроўню па ўлюбёныя княжыя цестачкі, ягонны пахолкі. 2 бочкі крупаў... Гонар роду ратуе князь Дамінік, які забяспечыў зброяй і рыштункам увесь свой полк. 12 бараноў... А вось яшчэ адно шчодрое ахвяраванне вызваліцелям: рэштата як і тры фунты масла. І пра такую шчодрасць яны яшчэ адважваюцца пісаць у газетах!” [3, с. 353]. Маладая жанчына ў белым, якая прыйшла прасіць да Напалеона паспрыяць незалежнасці яе Радзімы, папярэдзіла імператара, што большасць дваран, асабліва ў правінцыі, абьякавыя да грамадскіх спраў: “Гэтыя людзі хочуць толькі, каб іх не чапалі, не вельмі за-лазілі ў гаманцы, не адбіралі звычайных правоў, а хто і што пануе ў краіне – ім амаль абьякава” [2, с. 355]. Французскі імператар паабяцаў, што закончыць кампанію ў Менску і Смаленску, умацуе заваяваныя гарады і вернецца ў Вільню, каб узімку заняцца праблемамі гэтага краю, даць яму незалежнасць: “Я не перайду Дзвіны. Прысягаю вам. Ісці сёлета далей – тое самае, што самахоць ісці насустрач гібелі...” [3, с. 355].

Імператар не стрымаў свайго слова. Напалеон накіраваўся ў Віцебск, дзе спыніўся ў палацавых апартаменты на беразе Дзвіны, якія ў 1811 годзе спецыяльна падрыхтавалі для герцага Аляксандра Вюртэмбергскага, прызначанага Аляксандрам І губернатарам дзвюх губерняў. Калі Напалеон заняў Віцебск, то пераконваў сябе, што ваенная кампанія скончана. У жніўні 1812 года ніхто ў Віцебску не сустракаў французскае войска з кветкамі. Напалеон загадаў умацоўваць горад, да хрысціянскіх святынь захопнікі паставіліся непаважліва і надзвычай прагматычна: “На вуліцах выраслі барыкады з гостраканечным частаколам і землянымі валамі. За ракой, у царкве святога Сімяона, ён паставіў гарматы, ператварыўшы вокны храма ў амбразуры, Дзвіну перасеклі тры масты. На пляцы перад домам дваранскага сходу і ў самім доме зладзілі хлебныя печы. Успенскі сабор ён ператварыў у шпіталь, царкву Уваскрэсення на рынку – у склад сена і саломы. Кляштар бернардынцаў стаў правіянцкім складам, і яшчэ адзін храм Уваскрэсення – млынам, а старая Барысаглебская царква, што самотна стаяла над Дзвіною, – парахавым сховішчам” [3, с. 365].

У Вільні імператар любіў сустракацца з месцічамі, а ў Віцебску Напалеон адмовіўся ад конных паездак па горадзе, бо стаміўся слухаць скаргі месцічаў на самавольства яго салдат. Адночы ён зайшоў у дом да месціча: “Гаспадарам, сапраўды, цяжка было пазайздросціць. На фартэпіяна стаялі рондалі, гаршкі і патэльні. Сад быў ператвораны ў стайню і пашу. Не ўважаючы на поўную дрывотню, жаўнеры ламалі на дровы згароду, секлі ў пакоях мэблю. У гасцёўні, калі ён убачыў паміж фамільнымі партрэтамі развешаныя на сценах кавалкі сырога мяса, яго ледзь не званітавала. Зрэшты, на вайне, як на вайне” [3, с. 363]. Ход баявых дзеянняў на тэрыторыі сучаснай Беларусі аўтар узнаўляў праз успаміны Напалеона. Тым самым У. Арлоў падкрэсліваў абазнанасць імператара ў сітуацыі, якая складвалася на франтах: “Армія Тармасавы разбіла пад Кобрынам яго саксонскі корпус, а Баграціён паспеў перавесці свае дывізіі на левы бераг Дняпра. Яму не ўдалося ўцягнуць у вялікую пагібельную бітву Баркляя дэ Толі. Баркляй здолеў трыма дывізіямі спыніць ягоны 25-тысячны авангард каля мястэчка Астроўна. Тры дні ад раніцы да вечара ішлі несупынныя баі. Тры дні ён амаль не сыходзіў з каня, не спыняючыся ні ў вёсках, ні ў шляхецкіх дамах. На дзесяці вёрстах шляху ад Астроўна да Лучосы забітыя ці параненыя ляжалі на кожным метры, але расейскай арміі ўсё ж удалося адарвацца <...> Не самыя ўспешлівыя рэля-

цы прыходзяць і з Полацка. Днямі пад Клясціцамі расейскі корпус Вітгенштэйна сустрэўся з Удзіно. У Вітгенштэйна было 17 тысяч войска і 108 гарматаў, Удзіно меў 29 тысяч і 114 гарматаў. Яго маршал, наступаючы па Пецяўбургскім тракце на поўнач, заняў Клясціцы, аднак расейцы на чале з Якавам Кульнёвым контратакавалі і праз дзень вярнулі вёску сабе. Гэта былі тыя самыя гарадзенскія лейб-гвардзейцы, якіх яшчэ ў 1807 годзе ягоныя жаўнеры з павагай і страхам прызвалі “сінімі гусарамі” <...> Тым часам маруду Макдональда як быццам нейкія чары прыкавалі да Дынабурга” [3, с. 365–366]. Напалеон, у трактоўцы Арлова, – чалавек, перакананы ў сваёй выключнасці і апантаны прагай славы, які верыць у сваю шчаслівую зорку, нават насуперак абставінам. Так, падчас адступлення ў Смаргоні ён думаў пра новы пераможны паход на Расію.

Вядомы нямецкі пісьменнік Л. Фейхтвангер заўважыў: “Я не магу паверыць, што сур’ёзны раманіст, які працуе над гістарычным сюжэтам, бачыць у гістарычных фактах нешта іншае, акрамя сродку стварыць перспектыву, акрамя алегорыі, якая дапамагае нам як мага праўдзівей перадаць уласную эпоху, уласную карціну свету” [4, с. 575]. У літаратурным творы, сапраўды, гістарычны матэрыял – сродак для фарміравання і ўвасаблення пісьменніцкай канцэпцыі пэўнай гістарычнай з’явы ці сваёй эпохі. Аповесць “Адвечнае” Б. Мікуліча стала ўвасабленнем роздуму пісьменніка над лёсам народа ў складаных жыццёвых абставінах, над шляхамі барацьбы за волю. “Сны імператара” У. Арлова – твор не столькі ўласна пра ваенную кампанію 1812 года, колькі пра псіхалогію, паводзіны чалавека, надзеленага вялікай уладай, пра суадносіны палітыкі і маралі, мэты і сродкаў барацьбы, абраных для вырашэння мэты.

1. Баршчэўскі, Я. Творы. / Я. Баршчэўскі. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1998. – 480 с.
2. Мікуліч, Б. Адвечнае: аповесць / Б. Мікуліч // Польшча. – 1972. – № 8. – С. 88–92.
3. Арлоў, У. Сны імператара: аповесці, аповяданні, эсэ. / У. Арлоў. – Мінск: Маст. літ., 2001. – 383 с.
4. Фейхтвангер, Л. Собр. соч.: в 12 т. / Л. Фейхтвангер. – М.: Худож. лит., 1968. – Т. 12. – 689 с.

А.І. Смолік АДЛЮСТРАВАННЕ ПАДЗЕЙ ВАЙНЫ 1812 ГОДА НА БЕЛАРУСІ Ў ТВОРЧАСЦІ ПЕТЭРА ХЕСА

У айчынным і еўрапейскім батальным жывапісу франка-расійская вайна 1812-1813 гг. знайшла ўсебаковае ўвасабленне. Беларускімі мастакамі напісана шмат твораў, у якіх ўвасоблены важнейшыя падзеі вайны. Так, Ян Дамель стварыў некалькі шырокавядомых карцін на дадзеную тэматыку: “Напалеон на біваўку пад Аўстэрліцам”, “Разбітыя войскі Напалеона на плошчы ратушы ў Вільні”, “Адступленне французў праз Вільню ў 1812 г.”. Тэафілу Кісліngu належыць карціна “Сустрэча Аляксандра I з Напалеонам у 1807 г.”. Ян Сухадольскі выказаў свае адносіны да вайны ў карціне “Трыумф Напалеона”. Сярод еўрапейскіх мастакоў XIX ст., якія прысвяцілі сваю творчасць бляску зброі, сутыкненню тысячных армій, трагічным калізіям гэтага часу, значнае месца займае нямецкі мастак Петэр Хес. Яго пэндзлю належыць серыя з 12 карцін, у якіх адлюстраваны важнейшыя бітвы 1812-1813 гг., якія высока цаніліся ў 1840-1850-е гады. Асаблівы інтарэс яны ўяўляюць і для беларусаў, так як шэраг палотнаў адлюстроўваюць ваенныя падзеі, якія адбыліся на тэрыторыі нашай краіны.

Петэр Хес нарадзіўся 29 ліпеня 1792 г. у Дзюсельдорфе. Яго бацька і два браты (Генрых і Карл) былі вядомымі мастакамі. Петэр таксама закончыў Мюнхенскую акадэмію мастацтваў і хутка стаў даволі вядомым у асяроддзі мюн-

хенскай школы батальнага жывапісу. Як удзельнік вайны 1813 г. Петэр на падставе ўласных уражанняў напісаў шэраг карцін “Казакі, атакуючыя французскіх кірасір”, Баварскі афіцэр каля Смаленска падчас вяртання на радзіму”, “Раніца бітвы пры Бар-сюр-Об” і інш. Творчасць Хеса была добра вядома аматарам элітарнага мастацтва Расіі. Яго творы меліся ў рускіх зборх. З архіва Эрмітажа вядома, што Ферму ў Пецаргофе ўпрыгожвалі шэраг твораў П. Хеса: “Казакі, узяўшыя ў палон французскага кірасіра”, “Італьянцы, абараняўшыся ў гарах ад нападу непрыяцеля”, “Казакі, атакуючыя транспарт раненых, якія вярталіся з Расіі ў 1812 г.”. У Кацярынінскім палацы ў Царскім Сяле знаходзілася карціна Хеса “Бітва пры Ханау”. “Бітва пры Лейпцыгу” была ў Аляксандраўскім палацы ў Царскім Сяле. У прыватных зборах М.М. Лейхтэнбергскага і А.Г. Пятроўскага меліся палотны П. Хеса: “Раніца ў Партэнкірхене”, “Бівуак палякаў”, “Уральскія казакі”. Можна меркаваць, што творы Хеса былі і ў іншых прыватных калекцыях. Майстэрню мастака ў Мюнхене ў 1838 г. наведаў паэт В.А. Жукоўскі і ў дзённіку мастака адзначыў “чудоўны пейзаж” і батальную карціну [4, с. 414, 418]. У гэты час па загаду Мікалая I стваралася грандыёзная галерэя бітваў, якія праславілі рускую армію. Для выканання цэнтральнага пункту задуманай галерэі – бітваў 1812 года запрасілі П. Хеса. У 1839 г. ён ажыццявіў вандроўку па месцах бітваў, якія яму неабходна было адлюстраваць. Разам з генерал-ад’ютантам Л.І. Кілем і палкоўнікам А.І. Якаўлевым мастак наведаў Клясціцы, Полацк, Студзёнкі, Валуціну Гару, Вязьму, Малаяраславец, Таруціна, Маскву. Пад час гэтай паездкі ён сабраў неабходны дакументальны матэрыял. Алоўкам і пяром Хес наносіў на паперу агульныя замалёўкі былых месцаў бітвы, старанна фіксаваў віды гарадоў і пейзажы, якія павінны былі стаць формай у будучых палотнах. Мастак акцэнтаваў у малюнках падрабязнасці, стаўшыя пазней сэнсавым цэнтрам карцін. Напрыклад, для карціны “Пераправа праз Беразіну” ён намаляваў могілкі з пахіленымі крыжамі і абламанай ёлкай. Па вяртання ў Пецябург з Хесам было падпісана пагадненне, паводле якога мастак абавязваўся стварыць 8 вялікіх карцін за 7 гадоў, за якія царскі ўрад выплаціць яму 18 164 чырвонцы [6].

У 1842 г. П. Хес завяршыў працу над палатном “Бітва пры Вязьме”, у 1846 г. – “Бітва пад Смаленскам”. Пасля заканчэння гэтых твораў мастак прыступіў да палатна “Бітва пры Клясціцах”, якая адбылася 18-20 ліпеня 1812 г. Вёска Клясціцы знаходзілася на шляху Полацк – Себеж. Тут сышліся 1-ы пяхотны корпус П.Х. Вітгенштэйна і 2-і корпус Н.Ш. Удзіно. Французы імкнуліся адрэзаць корпусу Вітгенштэйна адыход на Пскоў і Пецябург. Рускія ставілі задачу любой цаной прарвацца да себежскага шляху. У выніку бітвы французы былі спынены і вымушаны былі перайсці да абароны на ўсім паўночным стратэгічным флангу. Такім чынам пагроза для камунікацый Вітгенштэйна была ліквідавана. На карціне П. Хеса адлюстравана атака 2-га батальёна Паўлаўскага грэнадзёрнага палка на французцаў. У цэнтры, на першым плане, – шарэнгі паўлаўцаў вядуць рукапашны бой з французскімі сапёрамі і салдатамі 3-га Швейцарскага палка, якіх можна распазнаць па чырвоных мундзірах з чорнымі лацканамі, каўнерамі, абшлагамі і белымі адваротамі фалд. Колер на галаўных уборах рускіх грэнадзёраў – зялёны з белай сярэдзінай. Сярод паўлаўцаў мастак выдзяліў фігуру обер-афіцэра Крылова, які першым кінуўся на пылаючы мост і за гэту бітву атрымаў ордэн св. Георгія 4-й ступені [1, с. 189]. У глыбіні – калоны грэнадзёр, каля знамя – камандзір батальёна майор Кашкін, узнагароджаны за Клясціцы залатой шпагай [1, с. 33]. У групе адступаючых вылучаецца фігура вершніка, які аддае загад войскам. Па асаблівай уніформе ў ім можна пазнаць генеральскага ад’ютанта. На другім плане ў цэнтры бачна наступаючая пяхота дывізіі генерала Г.М. Берга, якую падтрымлівае сваім

агнём армейская артылерыя. На заднім плане злева – гродзенскія гусары і ямбургскія драгуны, якія перапраўляюцца праз раку Ніўчу.

Карціна П. Хеса “Бітва каля Полацка” узаўляе эпізод боя за горад – захоп рускімі маста. Мастак на першым плане паказаў ратнікаў XII дружыны Пецярбургскага апалчэння пад камандай статскага саветніка І.Ю. Мікалаева. Іх можна пазнаць па характэрнаму адзенню ў выглядзе кафтанаў і фуражных шапак, на якія нашываўся роўнаканцовы крыж з разшыраючыміся канцамі. На другім плане намаляваны супрацьлеглы бераг р. Палаты і горад у пажары. У цэнтры палатна – мост, за якім узвышцеца вал ніжняга замка, ці Іванаў вал, дзе заселі французы, і гара, на вяршыне якой знаходзіцца варожая артылерыя, абстрэліваючая апалчэнцаў. За гарой бачны касцёл, а направа, удалечыні, -- Сафійскі сабор. У правай частцы карціны – вялікая група апалчэнцаў штыкамі і тапарамі пракладваюць сабе шлях да маста. З гісторыі вядома, што ратнікі дружыны І.Ю. Мікалаева імклівай атакай адкінулі французаў ад маста, знішчылі тапарамі рагаткі і ўварваліся ў горад. Шлях у горад для арміі Вітгенштэйна быў вольны. За адвагу пры ўзяцці Полацка І.Ю. Мікалаев быў узнагароджаны ордэнам св. Георгія 4-й ступені. З 9 кастрычніка па 1 снежня 1812 г. ён з’яўляўся камендантам Полацка.

Трэці твор П. Хеса “Пераправа праз Беразіну” прадстаўляе падзеі, якія адбыліся раніцай 17 лістапада, калі рускія войскі занялі Студзёнкі і П.Х. Вітгенштэйн рушыў свой авангард да самага берага. У правай частцы карціны мастак памясціў Вітгенштэйна. Ён у шэрым афіцэрскім шынялі з пелярынай, у кавалерыйскай фуражцы з чырвоным аколышам, на гнядым кані. Побач з ім штаб яго корпуса: обер-кварцёрмейстр І.І. Дыбіч, начальнік штаба Ф.Ф. Довре і інш. Вакол іх – наступаючыя рускія пехацінцы, якія прабіраюцца паміж пакінутымі французскімі павозкамі. Тут жа бачны казакі, башкіры і калмыкі, які складалі ірэгулярную коніцу рускай арміі. Іх прысутнаць наводзіла жах на адступаючых французаў.

На палатне выдзелена група, якую складаюць два рускія афіцэры і некалькі французскіх салдат, якія сабраліся каля дрэва, каб абараняцца. Французы абарваныя, змучаныя, некалі шыкоўная ўніформа ператварылася ў брудныя лахманы. Сярод французаў вылучаецца фігура грэнадзёра напалеонаўскай старой гвардыі. Ветэран, напэўна, перажыў шмат паходаў і бітваў і, адстаўшы ад свайго палка на беразе Беразіны, гатовы абараняцца да апошняй кроплі крыві. Рускія афіцэры, каб пазбегнуць непатрэбнага кровапраліцця, звяртаюцца да французаў з прапановай здацца ў палон. Збіраецца абараняцца і кірасір, які паказаны на пярэднім плане кампазіцыі, у левым краі. Гэты салдат да самай Беразіны захаваў поўнасьцю не толькі сваю амуніцыю, але і застаўся бяздоўным воінам. Кантрастам яму і старому гвардзейцу служат фігуры абарваных, згубіўшых чалавечы выгляд французскіх салдат. Яны захінаюцца ў брудныя анучы, конскія папоны. Іх сутулыя фігуры бачны ўсюды. Частка іх спрабуе абагрэцца каля агню, другія спрабуюць адняць адзенне і ежу ў слабейшых. Асаблівыя пачуцці выклікаюць жанчыны і дзеці, якія знаходзіліся пры французскай арміі, а цяпер разам з ёй адступаюць.

Мастак паказвае, што ўся прастора берага паміж мастамі застаўлена каляскамі, карэтамі, фурамі, прастымі павозкамі, многія – запоўнены нарабаванымі рэчамі. На пярэднім плане драбіны, якія як можна здагадацца належылі аднаму з напалеонаўскіх маршалаў, так як побач з імі на снезе валяецца сіні з залатым шыццём маршальскі мундзір і чырвоная лента ордэна Ганаровага легіёна. Побач з гэтымі драбінамі бачна скрыня, з якой высыпаліся царкоўныя каштоўнасці, напэўна, украдзеныя з якой-небудзь царквы. На заднім плане палатна – пылаючыя масты праз Беразіну, па якіх рухаюцца людзі, коні, абозы. Справа, на вышыні, гарыць вёска Студзёнкі, тут жа ўстаноўлены рускія гарматы, якія вядуць агонь па

непрыцелю на правым беразе ракі, дзе французская кавалерыя стрымлівае наступленне войск Чычагава. У белых плашчах – кірасіры генерала Думерка, побач з імі – афіцэры “свяшчэннага эскадрона”. За адным з карэ пяхоты – група, у якой угадваецца штаб Напалеона. За палатно “Пераправа праз Беразіну” мастак атрымаў ордэн Анны 2-й ступені.

У 1852 г. П. Хес завяршыў працу над заказанай серыяй і ў 1856 г. апошнія дзве карціны прыбылі ў Пецярбург. Акрамя разгледжаных твораў ім былі яшчэ напісаны “Бітва пры Барадзіно”, “Подзвіг генерала Невяроўскага”, “Бітва пры Таруціне”, “Бітва пры Малаяраслаўцы”, “Бітва пры Красным”, “Бітва пры Валуцінай гары”, “Бітва пры Ласміне”. У дзяржаўным графічным зборы ў Мюнхене захоўваецца шэраг малюнкаў з натуры, зробленых мастаком: “Беразіна. Рака”, “Дарога ад Краснага на Смаленск”, “Від горада Вязьмы”, “Від на Смаленск”. У Эрмітажы захоўваецца акварэль П. Хеса “Уцёкі французай”. Такім чынам, можна канстатаваць, што ў творчасці нямецкага мастака П. Хеса Айчынная вайна 1812 г., у тым ліку і на Беларусі, знайшла даволі заметнае ўвасабленне. Яго творы можна разглядаць як своеасаблівыя гістарычныя крыніцы. Адметнасцю творчасці мастака з’яўлялася імкненне да дакладнасці, якое даходзіла да ілюзорнасці. Сучаснікаў творцы здзіўляла праўдзівасць увасаблення шматлікіх дэталей тагачасных падзей. У рэцэнзіі на акадэмічную выставу 1846 г., змешчаную ў часопісе “Современник” адзначалася, што ў карціне “Пераправа праз Беразіну” “заключаецца цэлы раман, і яна ў строгім сэнсе гістарычная карціна” [3, с. 123]. Сучаснікі без цяжкасці знаходзілі ў яго палотнах знаёмыя партрэты галоўных дзеючых асоб баталій 1812 г.

Карціны, створаныя П. Хесам, адметны сваім кампазіцыйным вырашэннем, пабудовай. Несумненым і істотным дасягненнем Хеса было парушэнне звыклай, кананічнай схемы пабудовы батальнай карціны. Да яго ў аснове кампазіцыйная схема была аднолькавая: на першым плане, на ўзвышшы, размяшчаўся палкаводзец у атачэнні штаба альбо невялікага атрада, назіраючы за ходам бітвы, якая паказвалася на сярэднім і заднім планах. Гэтая частка палатна запаўнялася бязлікімі, стафажнымі фігурамі салдат. Пры такой пабудове глядач знаходзіўся ў становішчы безудзельнага адаленага сузіральніка. У П. Хеса асноўныя масы набліжаны, сэнсавы цэнтры набліжаны да першага плана, і глядач тым самым аказваецца ўцягнутым у ход боя, прыналежны яму. Не выдзяляліся спецыяльна, ні цэнтральным, узвышаючым іх над усімі становішчам, ні зыркай каляровай плямай палкаводцы. Гэта было нова для тагачаснага батальнага жывапісу.

Любімы і арыгінальны прыём П. Хеса, асабліва ў палотнах “Пераправа праз Беразіну”, “Бітва пры Вязьме”, – размяшчэнне на бліжнім плане жанрава вырашаных сцэн і фігур, а таксама літаральна дакладных прадметаў ваеннага быту: зарадных скрыняў, пакінутай зброі, ківераў і ранцаў. Гэты прыём у XIX ст. быў яшчэ нязвыклы. Ім карысталіся нямногія мастакі: Баркер, Ланглуа.

Карціны П. Хеса захоўвалі прынятыя для станковых работ памеры. Але ў глядача сярэдзіны XIX ст. шматлікія дэталі першага плана асацыяраваліся, верагодна, з прадметнай бутафорыяй панарамы і натуральна ўводзілі ў адлюстроўваемое, як бы пераўтваралі яго ва ўдзельніка бітвы. А дакладнасць і хуткая пазнаванне ўсяго, амаль да падрабязнасцей, стваралі тую знешнюю праўдзівасць, якая ўспрымалася за вышэйшую праўду у мастацтве.

Пазнейшыя мастацтвазнаўцы, адзначаючы адметнасці мастацкага стылю П. Хеса, крытыкавалі яго за адсутнасць у яго батальных творах псіхалагізма. Так, Н.Н. Врангель у артыкуле, прысвечаным замежным мастакам у Расіі, пісаў, што ў іх творчасці “Псіхалогія твару ўступіла месца правільнасці форменнага пахрою, і

цяпер ужо пачалі пісаць не людзей у адзенні, а адзенні на людзях” [2, с. 24]. Гэты недахоп у творах Хеса, безумоўна, быў і тлумачыўся ён тым, што мастак пісаў па імператарскаму заказу і павінен быў прытрымлівацца ўсіх правіл, прадпісаных батальнаму жанру. Але нягледзячы на гэта, як мы бачылі, яго карціны з серыі 1812 года не сталі пышным, ваенным парадом, месцам дзеяння прыгожых, выбранных персанажаў, па свайму намеру вырашаючых лёсы народаў. Яны не пераўтварыліся ў апафеоз генералітэта. Галоўнай рухаючай сілай у іх з’яўлялася армія, а з гэтым у карціны П. Хеса ўвайшла народная вайна, яе небывалыя подзвігі і мужнасць салдата, г. зн. сілы. якія вызначылі перамогу ў Айчыннай вайне 1812 года. Вядомы беларускі драматург і паэт XIX ст. Н.В. Кукальнік у рэцэнзій на творы П. Хеса пісаў: “Дванадцаты год, які па меры ўдалення эпохі для пазнейшых нашчадкаў прынімае характар эпічны, нарэшце. казачны, з дапамогай прыгожага мастацтва прыкоўваецца да зямлі рускай, ажыццяўляецца па свежых яшчэ ўспамінах у дакладных карцінах і ўмацоўвае нашчадкаў у веры да бесмяротных подзвігаў продкаў” [5, с. 60–61].

1. Воронов, П. История лейб-гвардии Павловского полка / П. Воронов, В. Бутовский. – СПб.: Паровая типолитография Н.Л. Ныркина, 1875. – 423 с.
2. Врангель, Н. Иностранцы XIX века в России / Н. Врангель // Старые годы, 1912, июль – сентябрь. – С. 20–71.
3. Выставка Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств в 1846 году // Отечественные записки. – 1846. – Т. 16. Наука и искусства.
4. Жуковский, В.А. Дневники В.А. Жуковского / В.А. Жуковский. – СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1903. – 653 с.
5. Кукольник, Н. Современные искусства в России / Н. Кукольник // Библиотека для чтения. – Т. 56. Наука и искусства. – СПб.: Паровая типолитография Н.Л. Ныркина, 1843. – 127 с.
6. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). – Ф. 472. – Оп. 17 (2/ 934). – Д. 7. – Л.138.

О.В. Чернова
ИСТОРИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ ИЗ 1812 ГОДА
В ПЕСНЯХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Человек живёт в мире символов. Он их творит и использует в своей жизни и деятельности. Немецкий философ Эрнст Кассирер назвал человека «animal symbolicum» – «животное символическое».

Процесс символизации лежит в основе развития культуры. Символы позволяют сохранять и передавать от одного человека к другому, от одной общности к другой основополагающие идеи и ценности.

Существуют различные классификации символов, зависящие от критерия, положенного в их основу. Среди них А.А. Налчаджян выделяет типы символов по критерию их происхождения: географические, исторические, религиозные, из национальной культуры.

Интересен процесс возникновения и утверждения исторических символов. Сначала это просто реальные события и деятели, чем-то прославившие (либо запятнавшие) свой этнос, социальную группу, свою страну. Со временем в результате ряда психологических процессов и изменения исторической ситуации они становятся символами.

В тяжёлые, переломные моменты истории этнические и государственные символы придают дополнительную энергию борющимся народам. Об этом знал И.В. Сталин, использовавший исторические символы в своей речи на параде 7 ноября 1941 г.: «Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших

великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» [7, с. 202].

Память о великих победах русского оружия проявилась в песнях периода Великой Отечественной войны, да и после, в песнях об этой войне. Летом 1941 г. в спектакле Ростовского-на-Дону драматического театра им. М. Горького «Фельдмаршал Кутузов» В. Соловьёва впервые прозвучала песня Г. Гридова и Б. Фомина «И не раз, и не два!». В ней есть знаменательные строки, представляющие своеобразную эстафету побед:

Пронесли в боях мы предков наших славу,
Не согнула нас свинцовая гроза,
Встали в ряд один: *Бородино*, Полтава,
Перекоп и финские леса.

В финале спектакля перед зрителями появлялись Александр Невский, Пётр I, Суворов, Чапаев. Своё обращение к залу они начинали со слов: «Так было и при мне», а после этого рассказывали о том, как неизменно были биты захватчики, посягнувшие на священные рубежи нашей Отчизны. Затем из зрительного зала выбегали на сцену донской казак, боец-пехотинец, воины всех родов войск и раздавалось громкое: «Так будет и при мне!» Заканчивался спектакль песней «И не раз, и не два!». Автор текста песни Г. Гридов в тяжёлых боях под Вязмой со своей частью и редакцией армейской газеты попал в окружение и героически погиб. А песня осталась жить и стала популярной.

Почти в 30% песен, включающих символы Отечественной войны 1812 г., упоминается Кутузов. В песнях подчёркивается преемственность героических традиций нашего народа, их неразрывная связь с борьбой против фашистских захватчиков. Строки из песни Б. Палийчука и К. Массалитинова «Гвардейская строевая» (1941 г.) это подтверждают:

Зовут *Кутузова* знамёна
На легендарный подвиг нас.
И дух орлов *Багратиона*
В гвардейском сердце не погас.

Те же мысли и в песнях непрофессиональных авторов, например, в песне «Эх, дороженька!» (1943 г.), текст которой написан лейтенантом А. Кругловым с Волховского фронта:

Знаем все мы, что к победе путь не лёгок,
К ней дороги наши трудны, но прямы,
К ней когда-то шли *Кутузов* и Суворов,
К ней пройдем со славою и мы.

В первые послевоенные годы зазвучала песня Е. Долматовского и М. Фрадкина «Сердце Кутузова». Её текст поражает переключкой двух героических эпох, двух Отечественных войн. Умирая, Кутузов говорил своим друзьям:

С сынами России хочу я быть вместе,
Походы делить и тревоги.
На родине прах мой заройте, а сердце –
У старой саксонской дороги.

А в 1945 г. Бунцлау (ныне Болеславец) освобождали танкисты Рыбалко и...

Разведчики вдруг на холме по соседству
Увидели памятник строгий:
Могилы друзей и *Кутузова* сердце
У старой саксонской дороги.

Эта легенда имеет широкое хождение. Она отражена не только в песне, но и в ряде литературных произведений. На самом деле, забальзамированное тело Кутузова было доставлено в Петербург. Исторические источники свидетельствуют, что последние пять вёрст до Казанского собора гроб с телом фельдмаршала несли родные и друзья.

Православная церковь считает сердце обиталищем души, а тело нельзя отделять от души. Поэтому гроб с телом Кутузова находится в Казанском соборе, а в ногах у полководца – серебряный сосуд, где в жидкости лежит сердце Кутузова. Часть останков (внутренности), вынутые после бальзамирования, были похоронены на кладбище деревни Тилендорф, вблизи дороги, ведущей в Саксонию. Сейчас деревня является частью г. Болеславец.

Там был установлен памятник Кутузову, где на камне высечена надпись: «До сих мест князь Кутузов Смоленский довёл победоносные свои войска, но здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас Отечество свое, он открыл путь к избавлению народов. Да будет благословенна память героя». Вблизи памятника вскоре после Великой Отечественной войны был сооружён мемориал, где похоронен 141 советский воин, погибший в боях с фашистами при освобождении этих мест. Был создан музей М.И. Кутузова с экспонатами, окружавшими полководца при его жизни.

А в 1989–1991 гг. начали действовать польские вандалы, осквернившие могилу с останками Кутузова и могилы ряда советских воинов. Это люди, не имеющие исторической памяти. Ведь именно благодаря решающей роли Советского Союза в победе над Германией и твёрдому поведению Сталина на Потсдамской конференции, Польше были возвращены земли, отторгнутые Германией в 1740 году, в т.ч. г. Бунцлау (Болеславец).

Из героев Отечественной войны 1812 г. упоминаются Багратион (в «Гвардейской строевой») и Давыдов в песне М. Кравчука и А. Бертрама «Ополченцам России»:

Здравствуй, площадь Красная,
Ты России сердце.
Помнишь злость бунтарскую,
Минина, Пожарского,
Видела *Давыдова*,
Наших ополченцев!

Места, политые кровью наших воинов, становятся священными, символизируются, сохраняясь в памяти потомков. Таким является Бородинское поле. Бородинское сражение упоминается почти в 36% песен о Великой Отечественной войне, где присутствуют символы 1812 года. Эти песни написаны в разные исторические периоды. В «Марше артиллерии» С.Васильева и А.Новикова (1944 г.) подчёркивается преемственность героических традиций артиллеристов:

Огневых ударов сила
Нас прославила давно
У подножья Измаила,
На холмах *Бородино!*

В песне Р. Рождественского и Г. Мовсисяна «Мы – армия народа» (70-е гг. XX в.) солдаты и офицеры дают клятву – защищать свою Родину так же героически, как во времена Бородине:

Не зря в судьбе алеет знамя.
Не зря на нас надеется страна.
Священные слова «Москва за нами!» -
Мы помним со времён *Бородина*.

Если объективно оценивать итоги Бородинской битвы, то никто не одержал победы: и русские, и французские войска остались на тех же позициях, которые они занимали в начале сражения. Недаром Наполеон так отозвался о его результатах: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нём показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми». Французские историки оценивают Бородино как победу французских войск: Москву-то русская армия оставила, а русские говорят о моральной победе над врагом, после чего началось разложение французской армии. Итак, символ *Бородино* по-разному оценивается двумя народами, но в сознании нашего народа это символ героического сопротивления захватчикам, вошедший в века.

Народ помнил и другие сражения с французскими войсками и в тяжелейшие моменты Великой Отечественной войны черпал уверенность в прежних победах русского оружия. Примером является песня

К. Симонова и М. Ковалёва «Слава пехоте» (1942 г.), где упоминается о победе русской пехоты над французами под Березиной. Но ещё более поразительны следующие строки:

Она шла бесконечной лавиной,
До Парижа французов гнала.
Она немцев гнала до Берлина,
Места нет, где б она не прошла!

Обратите внимание: в 1942 г., когда ещё не был известен итог великого противостояния фашистской и Красной армии, когда были оккупированы гитлеровцами Белоруссия, Украина, значительная часть РСФСР, в песне упор делается на окончательные победы русской армии в столицах государств, откуда исходила агрессия. Такие символы придавали уверенность в победе нашим бойцам.

После победы русской армии в Отечественной войне и заграничных походах постепенно символизируется образ Наполеона. Возникает отрицательный символ – *Наполеон Бонапарт*.

В песне С. Алымова и П. Акуленко «Шире шаг» (1941 г.) бойцы вспоминают:

Бонапарт ходил на нас походом
В восемьсот двенадцатом году.
Бонапарта били всем народом –
На себя накликал сам беду.

И тут же выражается уверенность в конечной победе над фашизмом:

Разобьём фашистов злые орды –
Это знает каждый наш боец.

Отрицательные символы, как известно, широко используются в сатирических песнях. Примером является песня «Снежки белые пушисты» (авторы неизвестны):

Будет Гитлеру припарка,
Будет Гитлеру озноб!
Вспомнит Гитлер *Бонапарта*
И чудской ледовый гроб...

Песня насыщена «зимними мотивами», поэтому можно предположить, что она написана в одну из победных зим войны. Тем более, что песне присущи оптимизм и твёрдая уверенность в победе. Нет! Оказывается, первая публикация песни датирована сентябрём 1941 г., т.е. песня сложена в первые, очень тяжёлые месяцы войны. И тогда уже существовала массовая солдатская сатира.

Итак, символы родом из 1812-го года не просто сохраняли историческую память в культуре советского народа. Они придавали уверенность в своих силах и давали дополнительную энергию нашим воинам, всем гражданам Советского Союза в борьбе за национальную независимость.

1. Антология военной песни / сост. и автор предисл. В. Калугин. – М.: Эксмо, 2006.
2. Брагин, М. Кутузов / М. Брагин. – М.: Молодая гвардия, 1970.
3. В боях и походах: песни Великой Отечественной войны / сост. П.Ф. Лебедев. – М.: Сов. композитор, 1975.
4. Долматовский, Е.А. Всадники, песни, дороги / Е.А. Долматовский – М.: Воениздат, 1973.
5. Налчаджян, А.А. Этнопсихология / А.А. Налчаджян. – СПб.: Питер, 2004.
6. Священная война. Песни Победы / сост. В.А. Костров, Г.Н. Красников. – М.: Олимп, 2005.
7. Слово товарищу Сталину. – М.: Эксмо, 2002.
8. Электронный ресурс. – Режим доступа: www.pesnyary.ru
9. Электронный ресурс. – Режим доступа: www.SovMusic.ru

К.Р. Карпекін
АДЛЮСТРАВАННЕ ПАДЗЕЙ ВАЙНЫ 1812 Г.
У ВУСНАЙ НАРОДНАЙ ТВОРЧАСЦІ
(ПАВОДЛЕ МАТЭРЫЯЛАЎ ЛЁЗНЕНШЧЫНЫ)

Руска-французская вайна 1812 г. зрабіла значны адбітак у гісторыі Беларусі: на працягу 7-мі месяцаў на тэрыторыі краіны вяліся баявыя дзеянні, у выніку якіх яна панесла адчувальныя людскія і матэрыяльныя страты. У сувязі з гэтым заканамерным з’яўляецца тое, што падзеі дадзенай вайны трывала замацаваліся ў людской памяці, азгадкі пра яе захаваліся ў вуснай народнай творчасці.

Мэтай даследавання з’яўляецца аналіз фальклору, у якім тым ці іншым чынам адлюстраваліся падзеі вайны 1812 г.

Геаграфічныя межы працы – тэрыторыя сучаснага Лёзненскага раёна Віцебскай вобласці. У пачатку XIX ст. яго цэнтральная і паўднёвая часткі ўваходзілі ў склад Бабінавіцкага павета Магілёўскай губерні, праз тэрыторыю якога летам 1812 г. прайшлі асноўныя сілы арміі Напалеона Банапарта.

Крыніцазнаўчай базай даследавання сталі аповеды карэнных жыхароў, зафіксаваныя аўтарам у пачатку 2000-х гг.

Адно з паданняў прысвечана прасоўванню французскіх войскаў з Віцебска на Смаленск. Іх шлях праходзіў праз Лёзна. У той час на ўсходняй ускраіне мястэчка рос стары дуб. Ён быў настолькі вялізным і разгалістым, што нярэдка ў час дажджу пад ім хаваліся падарожнікі. Пад дрэвам магло свабодна размясціцца некалькі падвод разам з людзьмі і коньмі. Праязджаючы акурат каля гэтага дрэва, імператар Напалеон загадаў сваім салдатам вырваць яго з зямлі і пасадзіць галлём уніз. Пры гэтым ён прамовіў: “Як дубу больш не расці, так і рускаму цару тут не ўладарыць!” Спадзяванні французскага імператара не спраўдзіліся: праз колькі часу дуб зазелянеў як ні ў чым не бывала. Ён, нібыта, стаяў яшчэ і пасля Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гг. і вонкава быў вельмі прыкметным, бо галлё ў яго расло не да сонца, як у астатніх дрэваў, а да зямлі [3].

Дадзенае паданне сведчыць пра адмоўнае стаўленне мясцовага насельніцтва да французаў. Як вядома, дуб з’яўляецца адным з самых шануемых беларусамі дрэваў, сімвалам вечнага жыцця [2, с. 153]. Адпаведна, асобы, якія ажыццяўлялі замах на такі аб’ект, успрымаліся як захопнікі і не маглі разлічваць на павагу з боку месчачкоўцаў. Пра гэта ж сведчыць і фінал падання пра ажыванне дрэва, сугучнае паразе французаў у вайне.

Неабходна падкрэсліць, што паданне з'яўляецца адлюстраваннем рэальных падзей, якія два стагоддзі таму назад адбываліся ў гэтай мясцовасці. Частка французскіх войскаў сапраўды праходзіла праз Лёзна. Праўда, камандаваў імі маршал Ней, а не Напалеон, які з Віцебска рушыў на ўсход праз Крынкі і Бабінавічы [1, с. 3]. Дадзены аповед можна лічыць не толькі асэнсаваннем ваенных падзей, але і спробай мясцовага насельніцтва растлумачыць незвычайны выгляд дрэва, якое, нагадаем, мела галлё, растучае ўніз.

Падзеі вайны 1812 г. знайшлі яшчэ адно адлюстраванне ў беларускім фальклоры. Гаворка ідзе пра старажытныя курганы, якія лічыліся пахаваннямі французскіх салдат. Напрыклад, узгорак пад назвай “Напалеонаўская Валатоўка” знаходзіцца на паўднёва-заходняй ускраіне в. Кучыншчына. Гэты курган быў выяўлены беларускімі археолагамі ў 1981 г. [6, с. 297].

Паводле ўспамінаў мясцовага насельніцтва Лёзненшчыны, “Французскія Валатоўкі” знаходзіліся таксама каля вёсак Баравая і Чарнаручча (у навуковай літаратуры яны не зафіксаваны).

Некалькі паданняў захавалася пра курганы ў в. Замошша. Шмат іх знаходзілася ў гэтак званых Завалоках – хмызняках, размешчаных на ўсход ад вёскі. Згодна з успамінамі, гэтыя валатоўкі мелі прадаўгаватую форму (каля 2-х м. даўжынёй і каля 1-го м. шырынёй), вышыню – 0,5 – 1 м. Адзін з вяскоўцаў, пасвяччы ўночы коней, бачыў там ката, ад якога зыходзіла вельмі яркае ззянне. Гэта было яўнай прыкметай таго, што ў курганах былі закапаныя скарбы [3].

Адна валатоўка мясцілася на тэрыторыі вёскі (у яе заходняй частцы). Пад час Вялікай Айчыннай вайны 1941 – 1945 гг. в. Замошшацалкам была спалена фашысцкім карным атрадам, таму вяскоўцы вымушаны былі будаваць сабе зямлянкі. Адзін з сялян, на чыім агародзе знаходзілася валатоўка, вырашыў зрабіць сабе часовае жытло непасрэдна ў кургане. Раскопваючы насып, ён таксама спадзяваўся знайсці залатыя зубы ці якія-небудзь каштоўнасці, але яму патрапіліся толькі вялікія чалавечыя косці і чэрап з густымі кучаравымі чорнымі валасамі. Пасля таго, як той гаспадар адбудаваў сабе нармальную хату, косці зноў закапалі ў курган [5].

Праз некалькі гадоў той самы чалавек вырашыў зрабіць на кургане лазню. У пасляваенны час у вёсцы лазні былі далёка не ў кожным двары, таму да гаспадара прыходзілі мыцца яго суседзі, хоць і лічылі месца, выбранае для лазні, дзіўным і зусім не падыходзячым. Многія з іх расказвалі, што як толькі яны збіраліся парыцца, то пад падлогай нехта пачынаў грукацца і скрэбсціся. Гэты, нібыта, былі нябожчыкі, пахаваныя ў кургане. Некаторыя вяскоўцы нават уцякалі з той лазні, не дамыўшыся [3].

Паданні пра “Французскія Валатоўкі” можна лічыць спробай вяскоўцаў знайсці прычыну ўзнікнення незвычайных узгоркаў. Падсвядома сяляне адчувалі, што курганынасыпаны людзьмі. Імкненне асэнсаваць дадзеную з’яву спалучылася з успамінамі продкаў пра вайну з французамі. У выніку ўзніклі паданні пра магільны іншаземных заваёўнікаў і закапаныя імі скарбы, якія праяўляюцца ў выглядзе незвычайных жывёлін. Такія паданні – тыповыя для Беларусі [2, с. 468–470, 523–524]. Сёння археолагі ў значнай колькасці выпадкаў пацвярджаюць, што “Французскія Валатоўкі” – гэта пахаванні эпохі першабытна-абшчыннага ладу ці сярэднявечча.

Варта адзначыць, што пэўныя падставы для ўзнікнення паданняў пра прысутнасць у гэтых мясцінах французцаў мелі месца быць. Справа ў тым, што вёскі Баравая, Замошша, Кучыншчына, Чарнаручча знаходзіліся непадалёк ад шляхоў, па якіх праходзілі войскі Напалеона. Ёсць вялікая верагоднасць таго, што мясцо-

вае насельніцтва магло сутыкацца з імі пад час рэквізіцый прадуктаў харчавання, фуражу.

“Французская Валатоўка” на тэрыторыі в. Замошша захавалася да нашых дзён. Яна ўяўляе сабой здзірванелы ўзгорак, круглы ў плане, моцна скапаны зверху. Аўтарам неаднаразова ажыццяўляліся спробы знайсці курганы ў Завалоках (у 2009 і 2011 гг.). Тым не менш, усе яны скончыліся беспаспяхова. Калі валатоўкі там і існавалі, яны маглі быць знішчанымі ў выніку торфанарыхтоўчых работ, якія вяліся на той тэрыторыі.

У Лёзненскім раёне зафіксавана яшчэ адно паданне, звязанае з падзеямі вайны 1812 г. Вяскоўцы расказваюць, што ў в. Матушова ёсць вялізны пагорак, насыпаны над мураваным склепам. Уваход у яго знаходзіцца пад вадой (побач з узгоркам працякае рачулка). Менавіта ў гэты склеп схаваў нарабаваныя багаціі Напалеон: залатую карэту, напоўненую грашмыма і ўпрыгажэннямі.

Адначасова расказваюць і другі варыянт гэтага падання. Нібыта, на ўзгорку калісьці вельмі даўно стаяў палац нейкага князя, які ў падземных сутарэннях хаваў свае багаціі: каня, цалкам вырабленага з золата, і бочку віна. Той, хто зможа дабрацца да іх, мае поўнае права завалодаць і каштоўным металам, і пітвом [4].

Прычынамі ўзнікнення такіх паданняў можна лічыць дакладна вядомы факт прысутнасці французскіх войскаў у Матушове: летам 1812 г. тут 2 тыдні запар прастаялі злучэнні караля неапалітанскага Мюрата [1, с. 3]. Акрамя таго, вядома, што на апісаным узвышшы знаходзілася сядзіба тамтэйшага памешчыка. Гэтым жа тлумачацца і пастаянныя спробы знайсці скарбы. Напрыклад, колішні старшыня калгаса хацеў асушыць рэчку, каб праз уваход патрапіць у скляпенні. Праўда, гэтага яму не дазволілі зрабіць вяскоўцы, бо на той час у рэчцы вадзілася шмат рыбы. Тады пад кіраўніцтвам таго ж старшыні ў Матушова прыгнالی экскаватар, каб разбурыць сцены скляпення. Задума скончылася няўдачай, паколькі муроўка аказалася вельмі моцнай. Аднаму з вяскоўцаў, нібыта, пашчасціла больш: ён здолеў прабіць столь скляпення звычайным ломам. Але лом выслізнуў з рук і ляцеў досыць доўга, пакуль не грукнуўся аб дол – такімі высокімі аказаліся сутарэнні. Да золата той вясковец так і не дабраўся.

Такім чынам, вайна 1812 г. досыць шырока прадстаўлена ў беларускім фальклору. У паданнях, зафіксаваных на Лёзненшчыне, знайшлі сваё адлюстраванне ўсе яе асноўныя этапы: наступленне французскіх войскаў, пахаванні загінулых іншаземных захопнікаў, уцёкі Напалеона з нарабаванымі багаццямі. Узнікненне такога фальклору варта лічыць вынікам захавання ў народнай памяці звестак пра рэальныя гістарычныя падзеі і адначасова – спробай беларусаў растлумачыць паходжанне незвычайных прыродных і антрапагенных аб’ектаў.

1. Бандарэнка, У. Наш край у 1812 годзе / У. Бандарэнка // Сцяг Перамогі. – 2000. – 16 мая. – С. 3–4.
2. Беларуская міфалогія: энц. слоўнік / рэд. кал.: С. Санько [і інш.]. – 2-ое выд., дап. – Мінск: Беларусь, 2006. – 599 с.
3. Запісана Карпекіным К.Р. у 2000 г. ад Казлоўскай В.І., 1921 г. нар., у в. Якубаўшчына Лёзненскага раёна, да 1981 г. жыла ў в. Замошша Лёзненскага раёна.
4. Запісана Карпекіным К.Р. у 2007 г. ад Лабанава П.П., 1941 г. нар., у в. Куляціна Лёзненскага раёна.
5. Запісана Карпекіным К.Р. у 2008 г. ад Лішаковай В.М., 1930 г. нар., у в. Замошша Лёзненскага раёна.
6. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / рэд. кал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1985. – 496 с.

А.В. Мишина
ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ МОСКВЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА
В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ И ЛИТЕРАТУРЕ, КАК ПАМЯТЬ
И ИСТОРИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПОЖАРЕ 1812 ГОДА

«Ты желаешь от меня описания Москвы, любезнейший друг, вещи совершенно невозможной...». Известный литератор Константин Батюшков, все-таки не последовал своему совету и оставил потомкам памятное всем описание – очерк «Прогулка по Москве» 1811–1812 года. «Войдем теперь в Кремль. Направо, налево мы увидим величественные здания, с блестящими куполами, с высокими башнями, и все это обнесено твердою стеною. Здесь все дышит древностию; все напоминает о царях, о патриархах, о важных происшествиях... Когда вечернее солнце во всем великолепии склоняется за Воробьевы горы, то войди в Кремль и сядь на высокую деревянную лестницу. Вся панорама Москвы за рекою! На право Каменный мост, на котором безпрестанно волнуются толпы проходящих; далее – Голицынская больница, дома гр. Орловой с тенистыми садами, и наконец, Васильевский огромный замок, примыкающий к Воробьевым горам, которые величественно завершают сию картину. Чудесное смешение зелени с домами, цветущих садов с высокими замками древних бояр; чудесная противоположность видов городских с сельскими видами» [2, с. 22].

Это описание К.Н. Батюшков сделал незадолго до вступления наполеоновских войск в Москву, которые вошли в город 2(14) сентября 1812 года. Солдаты Великой армии были поражены видом древней столицы, открывшимся с Поклонной горы. Хорошо известны мемуары и воспоминания, генерала Ф.-П. де Сегюра, Э. Лабома и других офицеров и солдат.

В статье историка В.Н. Земцова «Наполеон в Москве» публикуются малоизвестные письма французских офицеров. Примечательно одно из них с описанием столицы: «... Я ожидал увидеть деревянный город, как говорили мне многие люди, но, вопреки этому, почти все дома были из камня и в высшей степени элегантной и самой современной архитектурой. Особняки частных лиц походили на дворцы, все было богато и восхитительно» [4, с. 201]. В письмах Москва часто сравнивается с Парижем, даже Наполеон в письмах Марие-Луизе пишет, что: «Город столь же велик, как Париж... В нем 500 дворцов столь же прекрасных, как Елисейский дворец... многочисленные императорские дворцы, казармы, восхитительные госпитали» [4, с. 202].

Литературные описания Москвы, фрагменты писем французских генералов, офицеров совпадают с живописными изображениями многочисленных городских пейзажей и графических видов Первопрестольной столицы до 1812 года.

Городской пейзаж или ведута – особый тип пейзажа, который с большой точностью фиксировал определенный вид города, архитектурных построек, часто играя роль исторического свидетельства.

Несомненно, сложение и расцвет жанра городского пейзажа, были связаны с подъемом общественно-исторического и патриотического сознания, особенно ярко проявившимся в преддверии Отечественной войны 1812 года, и еще в большей степени после ее окончания. Благодаря наследию основоположника этого жанра Федора Алексеева и других художников, в том числе иностранных, потомки могут представить виды допожарной Москвы.

В начале XIX века растет интерес к древней истории Российского государства и в литературных кругах. Вполне понятно увлечение Алексеева древнерусской архитектурой Москвы. Соборы, стены и башни Кремля являли собой, ту

классическую древность, которая поднимала национальный дух и рождала патриотические чувства.

В 1801 году Академия художеств командировала художника Ф.Я. Алексева в Москву. Алексеев пробыл в Первопрестольной полтора года, откуда «возвратился с богатою портфелею, которая до самой кончины его служила ему неизчерпаемым источником занятий и удовольствия» [8, с. 524–525]. Здесь он с помощью учеников, сделал множество акварельных зарисовок с натуры. Считается, что в Москве он написал только несколько картин. Большинство произведений с московскими видами писались по возвращении в Петербург, причем многие из них повторялись по нескольку раз им самим и его учениками на протяжении ряда лет. Именно виды Москвы принесли Алексееву широкую известность, в декабре 1802 года он был удостоен звания профессора и произведен в советники Императорской Академии художеств. Его картины с видами Москвы были настолько популярны, что уже в 1807 году совет Академии художеств поручает С.Ф. Галактионову выполнить гравюры с московских видов Алексеева, но проект был осуществлен частично [10, с. 19–20].

Большой интерес, в связи с этим, вызывает картина Ф.Я. Алексева «Красная площадь в Москве» (1801, ГТГ). Средневековая архитектура Московского Кремля настолько привлекла Алексева, что стала одной из главных тем его творчества. В это время интерес к древнерусской архитектуре был не только «частным выражением общего тяготения к простому, естественному, народному» [13, с. 390]. В обществе вынашивались идеи патриотической гражданственности, на которых основывалась идеология классицизма.

На первом плане картины изображено множество народа, торгующего на площади. Замкнутое с трех сторон пространство Красной площади, напоминает сценическую площадку, центром которой является Лобное место и Покровский собор, выступающий как задняя кулиса. Между Покровским собором и Лобным местом изображены двух, трехэтажные здания-лавки, которые по новому проекту О.И. Бове были снесены. Деревянные лавки вдоль Кремлевской стены от Спасской башни в сторону Никольской расположены на картине слева, во время пожара были до основания разрушены, а остатки сломаны. Справа вдоль Кремлевской стены виден Алевизов ров, некогда соединявший р. Москву и р. Неглинную и впоследствии засыпанный во время проведения строительных работ после пожара. «...Ров подле стены Кремлевской засыпать для устройства бульвара вокруг оной и проезда от Спасских ворот к набережной с площадкою, называемою Молочною» [11, с. 52]. Слева на картине изображены верхние Торговые ряды, построенные по проекту Дж. Кваренги в 1786–1810 годах и частично сгоревшие в пожаре 1812 года. После пожара были возведены новые торговые ряды по проекту О.Бове.

Более четко эти Торговые ряды просматриваются в картине Ж. Делабарта «Вид Красной площади в Москве» (1795, ГРМ). Они представляют собой внушительные двухэтажные здания, построенные в стиле классицизма: с арочными пролетами и мощной колоннадой портика, увенчанной высоким аттиком – с восточной стороны; с противоположной, у кремлевской стены – торговые ряды с двумя портиками в центре. За ними видно шатровое перекрытие Никольской башни. Еще не вымощенная площадь (это произошло лишь в 1804 году) освещается масляными фонарями на высоких столбах.

Панорама всего Кремля представлена в известном произведении Ф.Я. Алексева «Вид Московского Кремля со стороны Каменного моста» (между 1800 и 1810, ГРМ). Эта работа, была преподнесена в 1810 году императору Александру

I. Известно много одноименных вариантов повторений этой картины в собраниях разных музеев. Здесь мы видим стены и башни Кремля еще до взрывов, которыми Кремлевская стена будет разрушена в нескольких местах, а Водовзводная башня, изображенная в центре картины, будет взорвана до основания. Слева от Каменного моста изображено Замоскворечье. Видна колокольня церкви Свят. Николая на Берсеневской набережной.

Занявший Москву неприятель обнаружил, что население оставило город, и от этого он казался совершенно вымершим. Однако, в Москве оставалось еще много патриотов. В Москве начались пожары. Русские были полны решимости, лучше сжечь дома, продовольствие, фураж, уничтожить боеприпасы, чем оставить все неприятелю. Пожар, начавшийся сразу же после вступления французов в Москву, лютовал вплоть до 8(20) сентября.

Поэт К.Н. Батюшков, когда писал очерк «Прогулка по Москве», не мог предполагать, что его следующий приезд в Первопрестольную произойдет уже после Великого московского пожара. Батюшков, очень привязанный к Москве, попадает в опустошенный, разоренный и обугленный город. Под впечатлением он пишет стихотворное послание «К Дашкову», где рисует «войну и гибельны пожары», бегство жителей, взвешивающих «на небо рдяное кругом». Поэт «с ужасом потом бродил в Москве опустошенной» и видел там, где:

«Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, -
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки...» [1, с. 153–154].

По всей видимости, в период пожара Москвы и вплоть до ее восстановления после разрушений, мастеров-ведутистов, выходцев из Императорской Академии художеств в Первопрестольной не было. Есть предположение, что Ф.Я. Алексеев профессор ИАХ в последний раз был послан в Москву в 1810-1811 годах вместе со своим учеником М.Н. Воробьевым, впоследствии возглавившим школу городского пейзажа. Самостоятельно Воробьев был отправлен от ИАХ для снятия видов Москвы в 1812 году и пробыл там с мая до середины августа. До нас дошли виды пожарной и разгромленной Москвы, выполненные малоизвестными русскими и в большинстве иностранными художниками. Среди них много живописных произведений и гравюр: например А.Ф. Смирнов «Пожар в Кремле» (1813, Бородинская битва) и И. Ругендас «Пожар Москвы» (1813, Бородинская битва). Немецкие художники Х.Фабер-дю-Фор и А. Адам, служившие в разных корпусах армии неприятеля и принимавшие непосредственное участие в военных действиях, воспроизвели события 1812 года в графических сериях: Фабер-дю-Фор «Москва 8 октября 1812 год» (1830-е) и А. Адам «Москва 22 сентября 1812 год» (1830-е, Бородинская битва).

Завершили разрушение Москвы взрывы, произведенные в Кремле отступавшими французами. Наполеоном отдавались приказы о том чтобы: «Предать огню дворцы Кремля... разместить порох под всеми башнями Кремля...предать огню два дома прежнего губернатора и дом Разумовского» [4, с. 217] «... во все залы царского дворца были заложены бочки с порохом, точно также, как и под своды, находившиеся под дворцом...» [9, с. 102]. Было приказано взорвать колокольню Ивана Великого, но фактически пострадали лишь Успенская звонница и пристройка, которые впоследствии были восстановлены в 1815 году архитекторами Д. Жилиярди, А. Руска и И. Еготовым. Также была взорвана часть Арсенала, 1-я Безымянная и Петровская башни.

В мае 1813 года Высочайшим указом Александра I была учреждена Комиссия для строений в Москве. Комиссию возглавил архитектор О.И. Бове, который контролировал все строительство в городе. Бове ставил своей задачей восстановить не только жилой фонд, но и украсить город общественными постройками в стиле ампира.

В 1815 году Алексеев вновь повторяет картину «Вид московского Кремля со стороны Каменного моста» (1815, ГИМ). Мы видим башни и стены Кремля не разрушенными, а почти в том же виде, что и на картине, подаренной императору Александру I в 1810 году. Художник пользовался акварелями, выполненными в допожарный период, и сознательно не хотел изображать сгоревший и разрушенный город. Однако, следует отметить, что на картине немного изменился внешний вид Водовзводной башни и колокольни церкви Свят. Николая на Берсеневской набережной. После восстановления башни архитектором Бове она будет выглядеть в соответствии с архитектурным обликом 1807 года. Именно таким Московский Кремль хотели видеть патриоты России: общественные и культурные деятели.

В 1816 году вышло стихотворение «Певец в Кремле» В.А. Жуковского. На обложке книги как виньетка была помещена гравюра С.Ф. Галактионова с картины Алексеева 1815 г. «Вид Кремля из-за Каменного моста» (из собрания ГИМа). Стихотворение для передовой молодежи стало патриотическим гимном [12, с. 41]. Не случайно В. Жуковский пишет о восстановлении Кремля как о свершившемся событии: «О, Кремль, свидетель славных дней, красуйся, обновленный», [3, с.38] тогда как его реконструкция в то время только началась.

Осенью 1817 года академика ИАХ М. Воробьева посылают в Москву «для снятия видов окрестностей». В Москве он жил в Чудовом монастыре и работал вплоть до весны 1818 года. Он исполнил много рисунков и акварелей, которые в дальнейшем использовались им для написания картин. На рисунке «Вид Кремля с восстанавливаемой Свибловой башней» (она же Водовзводная), датированным 28 декабря 1817 года, видим башню в лесах, в процессе восстановления. Его акварель, исполненная той же зимой, доносит до нас дыхание грозного военного времени – обгорелые и полуразрушенные дома на первом плане. Справа фасад Воспитательного дома, горевшего, правда, со стороны Солянки. Другой рисунок Красной площади примечателен тем, что на ней уже возведены новые Торговые ряды по проекту О.Бове, засыпан Алевизов ров, устроен Прогулочный бульвар, снесены старые Торговые ряды. На площади отсутствует памятник Минину и Пожарскому, который был установлен спустя несколько месяцев. Мастерски выполненная в 1818 года картина Воробьева «Вид Московского Кремля со стороны Каменного моста» (ГРМ) была приобретена императором Александром I для казны и отправлена в Эрмитаж.

Теме разрушительного пожара 1812 года посвящено множество произведений мастеров городского пейзажа в литературе и изобразительном искусстве первой трети XIX века, несущих в себе память о тех страшных событиях. У нас не было возможности обратиться к известным строкам о Москве наших поэтов А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф. Глинки, мы рассмотрели лишь небольшую часть художественного наследия, которое является ярким историческим свидетельством тех лет в назидание и напоминание потомкам.

1. Батюшков, К.Н. К Дашкову / К.Н. Батюшков // Полное собрание стихотворений. – М., Л.: Советский писатель, 1964.
2. Батюшков, К.Н. Прогулка по Москве / К.Н. Батюшков // Собр. соч.: в 3 т. – СПб., 1885. – Т. 2.
3. Жуковский, В.А. Стихотворения 1815–1852 годов / В.А. Жуковский // Полное собр. соч. и писем: в 20 т. – М.: Яз. Рус. Культуры, 2000. – Т. 2.

4. Земцов, В.Н. Наполеон в Москве/ В.Н. Земцов // Французский ежегодник 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А.З. Манфреда. – М.: Едиториал УРСС, 2006.
5. Земцов, В.Н. 1812 год: Пожар Москвы/ В.Н. Земцов. – М.: Книга, 2010.
6. Митрошенкова, Л.В. «Город храмов и палат»: Архитектурные памятники Москвы – свидетели событий 1812 года / Л.В. Митрошенкова. – М.: Кучково поле, 2010.
7. Отечественная война 1812 года в коллекциях музея-панорамы «Бородинская битва»: альбом-каталог / сост. С.В. Львов. – М.: Кучково поле, 2011.
8. Свиньин, П.П. Художник Ф.Я. Алексеев / П.П. Свиньин // Отечественные записки. – 1824. – Ч. XX, № 56.
9. Сегюр, Ф. Поход в Москву в 1812 году. Мемуары участника, французского генерала графа де Сегюра / Ф. Сегюр. – М., 1911.
10. Скорнякова, Н.Н. Графическая серия московских видов Федора Алексеева / Н.Н. Скорнякова // Федор Алексеев и его школа. – М.: Сканрус, 2004.
11. Сытин, П.В. История планировки и застройки Москвы: в 3 т. / П.В. Сытин. – М.: Московский рабочий, 1972. – Т. 3: Пожар Москвы в 1812 году и строительство города в течение 50 лет.
12. Усачева, С.В. Федор Алексеев / С.В. Усачева. – М.: Белый город, 2005.
13. Федоров-Давыдов, А.А. Основоположник русского городского пейзажа/ А.А. Федоров-Давыдов // Русское и советское искусство: статьи и очерки. – М.: Искусство, 1975.

Н.Д. Соколова
ПОРТРЕТНАЯ МИНИАТЮРА В РОССИИ
И ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Последние годы в культурной и научной жизни России наблюдается новый всплеск интереса к такой прикладной области искусства, как портретная миниатюра. Были опубликованы монографии исследователя миниатюры и научного сотрудника ГИМа Т.А. Селиновой: «Художник П.Э. Рокштуль» (2005), «Петр Росси. Русский миниатюрист» (2005), «Михаил Зацепин» (2010). Состоялось издание каталога произведений из частных коллекций г. Москва – «Портретная миниатюра из частных коллекций» (2005). В конце 2010 г. в Государственном Историческом музее открылась выставка собрания портретной миниатюры из коллекции SHERHEROT Foundation (Лихтенштейн).

Русская портретная миниатюра, ценная с исторической и художественной точек зрения, внесла свой вклад в сохранение памяти о событиях, юбилей которых мы отмечаем в этом году.

К началу Отечественной войны 1812 года портретная миниатюра, появившаяся в России наряду с другими новшествами Петра I на рубеже XVII–XVIII столетий, проделала немалый путь – от эмалевых эффектно-барочных изображений исключительно императорских персон, служивших наградными отличительными знаками, до романтических интимных акварельных и гуашевых портретов на кости, бумаге и картоне. Интересующий нас период характеризуется расцветом искусства миниатюрной живописи. Как писал Н.Н. Врангель, в России «количество миниатюр, исполненных в царствование Александра I, превышает в десятки раз всё, что сделано раньше и после» [2, с. 523]. По словам Г.Н. Комеловой, «причиной их [миниатюр] популярности стал новый этап общественного развития и связанная с ним демократизация портретного искусства, в распространении которого были заинтересованы более широкие социальные слои» [7, с. 23]. Бесчисленные батальи способствовали распространению миниатюрных портретов, исполнявших роль современных фотокарточек «на память». Их, с изображением любимых, брали на поле боя, оставляли ждавшим в тылу жёнам и матерям, заказывали победители по возвращении с войны.

Миниатюристы этого времени достигли особого мастерства. Известны имена наиболее талантливых и популярных портретистов как отечественных, так

и представителей россики: Д.И. Евреинов, М. Зацепин, П.А. Иванов, П.Ф. Соколов, М.И. Терехов, Ж.-А. Беннер, И.А. Винберг, П.Э. Рокштуль, П.О. Росси и др.

Миниатюра, сочетающая в себе функции как полноценного станкового портрета, так и «небольшой эстетически оформленной вещи» [4, с. 14], свидетельствует не только об особой поэтичности и камерности мира дворянского сословия, но и о всеобщем воодушевлении, свойственном русскому народу в эпоху Отечественной войны 1812 года. Военное сословие, являющееся в ту пору самым уважаемым, на которое возлагались большие надежды, нашло особое отражение в этом изящнейшем из искусств. В военном портрете миниюристам удалось сконцентрировать на небольшом кусочке кости главные качества русского императора, генерала, офицера того времени – отвагу, мужество, гордость, уважение чести мундира, сопутствующее им романтическое видение мира.

Ограничения, связанные с малым форматом произведений миниюристов, даже способствовали запечатлению основных качеств человека александровской эпохи. В миниатюрных портретах редко встречается индивидуальная психологическая трактовка характера – главной целью миниюристы ставили сходство с моделью и тщательное изображение знаков отличия. Вместе с тем, можно говорить, что мастера этой области искусства сумели изобразить поколение в целом. Миниатюрный портрет не только передавал то «как было», но и программировал «как должно было быть», вселяя веру и духовную бодрость в тех, кто оставался ждать воинов с победой.

Героические модели, как правило, представлены в мундирах, с орденами, но не на фоне битвы, а в период «постгероический». Чертой, свойственной военной миниатюре, выделяющей её в ряду других, был яркий колорит, а также даже некоторая декоративность. На открытых цветах мундиров (чёрный, зелёный, синий, красный) контрастно выделялись награды, золотые шнуры эполет, серебряное шитьё. Романтическое настроение создавалось выражением лиц портретируемых и «вспомогательными» приёмами. Часто волосы воина развеваются, словно от сильного порыва ветра, а сам герой изображён на фоне бурного, покрытого облаками неба. Свою роль играла композиция. Миниюрист не имел возможностей станковиста и ставил перед собой иные задачи, но если в его работах и встречалась динамика, то именно в военном портрете. Порой фигуры резко развёрнуты, а модели явно красуются перед зрителем.

В портретах Александра I, первого солдата Отечества, первого воина и защитника Родины, образца для подражания всей армии, мундир, орденские знаки играли ведущую роль, формировали его «должный» облик. Императорский портрет и военный оказались тесно связаны не только иконографически, но и духовно. Среди русских художников распространение получила иконография француза Ж.-Б. Изабе (1767–1855). Она отвечала всем возможным требованиям – молодой (уже не юноша, но в самом расцвете сил) и прекрасный император-освободитель, вдохновлённый воин-защитник своего народа и Отечества, победитель в генеральском мундире с орденами Св. Андрея Первозванного (совмещён со знаком английского ордена Подвязки), Св. Георгия IV степени, прусским орденом Железного креста, австрийским орденом Марии-Терезии, шведским орденом Меча, серебряной медалью за 1812 год. В крупнейших собраниях России хранятся варианты таких портретов императора кисти П.Э. Рокштуля (1764–1824) (1817, ГИМ, Москва), А.П. Рокштуля (1798–1877) (1817, ГТГ), И.А. Винберга (?–1851) (1823, ГИМ), неизвестного портретиста (нач. 1820-х, ГМПИ) и др. Художники по-своему трактуют образ императора. Замечательный миниюрист П.Э. Рокштуль в моно-

хромной акварели сумел выразить психологическую глубину, человечность и поэтичность изображённого. Сын художника, А.П. Рокштуль, ставший впоследствии придворным живописцем, академиком, создал более заурядное изображение, несмотря на его яркий колорит и видимую решительность императора.

Миниатюры не только являются собой историческую и художественную ценность, но также свидетельствуют о популярности самого портретируемого. Самым распространённым в то время был образ полководца М.И. Голенищева-Кутузова, чей авторитет возрос после победоносного изгнания Наполеона из России. Оригиналом художникам-миниатюристам нередко служила гравюра – профильный портрет работы С. Карделли. Вынужденное изображение полководца в профиль (М.И. Кутузов потерял правый глаз в битве при Алуште в первую русско-турецкую войну) придавало его портретам особое триумфальное звучание.

Среди многочисленных изображений «спасителя Отечества» заслуживает внимание парный профильный портрет работы неизвестного художника в тондо с профилями генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова и генерала П.Х. Витгенштейна. По периметру одного из образцов данной миниатюры (1813, ГМП) расположена надпись: «Се образъ храбрости Россійскаго народа. Тот живъ, безсмертенъ тот, Отечество кто спасъ». Портрет написан декоративно, светотеневая моделировка почти отсутствует. При этом художнику удалось передать узнаваемые индивидуальные черты моделей. Портрет наглядно демонстрирует специфические особенности миниатюры, вызванные сложностью работы с малым форматом, а также задачами, поставленными перед миниатюристом. Несмотря на то, что модели изображены в профиль, их ордена и медали, среди которых особое внимание привлекает «жалованный» миниатюрный портрет императора Александра I, «выложены» на плоскости, параллельной поверхности миниатюры, в фас.

Интересна по своему содержанию миниатюра неизвестного мастера «М.И. Кутузов перед портретом А.В. Суворова» (1813–1814, ГЭ) с композицией «портрет в портрете». Иконография восходит к русскому станковому парадному портрету XVIII столетия, когда изображённому сопутствовал вдохновляющий (обычно скульптурный) образ предшественника в императорских портретах, или царствующего монарха в портретах подданных. На миниатюре Кутузов сидит за столом с картой в руках перед портретом А.В. Суворова. Заключённое в раму изображение Суворова выглядит не менее реалистичным, чем Кутузова, которое, в свою очередь столь же декоративно, как и портрет на столе. В ГИМе имеется аналогичная миниатюра, но изображающая Кутузова перед бюстом императрицы Екатерины II (1810-е). Скульптурный бюст последней не стоит на столе перед полководцем, как может показаться, но изображён на холсте в профиль в позолоченной раме. Подобные, редкие для миниатюрного искусства, композиции должны были напоминать о преемственности, о наследовании великой екатерининской эпохе.

Значительную роль в создании «галереи» миниатюрных портретов героев сыграл упоминаемый выше миниатюрист П.Э. Рокштуль, создававший в основном профильные монохромные изображения. В ряду его произведений выделяется уникальная серия генералов, награждённых боевым орденом Св. Георгия (Н.Н. Раевского, А.И. Остермана-Толстого, М.С. Воронцова и Я.П. Кульнева) (все кон. 1810-х, ГИМ).

Яркими образцами русского военного миниатюрного портрета можно назвать произведения одного из лучших мастеров своего времени, итальянца по происхождению, П.О. Росси (1761/1765–1831). Известно всего восемь его миниатюр.

тюрных портретов участников антинаполеоновских кампаний, однако, они не только поражают зрителя виртуозной живописью, но и изображают глубокие, взволнованные образы («Портрет графа С.Г Строганова» (кон. 1810-х, ГРМ)).

Живопись М. Зацепина (1786-после 1847), бывшего крепостного графа Н.П. Шереметьева, отличается декоративностью. Художник часто использует не характерный для искусства миниатюры прямоугольный формат. Произведения Зацепина донесли образы царевича К.Д. Багратион Имеретинского (1813, ГЭ), графа П.И. Ивелича (1823, ГЭ), М.Н. Кожина (1826, ГИМ) и др.

Нельзя утверждать, что до нас дошли изображения всех наиболее выдающихся действующих лиц Бородинского сражения и Отечественной войны 1812 года в целом. Однако, среди миниатюр из главных собраний страны есть портреты, не считая названных, П.И. Багратиона, Ф.П. Уварова, И.А. Фонвизина, А.П. Ожаровского, И.В. Васильчикова, П.П. Лопухина, П.П. Ланского, В.И. Апраксина, А.-Ф. Ланжерона, Д.В. Голицына, А.Н. Муравьева, Н.О. Сухозанета и др.

И всё же, гораздо больше сохранилось портретов, значимых в каталогах музейных собраний как «Портрет неизвестного генерала», «Портрет неизвестного офицера» или же просто «Артиллеристы». Невозможность атрибуции не умаляет достоинств самих моделей, изображённых подчас весьма наивно, напротив, ещё раз напоминает нам о подвигах и героизме безвестных героев великой эпохи.

Принятые сокращения

ГИМ – Государственный Исторический музей, Москва
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея, Москва
ГМП – Государственный музей А.С. Пушкина, Москва
ГРМ – Государственный Русский музей, Санкт-Петербург
ГЭ – Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
SF – собрание SEPHEROT Foundation (Лихтенштейн)

1. Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Серия живопись XVIII–XX веков. Т.1. Портретная миниатюра XVIII–начала XX века / авт. вступит. ст. и сост. Л.И. Певзнер и И.М. Сахарова. – М.: Красная Площадь, 1997. – 264 с.
2. Врангель, Н.Н. Очерки по истории миниатюры в России / Н.Н. Врангель // Старые годы. – 1909. – Октябрь. – С. 509–573.
3. История России в портретах. Частное собрание русской миниатюры конца XVIII–XIX века: каталог выставки / авт. и сост. С.А. Подстаницкий. – М.: Арт Бридж, 2010. – 272 с.
4. Карев, А.А. Миниатюрный портрет в России XVIII века / А.А. Карев. – М.: Искусство, 1989. – 256 с.
5. Портретная миниатюра в России XVIII–XIX веков из собрания Государственного Исторического музея / авт. вступит. ст. и сост. Т.А. Селинова. – Л.: Художник РСФСР, 1988. – 360 с.
6. Портретная миниатюра XVIII–XIX веков из собрания Государственного музея А.С. Пушкина / авт. вступит. ст. и сост. Л.А. Карнаухова и А.Б. Руднева. – СПб.: ЭГО, 1997. – 216 с.
7. Портретная миниатюра в России XVIII–начала XX века из собрания Государственного Эрмитажа / авт. вступит. ст. и сост. Г.Н. Комелова и Г.А. Принцева. – Л.: Художник РСФСР, 1986. – 336 с.
8. Портретная миниатюра из собрания Государственного Русского музея. XVIII–начала XX века: [каталог] / авт. вступит. ст. и кат. К.В. Михайлова и Г.В. Смирнов. – 2-е изд. – Л.: Художник РСФСР, 1979. – 452 с.
9. Портретная миниатюра из частных собраний / авт. вступит. ст. и сост. С.А. Подстаницкий. – М.: Издательский дом Руденцовых, 2007. – 221 с.
10. Селинова, Т.А. Михаил Зацепин. Художник-миниатюрист / Т.А. Селинова. – М.: Минувшее, 2010. – 160 с.
11. Селинова, Т.А. Петр Росси. Русский миниатюрист / Т.А. Селинова. – М.: Минувшее, 2005.
12. Селинова, Т.А. Художник П.Э. Рокштуль / Т.А. Селинова. – М., 2005. – 200 с.

И.П. Михайлова

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПОЭТА, ВОИНА В.Ф. РАЕВСКОГО

«Художественные произведения об Отечественной войне 1812 года складываются в единое мозаичное полотно» [5, с. 10], передающее общую картину героического времени. Первые поэтические отклики, намного опередившие прозу, появились в печати еще до завершения военной кампании 1812– 1813г. Разбуженные «грозой двенадцатого года» музы не молчали... Как писал В.А. Жуковский:

В рядах отечественной рати,
Певец, по духу знавший бой,
Стоял и с лирой боевой

И мщенье пел для ратных братьий.

События войны 1812 года, еще не ставшие историей, нашли отражение в творчестве уже известных к тому времени поэтов Г.Р. Державина и В.А. Жуковского, в стихах участников военных действий Ф.Н. Глинки и Д.В. Давыдова, а также в произведениях менее известных, ныне забытых авторов. Уже в 1813 г. были изданы две эпические поэмы о великой битве Бородинской: Д. Глебова «Сражение при Бородине» и Н. Телепнева «Наполеон в России». В 1812–1824 гг. опубликованы (в основном, в журналах) стихотворения В. Анастасевича, П. Лобысевича, Н. Иванчина-Писарева, И. Великопольского, А. Висковатова, В. Маркова. Эти поэтические отклики являются своеобразным документом эпохи, содержат темы, мотивы и оценки, предвосхищающие более поздние и более известные произведения. Они и сегодня представляют интерес не только для специалистов узкого круга, но и для всех, кому дорога историческая память. Среди поэтов «с пламенной душой», прикоснувшихся к «событиям исполинским», видевших «первые буквы того, что вполне прочтает потомство на скрижалях истории человечества»[4, с. 390] был наш земляк – Владимир Федосеевич Раевский. В историю он вошел с почетным званием «первый декабрист», потому что стал первым арестованным по делу декабристов за свою антиправительственную деятельность до восстания на Сенатской площади. Раевский, как поэт, при жизни не был известен, т.к. успел опубликовать совсем незначительное число произведений в журналах: «Украинский вестник», «Украинский журнал», «Дух журналов». Большинство же его стихотворений сохранилось благодаря тому, что они были найдены при аресте Раевского и приобщены к следственному делу. Один из первых исследователей жизни и творчества поэта П.Е. Щеголев отмечал, хотя «его стихи и не оказали влияния на развитие русской поэзии, но они заслуживают некоторого внимания, как безыскусственное и искреннее свидетельство о настроении, которое охватывало тогда не одного Раевского, но и других его современников»[7, с. 1].

В.Ф. Раевский родился 28.03(8.04).1795г. в слободе Хворостянке Старооскольского уезда Курской губернии (ныне Губкинский район Белгородской области), в семье помещика. В возрасте восьми лет поступил в Московский университетский благородный пансион, в котором обучался с 1803 по 1811 гг. В эти годы Московский университет и пансион были центром общественной мысли. Идейная атмосфера, в которой жило московское студенчество, характеризовалась критическим отношением к крепостнической действительности, интересом к истории Греции и Рима, к отечественной литературе и истории государства российского. После окончания пансиона в 1811 г. Раевский был зачислен в Дворянский полк при 2 кадетском корпусе в Петербурге. В мае 1812 г. выпущен прапорщиком, а в июне, с начала Отечественной войны 1812 года, сразу же оказался в гуще событий. Доблестно выполняя воинский долг, Раевский был участником 11

сражений. Вот как он сам писал об этом в «Собственноручной биографической записке»: «1812 году мая 21 из дворянского полка выпущен был прапорщиком артиллерии в 23 арт. бригаду, в 23 батареиную роту. Я явился в 1-ю Армию в Виленской губернии, в м. Видзы. Во время кампании я получил за Бородинское сражение прапорщиком золотую шпагу за храбрость и за десять сражений, где действовала артиллерия, Анну 4 класса, чин подпоручика и поручика. За отличие 23 батареиная рота, в которой я служил, за кампанию в 1812 г. получила отличие на кивера и офицерские золотые петлицы»[3, с. 243].

Отечественная война 1812 года оставила неизгладимый след в душе Раевского. «Я служил государю и отечеству 11 лет, я видел войну... выслужил чины и отличия военные трудом и ревностью»[1, с. 214], - так писал о себе Раевский в «Протесте», который был приобщен к следственному делу. Увиденное и пережитое на полях сражений нашло отражение в его стихах, посвященных 1812 году и выразивших патриотический пафос времени. Видимо, к одним из самых ранних стихотворений следует отнести «Песнь воинов перед сражением». При жизни поэта произведение не было опубликовано. Как отмечал П.С. Бейсов, исследователь творчества Раевского, «стихотворение сохранилось в его бумагах, захваченных жандармами при аресте в 1822 г.»[3, с. 243], и было приобщено к следственному делу. Дата написания указана 1812–1821 гг. Кроме того, существуют разные редакции текста и разные названия: «Песнь воинов перед сражением» и «Песнь воинов перед битвой». Это позволяет увидеть результат творческого поиска, многократных изменений в ходе «шлифовки» текста. В «Песни воинов перед сражением» поэт доносит до читателя удивительную атмосферу патриотического подъема, охватившего всех участников накануне сражения:

Завтра грозный час отмщенья,
Завтра, други, станем в строй,
Не страшно битвы приближенье,
Тому, кто дышит лишь войной!..

Стихотворение наполнено презрением к врагу, непоколебимой верой в грядущую победу. Залог победы – вся история России, страницы ее военной славы, среди которых: «батыевы могилы», «сарматов плен, шведов рок»... Поэту удалось выразить единство духа русских солдат: для каждого дело чести – выполнение воинского долга, готовность принести жизнь на алтарь отечества:

Судьба нам меч вручила,
Чтобы покой отцов хранить.
Мила за родину могила,
Без родины поносно жить.

Обращает на себя внимание местоимение «мы», неоднократно употребленное в тексте и показывающее единение солдат. Позднее, с новой силой, оно прозвучит в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Бородино».

Следует заметить, что жанр песни был популярен в литературе Отечественной войны 1812 года. Хотя авторские песни ориентировались на народную солдатскую поэзию, но, тем не менее, как справедливо замечает В.Г. Базанов, народность этих песен «условна, они не идут прямым образом от фольклора. Рассчитанные в конечном итоге не столько на песенное исполнение, сколько на декламационное произношение, военные песни звучат местами необыкновенно торжественно, как гражданские оды и думы»[2, с. 119]. Эта особенность также была характерна для «Песен...» Раевского. «Элегии на смерть юноши» создавалась Раевским между 1812 и 1916 гг. В ней романтическое воспевание подвига воина, погибшего в бою:

Изломан меч окровавленный,
И спутник-конь осиротел,
И ратных голос отдаленный
От холодной скорби онемел.
Ужасно над его главою
Враг лютой стрелы рассыпал!
Мечом и грудью стальною
Он путь к победе пролагал.

Заключительные строки стихотворения звучат как клятва:

Друзья! А наш обет герою –
Как жены, слез не проливать...,
Но с первой бранною трубою
В рядах врагов – наш долг отдать!

Отечественной войне посвящено: «Послание Г.С. Батенькову» и «Послание». Отныне сердце поэта будет жить «вечной памятью двенадцатого года»[6, с. 58]. Неслучайно, в письме Раевского, адресованном Г.С. Батенькову в октябре 1860 г., добавлен постскриптум: 6 октября 1860 г. В 1812 году в этот день мы разбили корпус Мюрата. Я весь день был в деле». Эти строки написаны почти через 50 лет после окончания войны, но время не властно над памятью. И через столько времени страшные картины войны вновь возникали перед глазами:

Когда губительной рукою
Война носила смерть и страх
И разливала кровь рекою
На милых отческих полях, -
Тогда в душе моей свободной
Я узы в первый раз узнал
И, видя скорби глас народной,
От соучастья трепетал...

Дружеское послание – любимый жанр Раевского, превращенный им в гражданскую проповедь. Послание отличается подчеркнутой сдержанностью, лаконичностью. Произведения Раевского, посвященные Отечественной войне 1812 года, обнаруживают тяготение к поэзии одической, к традициям XVIII века. Также, к сожалению, для них характерна некоторая незавершенность. Но нельзя не согласиться с В.Г. Базановым, считавшим, что «некоторая шероховатость стихотворений не должна смущать читателя, так как ритмически однообразные и бедные рифмою они производят впечатление своей искренностью и новизной проблематики»[1, с. 129].

С сентября 1813 по ноябрь 1814 гг. Раевский находился в походах в Варшавском герцогстве. По возвращении из-за границы «поступил в адъютанты к корпусному начальнику артиллерии. За болезнью вышел в отставку и через год определился штабс-капитаном в 32 Егерский полк. В начале 1821 г. произведен в майоры»[3, с. 243]. К этому времени Раевский приобрел блестящую репутацию в армии, отличался гуманностью к подчиненным. В формулярном списке сказано: «По службе и в хозяйстве хорош, способности ума имеет хорошие, пьянству и игре не предан, – знает немецкий и французский языки, математику и другие науки»[1, с. 28]. Последнее место службы Раевского – Кишинев. Здесь он познакомился с А.С. Пушкиным. Из всех лиц, с кем приятельски общался Пушкин в Кишиневе, Раевский занимал особое место. О взаимоотношениях Пушкина и Раевского рассказано П.Е. Щеголевым в его известной работе о «первом декабристе»[7, с. 3]. Характеристика эта основана преимущественно на воспоминаниях о

Пушкине И.П. Липранди, близкого друга обоих поэтов, и стихотворениях Раевского. Много испытаний и лишений в дальнейшем выпадет на долю Раевского: арест, заключение в Тираспольской крепости, ссылка в Сибирь... Умер Раевский 8.07(20).1872. Похоронен в с. Олонки, в Сибири. Но навсегда он, «любовью чистою к отчизне возбужденный», останется человеком благородным, честным, сохранившим верность убеждениям. И, несомненно, боевое крещение, полученное в «огнях сражений», дало ему, поэту и воину, силы мужественно и достойно пройти «путь чести благородный».

Тема Отечественной войны 1812 года золотыми буквами вписана в мировую историю и литературу. Сколько бы лет ни прошло, писатели и поэты разных времен и народов обращались, и будут обращаться к великим событиям, которые не теряют своего значения за давностью лет. И навсегда в памяти потомков останутся те поэты, «которые стояли в рядах отечественной рати». И среди них – «свидетель россос смелых силы» – Владимир Федосеевич Раевский.

1. Базанов, В. Г. Владимир Федосеевич Раевский / В.Г. Базанов. – М., 1949.
2. Базанов, В.Г. Вольнолюбивое общество любителей русской словесности / В.Г. Базанов. – Петрозаводск, 1949.
3. Бейсов, П.С. Раевский В.Ф / П.С. Бейсов // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. – Ульяновск, 1949.
4. Глинка, Ф.Н. Очерки Бородинского сражения / Ф.Н. Глинка // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. – М., 1987.
5. Михайлов, О.Н. «Недаром помнит вся Россия» / О.Н. Михайлов // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. – М., 1987.
6. Пушкин, А.С. Полководец. Полное собрание сочинений / А.С. Пушкин. – М, 1965.
7. Щеголев, П.Е. Первый декабрист Владимир Раевский. Из истории общественных движений в России в первой четверти XIX века / П.Е. Щеголев // Библиотека «Общественной пользы». – № 4. – СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1905.

О.В. Седельникова
ВОЙНА 1812 Г. В ПАРИЖСКИХ ЗАПИСЯХ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА
А.Н. МАЙКОВА 1842–43 ГОДОВ

Отечественная война 1812 г. дала мощный импульс к развитию самосознания русского общества. Его последствия проявились во всех сферах общественной и культурной жизни России первой половины XIX в. и во многом определили характерные особенности миропонимания большинства представителей российской культуры этой эпохи. В литературе и искусстве это вылилось во множество прямых обращений к осмыслению этой войны и образа Наполеона, постепенно ставшего в контексте русской культуры символом крайнего индивидуализма. Важное место занимала эта тема и в нехудожественных жанрах, в частности, в письмах и дневниках представителей русской культуры, посещавших Францию и Париж. А. Н. Майков не становится здесь исключением: пусть в его путевом дневнике нет подробных размышлений об Отечественной войне, ее виновниках, участниках и последствиях, но вольно или невольно эта тема возникает в дневниковых записях неоднократно в связи с описанием различных парижских впечатлений и представляет важную информацию как для понимания диалектических особенностей мировоззрения А. Н. Майкова, так и для изучения особенностей самосознания русской интеллигенции середины XIX в.

В 1842 г. А. Н. Майков окончил университет и дебютировал в литературе, опубликовав сборник «Стихотворения Апполона Майкова». Опыты молодого поэта получили высокую оценку критиков [2, 9]. В августе 1842 г. Майков вместе с

отцом отправился в путешествие, в ходе которого он посетил Данию, Францию, Швейцарию, Италию, Германию, Чехию. В Россию он вернулся лишь в марте 1844 г. [1, с. 454; 3, с. 8, 25–26].

Путевой дневник Майкова (отдельные фрагменты путевого дневника А.Н. Майкова опубликованы мною [7, с. 117–146; 8]). В случае цитирования из этих фрагментов ссылки даются на издания. В остальных случаях представлены ссылки на рукопись [6]) интересен тем, что принадлежит эпохе становления поэта, становления творческого и человеческого (к тому моменту ему исполнился 21 год), периоду особенной открытости впечатлениям извне. Дневник представляет собой сравнительно небольшой документ – сорок два листа *in folio*, сшитых в тетрадь. В нем отражены события первых шести месяцев путешествия с августа 1842 г. по март-апрель 1843 г., о чем свидетельствует авторская датировка на одном из последних листов [7, л. 37]. Записи фиксируют впечатления молодого поэта от многодневного морского плавания из Кронштадта до Гавра, включившего посещение Копенгагена, переезд в Париж и пребывания в столице Франции, двухнедельное путешествие в Италию через Швейцарию и Альпийские перевалы, первые месяцы жизни в Риме. Парижские записи отражают первые, беглые, но самые яркие впечатления молодого путешественника от непродолжительного знакомства с Францией: 31 августа 1842 г. Майковы приплыли на корабле в Гавр, не позднее 5 / 14 сентября они добрались до Парижа [7, с. 120, 122], где провели месяц и 6 октября / 24 сентября выехали в Рим [5, л. 33 об.].

Анализируя содержание путевого дневника, необходимо принимать во внимание внешние условия и в связи с этим – авторские задачи. Огромный поток впечатлений и ограниченность во времени заставляет Майкова быть кратким и лаконичным в формулировках. Отсутствие возможности запечатлеть в дневнике все и желание сохранить хотя бы самое важное заставляет его автора производить строгий отбор жизненного материала, особым образом структурировать и обобщать впечатления [11]. Этот факт необходимо учитывать при рассмотрении интересующих нас записей – появление в дневнике уже свидетельствует о значимости их содержания в контексте формирования особенностей мировоззрения поэта.

Общественные взгляды молодого А. Н. Майкова нельзя однозначно охарактеризовать как последовательно западнические или славянофильские. Уже в первой половине 1840-х гг. в его сознании складывается основной круг идей, предопределивший его сближение в 1860-е гг. с идеологами почвенничества и близкую дружбу с Ф. М. Достоевским [10, с. 35–47, 75–90]. Дневник отражает характерные особенности мировоззрения молодого Майкова и выявляет диалектизм его суждений о большинстве вопросов, стремление отойти от однобоких оценок и сформировать полноценное представление о том, что видит вокруг. Интерес к европейской культуре и безусловное уважение к ее высоким достижениям соседствует с критическим восприятием характерных проявлений повседневного быта европейских народов и различных проявлений общественной жизни. Критическое отношение особенно явно обнаруживает себя в парижской части путевого дневника Майкова и воспроизводится в письмах родным [10, с. 79–84]. Франция и Париж становятся в его сознании самым ярким проявлением сущности современного состояния жизни Запада, главным образом, в аксиологической плоскости. Поэт неоднократно подмечает поверхностность и непостоянство французов [7, с. 123]. Бегло анализируя особенности французской общественной жизни последних десятилетий, выраженные в памятниках архитектуры Парижа и их судьбе, Майков обнаруживает за внешней «кипячкой европейской жизни» странную бессмысленность и безыдейность движения, обусловившую деструктивность культурных

процессов в настоящем. Знаки высоты духовного развития французского народа Майков видит лишь в прошлом, осматривая соборы Парижа, которые, порой, поражают его своим совершенством и выраженным в них напряжением духовных устремлений [7, с. 125–126].

Знакомство с Францией становится для Майкова значимым моментом в процессе уяснения собственной национальной самобытности, особой формой самопознания. Вследствие этого в содержательную структуру дневника вводится проблема культурного самоопределения. Здесь Майков, очевидно, ориентируется на карамзинскую традицию, обозначившуюся в «Письмах русского путешественника». Страницы дневниковых записей, а еще более писем родным и друзьям, посвященных описанию Франции, полны сравнений с Россией, Петербургом, русской историей, памятниками культуры, отражающими последовательность исторического движения и активность духовного подвижничества россиян, тогда как последние события французской истории демонстрируют забвение национальной идеи. Подтверждение того Майков находит в самой трагически противоречивой судьбе многих осмотренных памятников архитектуры. Особенно характерно здесь размышление о судьбе Пантеона, переделываемого при очередной смене политической системы из храма в общественное здание [7, с. 127].

На фоне общего критического отношения к проявлениям общественной и культурной жизни современной Франции показательными становятся замечания Майкова, связанные с войной 1812 г., еще памятной как лично пережитое событие ныне живущими поколениями русских и французов. Первое упоминание о Наполеоне связано с тем, что путешественник осмотрел Дом Инвалидов: «Видел гробницу Наполеона и вспомнил Пушкина: “Хвала! Он русскому народу / Высокий жребий указал!”» [7, с. 128]. Майков лаконично передает весь комплекс возникших у него ассоциаций короткой цитатой из стихотворения А. С. Пушкина «Чудесный жребий совершился» (1821). Важно, что образ Наполеона вызывает в сознании автора дневника подобный ход мыслей: Отечественная война 1812 г. стала не проклятием, но великим моментом в истории России.

Через несколько листов в списке осмотренных памятников Парижа Майков упоминает о посещении панорамы московского пожара 1812 г. Она вызывает его восхищение:

«Вид очаровательный! рисунок верен натуре, воображение может придать верности и пламени, пожирающему здания. Вспомнил здесь о маменьке: она бы пролила слезы при виде кремлевских башен, внезапно окружающих ее ото всюду; тщетно стараешься заглянуть сверху и снизу – где же Париж, который сейчас шумел предо мною – он исчез; его вовсе не видать; вы на одной из кремлевских башен, далее идут его стены, зубцы, там колокольни, индейские и византийские куполы; каменный москворецкий мост, под которым струится вода, так что слышит-ся ее падение. <...>» [7, с. 129–130].

Грандиозное полотно французского художника-баталиста Ж.-Ш. Ланглуа, открывшего жанр панорамы для батальной живописи, было выставлено в 1839 г. в выставочном павильоне на Елисейских Полях и вызвало восторг и удивление зрителей [4, с. 480]. Майкова, унаследовавшего от матери, коренной москвички, искреннюю любовь к Москве, приятно удивила историческая достоверность и объективность изображения старой русской столицы французским мастером, характеризующая в его сознании здесь нацию в целом. Очевидно, что если бы художник позволил себе нарушить достоверность и внести коннотации, связанные с переживанием последующего поражения французов, картина бы произвела противоположное впечатление и дополнила бы список национальных недостатков.

В письме родным, описывая это яркое впечатление, Майков оставляет важный для нас комментарий:

«<...> замечательно, что это первая картина из похода Наполеона в Россию. Версаль наполнен изображением его побед в Германии, Италии и Африке, но из этого похода есть только “*Bataille de Smolensk*”; заметьте, *bataille*, а не *prise*. Скромно и верно, оттого и удивительно» [5, л. 33 об.].

Путешественника, подмечавшего ранее все более негативные стороны национального характера французов, приятно удивило само обращение к теме Московского похода, закончившегося столь печально как для Наполеона, так и для Франции в целом. Объективность взгляда Ланглуа заставило Майкова вспомнить увиденную им в галерее Версаля картину «*Bataille de Smolensk*», видимо, написанную этим же художником. В названии полотна его поражает именно словоупотребление «*битва*», а не «*взятие*», отражающее историческую перспективу столь печального для России события войны 1812 г. В результате осмысления этих фактов неожиданно для себя Майков начинает видеть французов в новом свете – нацией, способной к объективному взгляду на недавние исторические события. Последнее позволяет автору дневника осознать положительные стороны национального самосознания французов.

Эти размышления получают развитие в другой записи, посвященной сопоставлению Вандомской и Александровской колонн:

«Колонна *Вандомская* – самая высочайшая из Парижских колонн, но ниже Александровской, и менее достойна уважения, ибо сложена из камней, а та есть кусок цельного гранита. Прекрасная мысль поставить наверху этой колонны маленького капрала в том костюме, как он его создал, и в этом отношении, как ни мысли толпа по выполнению, эта статуя лучше Ангела в длинной, глупой рясе, поставленного на Алекс<андровской> колонне. По-моему бы у нас надобно было поставить не Ангела, а статую Александра: пусть бы два соперника имели бы на двух площадях Европы одинакие монументы, ибо славы отнять ни у того, ни у другого нельзя; пусть бы они как бы переглядывались между собою, вознесшись в области знатны. Французы, значит, умеют ценить людей, а мы, мы все говорим: «Так Богу угодно». Если Богу было угодно дать нам силу сломать рог Наполеона, так Богу ставить памятники ни с чем не сообразно» [7, с. 131].

Высказанные здесь суждения отражают особенности позиции Майкова по отношению к хорошо знакомой ему концепции славянофилов. В них намечается любопытная диалектика соотношения личного и общенационального, государственного. Автор дневника ценит способность французов признать значение исторической личности и уважать масштаб ее деяний. Вследствие этого ему кажется неуместным то, что Александровскую колонну венчает не скульптурный портрет Александра I, в царствование которого Россия «сломала рог Наполеона», а статуя Ангела. Это свидетельствует о том, что Россия еще не научилась уважать отдельную личность и признавать ее достоинства. Подобное положение человека в обществе, по мнению Майкова, неизменно тормозит культурное развитие нации и мешает совершенствованию общественных отношений вследствие отсутствия баланса между частными устремлениями отдельной личности и масштабными государственными задачами. Уточнение этой мысли, касающейся необходимости изменения ценностных приоритетов в сознании российского общества, выражено Майковым в размышлениях по поводу военных учений, за которыми он наблюдал на Елисейских Полях:

«<...> отличит<ельный> характер парада у нас – поглощение индивидуального частного лица общею массою, уничтожение всех, идеи человека в каждом

лице, для составления одной общей идеи. Здесь, напротив, свобода в том состоит, что каждый есть лицо, имеющее сознание самого себя, не только как части целого, а живущего для себя. Такое положение ближе к идеалу человечества; положение вещей у нас имеет результатом только силу массы, силу государства как целого <...>» [7, с. 130].

Осмысление Отечественной войны 1812 г. и ее последствий, возникающее в путевом дневнике Майкова в контексте соприкосновения с фактами французской культуры, дает любопытный результат. С одной стороны, оно подчеркивает величие и национальное достоинство русских, но не умаляет французов, а позволяет увидеть положительные проявления их национального самосознания. Таким образом, культурная память о войне будит определенный ракурс размышлений, развивает самосознание русской интеллигенции, позволяет, как в волшебном зеркале, лучше увидеть себя и свои национальные особенности, не только подчеркнуть достоинства, но выявить недостатки и наметить пути их преодоления.

1. Баевский, В.С. Майков Аполлон Николаевич / В.С. Баевский // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь. – Т. 3. – М., 1994. С. 453–458.
2. Белинский, В. Г. Сочинения Ап. Майкова // Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. – М., 1953 – 1959. – Т. 6. – М., 1955. – С. 7–31.
3. Златковский, М. Л. А. Н. Майков. 1821–1897 г.: биографический очерк / М.Л. Златковскчий. – Изд. 2-ое, значит. дополненное. – СПб., 1898.
4. Ланглуа, Жан-Шарль Военная энциклопедия: в 18 тт / Жан-Шарль Лангуа. – Т. 14. СПб., 1914. – С. 480.
5. Майков, А.Н. Письма родителям / А.Н. Майков // ИРЛИ. – № 16994.
6. Майков, А.Н. Путевой дневник 1842 г. / А.Н. Майков // РО ИРЛИ. – № 17305.
7. Майков, А.Н. Путевой дневник 1842–1843 гг. (Публикация О. В. Седельниковой) Часть 1. / А.Н. Майков // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. / отв. ред. Т. С. Царькова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – С. 105–146.
8. Майков, А.Н. Путевой дневник 1842–43 гг. Часть 2 (Публикация О. В. Седельниковой) / А.Н. Майков // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 гг. / отв. ред. Т. С. Царькова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – С. 401–437.
9. Плетнев, П.А. Стихотворения Аполлона Майкова / П.А. Плетнев // Современник. – 1842. – XXVI. – С. 51.
10. Седельникова, О.В. Ф. М. Достоевский и кружок Майковых / О.В. Седельникова. – Томск, 2006.
11. Седельникова, О.В. Интертекстуальность дневниковой прозы (на материале путевого дневника А.Н. Майкова 1842–43 гг.) / О.В. Седельникова // Вестник Том. Гос. ун-та. Филология. – 2011. – № 2 (14). – С. 110–121.

С.И. Лякишева

А.С. КАЙСАРОВ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Спустя 50 лет после событий Отечественной войны, с февраля 1863 года на протяжении 7 лет военные события реконструировал за письменным столом на страницах романа Л.Н. Толстой – с ежедневной головной болью, зачастую – температурой, поднимающейся от волнения за своих 500 героев, из которых априорно представлял 200 подлинных исторических лиц. «У меня недели две как сделались приливы к голове и боль в ней такая, что я боюсь удара» – писал он брату С.Н. Толстому в феврале 1867 г. В дневниковой записи 23-летней жены Л.Н. Толстого Софьи Андреевны – подтверждение его состояния: «Левочка всю зиму раздраженно, со слезами и волнением пишет». В Яснополянской библиотеке хранятся сотни книг со следами работы Л.Н. Толстого: отчеркивания в тексте графитным карандашом или ногтем, испещренные мелкими записями поля, загнутые углы страниц. В титанической работе над романом писательский труд Толстой сов-

мещал с работой библиотекаря, историка, архивного работника, общественного деятеля. Многолетняя работа писателя над монтажом разных сцен с «первообразами», как говорил об исторических лицах сам автор, изучивший книги по теме войны, позволяет теперь исследователям переосмыслить фрагменты военных событий с обращением к известным или новым, иногда – забытым, «теневым», именах людей, роль которых переоценить невозможно.

В романе единственный раз, в сценах Бородинского сражения, упоминается имя Андрея Сергеевича Кайсарова (XXII гл., ч. 2, т. III), который всего лишь читает стихотворение Кутузову. Обратив внимание на второстепенного героя, и изучив современные исследования, имя А.С. Кайсарова можно отождествлять с деятельностью походной типографии. О А.С. Кайсарове и деятельности русского штаба в 1812 г. писал Ю.М. Лотман, внесший много нового в понимание литературно-общественного движения преддекабристской эпохи. Стилистику военноподходной типографии изучал И.Ю. Фоменко. Основательно работал над темой военной публицистики 1812 года А.Г. Тартаковский. К этой теме обращались Р.Е. Альтшуллер, С.В. Березкина. Несмотря на множество работ разных исследователей, целостной картины о деятельности важного агитационного центра общенационального значения и объеме работы в нем А.С. Кайсарова до сих пор не складывается. Неслучайно Л.Н. Толстой будто вскользь упоминает о «второстепенном» герое с довольно загадочной, непростой судьбой, представив его, однако, в числе немногих воспроизведенных в романе исторических лиц, которые составляли окружение Толстого.

А.Г. Тартаковский в работе «Военная публицистика 1812 г.» писал: «Чем был занят Кайсаров при Кутузове, Л. Толстой, по всей видимости, не знал, как не знала того толком вся современная ему и отчасти позднейшая историография». Можно не согласиться с этим утверждением – случайных лиц в романе нет. Спустя 50 лет после Отечественной войны, во второй половине XIX в., значимость имени человека уже можно было оценить по достоинству. Скорее, это авторская «вуаль», один из писательских приемов. Андрей Сергеевич Кайсаров - профессор русского языка в Дерптском университете, доктор истории и медицины, принадлежавший к дворянской фамилии Тамбовской губернии, родился в 1782 г. Воспитывался в Московском университетском благородном пансионе вместе с В.А. Жуковским и А.И. Тургеневым, с которыми сохранил впоследствии дружественные связи. Не окончив курса в университете, в 1796 г. он поступил на военную службу, в 1799 г. вышел в отставку и продолжил образование за границей: слушал лекции в германских университетах, посетил Англию, где прошел курс врачебных наук в Эдинбургском университете и получил степень доктора медицины. Кроме того, в Англии Кайсаров занимался сбором материалов для русской истории, на основе которых в 1806 г. написал докторскую диссертацию «Об освобождении крепостных в России», показав крепостное право как сильный тормоз для экономического роста России.

С наступлением Отечественной войны 1812 г. он вновь поступил на военную службу, заведовал походной типографией - этот период косвенно и запечатлел Л.Н. Толстой в романе «Война и мир».

В начале 1812 г. Кайсаров и другой профессор Дерптского университета, Ф.Э. Рамбах, в докладной записке Барклаю де Толли высказали идею, в которой изложили свое мнение о значении печатного слова. Они брали на себя обязательство издавать «Ведомости» для армии на русском и немецком языках. Барклай де Толли содействовал созданию агитационного издания, по сути решавшего воспитательную задачу среди солдат. По-другому не могло быть иначе – он сам много

читал, рекомендовал чтение офицерам, издал циркуляр, в котором предлагал командирам частей приучать офицеров к чтению, особенно по военному искусству. В минуты душевного кризиса в ожидании отставки в сентябре 1812 года Барклай де Толли писал жене из Тулы: «Готовься к уединенному и скудному образу жизни, продай все, что ты сочтешь излишним, но сохрани только мою библиотеку, собрание карт и рукописи в моем бюро» [1, с. 80]. Проект дерптских директоров всецело в начале войны одобрил Александр I.

Итак, путь походной типографии начался с г. Дрисса под началом Баркляя де Толли. Ответственные за агитационный центр Кайсаров и Рамбах закупили два станка, шрифт, наняли 12 типографских рабочих и присоединились к действующей армии в Дриссе. По мере смены местонахождения Главной квартиры штаба переезжала и походная типография. По сведениям энциклопедии «Отечественная война 1812 года», в декабре 1812 года походная типография завершила свою полугодовую деятельность, и ее оборудование Кайсаров сдал в Виленский университет. Очевидно, деятельность агитационного центра была продолжена уже с другими типографскими станками.

При М.И. Голенищеве-Кутузове типография стала основным центром публицистики. А.С. Кайсаров, стоявший во главе походной типографии, сплотил в работе авторов летучих изданий, озабоченных положением народа и исполненных высоких патриотических устремлений. Рядом с ним находился А.И. Михайловский-Данилевский. С 8 августа 1812 года он вступил в Санкт-Петербургское ополчение с назначением адъютантом к М.И. Голенищеву-Кутузову, вел журнал военных действий и иностранную переписку Генерального штаба, участвовал в Бородинской битве. Вместе с ним Кайсаров пережил трагические дни отступления армии после Бородинского сражения и оставление Москвы. В своих записках Михайловский-Данилевский запечатлел подробности 2 сентября, когда с братьями Кайсаровыми и И. Скобелевым он въехал в опустевшую столицу, через которую вскоре предстояло пройти русским войскам и где «толпы народные волновались, как волны морские». Им пришлось наводить порядок на улицах, раздавать народу брошенное оружие и уговаривать оставшихся жителей спешно покинуть город.

К публицистической деятельности А.С. Кайсаров привлек и других ярких и многогранных личностей – офицера А. Ф. Воейкова, поэта и переводчика П.А. Габбе, М.Ф. Орлова, А.А. Щербинина. В подготовке текстов принимал участие и В.А. Жуковский. Сведения о каждом из них имеются в энциклопедическом словаре А.И. Серкова «Русское масонство 1731-2000», что подтверждает их принадлежность к масонству. Это же отмечает и А.Г. Тартаковский в своей блестящей работе «Военная публицистика 1812 г.» [2, с. 211]. Была ли в этом своя закономерность – открытый вопрос, слишком труден для объективного анализа «микс» исторических событий с религиозными, общественными и политическими направлениями. И это тоже завуалировал в романе «Война и мир» Л.Н. Толстой. В книге «За фасадом масонского храма» автор, рассказывающий о роли масонов в экономической и политической жизни, пишет: «Пожалуй, наиболее ярко отразил двойственное впечатление русской интеллигенции от масонства Лев Толстой. Писатель основательно интересовался доктринами «братства». Его, в частности, привлекала теория совершенствования личности, полемика масонов с религиозными догмами. В романе «Война и мир» с исторической скрупулезностью отражены проблемы русского масонства накануне и в момент наполеоновского нашествия» [3, с. 288].

Издательской специализацией походной типографии являлся выпуск военно-патриотической литературы, из них неоспоримый приоритет принадлежал армейским летучим изданиям. Тексты листовок перепечатывались газетами и издава-

лись в качестве приложений, часто в искаженном виде. Всего за июль–декабрь 1812 г. было выпущено около 80 таких листовок. Они содержали поденные записи о передвижениях армии, военных столкновениях, потерях противника и трофеях (с намеренным преувеличением), с осени 1812 г. описывали бедственное положение французской армии.

С сентября в штабе армии составлялись журналы военных действий и отсылались в Петербург на имя царя. Их копии хранились в канцелярии Главной квартиры и были доступны сотрудникам походной типографии. Обширный фактический материал они заимствовали для публикаций, дословно или в свободном переложении, в «Известиях» – это еще одна разновидность продукции походной типографии. Их целью было разъяснение важных военно-политических проблем событий 1812 года. В «Известиях» составлялись тексты с обобщающими военно-политическими оценками, агитационные призывы, публицистические размышления. Тексты без витиеватой высокопарности и сусальной приторности были доступными для восприятия и производили сильное моральное воздействие на читателей. Артиллерийский офицер И. Радожицкий в своих записках отзывался об армейском издании с приказом Кутузова от 29 октября: «Слова, как небесная манна, подкрепляли бодрость духа воинов, ослабевающих от изнурения, и, оживляя их мужеством военачальника, производили чудеса, непостижимые для обыкновенных людей» [4, с. 272].

В ходе войны условия отхода войск в глубь страны были тяжелыми, биваки были кратковременны, и издания агитационной литературы затруднялось. После назначения М.И. Кутузова главнокомандующим российской армии в походной типографии налачился выпуск новых изданий, увеличены тиражи листовок, организовано их оперативное распространение. Издания расходились и в России, и за границей. Тексты попадали на страницы газет, историко-публицистических сочинений о кампании и журналов, например, «Сын Отечества». Листовки отличались актуальностью содержания, сравнительно большим тиражом, оперативностью выпуска и распространения, кратковременностью использования. В них содержались тексты воззваний к солдатам армии противника, обращений к населению России, приказы главнокомандующего агитационно-политического содержания, разоблачения наполеоновских бюллетеней. Таким образом, в изданиях походной типографии главной темой становилось «опровержение лживых известий неприятеля» и «распространение тех идей, которые угнетенным народам знать нужно». Офицер Итальянской гвардии из корпуса Е. Богарнэ Цезарь Ложье в своих записках свидетельствует: «19 июля. Движение на Березино. Находим по дороге множество печатных прокламаций, оставленных для нас русскими...». На следующий день Ложье записал: «В походе и в лагере только и разговору, что... про прокламации русских».

Тиражи листовок, пользовавшихся спросом, увеличивался, их распространение становилось более оперативным. В России армейские летучие издания не проходили правительственную цензуру. Таким образом, продукция военно-походной типографии была разнообразна по составу и состояла из материалов агитационного и ведомственного характера. Организаторам типографий приходилось заботиться о запасе бумаги, шрифта, красок, читать корректуры, определять количество экземпляров. Неизвестно, какие станки использовались в военно-походной типографии. Упоминается лишь, что при А.С. Кайсарове их было два, позже – три. В начале XIX века типографское дело весьма преуспевало за границей. В России шрифт преимущественно получали от зарубежных фирм, так как словолитное производство долгое время развивалось слабо. Наборщики и метран-

пажи производили наборные работы и составляли главную рабочую силу. В военно-полевых условиях важно было за короткое время отпечатать наибольшее количество экземпляров, следовательно, типографщики не делали акцент на качестве.

Последние месяцы жизни А.С. Кайсарова освещены источниками слабо. Значительный интерес представляет письмо от 18 мая 1813 г. А. Михайловского-Данилевского Н.И. Тургеневу: «Душевно жалею его. Он имел в Главной квартире много неприятностей и, желая показать подлецам, какая разница между ним и ими, пошел, и, храбро сражаясь, пал» [5, с. 178]. Можно предположить, что при Главном штабе у него были разногласия с руководством в вопросах социально-политического характера. Если для Кутузова незыблемыми оставались крепостнические отношения с несомненными дворянскими привилегиями, то для Кайсарова важно было просветительство и антифеодальные воззрения. Мощный импульс антикрепостническим убеждениям дала Кайсарову Отечественная война, острее обычного столкнувшая поколение дворянства с бесправным простым народом. Уважительное отношение к простым людям прослеживается в его письме И.Е. Дядьковскому от 14 января 1813 года: «И кого только не видел я, находясь при Главной квартире. И гвардейских, и армейский офицеров, и солдат, бившихся подобно львам, отважных партизан. Я видел и скромных учителей из уездных училищ, и надворных судей, и почтмейстеров, а вместе с ними и таких, как мы с тобой. Все они были полны мщения. Враг надругался над всем тем, что дорого нашему народу. Когда мы уходили из Москвы, нас провожали крестьяне, пришедшие из разных мест. Они просили у светлейшего милости дать им оружие для оберегания Москвы. В руках у многих из них были вилы. Война делалась всенародной...» [2, с. 81]. В летучих изданиях походной типографии под руководством А.С. Кайсарова подчеркивалась мысль о равной ответственности всех сословий перед иноземным вторжением. В приказе от 19 октября говорилось о решимости «всех сословий грудью стоять за любезное отечество». Заметна универсальность обращения «Известий» от 30 октября: «С поспешностью сообщается отечеству нашему о непрерывных успехах оружия нашего», или от 13 ноября: «К сведению всех и каждого из соотечественников» и т.д.

В связи с этим директору военно-походной типографии приходилось терпеть обиды от непонимания его убеждений. 30 сентября 1812 г. в походной типографии в «Известиях» напечатали сообщение о вооруженной борьбе крестьян. Через две недели, 15 октября в «Санкт-Петербургских ведомостях» по распоряжению Александра I текст о крестьянах-партизанах был исключен. А.С. Кайсаров становился неугоден царскому окружению, одно за другим последовали события, вследствие которых ему пришлось оставить Главный штаб армии. Он ушел в партизаны под начальство брата Паисия. 14 мая 1813 г. А.С. Кайсаров был смертельно ранен при взрыве порохового ящика: «При взятии отрядом их в Саксонии небольшого французского парка он задумал взорвать этот парк на воздух, не умел сделать этого, – и сам вместе с парком взлетел на воздух» [6, с. 147]. Летом 1813 г. в журнале «Сын Отечества» появилась «Некрология», посвященная А. Кайсарову, где обращено внимание на его заслуги перед отечественной культурой, упомянута его «достопамятная диссертация» об освобождении крестьян, отмечено, что «отечество и науки много в нем потеряли. По первым трудам его можно было ожидать со временем еще лучших».

Много подобных имен Л.Н. Толстой привел в своем романе. Когда соприкасаешься с книгами, над которыми Лев Николаевич переосмысливал события Отечественной войны, становится понятна степень его творческого опустошения в конце работы над произведением, так много сил и души, знаний и человечности

добросовестно и основательно, по-толстовски, вложено в роман, где даже второстепенные персонажи упоминаются как яркие герои Отечественной войны.

1. Кочетков, А.Н. М.Б. Барклай де Толли / А.Н. Кочетков. – М.: Московский рабочий, 1970.
2. Тартаковский, А.Г. Военная публицистика 1812 г. / А.Г. Тартаковский. – М.: Мысль, 1967.
3. Замойский, Л.П. За фасадом масонского храма: взгляд на проблему /Л.П. Замойский. – М.: Политиздат, 1990.
4. Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год, артиллерии подполковника И...Р...». – М., 1835. – Ч. 1.
5. Сборник старинных бумаг музея П.И. Щукина. – М., 1902. – Ч. 10.
6. Березкина, С.В. Кайсаров и Жуковский в военной типографии при штабе Кутузова / С.В. Березкина // Русская литература. – Л.: Наука. – 1986. – № 1.

Т.В. Котович

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИЛЬМА С. БОНДАРЧУКА «ВОЙНА И МИР» («1812» и «ПЬЕР БЕЗУХОВ»)

Фильм-эпопея Сергея Бондарчука «Война и мир» по роману Льва Толстого в 1965 году был удостоен Большого приза IV Московского международного кинофестиваля, а в 1968-м получил Премию американской академии киноискусства «Оскар». Фильм состоит из четырех частей: «Андрей Болконский», «Наташа Ростова», «1812», «Пьер Безухов». Предмет исследования – третья и четвертая части. Объект анализа – художественные средства построения кинопроизведения. Цель – выявление хронотопа (пространственно-временной структуры) фильма. Методы исследования – структурный и системный анализ.

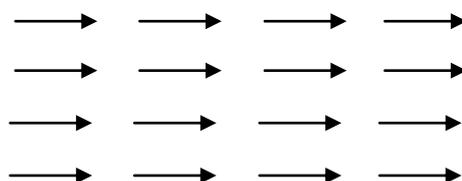
Вербальная модель исследуемых фильмов представляет собой систему из следующих параметров: I. сюжетный ряд; II. событийный ряд; III. пространство произведения; IV. время произведения; V. способ актерской игры; VI. способ монтажа фрагментов в фильме; VII. ритм; VIII. смысловой ряд; IX. особенности катарсиса.

Особенности построения сюжетного ряда. Сюжет фильма развивается последовательно и линейно, адекватно сюжету романа. Множество историй (семьи Болконских, семьи Ростовых, семьи Курагиных, семьи Безуховых, Багратиона, Кутузова и Наполеона, т.д.) происходит параллельно, едва пересекаясь или не пересекаясь совсем. Или сталкиваясь. Сюжет занимает небольшой хронологический интервал (от Аустерлица до пожара Москвы). Однако, благодаря тому, что историй множество, этот интервал невероятно насыщен, а значит, расширяется многократно. Каждая из этих историй существует в фильме пунктирно: нет развития определенной сюжетной линии, а есть точка ее начала, затем – точка кульминации и точка финала. Акцент перенесен на внутреннее развитие персонажа.

Бородинское сражение – батальное полотно – имеет самую большую и серьезную развертку в сюжетной линии фильма. Это – кульминация всего сюжетного ряда и находится она в золотом сечении фильма.

Пожар Москвы – основное содержание фильма «Пьер Безухов» - продолжение Бородинского сражения и еще один всплеск сюжета, усиление и дальнейшее развитие его. И, наконец, в финале – резкая перемена, своеобразный обрыв сюжета, сброс сюжета как некоей истории персонажей. И – выход в смысл произведения, в апофеоз.

Таким образом, мы наблюдаем построение в виде мерцающей последовательности, где сюжетные линии возникают и прерываются, уступая место друг другу, по единому вектору. Но поскольку сюжетных линий множество, то в подобной линейной мерцающей структуре возникает ощущение многоголосья.

«1812» и «Пьер Безухов» особенно показательны в этом. Сражение развивается из точки в точку, мы наблюдаем фрагменты развития, и только в финале узнаем о результате боя. Сюжетная линия «Пьера Безухова» еще более динамична: пожар и разграбление Москвы, гибель персонажей, освобождение Пьера из плена, гибель французской армии, восстановление Москвы.

Событийный ряд произведения. В фильме «1812» существует единое событие на всех персонажей. Фильм приобретает, с точки зрения события, форму круга, внутри которого происходят частные события персонажей. Эти частные события представлены в виде отдельных, почти не связанных друг с другом фрагментов единой целостности. Кинокамера как бы выхватывает моменты сражения.

Здесь есть два основных персонажа, Андрей Болконский и Пьер Безухов. Бой подан через их представление, их мысли и чувства. Оба они занимают значительное место в событийном круге, однако не весь круг. Последние стоп-кадры фильма свидетельствуют о наиболее общей картине: событие Бородинской битвы отражено не во внутреннем восприятии кого бы то ни было. Это – самостоятельная, ни от кого не зависящая реальность. Не зря Наполеон и Кутузов находятся как бы в стороне. Само событие становится отдельным явлением-существом с собственной имманентной судьбой. С. Бондарчук исследует этой самую имманентность, представляет это явление-существо с разных сторон. Подает это событие-существо как грозное и организованное изнутри. В нем нет ни одного элемента хаоса. В этом событийном круге всё и все подчинены всему и всем. Внутри круга существует взаимопроникновение плотных элементов.

«1812» – точка бифуркации, взрыв системы, взрыв всех прежних историй персонажей и всей прежней жизни. Далее – «Пьер Безухов» – следует распад системы. Главное событие фильма «Пьер Безухов» состоит в том, что элементы всей прежней целостности после взрыва разлетаются, и наступает хаос. Предстает картина разъятости, отчаяния, смятения и разных способов поведения персонажей. События представлены в фильме двояко: глазами Пьера и объективно (пожар Москвы) или только глазами Пьера (плен и расстрелы). Особенность же такого построения состоит в том, что состояние Пьера зеркально отражается в объективной картине события и наоборот.

В точке бифуркации определяется все последующее состояние после распада. То, что восстановится потом, исходит из того, к чему система готова и в каком качестве находилась на момент взрыва и распада. Победа в войне и последующее обновление всей системы заявлена в кульминационной точке фильма «1812». Как раз в самой середине фильма (из 1.17.46 всего хронометража этот эпизод приходится на 37.48 и длится до 41.36) располагается сцена встречи Андрея Болконского и Пьера Безухова в ночь перед сражением на Бородинском поле

под укрытием. Именно в этот момент Андрей утверждает, что результат боя зависит не от позиции и не от укреплений, а от того чувства, которое есть в каждом солдате, в каждом человеке. Это самое чувство – нравственное превосходство над противником – предопределяет будущее всей системы после пожара и в момент восстановления Москвы.

В фильме «Пьер Безухов» кульминационная точка приходится на эпизод встречи Пьера с Платоном Каратаевым. Будущее ощущение Пьером всеединства мира и своего со-участия в этом единстве, его обретение себя самого начинается как раз с этой встречи.

Разные способы поведения внутри бифуркации и хаоса связаны с наиболее важной темой, которая становится главной во всех четырех фильмах. Это – противостояние жизни и смерти, их взаимозависимость. Смерть как эссенция заявляется и обосновывается в фильме «Андрей Болконский». Жизнь как эссенция заявляется и обосновывается в фильме «Наташа Ростова». Столкновение двух сил – событие фильма «1812». Разрешение конфликта – событие фильма «Пьер Безухов».

Линия смерти в фильмах «1812» и «Пьер Безухов» развивается следующим образом: смерть старого князя Болконского – смерти на Бородинском поле – смерть князя Андрея – расстрел товарищей Пьера по плену – смерть Платона Каратаева – смерть Пети Ростова – смерти французов, бредущих по холодной дороге.

Линия жизни в этих двух фильмах развивается так: Наташа – земля – Пьер («Всё это я! Всё это во мне!») – Пьер, едущий в коляске по восстанавливающейся Москве – финал фильма.

Пространство произведения. Пространство фильма «1812» состоит из нескольких типов:

1) реальное пространство и события, происходящие в объективной реальности (камера документирует происходящее);

2) реальное пространство, но события видятся глазами персонажа (камера становится глазом Пьера Безухова или Андрея Болконского и документирует происходящее через них);

3) реальное пространство, но события подаются через ощущение (камера «прыгает» от брызжущего огнем ядра на лицо Андрея Болконского и назад, и, благодаря этим «скачкам» мы проникаем во внутренний мир персонажа, и происходит не документирование события, а его вспарывание и открытие);

4) ирреальное пространство с несколькими одновременными событиями (создается прозрачными наложениями кадров друг на друга, из чего возникает множественное изображение исчезающей, импрессионистской реальности в субъективном восприятии персонажа);

5) стоп-кадры крупных планов персонажей (солдаты во время Бородинского сражения) как констатации, фиксации смысловых узлов фильма;

б) закадровый текст: а) от автора-свидетеля подается как документ события и сюжета; б) от персонажа-свидетеля подается как ощущение (Пьера, Андрея, Наполеона, Кутузова); в) от автора, раскрывающего смыслы события.

аким образом, пространство строится витражно, где в каждом отдельном фрагменте присутствует своя логика. А логика всей целостности «1812»-го возникает из логики монтажа фрагментов в единство. «Пьер Безухов» строится по такому же принципу. Оба эти фильма отличаются от первых двух фильмов эпопеи,

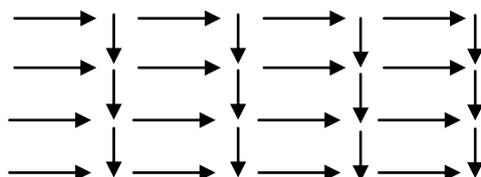
где пространство почти целиком объективно подается документирующей камерой. За исключением эпизодов «Небо над Аустерлицем» и «Дуб в Отрадном», которые выявляют внутренний мир Андрея Болконского и, как прием, получают свою полную реализацию в последних двух фильмах.

Время в производстве. Время в фильмах состоит из нескольких типов:

1) сюжетное время, которое представляет собой пунктир времени каждого персонажа. Оно фрагментарно, сжато, является не процессом, а точками. Эти точки занимают 1-2-3 минуты времени. Больше дается только наиболее важным для смысла фрагментам, которые превращаются в растянутое, подробное полотно. Так, Бородино и Пожар длятся наиболее долго и представляют время, состоящее из осколков разных фрагментов в мозаику.

2) внутреннее время персонажей, также состоящее из фрагментов. Оно выявлено с помощью закадровых текстов.

3) ирреальное время. Оно выпадает из сюжетного. Это – сны, видения, внутренние монологи. Это время врывается в сюжетное. Даже останавливает его. Оно существует как бы перпендикулярно сюжетному и вместе с сюжетным создает решетку времени.

4) в первых двух фильмах эпопеи есть социальное время, а в «1812» и в «Пьере Безухове» социальное время исчезает, уступая человеческому времени. Здесь это получает выражение: человек и мир, человек и метафизика, а не человек в социальных обстоятельствах.

5) метафизическое время, которое существует поверх всей системы разных характеристик времени в произведении. Это – время над облаками, на очень большой высоте.

6) бытийное время, которое выходит за пределы социума, за пределы катастроф, за пределы человека и распаивается в вечность.

Таким образом, пространство-время фильмов «1812» и «Пьер Безухов» представляет собой структуру: от конкретного места и времени сюжета (Бородино, Москва) – к пространству-времени события (единства, целостности всех сюжетных линий; концентрированности смыслов в круге) – к пространству-времени сферы (зеленый одуванчик-планета) – к пространству-времени метафизики.

Хронотоп произведения. Он представляет собой несколько уровней:

I уровень: место-время сюжета Бородино-Москва лета-зимы 1812 года. Открытые пространства чередуются с закрытыми, интерьерными. Открытые – грозная красота вулканической лавы. Цвет, свет, активная ярость огня, земли, золота. Закрытые пространства – в полутьме, в интимности или холодной пустоте (смерть старого князя и смерть Андрея в пространствах скупой театрализованной изысканности, белых подушек и белых одежд). Камера в закрытых пространствах фиксирующая, а в открытых – взлетающая и летящая над землей.

II уровень: имманентное пространство-время события, т.е. закономерность (логика) процесса сражения, пожара и т.д. Это пространство-время бифуркации, катастрофы, хаоса.

III уровень: пространство-время самого произведения как характеристика самой художественной ткани. Это – классический хронотоп. Однако а) пространство-время мозаично (клиповое, коллажное во времени, а в первых двух фильмах эпопеи наблюдаем еще и коллаж внутри кадра); б) в каждом кадре существуют отсылки к тексту романа по принципу ассоциации, когда зритель сам дополняет и расширяет пространство-время каждого эпизода.

IV уровень: пространство-время смысла произведения.

Способ актерской игры. Он проявлен только в режиме реальности: здесь и сейчас. Ирреальное время персонажа существует только с помощью текста за кадром. А мозаичность пространства возникает только с помощью монтажа эпизодов. Актеры документальны и всегда достоверны, они подчинены психологической традиции русской актерской школы.

Монтаж. В фильмах «1812» и «Пьер Безухов» кадр строится традиционно. Сшивка кадров происходит на двух принципах: последовательно и коллажно.

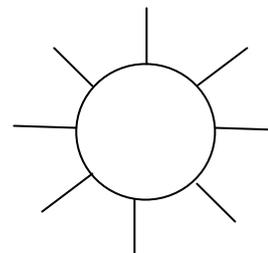
Ритм. В фильме «1812» ритм синкопический, движение малыми фрагментами. В фильме «Пьер Безухов» фрагменты более детализированные и развернутые, и ритм в нем – это ритм движения вулканической лавы, небystрый, наполненный, тяжелый. Однако в массовых сценах ритм убыстряется в сравнении с эпизодами немногочисленными и парными.

Смысл. Фильмы представляют собой панораму, внутри которой предстает парность судеб и персонажей. Персонажи разделены и спаяны на два лагеря, как жизнь и смерть. Жизнь возникает из зеленого одуванчика в начале эпопеи. Это – круг и шар, геометрия которых возникает и подспудно существует в фильме. Смерть возникает из явлений жизни. С такой точки зрения рассматривается и война. С. Бондарчука волнует не проблема батальности, у него нет гражданского пафоса, в фильме нет акцента и на торжестве победы. Смысл фильма состоит в исследовании шара жизни-планеты-живого с точки зрения метафизики, словно Некто приближает микроскоп и видит эти события, этих людей и этот сюжет, а потом снова отводит микроскоп. И снова предстает космос. Поэтому главная мысль всей эпопеи сосредоточена в крике Пьера: «И всё это я! Всё это моё! Всё это во мне!».

Особенности катарсиса. Катарсис возникает из смысла всей эпопеи, и сам этот смысл есть катарсис.

Война «завершается» у костра. Вокруг горящего огня располагается широкий круг людей. С разных концов к кругу тянутся лучами-нитями новые люди. Камера взлетает от лиц и фигур, устремляется вверх, и мы видим геометрическую фигуру целиком, а за кадром звучит их всеобщая трагическая и торжественная песня. Круг – это проекция шара на плоскости. Ответвлений-лучей у круга восемь, как знак восьмиконечной богородичной звезды.

Это – реальная на поверхности земли геометрия единства, целостности и всеобщности. Это – проекция космической метафизики на человеческое существование. И 1812-й год, и Пьер Безухов (равно как и другие персонажи) – частный случай общей закономерности мира и войны, гармонии и хаоса, жизни и смерти. В этом смысл и мудрость фильма Сергея Бондарчука.

А.А. Виноградов
ЗНАНИЕ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА
КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ ПАТРИОТИЗМА
(на примере знания студентами истории Отечественной войны 1812 года)

В 2012 году исполняется 200 лет Отечественной войне 1812 года. Наибольший вклад в победу над вероломным агрессором внесли славянские народы Российской империи (великорусский, белорусский и малорусский). Значение подвига народа в войне 1812 года весьма актуально в начале XXI века. Знание собственной истории – один из ключевых моментов в формировании самосознания и внутренней культуры человека.

Силами Студенческого научного общества Государственного университета Минфина России (Санкт-Петербургского филиала) [далее филиала] было проведено анонимное анкетирование студентов 1 и 2 курса дневного отделения филиала. Всего было опрошено 110 студентов из 7 учебных групп, что составляет большинство обучающихся на дневном отделении высшего профессионального образования студентов филиала. Анкетируемые не являлись специалистами в области истории России. Все опрошенные обучаются по экономическим и управленческим специальностям. Объём звонковой нагрузки по дисциплине История (История России) равняется 36 часам (лекций и семинаров).

В анкете было 5 вопросов [см. таблицу]:

Опрос о знаниях студентов Санкт-Петербургского филиала ГУМФ России истории Отечественной войны 1812 г.

№ п/п	Вопросы	Ответы				
		Всего ответов	Правильные	Неправильные		
				Нет ответа	Неверный ответ	Всего непра- вильных отве- тов
1	Войска, какого государства напали на России в 1812 г.?	110	110	0	0	0
		100%	100%	0	0	0
2	Кто возглавлял войска государства-агрессора напавшего на Россию в 1812 г.?	110	109	1	0	1
		100%	99,09%	0,91%	0	0,91%
3	Кто из русских государей возглавлял Россию в 1812 г.?	110	89	9	12	21
		100%	80,91%	8,18%	10,91%	19,09%
4	Какой город России являлся столицей в 1812 г.?	110	47	5	58	63
		100%	42,73%	4,55%	52,73%	57,28%
5	Назовите имена глав партизанского движения Отечественной войны 1812 г.	110	23	83	4	87
		100%	20,91%	75,45%	3,64%	79,09%
Итого:		550	378	98	74	172
		100%	60,73%	17,82%	13,45%	31,27%

Таблица составлена автором на основании анкетирования, проведённого в марте 2012 года среди студентов ГУМФ России (Санкт-Петербургского филиала).

Вопрос: войска какого государства напали на Россию в 1812 году? Ответ: Франции. Данный вопрос не вызвал затруднений у студентов. Количество правильных ответов составило 100%.

Вопрос: кто возглавлял войска государства-агрессора напавшего на Россию в 1812 году? Ответ: Наполеон Бонапарт. Данный вопрос также не вызвал затруднений у студентов. Количество правильных ответов составило 99,09%. Только один опрошиваемый затруднился ответить на этот вопрос.

Вопрос: кто из русских государей возглавлял Россию в 1812 году? Ответ: Александр I. Правильно на данный вопрос дали 80,91% опрошенных студентов. Среди студентов, не давших правильного ответа на данный вопрос, 8,18% анкетированных затруднились ответить, 10,91% анкетированных студентов дали неверные ответы. Среди неверных ответов были следующие: Николай I, Александр II и 1,82% студентов указали в качестве главы России в 1812 году Кутузова.

Вопрос: Какой город России являлся столицей в 1812 г.? Ответ: Санкт-Петербург. На данный вопрос ответить смогли всего 42,73% опрошенных студентов филиала. Среди анкетированных, давших неправильные ответы, 4,55% затруднились ответить, 52,73% дали неверные ответы. Единственным вариантом, указанным в качестве неверного ответа был ответ: Москва.

Вопрос: Назовите имена глав партизанского движения Отечественной войны 1812 г. Ответ: Давыдов Д., Дорохов И., Кудашев Н., Сеславин А., Вадбольский И., Непейцын С., Фигнер А., Четвертаков Е. Верно на данный вопрос ответили всего лишь 20,91% опрошенных студентов филиала (за правильный зачитывался ответ с указанием хотя бы одного имени партизанского лидера). Только несколько человек указали более одного имени командиров партизан 1812 года. Подавляющее большинство анкетированных неверно ответило на данный вопрос: 75,45% затруднились ответить, 3,64% дали неверные ответы. Среди неверных ответов были следующие варианты: Пожарский, Минин, Суворов, Кутузов и даже Судоплатов и Пономаренко.

Довольно низкие проценты правильных ответов на последние два вопроса из перечисленных показывают, что студенты, недавно закончившие школу, и, в большинстве своём, повторно изучавшие её в вузе, имеют существенные пробелы в знании истории Отечества.

Мы продолжим исследования знаний студентов филиала об истории Отечественной войны 1812 года. Но уже сейчас, на наш взгляд, следует рассмотреть вопрос об увеличении звонковой нагрузки по истории Отечества для студентов филиала, а возможно и студентов всех вузов России, а также для школьников, ведь история – главный источник патриотизма, помогающий формировать полноценных граждан, а не простых потребителей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агеев Александр Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова», г. Могилев.

Баталко Тамара Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и права УО «Витебский государственный технологический университет», г. Витебск.

Бектинеев Шамиль Иршатovich – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ГНУ «Институт истории Национальной академии наук Беларуси», г. Минск.

Белецкий Андрей Игоревич – студент исторического факультета УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск.

Бережинский Владимир Григорьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального военно-исторического музея Украины, заместитель председателя правления Всеукраинской общественной организации «Украинский институт военной истории», г. Киев.

Билевич Ольга Ивановна – старший преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест.

Бовтович Михаил – краевед, г. Полоцк.

Борисенко Марина Геннадьевна – студентка исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Боровко Ванда Юлиановна – доктор филологических наук, профессор кафедры белорусской литературы УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск.

Бруханчик Екатерина Анатольевна – кандидат исторических наук, преподаватель УО «Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка», г. Минск.

Буболо Антон Францевич – краевед, г. Верхнедвинск.

Вилейко Сергей Леонидович – кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой культурологии УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы», г. Гродно.

Виноградов Антон Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского филиала ВГОБУ ВПО «Государственный университет Министерства финансов РФ», г. Санкт-Петербург.

Власова Наталья Викторовна – преподаватель Рязанского филиала ФГБОУ ВПО «Высшая школа народных искусств (институт)», г. Рязань.

Войтов Михаил Филиппович – старший преподаватель кафедры иностранных языков УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск.

Гапеев Дмитрий Сергеевич – курсант УО «Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь», г. Могилев.

Гладышев Владимир Степанович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала УО ФПБ «МИТСО», г. Гомель.

Горелов Владимир Иванович – кандидат исторических наук, начальник научного отдела фондовой работы Национального военно-исторического музея Украины, г. Киев.

Горидовец Владимир Владимирович – кандидат богословия, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и мировой культуры УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск.

Гребенкин Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры конституционного и административного права Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орел.

Громакова Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии Национального университета государственной налоговой службы Украины, г. Ирпень, Киевская область.

Донских Сергей Владимирович – кандидат культурологии, доцент, декан факультета туризма и сервиса УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы», г. Гродно.

Дулов Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск.

Елисеев Алексей Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Минского филиала Московского государственного университета экономики, статистики и информатики, г. Минск.

Ермалёнок Витольд Антонович – учитель истории ГУО «Миорская СШ № 3», г.п. Миоры.

Есюнин Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Хмельницкого областного краеведческого музея, г. Хмельницкий.

Егоров Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского юридического института ФСИН Российской Федерации, полковник внутренней службы, г. Псков.

Заневский Сергей Викторович – кандидат исторических наук, учитель истории СШ № 32 г. Гродно.

Захарова Екатерина Леонидовна – заведующий библиотекой УО «Полоцкий государственный аграрно-экономический колледж», г. Полоцк.

Иванова Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала УО ФПБ «МИТСО», г. Витебск.

Исакович Екатерина Викторовна – студентка исторического факультета УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск.

Карпекин Константин Григорьевич – магистр педагогических наук, главный хранитель фондов учреждения «Государственный архив Витебской области», г. Витебск.

Коровин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета, г. Курск.

Косов Александр Петрович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой культуры УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск.

Котович Татьяна Викторовна – доктор искусствоведения, профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск.

Кутырева Ольга Сергеевна – начальник отдела международного сотрудничества Санкт-Петербургского филиала ВГОБУ ВПО «Государственный университет Министерства финансов РФ», г. Санкт-Петербург.

Лапатиева Наталия Владимировна – ученый секретарь Национального военно-исторического музея Украины, г. Киев.

Лейберов Алексей Олегович – старший преподаватель кафедры всемирной истории Нежинского государственного университета имени Н.В. Гоголя, г. Нежин, Черниговская область.

Ленская Валентина Витальевна – кандидат исторических наук, доцент Криворожского национального университета, г. Кривой Рог.

Лефевр Людовик – доктор истории Университета Руаен, сотрудник Министерства культуры Франции, г. Париж, Франция.

Литвинович Анатолий Федорович – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской литературы и культуры УО «Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка», г. Минск.

Литвиновская Юлия Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники», г. Минск.

Лукашевич Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета, г. Минск.

Лякишева Светлана Ивановна – научный сотрудник музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», Тульская область.

Ляпин Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета, г. Екатеринбург.

Мандрик Иван Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск.

Михайлов Андрей Александрович – доктор исторических наук, доцент, научный сотрудник научно-исследовательского отдела военной истории Северо-Западного региона РФ Научно-исследовательского института Военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ, г. Санкт-Петербург.

Михайлова Ирина Петровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературы Курского государственного университета, г. Курск.

Мишина Анна Васильевна – аспирантка Российской Академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, г. Москва.

Мосейчук Людмила Ивановна – научный сотрудник ЦПРО Белорусского государственного университета, г. Минск.

Николаева Евгения Владимировна – студентка ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары.

Николаева Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск.

Новожеев Роман Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и педагогики Брянской государственной сельскохозяйственной академии, г. Брянск.

Одинец Людмила Савельевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин УО «Барановичский государственный университет», г. Барановичи.

Павлов Николай Ефимович – кандидат педагогических наук, доцент, заместитель директора по научно-методической работе филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный индустриальный университет» в г. Вязьма Смоленской области, г. Вязьма, Смоленская область.

Петров Дмитрий Николаевич – старший преподаватель кафедры международного права и иностранных языков Могилевского филиала ЧУО «БИП – Институт правоведения», г. Могилев.

Пивовар Николай Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск.

Подберезкин Филипп Дмитриевич – студент исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Подлипский Аркадий Михайлович – краевед, г. Витебск.

Поляков Сергей Ильич – заведующий филиалом Музея боевой славы Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника, г. Полоцк.

Потворов Иван Иванович – первый заместитель директора Департамента образования Брянской области, г. Брянск.

Путилова Евгения Викторовна – студентка исторического факультета Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, г. Екатеринбург.

Пушкин Игорь Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин УО «Могилевский государственный университет продовольствия», г. Могилев.

Рипянчина Валерия Юрьевна – студентка исторического факультета УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск.

Салеева Марианна Вячеславовна – кандидат философских наук, доцент кафедры романского языкознания Белорусского государственного университета, г. Минск.

Самусик Андрей Федорович – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории УО «Белорусский государственный экономический университет», г. Минск.

Седельникова Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Института международного образования и языковой коммуникации Томского политехнического университета, г. Томск.

Сидоренко Борис Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международного права и иностранных языков Могилевского филиала ЧУО «БИП – Институт правоведения», г. Могилев.

Смолик Александр Иванович – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусства, г. Минск.

Соколова Надежда Дмитриевна – аспирантка Российской Академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, г. Москва.

Стебурако Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры бизнес-коммуникаций Института бизнеса и менеджмента технологий Белорусского государственного университета, г. Минск.

Стрелец Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест.

Тихомиров Сергей Алексеевич – директор Вологодского регионального научно-исследовательского центра краеведения и локальной истории «Северная Русь», г. Вологда.

Устинова Екатерина Сергеевна – студентка исторического факультета УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск.

Цеске Эдгар – претендент на соискание научной степени, историко-философский факультет Латвийского университета, г. Рига, Латвия.

Цинкевич Алеся Александровна – аспирантка кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета, г. Минск.

Чаропко Станислав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», г. Гомель.

Черепица Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских государств УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы», г. Гродно.

Чернова Ольга Васильевна – кандидат исторических наук, доцент Пензенского государственного университета, действительный член Петровской академии наук и искусств, г. Пенза.

Чуракова Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института социально-гуманитарных и политических наук Северного Арктического федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск.

Шилало Кристина Васильевна – студентка исторического факультета УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск.

Шумейко Михаил Федорович – кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения Белорусского государственного университета, г. Минск.

Юрчак Денис Валерьевич – заместитель декана по учебной работе исторического факультета УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск.

Яковлева Галина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск.

Якубова Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского НАН Украины, г. Киев.

Янчаускас Томас Витаутасович – аспирант Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского, г. Пенза.

Научное издание

ВОЙНА 1812 ГОДА: СОБЫТИЯ, СУДЬБЫ, ПАМЯТЬ

Материалы международной научно-практической конференции

Витебск, 17–18 мая 2012 г.

Технический редактор *Г.В. Разбоева*

Компьютерный дизайн *Т.Е. Сафранкова*

Подписано в печать 11.05.2012. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 17,03. Уч.-изд. л. 25,18. Тираж 90 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования

«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».

ЛИ № 02330 / 0494385 от 16.03.2009.

Отпечатано на ризографе учреждения образования

«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

